ЧОКАН ВАЛИХАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ҚАЗАҚ ССР ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫ

Ш. Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖӘНЕ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ

Бес томдық шығармалар жинағы

4 том

ҚАЗАҚ СОВЕТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯСЫНЫҢ БАС РЕДАКЦИЯСЫ

Алматы 1985

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Собрание сочинений в пяти томах

том 4

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
КАЗАХСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
Алма-Ата 1985

63.3.(2к)
В 15

Составители:

Б. Е. Кумеков
В. Н. Настич
В. К. Шуховпов

Валиханов Ч. Ч.

В 15 Собрание сочинений в пяти томах. Том 4 — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985, с., 21,5 см.

В четвертый том нового издания входят работы Ч. Ч. Валиханова, созданные им в последние годы жизни (1860—1864 гг.), посвященные различным вопросам истории, этнографии, права, источниковедения, исторической географии, хронологии и генеалогии, материальной и духовной культуры народов Казахстана, Средней и Центральной Азии. Том завершает подборка архивных материалов из рукописного наследия ученого. Некоторые материалы публикуются впервые. Издание снабжено иллюстрациями, картами, генеалогическими таблицами, обширными комментариями и научно-справочным аппаратом. Рассчитано на историков, этнографов, философов, правоведов, языковедов, преподавателей школ и вузов, студентов, а также на широкий круг читателей.

63.3 (2 К) +63,5

В $\frac{0505040000-005}{406(07)-85}$ 014.85

2-е изд. Доп. и переработанное.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В четвертый том Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова включены произведения ученого, датированные 1860 годом и до конца его творчества, недатированные и предположительно относящиеся его перу публикации, а также часть архива ученого. Исторические и этнографические статьи, статьи по вопросам религии и источниковедческие разработки, статистические данные и генеалогические таблицы, описания и записки об историко-архитектурных памятниках, рецензии и библиографические заметки, наряду с произведениями в предшествующих томах, дают достаточно ёмкое представление о творческой лаборатории Чокана Валиханова, чей диапазон научных интересов был весьма широк и разнообразен. В настоящем томе помещены 47 статей и материалов ученого.

Генеральной концепцией мировоззрения Ч. Валиханова было глубокое понимание им необходимости сближения казахов с русским народом, сознание прогрессивного характера присоединения Казахстана к России и предвидение перспектив позитивного влияния России на прилегающие страны Востока. Движимый этими побудительными мотивами Ч. Валиханов освещал вопросы политической истории, торговой и дипломатической связи России как с Казахстаном, так и со Средней Азией, Джунгарией, Китаем.

Ученый проявлял большой интерес к письменным восточным источникам, содержащим важную и интересную информацию о средневековой истории Казахстана, этапах этнического развития казахского народа («Тарихи-Рашиди», «Низам ут-Таварих — сочинение кази Бейзави», «Абу-Наср Самани», «Хронологические выписки»).

Большое внимание Ч. Валиханов уделял исследованию материальной и духовной культуры казахского народа, происхождению религиозных представлений, истории распространения ислама в Казахстане и Средней Азии, при этом он вскрывал реакционную сущность ислама и разоблачал мусульманское духовенство. Эти вопросы нашли отражение в его статьях «Следы шаманства у киргизов», «Булгар на Волге», «О туркменах», «О мусульманстве в степи».

Общественно-политические взгляды Ч. Валиханова достаточно выпукло обозначились в одной из последних работ —«Записке о

судебной реформе». В ней Ч. Валиханов открыто осуждает антинародный характер судебной реформы, проведенной царским правительством в Казахстане в 60-х годах XIX века в интересах феодально-байской верхушки, и ищет пути облегчения тяжелой участи трудящихся масс.

В архивных материалах вызовут определенный интерес историко-этнографические и торгово-экономические сведения, содержащиеся в публикуемых впервые путевых заметках купца Любимова.

Статьи и материалы (за исключением впервые публикуемых) издаются по Собранию сочинений Ч. Ч. Валиханова, вышедшему в свет в 1961—1972 гг. Тексты прозведений ученого подготовлены: академиком А. Х. Маргуланом —«О мусульманстве в степи», «Записка о судебной реформе», «Словесность»; М. С. Турсуновой — «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи», «Следы шаманства у киргизов», «Дневной журнал 1855 г.», «Поездка купца Любимова»; Дж. Х. Кармышевой «Из «Тарихи-Рашиди», «Абу-Наср Самани», «Булгар на Волге», «Заметки об «Азиатском вестнике» и выдержки из него», «О туркменах», «Путешественники, бывшие в Средней Азии в средние века, и их реляции», «Родословное древо казахских ханов и султанов», «Хронологические выписки»; Т. Ж. Шоинбаевым —«О кочевках киргиз», «Аблай»; Г. Н. Валихановым —«Шуна-батыр (Авантюрист XVIII ст.)» и др.

Дополнительную работу по текстологии, исправлению и дополнению комментариев с учетом достижений современной исторической науки провели сотрудники Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова: Б. Е. Кумеков, В. Н. Настич, В. К. Шуховцов, И. В. Ерофеева, В. А. Моисеев, Н. Н. Мингулов.

Именной, географический и этнический указатели составлены В. Н. Настичем и В. К. Шуховцовым при участии Дж. Х. Кармышевой. Иллюстративный материал подготовлен С. К. Утениязовым и К. А. Власовым.

РАБОТЫ, НАПИСАННЫЕ В 1860-1864 гг.

ШУНА-БАТЫР

(Авантюрист XVIII ст.)

3 || Киргизская степь не только в прошлом столетии, но даже и теперь еще служит убежищем среднеазиатским рефюжье [*1], в прошлом столетии здесь скрывались недовольные и обиженные со всех сторон света: из татарской Сибири, из Кокана, Джунгарии и с низовьев Волги; кроме множества дезертиров из простого народа, здесь укрывались нередко и люди аристократического происхождения, принимались с полным гостеприимством и даже всегда сохраняли свое высокое положение в этой кочевой орде. Так: Аблай-хан, туркестанский принц, бежавший в степь; в половине прошлого столетия два несчастных джунгарских принца Дебачи [1] и Амурсана [2] бежали из своего отечества вследствие политических событий, были гостеприимно приняты в степи и получили тотчас [*2] целое киргизское поколение [найманов] в управление.

К числу таких знаменитых рефюжье принадлежит Карасакал [3], возмутивший башкирский народ в 1740 г. и выдавший себя в степи за Шуну [4], брата тогдашнего джунгарского хонтайши Галдан-Черена. В степи он нашел убежище [*3] у Кабанбай [5]-батыра из рода кара-керей и с помощью его получил в управление небольшой удел из поколения найманов и принял новое название Карахана. Это был один из загадочных и счастливых степных авантюристов. Поселившись в степи, он сделался опасен как для России, так и для Джунгарии: первая боялась, чтоб он снова не возмутил башкирского народа, вторая была напугана его самозванством: какой-то Шуна, погибший претендент на джунгарский престол, был так любим джунгарским народом, что последний готов был во
3 об. имя его || восстать против тогдашнего хана Галдан-Черена. Джунгарские калмыки часто осведомлялись у русских, не знают ли они, где Шуна? Выбежавший из Джунгарии [в] 1746 г. калмык Монго Усюмов показал русскому начальству, что калмыки желают иметь своим владельцем Шуну-батыра, который будто бы командует

[*1] *Рефюжье (франц).*— беглец, скрывающийся от преследования.

[*2] Против этого в рукописи стоит знак NB. Очевидно, автор хотел дополнить текст.

[*3] Против этого — знак NB.

русским войском; а если русское войско придет в Джунгарию без Шуны, то калмыки без боя не отдадутся *[4].

В 1748 г. у сержанта Комовщикова[6], бывшего в Джунгарии, один калмыцкий демичи Генден расспрашивал о бывшем брате Галдан-Черена Шуне-батыре, к которому будто бы желали идти в подданство нойоны — Дебачи и Эмаккули *[5], из которых первый бежал из Джунгарии в Киргизскую степь *[6].

Очевидно, что это была их мессия, и когда Карасакал, убежавший в степь, стал выдавать себя за Шуну, то Галдан-Черен стал сильно опасаться за свое спокойствие и даже подкупал одного значительного киргизского султана, Барака[7], убить этого самозванца. Впрочем, надо оговориться, что современники не могли определенно решить, действительно ли он самозванец или настоящий Шуна, и в преданиях настоящих жителей степи существует только один образ Шуны, а имя Карасакала утратилось. Предания эти очень замечательны. Шуну знают на всем пространстве степей, которые принадлежат России; воспоминания о нем сохранились в поэтическом рассказе алтайских калмыков и у киргизов, и у волжских калмыков; киргизы говорят только, что Сна-батыр натягивал
4 очень || тугой лук, который пробивал ... У волжских калмыков также есть предания о нем и, между прочим, о том, что он погиб в чернях, т. е. грязях устья Кумы. Самый большой рассказ о Шуне сохранился у алтайских калмыков. Мы заимствуем этот рассказ из «Томских Губ. Ведомостей»*[7].

По этому преданию, Шуна был калмыцкий богатырь и мудрец. Отец его Конгдайчь (т. е. джунгарский хан) имел еще сына Калдана *[8]. Шуна жил с наложницею Кара-Кыз, в которую влюбился брат его и женился на ней. Оскорбленный Шуна пригласил своих двенадцать друзей разгуляться по хребтам Алтая. Отъехав на одну версту от своего жилища, он рассказал им свое горе, натянул лук и пустил стрелу свою в юрту брата, стрела вонзилась в дверь; Калдан узнал по стреле ее хозяина и пожаловался отцу. Вечером Шуна возвратился с охоты; Конгдайчь призвал его к себе и велел, вырезавши ему лопатки и связавши сыромятными ремнями руки и ноги, бросить в подземелье, глубиной в 70 сажень. Это сделано было секретно, и никто не знал, куда девался любимец народа, только один старик, вхожий к хану, догадался об истине, сделал от своей юрты подкоп к темнице, и в продолжение семи лет питал узника. Сильный сосед и данник Конгдайча, черный калмык, узнавши, что не стало вещего богатыря Шуны, присылает к нему

---

*[4] Архив при областном правлении сибирских киргиз. Рапорт капитана Быкова, 30 октября 1746 г. *(Примечание Ч. Валиханова).*

*[5] Можно читать: *Эмакуме.*

*[6] Архив при областном правлении сибирских киргиз. Рапорт полковника Павлуцкого, 22 апреля 1748 г. *(Примечание Ч. Валиханова).*

*[7] 1858 г., № 29, ст. Вербицкого под заглавием: «Народные легенды кузнецких телеутов». *(Примечание Ч. Валиханова)* [У Валиханова: *кульчинских татар*].

*[8] То есть Галдана.

двух сорок, из которых одна была действительная, а другая — превращенная волшебством из вороны, с условием — если Конгдайчь отличит настоящую сороку от мнимой, то он, черный кал-
4 об. мык, будет платит ему дань по-прежнему, если || же не отличит, то перестанет. Конгдайчь запечалился. Но старик, принося Шуне пищу, рассказал ему о горе его отца; Шуна сказал: «Велика ли это мудрость отличить сороку от вороны! Ты посоветуй моему отцу поставить шест, а подле него навес и в ненастное время выпустить птиц; сорока полетит под навес, а ворона сядет на шест и закаркает». Таким образом птицы были разгаданы, и черный калмык остался данником Конгдайчу. Спустя два года после этого черный калмык опять присылает к Конгдайчу послов с таволожным кустом, чтобы отличить комель от вершины, опять Конгдайчь запечалился, и старик рассказал об этом Шуне; Шуна научил пустить куст на воду и тот конец, который пойдет вперед, будет вершина, а другой конец комель *[9].

Черный калмык опять остался данником, но через год он уже не загадку задает, а присылает железный лук, чтобы натянуть его. Однако лук был такой тугой, что никто этого сделать [не мог], бра-
5 лись тридцать человек || разом — и все безуспешно. Тогда Шуна научил своего старика заплакать перед ханом и сказать: «Своего батыра мы сами уничтожили, а теперь должны покориться даннику!» «Да не жив ли он?— спросил Конгдайчь. Надо посмотреть». Шуну вытащили из подземелья, он весь оброс мохом, плечи его зажили; но он отучился видеть солнечный свет, упал ниц и пролежал так целых полдня. Отец приказал вымыть его верблюжьим молоком и нарядить. Тогда Шуна спросил: «Для чего ты, родитель, меня, мертвеца, пошевелил?» Но отец, вместо ответа подал ему огромную чару вина. Богатырь выпил ее одним духом; подали другую чару — и эту он выпил и закусил целым бараном. Тогда отец передал ему свое горе. «Неси, родитель, лук»,— сказал Шуна.

Тридцать человек принесли лук. Он заложил тетиву одним мизинцем и лук погнулся. Тогда Шуна сказал отцу: «Ну, родимый батюшка, благославляй меня на путь: я тебе более не сын, ты мне не отец». С этими словами он оставил отечество. Далее рассказывается, что он был ханом Кокании, потом, посадив на кокандский престол одного из своих друзей, он отправился в Москву, к Алексею Михайловичу [9], который полюбил его, назвал краснощеким и подарил ему дворец. По другому преданию, также записанному миссионером Вербицким, это появление Шуны при дворе Алексея Михайловича объясняется бегством.

---

*[9] Миссионер Вербицкий [8], вероятно, записал предание неверно, по физическим законам должно было случиться наоборот. Эта же загадка встречается в другом калмыцком предании о девице Коокю. Ханские судьи, испытывая мудрость этой девицы, послали к ней дерево, со всех сторон обтесанное, чтобы узнала, где вершина, где корень. Коокю бросила его на воду, корень потонул, а вершина всплыла наверх. «Сын Отечества», 1822, № 7, ст. Воейкова «Описание калмыцкого народа». *(Примечание Ч. Валиханова)*.

Конгдайчь имел двух жен; от одной он имел сына Шуну и дочь Шюжды, от другой пятерых сыновей. По смерти Конгдайча между детьми возгорелось несогласие, братья составили заговор против Шуны, но сестра его, узнав о нем, предупредила Шуну, и он бежал под покровительство Алексея Михайловича; сестра была убита заговорщиками за открытие их замысла.

Мы имеем документ прошлого столетия, в котором рассказы-
5 об. вается почти тождественная история того же Шуны; именно || русское правительство, опасавшееся намерений Карасакала, отправило в 1745 году в Киргизскую степь башкира Тюкана ....*[10] Рассказ этого Тюкана свидетельствует, что приключения Шуны были тогда очень популярны и у киргизов. Вот, вкратце, рассказ Тюкана.

Карасакал, услыхавши, что Тюкан привез Барак-султану саблю и грамоту за его вступление в подданство России, пригласил Тюкана к себе для переговоров о том же. Тюкан прожил у него четыре дня. Карасакал, знатный старшина Казбек-бий, Кибайбай-батыр *[11], после народного совета, уполномочили Тюкана передать Оренбургскому начальству свою просьбу о принятии их в подданство России, обещаясь оказать помощь в случае нападения джунгарского владельца Галдан-Черена. Тюкан говорит даже, что [они] «того ради утвердились, дабы им к тому во всякой готовности быть, и всем в улусах своих около их состоящим людям приказ отдали, дабы они ездили и всякую потребность свою исправляли на жеребятах и к дальнейшей нужде неспособных лошадях, а хороших и к войне надежных имели бы в бережении».

«Что касается до состояния оного Карасакала, то он, как и сперва, в Киргизской орде ... о себе употребляет, якобы он умершего зюнгарского владельца хонтайши сын, именем Шуна, и благословит ... и такой-де силы ныне уже не имеет». Чтобы он не убежал, хонтайша дал ему сорок слуг и приставил стражи тысячу человек; но Шуна вместе с этими сорока слугами отбился от стражи, бежал через каракалпакскую и киргизскую степи к волжским калмыкам, к родной своей сестре, отданной в замужество за Аю-
6 ку-хана [10], и поселился у ней. Хонтайша, || проведав об убежище Шуны, писал к Аюке, чтоб он выслал беглеца; калмыки, желая угодить хонтайше, поймали Шуну и хотели уже выдать, но, сведав то, означенная его сестра удавила одного калмыка и как Аюке, так и прочим калмыкам сделала такой вид, якобы тот мертвый Шуна и умер, между тем сам Шуна с шестью калмыками и одним киргизом Кабаком бежал к кубанцам, а от них к туркам и принял ислам со странным заветом никогда более не говорить по-калмыцки. А из турков же нечаянным случаем попал он к таким людям, которые имеют у себя песьи головы, а ноги скотские и едят людей,

---

*[10] Пропущено одно слово, очевидно, фамилия Тюкана.
*[11] Искажение переписчика, следует: *Кабанбай — батыр*.

однако же и оттуда он ушел убегом и вышел в Россию, и был в Санк-Петербурге и Москве недолгое время; потом он пришел в Башкирию и жил двенадцать лет на *[12] ногайской и сибирской дорогах, в Ерматлинской и Каратабинской волостях, наконец, в 1740 году сделался виновником народного восстания.

В Башкирии «... он сказал о себе башкирцу Аладжай-Гулу, якобы он родом кубанец, имя ему Султан-Гирей, и с ним согласились башкирцев в бунт привесть». Испытавши неудачу, он бежал в Киргизскую орду; здесь он объявил себя Шуной, братом Галдан-Черена, что подтверждали находившиеся при нем калмык и киргиз Кабак, сопровождавшие его во время всех его странствований между кубанцами, турками и башкирцами. Киргизы и старшины их поверили этому и предоставили ему в управление две тысячи годных к войне людей из поколения найман, не считая жен и детей.

«Он же, Карасакал, разглашает о себе, якобы может снег и дождь напустить, а когда оное случится, то сказывает, якобы он напустил; также больных от разных болезней вылечивает, чем по-
6 об. неже и другими || своими ...довольно одаривают». По «происшедшей об нем славе», что он, Шуна, из Джунгарии выбежали к нему три года назад Бак-Кашка, а в прошлом году одноматерный брат Шуны, Баргай, который был еще в детстве по приказанию хонтайши ослеплен и сослан в ссылку. Баргай спрашивал у Тюкана, признает ли он Карасакала за Шуну, ... «размышляя по его карасакаловой природе, что он не только за Шуну, но и на калмыка не весьма схож, и состояние от калмыцкого весьма разнествует». Но Тюкан уклончиво отвечал ему, что он своего брата лучше знать должен; в самом же деле и Тюкан того мнения, что это не Шуна, и что он его «инакого» не может признать как башкирцем потому, что он по-калмыцки не говорит, «обхождения ни мало не знает», и речь его «самая башкирская, сибирской дороги». От роду ему, по-видимому, лет сорок *[13].

Несмотря, однако ж, на эту очевидность самозванства, Галдан-Черен напугался этого авантюриста. Слухи, что Шуна жив и находится в степи, распространились до самой Джунгарии, что свидетельствуют и выбежавший Бак-Кашка и Баргай, а также и приведенные нами выше расспросы калмыков у русских о достоверности слухов, что Шуна возвращается с русским войском. При таком неспокойствии умов в Джунгарии Карасакал , легко становился опасным для Галдан-Черена, так что после стал искать смерти Карасакала и подговаривал к тому [Барак-султана]. Барак-султан и Карасакал были «между собою согласны», но потом рассорились.

---

*[12] Против этого стоит знак NB.

*[13] Архив при Областном правлении Сибирских киргизов. Сообщения от Штокмана, 26 июня 1745 года. *(Примечание Ч. Валиханова).*

7 || Когда Барак-султан послал к Галдан-Черену в замену прежнего аманата своего сына Шигая, то Галдан-Черн обещал ему отпустить его сына Шигая, если он поймает мнимого Шуну, «... на что он, Барак, якобы и склонился, и, умыслив *[14] к поимке его, Карасакала, способ сговором за его Карасакала [сестру] его поймать». Барак действительно успел сговорить свою сестру за Карасакала, но последний, узнав его намерение, ездить к нему «стал опасен» и «за страхом» откочевал от Барака в отдаленную степь, в близость к поколению каракисек-аргын, именно к кочевьям Казбек-бия. Этот бий вместе с Кабанбаем, у которого он прежде в «охранении» жил и через которого больше он и в «усильство» и в славу вошел, обещались защищать его от нападения Барак-султана.

Нет сомнения, что Карасакал и Шуна — две личности различные, но тем еще загадочнее этот башкир, успевший своими смелыми замыслами привести в испуг Галдан-Черена. Предание волжских калмыков указывает на устье Кумы, как на место смерти Шуны; но в этом же архиве мы нашли известие, что Карасакал умер спокойно в степи; именно выбежавший из Киргизской степи [Каркаралинского округа]. Акбай Сундуков показал, что он был взят в плен из Грачевской станицы киргизами ведения Барина (Баргая), брата Карасакала, «башкирского возмутителя», *умершего назад тому два месяца* (из бумаги к Неплюеву, 31 июля 1749 года). И то и другое известия могут быть верны, если они относятся к различным личностям.

*[14] Против этого стоит знак NB.

ИЗ «ТАРИХИ-РАШИДИ»

375 || «Тарихи-Рашиди», находящаяся в музее Академии наук, переведена с персидского на тюркский, кашгарский язык Мухаммед Садыком Кашгари [1] по повелению кашгарского хаким-бека Юнус Таджи تاجی, сына Искандер-Вали, сына Эмин-Ходжи. (О Эмин-Ходже см. [Иакинф], Описание Джунгарии и Восточного Туркестана). По желанию этого бека переведена прежде Мухаммед Садыком и «Тарих-Табари»[2] (с арабского) تاریخ طبری. Кроме того, переводчик известен и оригинальным сочинением «Тазкиряи-Ходжакан»[3] تذکرهٔ خواجکان, которое составлено им по повелению жены кашгарского хаким-бека Османа, сына Хади-бека Яркендского (میرزا هدی بیك), Рахима-Агачи رحیمه اغاچه [в] 1182 г. гиджры.

Автор оригинала «Тарихи-Рашиди» Мухаммед Хайдар, сын Мухаммед Хусейна, известный более под именем мирза Хайдар Куркана, был визирем кашгарского хана Абдул-Рашида. Он происходил из фамилии Дуглат от эмира Булачи امیر بولاجی دوغلات, которая была в родстве с ханами. Ханы брали жен из этого рода.

2 || Автор в 13 лет, [перенесший] ужасные страдания для сироты был взят на воспитание султаном Сагид-ханом, که یتیم لیك نیك نهایتی دور [*1], который так любил его, что он [Хайдар] возбуждал зависить детей и братьев [хана]. 24 года он находился при хане и по его позволению [упражнялся] в словесности, поэзии и в сочинении книг, и в рисовании, и в мастерстве золотых дел и возбудил удивление народа, [стал мастером] в токарном искусстве, в кузнечном [деле], в дипломатике. «[Если] говорить обо всем, что знаю, [то] границы [повествования] пойдут далеко.. В простом обращении, в беседе, в войне, в стрельбе из лука, в охоте и وانچه که امور سلطنت دا [*2]— во всем этом я был ученик хана. Но от детей его я перенес много худых дел», [— пишет о себе Мухаммед Хайдар].

Султан Махмуд [4] в 899 г. [хиджры] в Шаше отдал за отца авто-

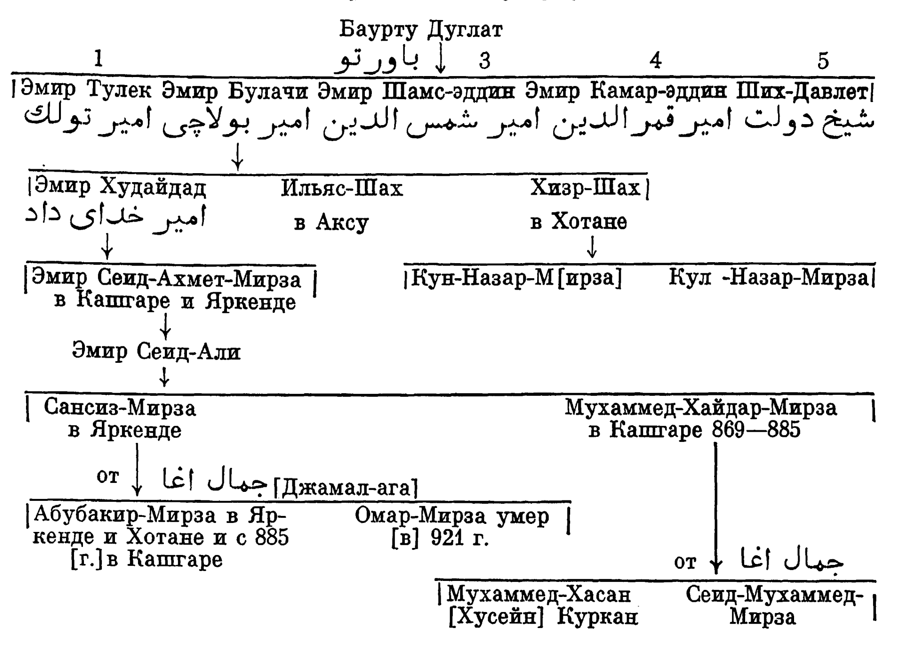
---

[*1] Что было благим завершением его сиротства. *(Перевод В. К. Шуховцова).*

[*2] А также в делах правления.

ра старшую сестру свою Хуб-Нигар-ханым خوب نگار. Здесь отец его 9 лет был правителем, и на 9 году управления родился автор.

1 об. || Генеалогия кушбеги Могул-улуса или Чете.



Хайдар говорит, что деяния монгольских ханов были известны по преданиям, [но] в его время уже не было людей, знавших даже по устной передачи и [сумевших] так сохранить их. Он начал в 951 г. гиджры свою историю, приняв за образец изложение Зафар-намэ[5] Шереф-эддина ظفرنامهٔ شرف الدین. История начинается Туглук-Тимур-ханом, основателем Могул-улуса и первым принявшим ислам; ибо от Чингиса до Туглук-Тимура упоминают все лучшие историки, но история последующих ханов [была] не известна. «Тарихи-Рашиди» разделяется на два отдела: первый заключает [историю отрасли джагатаидов, происшедшей от Туглук-Тимур-хана]. Вторая часть содержит обстоятельства [из жизни] самого автора: то, что слышал, видел о ханах и султанах джагатайских, о узбеках и о неприятностях, которые имел он от своих родственников — ханов. Потому автор повторение событий, предшествовавших этому государю и известных от других историков, считает так же неразумным, как рыть колодец на берегу великой реки Евфрата, и оканчивает [свою историю] Рашид-ханом, по имени которого и названа летопись «Рашиди». История окончена в 962 г. (1554 г.), заключает в себе историю ханов, владевших восточной частью Джагатаева улуса, родоначальником которых был Эсенбуга, которые имели пребывание в Аксу, Кашгаре и Яркенде.

Генеалогические таблицы, составленные Ч. Валихановым по «Тарихи-Рашиди» *(Автограф)*.

Автор этих ханов называет монгольскими (могул) مغول , владения их Могулистаном, Могул-улусом, а народ — монголами, хотя они были мусульмане *[3].

Основываясь на сочинении Улугбека «Улус Арбия» اولوس اربعه (Четыре удела), Хайдар говорит, что один из четырех улусов называется Могул-улус и разделяется на две части: Могул и Джагатай, которые враждовали и презирали друг друга. Могулы называли джагатайцев Кара-улус *[4], а джагатайцы их — Чете جته . Улус Джучиев также разделили на две части, которые называются у нас и у персидских [историков] ордами: Волжская орда [или] Золотая (у русских, у Рашиддина и Вассафа), у мусульман Кук орда (Синяя), а другая — Ак орда. <Когда Джагатай разделил свое царство, Баурту, деду эмира Булачи, дал:>

بو وقتکه جغتای خان مملکت نی تقسیم قیلدی باورتو بوکه امیر بولاجی ننك بباسی ایردی مانکلای سوبه نی انکا برکان ایدی. مانکلای سوبه عبارت دور مشرق رویه دین حد شرقی کوسان وتاربوکور وحد مغربی سام غر وچقشمان که آخر ولایتی فرغانه دور وحد شمالی اسغ کول وحد جنوبی جرجان وسریغ ایغور. بو حدود نی مانکلای سوبه دیرلار*[6].

376 || В Манглай-субе в эпоху эмира Булачи были следующие большие города: (بو حدود ایچره نچند شهر عظیم بار ایردیکه اولوغی کاشغر*[7]) Кашгар, Хотан ختن, Яркенд *[8] یارکند, Каусан کوسان , Ахсикент اخسیکنت, Анджан اندیجان, Аксу اقسو и Атбаши ات باشی. Столицей Булачи сделал Аксу (стр. 20. О Туглук-Тимуре, стр. 21 [«Тарихи-Рашиди»]).

امیر بولاجی انی خان کوتردی وتمام مغولستان بلکه اکثری یورت چغاتای خانغه مسخر بولدی*[9].

---

*[3] То есть уйгуры, дуглаты и киргизы.

*[4] Очевидно, описка; должно быть: *кара-унас*.

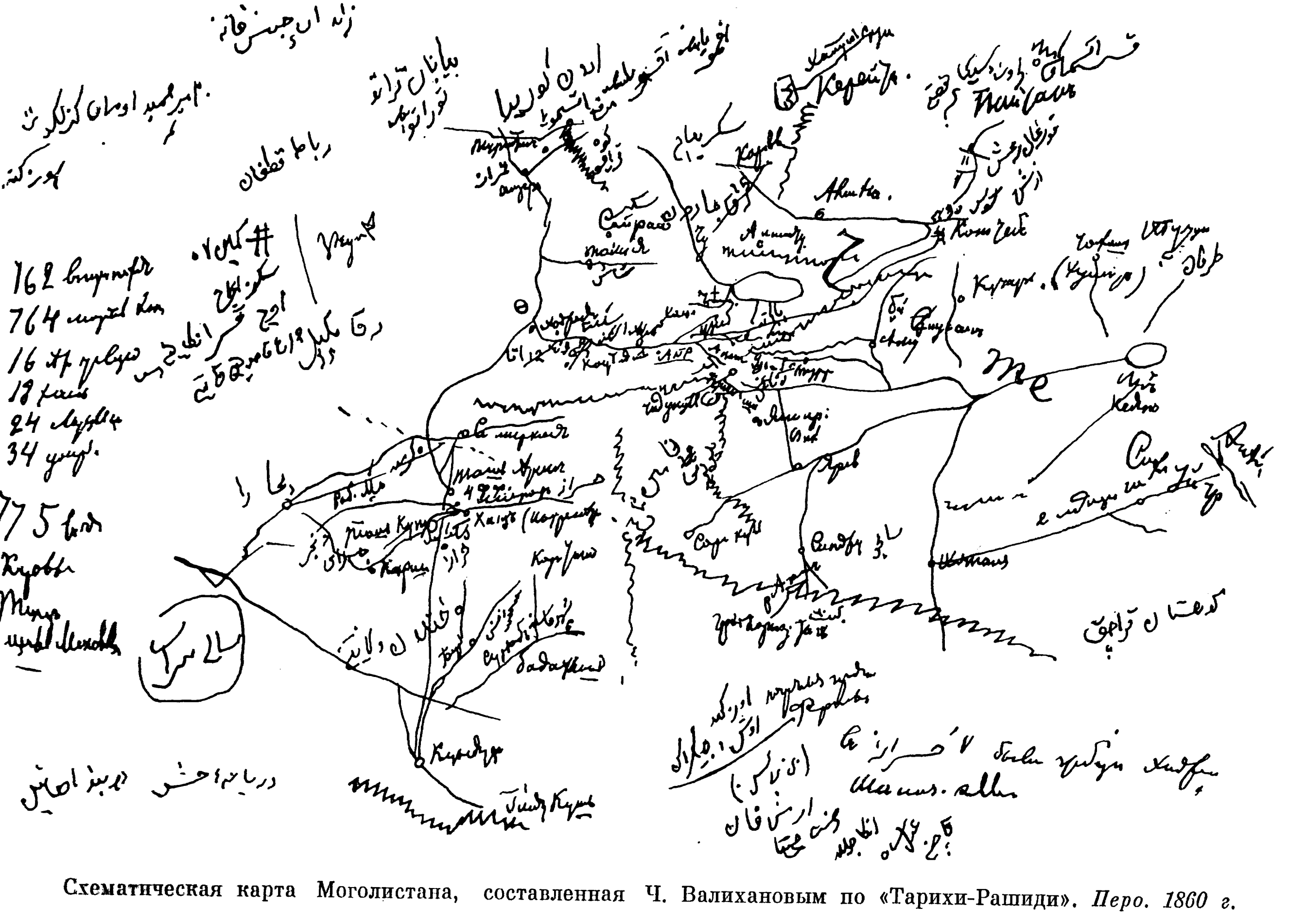
*[5] В персидском подлиннике и кашгарском переводе описка: سویه (суйе).

*[6] В то время, когда Чагатай-хан делил страну [на уделы], Манглай-субе (авангардная область) была передана Баурту, деду эмира Булачи. Манглай-субе расположена на востоке [улуса]. Восточную ее границу составляют Каусан и Тарбукур, западную — Самгар и Чикишман, что является краем [концом] области Ферганы. Северная граница — Иссык-Куль, южная — Черчан и Сары-уйгур. Территорию в этих рубежах называют Манглай-субе.

*[7] В пределах этих границ [т. е. Манглай-субе] было несколько крупных городов и крупнейший из них — Кашгар.

*[8] В персидском оригинале вместо Яркенда — Узгенд (اوزکند).

*[9] Эмир Булачи провозгласил его [Туглук-Тимура] ханом и весь Могулистан и даже большая часть Чагатаева улуса подчинилась хану.



Схематическая карта Моголистана, составленная Ч. Валихановым по «Тарихи-Рашиди». *Перо. 1860 г.*

[Несколько слов] о фамилии Маулана Рашиддина, который обратил Туглука в ислам.

Автор сочинения пользовался сведениями от потомка этой фамилии и его современника, от святоши Маулана Ходжа-Ахмеда. Родоначальник их — Маулана Шуджаг-эддин مولانا شجاع الدين, брат последнего муджтехида حافظ الدين كبير بخارى [Хафиз-эддин Кебир Бухари]. خواجه حافظ الدين دين كين ينه مجتهد كل پيدا بولمادور[*10].

Чингис-хан при взятии Бухары убил Хафиз-эддина, а Шуджаг-эддина переслал в Каракорум قراقوروم. Впоследствии قراقوروم بر هم يكانده [*11] дети его переехали в большие города: Лоб и Кетек لوب و كتك между Турфаном и Хотаном. Здесь прошли несколько поколений; о жизни их автор, хотя и слышал от Хидр-Ахмеда, но забыл. Последний из них шейх شيخ جمال الدين[*12] проклял этот многогрешный город, не хотевший слышать его поучений, и с муэзином выехал в Кучу [6] كوچار. Город после его выхода через несколько часов был засыпан песком.

Наконец приехал он в Байкуль, в окрестностях Аксу, где первый раз встретился с Туглуком. (Стр. 22—24 «Тарихи-Рашиди»). Маулана Рашиддин, сын шейха اقسو دين مغولستانغه باردى[*13], следовательно, хан был тогда на кочевках (стр. 26, «Т. -Р.»). Это доказывается тем, что хан тогда же потребовал к себе в палатку خرگاه ايچره Тулека [7], اول زمان منسب دوغلاتى واولوس بيك [*14] ايردى [برلكان] الكا ليكى. Там был и эмир جراس (Не Чарас [8] ли?).

В конце жизни владения Туглука распространились до Самарканда, но в нишане [*15], который был дан Туглуком эмиру Булачи (предки Булачи имели нишан и от Чингис-хана) и который достался по наследству автору, значится, что он писан в Кундузе: поэтому надо полагать крайним пределом завоеваний хана — Кундуз. (Стр. 38, «Т. -Р.»).

* * *

[*10] После Ходжи Хафиз ад-дина [такой] муджтахид [достигший высшей ступени в знании религиозных законов и права] больше не появлялся.

[*11] Когда Каракорум был разрушен.

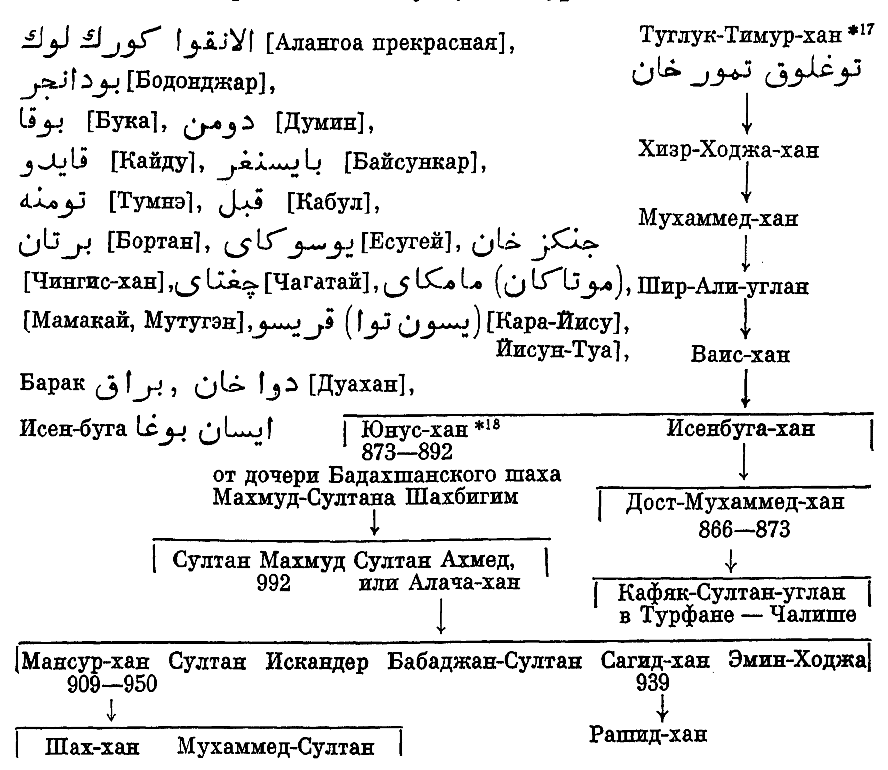
[*12] Шейх Джамал ад-дин.

[*13] Из Аксу приехал в Могулистан.

[*14] Тогда [т. е. в момент восшествия Туглук-Тимура на престол], чины, занимаемые дуглатами, и титул улус-бека были переданы ему [Тулеку].

[*15] *Нишан (перс.)* — ханский указ; тюркский эквивалент — يرليغ *йарлиг*.

11 об. || [Генеалогия Туглук-Тимур-хана] *[16].



7 || [В] 777 [г. хиджры] Тамерлан идет в поход [на] Джете. Авангардом (манглай или чапауль) назначил зятя своего Мухаммед-бека, сына Мусы, Абаса и Актимур-багадура, которые, идя день и ночь, настигли Камар-эддина قمر الدين на Ишти-Куле *[19]

*[16] Родословная написана арабским шрифтом, но порядок расположения имен слева направо, по нисходящей линии.

*[17] Против этого столбца на полях рукой Валиханова написано: «[В] 929 году киргиз Мухаммед напал на Туркестан и Сайрам и начал грабить мусульман из ревности к вере и исламу. Поступки эти хану показались неприличными и он напал на киргиз и пленил Мухаммеда».

*[18] Против этого столбца на полях написано: خواجه نصر الدين عبد الله خواجه تاج الدين كوسنى اولادى مولانا رشيد الدين Ходжа Насреддин Абдулла потомок Маулана Рашид ад-дина, ходжа Тадж ад-дин Каусани; *ниже:* Султан Халиль-хан, Султан Хаджи Мансур-хан كه قرغزغه حاكم ايردى, который был правителем киргизов, пленил и переселил их в Чалиш.

*[19] То есть Иссык-Куле.

بوغانام اسیغ کول или بوغام استی کولده, разбили его улусы, взяли множество пленных. Камар-эддин бежал. Между тем Тамерлан достиг Кочкара قوشقار. Здесь получил известие, что Тохтамыш-углан ищет его помощи и покровительства от притеснений Урус-хана (в рукописи اورش خان, в другой الیاس خان اولابك). Тамерлан послал узбека Эмир Тюменя امیر تمن для встречи провождения Тохтамыша, а сам повернул в Узкент اوزکند, а оттуда в Самарканд. Здесь принял Тохтамыша с честью и призвал [*20] توی, одарив [гостя] платьем, поясом, шапкой, палатками, людьми, верблюдами ایکه اوتاقغا بردی (с литаврами, знаменем, свитой متعه [*21] واقمشه слоном). Между тем Камар-эддин заболел в کولمه قجورادە [*22] (по персидской рукописи استسقا عارض بولدی اول مقدارغه یتی که دابو ([*23] کولهٔ سورا) سینی اشیب زرداب بولوب اقتی[*24].

Когда дошло до него известие о движении Тимура в Могулистан, он не имел сил сесть на лошадь для битвы и скрылся в лесу с двумя нукерами, где его и не могли отыскать. Это был пятый и последний поход Тамерлана.

Хизр-Ходжа был младший сын Туглук-Тимура, остался [от отца] в пеленках; его скрыла от избиения Мир-ага, мать эмира Худайдада; когда ему было 12 лет, то для спасения от преследования Камар-эддина, его отправили из Кашгара в горы между Кашгаром и Бадахшаном в сопровождении 12 человек اراذل [*25] подлых (?) کس از احاد الناس [*26]. Все они сделались впоследствии вельможами امرا и питомцы [*27] их существуют ныне. Один из них был جکرا [*28] — по персидской рукописи, جکراکه — по тюркской. От него происходит эмир Таджи تاجی, другой تاجری из Хоразма, от него эмир Кунджи کونجی, третий Саяди (سیادی) из Чалиша. Его потомок эмир Кушчи, по прозванию Кукелдаш کوکلداش. Преследуемые Камар-эддином беглецы бежали в Хотанские горы, но должны были и оттуда удалиться в страну Сары-уйгур, جرخان [*29], Лоб لوب и Кудек (کتك или کدك) и 12 лет

---

*20 Устроил توی (той) — торжество, пир.

*21 Разными товарами и мануфактурой.

*22 Кульмакджура.

*23 Кула-и Сура.

*24 Открылась водянка; дошло до того, что тело его опухло и потекла сукровица.

*25 Презренных, низких, подлых *(араб.)*.

*26 Самых вспыльчивых (раздражительных) из людей *(перс.)*.

*27 Описка: по-видимому, *потомки*.

*28 Джекра.

*29 По-видимому, описка, следует: چرچان (Черчен).

Работа Ч. Валиханова над текстом «Тарихи-Рашиди» *(Автограф)*.

там жил, [Хизр-Ходжа], пока после смерти Камар-эддина был вызван Худайдадом и избран ханом. Хизр-Ходжа заключил мир с Тимуром и дочь свою توكل خانم*[30] отдал ему в супружество.

در ظفر نامه همچنین مثبت است وشرح آن حال طولی دارد مخلص آن اینست خان در ایام ظفر نامه ده انداغ и проч.*[31]

مثبت ترور که شرحی طویل ترور خلص اول ترور که خان اول ایام سلطنت دا ختای طرف и проч *[32] Хан вел газат в Турфане طورفان, Караходже قراخواجه, принадлежавших Китаю, и восстановил там ислам, и они *[33] до сих пор мусульмане. Вторая столица могулистанских ханов после Кашгара есть она *[34]. В то время как производилось введение веры خاننك يغبه سيكا بر اطلس وبر كوك اوی توشوب دور مقصود نقل اول که خان كمال آنساب دا ایردی*[35]...

در سهم خان يك اطلس ويك گاو کبود افتاده است مقصود که خانی بوده است مسجد دولت اسلام طغلقتمور خان*[36]...

В это время умер Тимур. В Зафар-намэ сказано, что, покорив все страны запада, Тимур решил завоевать восточные: Китай особенно. 600 тысячам войска дал за семь лет вперед жалованье علوفه. Так как между Мавераннахром и Китаем населенности мало, то приказал каждому солдату взять по две коровы и по две козы, вы-
об. ступил в Туркестан, где зимовал и послал || к Хизр-Ходже посла, чтобы тот приготовил побольше провианту и фуража (соломы *[37]).

آنچه ممکن باشد در زراعت سعی نمایند ولشکررا از ورقه سامان کنند*[38] تا که لشکر که ازوق بسیار بولغای*[39]. Автор слышал от отца, что весною этого года улус стоял при Коктубе که موضع مشهور جته است*[40] праздновали توی قلديلار новый кумыс. Таков был старый обычай بقانون ورسم قديم, когда

---

*[30] Тавакул-ханим.

*[31] В «Зафар-намэ» тоже есть подобное [описание] и приводится разъяснение этого обстоятельства. В общем, хан в те дни... *(перс.)*.

*[32] То же самое по-уйгурски с добавлением: хан в те торжественные дни в сторону Китая...

*[33] То есть жители этих городов (уйгуры).

*[34] Речь идет о городе Караходжа.

*[35] На стрелу хана попались один атлас [?] и один серый бык. Целью повествования является то, что хан был в полном величии...

*[36] То же, по-персидски.

*[37] سامان (саман) Валихановым понято как солома, по-уйгурски; по-персидски оно означает снаряжение, снабжение.

*[38] По возможности, приложить усилие к земледелию и снабдить войско продовольствием *(перс.)*

*[39] Чтобы у войска продовольствия было в достатке *(перс.-уйгур.)*.

*[40] Известная местность в Чете.

Худайдад подал хану чашку с кумысом, пришел кто-то и сказал, что сил сопротивляться нет, надо исполнить все его требования, дать قونالغه وساوس или قونالغه وسوسون بروب خراج گذرليق قيلماق كيراك *41. Хан не успел допить чашку, как получил другое известие, что Тимур умер. Все обрадовались.

* * *

11 || Видно из исторических дат и по остаткам городов и каменных строений, что весь Могулистан в древние времена бы населен густо оседлым и просвещенным народом и, надо полагать, что в то время писались книги и летописи, но, к несчастью, до наших времен не осталось от тех времен никаких памятников, кроме развалин башен, мечетей и зданий, и народ забыл культуру, оставил города и живет в палатках и погряз в невежестве и дикости. Как бы то ни было со времени обращения моголов в ислам, никто из них ничего не имел. Историки Мавераннахра *42, Хорасана, Ирана посвящали свои труды своим государям и пренебрегали ханами Чете. Ходжа Рашид-эддин (да будет возвеличен) в «Джами' ат-Таварих», Ходжа Хамдулла Мастуфи *43 خواجه حمد الله مستوفى в „Избранной летописи“ تاريخ گزيده, Мавлана Шереф-эддин Али Эзди شرف الدين على يزدى в „Книге побед“ ظفر نامه Мавлана Абдуразак عبد الرزاق* в „Систематической хронике“ تاريخ منظوم и Мирза Улуг[бек] в „Четырех улусах“ اربعة اولوس и другие мало говорят о наших ханах. Во время молодости вашего покорного слуги, когда он впервые почувствовал любовь к древним сказаниям, между монгольскими эмирами было много таких, которые имели 100 и 110 лет и более; кроме того, дед и отец сообщили очень много сведений о прошедших временах. В этой части я буду говорить о том, что слышал и сам видел.

В 905 году بو كمينه ننك تولد قيلغان كونى*44.

Со того времени, как города Могулистана были разорены каракитаями مغولستان شهرلارى عبارت قراختاى دور دين ويران بولوب до времен Юнус-хана моголы были народом кочевым и никакого понятия не имели об оседлости. Начиная от Ташкента с окрестностями все степи принадлежали моголам.

С 905 до 908 года Чете наслаждалось спокойствием. В это время в Фергане управляли дети Омар-шейха Бабур и Джангир, Бухарой — Байсункар и Султан-Али-Мирза *45, которые враждо-

---

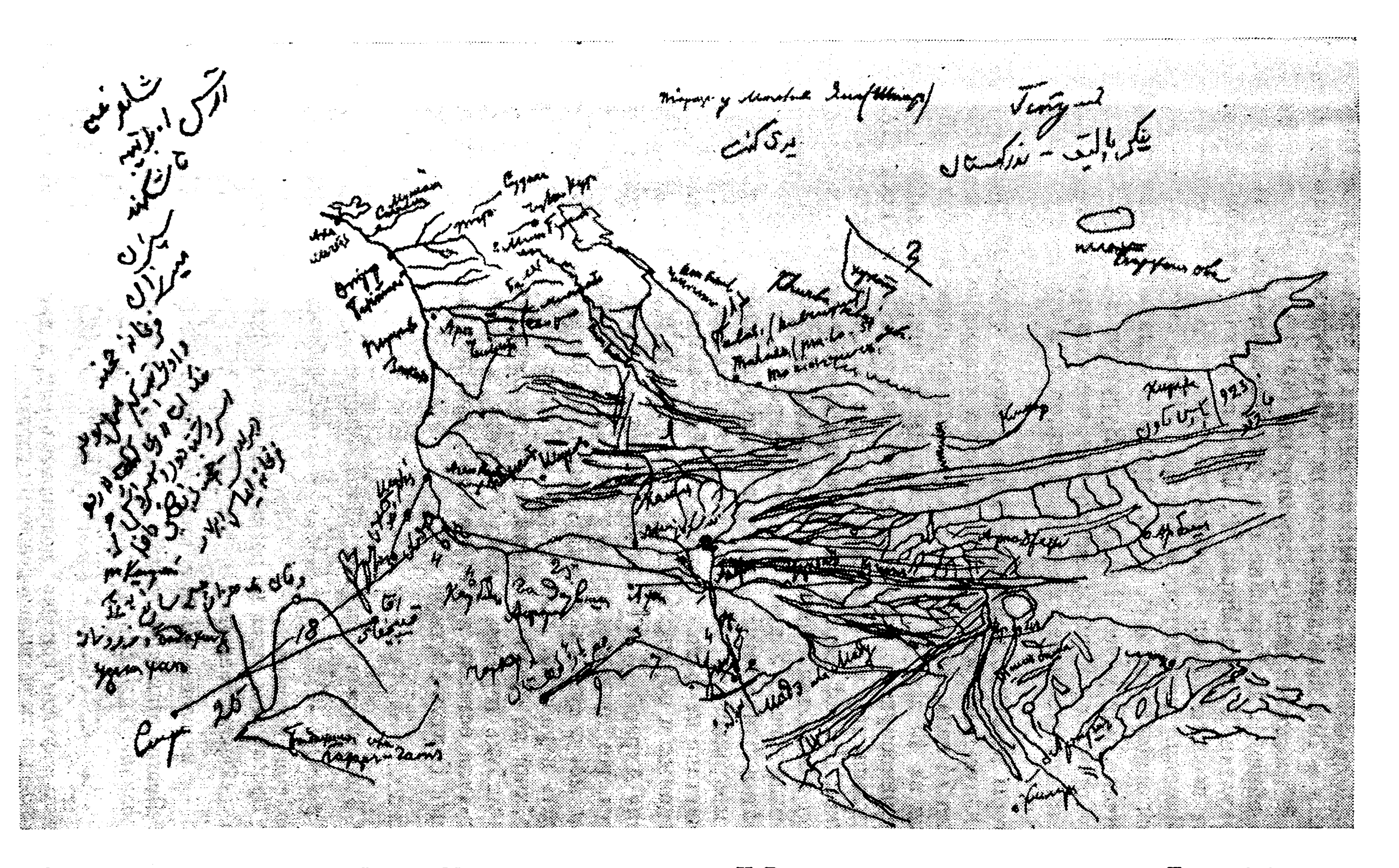
*41 Дать ночевку, питье и покрыть походные расходы.

*42 Как здесь, так и в других местах у Валиханова: *Маврельнахр.*

*43 Точнее: *Хамдаллах Мустауфи Казвини.*

*44 В день рождения вашего покорного слуги. («Тарихи-Рашиди»)

*45 *Бухарой — Байсункар* и *Султан-Али-Мирза* обведено в рукописи замкнутой чертой.



Схематическая карта западной части Моголистана, составленная Ч. Валихановым по «Тарихи-Рашиди». *Перо. 1860 г.*

вали между собою вследствие отпадения и ухода эмиров. Вражда велась и с Шахибек-ханом, сыном Шах-Будука, [сына] Абулхаира *[46], который между джучидами (جوجی زاده) старейший (сильнейший). В Хорасане с блеском и величием сидел на престоле султан Хусейн-Мирза *[47]. Если возникали между отцами и детьми несогласия, он быстро уничтожал. В Иране царствовал шах Измаил, похититель престола. После смерти Узун-Хасана остался малолетний сын Якуб; при нем овладел уделом Измаил. В Кипчаке, или улусе Джучи, был Бурундук-хан براندوق, которому принцы джучиды не хотели повиноваться *[48]. В Шаше, который известен под именем Ташкента, в это время был Махмуд-хан.

Чтобы говорить о Махмуд-хане, считаю нужным сказать коечто о Юнус-хане. Между монгольскими ханами подобного не было. Он жил 74 года, между тем, как до него ни один монгольский хан не жил за 40 лет. В последние годы жизни, раскаявшись, вел отшельническую и богобоязненную жизнь и имел послушнические отношения и склонность к ходже Абдулле. Десять лет был учеником Шараф-эддина Эзди, автора «Зафер-намэ», много странствовал и испытал несчастья и лишения. В уме, храбрости и силе превосходил всех. У него было семь детей.

Султан Юнус-хан в первые годы своего царствования, по старому монгольскому обычаю, все время жил в улусах. Городов в Могулистане не было. Мусульмане Мавераннахра считали могулов за неверных и обращали пленных в рабство и продавали. Ишан Абдулла-Ахрар اعرار обнародовал по всем мусульманским странам, что подданные такого благочестивого государя, как Юнусхан, не могут считаться неверными и чтобы их не продавать и не обращать в рабство. Хан, думая, что пока не будут моголы жить оседло, они не будут истинными мусульманами, хотел овладеть каким-нибудь городом и взял Ташкент, а младшего сына своего Ахмед-хана оставил в Могулистане; при нем же находился старший сын Султан-Махмуд-хан.

---

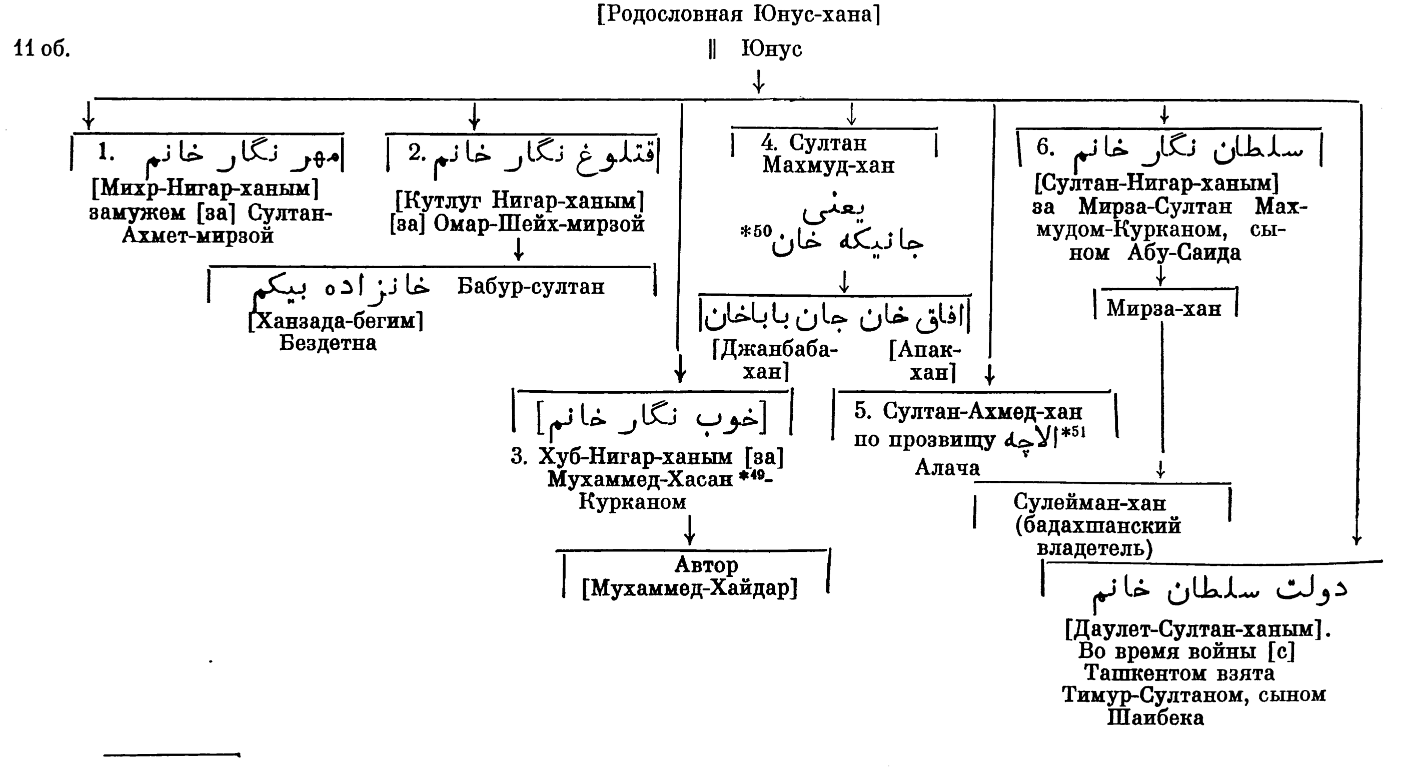
*[46] В персидском оригинале «Тарихи-Рашиди»: شاهی بکخان بن شاه بداغ سلطان بن ابو الخیر — Шахибек-хан, сын Шах-Будаг — султана, сына Абулхаира.

*[47] Против этих строк на полях приведена выписка из кашгарского перевода «Тарихи-Рашиди»: وجمعیت لاری بمثال باران کثرت دا ایردی — и население их было многочисленное, подобно дождевым каплям.

*[48] Против этих строк на полях выписка из персидского оригинала «Тарихи-Рашиди»: سلاطین جوجی نژاد سر بر خط فرمان او داشتند وجمعیت ایشان بکثرت اقطار امطار مساوات می جهت — принцы-джучиды покорно подчинялись ему, и население их по своей многочисленности равнялось дождевым каплям.

11 об.

[Родословная Юнус-хана]



*49 Описка, точнее: *Хусейн, отец Мухаммед-Хайдара, автора «Тарихи-Рашиди».*

*50 То есть Джанике — хан. *(Примечание Валиханова).*

*51 *Алача* — по-калмыцки اولتر كوچى — убийца. *(Примечание Валиханова).*

[ЗАМЕТКИ О КАРТАХ АЗИИ]

Атлас Азии к «Общему землеведению» К. Риттера

19 || Атлас Азии к «Общему землеведению» К. Риттера. Отдел II, выпуск третий. Составлен и подготовлен д-ром Х. Кипертом. Издан К. Риттером. Содержание: 1. Сводная карта Аравии. 2. Карта юго-западной Аравии (Хиджаз и Йемен). 3. Сводная карта Ирана. 4. Западно-персидские, или западные, отроги Иранского плоскогорья. 5. Карта Турана. Берлин, 1852. Изд. Дитриха Раймера.

Атлас Азии к «Общему землеведению» Риттера. Отдел II, выпуск первый. Составлен и подготовлен [к изданию] И. Л. Гриммом. Издан К. Риттером и Ф. А. О'Эртцелем. Содержание: 1—4 карты Верхней Азии на 4-х листах. (Маньчжурия. [Территория] между Алтаем и Тянь-Шанем и Китай собственно). 5. Высокогорные области в восточной Верхней Азии. Берлин. Изд. Дитриха Раймера. К этому выпуску относится лист-приложение: Гималайские горы, И. Л. Гримма. Цена 15 Sgr.

Атлас Азии к «Общему землеведению» Риттера. Отдел II, выпуск второй. Составлен и подготовлен [к изданию] И. Л. Гриммом и Мальманном. Выпущен К. Риттером и Ф. А. О'Эртцелем. Содержание: 1. Сводная карта восточной Верхней Азии, 1839 г. 2. Карта русского Алтая, 1839 г. 3. Карта Асама, Восточной Бенгалии и Северной Бирмы, 1840 г. 4. Передне-Индийский полуостров с Цейлоном, 1840 г.

Путешествие через Даурию и по Гоби. Берлин, изд. Дитриха Раймера.

Атлас Азии, выпуск четвертый, составлен и обработан д-ром Х. Кипертом. Выпущен К. Риттером. Содержание: листы 1—4, страны, [лежащие] на Евфрате и Тигре, или Армения, Курдистан и Месопотамия. Лист 5, высокогорные области западной Верхней Азии. Берлин, 1854 г. Изд. д-ра Раймера.

Карта Внутренней Азии

9 Карта Внутренней Азии по японской энциклопедии XV [века] составлена по материалам, сообщенным буддийскими миссионерами. По ней р. Чу вытекает из Иссык-Куля [и] под самой Сыр-Дарьей впадает в Аральское море.

Карта Панснера дает превосходные дополнения [относительно местностей, расположенных] к северу от Или до Иртыша, на юг же она не заслуживает доверия с VII века. Карта Сибири издана на трех листах Д[епартаментом] Топографического Депо в 1825 г.; по ней Чу вытекает не из озера Иссык-Куль.

Карта Верхнего Иртыша Исленьева [И. И.]. Mappa fluvie lrtisz partem meridionalem gubernie Sibirensis perfluentis cumpristino territorio stirpis Kalmucorum Songriae. Petropoli, 1777.

Японская энциклопедия — О-хан-сен-цсай-цу-хой. (O han san thsai thu hoei) издана [на] 47 листах в 1714 г. Карта называется по-китайски Si yn Tlian tchu tohi thou, по-японски — Sai iki go Ten dzik no dzou — Карта восточных стран и пяти Индий. Между прочим сказано в замечании: в этой карте ли содержит 6 matsi, что показывает, что она есть копия с китайского, ибо японское ли, или ри (li ou ri), содержит 36 matsi, т. е. в 6 раз более, чем китайское древнее ли. Она составлена в XV веке после изгнания монголов из Китая, ибо Wa la, или Oelaet, не встречается в китайских книгах ранее сего периода. Материалом служили древние сведения, относящиеся к седьмому веку. Это показывает, что китайцы в эту древнюю эпоху лучше знали Среднюю Азию и Индию, чем греческие географы и Птолемей.

Заметка [о карте Японии]

5 || Большая карта Японии — труд Цё-дэн-син-си гикоу (?) из Мито в провинции Фитац[у].[1] Согласно [пояснительной] заметке, которая находится при оригинале карты, он закончил ее [составление] в 1775 г., или в пятый из годов, называемых Анье[2], и она была издана в Йедо[3] в 1778 г. Автор говорит, что она основана на наблюдениях долгот [*1] и широт, сделанных некоторыми его согражданами, от которых он получил [в распоряжение] различные лоции Японской империи. Что касается широт, то они оказывается довольно точными; долготы же менее [точны], где бы автор ни строил (?) квадраты с градусами широт, горизонтальные стороны которых представляют ему градусы долгот. Долготы исчислены по меридиану Нагасаки таким образом, что Йедо, столица Японии, находится между 8° и 9° долготы. Градус широты, проходящей через северную оконечность [*2] Японии, равен 41°, а проходящий через южную оконечность [*3] провинции Сацума[4]— 31°.

На карте Япония разделена на шестьдесят четыре провинции, или префектуры. Обычно это империя делится на семь больших провинций,..[*4] которых, показанные на карте, являются лишь их подразделениями, а именно:

[*1] Описка: *lontitudes вместо longitudes.*

[*2] Буквально: «северную точку»

[*3] Буквально: «южную точку»

[*4] Слово не разобрано; оно должно иметь значение, близкое к «[составные] части» или же «названия».

Notice

La grande Carte du Japon est l'ouvrage de Syeo-Den-zin-si ykhaou, de Mito dans la province Fitats. Selon une courte notice, qui se trouve sur l'original de la carte même, il l'a achevé en 1775, ou la cinquième des années nommées Anyée, et elle fut publiée à Yedo en 1778.

L'auteur dit qu'elle est fondée sur les observations des longitudes et des latitudes faites par plusieurs de ses compatriotes, auxquelles il a adapté les différens routiers de l'empire Japonais. Quant aux latitudes elles se trouvent assez exactes; mais les longitudes le sont moins, vu que l'auteur a construit des quadrats avec les degrés de latitude dont les cotés horizontales lui représentent des degrés de longitude. Ces longitudes sont comptées selon le méridien de Nangasaki, de sorte que Yedo, la capitale du Japon se trouve entre le 8° et le 9° degré de longitude.

Le degré de latitude qui passe par la pointe septentrionale du Japon est le 41° et celui qui passe par la pointe méridionale de la province de Satsouma le 31°.

Dans la carte le Japon est divisé en soixante quatre provinces ou préfectures. Ordinairement cet empire est divisé en sept grandes provinces, dont les états indiqués sur la carte ne sont que des subdivisions, savoir:

I Go-kinai, ou les cinq provinces intérieures
1, Yamasiro 2, Yamato 3, Kawatsi
4, Idsoumi 5, Sets

II Tokaido, ou les provinces maritimes orientales 1, Yga
ou Iga 2 Ise 3, Sima 4 Owari 5, Mikawa
6, Totomi, 7, Sourouga 8, Kaï 9, Izou
10 Sagami 11, Moosasi 12, Awa 13
Kadsousa 14, Simoosa 15, Fitats

III Tosando, les provinces des montagnes orientales
1, Omi 2, Mino 3, Fida 4, Sinano.
5 Kootsouke 6 Simotsouke 7, Mouts
8 Dewa.

IV Fokourokdo, les provinces septentrionales
1, Wakasa 2, Yetsisen 3, Kanga ou Kaga
4 Noto 5, Yetsiou 6, Yetsingo 7, Sado.

V. Sanindo, les provinces de peuples occidentales
1 Tanba 2, Tango 3, Tasima 4, Inaba
5, Fooki 6, Idsoumo 7 Iwami 8 Oki

VI Sanyodo, les provinces de nord ~~[illegible]~~ ouest.
1 Farima 2, Mimasaka 3 Bizen 4, Bitsiou
5, Bingo 6 Aki 7, Swo 8, Nagato

Автограф заметки Ч. Валиханова о карте Японии.

I. **Гокинай,** или пять внутренних провинций:

1. Ямасиро, 2 Ямато, 3. Каваци, 4. Идзуми, 5. Сец[у].

II. **Токайдо,** или восточная морская провинция.

1. Инга или Ига, 2. Исе, 3. Сима, 4. Овари, 5. Микава [5], 6. Тоотоми,
7. Сурунга, 8. Каи, 9. Ису, 10. Сангами, 11. Мусаси, 12. Ава, 13. Кудзуда, 14. Симооса, 15. Фитац[у].

III. **Тоосандо,** провинция восточных гор.

1. Ооми, 2. Мино, 3. Фида, 4. Синано, 5. Кооцуке, 6. Симоцуке, 7. Муц[у], 8. Дева.

IV. **Фоку рокондо,** северные провинции.

1. Вакаса, 2. Йецисен, 3. Канья или Кайя, 4. Ното, 5. Йецион (?), 6. Йециндо, 7. Садо.

V. **Сайниндо,** провинции западных народов.

1. Тамба, 2. Танго, 3. Тассима, 4. Инаба, 5. Фооки (?), 6. Идзумо, 7. Ивами, 8. Ооки.

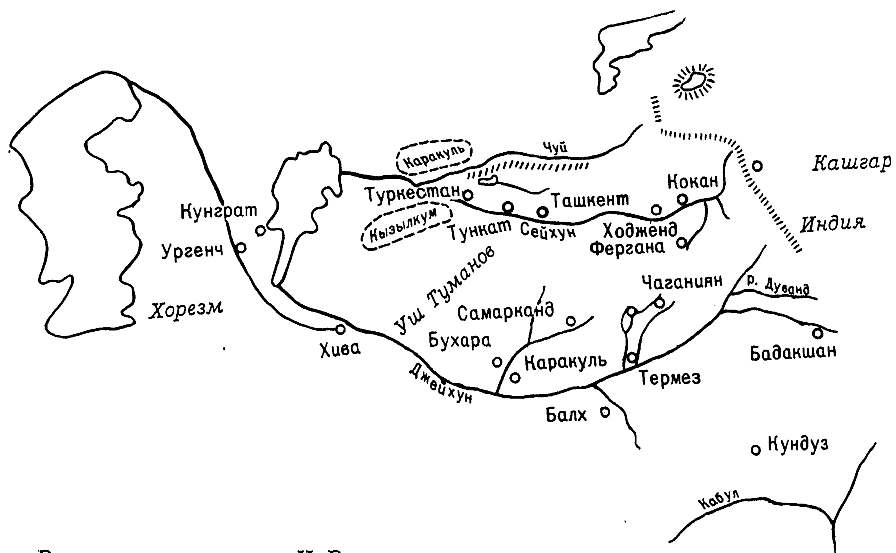
VI. **Санёдо,** провинции северо-запада.

1. Фарима, 2. Имасака, 3. Бисен, 4. Бицин (?), Б. Бинго, 6. Аки, 7. Цоно, 8. Нунгата [6].

[VII]...[7]

[Карта Средней Азии по записке Бабура и Джахан-нюма Кятиба Челеби]

|| 36-е отделение географии Кятиба Челеби جهان نما*[1] содержит описание туранской полосы Мавераннагра ما ورا النهر



Реконструкция карты Ч. Валиханова к заметке «Карта Средней Азии по записке Бабура и Джахан-нюма Кятиба Челеби».

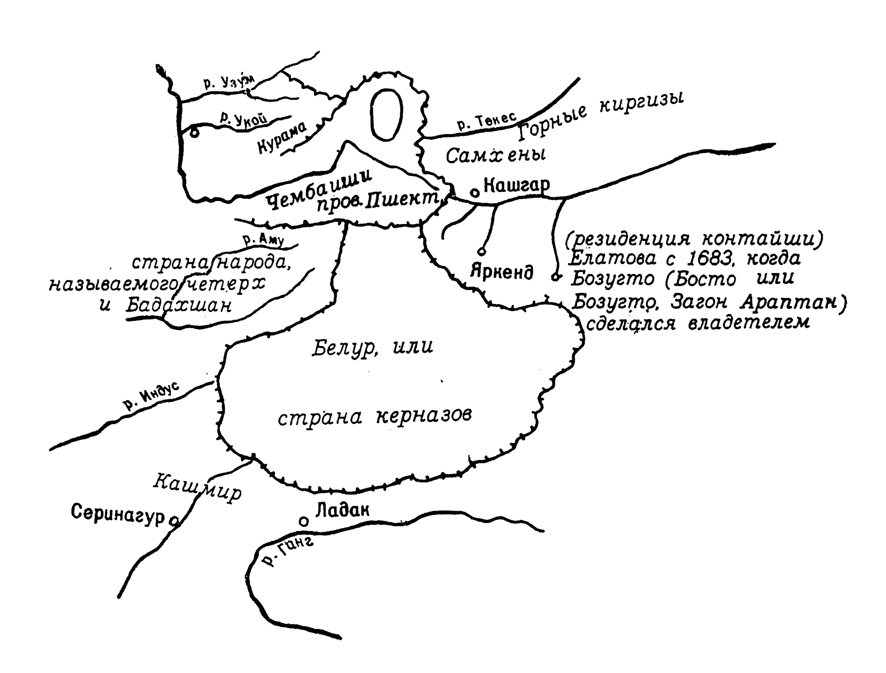
*[1] *Джахан-нума* —«Зерцало мира».

Строения в Самарканде из дерева и глины. Река Шаш лежит между Сыр и Аму. Города Согда Асрушна اسروشنه и Меринан *[2].

Карта Сибири

(Соч. гр. Мантейфеля, издания Максимовича 1806 и 1807 гг.)

18 об. || На этой карте означены «горные киргизы, или иначе саяки, багыши, бугу, солто, бохтомаки» в верховьях Текеса и самхены *[3]. Бузум *[4]— поколение Большой орды, из коих некоторые под властью Булана, владеющего в Туркестане, а остаток подвластен султану Чирегаю. Кулдат — поколение Средней орды под [властью] Булат-хана на Каратаве между Ташкентом и Туркестаном. Укой — поколение Большой орды; от Ташкента Курама подвластна частью Кокану, частью Шидаяр-беку.



Часть карты Сибири, составленная гр. Мантейфелем.

---

*[2] Против этого слова на полях: وقعت بابری [вернее: واقعات بابری] — Приключения Бабура.

*[3] Точнее: *салмеке*.

*[4] Точнее: *Айтбузум*.

[ВЫПИСКА ИЗ «СИБИРСКОГО ВЕСТНИКА»]

|| Собрание исторических, топографических и других сведений о Сибири и странах, с ней сопредельных, издаваемых Григорием Спасским. («Из «Сиб. вестника», часть I, СПб., 1818).

I. Путешествие в Китай казака Ивана Петлина в 1620 г.

II. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г., совершенное унтершахтмейстером второго класса при Змеиногорском руднике Тимофеем Бурнашевым и сержантом Безносиковым.

III. Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 г., совершенное Бурнашевым и Поспеловым.

1. От Томска до киргиз — 12 дней, [надо пройти] две реки.
2. До Абакана — 6 [дней].
3. [До] Кимчика — 9.
4. До Большого озера (самоцветных камней) — 5 дней (около озера ходу 12 дней конем).
5. До вершин, где царь Алтын стоит,— 15.
6. Улус Алгу الغو князь Тормошина — 5, дорога горная.
7. Чекуркуш князя Каракула — 5.
8. Солдуз; в нем царь Часакту — 5.
9. Бисут князя Кичень — 5.
10. Ильчигин князя Тазчиг Черехду — 5.
11. Бешут князя Чекур — 5.
12. Улус Бирюк князя Чичин-нояна — 4 дня безводно.
13. Тулатумет князя Тайку-Татун — 4.
14. Юргучин царя Бушукты — 3.
15. Желтые Мугалы: улус Мугалчин, княгиня Малчи-катунь, сын ее Арчултату.

РЕКА КАРА-КЕМ

Впадает в Аргут с правой стороны. Аргут составляется из двух рек: Белой Алахи и Яссатеха [Джагарт]. Первая берет начало из снежного Тена Эктах-Алтая, вторая — с западного подножия Кара-Иматы.

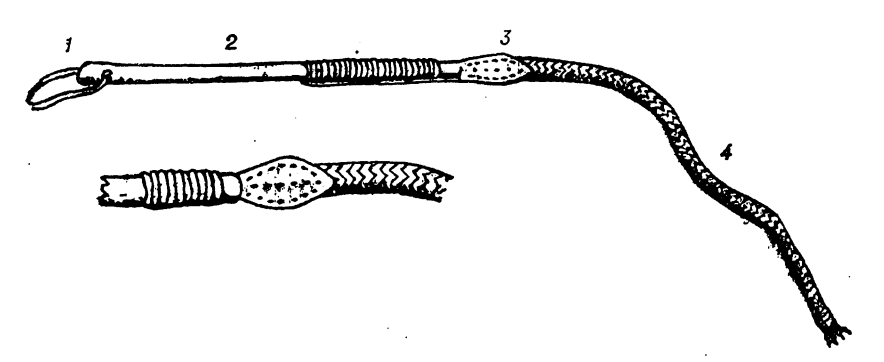
Озеро Телецкое, или Алтын-Куль. Северо-восточный берег его называется джайляу. Есть место кочевок черневых татар.

На Чингистайской долине кочуют против китайского пикета Ухылке киргиз-кайсаки двух волостей: Каратайской и Кара-Керейской. По реке Чум и его притокам, в так называемой ленной степи, кочуют летом и зимой калмыки двоеданцы.

ВООРУЖЕНИЕ КИРГИЗ В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА И ИХ ВОЕННЫЕ ДОСПЕХИ

Вооружение киргиз составляли исстари в обыкновенное время для охраны скота и домашних драк: **н а г а й к и**, **у к р ю к и** *[1] и **с у и л ы** *[2].

Нагайка делалась из сырых ремешков, заплетенных около стержня, также из сырого ремня, и имела длину до 7 захватов *[3] и один палец или два. Для ремней употребляли телячью кожу. Ремень укреплялся к деревянной ручке, которая была несколько короче ремня (от 4 до 5 захватов и несколько пальцев). Для ручки употребляли по преимуществу **и р г а й**[1] или красную таволгу (Spirea), последняя предпочиталась. Делали, впрочем, и из козлиного и архарового рогу или всю ручку обкладывали серебром; такие носили, впрочем, одни женщины. Для мужчин более приличествовал медный прибор *[4], большей же частью носили вовсе без оправы. Ремень с ручкой укреплялся посредством так называемого **а л а к а н а** — ладони.



Нагайка (қамшы): *1* — петля (бүлдірге), *2* — рукоять (саб), *3* — ремень (алақан), *4* — плетение (өрім). ***Перо 1862 г. Рис. Ч. Валиханова.***

---

*[1] Искаженная форма от казахского *құрық* — орудие для ловли лошадей.

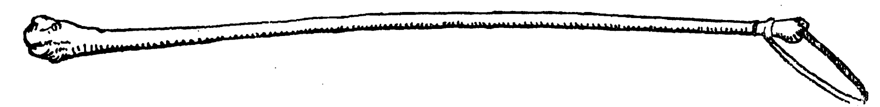
*[2] Точнее: *сойыл*.

*[3] По-казахски: *жеті тұтам*, то есть семь захватов ладони.

*[4] То есть *жез қамшы* — плеть в медной оправе.

Плетень на нагайках был разных родов, круглый или четырехгранный. Если нагайка имела металлическую оправу, то вне, под ручкой, делали острую железную пластинку, б у у р д а к, для того, чтобы не выронить из руки нагайку.

2 об. || Укрюки делаются из тонкой березовой жерди. Суилами на-



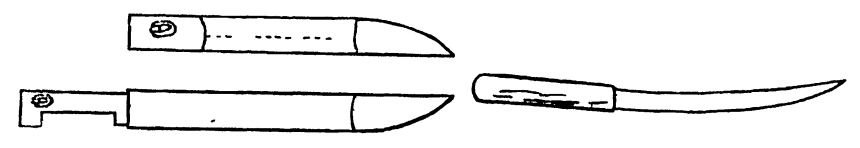
Сойыл. *Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова.*

зываются длинные березовые жерди с корнями в конце и одинаковой длины с укрюками, они имеют у тонкого конца привязанную петлю, чтобы носить заброшенными через локоть.

Оружие, употребляемое во время войны:

С а б л и кривые, персидской, турецкой, хивинской или бухарской работы. Персидские «и с ф а г а н и» очень ценились под названием «наркескен»[2]. Теперь киргизы носят и прямые, так называемые с а п ы или ш а п ы, похожие на шашки, употребляемые в Средней Азии, но в старину это оружие мало употреблялось.

Сами киргизы делали длинные ножи, или лучше, полусабли, прямые и называли их с е л е б е[3] или д ж е к е а у з[4]; джекеауз был несколько короче. Селебе и джекеауз имели только одну гайку
3 или кольцо для || ношения на поясе, которое прикреплялось к самому верху ножен. На рукоятке было тоже кольцо для темляка.



Ножи (селебе или жекауыз и бүйда пышақ)
Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова.

Носили и кинжалы самодельной работы, и хивинские ножики. Кинжалы носились, как селебе, а не криво, как на Кавказе, и не за поясом, как у других азиатцев.

Н о ж, б у й д а п е ч а к*[5], был у каждого киргиза с ручкой из сайгачьего или козлиного рогу, или из иргаевого дерева, и был прикреплен на кольце.

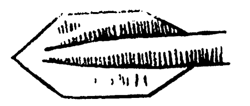
К о п ь е نیزا[6] из соснового дерева длиною [150—195 *см*] и [3,5 *см*] толщины. Железный наконечник был трехгранный. В том месте, где вставлялся наконечник, делали кисть из черного шелку или из конского волоса. В конце копье имело петлю для [ношения].

*[5] То есть *пышак.*

Трехгранный наконечник копья. *Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова.*

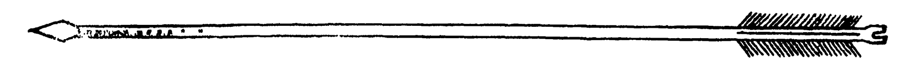
Сайдак[*6], джак, киргизы делали сами, но предпочитали купленный из Бухары или от башкиров, впоследствии пошли и китайские.

Стрелы делали сами из березового дерева вроде башкирских, [древки] тонкие в ...[*7] захватов, оперенные в четыре ряда; наконечник делали двухгранный для охоты или четырехгранный



Двухгранный наконечник стрелы. Четырехгранный наконечник стрелы. *Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова.*

3 об. саут бузар[6] для пробития панциря, или кузу джаурун[7] || вроде лопатки ягненка, чтобы сбивать с седла.



Стрела с наконечником. *Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова.*

Перья употребляли: كوشكا ننك قويلق جون، تازقرانك تايلق جون[*8]. Орлиные не уважались.

Колчан для стрел (курамсак) и для лука [садак] носили на одном ремне, на поясе; колчан был с левой стороны, а садак — с правой. Богатые люди делали эти снаряды из русской красной юфты, белой стороной наружу, и с медной оправой и разными тиснеными узорами на коже; бедные делали из верблюжьей кожи домашней выделки.

Ружье, мултук, было редкостью в степи и переходило из рода в род, и имело собственные имена: коз-кеч[8], кульдур[*9]-мамай[9]. Оно имело гладкий ствол, фитиль и маленькие сошки из сайгачьих рогов. Стреляли пулями из свинца. Ружье делали сами киргизы, делали и калмыки и башкиры. Встречаются в степи

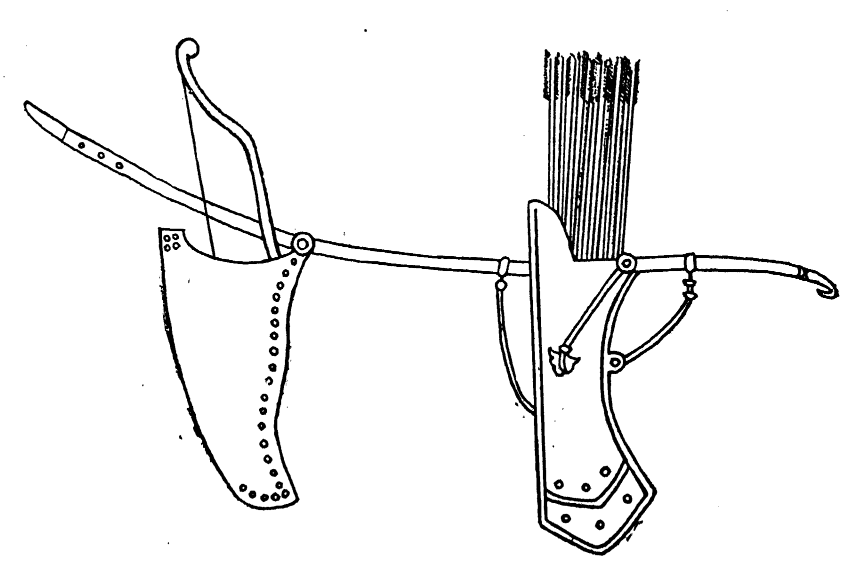
[*6] *Садақ, джақ* — лук.

[*7] В рукописи размер древка не указан.

[*8] *Көшегеннің қойлық жүні, тазқараның тайлық жүні* — перья снежного грифа, похожие на овечью шерсть, перья стервятника, похожие на шерсть жеребенка-стригунка.

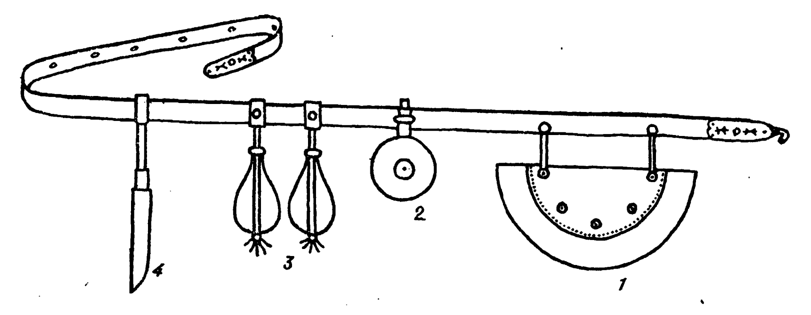
[*9] *Құлдұр* — от құлдырамақ — лететь, взвиваться, носиться.

Оружие казахов Старшего жуза. *Рис. художника П. Кошарова.*



Старинный колчан с луком и стрелами. ***Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова.***

4 || еще ружья этой работы и большей частью бьют хорошо, все они имеют продольные полосы по стволу и медные мушки и прицел. Штуцеров не знали, впрочем, у некоторых султанов были среднеазиатские шамгалы *[10], длинные и тяжелые ружья, которые бьют на 700 шагов.

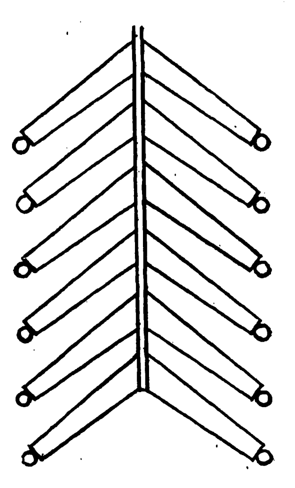


Охотничий пояс (кісе): *1* — сумка (кісе), *2* — фляжка (құты), *3* — патронташ (оқшантай) *4* — ножны (қын). *Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова.*

Снаряды для ружейников

1. **Калта**, которую носили все киргизы без исключения. Калтой, или кесе *[11], называется ремень, прошитый из двойной русской юфты белой стороной, к которой с левой *[12] стороны прикреплен мешок в виде пирога, в котором хранятся огниво, кремень, запасной фитиль, сало для смазки ружья и роговая пороховница для фитиля, сзади — пороховница, а с правой стороны — два мешочка для пуль и нож. Нынче делают мешочки только для виду. Калты оправлялись в медь, редко — в серебро. Здесь изображена калта самой древней формы.

Кроме того, киргизские ружейники имеют так называемый «бир атар» — патронташ из сайгачьих рогов и носят его на шее. Вот вид этого снаряда.



Патронташ из сайгачьих рогов. *Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова.*

---

*[10] То есть *самқал.*

*[11] То есть *кісе.*

*[12] Описка, нужно: с *правой.*

20 ## || СВЕДЕНИЯ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СМЕРТИ АДОЛЬФА ШЛАГИНТВЕЙТА

В 1857 г. происходило в Кашгаре последнее восстание *[1]. Весною этого года, в месяце рамазан [2], в самый день праздника разговенья [3], ходжа Валихан-тюре бежал из Коканда в сопровождении семи человек кашгарских выходцев. Ночью, приехавши в кокандское укрепление Оксалур [4], лежащее на пути из Оша в Кашгар, ходжа убил коменданта этой крепости, и гарнизон к нему присоединился. Несколько солдат, отправленных кашгарским аксакалом для сбора золота с киргиз рода чонь-багым [5], кочующих поблизости укрепления, также к нему присоединились. Он поставил на всех дорогах, ведущих в Кашгар, караулы, чтобы киргизы не могли дать знать в город, и, оставшись тут, послал своих агентов собирать киргизское ополчение. Несколько кашгарских беков, посланных китайцами по направлению к Ошу для собирания слухов о ходжиях, были пойманы и представлены Валихан[-тюре], который, не вступая ни в какие расспросы, собственноручно отрубил им головы. Переночевав затем около переправы через Кызыл, в следующую же ночь он достиг первого китайского пикета. Часовых на стене у ворот не было. Один из спутников ходжи перелез через стену и отворил ворота. Валихан-тюре с обнаженной саблей в руках и в сопровождении своих приверженцев вошел в казармы и изрубил всех без исключения китайцев, которые лежали и курили опиум; той же участи подверглись и кашгарцы, бывшие на пикете. Ничто однако же не нарушило тишины города и никто не знал там о происходившем.

Когда отворились ворота, один из спутников ходжи поскакал
21 по улицам || города с криком: «Да здравствует Бузрюк-хан-тюре»*[2].
Все вдруг взволновались, жители города взялись за оружие и немедленно перебили всех китайцев, разграбив их лавки и дома.

---

*[1] Кашгар лежит в области Шести городов [1], подчиненной китайцам, но ходжи из города Андижана, владевшие этой страной, уже издавна силятся снова завладеть ею. Они имеют в ней множество приверженцев, фанатически им преданных *(Примечание автора)*.

*[2] *Бузрюк-хан* — единственный наследник Джангира [6]. Этот ходжа еще не предпринимал священной войны для избавления от владычества китайцев (газата), но любим кашгарцами, которые ждут его как избавителя. Валихан воспользовался его именем, чтобы найти больше сочувствия. *(Примечание автора)*.

Ходжа, приветствуемый в воротах кокандским аксакалом [7], вступил в город.

Дворец хакимбека [8], успевшего убежать через другие ворота в китайский город, был очищен и Валихана-тюре встретили во дворце при звуках труб и бубен. Все беки, не успевшие спастись бегством, были схвачены усердными жителями, и ходжа доставил себе удовольствие изрубить из них некоторых собственноручно.

На другой день пришли жители нескольких окрестных селений под начальством влиятельных беков. Хотя все беки, служившие китайцам и не успевшие спастись бегством в китайскую цитадель, пали под ножами палачей вместе со своими детьми, а жены их были отданы солдатам ходжи, но беки из помянутых селений явились к Валихану без опасения, потому что, служа китайскому правительству, они были постоянно в тайных сношениях с ходжами и посылали им постоянно деньги на случай священной войны, или «газата».

Валихан-тюре тотчас учредил звание минбаши [9], в которое возвел кокандского аксакала Нормамета (Мухаммеда); другие придворные должности были также отданы кокандцам и кашгарским эмигрантам.

Восстание распространилось весьма быстро, и ходжа в короткое время собрал войско в 70 тысяч сипаев (конных) и 4 тысячи сарбазов (пеших), кроме ополчений, составившихся в городах и селениях, и разных искателей приключений: дервишей, курильщиков хашиша [10] и проч. Войско было одето однообразно, вооружено на счет ходжи и разделялось на знамена — по 500 человек в каждом, под начальством пансадов (пятисотенников).

Все жители города ежедневно отправлялись с заступами и лопатами и запруживали реку Кызыл, чтобы направить течение ее на стены китайской крепости; кроме того, все иностранные купцы, вооруженные от ходжи короткими копьями, также обязаны были являться на осадные работы. Ходжа прибегал к всевозможным средствам, чтобы устроить свое войско: все мастеровые в Кашгаре были заняты изготовлением оружия, лошади отнимались у жите-
22 лей и у иностранных || купцов и отдавались в войско. Валихан беспрестанно увеличивал налоги. Он устроил также артиллерию, состоявшую из 8 пушек, действовавшую, впрочем, довольно плохо. Пушки выливались в самом Кашгаре под надзором какого-то афганца. По словам очевидцев, войска Валихана были гораздо лучше устроены и вооружены, чем даже у бухарского эмира, который считается в этом отношении образцом в Средней Азии. Китайцы пробовали делать вылазки для уничтожения осадных работ, но всякий раз претерпевали поражение, так что в последнее время только стреляли со стен из ружей.

Город Яркенд был вскоре взят ходжой. Для осады Яркенда он послал своего любимца Тилляхана, сына одного янычарского эмигранта [11], который для успеха предприятия ложно был назван ходжой.

Несмотря на материальные силы, поддерживавшие владычество ходжи, нужно было, однако же, много терпения и преданности со стороны кашгарцев, чтобы вынести в продолжение ста десяти дней все жестокости и несправедливости этого тирана.

Как человек, постоянно куривший хашиш, Валихан-тюре дошел до какого-то сумасбродства и неистово предавался своим страстям. Он был одержим жаждою крови и не мог пропустить дня, чтобы собственноручно не изрубить несколько человек.

На берегах реки Кызыл ходжа воздвиг пирамиду из человеческих голов и тщательно заботился о возвышении этого, достойного его, монумента; головы всех убитых китайцев и мусульман собирали во всех местах и отправляли к пирамиде. Многие значительные лица сделались жертвою его лютости и, между прочим, один европеец, путешественник. Это был Адольф Шлагинтвейт, один из трех знаменитых исследователей Индии. Прибыл он из Яркенда и выдавал себя за английского ученого (хакима). Жители, полагая, что этот европеец в состоянии помочь своими советами при осадных работах, весьма обрадовались прибытию ференга [12]. Его привели к Валихану-тюре, который, к несчастью, был тогда в припадке сумасшествия от хашиша; перед этим же путешественник поручил одному купцу по имени Наманбай из Маргелана и родственнику Валихан-тюре купить несколько кусков парчи для поднесения подарка ходже. Но свидание свирепого вождя с путешественником кончилось трагически. Валихан спросил у последнего его документы, когда тот ответил, что может вручить их лишь кокандскому хану, на имя которого они адресованы [13], то Валихан в ярости приказал тотчас отрубить ему голову. Свидание происходило во дворце губернатора. Шлагинтвейта повлекли за город че-
23 рез новую площадь с || мечетью. Очевидцы рассказывают, что ференг был большого роста, носил туземную одежду, а длинные волосы непокрытой головы его развевались по ветру. Казнь совершена за городом, а отрубленная голова поставлена на пирамиду. Все это случилось в августе 1857 года *[3]. Имущество Адольфа Шлагинтвейта и бумаги его достались в руки ходжи, и судьба их неизвестна.

О степени зверства Валихана-тюре можно судить по следующим фактам. Один кашгарский мастер, сделавши несколько сабельных клинков, пришел в сопровождении сына к ходже, чтобы поднести ему свои произведения. Представленный ему, он удостоился целования руки. Ходжа, взявши одну из сабель, спросил: «Остра ли?». Мастер ответил утвердительно. «Попробуем»,— вскричал ходжа и

---

*[3] Ч. Валиханов собрал все эти подробности от очевидцев, жителей Кашгара, и, между прочим, от своей жены, которая сама видела палачей, влекущих Шлагинтвейта на казнь. Одно то обстоятельство, что г. Валиханов успел жениться в Кашгаре, показывает, что он пробыл там довольно долго и успел, следовательно, собрать на месте то, что здесь передается и что частью уже было передано в одной из наших газет. *(Примечание ред. ЗРГО)*.

одним взмахом отрубил голову сыну несчастного. «Да»,— прибавил он,—«сабля отличная»,— и приказал наградить мастера почетным халатом.

Рассказывали также, что однажды Валихан-тюре пригласил к себе почетнейших лиц Кашгара и нескольких анджанских купцов. По кашгарскому обычаю были позваны музыканты. В самом разгаре [торжества] вдруг раздался громкий голос ходжи: «Палач!» Все гости с трепетом ожидали, на кого падет его выбор. Явился палач, и ему было указано на одного музыканта, который имел неосторожность зевнуть. При всех гостях была отрублена голова и отправлена на пирамиду.

Женщины, мужчины, солдаты и муллы равно подвергались кровожадным наклонностям ходжи; тюрьмы были завалены узниками, и весь Кашгар представлял огромное лобное место, на котором валялись повсюду трупы. Обычаи кашгарские, отличные от кокандских, не нравились ходже и преследовались им. Национальный костюм был изгнан: женщины должны были, по примеру анджанских, закрывать волосы белым платком и ни в каком случае не могли показываться на улице с открытыми лицами. Им было запрещено заплетать косы, и полиция строго за этим смотрела. Мужчины с шестилетнего возраста должны были носить чалму и регулярно посещать мечети, к чему кашгарцы вовсе не привыкли. Очень понятно, что после всего этого известие о прибытии из Или огромного китайского войска было принято с радостью.

24 Между тем народ и войско не находили в себе более сил || терпеть кровавые прихоти Валихана-тюре, и с приближением китайского войска оставленный почти всеми он бежал. В Коканде, когда он воротился, его, было, посадили в тюрьму, но вскоре освободили, подвергнув даже пене [14] его обвинителей, ибо связанный ходжа принадлежал к числу привилегированных особ, освобожденных от телесного наказания и смертной казни.

Китайцы, вступив снова во владение возмутившейся страною, свирепствовали не менее самого Валихана, ознаменовав себя рядом казней. Таково то гражданское положение страны, среди которой неистовства слепого деспотизма равняются разве только нравственному растлению общества, друг друга постоянно поддерживая и развивая.

[СНОШЕНИЯ РОССИИ С КИТАЕМ]

27 || Записка Петлина[1] замечательна по точности и живости описания того, что ему удалось увидеть. Петлин чрезвычайно живо описал храмы и богослужение монголов-буддистов. Он ехал сначала через землю киргизов, перешел Абакан, Кимчик (вершину Енисея), озеро Убсы, [добрался] до кочевья алтынхана, потом через улусы олётов, между прочим, [их владетель] Кара-хуты нойон, до желтых мугалов, до улуса Мулючин близ китайской стены, и въехал в Китай через заставу Широкалга, вероятно, через ту самую Калгу, по которой проехал впоследствии другой русский посланник Байков[2].

28 || Сношения наши с Китаем очень мало исследованы. Первое русское посольство в Китай, по свидетельству Миллера («Ежемесячные сочинения», июль, 1755, стр. 16, но Фишер[*1] об этом не упоминает), было отправлено в 1608 году из Томска и посланниками [были] избраны трое местных казаков[3]. Они должны были вначале отправить посольское дело у мунгальского царя — алтынхана, т. е. золотого царя[*2], который кочевал обычно в горах около оз. Убсы, и потом идти далее по назначению. Но ничего [из] этого не получилось: казаки, узнав по пути от киргизов, что царь Алтын выгнан из жилищ своих калмыками[*3] и пребывает неизвестно где, не решились идти далее и из киргизских кочевок возвратились обратно в Томск, тем дело и кончилось.

Посольство это, вероятно, было снаряжено вследствие первых преувеличенных известий о неизреченных дивах в государстве

[*1] *И. Е. Фишер.* Сибирская история, СПб., 1774.

[*2] Алтынханом, т. е. золотым царем, русские называли владетеля монгольского поколения урянхай, который кочевал в горах около озера Убсы. Остатки этого некогда сильного племенного союза бродят теперь в числе двух волостей между Убсой и Телецким озером, летом в китайских, зимой в русских пределах, платя подать, смотря по месту кочевки, то китайцам, то русским. В Сибири они известны под названием «двоеданских волостей». *(Примечание Ч. Валиханова).*

[*3] Просто калмыками называли тогда преимущественно джунгар или олётов; черными калмыками, или мунгалами,— северных халхаских монголов; желтыми — южных чахар и ордосских монголов, а белыми калмыками — телеутов, или теленгутов, народ смешанного происхождения, говорящий татарским языком. *(Примечание Ч. Валиханова).*

китайском, где бой огненный и город кирпичный, а около города ходу конем десять ден. Мы думаем так потому, что об алтынхане, более близком соседе, в сибирских исторических актах упоминается в первый раз под 7113 годом *4, следовательно, только за год до этой посылки. С этого времени сношения с алтынханом становятся
29 довольно частыми; но || более других замечательна посылка в 7124 (1616), известия о которой сохранились в Томском архиве и внесены в его историю. В этом году казацкий атаман Василий Тюменец и литовский десятник Иван Петров были отправлены из Тары с царской грамотой и с подарками, состоявшими, между прочим, из коровьего масла, писчей бумаги, крупы, мунчаков (корольки), оловянной посуды, маленьких зеркал, медных колец и проч.; отправлено послание от имени царя Михаила Федоровича к алтынхану для призывания его под царскую высокую руку. Посольство имело полный успех. Русские были вотречены царевичем с лучшими мурзами, избу им поставили поблизку от царя и вообще над ними честь держали. На другой [день] после приезда послы наши были взяты на ханские очи. Алтынхан принимал их у хутухты в присутствии своих вельмож, духовенства и послов. Царь был в цветном платье, в золотом атласе, желтого царя послы — в золотом атласе, мурзы все — в цветных же платьях. Подьячий посольства
29 об. вычел царские || титлы, а сами послы возвышали царское величество и про иные цари-царевичи и про короли-королевичи, которые государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси служат, сказывали. Хан царские дары принял с радостью, он воздал им честь и корм и питье. Золотой царь Кунканчей и желтого царя князь Кошучин (Хочучи) говорили: «Рады-де мы белому великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу, всея Руси самодержцу, служити и прямить и на том шертовали *5 и веру утвердили по своей бусурманской вере, подымали на руки честно своего бога и со всем хутухтиным крылосом». ([Фишер], Сибирская история, стр. 258).

В ноябре месяце следующего года (1617 г.) посольство прибыло в Томск в сопровождении двух послов алтынхана — Каян Мергена и Кичин Бахшия, которые требовали, чтобы их отправили в Москву. Желание их было исполнено. Посылка эта замечательна еще тем, что русские нашли у алтынхана послов других народов, расспрашивали их про веру, про житье и про ратные бои и сообщили все слышанное и виденное. Их отобранные показания [от] 15 декабря 7125 года (1617 г.) в съезжей избе томскими воеводами Василием Боборыкиным и Гавриилом Хрипуновым и вынесенные Фишером целиком в его историю (Сибирская история [СПб., 1774], стр. 253—264) чрезвычайно любопытны.

Известия эти возбудили в Москве большое любопытство и подали мысль к отправлению другого посольства в Китай.

---

*4 [*Миллер*]. Описание Сибирского царства. Сиб., 1750, с. 411.

*5 Присягали о верности.

Для этой цели тобольский воевода, боярин, князь Иван Семенович Куракин отправил в 1619 (по мнению Миллера и Фишера, в августе 1620 (7128) г., по рукописи публичной библиотеки, что, вероятно, вернее) двух казаков — Ивашку Петлина и Тетунько, или Пятой (Петра) Киселева, или Кизылова (по Миллеру,— Кизылев, по Фишеру,— Киселев; в рукописи товарищ Петлина не упоминается). Миллеру и Фишеру — этим двум знаменитым исследователям Сибирской страны — был известен из бумаг Томского архива только путь их до улуса алтынхана, а дальнейшее продолжение его — по иностранным источникам, чрезвычайно неточным и испорченным *[6]. Полная подлинная реляция этого путешествия напечатана только [в] 1818 г. по рукописи публичной библиотеки в «Сибирском вестнике» Григория Спасского (Собрание исторических, топографических и других сведений о Сибири и странах, с нею сопредельных, издававшихся Григорием Спасским, часть II, 1818 г., стр. 1—15).

*[6] См. Voyages de la compagnie des Indes orientales, т. XII и Traité des Tartares par Pierre Bergeron, A Paris, MDCC XXXIV (1734) под особым заглавием: Voyage du Moskovile Evesko Petlin en Tartarie et Cathay oǹ Chine, en 1620. По Бержерону, товарищ его назыв[ается] Andrasko Madigene. Впрочем Бержерон перековеркивал Le chemin au Cathay и проч. Le Bojare ou vauivode knes Evan Simmonovich Kotochin (Kourakin) s'enyova en l'an 1619 de son Château de Tomo avec mon compagnon Andrasko Madigene pour accompagner l'Ambassadeur du roi Altins et par même moyen chercher Jgunbot... [Перевод: «Путешествие Ост-Индской компании», т. 12 и «Трактат о татарах Пьера Бержерона, парижанина», Париж, 1734 г. Под особым заглавием: «Путешествие москвитянина Ивашки Петлина в Татарию и Катай, или Китай, в 1620 г. По Бержерону, товарищ его называется Андрюшка Мадижен. Впрочем Бержерон перековеркал —«Дорога в Китай и проч; Боярин или воевода, князь Иван Семенович Котохин (Куракин) послал меня в 1619 году из своего замка в Томе (Томске) с моим компаньоном Андрюшкой Мадижен сопровождать посла короля Алтына и попутно разведать [в контексте: par même moyen chercher — посредством этого искать, т. е. разведать]». *(Примечание Ч. Валиханова).*

[ОБ ОРОСИТЕЛЬНЫХ КАНАЛАХ В СЕМИРЕЧЕНСКОМ КРАЕ *[1]]

По собранным сведениям известно, что каналы, несущие воду вверх, проводятся исключительно из рек или речек с весьма высоким напором, например из таких, которые, подобно р. Коксу [1] в Заилийском крае, берут начало из ледников, следовательно, с высоты многих тысяч футов [2]. Так как подобные каналы несут воду лишь на высоту, отнюдь не превышающую, сколько можно было узнать, 100 футов, то понятна возможность [устройства] горных водопроводов, в которых вода подымается напором. Подобный водопровод существует в Заилийском крае у Царского моста при Коксуйской станции [3], вода в него подведена из горной реки Коксу. Из реки проведен сначала длинный канал под острым углом к руслу реки, затем под острым же углом выведен первый короткий зигзаг в гору, из первого второй и т. д., после нескольких коротких зигзагов, в которые вода устремляется мгновенно напором, опять проводится длинный горизонтальный канал, далее опять зигзаги. Места, где вода, ударяясь с силой, должна поворачивать в противоположную сторону, тщательно одеты камнем в древних сооружениях подобного рода; самые бока зигзагов также одеты камнем.

---

*[1] Сведения эти сообщены действительным членом Географического общества г. Валихановым, бывшим в тех местах. Весьма было бы любопытно иметь об этом предмете несравненно бо́льшие подробности. *(Прим. редакции «Записок Русского географического общества»).*

СЛЕДЫ ШАМАНСТВА У КИРГИЗОВ

5 || Все писатели о киргизах говорят и почти во всех географических руководствах пишется, что киргизы — магометане, но держатся шаманских обрядов или, что они обряды мусульманские смешивают с шаманским суеверием. Это справедливо, но в чем состоит их шаманство[1]. Об этом, к несчастью, до сих пор никто не писал обстоятельно, хотя статьи о киргизских шаманах, или баксы, появлялись нередко в разных периодических изданиях [*1].

Вообще шаманство, как религия, составляет предмет еще неисследованный. Статья покойного Банзарова о «Черной вере» есть единственное систематическое и лучшее ученое исследование об этой отдельной вере, господствовавшей когда-то у всех народов Передней Азии. Несмотря, однако же, на превосходные достоинства этого сочинения, мы думаем, что оно не полно; именно потому не полно, что оно есть, как гласит заглавие статьи, очерки шаманства у монголов-буддистов, которые, как говорит Банзаров, «... питают
5 об. отвращение || к старинным своим поверьям и не почитают их достойными грамотного человека». Это обстоятельство, по нашему мнению, весьма важно, тем более, что большую часть данных для своей статьи Банзаров заимствовал из шаманских молитв, собранных ламами в особые книги и в измененном виде усвоенных буддизму [*2], как, например, обряды и молитвы при сооружении обо[2], молитва огню, гадание на бараньей лопатке и проч., и, конечно, были изменены по понятиям нового учения, что видно из следующих слов Варджрадарка [*3] Мэргэна[3], автора сочинения о построении обо: «...хотя составление таких книг само по себе не только стыдно [*4] (ибо время их прошло), даже неприятно для мудрых, однако же невозможно противиться желающим устроить обо и проч». Буддизм со своей обширной мифологией и обрядностями более торжественными должен был скоро вытеснить первоначаль-

---

*1 «Библиотека для чтения». Шаманство у народов Средней Азии; Ястребов. Киргизские шаманы, «Москвитянин», [1852 г., № 8], и статья Воронова, кажется, в «Биб[лиотеке] для чт[ения]». *(Примечание Ч. Валиханова).*

*2 Описка, следует: *буддизмом.*

*3 Описка, следует: *Ваджрадара.*

*4 Описка, следует: *постыдно.*

ных шаманских духов и большую часть шаманских обычаев.
В этом отношении, т. е. в отношении обычаев шаманских, и в от-
ношении шаманской демонологии [4], киргизы, сколько мне кажет-
ся, богаче монголов. Я этим не хочу сказать, чтобы шаманство
6 сохранилось у киргизов чище, || чем у монголов; напротив, у курги-
зов оно смешалось с мусульманскими поверьями и, смешавшись,
составило одну веру, которая называлась мусульманской, но [они]
не знали Магомета, верили в аллаха и в то же время в онгонов [5],
приносили жертвы на гробницах мусульманским угодникам, вери-
ли в шамана и уважали магометанских ходжей. Поклонялись
огню, а шаманы призывали вместе с онгонами мусульманских ан-
гелов и восхваляли аллаха. Такие противоречия нисколько не
мешали друг другу, и киргизы верили во все это вместе.

Такой порядок вещей продолжался до наших дней, когда ислам вместе с русской цивилизацией проник в степь, и грамотные дети, воспитанные фанатичными татарами, с презрением отвернулись от обычаев предков и стали преследовать и запрещать их, где только замечали.

6 об. Из вышеприведенных примеров можно || видеть, что основой
этой смешанной веры служило шаманство.

Мусульманство среди народа неграмотного без мулл не могло
укорениться, но оставалось звуком, фразой, под которыми скры-
вались прежние шаманские понятия. Оттого изменению подверг-
лись имя, слова, а не мысль. Онгон стали называть арвахом *[5],
куктэнгри [6] — аллахом или худаем, духа земли — шайтаном, пери,
дивана *[6] и джином [7], а идея осталась шаманская. Даже в пред-
ставлениях она имела образ, олицетворение шаманское. Но тем не
менее основания шаманской веры были поколеблены магометан-
ским единобожием. Небо слилось с идеей аллаха, а второстепен-
ные тэнгри, почитаемые в олицетворениях, и особенно те, которые
имели изображения, как, например, истуканы богов зем-
ли — дзаягачи [8],— совершенно были забыты, вероятно, по-
7 тому, что более преследовались при введении ислама, как идолы,
столь ненавистные мусульманам. Зато солнце, луна, звезды, || ко-
торые не были олицетворены, пользуются до сих пор уважением,
и в народе сохранились некоторые обряды их культа. Все
шаманские обряды, понятия, легенды, столь тесно соединенные с
бытом кочевым, сохранились у киргиз в совершенной целости и
представляют богатый материал для исследования среднеазиат-
ских древностей.

Банзаров в основных положениях о шаманстве, по нашему мнению, судит не совсем верно, или, лучше сказать, не обнимает всю идею шаманства.

Шаманство, с одной стороны, есть почитание природы вообще и в частности. Человек действует и живет под влиянием природы. В этом смысле шаманство представляет крайний материализм.

*[5] *Арвах* — дух предков.

*[6] Описка, следует: *дивом*.

С другой стороны, умирая, человек сам становится божеством —
это крайний спиритуализм[9]. Идея < недурна > и замечательна
особенно потому, что не имеет мифологических заблуждений и
7 об. дает полный простор общественным условиям, общес||твенным за-
конам. «Поклонение есть высочайшее удивление»,— говорит Кар-
лейль[10], которого понятия о происхождении язычества, по наше-
му мнению, вполне объясняют шаманство. Природа и человек,
жизнь и смерть были предметами высочайшего удивления и были
всегда преисполнены неисследимой тайны. Природа и человек!
Скажите, что может быть чудеснее и таинственнее природы и че-
ловека? Необходимая потребность познать Вселенную с ее чуде-
сами, вопрос о жизни и смерти и отношениях человека к природе
породили шаманство — обожание Вселенной или природы и духа
умерших людей. Так младенчествующий человек был приведен к
почитанию солнца, луны, звезд и всего того бесконечного, вечного
и разнообразного, что мы называем природой или Вселенной. Вот
ответ Карлейля, который так хорошо объясняет шаманское *не-*
8 *бопочитание*: «Вы, верно, помните приводимый Плато||ном[11]
пример человека, который, выросши в темной пещере, вдруг был
выведен на свет, чтобы... Эта зеленая с цветами трава, деревья,
горы, ручьи, шумящее море, эта глубокая бездонная лазурь неба,
летучие ветры, клубящееся черное облако, извергающее то огонь,
то дождь, то град,— что это такое? А это другое таинство — время;
вот высочайшее таинство... это Вселенная ... ах, боже мой! Это
какая-то сила неисследимая. Корень всех сил — сила, которая *не*
мы».

Человек шаманский удивлялся солнцу и поклонялся ему; уви-
дел луну — и ей поклонился; он поклонялся всему в природе, где
замечал присутствие этой неизъяснимой силы, вечной, как время,
которую он назвал синим небом, кок-тангри. Происхождение ша-
манства— это обожание природы вообще и в частности.

Другое чудо — человек. Эта душа, эти способности, этот дух
мыслящий и пытливый, не есть ли очевидное присутствие божест-
8 об. ва, той неисследимой вечной *силы*? Он поклонялся жи||вому
духу в лице шамана и мертвому духу онгону. Но влияние приро-
ды в этой жизни на человека, особенно младенчествующего,
слишком сильно, слишком деятельно, и он должен был создать
правила, которыми он руководствовался в отношении к таинст-
венной природе, что делать и чего не делать. Вот происхождение
тех обычаев и обрядов, которые мы называем теперь шаманским
суеверием и которые тогда были *истинной* верой, верой не-
сомненной, живой.

Таким образом, шаманство первоначально было почитанием
природы вообще, в идее неба и, в частности, солнца, луны, рек и
прочих чудес природы и стихий, и поэтому отчасти походило на
фетишизм[12], хотя по идее оно далеко не похоже на эту грубую
и мелкую адорацию [*7]. Олицетворения не было, и второстепенные

[*7] *Адорация (лат.)*— поклонение, обожание.

тенгри, конечно, появились впоследствии, чему служит дока-
зательством самое название *тэнгри — небо*. Влияние зоро-
астровой религии [13] проникло, как справедливо замечает Банзаров,
9 впоследствии и выразилось олицетворением || неба в Хормузде [14]
и в поклонении огню, которое, по нашему мнению, могло
существовать и в самом шаманстве, но религия магов [15] придала
поклонению этому божеству более обширные размеры и обставила
его большими обрядами. Какое понятие имело шаманство о небе,
как о божестве, и его могуществе в отношении человека? Человек
мертвый был сам свободное божество, поэтому влияние неба
простиралось только на человека живого. Поэтому же и идеи
греха, в смысле христианском, не было; от божества зависело бла-
го и худо, добро и зло, счастие и несчастие во время земной
жизни, а благодать и кара следовали тотчас за грехом, в шаман-
ском смысле.

Арвахи или онгоны, духи умерших предков

«Внешний мир — природа, внутренний мир — дух человека, и
явления того и другого — вот что было источником *черной
веры*»,— говорит Банзаров. Внешний мир — солнце, луна, звез-
ды и земля — вот первые божества; почитание целого должно
было привести к почитанию частностей: гор, рек, холмов и проч.
9 об. || Таким образом, шаманство обоготворило *природу*. Небо —
тэнгри, хотя впоследствии и олицетворялось, но никогда не было
богом. Человек приписывал небу, солнцу и луне власть над собой,
влияние чего нельзя отрицать, но влияние это действовало на
него только в этом мире от рождения до смерти. Он мог родиться
под особенным покровительством природы — чудным образом и
умереть от гнева, но по смерти власть природы на него прекра-
щалась, он сам становился арвахом, онгоном, божеством свобод-
ным. Благополучие его в том мире зависело от того, как родствен-
ники исполняли обряды *поминок*. Если поминки были исправ-
ны, он был спокоен и покровительствовал всем родным, не то он
становился врагом и вредным. Таким образом, небо было бесприст-
растно, как божество, и неревниво. У шаманских народов не
10 было грехов, в смысле христианском; человек боялся кривить ||
совестью, потому что оттого уменьшался его скот; наступить на
огонь, потому что он получит болезнь. Одним словом, суеверия
шаманские вели за собой кеср [16] — несчастие, падеж скота, бо-
лезнь. Наказание следовало тотчас за нарушением обряда. Со
смертью он освобождался от всех наказаний и дух был свободен.

Люди великие, сильные были и всесильными, всемогущими
онгонами, мелкие натуры становились и по смерти ничтожными
духами, <которые не могли ни порядочно любить и не умели не-
навидеть>. Чингис-хан после смерти был почитаем, как бог.
У киргизов почитание арвахов до сих пор во всей силе. Они в
трудные минуты жизни призывают имя своих предков, как му-

сульмане своих святых. Всякую удачу приписывают покровительству арвахов (см. свидетельство Рычкова [17]).

В честь арвахов приносят в жертвы разных животных, а иногда нарочно ездят на поклонение к их могилам и, принося жертву, просят их о чем-нибудь, например бездетные — сына. Во
10 об. время приношения жертвы арваху киргизы говорят: || ...*8 В древности могилы знатных и великих людей были скрыты или заповеданы [табу], вероятно, чтобы их не могли осквернить враги. (Аларих [18] у готов [19], скифы [20]... Дарий [21]). У нынешних киргизов воздвигнуть знатный курган или памятник считается непременной обязанностью детей, и могилы эти заменяют им обо. Это единственные святыни киргизов.

Китайские писатели сохранили нам некоторые обычаи, соблюдавшиеся при погребении царей у хунну, киданей [22] и других шаманских номадов. Европейские путешественники, ездившие к монголам [23], говорят о подобных обычаях у команов и монголов. Если сравним их с киргизскими, то найдем в них замечательное единство идей и даже сходство обрядов.

Шаманы почитались, как люди, покровительствуемые небом и духами. Шаман — человек, одаренный волшебством и знанием, выше других, он поэт, музыкант, прорицатель и вместе с тем врач. Киргизы шамана называют бахши, что по-монгольски
11 значит || учитель, уйгуры бахшами называют своих грамотников, туркмены этим именем зовут своих певцов. Команы называли шамана кам, так называют его и теперь сибирские татары.

Мы не будем говорить о происхождении этого слова, которое достаточно разъяснено Банзаровым, не станем также опровергать мнения о том, что шаман был и есть просто шарлатан. Мы только повторим здесь слова Карлейля: «Мне грустно даже предположить, чтобы шарлатанство, хотя в дикаре, могло породить веру». И у киргизов не всякий может быть шаманом, как не всякий из нас может быть поэтом.

Эм *9. Болезни, по мнению шамана, происходят не от физических причин, но от воли божеств и духов или вообще от непочитания — киелы, поэтому лечение болезней производилось шаманами, людьми, близкими к духам, и потому знакомыми с известными обрядами, или, как их называют сами киргизы, эм. Некоторые болезни имеют хозяина — ійе, ійели авру, т. е. своего духа.

11 об. У киргизов все болезни более или менее раз||деляются на две категории:

1. Учук *10, учупмак, всякая незначительная болезнь, сопровождаемая головной болью или тошнотой, или лихорадочным

---

*8 Оставлено пустое место для написания казахского: *тие берсін* — да дойдет [до арваха].

*9 *Эм* — лечение, исцеление.

*10 *Ұшық* — лихорадка, появление прыщей на лице.

Дуапа Большой орды. *Рис. художника П. Кошарова.*

жаром. Учук бывает, по мнению киргиз, от пищи. Судя по тому, что они пищу и питье вне кибитки не едят и незакрытой не оставляют на ночь, надо думать, что делают это, боясь порчи от злых духов. Учук лечится обрядом, называемым также учук (учуктамак *[11] — лечить от учука).

2. Кагынды — болезни, сопровождаемые более сильными симптомами, и лечатся обрядами, называемыми какмак. В том и другом случаях имеют в виду испугать духа нечистого. В учуке прыскают три раза холодной водой и кипятком, а в кагынды бьют легкими, вынутыми от разных животных.

Киргизы ревматизм называют тёз арвах, он получается от неосторожного хождения по местам старых кочевок *[12]. От ревматизма считают верным средством носить ...*[13] на больном месте,
12 которое должно быть || непременно повязано дикокаменным киргизом.

Женские болезни, особенно маточные, приписывают действию духов, и женщин, одержимых духами, называют зиандасты *[14].

Чтобы не рожать детей, женщине следует вымочиться на муравейнике.

Эм от водобоязни: больного заставляют кусать ушки котлов в сорока кибитках, < следовательно, сорока котлов >. У казанских татар собирают куски хлеба из сорока изб.

Огонь. Почитание огня, как справедливо думает Банзаров, заимствовано шаманскими народами от персов [24], как и Хормузда, бога неба. Мы совершенно согласны с ним в этом, но полагаем, что заимствование было в гораздо больших размерах, чем думает Банзаров. По нашему мнению, шаманство первоначально заключалось в грубом почитании мира, вообще в идее неба и всех его частностей, т. е. солнца, луны, земли также с частностями: горами, реками, замечательными камнями, деревьями и проч. Идея добрых
12 об. и злых тэнгриев, культ огня, может быть самое искус||ство шаманов (но не шаманство) заимствовано от персов, даже дуализм неба, как материи — кок и как бога — вечный. Из всех шаманских поклонений у киргизов поклонение огню до сих пор имеет большую с лу. Киргизы огонь называют авлие [25], этим же именем называют мусульманских угодников. Из почтения огонь киргизы, подобно монголам, называют мать. Огонь имеет качество очистительное *[15]. Очищают, проводя между двух огней. У киргизов обряд очищения называется аласта [26]. Скочевывая с зимовок, они переходят кочевкой между двух огней. Человек, дающий публичную клятву, должен также очищаться огнем.

Огонь был покровителем жилищ, домашним святилищем, поэтому у киргизов невеста при вступлении в новое семейство

*[11] *Ұшықтамақ* — вспрыскивать холодной водой.
*[12] То есть старых стоянок и развалин могильных сооружений.
*[13] Должно быть: *конское копыто.*
*[14] *Зиандасты* — зловредный.
*[15] В рукописи сделана ссылка на сноску, которая не вписана.

должна была поклониться огню в большом доме[27]. Обычай этот существует у монголов и заменяет венчание. У киргизов он,
13 оче||видно, утратил много подробностей, если его сравнить с монгольским. Невесту, вступающую в новое семейство, женщины вводят в юрту тестя *[16]. В дверях она делает обычное коленопреклонение *[17], потом садят ее около очага на выделанную телячью кожу, чтобы она, невеста, была мягка, как шкура *[18]...., затем льют в огонь жир *[19], и она падает несколько раз ниц, приговаривая: мать-огонь и жир-мать, награди меня милостью!..*[20] В это время женщины, нагрев ладони на огне, водят по лицу невесты. Надо полагать, что молитва эта первоначально была не так кратка (см. эту молитву у монголов). Точно также при рождении ребенка приносят огню жертву, говоря... Киргизы оказывают вообще большое почтение огню; в огонь нельзя плевать, нельзя проходить через огонь, даже через место, где он был когда-то разведен...»*[21] Киргизы самого взбалмошного человека называют...*[22]
13 об. Почитая огонь, боялись гнева огня и потому || клялись гневом огня...*[23] Многие болезни считались гневом огня, и потому очень многие болезни лечились огнем. К числу болезней, лечимых огнем, принадлежит ревматизм — боль в ногах, которая, по мнению киргизов, происходит от неосторожного хождения по местам старых стоянок. Монголы думали точно так же, потому что у них было предание, что племя хонкират страдало болью в ноге, потому что оно вышло из Иргене-хона [28] и повергло благо других племен под ноги.

Для жертвы огню употребляется у киргизов жир. Жертвенные свечи, или светильники, чрак, делались белые из ваты или из белой дабы и синие — из китайки, пропитанной салом и обернутой около тонкого стержня *[24] растения чий. Чрак должен быть длиною в локоть. Ваточные употребляются для сжигания по умершем в первые четыре дня, каждый день жгут по десять, всего сорок. Во время лечения шаманами употребляются от некоторых болезней чраки белые и синие вместе от трех до семи и девяти.

14

|| О животных, приносимых в жертву

В жертву приносили и приносят животных всех видов, по преимуществу верблюдов, лошадей, баранов и редко быков, но

---

*[16] Описка, следует: *свекра*.

*[17] Коленопреклонение — *таджым*. Киргизские невесты делают таджым всякий раз, когда входят в юрту родственников, старших летами ее мужа, и когда видят их случайно (она должна от них скрываться). Она также не называет их по имени, не называет по имени и младших членов семейства, родившихся до ее вступления. *(Примечание Ч. Валиханова.)*

*[18] Пропуск, очевидно для казахского слова: *баспаķ*.

*[19] По-казахски: *отķа май ķұю*.

*[20] Пропуск, очевидно для казахского: *от ана, май ана, жарылķа*.

*[21] Порупск, очевидно для казахского: *от орны, жер ошаķ*.

*[22] Пропуск, очевидно для казахского: *от соķķан, от аттаған*.

*[23] Пропуск, очевидно для казахского: *от соķсын, от аттайын*.

*[24] Правильнее: *стебля*.

всегда самцов и с известными приметами. «Возьмем,— говорит в поэме «Чора» жена мужу,— от верблюдов — нара, от лошадей — жеребца, от коров — быка и от овец — барана и пойдем просить себе сына».

Ислам допускает жертву от стад только в память курбана Авраамова, но киргизы при малейшем несчастии режут животное во имя божие...*[25] или во имя арвахов и приносят жертвы не при обо, а на могилах предков. Такие жертвы они называют курбандык и садака и этим некоторым образом смягчают их языческое значение.

Верблюд показывает крайнюю важность причины, побудившей сделать жертву. Верблюд должен быть белый. Поговорка «распоролся желудок белого верблюда»*[26] употребляется при крайне радостных случаях, например, при возвращении близких людей из опасного похода или из дальнего путеше-
14 об. ствия, при рождении наследника у || людей, которые давно этого дожидались, и, очевидно, имеет жертвенное происхождение. При подобных радостях, чтобы показать всю их важность и искренность, надо полагать, распарывали желудок верблюда, хотя в настоящее время верблюд редко приносится в жертву.

Баран должен быть белый с желтой головой...*[27] или белый с лысиной...*[28] Обыкновенно, принося жертву, киргиз в молитве описывает приметы приносимого животного. «О, арвах, для тебя именую луборогого, раздельнокопытчатого с запахом мускуса, или с ушами... подобными баурсакам *[29], или с разрезными ушами, с двумя зубами»...*[30] и проч. Приносят в жертву и первенцев в стаде, если они и не имеют вышеприведенных примет. В молитве огню у монголов говорится также белый баран с желтой головой.

Киргизы нередко в беде именуют лошадей или скот, почему-либо им дорогой, а приносят в жертву другой, менее любезный.
15 Для || этого слюной именованного животного мажут рот животного, которое хотят в самом деле убить[29].

Космологические понятия киргизов

Здесь трудно распознать, которая из дошедших до нас легенд более древнего происхождения, и под влиянием какого культа они произошли, тем более, что об одном и том же предмете существуют в одно и то же время различные понятия.

Звезды, по мнению некоторых киргиз, не что иное, как боль-

---

*[25] Пропуск, очевидно для казахского: *құдайы, тасаддық.*

*[26] По-казахски: *ақ түйенің қарны жарылды.*

*[27] Пропуск, очевидно для казахского: *ақ сарыбас.*

*[28] Пропуск, очевидно для казахского: *боз қасқа.*

*[29] Пропуск, очевидно для казахского: *Ай мүйізді, аша тұяқты, жұпар иісті, баурсақ құлақты.*

*[30] Пропуск, очевидно для казахского: *тілік құлақты, екі тісті.*

шие горы из драгоценных камней, лежащие от нашей планеты в таком расстоянии, что кажутся маленькими точками. Киргизы верят также во влияние звезды на человеческое счастье, как говорят в простом народе,— в планиду. По мнению других, каждая звезда соответствует душе какого-нибудь человека на земле, и когда умирает человек, то и звезда его падает на землю. Когда киргизы видят падающую звезду, то говорят...*[31] (моя звезда выше!) или несколько раз чалапают *[32] губами. Счастливого челове-
15 об. ка, по||кровительствуемого судьбой, называют «человеком со звездой».

Монголы приносят, по шаманскому преданию, жертвы звездам и [при]дают, подобно киргизам, большое значение звездам в отношении власти доставлять человеку счастье, богатство, скот и проч.

Из звезд киргизы знают и отличают поименно очень немного.

1. Полярная звезда — Темир казык *[33], по ней ориентируются киргизские путешественники во время ночи. Название железный кол, вероятно, дано вследствие видимой неподвижности, поэтому две звезды, близкие к ней и имеющие около нее движение, которое похоже на ход лошадей, привязанных на веревке к колу, называются «двумя белыми лошадьми»*[34].

2. Большая Медведица называется киргизами Семь воров — Джеты каракчи, это души семи разбойников, которые днем
16 воровали, а ночами каялись в грехах, за || это они были обращены после смерти в семь звезд. У семи воров находится похищенная дочь Плеяд *[35].

3. Плеяды — уркер. Киргизы заметили поступательное движение Плеяд к Большой Медведице и думают, что она преследует семь воров, чтобы выручить свою дочь. По Плеядам киргизы узнают часы ночи и времена года.

4. Венера — Пастушеская звезда. По всходе этой планеты киргизские пастухи гонят баранов в аул, в загон.

5. Утренняя звезда — Чулпан-джулдуз.

Знаки Зодиака и их созвездия известны киргизам под арабскими, но несколько исковерканными названиями. Впрочем, положение их никто не знает. Киргизы имеют свои названия месяцев.

Млечный путь (Куш джол *[36]) — птичья дорога, потому что по направлению Млечного пути летают перелетные птицы.

16 об. || Луна, вероятно, была божеством. Киргизы при виде новой

---

*[31] Пропуск, очевидно для казахского: *менің жұлдызым жоғары.*

*[32] Описка, следует: чмокают.

*[33] Железный кол.

*[34] По-казахски: *ақ боз ат, көк боз ат.*

*[35] Надо полагать, что легенда эта древнего происхождения, ибо монголы называют Большую Медведицу созвездием Семи старцев и приносили ей в жертву кумыс, молоко и посвящали животных. Банзаров рассказывает, что в рукописи «Книга о молитве и жертвоприношении звездам и богам» есть небольшая легенда о важности созвездия Семи старцев. Не имеет ли она сходства с киргизской? *(Примечание Ч. Валиханова.)*

*[36] По современной казахской орфографии: *құс жол.*

луны делают земные поклоны и летом берут с того места, где делали поклоны, траву, которую, придя домой, бросают в огонь. Киргизы говорят, что на луне есть старуха (вероятно, вследствие округленности и пятен, которые кажутся частями лица). Киргизы не смотрят долго на луну, боясь, чтобы старуха не сосчитала ресниц, если это случится, то человек должен умереть. При отправлении естественных нужд не обращают лица к луне. Вообще о луне говорят с уважением.

Солнце. Конечно, если луна была божеством, то и солнце должно было быть тем же; между тем мы не видим у киргизов следов уважения к этому светилу. Банзаров то же говорит о мон-
17 голах. Странно. Не могло ли быть, что младенчествующий че||ловек отдал первенство луне потому самому, как в анекдотах рассказывают про одного простака, который сказал: «луна лучше солнца, потому что днем и без солнца светло». Киргизы не обращаются лицом к солнцу, когда отправляют естественные нужды — вот единственная дань уважения, которая до сих пор нам известна [30].

Небо — это высочайшее божество в шаманстве. Кок-тэнгри — Синее небо. У киргизов первое прилагательное кок означает видимое, предметное, а существительное (тэнгри) обращено в синоним...*[37] (аллаха) и кудая (худа.) Впрочем, в отдаленных краях степей, например, в Дикокаменной орде еще живет выражение кукэ-тянгри, в виде набожного восклицания или призывания. Слово тэнгри еще при Чингис-хане магометане переводили словом алла, а европейцы словом deus, так оно было в шаманстве близко к идее всемогущего существа, а в Малой Бухарии и теперь китайское тянь переводят персидским словом худа — бог.

17 об. Небо было свободно в своих поступках, оно на||граждало и карало. От его воли зависело благополучие людей и народов. Выражения «тэнгри-джарылкасын» (джарылкамак) — да наградит тебя небо; «кок-суккан» — проклятый небом и «кук-суккыр» — чтобы не было неба [31] показывают их шаманское происхождение. Джарылкамак имеет очевидное сходство с джарлык [32] (монгольское дзарлик) — изъявление воли — и с монгольским дзаяга — воля неба, судьба.

На небе есть жители — люди. Они опоясываются под горлом; мы живем в середине на земле и носим пояс на середине тела, люди же подземные, у которых также свое солнце, луна и звезды *[38], носят пояс на ногах. Между небесными киргизами есть очень богатая старуха (образ жизни небесных жителей — киргизский, иначе и быть не могло, так как эти элементы суть плод киргизской фантазии).

Радуга — кемпирден косагы, т. е. старушкин косаг. Косагом называется привязь овец на две стороны петлями к натянутой

*37 Пропуск, очевидно для слова: *бога*.

*38 Поверье о подземных людях сохранилось в некоторых сказках (*Примечание Ч. Валиханова*).

18 по || земле веревке. Упоминаемая здесь старушка уже нам знакома. Радуга — ее косаг из разноцветных овец, которых старушка имеет привычку доить п о с л е д о ж д я.

Явления в воздухе

Г р о м. Монголы, как говорит Рашиддин, ужасно боялись грома, считая его за гнев неба. Киргизы говорят действительно, что гром — гневный глас божий, а молния — стрелы, которыми он поражает шайтанов, но трудно распознать, аллах или небо этот гневный бог, и шайтаны, которых он поражает, мусульманского или шаманского происхождения. Мусульманские легенды в этом отношении сходятся довольно близко с киргизскими. Они говорят, что гром — крик одного страшного ангела, а молния — стрелы, коими он поражает шайтанов, но относить этот акт к самому богу, по-мусульмански, неприлично. Надо полагать, что здесь господствующая идея — шаманская, тем более, что буддисты — монголы, на которых не могла действовать мусульманская легенда, также считают молнию за стрелы небесные, направленные против злых духов.

18 об. || Нам случалось также слышать относительно первого грома [известную формулу], что «небесный жеребец ржет...*[39]» При этом у киргизов соблюдается следующий обряд: хозяин юрты с ковшом выбегает из юрты, бьет им, бегая кругом, свою кибитку снаружи, приговаривая: «молока много, углей мало»...*[40], а потом, придя домой, втыкает ковш около дверей в керегу *[41]. Говорят еще, что льют молоко у порога *[42]. Кажется, все это делается не из страха, а есть доброе пожелание обилия молока, следовательно, и увеличения стад.

О драконе, как о производителе грома, мы не слышали. Вообще олицетворений ислам не терпит.

В и х р ь, вероятно, был олицетворен как один из тэнгриев стихийного происхождения, потому что киргизы, встречая вихрь, плюют три раза «тфу, тфу, тфу». У г. Васильева [34] говорится о подобном же обыкновении у киданей.

О чарующих силах в природе

19 Абульгази говорит, что турки *[43] имели камень, || называемый яда или джада, посредством которого могли производить дождь, гром и молнию *[44]. Киргизы этот камень называют джайтасы *[45] и

*[39] Пропуск, для казахского: *көк айғыры кісңеді.*
*[40] Пропуск, для казахского: *сүт көп, көмір аз.*[33]
*[41] *Кереге* — решетчатое основание юрты.
*[42] По-казахски: *Босаға сүт құю.*
*[43] Точнее: *тюрки.*
*[44] *Абульгази.* Histoire des Mongols et des Tartares par Aboul-ghazi Béhadour khan. Изд. Демезона, т. 1. Спб., 1871, стр. 138 (текст).
*[45] То есть громовой камень, метеорит,

до сих пор верят в джада и в возможность производить, когда нужно, дождь и непогоду, и многие между ними славятся в этом отношении. Киргизы всякое чародейство и колдовство называют джаду. Между киргизами прежде было много подверженных джаде, испорченных, т. е. околдованных. Болезнь эта считалась смертельной, и от нее можно было избавиться только через операцию шамана, который резал им желудок и извлекал оттуда какую-нибудь мерзость. К джаду прибегали обыкновенно ревнивые жены, и мы знаем, по преданию, много киргизов, умерших якобы от джаду. Чтобы обворожить, заставить кого-нибудь любить себя, или, как говорят киргизы, «вскружить голову»*[46], прибегают к разным заговорам *[47]. Замечательны между ними ч а р ы н а с л е д..., о которых упоминается в русских сказках (ведьма Марина Добрыне Никитичу). Большей частью заговоры делают на
19 об. сахаре или изюме, который потом дают кому надо. || Чародейство, колдовство у киргизов носит разные названия: во-первых, арабу (от него арбын, у дикокаменных киргизов, и арбаучи, у кайсаков). В «Манасе», эпической саге дикокаменных киргизов, все герои и богатыри имеют это качество; даже их лошади, вещие говорящие кони, имеют еще способность изменяться... в птиц и проч. Они называются арбын-кулун, лошадь-чародей.

Заговоры, которыми дикокаменные киргизы ограждают себя от разных болезней, также называются арбын. Они имеют арбын даже от удушливости на высоких горах, которая происходит от малого давления воздуха. У кайсаков арбау называются по преимуществу заговоры, а арбаучи — люди, имеющие способности посредством заговора освобождать человека от чар, от болезней и проч. Для того, чтобы излечить человека от ужаления змеи, киргизы хватают живую змею и заговаривают ее. Если заговор был действителен, то змея должна тут же умереть. Вообще первоначальное значение этого слова — заговор.

Киргизы употребляют еще персидское слово сихр и от него с и х р ч и — колдовство, [колдун].

19 а

|| О чарующих силах, заключающихся в самом человеке

Грозны были для младенчествующего человека стихии, но от них можно укрыться; хуже беда была в самом человеке — страх перед какой-то неведомой силой, которую он ощущал в себе. Человек был окружен страхом. Даже во сне он боялся, его страшил сон.

Я з ы к человека через слово имел, по мнению киргизов, раз-

*[46] По-казахски: *бас айналдыру.*
*[47] По-казахски: *арбау.*

рушительное влияние. «Слово человека может раздробить камень, если не камень, то голову человека»...*[48]

Если у киргиза умрет красивый ребенок, пропадает хороший конь, улетит хороший сокол, испортится ружье — все приписывается человеческому языку.

Глаз — действует так же, как и слово.

Ногти. Киргизы вместо клятвы лизали ногти на руках, смотря на небо. Приписывается ли чародейская сила ногтям всех пальцев или одного пальца по преимуществу, не знаем. У Буслаева безымянный палец по преимуществу не терпит неправды.

19 а об. || **Чарующая сила, приписываемая некоторым действиям**

«Обвести», «окружить» употребляется в эпических сказаниях народов индо-германского племени в смысле приворожить, околдовать. При этом действии чарующую силу они по преимуществу приписывали мертвой руке: «как мертвой рукой обвести» (Снегирев. Русские в своих пословицах, т. II, стр. 35; Лионский рецепт, 1751 г., см. Буслаева).

У киргизов чарующая сила заключается собственно в кружении. Они избегают полного круга при осмотре чего бы то ни было. Обойти человека — значит принять на себя все его болезни, все чары, которые тяготят над ним. Поэтому самое нежное слово у киргизов и самое верное выражение любви заключается в словах айналаин, у среднеазиатских турков — ургулаин, что значит «обхожу тебя». Мы слышали, что в старые годы часто чадолюбивые отцы бегали с поясом на шее вокруг юрты, где ле-
20 жал больной их сын, предлагая якобы себя небу вза || мен больного, а родственники и одноаульцы старались удержать его от такого гибельного намерения. Так киргизы верили в кружение. Птицу, попавшуюся в руки, отпускают на волю не иначе, как обведя ею несколько раз около головы.

Клятвы

1. «Да побьет меня огонь мой»*[49]

2. «Да буду твоим синим ослом»*[50], иногда они прибавляют: «в двух мирах», т. е. «на этом и на том свете».

3. «Инк дечи» — скажи инк! Это слово, по Рашиддину, значит благословление; он этим словом объясняет онгон.

У дикокаменных киргизов есть странная клятва: «Майнекен булаин». Надо полагать, что Майнеке — имя собственное какого-нибудь человека, особенно прославившегося своими

---

*[48] Пропуск, очевидно для казахского: *адам тілі тас жарар, тас жармаса бас жарар.*

*[49] По-казахски: *отым соқсын.*

*[50] По-казахски: *көк есегің болаин.*

дурными качествами *[51], или какая-нибудь унизительная профессия. Клятва эта общеупотребительная.

Р ы м, т. е. обычаи, соблюдение которых в шаманстве избавляло от несчастий, а нарушение вело за собой какое-нибудь бедствие. Одним словом, те простонародные обычаи, которые европейцы на-
20 об. зыва||ют у себя суевериями или предрассудками, а в шаманстве они и составляют обрядную часть их веры. Р ы м называются также обряды, исполняемые в видах предзнаменования. Например, у кого нет сыновей, а родятся девочки, те дают последней из своих дочерей имя Ул-Туган — сын родился, Майкёт, чтобы оно было предзнаменованием для рождения сына.

Мы ознакомимся *[52] с наиболее употребительными р ы м а м и:

1. При отчуждении из табуна лошади берут клок волос от гривы и, помочив в слюне животного, кладут в карман; этот обычай называется «брать слюну»*[53].

2. Отдавая кому-нибудь платье, оставляют у себя одну пуговицу или завязку.

3. При продаже животных не отдают от лошади узды, от верблюда носовой веревки, от сокола путалищ, от собаки ошейника. В русских сказках есть чародей, который оборачивается в разных животных: в лошадь, собаку, сокола и проч., обыкновенно просит, чтобы при продаже его в этом виде не отдавать узды, ошейника и путалищ.

4. Входить в юрту с пищей во рту нехорошо, выходить, напро-
21 || тив, хорошо, «к врагу ходят жуя, а от друга выходят жуя». Если хозяин заметит, что кто-нибудь вошел к нему с жвачкой во рту, то непременно заставит его выплюнуть у порога все, что есть во рту. При входе отворяют двери гостю сами хозяева; при выходе — ни за что *[54]. Некоторые киргизы имеют свой собственный рым; т. е., заметив, что известные действия всегда ведут за собой худо, а известные — благо, они избегают первых и не упускают делать последние и пр. Некоторые киргизы ни за что не дают своего головного убора, боясь худых последствий.

Особенно много р ы м о в киргизы наблюдают во время п о х о д о в и б а р а н т ы. Слова: «т у с» — сходи с лошади, «байла» — вяжи, дабы не послужили дурным предзнаменованием, заменяют благоприятными для них по смыслу словами: кон *[55], бекет *[56], ійр. Песен не поют; вместо сапты-аяк *[57] говорят джулды-аяк *[58],

---

*[51] *Майнеке* — образ урода, страшилища; *Майнеке болаин* — буквально: быть мне Майнеке, переносно: будь я проклят.

*[52] В рукописи искажено переписчиком.

*[53] По-казахски: *сілекейін алу.*

*[54] Здесь в основе лежат обычаи гостеприимства.

*[55] Точнее: *қон.*

*[56] Точнее: *бекіт.*

*[57] Деревянная чашечка с ручкой; употребляется для кормления мясом беркута и гончих.

*[58] То есть *джолды-аяк* — буквально: благополучная нога, в переносном смысле: счастливого пути; второе значение: «чаша счастья».

кобылу называют жеребцом, потому что ездить на баранту на кобылах считается неблагоприятным для успеха; назначение кобылиц, по мнению киргизов, есть расплод и кумыс, а не поход.

21 об.

|| Талисманы от глазу, от нечистых духов и от разных болезней

Киргизы употребляют теперь магометанские, кабалистические молитвы и называют их «тумар»; в прежние же годы талисманы были большею частью вещественные, а именно: разные части тела вещих животных или птиц, кости животных и иногда камни.

1. Кости животных, имеющие сверхъестественную силу. Локтевая кость, по мнению киргизов, могла заменить для скота пастуха, т. е. сберегать от волков и от воров, а не от падежа, как ошибочно думает г. Ильминский (см. Известия Вост. отд[еления] Арх[еологического] о-ва, 1860 г., вып. 5) *[59]. Для этого ее ставят в юрте точно так же, как у монголов, по рассказу Гомбоева [35], и, как у монголов, кладут между тонкой костью также траву кипец. Кость в этом виде изображает пастуха с укрюком. По поверью киргизов, локтевая кость в виде человека стережет скот от воров и глазам воров представляется в виде человека *[60]. Киргизы эту кость называют кары-джилик, т. е. стар[ый]...*[61] Кары не есть ли испорченное слово хариту? Локтевую кость киргизы носят
22 || также привязанную к передней луке седла, как хранителя седельного прибора и лошади.

Волчья чашка предохраняет от ревматизма в пояснице и от «глазу».

2. Голова филина, ноги и перья сохраняют от злых духов; для

---

*[59] *Н. И. Ильминский.* Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов.

*[60] На этом поверье основывается, вероятно, следующая легенда. Несколько воров ходили несколько дней около стада одного киргизского бая, но ничего не могли украсть, потому что по ночам вокруг стада ходило множество людей, вооруженных укрюками. Зная, что у этого киргиза, кроме жены и дочери, не было других хранителей, не было ни сыновей, ни рабов, они решились узнать это чудо и пришли к нему на ночлег в виде кунаков, т. е. гостей. Бай зарезал им барана и накормил их досыта. Тогда они чистосердечно объяснили ему, что они воры, что давно стерегли его стадо, но не могли ничего взять, потому что ночью ходят вооруженные [люди]. «Скажите,— спросили воры,— что вы имеете такого и каким чудом вы владеете?» «Никаким чудом не владею,— отвечал бай,— у меня только одно правило, которому я следую неуклонно. Именно, отец умирая, || завещал мне один завет. «Сын мой,— сказал он,— я тебе оставлю завет, следуй ему и будешь всегда богат. Сколько тебе ни придется резать баранов, не бросай локтевых костей и привязывай их к косякам дверей и к чагараку [*чангарак* — круглый свод юрты]. Я всегда исполнял его волю и, слава богу, не помню, чтобы из стада моего потерялся или чтобы волк похитил хоть одного ягненка». Воры осмотрелись в юрте и увидели в ней столько локтевых костей, сколько видели они людей, сберегавших по ночам стадо. *(Примечание Ч. Валиханова).*

*[61] Оставлено место для казахского: *жілік* — трубчатая кость, *кәрі жілік* — локтевая кость.

этого их привязывают к юрте и к колыбелям детей. Нам случалось видеть в юртах дикокаменных киргиз голову улара [*62] (Tetraogallus himalayensis). По понятию дикокаменных киргизов, мясо этой птицы навсегда предохраняет от оспы[...]

3. От «худого» глазу и языка носят камень, называемый «ишек тас [*63]. Камень этот, по поверью, должен находиться в желудке ослов, но торговцы продают под этим именем зеленую муравленную глину.

Все болезни в шаманстве приписывали наваждению злых духов или гневу онгонов, оттого лечение их производилось шама-
22 об. нами — людьми, || покровительствуемыми духами. Кроме шаманов, злые духи боятся и некоторых живых знатных благородных или храбрых людей, которых в этом смысле называют живыми духами.

Есть и животные, которых боятся черти. Например, при родах — верблюда-самца и ежа. К колыбели детей привязывают ежовые иглы, а при родах кладут их на страждущую. Замечательно, что волосы русского человека употребляют также в числе средств для изгнания болезни.

23 || Киргизы приписывают особенную силу кие некоторым стихиям, например, огню (который был божеством), некоторым животным, птицам и разным предметам, полезным в их кочевом быту, и воздают им известного рода почет, думая, что исполнение этих почетных обрядов утверждает за ними богатство и счастье — кут (это слово заключает в себе идею счастья, соединенного с богатством), а неисполнение — бедность и какое-нибудь зло. Предметы, имеющие такую силу кие, называются киелы, а карательная сила их кеср[36].

Известно, что монголы боялись проливать молоко; они в этом случае боялись кесра.

23 об. Поэтому надо полагать, что шаманские || народы добро и зло приписывали благоволению или гневу обоготворяемых ими предметов и стихий кие. Благочестие заключалось в известных обрядах уважения, а грех в нарушении их; они боялись кесра.

Приводимая ниже легенда замечательна в высшей степени по своему чисто шаманскому происхождению. Вот понятие киргизов о будущей [*64] жизни, и оно совершенно согласно с свидетельством Плано Карпини, который говорит, что монголы с мертвым погребают кобылу с жеребенком, оседланную и взнузданную лошадь, чтобы ему было чем питаться на том свете и разводить лошадей для своего употребления. Киргизы кладут на могилу чашку, но животных, которые назначаются для замогильного употребления покойника, режут на его поминках со словами «тiо берсен» — да дойдет до тебя. Это очень важно; следовательно, шаманское небо было беспристрастно как божество, не ревниво. Большее или мень-

*62 *Улар* — горная индейка.

*63 *Ешек-тас* — ослиный камень.

*64 То есть *загробной*.

шее благосостояние человека умершего зависело не от неба, а от той исправности, с которой должны были родные исполнить обы-
24 чаи. Чем больше зарезано лошадей || на могиле, тем благополучнее был покойник. Неотомщенный покойник, судя по этой же легенде, очевидно, должен был страдать. Влияния ислама в этой легенде, по нашему мнению, нет, кроме слов салем-алейкум *[65]. Азраила, Джебраила мы считаем не магометанскими архангелами, это, по нашему мнению, шаманская смерть, переименованная согласно духу времени. Монголы олицетворяют смерть (Эрлик-хан, бог смерти), как олицетворяют некоторые болезни, например, оспу, в виде злой и отвратительной старухи. Мы не знаем из преданий, какой вид имела киргизская смерть, но знаем, что она имела укрюк, чтобы схватить, и какое-то оружие, чтобы зарезать свою жертву. Плано Карпини говорит, что монголы очищали юрту и все вещи покойника огнем. Киргизы также считают все, что в юрте покойника, нечисто, потому что, когда смерть режет невидимо горло человека, то кровь его, также невидимая, доходит до 3-й клетки кереге в юрте, следовательно, потопляет все вещи, находящиеся в юрте.

Самое бегство от смерти, недопускаемое исламом, составляет один из постоянных мотивов легенд шаманских народов. У киргиз-
24 об. ских шаманов есть легенда || о Хорхуте, первом шамане, который научил их играть на кобзе и петь сарн *[66]. Даже у более омусульманившихся туркоманов Коруглу убежал от смерти, хотя и не надолго. Поэтому надо полагать, что, хотя воля неба в отношении смерти была в шаманстве, по понятию, близка к судьбе, но все-таки люди старались избавиться [от нее], а не покорялись ей, как древние своему fatum и магометане перед ужасным пагдыр *[67].

Легенда о мертвом и живом и о дружбе их

В старину было у одного бая три сына. Потерялся раз у этого бая один косяк кысраков *[68]. Вот и говорит отцу старший сын: «Отец! дай я поищу наш скот, кысраков!» «Ступай, сын мой, ищи!» — говорит отец. Сын садится на лошадь, берет провизию *[69] и оружие... *[70] Видите, отец был чародей и хотел испытать детей,
25 он отправляется через шесть степей и, обратившись || в шесть волков, ждет сына. Увидевши шесть волков, сын испугался, убежал домой и лег. Средний сын просится тоже у отца искать лошадей, и он также прибежал домой, испугавшись волков. Остается самый младший; он говорит: «Я буду искать». «Ладно!» — отвечает отец.

Отец-то был испытатель *[71]. Он обратился в шесть тигров и лег

*65 Форма приветствия у мусульман, по-арабски: *«мир Вам»*.
*66 Здесь на полях рукописи поставлены знаки NB.
*67 Описка, следует: *тагдыр*.
*68 Лошадей. *(Примечание Ч. Валиханова)*.
*69 Пропуск, для казахского: *азық-түлік*.
*70 Пропуск, для казахского: *қару-жарақ*.
*71 По-казахски: *сыншы*.

на дороге. Увидевши отца, обратившегося в шесть тигров, сын ударил несколько раз по лошади и бросился на тигров. Только что он хотел всадить копье, «Аа! — говорит отец,— это ведь я, я знаю, что ты всадишь копье. Да, я знал. Ну, подними руки, я благословлю». Тут он дает благословление и говорит: «Дай тебе благополучный путь, перед собой да обрящешь искомое,— да еще говорит — не забудь, сын, когда придется тебе быть в местах необитаемых...*[72], не оставляй могил, если будут встречаться ночью — ночуй при них». По прошествии многих дней (однажды) на закате солнца младший сын увидел группу могил, вокруг не было жилищ (кочевок). Видит на западной стороне их стоит свежая черная могила. Приходит — говорит: «Суйлям!» Когда сказал 15 суйлям,
25 об. он услышал ответ: «Кого спраши||ваешь?» И затем выходит молодой человек с прекрасно выведенными бровями. «Кого спрашиваю?» — «Я божий странник, думаю на ночлег».— «Сходите (с лошади)»,— говорит, а сам поддерживает за узду, ссаживает, оказывает почесть. Взял за руку, и говорит мертвый живому: «Закрой глаза, и когда я скажу, тогда открой»,— и ведет. Когда сказал: «Открой», младший сын видит: прекрасная юрта, сарай *[73], войдешь — не выйдешь, пахнет....*[74] так хорошо (запах свежей травы). Как только сели (у него был черный слуга): «Ступай,— говорит,— веди для гостя барана». Черный слуга вышел и привел, держа за шею... серого барашка. Зарезав, как следует, сварили, съели и легли, как следует. Настало утро; умыв лицо и руки, мертвый дал гостю остатки вчерашнего ужина. Сидя таким образом, сказал (мертвый): «Давай...*[75] двое будем друзьями».— «Будем, так будем!» — Тут же, открыв груди и обнявшись, сделались друзьями. «Теперь поеду,— говорит живой,— искать кысраков». «Хорошо, друг, но наперед расскажем свои тайны. Я был единственный сын одного бая. Отец мой был богат. Раз наш народ повел войско на войну, я тоже оконился.

26 || Тогда один всадник в загнутой черной шапке, на черной с лысиной лошади, с длинной красной пикой в руках, с острой черной бородкой вышел, говоря на единоборство! Я тоже вышел. Он от людей и жилищ, а я от набежников. Он поправил *[76] копье и я тоже, у меня копье было короче, у него длиннее. Его удар достиг наперед, и я был убит. За то, что я умер от врага...*[77] на войне, бог сделал меня таким — саидом (шаидом *[78]). В этот поход подо мною была худая лошадь. Отец был богат, у него были две лошади... полетит — птица не нагонит, погонится неприятель — не настигнет; я на одну было сел, да отец не позволил. Если, друг мой,

---

*[72] Пропуск, для казахского: *жапан туз.*
*[73] Здесь в смысле дворец.
*[74] Пропуск, для казахского: *жупар иісі аңқыган.*
*[75] Пропуск, для казахского: *дос болайық.*
*[76] Следует: *направил:*
*[77] Пропуск, для казахского: *жаудан* (от врага).
*[78] То есть мученик за правое дело.

хочешь быть со мной другом, то сегодня доедем до нашего аула, у нас будем ночевать, твои кысраки в нашем стаде ходят, размножившись до 90 лошадей. Если меня почитаешь другом, то распори двух лошадей айчубарых *[79], они ходят вместе (бируюр)». «Ладно,— говорит живой,— распорол бы, друг, да жаль — нет у меня ножа». У мертвого джигита был маленький хорошенький ножик. «Возьми его,— говорит,— и распори. Я тебя прошу: когда будешь у наших, то не показывай ножика; моя сестра узнает и тебе бу-
27 об. дет жутко»*[80]. || Живой молодец приехал и стал на ночлег у отца мертвого своего друга. Настало утро. Пришли с урусей *[81] табуны. Сел он на лошадь и выехал навстречу табуну. Пастухи были все молодые, он не принял их за людей, а два айчубара играют в табуне, он схватил их и разрезал им желудки. «Бай! Бай! Один человек распорол двух айчубаров», крича, прибежали мальчики до аула. Кто же станет смотреть *[82], когда распороли айчубаров; со всех сторон погнались, севши на лошадей. Схватили живого друга и привели к баю. И этот бьет и другой бьет; бьют сначала связанного и одетого, а потом стали раздевать, сняли все, остались сапоги. Когда сняли сапоги, ножик и выпал. Сестра мертвого друга стояла тут. Как увидела ножик, тотчас узнала. «Ой, бай!— крикнула она,— это ножик брата»,— и схватила его в руки. Прежде били — не били, а настоящее битье началось теперь. «Это он убийца!» —
28 кричат кругом и хотят его убить. Но друг прежде || сказал ему: «Если очень станут мучить, то скажи все, как было». Видя, что не избежать смерти, он сказал: «Джурт *[83]. Правду скажу — умру, не скажу — умру! Я прошу всего три слова — сказать или нет?» «Скажи — говорят, если имеешь что». От начала рассказал все: «Я был сын одного бая и проч.». Все рассказал. Теперь никто не поверил. «Ложь,— говорят,— убьем! Говори правду, ты убийца». «Народ, вы мне не верите; если я вам покажу моего друга, то поверите?» «Джайрайде!*[84] Прекрасно, покажи только, поверим». Бай начал собирать народ свой, чтобы идти на могилу сына. Сели на лошадей, а нашему джигиту дали не корову, а около того. Да ведут его в середине толпы: все еще не доверяют. Доходят до кладбища. «Народ,— говорит джигит,— когда увидите, стойте вы здесь, да не плачьте, я вызову моего друга». Народ остановился, но отец бедняга не выдержал, пошел вслед за джигитом. Мертвый друг все это знает уже давно — арвахам все известно. Хотя отец
28 об. его и оскорблял, но ||он думает дать ему салем *[85] и выходит. С отцом поздоровался... приходит потом мать, с ней тоже поздоровался. Затем сестра единственная и с нею его невеста, которую

---

*[79] *Айшұбар* — табун молодых чубарых лошадей.
*[80] Листы 26 об., 27 чистые.
*[81] Точнее: *өріс* — пастбище, выгон.
*[82] То есть: *кто же останется равнодушным.*
*[83] То есть *народ.*
*[84] То есть *ладно.*
*[85] В данном случае — поклон.

он оставил у родителей на правой стороне (т. е. в девицах). Невеста было подошла наперед, он оттолкнул ее мизинцем правой руки. Побыл с сестрой. Бедняжка, увидя единственного брата, давно умершего, не выдержала, и одна слеза покатилась и упала на правое плечо мертвеца. Слеза капнула, и брат исчез неизвестно куда. Народ после того поверил джигиту. «Хорошо! Молодец!» И стал не как прежде; стал почитать джигита. «Ты,— сказал бай,— друг моего единственного светильника; ты мне теперь то же, что он; возьми половину моего скота и моих душ». «Ничего мне не нужно, отдай моих кысраков». Старик два раза повторил свое предложение; он два раза отказал и, поклонившись,
29 расстался с баем и погнал 90 своих кобыл. || Поехал опять на кладбище, расположил в стороне около свой косяк, а сам подъехал к могиле и говорит: «Достум!» Друг не выходит. До трех раз кричал: «Друг!» В четвертый раз [друг] вышел, бледный, изнеможенный. «Я,— сказал мертвый,— давно слышал твой голос, да нельзя было мне скоро выйти. Слеза моей сестры, упавшая на мое плечо, сделалась морем и потопила меня. Когда ты звал меня в первый раз, я был на той стороне реки, в другой — я был в средине, в третий — я вышел из воды и переводил дух. Ох! Измучился я совсем в эти дни». Тут он повел друга в свое жилище, и они прожили вместе несколько дней, лошади паслись и ничто худое не могло им сделаться. Стал живой друг собираться домой. «Ну, друг,— сказал тогда мертвый,— ты, друг, уедешь с лошадьми и подводами цел и невредим домой. Своих ты застанешь в приготовлениях на войну. Твой дом *[86] будет говорить не ходи в поход, ты и так
29 об. приехал измучен || ный, истощенный! Но ты не слушай их и поезжай на другой же день в наезд». Приехал джигит домой, все обрадовались. Отец, мать, родные стали уговаривать, чтобы он не ездил, но он, помня слова друга, переночевал день дома, да и в путь. Друг ему еще говорил на прощанье: «Когда достигнете вражьих аулов, все ударят в коней, ты скачи один по западной стороне; на тебя бросится из аульных людей один — в черной с загнутыми полями шапке, на черной с лысиной лошади, с длинным красным копьем и с черной острой бородкой. Ты ссадишь его при помощи бога. Это тот самый, что убил меня. Ты зарежь его, говоря: «Дойди до моего друга». Заколи и лошадь, говоря: «Дойди до друга». Как было сказано, как только что они бросились на аул, он поскакал один по западной стороне, и, как сказал друг, появился перед ним чернобородый. Он ссадил его и зарезал, говоря: «Дойди до друга».
30 Заколол и черную лошадь с лысиной, говоря: «Дойди до друга». || Друг-мертвец говорил ему еще: «Когда все бросятся на добычу, ты скачи на запад, там, на краю аула, увидишь только что поставленный белый отав *[87], привяжи на правой стороне дверей лошадь свою. В отаве увидишь молодую, только что взятую женщину и двух девиц, ястреба и черную борзую собаку в ошейнике. Всех

*[86] То есть *родные*.
*[87] *Отау* — юрта молодых супругов или молодоженов.

их зарежь, говоря: «Дойдите до друга». Джигит, зарезав чернобородого человека и его лошадь, поскакал на запад. Видит белый отав, перекинул повод в правый косяк дверей, вбежал в юрту и видит молодую женщину, двух девиц — сказал бы солнце есть глаз, сказал бы месяц есть рот. Зарезал молодую, говоря: «Дойди до друга». Зарезал старшую девицу с теми же словами; другую же девицу стало ему жаль, он поцеловал ее, но, подумав, тоже зарезал. С ястребом и с собакой не стал думать. Друг говорил ему еще: «Все будут брать казну несчетную; ты ничего не бери. Перед отавом будет тополь, около него зеленый прут; сруби их; тут же увидишь верблюжий помет, собери его вместе и все это
30 об. навьючь на черного нара, который ходит у дверей *[88] отава, || и вези домой». Отряд возвращался, стали доходить до своих кочевок, вдруг сделалась буря; два дня, две ночи она продолжалась; весь скот награбленный разбежался и частью погиб, даже свои лошади погибли у войска. Джигит счугурил *[89] верблюда и лежал себе около него спокойно. Друг говорил ему еще: «Когда останется полдня езды до аула, тогда возьми зеленый прут и ударь им мешок с пометом, говоря: «Бисмилда алдрекбан рахым!*[90]» Пойдут из него верблюды с криком, лошади с ржаньем, коровы с мычанием и овцы с блеянием. Потом ударь зеленым прутом тополь-дерево, говоря: «бисмилляхи» и проч., и дерево обратится в золото и серебро — одно колено золота, другое — серебра, одно колено золота, другое серебра». Хозяин был чародей и таким образом спасал золото от воров, скот от падежа и волков. Приехали домой, все товарищи идут пешком, пальцы в ноздрях *[91], а он не может управиться со
31 своими стадами. Золота и серебра — богатства всего мира. || Проживши дома дня два-три, поехал к другу на кладбище: «Салем алейкум, достум!» «Суйлем» *[92]»,— говорит мертвый друг, выходит и вводит могилу. Живой друг был изумлен: джигит в черной шапке, молодая келенчек *[93], две девицы, ястреб, собака — все сидят тут. Друг его посмотрел на младшую из девиц и засмеялся, посмотрел и он на нее и видит в том самом месте, куда он поцеловал, черное пятно на щеке. «Бедный ты человек,— сказал мертвый друг,— я доволен тобою, младшая тебе понравилась, ее ты возьми себе, с меня будет келенчек со старшей девицей». Погостил он тут, а джигит в черной шапке прислуживает им. «Пора,— говорит он,— возвращаться домой». «Хорошо,— говорит ему мертвый друг,— когда ты приедешь домой, в аулах ваших будут разъезжать торговцы с товарами на двух телегах; у них есть две лошади, одна гнедая, другая рыжая; лошади тощие, но ты их купи, сколько бы ни стали просить владельцы. Сначала купи гнедую, потом ры-

---

*[88] То есть *вблизи*.

*[89] От казахского: *шөгермек* — уложить верблюда.

*[90] То есть «Бисмиллахи-р-рахмани-р-рахим» — *«Во имя Аллаха милостивого и милосердного»*.

*[91] То есть *без ничего*.

*[92] *Суйлем* — от казахского: *сөйлемек* — говорить.

*[93] Точнее: *келеншек* — молодуха. *(Примечание Ч. Валиханова)*.

жую, три года не клади на них ни укрюка, ни узды, ни седла с
31 об. потником, не клади раздвоенных лядвей... Через три года за||режь
гнедую, разбей все кости и косточки, даже пальцев, и смотри на
мозжечок: если он не будет весь белый и хоть капля черноты, то
отпусти рыжую лошадь еще на год в табун. По прошествии 4-х
лет, на пятый, привяжи ее к веревке у юрты, давай один только
раз сорвать траву и один глоток воды, но все не езди; лошадь будет, как нагайка. Через несколько времени ты почувствуешь боль
в голове; пройдет — хорошо, если же станет все увеличиваться,
садись на рыжую лошадь и скачи ко мне. Не забывай». Друзья
простились. Джигит приехал в свой аул, видит: татары торгуют, у них две лошади; как говорил друг его,— гнедая и рыжая.
Он стал просить продать ему гнедую, дает за нее две лошади каравачи просит три. Дал. Стал торговать рыжую. Караванчи
сам был испытатель...*[94], потребовал пять лошадей. Купил. На три
32 года пустил в табун, как говорил друг; на четвертый || год убил
гнедого и в пальцах нашел черноту в ноготь большого пальца.
Еще год держал рыжую в табуне. На пятый год рыжую лошадь
стал держать у юрты на веревке. Однажды заболела голова и не
поправляется. Джигит тайну свою никому не говорил — ни отцу,
ни матери, ни друзьям и сверстникам; знал ее бог, мертвый друг и
он сам, только трое. «Оседлайте-ка рыжку,— сказал он, видя, что
болезнь увеличивается,— я порассеюсь». Стал ездить по плачу
аула *[95], взор и силы начали быстро падать, не устоял... «Кой
как *[96], аман бул!» — сказал он народу и ударил лошадь. Скачет к
другу. Друг все это знает, хотя не видит. «Плохо моему другу,—
думает он,— рыжая лошадь, тулпар *[97], когда разгорятся бока, пожалуй, унесет мимо и не остановишь». Приказал бабам крутить
шелковый аркан *[98] в сорок маховых саженей, чтобы им захватить
друга. Видит — друг скачет; бросил аркан и захватил им друга, а
32 об. рыжий тулпар пронесся далее; так разгорячился. Поднял || друга
и внес в свою могилу. Азраил-Джебраил, душеберущий [ангел],
между тем, гнался и был готов бросить укрюк, но рыжего тулпара
не мог все-таки догнать. Вслед за друзьями пришел в могилу и Азраил-Джебраил, говоря: «Давай беглеца моего! Здесь он, беглец мой». «Не дам,— сказал мертвый друг,— я божий саид, и бог обязался до трех раз исполнять мою просьбу. Ступай отсюда». Азраил-Джебраил пришел к богу и сказал: «Твой приказанный от нас убежал, и один человек не дал: «Не дам,— сказал,— я саид божий, и бог обязался до трех раз исполнять мою просьбу».— «Что нам теперь делать!» Всевышний бог сказал: «Правда, правда, он мой саид! Взял, так взял, пусть будет по его просьбе». Таким образом, они стали с другом жить вместе и достигли всех надежд своих.

---

*94 Пропуск, для казахского: *сыншы* — испытатель.

*95 То есть *под плач аула*.

*96 Искажено переписчиком. *Қош, қош! аман бол!* — Прощайте, будьте *здоровы!*

*97 Сказочный крылатый скакун.

*98 Веревка.

О МУСУЛЬМАНСТВЕ В СТЕПИ

1 || Мусульманство пока не въелось в нашу плоть и кровь. Оно
грозит нам разъединением народа в будущем. Между киргизами
еще много таких, которые не знают и имени Магомета, и наши
шаманы во многих местах степи еще не утратили своего значения.
У нас в степи теперь период двоеверия, как было на Руси во вре-
мена преподобного Нестора. Наши книжники также энергически,
как книжники древней Руси, преследуют свою народную старину.
Наши предания, эпосы, юридические и судебные обычаи они за-
клеймили позорным именем войлочной книги [1], а наши языческие
обряды, игры и торжества они называют не иначе, как бесовскими.
Под влиянием татарских мулл, среднеазиатских ишанов и своих
прозелитов [2] нового учения народность наша все более и более при-
нимает общемусульманский тип. Некоторые султаны и богатые
киргизы запирают жен своих в отдельные юрты, как в гаремы. На-
1об. божные киргизы начинают ездить || в Мекку, а бояны наши вместо
народных былин поют мусульманские апокрифы [3], переложенные
в народные стихи. Вообще киргизскому народу предстоит гибель-
ная перспектива достигнуть европейской цивилизации не иначе,
как пройдя через татарский период, как русские прошли через
период византийский.

Как ни гадка византийщина, но она все-таки ввела христиан-
ство, элемент бесспорно просветительный. Что же может ожидать
свежая и восприимчивая киргизская народность от татарского
просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тор-
мозить развитие мысли и чувств. Мы должны во что бы то ни ста-
ло обойти татарский период, и правительство должно нам в этом
помочь. Для него это также обязательно, как для нас спасение
утопающих. Для совершения этого человеколюбивого дела на
первый раз следует только снять покровительство над муллами
2 и над идеями ислама и учредить в округах || вместо татарских
школ русские. Затем реакция обнаружится сама собою. Было
время, когда русское правительство считало распространение евро-
пейского просвещения между некоторыми иноплеменными наро-
дами своими почему-то невыгодным для себя. По крайней мере
такой политики держалось оно и в отношении кавказских мусуль-

ман и киргиз. Горцы и киргизы не допускались в кадетских кор-
пусах на специальные классы, где преподаются военные науки.
Закон этот теперь отменен, следовательно, признан ложным. По
нашему мнению, Шамили [4] и Абделкадеры [5] могут являться толь-
ко в странах мусульманского образования. Только истинное зна-
ние дает спасительный дух сомнения, и только оно научает его
ценить жизнь и материальное благосостояние. С того времени, как
правительство Соединенных Штатов стало цивилизовать ирокезов,
2 об. гриков, шактоусов и других краснокожих, индейские войны почти
в этой стране прекратились. В Соединенных Штатах с 1858 года
основано 162 школы для индейцев и индейский фонд для вспомо-
ществования диким, желающим принять оседлость.

Ислам не может помогать русскому и всякому другому хри-
стианскому правительству, на преданность татарского продажно-
го духовенства рассчитывать нельзя. Факт этот становится соблаз-
нительно ясным, если принять во внимание отложение крымских
татар во время кампании 1854 года [6]. Казанские татары располо-
жены к России столько же, сколько и крымские. Распростране-
нию в Средней Азии и в Китае нелепой басни о том, что султан
раздает короны европейским государям, что русские платили Бли-
стательной Порте [7] дань и проч., мы обязаны казанским татарам.
3 Эти несчастные || фанатики смотрят на султана так же глупо, как
католики на папу, и не понимают, что нынешние наместники ха-
лифов столько же похожи на Солеймана и Амурата [8], как святей-
ший отец Пий на Григория VII и Иннокентия IV [9]. Татары в ста-
рое время, когда ислам на берегах Волги не был в такой силе, как
теперь, служили России и на ратном поле и в земском деле. Царь
Шигалей [10] командовал русскими войсками во время Ливонской
войны, а царь Петр Казанский был земским царем во время оп-
ричнины [11]. По мере распространения ультрамусульманского на-
правления участие татар в государственном деле русского царства
заметно слабеет. При Петре татары пристают к партии недоволь-
ных. В наше время татарские князья и мурзы служат приказчика-
3 об. ми у своих единоверцев, а если и всту||пают в государственную
службу, то, не иначе, как в земскую полицию, и, вероятно, потому,
что здесь можно некоторым образом подвизаться за веру. Словом,
со времени присоединения Казани и Астрахани к царству русско-
му, значит в продолжение 300 с лишним лет, [они] не дали своему
отечеству хоть сколько-нибудь известного деятеля.

Нет никакого сомнения, что причиною отчуждения татар от
русских и причиною всех плачевных явлений был магометанский
пуританизм, другой причины не могло быть.

И у нас в степи все благодетельные меры правительства, все
выгоды новых учреждений не приносят ожидаемых результатов
именно вследствие того, что они парализуются возрастающим ре-
лигиозным изуверством. Киргизы наши теперь более чуждаются
русского просвещения и русского братства, чем прежде. О вреде
4 мусульманского изуверства || и вообще всякого религиозного фа-

натизма на социальное развитие народов, после всего сказанного
нами выше, мы считаем излишним распространяться. Известно,
что и в Европе преобладание теологического духа проявлялось в
народном развитии самым бедственным образом.

В последнее время сибирское начальство, кажется, начало соз-
навать ошибочность прежней покровительственной системы в
отношении ислама. В этом также утверждает нас одна важная ме-
ра, принятая в 1862 году областным начальством в отношении кир-
гиз, принявших христианство. В учреждениях об управлении си-
бирскими киргизами было узаконено, чтобы крещеных киргиз
записывать в мещанское и казачье сословие, если они того поже-
лают, или не оставлять их в степи на прежних инородческих пра-
вах. Но до 1861 года всех крещеных киргиз записывали в мещане
и в казаки, вероятно, для того, чтобы удалить их от прежней сре-
4об. ды и тем самым дать им возможность || укрепиться на лоне новой
веры. Мера эта похвальная в христианском смысле, в политиче-
ском отношении была величайшей ошибкой, ибо пример крестив-
шихся киргиз с удалением из степи делался для киргизского на-
рода беспоследственным. Мы не имеем никаких данных о числе
киргиз, принявших православие со времени основания внешних
округов, но, надо думать, что число это было не незначительным.
В некоторых казачьих станицах почти половина населения со-
стоит из крещеных киргиз, например: в Ямышевской, Чистой и в
некоторых других. В 1861 году или в 62 году, хорошо не помним,
областное начальство в первый раз дозволило некоторым креще-
ным киргизам оставаться в степи на прежних инородческих пра-
вах. Мера эта, по нашему мнению, должна в будущем принести
немаловажную пользу киргизскому народу. Киргизы до сих пор
5 думали, что сделаться христианином — || значит сделаться каза-
ком или мещанином. Теперь же, вследствие совместного житья и
смешанных браков, религиозная вражда будет смягчаться, и кре-
щение не будет, как прежде, разрывать родственных связей.

Приняв такую важную меру в интересах христианства, обла-
стное правление должно было принять вместе с тем и репрессив-
ные меры в отношении ислама, ибо без этого не возможен успех
христианства.

Мы далеки от того, чтобы советовать русскому правительству
вводить в степь христианство каким бы то ни было энергическим
путем, точно также не предлагаем ему преследовать ислам; подоб-
ные крутые меры ведут всегда к противным результатам. Хри-
стианство, вводимое между инородцами сибирскими через наших
миссионеров и священников, по свидетельству компетентных лю-
дей, идет крайне неуспешно, и — что всего важнее — оказывает на
5об. народ не совсем благодетельное влияние. || Остяки убегают от пра-
вославия в леса и так боятся проповедников русской веры, что ско-
рее обращаются в ислам, чем в православие. Кастрен говорит, что
остяки потому только не селятся по берегам Оби, богатой рыбою,
что боятся русской веры, русских миссионеров. Еще князь Щер-

батов говорил, что инородцы жаловались ему на бесчеловечие и мздоимство попов своих, кои только грабить и мучить их приезжают («Очерки Сибири».— Библиотека для чтения, Октябрь, 1862 г.).

Гонение придает преследуемой вере, как замечено не раз, еще больше энергии и жизненности. Русский раскол представляет в этом отношении поучительный пример. Но мы просим и требуем, чтобы правительство не покровительствовало религии, враждебной всякому знанию, и не вводило бы насильственно в степь теологических законов, основанных на страхе и побоях. В силу представленных нами аргументов, достаточно рельефных, для пользы киргизского народа и в интересе самого правительства, по нашему мне-
6 нию, необходимо принять || теперь же по примеру Оренбургского начальства систематические меры, чтобы остановить дальнейшее развитие ислама между киргизами нашей области и чтобы ослабить, а если можно — совершенно устранить вредное влияние татарских мулл и среднеазиатских святошей, тем более, что предоставляется правительству прекрасный случай сделать важный шаг на этом пути, уничтожив действие мусульманских законов в нашей области, согласно желанию самого киргизского народа. Затруднения при исполнении этой меры не может быть, ибо брак у магометан не есть таинство, а есть частный договор.

Вероятно, причиной, побудившей правительство дела о браках и разводах предоставить муллам, был грубый обычай киргиз — отдавать дочерей своих в замужество в слишком юных летах и большею частию без их согласия. Киргизы сговаривали детей
6 об. своих иногда в колыбели. || Нам кажется, что обычай этот мог быть изменен и без участия мусульманского духовенства, следовало только предписать старшим султанам и управителям под страхом ответственности иметь строгое наблюдение, дабы киргизы не выдавали дочерей ранее таких-то лет, дабы отцы не принуждали своих сыновей и дочерей вступать в брак без личного их согласия и проч. Полицейский надзор и дух времени сделали бы свое дело, но, конечно, не скоро. Баснословное количество жалоб, поступающих и теперь по брачным делам, указывает, что мусульманский шариат был совершенно бессилен [против] укоренившегося обычая. Пользуясь возникшим вопросом о духовном суде, можно было бы предпринять коренные реформы в духовном управлении нашей степи.

1-е. Отделить Киргизскую степь ведомства Оренбургского муфтия, как народ, различествующий от татар по исповеданию веры, и назначить особого областного ахуна, который бы состоял, по-
7 добно советнику от киргиз, || при общем присутствии областного правления.

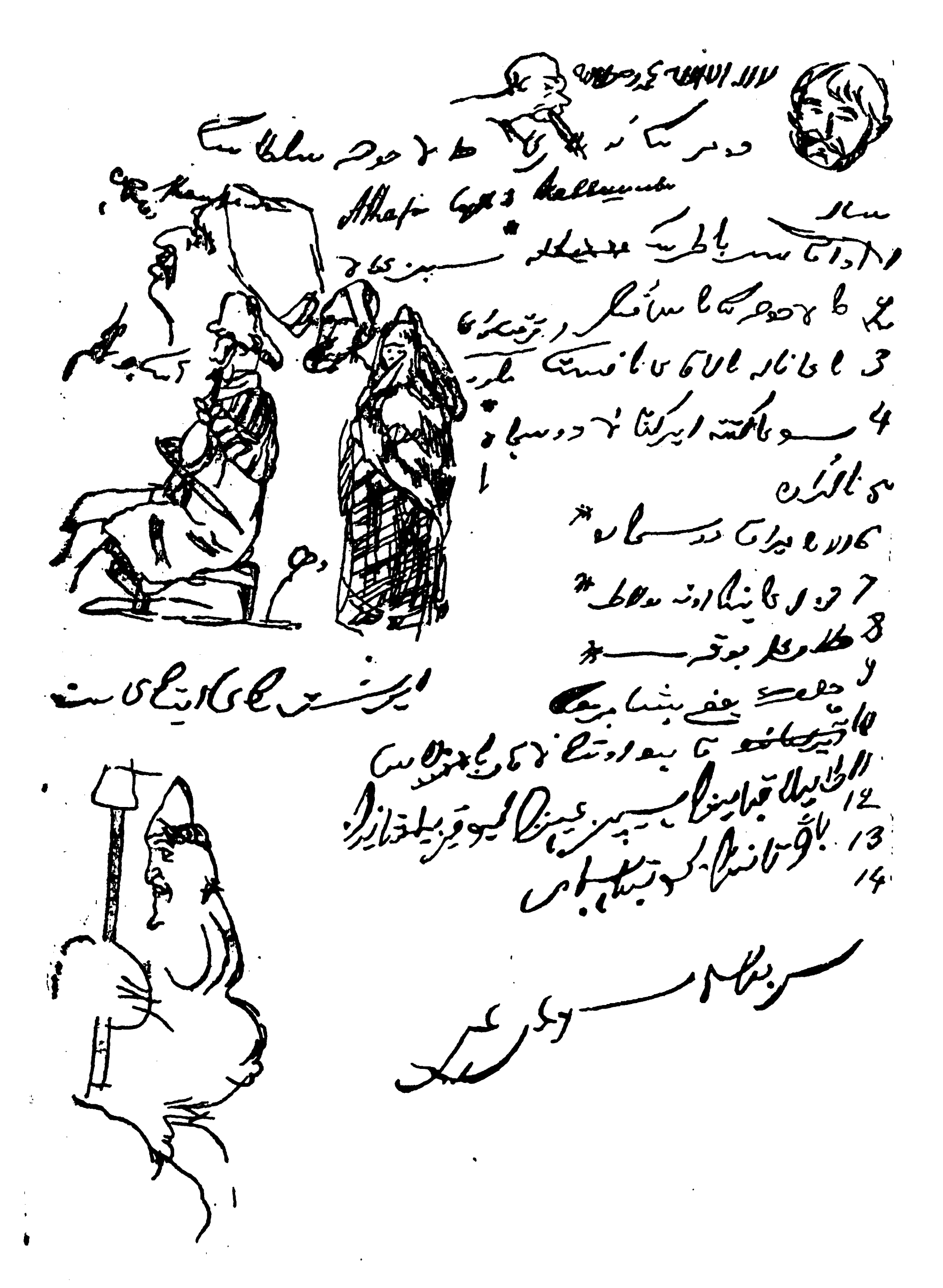
2-е. Утвердить в звании мулл только коренных киргиз или киргизских ходжей, если будут настоятельные просьбы о том со стороны народа.

3-е. Не назначать мулл более одного в округе, а должность указных в волостях упразднить.

4-е. Не дозволять ишанам и ходжам, приезжающим из Средней Азии к татарским семинаристам, жить в кочевьях киргиз без определенных занятий и иметь строгое наблюдение, дабы они не образовали между киргизами дервишеских и мистических обществ подобно тем, которые существуют теперь в Баян-Аульском и Каркаралинском округах.

Но против такого зла, как ислам, недостаточно одних паллиативных мер. Отнятие судейских прав не лишит мулл того влияния, которое они будут иметь как священники.

7об. Кроме мулл, у нас много и других вредных шарлатанов. || Мы говорим о татарах и среднеазиатцах, которые занимаются медицинскою практикою. Если б они пользовали доверчивых киргиз безвредными травками, подобно русским лекарям, мы не стали бы о них и говорить. Но дело в том, что господа эти лечат не иначе как насмерть, от всех грудных болезней употребляют они чилибуху [12], а иногда и сулему, от сифилитических болезней дают ртуть и киноварь в такой ужасной дозе, что больные большею частию отравляются. Кровопускание делают всем и каждому без всякой причины потому только, что Мохаммед заповедал это в коране. Наконец, в самом народе нашем таится много темных предрассудков и вредных обычаев. Вытравление плода, выдавливание его в последний период беременности, убийство дитяти после рождения
8 у нас в общественном мнении престу|| плениями не считаются. Оттого по статистическим источникам преступления эти между киргизами не значатся. Но мы бы мало согрешили против правды, если б сказали, что половина совершеннолетних киргизских девиц, способных к плодотворению, не раз были преступны в детоубийстве. Обычай этот тем более ужасен, что прелюбодеяние в девичьем состоянии у киргиз не составляет большого порока и не приносит грешной такого позора и бесчестия, как в обществах европейских. А что делают киргизы с роженицами? Вследствие ли ранних и излишних половых наслаждений, или по узости таза, что, вероятно, происходит от постоянной верховой езды, роды у киргизок бывают большею частию трудные. Киргизы же ненормальные роды приписывают наваждению злого духа и потому бьют, пугают рожениц, тянут им язык. Понятно, что при таких
8 об. диких понятиях и, наконец, при совершенном || отсутствии акушерок и бабок, много беременных женщин умирает от родов или побоев. Много гибнет народу от тифа, от простуд, от сифилиса и других болезней от того только, что некому подать больным разумную медицинскую помощь. У нас полагается один доктор на округ и, кажется, для того только, чтобы писать медицинские свидетельства и рассекать трупы. Доктора эти обязаны прививать киргизам оспу, но киргизы боятся их более, чем остяки священника. На доктора киргизы смотрят, как на чиновника, и пользы от него не ждут. От оспопрививания убегают или откупаются.



Казахские музыканты. Баксы — певец с кобызом. *Карандаш и перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова.*

ЗАПИСКА О СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ

70 || В последнее время правительство наше деятельно занялось преобразованиями в нашей администрации, в судоустройстве и обратило особенное внимание на народное образование.

Некоторые из этих реформ коснулись и нашей степи, как, например, реформа судебная. Преобразования в судебной части, вероятно, поведут к изменению прежнего административного строя нашей области, и, нет сомнения, что вместо сложного, обременительного как для русского правительства, так и для киргизского народа бюрократического хаоса будет образовано в округах управление более рациональное и на началах самоуправления, которое принято теперь и для русских сельских и городских общин.

Ввиду таких важных преобразований, готовящихся для моей родины, я считаю долгом представить (благоусмотрению Вашего высокопревосходительства, как главному начальнику киргизского народа) некоторые мои соображения и заметки (относительно судебной административной реформы и отчасти касательно народного образования).

70 об. || Россия в числе сыновей своих имеет немало народностей иноверческих и инородческих, которые ведут образ жизни диаметрально противоположный образу жизни коренного русского населения, имеют нравы и обычаи диаметрально противоположные нравам и обычаям русских славянского племени. Понятно, что преобразования, проектированные для христианского и оседлого русского населения, по вышеизложенным причинам, не принесут никакой пользы и будут бессмысленны, если будут всецело применены к кочевым и бродячим инородцам Европейской и Азиатской России.

Вероятно, вследствие этих соображений и был командирован
71 советник областного правления Яценко[1] для || отобрания от сведущих в законах и судебных обычаях биев и султанов их мнений относительно предполагаемых для области преобразований по судебной части.

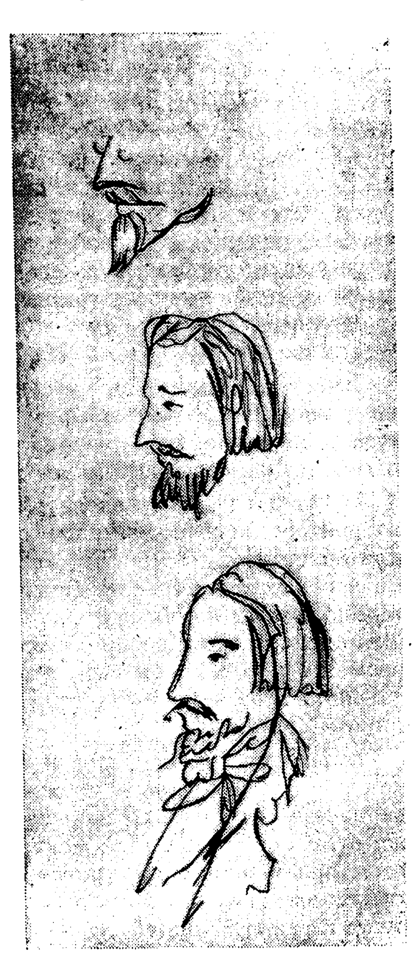
Но мнение народа, особенно народа невежественного и полудикого, не всегда может быть принято как выражение действительной народной потребности. На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицатель-

ное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных
и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных бывают, большею частью враждебны интересам массы, большинства.
Народ груб и туп и вследствие этого пассивен, потому мотив и
направление народных мнений зависит от тысячи случайных
обстоятельств и от обстоятельств, по-видимому, мелких, ничтожных.

71 об. || Человек дикий и неразвитый подобен ребенку, неумеющему
вполне владеть своими внешними чувствами. Ему, как и ребенку,
трудно согласовать ощущения свои с действиями. Хотя стремление к улучшению внутренних и внешних условий жизни и присуще человеку и было ему присуще во все века и во всех степенях
человеческого развития, но, тем не менее, цель эта редко им достигалась. Не понимая самого себя и не имея никаких положительных сведений об окружающей его природе, человек-дитя должен
был в стремлении своем к улучшению идти ощупью, подобно слепому, и понятно, что он должен был больше ошибаться, принимая
ложь за истину, вред за пользу. История представляет нам в этом
отношении много поучительнейших примеров.

112 || Посему нет вопроса общественного, который был бы так всемогуще важен, как вопрос о народных реформах. Нет сомнения,
что все законодатели и реформаторы имели и имеют в виду общественную пользу, но понятия о том, что *полезно* и что вредно
для общественного развития в разные века были различные и
теперь между нами ходит много диких гипотез, которые по рутине и по привычке к прошлым преданиям принимаются многими
на веру, как непреложные аксиомы, хотя науки ясно доказали их
ошибочность и несостоятельность. В наше время самым важным
и близким для народа считаются реформы *экономические
и социальные*, прямо касающиеся насущных нужд народа,
а реформы политические допускаются как средства для проведе-
113 ния нужных экономических форм, ибо|| каждый человек отдельно
и все человечество колективно стремится в развитии своем к одной
конечной цели — к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс. С этой точки
зрения, полезны только те реформы, которые способствуют улучшению быта человека, и вредны те, которые почему-либо мешают
достижению этой цели. Всякая реформа, имеющая целью общественное благосостояние, тогда только может достигнуть предположенной цели, не подвергаясь разным случайностям, когда известны общественные нужды и средства. Джон Стюарт Миль[2]
совершенно прав, говоря, что прежде, нежели давать новые права
людям какого-либо сословия, необходимо прежде сделать точные
ученые исследования об умственных, нравственных и политических качествах людей этого сословия. И в самом деле, доктор тогда только лечит больного с уверенностью в успехе, когда ему из-
113 об. вестны не || только болезненные симптомы пациента, но и основные причины болезни. От незнания общественных нужд и от

излишней ревности к гуманным теориям очень часто вводятся у нас нововведения и реформы, совершенно ненужные в данный момент и при известном положении дел. Избегнуть ошибок подобного рода очень легко, если при введении разных реформ неуклонно следовать тому методу, который употребляется в сельском хозяйстве при культивировании растений. По этому методу, во-первых, необходимо изучить вполне самое растение, затем нужно знать, на какой почве оно произрастает, сколько требует оно света, теплоты и проч. Сущность теории заключается в том, чтобы доставить растению то, в чем оно нуждается и устранить все то, что ему мешает.



Наброски портретов неизвестных.
Карандаш. 1860 г.
Рис. Ч. Валиханова.

Условия племенного организма среды, климата и почвы должны быть всегда на первом плане, ибо все человеческие побуждения и мотивы обусловливаются совокупным влиянием физических и социальных условий. <Реформы бывают только тогда удачны, когда они пра-
72 вильны, т. е. тогда, || когда они основаны на тех неизбежных законах прогресса, при которых только и возможно здоровое развитие общественного организма. Реформа такого рода должна поощрять и ни в каком случае не останавливать.

Все революции, бывшие в Европе с 1793 года, происходили единственно от стремления правительства подавить свободное народное движение. Реформы же насильственные, привитые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие. Современные наши историки недаром все наши общественные болезни и аномалии приписывают сокрушительному и антинародному духу петровской реформы.

Вообще из сказанного нами не следует думать, чтобы мы принадлежали к последователям той узкой [теории] народности, ко-

72 об. торые смотрят || на народность как на нечто предопределенное от начала и думают, что она ... должна развиваться только сама из себя. Напротив, мы думаем, что усвоение европейского, общечеловеческого просвещения и энергическая борьба с препятствиями, мешающими достижению этой цели, должна составлять конечную цель для всякого народа, способного к развитию и культуре. Культура может изменить организм человека к лучшему, как культурный уход улучшает породу домашних животных. Чтобы сделать киргиза способным к восприятию европейских преобразовательных идей, нужно предварительно путем образования развить его череп и нервную систему. Организм не может принять того, до чего он не дорос.

В 1822 году Сперанский [3] составил Сибирское уложение [4], которое было в 1824 году введено в киргизскую степь. Народ негра-
75 мотный, кочевой, с своеобразными понятиями || и обычаями, был подчинен ни с того, ни с сего бюрократической централизации со всеми ее мудреными инстанциями, атрибутами и названиями канцелярскими, непонятными до сих пор не только киргизам, но и русским.

Вместе с приказами, заседаниями, журналами исходящими и входящими навязали нам татарских мулл и татарское просвещение. Реформы подобного рода, собственно, мы и считаем бедственными для народа и вредными для прогресса>.

Мы сочли нужным сделать это длинное и, может быть, несколько докторальное вступление потому, что комитет, составленный при областном правлении для решения вопроса о судебной реформе в области сибирских киргизов, очевидно, был мало знаком не только с теми научными фактами, которые теперь приняты всеми
75 об. || за аксиому, но и вообще с тенденциями и требованиями нашего времени, ибо основал свой вывод на одних «народных мнениях», собранных от «знатных» киргиз одним из членов комитета советником Яценко.

Народные мнения, как мы заметили выше, есть не что иное, как лепет неразумного дитяти, и потому народы неразвитые совершенно справедливо называются младенчествующими, мнения же султанов и биев еще менее заслуживают уважения, ибо интересы целой нации по строгой справедливости должны предпочитаться выгодам отдельного сословия. Вопросы же о реформах требуют гораздо большей осторожности и более глубоких соображений, ибо от них зависит народное «быть или не быть».

Изо всех инородческих племен, входящих в состав Российской Империи, первое место по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждам на развитие в будущем принадлежит нам — киргизам. Мы занимаем одну обширную сплошную территорию,
76 между || тем как другие инородцы разбросаны среди русского населения. Нас считается в русском подданстве до 800 тысяч, а с неверноподдаными нашими соплеменниками мы превышаем мил-

лион, тогда как всех татар в Европейской России, включая в это число башкир, ногайцев и киргиз Букеевской орды[5], полагается едва один миллион. Вся так называемая среднеазиатская торговля России есть не более не менее, как торговля наша: на долю Бухары, Коканда и других стран Центральной Азии приходится весьма незначительная пропорция в общем торговом балансе. Народ наш, наконец, не так дик и груб, как думает о нем русское общество.

< Очень часто случается нам читать и слышать фразы вроде: «что за киргиз-кайсацкие нравы! Это простительно какому-нибудь киргиз-кайсаку» и проч. Замечательно, что в подобных и обидных
76 об. || для нас случаях народ наш всегда называется киргиз-кайсацким, а когда же нас хвалят, то называют просто киргизами или просто кайсаками. Из этого надо думать, что мнение о необычайной дикости и грубости нашей основано единственно на вокальном варваризме слова киргиз-кайсак>. Говоря серьезно, киргизский народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского царства. В этом отношении мы уступаем только бурятам, но и то потому, что буряты имели счастье принять самое гуманное и высокое учение — буддизм...[6]

Народ наш имеет богатую и нелишенную поэтических достоинств, растительную [*1] литературу, более близкую к индогерманскому эпосу, чем к восточным произведениям этого || рода. Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего культурного развития. На этом факте основаны всё наши надежды на будущее. Сверх того, мы как потомки батыевских татар[7] связаны с русскими историческим и даже кровным родством.

Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формулируются в шекспировское — быть или не быть. Отсутствие разумного самозащищения и всякого рода пассивность, по причине неразвитости,
77 об. обязывают правительство || в отношении нас быть чрезвычайно внимательным и крайне осторожным.

Только вследствие невнимательности, которая, надо сказать, в отношении нас, киргиз, уже вошла в привычку областного начальства, комитет, бывший при областном правлении, мог принять без всякой критической оценки мнения султанов, биев и других знатных киргиз за главное основание для своих работ и только по укоренившейся невнимательности мог утвердить в своем проекте те ненужные и вредные для народа преобразования и изменения, которых добивался привилегированный класс киргизского народа и

---

*1 Искажение переписчика, должно быть: *замечательную*.

которых не хотел простой, или, как выражаются степные аристократы, «черный» киргизский народ [8]. Для правильной оценки народных мнений стоило только комитету вникнуть в сословные
78 отношения киргиз и в отношения их || к непосредственному русскому правительству. Наконец, комитет имел под рукою достаточно исторических и статистических фактов, чтобы проверить эти голословные мнения. Статистика и те данные, которые заключаются в делах областного правления, при всей их скудности заслуживают гораздо большего уважения и вероятности, чем мнения невежественных и диких аристократов невежественного и полудикого народа.

В этой записке мы берем на себя смелость разъяснить и рассмотреть вопрос о судебной реформе в нашей области на основании более точных фактов и наблюдений. Мы пользовались некоторыми статистическими и историческими данными, взятыми из дел областного правления и окружных приказов.

* * *

Чтобы дать правильный взгляд на значение народных мнений, чтобы выставить их в истинном свете, я, как помощник и сотруд-
78 об. ник || г. Яценко в возложенном на него поручении, считаю необходимым начать свои заметки подробным и точным обзором всех обстоятельств, сопровождавших ход наших занятий. Начинаю с того, как отбирались нами народные мнения и при каких условиях.

Во-первых, показания давали волостные управители, старейшины, султаны, бии и богатые киргизы, т. е. ордынские чиновники или ордынцы, имеющие в виду быть чиновниками. Народ, т. е. небогатые, нечиновные и нетитулованные киргизы, в даче мнений и в совещаниях по этому предмету участвовал очень мало, даже, можно сказать, вовсе не участвовал. Чтобы удостовериться в справедливости этого факта, стоит только посмотреть на печати и тамговые знаки, приложенные к показаниям: там все султаны и старшины. Простые киргизы по отдаленности летних кочевок от мест,
79 где учреждены || приказы, приезжают на ревизию, только по крайней необходимости, и по окончании ревизии, истощив свои скудные запасы, тотчас же уезжают.

Удерживать народ для совещаний почетные киргизы, кажется, не старались, по привычке заочно располагать голосами и мнениями своих родичей, да и удержать голодных киргиз было бы для них не так легко. Некоторые султаны и бии, внесенные в список биев 1854 года [9] и участвовавшие при первых совещаниях по нашему делу, через день и два уезжали тайно в свои аулы, оставив печати в чужих руках, чтобы приложить их к народному решению, каково бы оно ни было. Затем оставались при приказах, как было уже замечено, одни ордынские чиновники и честолюбивые богачи. И эти лица, при чтении проекта, обнаруживали непростительное
79 об. равнодушие, некоторые даже засыпали. Вообще никто || из кир-

гиз, за небольшим исключением, не понимал или не хотел понять, в чем дело и чего от них хотят.

Причины такого непонятного равнодушия киргиз в этом столь важном народном деле были: во-первых, невежество и непонимание своих интересов, во-вторых, то, что киргизы не были заранее приготовлены к пониманию того, что им читали и на что от них требовали скорого ответа; равнодушествовали киргизы и вследствие недоверия к русскому правительсту. Они сомневались в нашей искренности и думали, что спросы наши делаются для одной только формы или с какой-нибудь другой, невыгодной для них, целью. В каждом действии русского начальства киргизы видят одно только зло, посягательство на их свободу и льготы. И это очень понятно потому, что киргизы о русском начальстве судят по действиям
80 своих || русских заседателей.

Объяснение мое может показаться для многих чем-то крайне сомнительным, пожалуй, найдутся и такие господа, которые будут обвинять меня в клевете на свой народ; я бы мог представить в оправдание свое множество примеров, где подозрительность киргиз и недоверие их к правительству и к русским чиновникам (что в понятии киргиз одно и то же) выражалось еще в более мелочной, в более ребяческой форме.

В сороковых годах поручено было одному из чиновников бывшего пограничного правления Сотникову [10] собрать юридические предания киргиз и их судебные обычаи. Этот чиновник, вероятно, желая начать сборник свой преданиями более древними, стал расспрашивать киргизских родоначальников, предварительно собрав их в приказы, откуда происходит и как сформировался киргизский
80 об. || народ и что значит слово казак? (так сами себя называют киргизы). Киргизы стали рассуждать, к чему все это от них спрашивают и какая может быть польза русскому правительству от знания их происхождения. Какой-то проницательный кайсак заметил, что, вероятно, их хотят обратить в казачество, так как предки их, по преданию, были казаки. Мысль эта показалась для всех до того ясной и вероятной, что они скрыли от г. Сотникова настоящее предание о «казаках и трех сотнях» и показали себя выходцами из Турции или Аравии [11]. Долго в степи ходила молва, что Сотников хотел обратить их в казачество.

Мы, с своей стороны, не только не могли внушить киргизам должного доверия, но, говоря правду, сами возбуждали в них обычный их скептицизм. Привожу факты: является многочисленная
81 толпа киргиз знатных и незнатных, словом все киргизы, || бывшие в это время в станицах и городах, где расположены приказы.

Во всех округах первый ответ был один и тот же и выражался всеми собравшимися единодушно: «Суд биев и съездов их,— говорил народ,— существует у нас издавна и заключает в себе все начала мирового суда, предлагаемого ныне русским правительством. Суд этот,— продолжали собравшиеся киргизы,— вполне удовлетворяет условиям нашего народного быта, поэтому суд биев и съездов

их необходимо оставить в древней народной форме». Это, очевидно, было решение народа, en masse *[2], решение кругов. Но г. Яценко, вероятно, вследствие правительственных инструкций и указаний замечал, что в мнениях своих они должны сообразжаться с основными положениями общего проекта преобразования, напри-
31 об. мер: нужно, чтобы число биев || было определено положительной цифрой, нужно, чтобы бии были по выборам и проч.

Киргизы смущались, недоверие быстро овладевало толпой, начинались споры, совещания, и народ просил отсрочки. С шумом киргизы уходили на улицу, собирались в новые круги и через несколько времени возвращались к нам в другой раз, но в гораздо меньшем числе. Второе показание начиналось, обыкновенно, добавлением, что «суд биев и съездов их необходимо оставить в древней народной форме, допустив некоторые применения и дополнения сообразно духу времени и обстоятельствам».

Добившись этой уступки, мы читали им пункты «проекта» относительно правила избрания и относительно обязанностей мировых судей.

Киргизы на каждый пункт делали свое мнение и всегда противоположно смыслу первого своего показания, т. е. не добавляли
32 и не применяли, а прямо разрушали и уничтожали суд || биев, о сохранении которого всецело просили сами. Мнения эти выражались устами нескольких биев и чиновных лиц, а остальные почетные ордынцы ограничивали свое участие одними одобрительными жестами. По временам возникал в среде представителей народа крикливый диспут. Биям хотелось, чтобы их избрали на более продолжительный срок, чтобы им предоставили право принятия и решения дел по личному усмотрению и право участвовать в исполнении решений; хотелось биям, чтобы решения их в известных случаях не подлежали обжалованию, словом, корпорация киргизских судей стремилась к тому, чтоб киргизского бия, судебного практиканта, обратить в мирового судью, судебного чиновника. Волостные управители, по инстинкту самосохранения, горячо противились биям, видя в них прямое посягательство и на чиновни-
32 об. ческую власть, принадлежащую || теперь им.

После взаимных уступок дело при посредничестве старших султанов улаживалось таким образом, что бии не могли мешать управителям, управители — биям, а управители и бии — султанам. Почетные ордынцы-нечиновники были на все согласны, ибо для них, для будущих кандидатов на все эти должности, того и нужно было, чтобы степные власти не мешали друг другу эксплуатировать простой народ.

Из приведенного очерка наших работ по судебной реформе в области сибирских киргизов можно ясно усмотреть, что желание большинства массы народной заключалось в том, чтобы оставить суд биев в древней народной форме, а личный интерес чиновных,

---

*[2] То есть *большинства, массы (франц.)*.

титулованных и богатых киргиз, напротив, в том, чтобы изменить
суд биев в его основе.

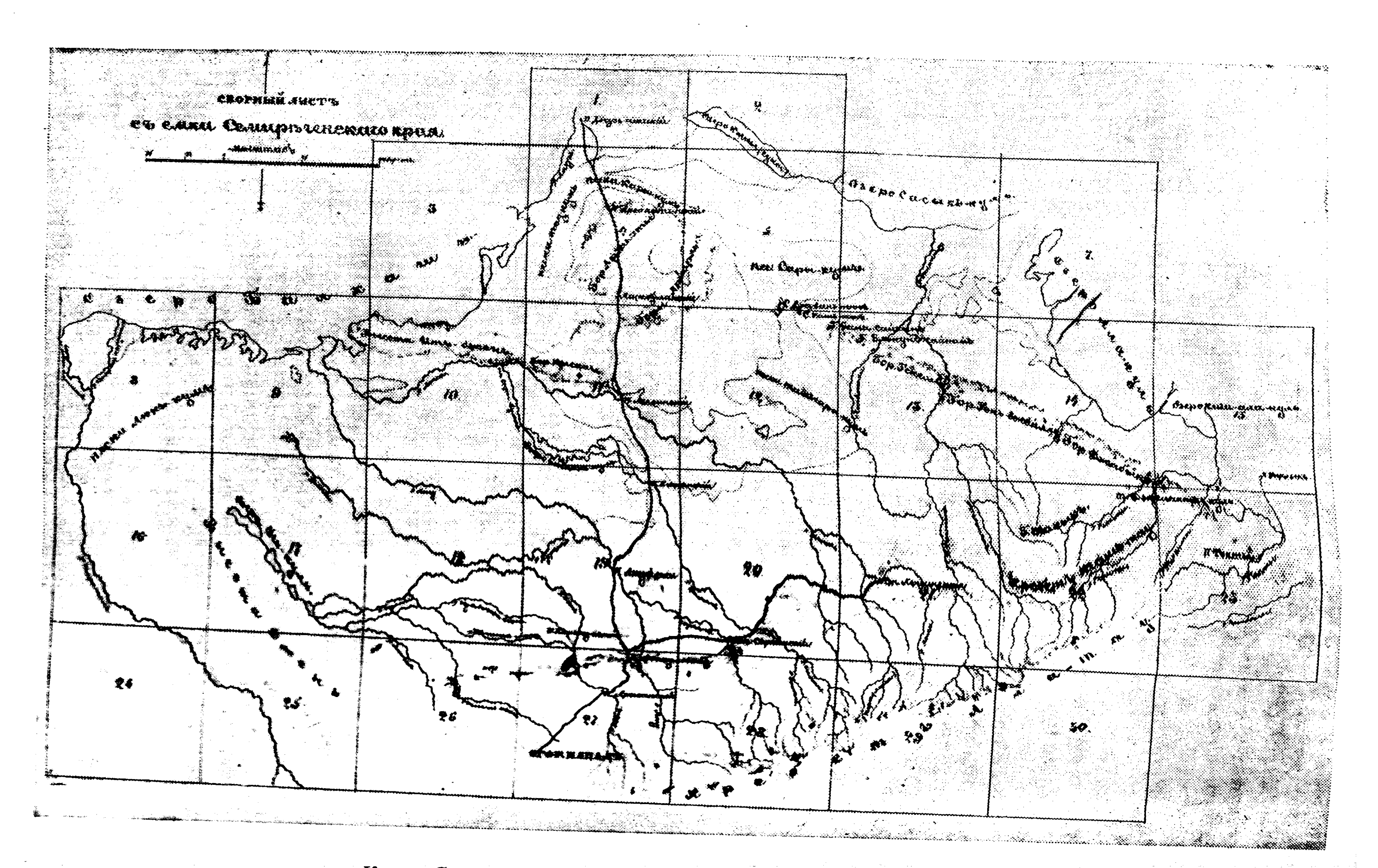
83 Факт этот требует особенного || внимания при дальнейшем рас-
смотрении вопроса о судебных реформах в степи и знаменателен
еще тем, что дает нам поучительные данные, как бесцеремонно
богатые и почетные киргизы относятся к небогатым и непочетным
своим родичам. Красноречивый пример бесцеремонности почетных
киргиз к непочетным я имел случай заметить в Каркаралах. Там
бии и султаны дали мнения свои, не посоветовавшись с «черным
народом», и, между прочим, показали, что для их округа нужно
назначить четырех главных биев, каких-то биев над биями. Мне-
ние это, как оно ни было нелепо, я должен был внести в записку,
и когда записка эта переписывалась в приказе, квартира моя была
осаждена многочисленной толпой конных и пеших киргиз. Народ
требовал уничтожения статьи о «биях над биями» и до тех пор не
83 об. расходился, пока требование его не было || исполнено. Дело в том,
что двое каких-то почетных старшин, имевших должности: один
заседателя, а другой управителя, были удалены за лихоимство, по
просьбе народа, от занимаемых ими должностей, и вот киргизские
власти, вероятно, желая показать участие к собрату и пренебреже-
ние к народу, решились для этих лихоимцев выдумать должность
«бия над биями» и тем самым вызвали демонстрацию со стороны
простого народа.

Мы надеемся, что всех этих acta et facta *[3] достаточно, чтобы
видеть всю фальшивость и ложность знаменитых народных мне-
ний. Комитет видел в этих мнениях потребность реформ и пре-
образований в суде биев, который, по показанию знатных ордын-
84 цев, не вполне будто бы удовлетворял современному со|| циально-
му развитию киргизского народа; но мы же, считая себя в этом
случае, в качестве очевидца, более компетентными, видим в этих
мнениях интриги и низкие побуждения, с одной стороны, равно-
душие и пассивность — с другой, невежество и дикость — с той и
другой стороны.

Упрекая киргизскую знать в голословности, мы сами не будем
голословны. С этой целью мы рассмотрим теперь суд биев в его
сущности, чтобы увидеть смысл и характер этого института. Затем,
на основании статистических и других достоверных фактов, поста-
раемся определить, в какой степени суд биев удовлетворяет или
не удовлетворяет современному развитию киргизского народа, и
84 об. в заключение для окончательного вывода сравним, || насколько суд
биев согласуется с главными началами проектированного прави-
тельством мирового суда и в какой мере последний применим к
быту киргиз < или не применим вовсе >.

---

*[3] *Актов и действий* зачеркнуто автором и дано только в латинской транскрипции.



Карта Семиречья (1860 г.). *Из архива Ч. Валиханова.*

Суд биев в древней народной форме

1) Возведение в звание бия не обусловливалось у киргиз каким-либо формальным выбором со стороны народа и утверждением со стороны правящей народом власти; только глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали киргизам это почетное звание. Чтобы приобресть имя бия, нужно было киргизу не раз показать перед народом свои юридические знания и свою ораторскую способность. Молва о таких людях быстро распространялась по всей степи, и имя их де-
85 лалось известным всему и каждому. Таким образом, звание бия ||
было как бы патентом на судебную и адвокатскую практику. Дети лиц, носивших звание биев, имея большую юридическую практику, обыкновенно наследовали знания и вместе с тем и звания своих отцов.

Мы можем представить многочисленные примеры такой наследственности звания биев в киргизском народе. В каракисецком роде [12] Средней орды, в конце XVII века, был известный бий Казбек; потомство его до сих пор носит звание биев:

Казбек
↑
Бекбулат
↓
Тленчи
↓
Алчинбай

Впрочем из этого вовсе не следует думать, что звание биев бы-
85 об. ло у || киргиз когда-либо наследственным. Бий Чорман, сын богатого и знатного киргиза карджасского рода [13], но не бия. Чорман, у которого предки никогда не были биями, тринадцати лет приобрел это звание, выиграв важный родовой процесс на одном народном сейме, и до смерти своей назывался Чорман-мальчик. Мы знаем много киргиз, которых отцы были известными биями, но которые сами не носят этого звания.

2) Закон родового быта, по которому члены одного рода считались как бы членами одного семейства, был причиною того, что бий-однородец в процессе своего родича с членом другого рода мог быть только адвокатом у своего однородца, но не судьей его. Понятия родства распространялись у киргиз и в отношении отда-
86 леннейших || поколений. Например, Средняя орда разделяется на шесть главных родов: аргын, кипчак, конрад, найман, увак и керей, которые находятся между собой в отношении братьев, посему истец конрадского племени в процессе с ответчиком из племени аргын имел полное право отстранить от суда всех биев области сибирских киргизов, как однородцев, следовательно и приверженцев своего ответчика, исключая биев баганалинских, кипчаковских, увакских и киреевских, составляющих всего около 15-ти волостей в области. Эта особенность родового быта киргиз послужила осно-

ванием права свободного выбора со стороны тяжущихся для разбора своего дела биев из всех лиц, носящих это звание на пространстве всей киргизской степи, чтоб доставить им полную воз-
86 об. можность выбрать || вполне беспристрастного судью.

Так в 1758 году [*4] султан Барак, один из сильнейших владельцев Средней орды, убив Абулхаира [14], хана Меньшей орды, избрал для суда над собою 4-х биев из биев всего киргизского народа. В числе его судей были: Тулебий [15] от Большой орды и Айтек [16]— от Малой.

Кочевой образ жизни, способствующий быстрым передвижениям с места на место и частым столкновениям одних родов с другими, привычка киргиз к разъездам и путешествиям, беспрестанные съезды биев и других почетных ордынцев из отдаленных мест на поминки, байги и на другие народные собрания и сборища давали и дают теперь киргизам легкую возможность отдать свое дело
87 на суд || инородного бия или на суд какой-нибудь проезжей известности. Вообще киргизы любили и любят судиться у проезжих биев или у лиц, совершенно им незнакомых, чем у биев соседнего племени, с которыми у них есть частые сношения, следовательно, и родовые счеты.

3) Из воззрения на дело суда, как на дело частное, относящееся только до интересов тяжущихся, явился обычай за труд, принимаемый на себя бием, в известных случаях вознаграждать его штрафом, «бийден бийлаги [*5]», с тяжущегося, признанного по суду виновным.

4) Этот же взгляд на бия, как на частного практиканта, а на суд, как частное дело, был причиною того, что киргизские бии
87 об. могли принимать к своему || производству и решению дела не иначе, как по просьбе тяжущихся или по сообщению административной власти и по той же причине не могли участвовать в исполнении своих решений.

5) Понятно, что такой свободный взгляд на суд и на судью не мог ограничивать право обжалования, и киргизам предоставлялось это право в самых широких размерах.

6) Но самую замечательную черту суда биев составляет, конечно, следующий обычай: когда не было против обвиняемого явных улик, но имелось только сильное подозрение, то бии прибегали к посредничеству честных родовичей, которые присягой обвиняли или оправдывали подсудимого. Число этих «присяжных» и круг
88 для их выбора обусловливались важностью рассматриваемого || дела. Таким образом, присяжные выбирались иногда из близких соплеменников подсудимого, а иногда из целой волости или из целого округа.

7) Суд биев производился словесно, публично и во всех случаях допускал адвокатуру. Он был в таком уважении у народа,

---

*4 Описка, точнее: 1748 г.

*5 Точнее: *бидің бийлігі* — вознаграждение за решение бия.

что не требовал и не требует до сих пор никаких дисциплинарных мер.

Вот суд биев, бывший в степи до основания окружных приказов в кочевьях Средней киргиз-кайсацкой орды.

Рассматривая внимательно суд биев, действующий теперь у киргиз нашей области, мы видим, при всем нашем желании найти в нем что-нибудь новое, прививное,— те же формы, те же начала древнего
88 об. народного суда, которые || мы изложили выше. Суд биев, несмотря на 40-летнее русское влияние, остался таким, каким был он за сотни, может быть, за тысячу лет до нас. Стало быть, ни внутренняя инерция народа, ни влияние русских учреждений и законодательств не могли изменить его древних и простых форм, хотя русское правительство не раз думало дать ему более прочную, более официальную организацию. С этой целью был издан закон 1854 года, которым было поставлено: «звание биев оставить за теми, кто им пользовался до 19-го мая 1854 года; на будущее же время предоставить оное только султанам и аульным старшинам, прослужившим в этих должностях не менее
89 6-ти лет и отправлявшим какие-|| нибудь должности или чем-нибудь всемилостивейше награжденным, и не иначе, как по выбору общества и с утверждения окружного приказа (94 ст., том II, часть 2. Учр. об управлении инородцами)». Этот неудачный закон, имевший целью возвысить звание биев, дав им чиновничье значение, но прямым последствием которого было бы то, что звание биев перешло бы непременно в руки честолюбивых богачей, положительно не сведущих в народных обычаях и правах, к счастью киргиз, не имел никакого влияния на их народный суд, потому что число лиц, бывших биями до 19-го мая, оказалось и оказывается до настоящего времени достаточным для

Портреты неизвестных.
Перо. 1860 г. Рис. Ч. Валиханова.

отправления у киргизского народа правосудия. Таким образом, древнейший суд биев действует и поныне в киргизской степи на тех главных началах, на которых действовал он до принятия киргизами русского подданства.

89 об. || Если 40-летнее русское владычество, внесшее много совершенно новых элементов в общественную жизнь киргизского народа, не имело никакого влияния на древний киргизский суд биев, если суд этот мог устоять против неблагоприятных условий русского законодательства (например, закона 1854 года), ясно, что он вполне удовлетворяет настоящему развитию киргизского народа.

Удовлетворительность суда биев самым блистательным образом доказывается официальными источниками, именно незначительностью жалоб на первоначальное решение биев и почти совершенным отсутствием просьб от киргиз о производстве дел, подлежащих ведомству биев, по русским законам.

90 По справкам из дел окружных || приказов видно, что в Каркаралинском, Кокчетавском и Баян-Аульском округах жалоб на несправедливое решение биев и просьб о постановлении решений по русским законам в приказы этих округов в течение последних трех лет вовсе не поступало, хотя судом биев было окончено в Каркаралинском округе: в 1860—72, в 1861—77 и в 1862—22 дела. В Атбасарском приказе в 1861 году была только одна жалоба и с просьбой русского суда, но жаловался, впрочем, не киргиз, а казак. Всего более неудовольствий на решение биев встречаем мы за последнее трехлетие в Акмолинском округе, в границах которого проживает наиболее всего русских, татар, ташкентцев и других иноплеменников. В 1860 году в Акмолинский приказ поступило две жалобы, одна из них сопровождалась просьбой русского суда, в 1861—3, [в] 1862—4. В сведениях, доставленных Акмолинским приказом по этому предмету, к сожалению, не показано племя и происхождение лиц, подававших жалобы. Надо думать, что просители были не киргизы.

90 об. Мы знаем, однако, несколько приме||ров, что киргизы действительно желали русского суда, но просители эти были ордынцы, заклейменные народным презрением, люди вполне безнравственные *[6], которые надеялись незаконными путями, через русских чиновников исправить проигранное на народном суде дело. Им было нечего терять. Так просил Коджук, известный кушмурунский конокрад, так просил Баубек, содержавшийся 2 года на гауптвахте в Атбасаре по многократным жалобам киргиз своего и Кокчетавского округов. По суду биев этот хищник, бывший некогда сподвижником Кенесары, был приговорен к уплате нескольких сот лошадей, но совершенно отказался от уплаты и, посаженный на гауптвахту, просил русского суда.

В пользу суда биев мы можем привести еще один крупный факт, говорящий сам за себя. Это то, что русские истцы или рус-

*6 В рукописи оригинала = *безграмотные* — искажение переписчика.

ские ответчики во многих случаях предпочитают суд биев русскому следствию. Известно достоверно, что в Кокчетаве в нынешнее лето было решено несколько десятков такого рода дел.

Теперь позволю себе приступить к главнейшей задаче по вопросу о судебной реформе в Киргизской степи Сибирского ведомства, именно: к сравнению главных элементов киргизского суда биев с
91 основными началами || мирового суда, проектированного для русских губерний. При первом общем взгляде на эти два, по-видимому разнохарактерные учреждения чувствуется, что между ними существует большое сходство, много общего в идее, но, разбирая каждый пункт отдельно, мы видим одну только разницу. Сходство заключается, например, в словесности и публичности делопроизводства, но здесь есть разница, если пускаться в тонкости: мировые судьи решения свои постановляют на бумаге, а бии не всегда; мировые судьи делают разбирательства свои публично только по делам гражданским, а бии по всем без исключения делам, подлежащим их ведомству. (Тонкости эти заимствованы нами вместе со статьями законов из комитетского проекта).

Разница заключается:

а) По судоустройству

1. Бии существуют в неопределенном числе, мировые же судьи полагаются по нескольку на каждый мировой округ.

2. Бии никем формально не избираются и формально никем не утверждаются. Значение их основано на частном авторитете, который приобретают они так же, как в Европе поэты, ученые и
91 об. адвокаты. Шекспир и Гете считаются || всеми за великих поэтов, но мнение о гениальности их основано не на декретах правительств и не на формальных выборах народа. Для выбора в мировые судьи существует определенный порядок и ценз.

3. Бий тогда только судья, когда к нему обращаются тяжущиеся, обращаются же к нему — пока он пользуется хорошим renommee *[7], только потеря авторитета лишает его бийского звания. Мировые судьи избираются на три года и, пока служат, пользуются постоянными правами и обязанностями.

4. Бии не получают никакого содержания ни от казны, ни от народа, но берут «бийден бийлаги», а мировому судье полагается из земского сбора определенная сумма на содержание его самого и на расходы его по канцелярии.

5. Съезды биев бывают не периодичные, а случайные, а на съезды же мировых судей назначается определенный срок.

6. Мировой судья решает дела единолично, а суд биев едноли-
92 чен может быть только тогда, когда тяжущиеся || принадлежат к одному роду с бием и сами пожелают одного судью.

---

*[7] Авторитет, престиж (*франц.*).

б) По судопроизводству

1. Мировым судьям подсудны: по уголовным делам — маловажные преступления и проступки, означенные в 19 ст. Угол судопр., и по гражданским — иски на сумму не свыше 500 руб. (ст. 1 Гражд. судопр.). Биям же подведомственны все уголовные преступления и проступки, исключая означенных в 1167 ст., XV т., 2 кн. Угол. законов, прилож. к 183 ст. того же тома, 1 кн. Улож. § 1, пункт 2 и дополнение к этому пункту по 2 продолжению, и все дела гражданские киргиз между собою и с лицами иноплеменными в случаях, когда последние, будучи истцами, подчиняются сами суду биев (1177 ст., XV т., 2 кн. Угол. зак. и 1133 и 1134 ст., X т., II ч. Гражд. судопр.).

2. Бии приступают к разбору дел только по жалобе частных лиц или по сообщениям полицейских и других властей. Мировые судьи, кроме этих случаев, разбирают дела по преступлениям и проступкам и по личному своему усмотрению и дознанию (24 ст., пункт 3 Угол. судопр.).

3. Бии разбирают и решают дела на своем языке, по своим
92 об. обычаям и законам, мировые же судьи, хотя и делают || разбор дел на местном наречии, но решают по совести или на основании общих законов Империи (28 ст. Угол. судопр.).

4. Решения биев могут всегда быть обжалованы, решения же мировых судей, в известных случаях, считаются окончательными и не подлежат обжалованию (30 ст. Угол. зак. и 3 ст. Гражд. судопр.).

5. Бии все дела разбирают публично, мировые судьи делают разбирательство публично только по гражданским делам (5 ст., Гражд. судопр.).

6. Во всех делах, решаемых судом биев, допускается адвокатура, в мировом же разборе упоминается о поверенных только по делам гражданским (5 ст., Гражд. судопр.).

7. Мировые судьи заносят решения свои в установленную для сего книгу, у биев подобной книги нет.

8. Решения биев приводят в исполнение султаны, управители и старшины, а окончательный приговор мирового суда исполняет сам мировой судья.

9. В суде биев бывают случаи, допускающие участие «присяжных» для решения так называемого у англичан вопроса о факте
93 (question of fact); мировой же || суд обходится без присяжных.

Из этого сравнения киргизского суда биев с судом мировым очевидно, что мировой суд, несмотря на большую разницу в частностях, в общей идее и по практической цели своей имеет много общего с судом биев у киргиз, только мировой суд изобилует большими формальностями и имеет более бюрократических атрибутов. По нашему мнению, суд биев — [это] не удивительно, если принять во внимание аналогию высшего развития с низшим,— имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере в

отношении киргиз. Мы бы сказали абсолютное превосходство, если б не боялись, что нас могут заподозрить в преувеличении.

Вообще говоря, суд мировой не есть еще суд идеальный, лучше которого нельзя было бы и ожидать. И в Англии, в этой образцовой стране мирового суда, по свидетельству новейших исследователей, много юристов и государственных людей, которые не совсем довольны современным состоянием английских мировых
93 об. учреждений. || Блекстон[17], Гнейст[18] и Шарль Конт[19] в сочинениях своих указывают на некоторые положительные недостатки британского мирового суда.

Главное достоинство суда биев, по нашему мнению, заключается в отсутствии формальностей и всякой официальной рутины. Значение бия основано на авторитете, и звание это есть как бы патент на судебную практику. Тяжущимся киргизам предоставляется свободное право обращаться к любому из лиц, пользующихся судейским renommée, как у нас больные обращаются к медицинским авторитетам, а подсудимые — к известным адвокатам. Официальные выборы никогда не могут удовлетворять этим высшим условиям, а у нас же в степи выборы под влиянием закона родового быта в настоящее время ограничиваются одними родовыми интригами и служат только к удовлетворению тщеславия
94 богатых киргиз и к обогащению || русских чиновников, отлично умеющих в мутной воде рыбу ловить.

Если, согласно своекорыстному желанию киргизских чиновников и богатых табуновладельцев, избрание биев подчинить формальным выборам, то отправление правосудия в степи неминуемо перейдет при помощи денежных сделок и разных низких интриг, что случается у нас сплошь да рядом, в руки табуновладельческой и торговой знати, положительно не сведущей в наших судебных обычаях и в наших юридических правах. Свободный выбор судей из всех лиц, носящих звание биев, предоставленный тяжущимся, вполне заменяет выборы и даже более достигает той цели, с которой обыкновенно производятся выборы. Бии у нас теперь занимаются своей профессией по призванию и имеют причины дорожить своей репутацией. Сделавшиеся же выборными чиновниками они во всем будут походить на наших управителей, которые тянут со всех и всем сами платят.

94 об. || Неблагонамеренный судья, при настоящем положении дел, без всяких скандалов может быть обойден: к нему никто не будет обращаться — и дело кончено. Если же этот неблагонамеренный судья будет выбран официально и на срок, то киргизам придется сносить все его гадости до выборного термина *[8]. Наконец, если судья будет человек богатый, то и выборы, пожалуй, не избавят народ от его несправедливостей.

Преимущество имеет суд биев и в том отношении, что он редко бывает единоличен; в нем допускается безграничная публичность,

---

*[8] То есть *времени.*

а иногда и нечто вроде участия присяжных; решения его подлежат обжалованию, между тем как мировым судьям в этом отношении дается слишком большая власть, тем более опасная, что судья может руководствоваться во многих случаях одними законами совести, без всякой другой гарантии.

95 || Суд биев в отношении киргиз выигрывает окончательно потому, что другие статьи общего проекта не применимы к быту кочевника, особенно главные статьи по мировому судопроизводству. Например, киргизы не могут быть судимы по русским законам. Причина очень простая. Во-первых, от киргиза, при другом племенном организме и других условиях среды и стихии, нельзя требовать одинакового понимания и взгляда на преступления и проступки, как от русских и от других европейцев, и, наконец, киргизы не знают и не могут знать русских законов, хотя при следствиях они наравне с русскими не могут отзываться незнанием закона. Киргиз, не понимающий ни одного русского слова, не может отзываться незнанием русских законов! (Нелепость и рутинность этого требования очевидны). Это, конечно, китаизм, так сказать, возведенный в перл создания. Выходит, что правитель-
95 об. ство || наше сознательно требует от своих подданных невозможного, как нечто очень возможное.

Нет никакого сомнения, что тот закон хорош для народа, который более ему известен, закон родной, под которым человек вырос и воспитывался, как бы закон этот ни был несовершенен, должен казаться ему лучше, понятнее и яснее самых мудрых законодательств, взятых извне или навязанных сверху. Между тем, обычное право киргиз, по той же аналогии высшего развития с низшим, на которое мы так любим ссылаться, имеет более гуманных сторон, чем законодательство, например < мусульманское, китайское и> русское по Русской Правде [20]. В киргизских законах нет тех предупредительных и устрашающих мер, которыми наполнены и новейшие европейские кодексы. У киргиз телесные наказания никогда не существовали. А законы родовые, по которым члены рода ответствуют за своего родича, при родовых отношениях приносят много практической пользы.

96 || Начатие дел по личному своему усмотрению также неудобно применимо к киргизским биям. Это право обратило бы киргизского бия, судью, в полицейского сыщика, который бы стал невыносимо придирчив, чтобы получить побольше «бийден бийлаги», а участие в исполнении решений дало бы ему до известной степени предержащую власть. < Вследствие чего он [из] частного судебного практиканта обратился *[9] бы в полицейского...*[10]>. Такая посторонняя фикция прямо противоречит основной идее суда биев.

Из приведенных нами фактов и доказательств видно:

1. Что начала мирового суда, проектированные для русских

---

*[9] То есть *превратился.*

*[10] Пропуск в рукописи, должно быть: *сыщика.*

губерний, во многих началах своих положительно не применимы в отношении киргизского народа.

2. Суд биев, действующий у киргиз теперь, при господствующем у них родовом быте и родовых отношениях, вполне удовлетворяет развитию народа, как продукт, непосредственно выработанный самим народом < из прошедшей [его] жизни, из продуктов
96 об. его развития || и > под влиянием особенностей их страны.

3. Что суд биев имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере в отношении киргиз.

4. Что желания большинства массы киргизского народа, при отобрании от них мнений по вопросу о судебной реформе, было выражено в пользу древнего суда биев бев всяких изменений и дополнений.

Принимая во внимание все вышеизложенные причины и руководствуясь той истиной, что для нормального роста народа, на какой бы степени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащищение, самоуправление и самосуд, мы приходим к тому неотразимому заключению, что суд биев следует оставить до поры до времени в том самом виде, в каком он был до издания закона 1854
97 года, а закон этот, как || рожденный под влиянием бюрократических идей, единственно в видах формализма и порядка, следует отменить. В наше время на регламентацию и формализм следует смотреть не иначе, как на анахронизм, или как на 10 тысяч китайских церемоний. Формализм и бюрократическая рутина обусловливали собой один только застой<и неподвижность>и служили до сих пор китайской стеной для всякой полезной общественной деятельности, останавливая свободное течение тех всечастных и вседневных преобразований и улучшений, которых требует живая народная сила. Чтобы привить какое-либо преобразование и чтобы потом сохранить его, необходимо, чтобы реформа эта соответствовала материальным нуждам и была бы приспособ-

Наброски портретов чиновников. *Перо. 1860 г. Рис. Ч. Валиханова.*

лена к национальному характеру того общества, для пользы ко-
97 об. торого она предпринята. || Всякое нововведение вне этих условий может быть безусловно вредно, и как явление аномальное может порождать только одни неизлечимые общественные болезни и аномалии.

Конечно, правительство наше никогда не согласится отдать суду биев те преступления и проступки, которые были судимы до сих пор по русским уголовным законам и составляли предмет особенного правительственного наблюдения. «Уголовными преступлениями в отношении к сибирским киргизам,— гласит 1167 ст. Зак. уголов. судопр., XV т., II часть, изд. 1857 года,— считаются: измена, убийство, разбой, баранта [21], возбуждение своих соплеменников против правительства, явное неповиновение установленным властям, преступления по должности, подделка и умышленный
98 перевод фальшивых государственных бумаг || и монеты, поджог и принятие ложной присяги по делам, судимым на основании общих российских законов; за сии преступления, а также за преступления и проступки, учиненные киргизами не в местах кочевья их, а в городах и селениях, они приговариваются к наказаниям по общим законам империи». Мы находим, что за убийство, грабеж и хищничество непременно следует судить по русским законам, так как киргизские судебные обычаи в этом отношении крайне неудовлетворительны, оценивая жизнь человека во сто лошадей и в 6 хороших вещей. Но относительно баранты следовало бы сделать некоторые смягчения и уступки. В наших судах слово баранта имеет какое-то < несвойственное самому акту роковое>, страшное значение и считается самым важным преступлением после измены и убийства.

98 об. || Между тем важность баранты основана у нас на одном только предании, предрассудке. Криминал заключается не в факте, а в зловещем звуке этого слова. Спрашивается, что называется в нашей криминалистике барантой? Вопрос о баранте не выяснен и ответа положительного не может быть. Областное правление [уже] несколько лет как требует от приказов разрешения этой загадки и не может дождаться. Стряпчий областного правления г. Кондратович толмачит баранту словом: угон с убийством, но объяснение это не более не менее как остроумная догадка. Мы постараемся объяснить баранту, как понимают ее сами киргизы. У киргиз баранта допускалась иногда и законом. За воровство, грабеж, угон полагается аип*[11], а за баранту — ничего. Баран-
99 той на||зывается захват чужого скота или чужих вещей, вообще чужой собственности, за неуплаченный долг — калым или кун*[12]. Случалось в старину, что сильный племенным родством киргиз < не платил кун за убийство или аип за оскорбление, нанесенное им какому-нибудь менее сильному киргизу, или же>, совершив убий-

*[11] *Аип* — штраф, взыскание.
*[12] *Кун* — выкуп за кровь (за убийство).

ство или кровную обиду, не хотел идти на суд. Тогда, по решению родового сейма, оскорбленные и униженные шли на баранту и, сделав чувствительный захват, принуждали гордого обидчика дать законное удовлетворение [22]. После примирения убарантованный скот возвращался сполна, но без всякого аипа.

Баранта производилась явно, т. е. днем, и с насилием, в случае нужды, или же тайно, воровски. В последнем случае барантачи обязаны были не позже 3-х дней известить своих соперников, что баранта затеяна ими и за то-то. Иначе похищение, произведенное ими, считалось воровством. Понятно, что при явной баранте барантачи встречали готовый отпор, случались драки, убийства. Но все это может случиться и при угоне, который, однако ж, не считается уголовным преступлением.

99 об. || Угон — это просто набег, разбой, хищничество, когда без всякой причины и повода, с одной лишь корыстной целью нападают и угоняют табуны оплошных киргиз. В наше время баранта производится за долг, за неуплаченный калым и большей частью тайно, воровски.

Баранта, какая бы она ни была, как самоуправство, конечно, не может быть терпима нашим правительством, но, принимая во внимание взгляд народный на баранту и силу обычая, мы думаем, что правительство наше поступает слишком строго и, пожалуй, не совсем справедливо, придавая баранте первостепенную важность. Мы думаем, что баранту тайную, воровскую следовало бы передать суду биев, как род воровства, а на баранту открытую смотреть более снисходительно. Впрочем, почему бы и ее не передать в ведомство биев, если она не сопровождалась убийством, ведь это то же, что угон.

Но что бы ни было с барантой, остается немало других уголовных преступлений и проступков, за которые киргизы судились и, конечно, будут теперь судиться по общим уголовным законам Империи.

100 || Устройство судебных мест для киргизских областей представляет некоторые затруднения, вследствие особых местных условий, которыми мы теперь займемся. Киргизы при отобрании от них мнений об этом предмете старались только об одном, чтобы уголовный суд был от них как можно дальше. Опираясь на то, что у них бывает очень мало дел, подлежащих уголовному производству, они предположили основать суд этот в Акмолах *[13]. Некоторые указывали, впрочем, на Омск, но г. Яценко это не одобрил.

Действительно, уголовных дел, подлежащих судебному решению, в нашей области до сих пор было очень мало.

В течение последнего трехлетия поступило на ревизию областного правления дел:

---

*[13] Точнее: *Акмолинск* — теперь Целиноград.

в 1861 г.	— 45
« 1862 г.	— 27
« 1863 г.	— 39
Итого	111

Из этого числа поступило:	в 1861	в 1862	в 1863
Из Кокчетавского приказа	31	7	13
» Атбасарского »	1	3	2
» Акмолинского »	3	5	4
» Баян-Аульского »	2	5	4
» Каркаралинского »	8	7	14
Итого	45	27	31*[14]

100 об. || Из 111 дел решено:

в 1861	— 34
» 1862	— 35
» 1863	— 34
Итого	103

Мимоходом считаю не лишним заметить, что в завершенных делах обнаружено преступление едва по 43 делам!

Устройство суда в Акмолах для киргиз и для русских жителей степных станиц по крайней незначительности дел, подлежащих ведомству суда, будет только излишней и бесполезной тратой денег, если же суд этот будет, как предлагали некоторые, разъездной, кочевой, то сверх траты казенных денег он будет невыносимо обременителен для киргиз. Ямская повинность, как известно из опыта, была в прошлом столетии одной из главных причин неудовольствия русского народа на правительство. Сибиряки и сибирские инородцы до сих пор жалуются на тягостную для них выставку подвод под исправников, заседателей и попов. У киргиз же ямская повинность отправляется без всякого порядка и крайне неравномерно. Многие чиновники берут и теперь по 40 и 60 лошадей под один экипаж и ничего не дают подводчикам, кроме зуботычин. Последнее делают и частные лица.

101 Случается нередко, что некоторые «майоры» (так киргизы называют русских чиновников) не возвращают хозяевам взятых ими в подводы лошадей (без зуботычин).

По всем этим соображениям мы думаем, что нет никакой особенной надобности устраивать особый суд для нашей степи. Омск, где, вероятно, будет одна какая-нибудь степень суда, по географическому положению своему находится в условиях не менее выгодных, чем Акмола. Если для баганалинцев, кочующих по Чу и Сарысу, он будет значительно дальше Акмолов, зато для других, более населенных округов, он будет ближе и удобнее. Во

*[14] Описка, следует: 37.

всяком случае для киргиз гораздо выгоднее ездить в Омск на суд, чем принимать правосудие в своих волостях.

Еще вопрос о выборе присяжных. Признаться, трудно ручаться за беспристрастный выбор этих лиц и нельзя не бояться влияния знатных ордынцев и родовых симпатий и антипатий *[15]. Что-
101 об. бы избегнуть этого неудобства, нам кажется, что можно || бы выбор присяжных производить при суде, взяв список всех биев, решавших в предыдущем году какие-либо дела, и избрав из них по жребию присяжных. Содержание присяжных во время сессии суда, конечно, ничего не будет стоить, если принять в расчет ту экономию, которую приобретает казна, не учреждая для степи особого окружного суда.

Оканчивая свои заметки по судебной реформе, я не могу пройти молчанием другой не менее важный народный вопрос, вопрос о религиозном принципе, тем более, что вопрос этот получит теперь некоторую связь с судебным.

При даче мнений по судебной реформе киргизы всех округов нашей области, исключая, впрочем, Кокчетавский, просили: «дела о браках и разводах, находящихся теперь в ведомстве мулл, предоставить по-прежнему суду биев». Причины, вызвавшие эту на-
102 родную протестацию, объясняются некоторыми || историческими фактами, которые мы теперь и рассмотрим.

Киргизы до вступления в русское подданство были мусульманами только по имени и составляли в магометанском мире особый суннитский раскол[23]. Мусульманские законы никогда не были приняты киргизами и были введены в степь путем правительственной инициативы, вместе с бюрократическими прелестями внешних приказов.

Мы не знаем и не можем понять, что имело в виду русское правительство, утверждая ислам, там, где он не был вполне принят самим народом.

Апостолом Магомета в Сибирской степи был великий Сперанский, назначавший мулл и предположивший построение мечетей и татарских училищ при окружных приказах. (См. Особое учреждение управлений инородцев, именуемых сибирскими киргизами, Св. законов, изд. 1857 года, т. II, часть 2).

Нас поражает это обстоятельство особенно потому, что тот же
102 об. Сперанский говорит в своем «Учреждении», что киргизы — || *мусульмане только по имени и что их* легко обратить в христианство и проч. Что же, спрашивается, заставило этого замечательного, умного человека быть распространителем такого невежественного и дикого учения? Надо полагать, что в то недавно прошедшее время признать народ, входящий в состав Российской империи, не имеющим веры или признать верноподданных России официально за раскольников, хотя и мусумульманских, находили не совсем приличным, а принять меры к обра-

*[15] Речь идет о влиянии знатных ордынцев на результаты выборов.

щению киргиз в христианство находили не совсем политичным по
времени. Времена те миновали, прюдеризм *[16] не в моде.

Оренбургским пограничным начальством уже давно приняты
меры, чтобы препятствовать развитию ислама в подведомствен-
ных ему степях; там запрещается татарам не только быть мулла-
103 ми, || но и жить долго в степи между киргизами. У нас же в
Сибири правительство до сих пор держится в отношении мусуль-
манства прежней покровительственной системы, и благодаря это-
му ислам делает в наших областях исполинские шаги. Вся степь
наводнена полуграмотными муллами из татар и фанатическими
выходцами из Средней Азии, выдающими себя за святых. С не-
которого времени стали появляться в пограничных округах дер-
вишествующие курды, ногайцы и турки. Личный интерес ино-
странных мусульманских странников и особенно татарских семи-
наристов (которых я считаю за самых фанатических поклонников
пророка) заключается в том, чтобы довести киргиз своим влия-
нием до того слепого религиозного изуверства, при котором так
легко живется всем этим старцам, паломникам и дервишам.
103 об. Пропаганда эта во многом уже успела. В Ба||ян-Аульском и
отчасти в Каркаралинском округах киргизы предавались хан-
жеству с ревностью, свойственной только новообращенным. Там
живет под покровительством местных туземных властей много
ишанов [24], ходжей из Бухары и Коканда и ежегодно приезжает
и уезжает немало этой сволочи. Татарское духовенство, которому
вверило русское правительство наше нравственное воспитание,
занималось до сих пор только нравственным нашим растлением,
брало взятки, учило ханжеству и вместе с среднеазиатскими вы-
ходцами обманывало доверчивый наш народ. Что татарское духо-
венство постоянно содействовало шарлатанству странствующих
мусульманских пустосвятов и составляло с ними одну общую ас-
социацию идей, может служить доказательством дело о Мансуро-
ве [25]. Все указные муллы были с ним в переписке, многие призна-
104 вали себя его мюридами. Нужно знать, какие люди у нас || в сте-
пи занимают священнические места, кому вверена нравственная
паства киргизского народа и суд в отношении такого трудного
общественного вопроса, каков брак. У нас большая часть мулл из
татар, и все они без исключения плуты. Это народ невежествен-
ный в высшей степени, едва знающий свою грамоту, но заражен-
ный мрачным изуверством и диким суеверием. Во всех отношениях
[это] темное царство <в самом обширном смысле>.

Правда, чтобы быть муллой, надо выдержать экзамен, кото-
рый производится татарским муфтием [26], живущем в Уфе. Но ус-
пех экзамена зависит не от степени знания экзаменующегося, а
от количества денежного пешкеша *[17]. Мы не знаем, есть ли где-
нибудь на свете такие жадные лихоимцы, как наше русское му-

---

*[16] Показная, не в меру щепетильная, ханжеская мораль.
*[17] Подношение, подарок.

сульманское духовенство. К самому муфтию, этому высшему му-
сульманскому духовному лицу в России, нельзя иначе обращаться
104 об. с || просьбой, как положив деньги в прошение. Вот что рассказы-
вает один башкир о магометанском духовном собрании в Уфе.
«Здесь надобно задобрить всех служащих, начиная с муфтия, сек-
ретаря, казы и писарей. Иногда приходится задабривать служи-
телей и приближенных муфтия или казы» («Заметка башкира о
башкирах».— Современник, 1863 г., № XI, ноябрь).

В татарском народе ходит много анекдотов и поговорок, под-
тверждающих то, что мы теперь сказали о татарских муллах. Но
при всем том очерк наш вышел не так рельефен, как нам хоте-
лось, мы не могли охарактеризовать и в сотой доле все то неве-
жество, изуверство, шарлатанство и подлость, которые господст-
вуют среди татарских попов. Впрочем, как бы ни была слаба на-
ша характеристика, но факты говорят сами за себя.

Теперь мы будем говорить о состоянии народного образования
в области сибирских киргизов, которые в настоящее время нахо-
дятся бесконтрольно в руках мулл. Это прибавит еще несколько
крупных черт к тому, что сказано нами выше о мусульманстве и
о [его] священнослужителях. Почти в каждом ауле нашей об-
105 ласти есть ко||чевая школа, где учителя по большей части татар-
ские муллы или семинаристы. В Кокчетавском, Атбасарском и
Акмолинском округах преобладают татары. В Баян-Аульском и
Каркаралинском они в последнее время вытесняются среднеазиат-
цами. Чтобы понять, в каком духе татарское духовенство воспи-
тывает киргизское юношество, мы приведем один только пример:
больше не нужно. В мусульманском населении города Петропав-
ловска возник вопрос: грешно ли играть в карты и если грешно,
то в какой степени? Обратились к одному мулле, известному по
своей глубокой учености. Этот казуист, справившись со своими
«темными книгами», объявил, что играть в карты мусульманам
между собою — великий грех, но играть с русскими и с намере-
нием обыграть их — дело похвальное, как род джихата [*18], под-
визания за веру, которое завещал пророк своим последователям
105 об. || в непременную обязанность. Профессор Березин в своей попу-
лярной статье о мусульманстве, напечатанной в «Отечественных
записках» 50 годов, доказал, как дважды два — четыре, на осно-
вании текстов из корана и из книги преданий, что мусульманство
и образованность — понятия несовместимые, даже враждебные,
одно другое вытесняющие. Например, Магомет говорит, что [су-
ществует] семь небес (т. е. планетных сфер), следовательно, ве-
рующий магометанин должен отвергать все астрономические от-
крытия со времен Птоломея [27], иначе он не будет правоверным.

Магомет все современные ему космогонические, медицинские
и другие предания и предрассудки ввел в свое учение как догмат
и тем самым остановил движение опытных наук. <Правда, арабы

*18 То есть *джихад* (араб.) — борьба за веру.

упражнялись изрядно в математике, потому что Мухаммед не знал арифметики и не ввел ее в свой коран. Арабам нравилась философия Юркевича [28], нравилась потому, что она удобно применима ко всему, даже к учению Мухаммеда>.

106 Учение Магомета не может быть очищено, как || думают некоторые защитники ислама; в нем невозможна никакая реформация. Какого можно ожидать возрождения от религии, которая имеет основанием своим дикие варварские предрассудки кочевых арабов шестого столетия, предания спиритуалистов, жидов и разные фокус-покусы персидских магов того же периода. Если таков ислам турков и персиан, то каков должен быть ислам татарский, составляющий в мусульманстве нечто в роде пуританизма. Татары отвергают поэзию, историю, математику, философию и все естественные науки, считая их искушениями для слабого человеческого ума, и ограничиваются одной мусульманской схоластикой и казуистикой. На татарском языке нет ни одной книги, которая не имела бы характер мракобесия. Понятно, что татары воспитывают в киргизской степи подобных им факиров, но свежая народ-
106 об. ная || сила не легко поддается мертвящему их влиянию.

Непосредственные сношения с среднеазиатскими владениями и, наконец, знание татарской грамоты дает киргизскому юношеству возможность читать романы, повести, поэмы и сказки на джагатайском наречии тюркского языка. Эпические и беллетристические произведения джагатайской литературы или пахнут учением Шамиля [29] (героические поэмы, имеющие сюжетом войны арабов с Греческой империей), или напоминают оды Горация [30] к Лигурину (роман о любви Мавлеви-Джами к прекрасному мальчику Мирзе-Хамдаму [31]), или же вовсе не имеют смысла (поэма о любви соловья к розе, повесть о китайском принце, влюбленном в призрак светлой девы, которую он увидел во сне [32]).

Конечно, никто из благомыслящих людей не станет оспари-
107 вать, что чтение педерастических || романов безнравственно и вредно и что чтение утопических книг, затемняющих здравый смысл фанатическим сумбуром, не может быть полезно.

Но никто из них не будет предполагать, что чтение героических романов может быть еще вреднее. В Бухаре во времена эмира Мир-Хайдара [33] было запрещено публичное чтение героической поэмы Абу-Муслим [34], потому что слушатели в фанатическом экстазе отправлялись толпами в Персию, чтобы там в войне за веру принять блаженную смерть шеидов (мучеников).

Вот те плоды, которые может дать киргизам татарское просвещение. Чудовищная фантастика, мертвая схоластика и ни одной реальной мысли. К этим вопиющим явлениям для полноты картины нужно присоединить еще то обстоятельство, что вся эта
107 об. <мертвечина, долбление текстов из корана на арабском языке || без всяких комментариев и переводов и заучивание на память всякой схоластической ерунды> вбивается киргизским детям не

иначе, как палкой. «Тело твое,— говорят обыкновенно киргизы муллам, отдавая детей своих в учение,— кости мои»[35].

В «Северной пчеле» 1860 года один молодой киргиз г. Бабаджанов[36] описал необыкновенно ярко учение в татарских школах Букеевской орды. Факт этот замечателен тем более, что г. Бабаджанов, в качестве потомка Магомета и корреспондента «Северной пчелы»,— ярый магометанин и, по-видимому, не враг татарского просвещения.

Начальство наше до сих пор мало обращало внимания на умственное образование киргиз и, жарко преследуя баранту, конокрадство и вообще дисциплинируя киргизский народ, не имело времени следить за действием мулл и странствующих дервишей. Но дело еще можно поправить, и реакция еще возможна....

108 || Вероятно, причиной, побудившей правительство дела о браках и разводах предоставить муллам, был грубый обычай киргиз отдавать дочерей своих в замужество в слишком юных летах и большей частью без их согласия. Киргизы сговаривали детей своих иногда в колыбели.

108 об. Нам кажется, что обычай этот || мог быть изменен и без участия мусульманского духовенства: следовало только предписать старшим султанам и управителям, под страхом ответственности, иметь строгое наблюдение, дабы киргизы не выдавали дочерей ранее таких-то лет, дабы отцы не принуждали своих сыновей и дочерей вступать в супружество без личного их согласия и проч.

Полицейский надзор и дух времени сделали бы свое дело, но, конечно, не скоро. Баснословное количество жалоб, поступающих и теперь по брачным делам, показывает, что мусульманский шариат был совершенно бессилен против силы укоренившегося обычая.

109 Принимая во внимание изуверство и невежество || татар, исключительно занимающих должности мулл в нашей степи, и вредное влияние всякого ультраклерикального направления на социальное развитие народов, мы находим, что для ослабления влияния мулл и для умерения религиозного фанатизма следовало бы, согласно просьбе народа, дела о браках и разводах предоставить по-прежнему суду биев, тем более, что брак у магометан не есть таинство.

Преобладание теологического духа и в Европе проявлялось в народном развитии самым бедственным образом.

Об административной реформе пока еще нет речи, и потому мы не будем теперь затрагивать этот, по многим причинам, щекотливый для нас предмет. Административный вопрос для нас,
109 об. киргиз, || имеет слишком большой интерес, чтобы говорить о нем вскользь. Мы полагаем, однако, что частное управление Оренбургской степи при административной реформе наших областей может быть с большей пользой принято в соображение, как уже испытанное в продолжение многих лет. Оренбургское начальство, вероятно, имело время заметить его достоинства и недостатки.

Самый капитальный недостаток Оренбургского степного управления, конечно, заключается в том, что ордынские чиновники назначаются там не по выборам народа, а по усмотрению пограничного начальства. Право выбора самих властей, предоставленное нам, среднеордынцам, есть такое право, которым мы не можем не дорожить, хотя пользуемся им теперь и дурно, и нечестно.

110 Неправилен с научной точки зрения и тяготен для || народа *кибиточный сбор*, собираемый с зауральских киргиз. Хотя налог этот не выдерживает самой поверхностной критики, но некоторые наши пограничные администраторы по каким-то узким соображениям увлекались им до того, что думали ввести подымную [подать] и в нашу степь. Нет сомнения, что *ясак*[37], платимый сибирскими киргизами по числу скота, есть единственно возможная и вполне правильная, по новейшим теориям налога, подать, которая может быть без отягощения наложена на кочевников.

28 февраля 1864 г.

Омск.

О КОЧЕВКАХ КИРГИЗ

1160 || Киргизы Семипалатинской области исключительно живут скотоводством. В северной полосе преобладает табуноводство, в южной — овцеводство, соединенное с разведением верблюдов. Баян-Аульский округ [1] принадлежит к числу округов, занимающихся преимущественно табуноводством.

У киргиз скот летом и зимою ходит в степи и как летом, так и зимою добывает себе пищу с поля.

При таких условиях производства промысел этот, предостав-
1160 об. ленный || попечению самой природы, зависит всего более от состояния погоды, от качества почвы. Человек играет здесь самую пассивную роль: он нужен для того, чтобы скот не пошел по ветру и для того, чтобы отогнать хищного зверя. Случайностей физических, от которых может страдать скотоводство, а особенно табуноводство, так много, что трудно исчислить. Все, что вредит хлебопашеству, влияет не менее неблагоприятно и на скот, например: засуха, напольные пожары и саранча. Глубокие снега и в особенности так называемая гололедица обусловливают собой неизбежный упадок скота. Бураны и холода, эпидемические и другие заразные болезни действуют крайне опустошительно, ибо кир-
1161 гизский скот, находясь круглый || год на подножном корму, не может быть защищен ни от непогоды, ни от заразы. Голодные годы, называемые у киргиз «джут», представляют собой совокупное действие всех вышеозначенных бедствий. Изнуренный голодом скот делается необыкновенно чувствительным к стуже, недостаточное питание развивает малокровие и опасные болезни, причем наблюдаются беспрестанные выкидыши и совершенное бесплодие. Этими обстоятельствами объясняется тот громадный урон в скоте, который был в Семипалатинской области в голодную зиму 1862 года [*1].

Но несмотря на все препятствия, представляемые внешней природой, скотоводство, как и всякая другая промышленность,
1161 об. должно иметь известные условия, || от которых зависит его успешное движение, иначе оно не могло бы существовать. В чем

[*1] См. ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 5289, лл. 3—5, 19—44.

заключаются эти условия? Определить эти условия не трудно, если принять во внимание:

1. Что в старые времена, во времена опустошительных войн и вседневной баранты, киргизы были богаче, чем теперь, и повсеместные упадки случались редко. Народная память из событий прошлого столетия сохранила воспоминание только о двух голод-

Предметы обихода казахов Старшего жуза. *Рис. художника П. Кошарова.*

ных годах, но в эти годы причиною наших бедствий была не столько гололедица, сколько огонь и меч — заклятье киргизских врагов — калмыков. Что сибирские киргизы[2] до основания внешних приказов были богаче — это факт, не подверженный ни ма-
1162 лейшему сомнению: стоит только || посмотреть на число скота, который был пригоняем на оренбургскую и сибирскую линии в конце прошлого и в начале нынешнего столетия, и на официальные исчисления 20-х и 30-х годов. В эту последнюю эпоху было немало киргиз, имевших 10-тысячные табуны лошадей.

2. Что в наше время число скота у киргиз все более и более уменьшается, и падеж делается чаще и опустошительнее. В этом можно вполне убедиться, если сравнить исчисления 20-х и 30-х годов с исчислениями 40-х и 50-х годов.

Правда, что в прошлые времена киргизы продавали своих детей в русские станицы и за один куль муки, но причиною голода
1162 об. были не гололедица, не суровая зима, а войны и баранта. || В старину исходным пунктом всех киргизских мотивов и забот был

скот. Мы устраивали свою жизнь, приноравливаясь к требованиям скотоводства. У наших предков постоянных зимовок не было, точно так же как и приуроченных мест для летних пастбищ. Когда в одном месте был голод, отцы наши уходили на другие, более благоприятные, не стесняясь никакими расстояниями.

Киргизы Меньшей орды лето кочевали под Оренбургом и в горах Муґоджара [3], а зиму проводили на Сыре и в песках Бурсук [4] и Каракум [5]. Киргизы Средней орды в одно лето из-под Семипалатинска шли к Троицку и обратно. При таком образе жизни по-
1163 нятно, что голодные зимы не имели такого рокового харак||тера, как теперь.

Посему обширный район кочевок должно считать самым важным и главным условием для скотоводства. Земля, достаточная для прокормления целого города, не будет удовлетворять одного киргизского аула, ибо каждый аул должен иметь особое зимовое место (зимовку) с зимними пастбищами, особые пастбища для весенних, осенних и летних стойбищ. Для зимовок требуются густые леса или лесистые горы, вообще места, которые могут защищать скот от зимних непогод. Для летних кочевок, напротив,— места открытые, привольные и обильные текущими водами или озерами. Летние кочевки выжигаются осенью для уничтожения
1163 об. личинок насе||комых, беспокоящих стада в летние жары, между тем как зимние остаются все лето нетронутыми, таким образом, киргизы, занимая, по-видимому, огромные пространства земли, в сущности, пользуются в данный момент только незначительной частью и потому постоянно нуждаются в земле.

На основании этих фактов можно думать, что разделение земель наших по округам и приурочение летних и зимних пастбищных мест известным родам и личностям должны считаться одной из главных причин, вредящих скотоводству. Теперь нужно из малого пространства земли извлекать наибольшую пользу, а это совершенно невозможно, пока скотоводство будет в киргизской степи единственным средством существования.

1164 Устраивать конюшни || на несколько сот лошадей также невозможно, как приготовлять на это число фуражные запасы. Из всего сказанного следует, что для успеха скотоводства необходимы:

1) обилие земли и большой район для кочевок.

2) густые леса или лесистые горы для зимовок и открытые, привольные, безлесные места, обильные водою для летних пастбищ. Качество летних пастбищ и удобство зимовых стойбищ имеет громадное влияние на развитие скотоводства, но важнее всего для киргиз зимовые места. Без теплых зимовок табуноводство существовать не может. Оттого эта отрасль скотоводства процветает только в тех округах, которые имеют наиболее мест, удобных для зимних стойбищ. Кокчетавский округ [6], северная часть Акмолинского [7] и Внутренний округ Семипалатинской области, покры-
1164 об. тые сплош||ными лесами и тучными лугами, считаются самыми богатыми округами Сибирской степи.

В Атбасарском [8] бывшем округе и в южной части Акмолинского округа табуноводство уже уступает место овцеводству и разведению верблюдов, ибо песчаные и солончаковые равнины этой части степи производят растения, употребляемые исключительно овцами и верблюдами. Каркаралинский округ [9] имеет все условия, требуемые скотоводством: летние кочевки по Нуре и Баканасу и уютные зимовки в лесистых горах Кент и Казулык [10] и в камышистых прибрежьях Балхаша. Баян-Аульский округ, без сомнения, самый бедный в области сибирских киргизов. Киргизы, кочующие в Баян-Аульском округе, хотя и владеют прекрасными
1165 летними пастбищами в верховьях Нуры || и Ишима, но не имеют самого важного — зимовок. Территория округа представляет холмистую и каменистую равнину, в которой растительность держится только в ложбинах, глубоко забиваемых зимою снегом. Лесистые горы Баян-Аул [11] и Эреймень [12] кажутся среди этой печальной равнины как бы оазисами в негостеприимной пустыне. Горы эти действительно имели для киргиз значение оазисов, они служили зимовками для всех Тортугульских волостей [13]. Баян-Аул никогда не знал повальных упадков скота, в нем Азнабай приобрел 17 тысяч лошадей. Защищенный от непогод и в самые бескормные годы [скот] выносил кое-как зиму, питаясь иногда прутьями лиственных деревьев. Недаром дано группе этих гор назва-
1165 об. ние Баян-Аула, что по-калмыцки значит ||: «благополучная гора» (Баян-ола). Эреймень теперь уже не принадлежит нам: он занят киргизами Акмолинского округа, хотя за него было пролито нами немало крови. Баян-Аул принадлежит станице; за Иртыш же, куда пригоняли наши предки часть скота на зиму, не пускают нас казаки. Таким образом, киргизы Тортугульских волостей остаются совершенно без зимовок и, вследствие этого, более других страдают от зимних непогод и от глубоких снегов. Также безвыходное положение в отношении зимовок заставляет тортугульских киргиз откочевывать для снискания себе пропитания в другие округа, в русские станицы; таких, безвестно отлучившихся, по последнему исчислению, оказалось более 500 семейств, не считая кан-
1166 джигалинских [14] и козгановских [15] киргиз, которые по||ступили официально в Акмолинский и Атбасарский округа.

Повергая такое бедственное положение народа Тортугульского участка на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства, я решаюсь изложить здесь некоторые мои соображения относительно мер, какими можно было бы отвратить неизбежное разорение, грозящее Тортугульским волостям Баян-Аульского округа.

Так как киргизы эти страдают единовременно от неимения зимовых мест и так как в границах округа, кроме гор Баян-Аульских, нет других урочищ, могущих быть надежными зимовками киргизам, то я осмеливаюсь просить Ваше высокопревосходительство от имени народа упразднить Баян-Аульский приказ, приписав подведомственные ему волости в состав других округов или

же перенести на урочище Бель-Агач, лежащее по тракту, на по-
1166 об. ловине || дороги между г. Акмолы и Каркаралинской станицей, и имеющее все удобства для поселения приказа: плодородную почву, сенокосные луга и положение на торговом пути и среди летних кочевок Баян-Аульских киргиз; последнее обстоятельство особенно важно для народных сборов во время ревизии господина военного губернатора. Киргизы Баян-Аульского округа готовы взять на себя часть расходов не только по перенесению приказа на другое место, но и для переселения казачьей станицы, дав каждому казачьему семейству по три лошади.

Казаки Баян-Аульской станицы хлебопашеством не занимаются, а живут только оброком, который берут с киргиз, отдавая им в временное пользование станичные свои участки, следова-
1167 тельно, перенесение приказа и станицы на хлебородные места || будет одинаково выгодно как для казаков, так и для киргиз.

В заключение всего считаю долгом заявить Вашему высокопревосходительству, что при предстоящем размежевании земель для Баян-Аульской станицы я полагал бы справедливым прежде всего наделить зимовками и лесными участками коренных жителей киргиз, а затем оставшиеся места отдать казакам, так как по закону казаки должны быть наделяемы землей без стеснения киргиз в их пастбищах.

НЕДАТИРОВАННЫЕ РАБОТЫ

АБЛАЙ

Аблай — в русских летописях называемый царевичем Сибирским.

Аблай — (Абулай) хан Средней киргиз-кайсацкой орды, живший в XVIII веке. Он происходил из младшей линии султанов Средней орды и имел в третьем колене общего родоначальника с Абульмаметом *[1]-ханом, с которым Аблай (в наших бумагах Аблай-султан, двоюродный брат хана) в 1739 *[2] году присягнул в Оренбурге на вечное подданство России. Дед его, тоже имени Аблай, был владетелем города Туркестана и прославился такими воинскими доблестями, что получил грозное и почетное название Кан-Ичер (кровопийца). Сын его, Вали, не мог поддержать славы отца; один из соседних владельцев, взяв Туркестан, убил его, и только преданность одного из рабов спасла жизнь тринадцатилетнего сына его, Аблая. Верный слуга бежал с своим питомцем в Киргизскую степь. Юный Аблай, отвергнутый знатными родственниками своими, вступает в услужение к богатому киргизу, рода якшилык *[3]. Смутные обстоятельства того времени дают возможность Аблаю выказать свою храбрость, сметливость и ум самым блестящим образом. Первое десятилетие XVIII века было ужасным временем в жизни киргизского народа. Джунгары, волжские калмыки, яицкие казаки и башкиры с разных сторон громили их улусы, отгоняли скот и уводили в плен киргизов целыми семействами. Холодные зимы, гололедицы и голод, как небесное испытание, увеличивали их бедствия. Один киргизский родоначальник в Оренбурге сравнивал печальное положение своих земляков [1] с положением зайца, которого преследует целая свора гончих. 1723 год особенно памятен киргизам своим роковым характером [2] и сохранился в народной памяти. В этот злополучный год, сопровождавшийся глубокими снегами и гололедицей, Галдан-Церен, джунгарский хонтайши *[4] с несметным чериком (войском) вторгается в Киргизскую степь для наказания кайсаков и бурутов за прежние их набеги и буйства. Преследуемые повсюду

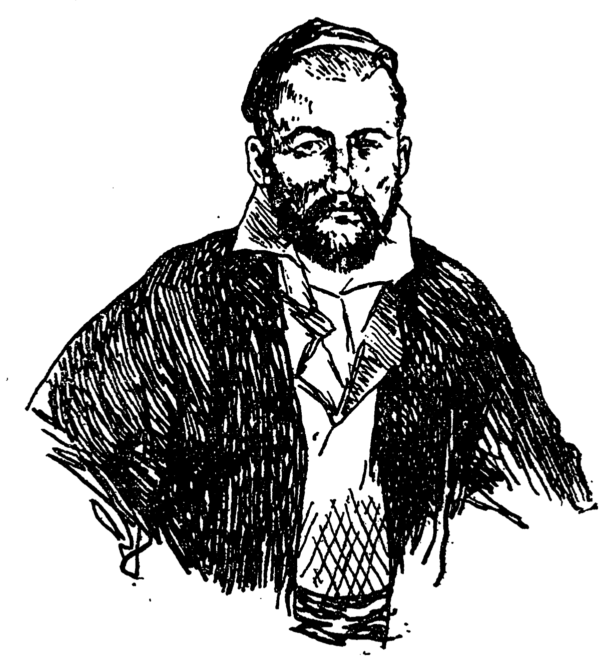
*[1] Точнее: *Абулмамбет.*
*[2] Правильно: в 1740 г.
*[3] То есть *жақсылық.*
*[4] *Хонтайши* (хунтайджи) — титул правителя Джунгарского ханства,

свирепыми джунгарами киргизы, подобно стадам испуганных сайгаков (или серн, по народному выражению), бегут на юг, оставляя на пути своем имущество, детей, стариков, домашний скарб и исхудалый скот, и останавливаются: Средняя орда — около Самарканда, Малая — в Хиве и Бухаре, а буруты — в неприступных ущельях Болора и в паническом страхе достигают до окрест-

Портрет Тезека. *Карандаш. 1865 г. Рис. Ч. Валиханова.*

ностей Гиссара. Не находя в среднеазиатских песчаных степях сытных пастбищ и вступив во вражду с новыми соседями, киргизы обращаются к границам могущественной России, чтобы искать ее помощи и покровительства. В это-то ужасное и кровавое время обращает на себя всеобщее внимание султан Аблай. Участвуя во всех набегах, сначала как рядовой воин, он показывает подвиги необыкновенной храбрости и хитрости. Полезные советы его и стратегические соображения упрочивают за ним имя мудрого. Аблай действительно перенес много испытаний и борьбы, пока значение его не возросло до того, что киргизы считали его вопло-

тившимся духом (арвах), ниспосланным для совершения великих дел. Он был два раза в плену [3], раз у дикокаменных киргиз (бурутов), а в другой — у Галдана-Церена. Спасение его от Галдана считается чудом, тем более, что он убил его любимого сына, Чарча, и был выдан ему киргизами по настоятельному требованию могущественного калмыка. Как бы то ни было, в 1739 году мы



Портрет дяди Чокана Канходжи. *Карандаш и тушь. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова.*

находим его самым сильным из владельцев Средней орды, и русское правительство по преимуществу сносится с Аблаем и братом его, Султанбеком, потому, что настоящий хан, по свидетельству всех русских, посылавшихся в орду в то время, ничего не значил. Тевкелев [4], хорошо знакомый с ордою, говорил об этом султане, как о самом хитром и влиятельном из киргизских владельцев. В 1759 году Аблай посылал к русскому двору родственника своего, Юлбарс-султана, и просил награды, вследствие чего послана была ему грамота, назначено ежегодно 300 рублей жалованья и 200 пудов муки. Между тем в Средней Азии произошли события, которые способствовали Аблаю к достижению его честолюбивых замыслов и которые возвысили его еще более в народном мнении. В 1745 году умирает страшный для киргизов Галдан-Церен, и в Джунгарии происходят смуты за первенство. Калмыцкие тайдзи попеременно ищут помощи Аблая, который, по старой злобе на

джунгар, пользуется случаем для их ослабления и поддерживает раздоры, принимая то одну, то другую сторону. Появление в Джунгарии победоносных войск императора Цян-Луна, которые с беспримерною в истории легкостью завоевывают Джунгарию, имело большое влияние на политику Аблая. Успешное покорение Джунгарии и Малой Бухарии возбудило, кажется, в китайцах воинственный дух и жажду завоевания. По-видимому, император Цян-Лун хотел повторить времена ханьской и танской династий. В 1756, 1758 и 1760 годах китайские отряды вступили в земли киргизов Средней орды [5]. Владетели киргизские: Нурали [6] — хан Малой орды, Абдульмамет — Средней и Аблай — спешили войти в сношения с Поднебесной империей *[5]. Аблай в 1756 году признал себя вассалом богдыхана *[6] и получил княжеский титул и календарь. Нурали послал посольство в Пекин; кокандский владелец Эрдене-бий [7] в 1758 году и впоследствии преемник его, Нарбута-бий, также признали покровительство «сына неба»*[7]. Несмотря на эту наружную покорность, среднеазиатцы были очень встревожены; падение сильной Джунгарии и завоевание единоверной Малой Бухарии навели на них панический и мистический страх, тем более, что, по господствовавшему преданию, суеверные мусульмане верили, что перед окончанием света китайцы покорят весь мир. Когда же в 1762 году явились к хану Средней орды Абульмамету и султану Аблаю китайские послы с 130 человеками и объявили, что по воле императора намерены с наступлением весны послать войска в Туркестан и Самарканд и просили людей, лошадей, быков и баранов для предполагаемой экспедиции, страх киргизов еще более увеличился. Они забыли на время междоусобные раздоры и составили союз, во главе которого стал знаменитый генерал Надира-шаха [8] Ахмет [9], владетель Кандагара и основатель династии дураниев. Аблай, хотя косвенно и участвовал в союзе, но не прерывал сношений и все более и более сближался с китайским правительством. Он даже отправил в Пекин аманатом *[8] сына своего Адиля, но богдыхан, довольный покорностью Аблая, возвратил Адиля к отцу с богатыми дарами и милостивой грамотой. Между тем сам Аблай имел свидание с илийским цзянь-цзуном (генерал-губернатором) около озера Сайрам-Куль и заключил с ним торговый договор, по которому открыты были в Тарбагатае (Чугучаке) и в Или (Кульдже) меновые базары, где киргизы выменивали на пригоняемый ими скот туземные китайские товары. Такое внимание богдыхана и особенно дары и титулы не могли не нравиться корыстолюбивому и честолюбивому киргизу. По мере сближения с китайцами Аблай явно стал избегать сношений с Россией и в 1771 году, избранный ханом, не

*[5] То есть *с Китаем*.

*[6] *Богдыхан* — (богдохан — 'святой хан') — монгольское название императора Китая.

*[7] То есть *китайского императора*.

*[8] То есть *заложником*.

хотел ехать на русскую границу для принятия присяги, говоря, что он давно утвержден в своем достоинстве народным избранием и грамотою «сына неба». Русское правительство все-таки послало чиновника в орду для приведения Аблая к присяге и для возложения на него знаков ханского достоинства (сабли, шубы и шапки) в тех видах, чтобы не возбудить в киргизах мысли о возможности быть ханом помимо нашего утверждения. Аблай в наставлении своим детям советовал более сближаться с Китаем, но хранить согласие с Россией. Китайцы, по его мнению, не могли быть никогда опасны для ханской власти, между тем, как в русском правительстве он видел сильную оппозицию туземной власти; притом и обстоятельства времени были такого рода, что киргизы всего менее нуждались в помощи России. Власть Аблая в орде была упрочена накрепко, и Большая орда (в наших бумагах усунские волости [10]) признала также его власть. Джунгары были уничтожены китайцами; торгоуты, разграбленные киргизами, особенно самим Аблаем, кое-как дотащились до Или, где и попались в хитрые сети китайской политики. Яицкие казаки, обессиленные пугачевским бунтом и принятые в руки правительства, не могли делать самовластных вторжений; оставались врагами киргизов только хитрые буруты и отчасти среднеазиатские владельцы, стремившиеся к отторжению от киргизских султанов Туркестана, Сузака, Сайрама и других городов между Чу и Ташкентом. Вера и убеждение в сверхъестественную силу, которая руководила Аблаем, дали киргизскому народу небывалую отважность. Аблай в 1770 году нападает на бурутов около реки Туро, совершив замечательный переход через Шату, и преследует этих горцев до Чуйской долины. Кровавая битва, происходившая около рек Кызылсу и Шамси, впадающих в Чу, где все буруты бились в союзе против Аблая, живет до сих пор в их преданиях под именем «джаиловского побоища». Буруты потерпели такое поражение, что из поколения толкан, рода султу осталось только 40 человек. Аблай вернулся в Кокчетав, свое любимое кочевье, близ сибирской линии, обремененный добычею, и пленные, приведенные им, были так многочисленны, что теперь потомки их составляют две волости под названием Яна и Бай-киргиз (т. е. новые и богатые киргизы). Война Аблая с Ташкентом и Ходжентом [11], в которой он проник до Джизаха [12], увенчалась взятием семи городов и кончилась уступкою ему городов Азрета [13], Сайрама, Чимкента, Сузака и др. и обязательством Ташкента платить ему дань. В 1774 году Аблай дал, по просьбе уйсуновских старшин, для управления ими, сына своего Адиля, построив ему на реке Таласе городок, который населил трудолюбивыми каракалпаками. Другим своим сыновьям, которых было 71, разделил он на уделы поколения Средней и Большой орды, и сам, по примеру своих родоначальников, остался жить в Туркестане, где и умер в 1781 году и похоронен в фамильном склепе, под мечетью ходжи Ахмета-Ясеви. Такова политическая жизнь этого замечательного киргиза. Обязан-

ный своему возвышению только личным достоинствам, он умел заслужить уважение народа, легкомысленного и необузданного в своих страстях, в такой степени, что уважение это имело какой-то мистический характер. После смерти Абульмамета народ единогласно избрал его в ханы, как более достойного из всех своих султанов, помимо наследственных прав, которые имели, по киргизским законам, дети Абульмамета. Русский очевидец этого избрания говорит, что все собравшиеся родоначальники, подняв его на тонком белом войлоке, осыпали похвалами за храбрость и проворство и пересказывали друг другу одержанные им победы, и что потом, когда изорвали на мелкие лоскутки и разделили между собой его верхнее платье, всякий доволен был доставшеюся ему безделкой и провозглашал достоинство избранного хана. Ни один киргизский хан не имел такой неограниченной власти, как Аблай. Он первый предоставил своему произволу смертную казнь, что производилось прежде не иначе, как по положению народного сейма, и усмирил своеволие сильных родоначальников и султанов, которые ограничивали советом власть хана. Сначала подобные нововведения возбудили против него неудовольствие султанов и биев. В 1781 году Даир-султан жаловался Оренбургскому губернатору и выставлял Аблая как похитителя власти, по справедливости принадлежащей ему. Родоначальники пытались, по древнему обычаю, идти на хана войной, как в Польше ходили на короля, но были разбиты Аблаевыми «теленгутами» (рабами) и должны были подчиниться его железной воле. Непонятно, каким образом этот хан, действуя деспотически против свободных льгот, освященных временем, умел облечь свои действия в такую форму, что потомство считает его святым, и при набегах для придачи себе храбрости призывает его имя. Весьма замечателен устный наказ его детям, который обнаруживает общий характер его тамерлановской политики: он советует им никогда не решать вполне междуродовых дел киргизских племен, ибо только несогласие и раздоры могут быть незыблемою опорою ханской власти.

В предании киргизов Аблай носит какой-то поэтический ореол; век Аблая у них является веком киргизского рыцарства. Его походы, подвиги его богатырей служат сюжетами эпическим рассказам. Большая часть музыкальных пьес, играемых на дудке и хонбе, относится к его времени и разным эпохам его жизни. Народные песни: «Пыльный поход»[14], сложенная во время набега, в котором был убит храбрый богатырь Боян; «Тряси мешки»[15]— в память зимнего похода на волжских калмыков, во время которого киргизы голодали 7 дней, пока не взяли добычи,— разыгрываются до сих пор киргизскими музыкантами и напоминают потомкам поколения Аблая прежние славные времена.

АБУ-НАСР САМАНИ

|| Абу-Наср Самани ابو النصر سامانی. Он отлично знал коран, неукоснительно исполнял законы и был знаком с государственным управлением — پادشاه لیق سلطنتی نی خوب بیلور پیغمبر نینك شریعت لا ریغه رواج برور ایردی. В обращении и разговорах был ласков. До обнаружения своей святости он занимался торговлей, но не для прибыли, а для того, чтобы платить больше зекат и тем обрести большую заслугу перед богом, ибо пророк сказал: ذلك فضل الله يؤتيه من يشاء *1, когда бедные его товарищи жаловались. Заслуга зеката предоставлена только богатым. Во время своих купеческих странствий Абу-Наср раздавал щедро милостыню и насыщал хлебом и питьем неимущих. В кратковременный отдых в своем доме он каждый вечер перечитывал коран, пять раз совершал омовение и при каждом из 32 коленопреклонений в молитве читал سورة يس *2. Однажды ходжа Абу-Наср вознамерился отправиться в путь и ночью во сне имел откровение от пророка, который сказал: «Ходжа, на этот раз не езди, а когда будет нужно, я дозволю». Через шесть лет ходжа имел другое сновидение, в котором пророк говорил: «Эй, ходжа, теперь настало время для странствования. Отправляйся в страну турков — ترکستان طرفیغه. Там есть один счастливый раб божий: в сущности блаженства принадлежит моей пастве, но пока в образе неверного; благополучное имя его — Султан Сутук Бугра-хан [1] — воитель за веру.»

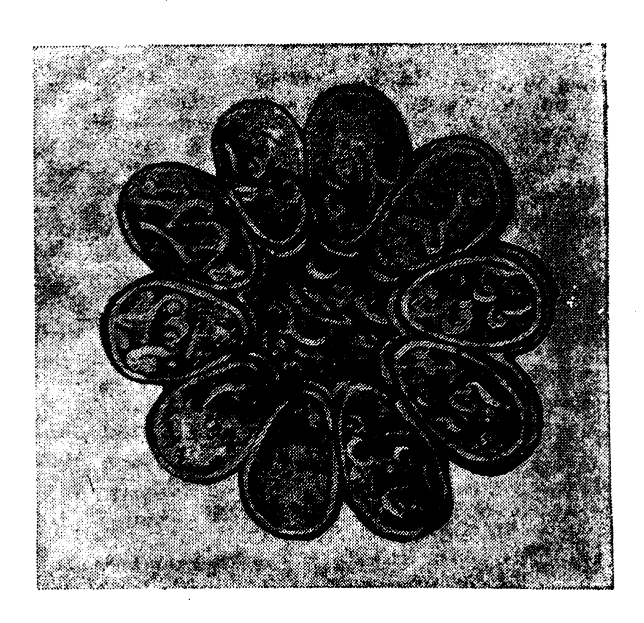
Повесть. В ночь моего вознесения у подножия трона божьего (девятое небо) я увидел другой трон, на нем восседал дух упомянутого моего последователя, и дух твой поучал его символу веры и корану. Я был удивлен. «Что это за духи?» — спросил я у брата моего Гавриила. Отвечал: «Поучающий дух обратит в ислам поучаемого. и тогда последний причастит к богатствам веры народ страны Туркестанской». Счастье и радость преисполнили ходжу, и он воздал всевышнему богу многие благодарения и пророку его

*1 То милость господа, он дает ее кому хочет.

*2 Сура «Йасин» — 36-я глава корана.

Воспроизведение формы и расшифровка караханидских монет. *Перо. Рис. Ч. Валиханова.*

посылал [бес]предельную молитву. Еще шесть лет провел ходжа в воздержании и умерщвлении плоти, находя опору и силу для [поддержания] чистого духа. Однажды ходжа, сидя, думал: родился на свет или нет султан Сутук, как почувствовал приближение сна. Во сне увидел пророка. «Восстань,— сказал,— он родился, иди и ищи». Тотчас пробудился радостно ходжа и, взяв с собой



Вензель Ходжи Ахмеда Ясави.
[*Подпись к оттиску Ч. Валиханова. 1856 г.*]

собой ابو الفتاح *[3], отправился в Туркестан. Обходя из города в город и спрашивая, есть ли здесь святой, называемый султан Сутук, [он] достиг Анджана.

*[3] Абу-л-Фаттаха, своего сына.

БУЛГАР НА ВОЛГЕ

(Березин. Казань, 1853 г.)

Отделение IV, часть первая. О последователях и последовательницах из Булгара

7 || В девятый год эры мусульманской (по эре болгарской, сказано в одном манускрипте), в знак рыб, [на] 9-[й] день рамазана священного. Тогда был Айдар-хан ايدار خان (т. е. декабря 630 г. по Р. Х.), пророк наш, عليه السلام*1, отправил в Булгар для проповедования веры ислама трех صحابه: 1-й — عبد الرحمن بن زبير, 2-й — زبير بن جعده, 3-й — طلحه بن عثمان*2 (в другом манускрипте Френа он назван حنظله ابو ربيع*3), [которые] и выдали себя за докторов-дервишей. Тогда Волга протекала под Болгарами и ушла и потекла с западной стороны при Барадж-хане براج خان. (Эпоху эту одни относят к XI, другие — к XV столетию). Это случилось в 396 г. геджры (1005—1006 г. по Р. Х.).

Болгары при посылании этих صحابه были огнепоклонниками. Эти صحابه лечили и вылечивали многие болезни. У Айдар-хана заболела дочь توى بيكه*4: у нее был паралич. Тогда باراج وزير*5 сказал: «Хан мой, да продлится жизнь твоя! В ваш город из арабских кочевьев пришли три лекаря; в медицине нет им подобных, но вера их не похожа на нашу». В это время в городе было 520 домов. زبير بن جعده*6 знал تركى روم تلى*7, Абдурахман имел чалму, Зубейр — чернильницу и Тулейха — жезл, данный пророком. Все приняли ислам. Эти صحابه жили три года (по Френу اون يل)*8, строили мечети, медресе, произносили خطبه*9. Двое возвратились в Медину, а господин

---

*1 Да будет мир над ним.

*2 Сподвижников: 1—'Абд ар-Рахман б. Зубайр, 2 — Зубайр б. Джа'да, 3 — Талха б. 'Осман.

*3 Хантала Абу Раби'.

*4 Туйбике.

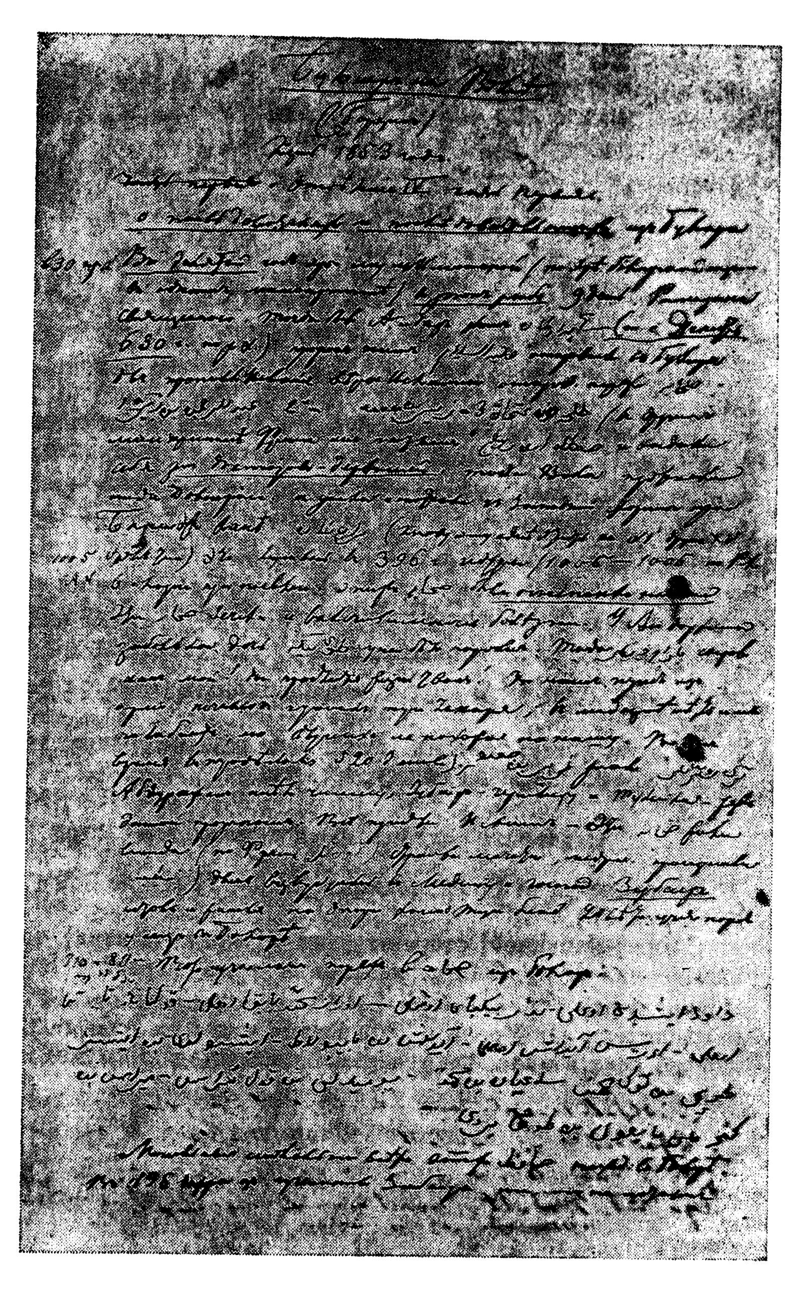
*5 Барадж-вазир.

*6 Зубайр б. Джа'да.

*7 Турецкий язык.

*8 Десять лет.

*9 Проповеди в мечети после пятничной молитвы.



Автограф работы Ч. Валиханова над «Булгар на Волге».

Зубейр остался и женился на дочери хана Туйбике, 20 лет провел в наставлении народа и умер в Булгаре,

Вот ученики трех صحابه из болгар:

داود ایشبای اوغلی — ندر بیکبای اوغلی — اوراز محمد بابق اوغلی — قول محمد تایش اوغلی — ادریس ایداش اوغلی — ایداش بن بایبولات — ایشبولدی بن ایشبردی — تویچی بن توك محمد — عیان بن محمد — یومیلدی بن قول کیراس — میراث بن کنجه بای — بایغول بن توی بردی*10.

Могильные молельни всех этих حافظ *11 находятся в Булгаре.

В 195 геджры из учеников Зубейра никого не осталось.

17 об. ‖ *Стр. 80.* О последователях из окрестностей Булгара с западной стороны Урала из дикарей-башкирцев باشقورت от реки Ай Айткул сын Заида ایتقول زید اوغلی قوتلوبای دولت بای [اوغلی]; они обратили в ислам свои юрты.

От реки Уфы اوفی ایدلی «В местах соединения реки Уфы с Белой находятся юрты ногайского (?) хана Бай-Джуры-хана بای جور اخان (?). Из вышедших оттуда известны جان قول *13 сын امان قول *14 и другие, могилы коих находятся по течению Уфы».

Из аула Тогаш-хана на Белой реке два последователя обратили в ислам все племена башкурт и мишар.

Отделение о знаменитых шейхах в Булгаре

Исчисляется от 909 г. геджры (1503—1504) до 989 (1581 г. по Р. Х., *стр. 87*).

С ю[го]-з[ападной] стороны реки Нукрат (Вятка) течет река, называемая Буру. Там в казахском ауле известен Байраш бен Ибраш-суфи, قزاقلار اولندا *15 господин публичной зикры [1] и разрешитель. От Урала в Туркестане у ходжи Ахмета Сеюви. По той же реке в ауле Адай-Черемыш известен Ишмухаммед — сын Токмухаммеда. Он учился у ходжи Байраша ادای چرمش *16

Стр. 88. Из булгарского племени из аула تر بردی چاللی *17

---

*10 Дауд Ишбай-оглы, Надир Бикбай-оглы, Уразмухаммед Бабык-оглы, Кулмухаммед Таиш-оглы, Идрис Айдаш-оглы, Айдаш б. Вайбулат, Ишбулды б. Ишберды, Туйчи б. Тукмухаммед, Аян б. Мухаммед, Юмидли б. Кулкирас, Мирас б. Кинджебай, Байгул б. Тужберды.

*11 *Хафизов* — хранителей веры, знавших наизусть коран.

*12 Айткул Зейд-оглы, Кутлубай Даулетбай-оглы.

*13 Джанкул.

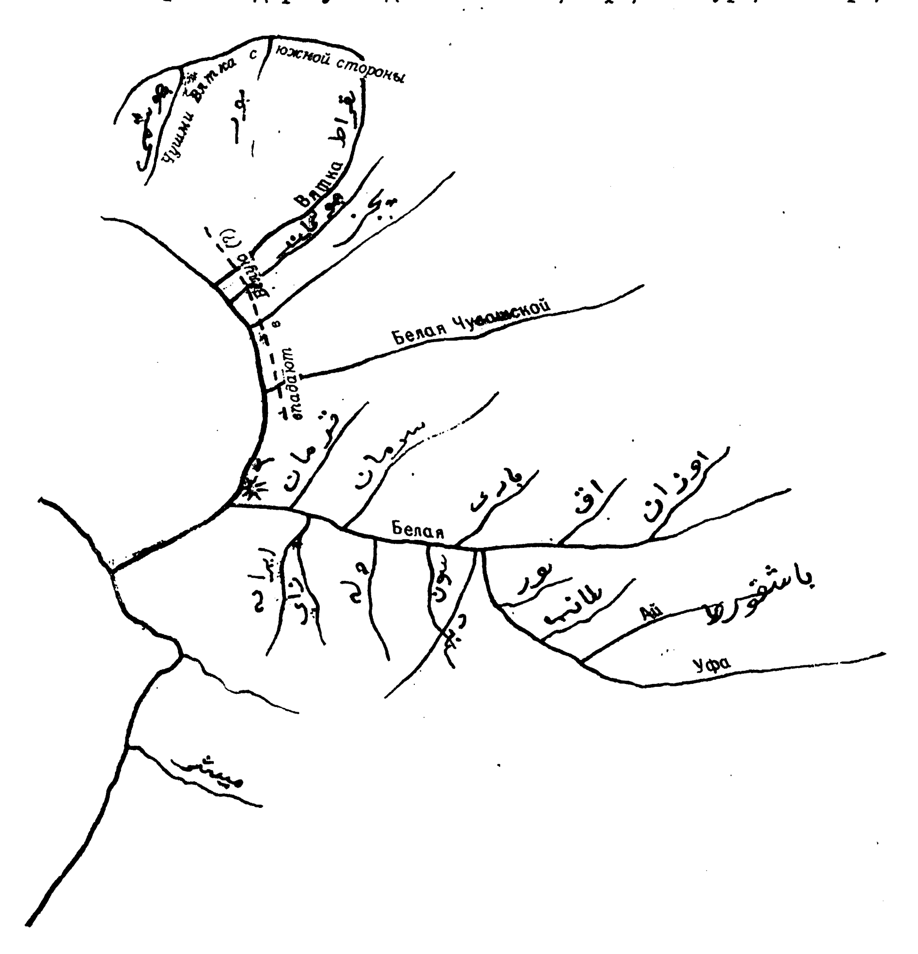
*14 Аманкул.

*15 В ауле казаков (или в ауле Казаклар).

*16 Адай-Черемыш.

*17 Терберди-Чаллы.

или جاللی *[18]. Идрис — сын Зюльмухаммеда, отправившись в Яркенд یارکان, поступил в مريد *[19] к шейху Гедиятулла, учился у него правилам мистицизма 15 лет. Близ Чаллы в ауле казакском — Ахунд Ше'м бен Иштерак, учился в Багдаде, сделался преемником حافظ *[20] Фейзуллы-эфенди. Он также словом и делом упрямил дорогу людей в Казани, Уфе, Алатуре, Синбире,



Карта к работе «Булгар на Волге», составленная Ч. Валихановым.

Сарытау, Сарычине, Тобуле; ныне могила его находится в Терберди-Чаллы у казаков.

---

*[18] Джаллы.
*[19] *Мурид* — послушник.
*[20] Хафиза.

19 || Близ Чаллы в ауле Бердибек-хана находится могила ходжи Хабибуллы. На Мензеле в юрте Мустафы-хана находится могила Аруф-Билля Ходжи Байрама, *стр. 90.* В ауле Байгура-Черемыш, близ [реки] Белой, известна могила ходжи Эмир-Келяна. *Стр. 90 же:* на реке Дим близ аула Кипчак قپچاق находятся могилы ходжей Тугаша, Бекташа и Сулеймана.

Гора يونجه *[21]; течет под ней родник мужей исчезновения رجال الغيب, ибо там похоронен глава мужей исчезновения عبد الصمد Абдель Самед *[22].

С севера в Чулман и Белую впадает много рек, известные из них اشى، تويمى *[23] и два Черемшана: Большой и Малый.

---

*[21] Юнджа.
*[22] ʻАбд ас-Самад.
*[23] Аши, Туйми.

[ДОПОЛНЕНИЕ К ГЕОГРАФИЧЕСКОМУ ОБЗОРУ]

41 || < Континентальная масса земель ограничена на западе меридиональной цепью хребта Болор, на севере — параллельным хребтом Тянь-Шань, на юге — Куэнлунем, представляет [собой] плоскую равнину, которая, как часть Восточно-Азиатского нагорья, охарактеризована Риттером[1] под названием западной Внутренней Азии. Страна эта обусловливается речною областью Эргола, или Тарима, который впадает в озеро Лобнор (Звездное море). Истоки этой реки берут свое начало из трех вышепоименованных хреб-
41 об. тов. Главнейшие из них: Кокшал, || Кашгар-Дарья, Яркенд-Дарья и Хотан-Дарья. Река Кокшал берет начало с возвышенности, окружающей озеро Чатыркуль под названием Аксай, и принимает с правой *[1] стороны речку Сарыяз, или Аксу, и Музарт *[2], который вытекает с южного склона хребта Хан-Тенгри-Ола>.

< Страна эта составляет провинцию Китайской империи и называется на канцелярском языке китайцев Южной и Новой линией — Бэй-Лу. Западный край составляет так называемый Тянь-Шань — Нинь-Лу>.

Северную линию составляет Джунгария, а Южная линия известна в Европе под различными названиями Малой Бухарии.
42 В Европе область эта не имеет...*[3] || ...смысле она имеет 1450 верст. Нашему же рассмотрению будет подлежать пространство от меридиана Аксу до перекрещения его с Болором. В этом протяжении оно носит [название] от китайцев Мусур-Дабань и Сабанчи-Дабань и Кашгар-Дабань; но туземцы Восточного Туркестана не дают ему никакого общего названия, кроме Музарт, под которым разумеют горы, лежащие на восток от истоков рек Текеса, Аксу и Нарына, которые известны у нас [как] Хан-Тенгри-Ола, названный Муана-Музур-Даванъ, Сабадли-Даванъ и Кашгар-Даванъ, приня-
42 об. тые Гумбольдтом[2] || и Риттером; народами, кочующими в этих местах, кокандцами и жителями Восточного Туркестана не употребляются в том произношении, которое принимаем мы. Тянь-Шань представляет три характеристичных рельефа на восток от

---

*[1] Описка, следует: *с левой*.

*[2] Р. Музарт впадает не в Кокшаал, а в Яркенд-Дарью (Тарим).

*[3] Пропуск в тексте.

истоков рек: Текеса, принадлежащего системе Балхаша, Сарыжаза и Нарына, т. е. от горы Хан-Тенгри-Ола, которая должна быть кульминационной точкой для Тянь-Шаня. По гипсометрическому определению высота этой горы 20 тысяч футов абсолютно; снежная линия на северном склоне лежит на высоте 11 540 футов, а глетчеры спускаются до высоты 9500 футов.

Из вершин Кокчар *[4], близ северного склона Тянь-Шаня, берет начало река Нарын, составляющая самый значительный по протяжению и по обилию воды из притоков реки Сыр-Дарьи, или Сейхуна, а с возвышенности Торгат, где лежит горное озеро Чадыркуль, под меридианом Кашгара, берет начало один из наибольших истоков Эргола — Кокшал. Течение Нарына вырывает глубокое корыто и разделяет Тянь-Шань на две ветви. Кокшал делает то же самое на южном склоне по диагонали. Между этими двумя точками, истоками Нарына и Кокшала, лежит возвышенная холодная горная страна Сырт.

43 || Пути сообщения, ведущие в Малую Бухарию, можно разделить на внешние и внутренние; первые идут из соседственных стран Азии через горные хребты, окружающие эту часть Китайской империи с севера, с запада и юга, проходят ущельями Тянь-Шаня, Болора и Куэнлуня, а потому рассмотрим сначала Тянь-Шань в отношении дорог, через него проходящих.

[Пути, проходящие через Тянь-Шань]

43 об. Эта цепь гор составляет северную окраину нагорной Азии || и продолжается в восточно-западном направлении от меридиана Самарканда. Средняя параллель, или подъемная ось, колеблется между $40^2/_3°$ и 43° широты; принимая в этом протяжении, Тянь-Шань простирается от 64° до 92° [восточной] долготы. Риттер принимает Тянь-Шань более в коротком отношении — от 70° до 92° восточной долготы от Парижа, т. е. от меридиана Кашгара до восточной оконечности Тянь-Шаня при меридиане Хами; в этом
44 тесном [пространстве] горы || поднимаются значительно выше, покрыты вечными снегами и ледниками и разрезаны поперечными долинами рек, впадающих в Ергол; на этом пространстве есть только один проход, через который проходит дорога из города Или в Аксу. Путь пролегает, как рассказывают проезжавшие кашгарцы и китайские писатели, через ледники, на которых вырубают лед, дабы не скользили вьючные животные; особое полукочевое
44 об. племя нюгей поселено на южном склоне || этого прохода, которое никакой повинности не несет, кроме очищения пути и вырубления льдов. Несмотря на все трудности, описываемые китайскими писателями, все караваны китайские, казенные транспорты и, наконец, войска, идущие на службу и на войну в Малой Бухарии, проходят с верблюдами и даже с артиллерией. Мы не знаем, какие предо-

*[4] Современное написание *Кокджар*.

храпительные меры принимают китайцы при переходе через этот
перевал, но надо полагать, что он совсем не так труден, как гово-
рят. Путь этот открыт только для китайских подданных, и ино-
странцы не могут его посещать.

52 || На запад от меридиональной реки Аксу характеристика
Тянь-Шаня выражается таким образом: высота его значительно
уменьшается, зато в поперечнике он делается шире и образует
нагорье, прорезанное продольными долинами; некоторые из них
образуют довольно обширные плато, как долина Тарагай, Аксай и
Чадыркуль. Прямой поперечный разрез его имеет около 200 верст.

< Пространство это одинаково возвышено от > урочища Кок-
чар, где берет начало река Сарыяз, на северо-запад, в 170 верстах
от Кашгара. Эта линия служит водораздельной чертой системы
52 об. || (divortia aquorum) Эргола и Сыра. Киргизы дают этой местности
вследствие возвышенного положения название Сырт (Спина). Мы
проходили в передний путь по этой горной стране. На всем своем
пространстве она была покрыта мелкой, но густой травой; никаких
кустов и деревьев не встречали, исключая Caragane jubatae на
урочище Кичьге и то на небольшом пространстве. Холод был
постоянно значителен, в одном месте застал нас снежный буран.
53 Киргизы рассказывают, || что здесь очень часто среди лета выпа-
дают большие снега; скелеты лошадей, баранов, погибших в прош-
лое лето, доказывали справедливость этого факта. Не менее бывают
опасны эти бураны для караванов по неимению другого топлива,
кроме тизека (высохшего кала животных). После подъема через
Заукинское ущелье на вершину, мы вышли на продольную доли-
ну, из которой берет начало река Зауку и один из истоков Нарына;
долина эта имеет 10—20 тысяч футов абсолютной высоты. Окру-
53 об. жающие горы || были покрыты большими слоями вечного снега;
передние горы относительно долины Нарына незначительной
высоты; снег в проходе этом лежал направо и налево от дороги в
ущелье. Перешедши эту гору, мы вышли на небольшое плато
между параллелью Нарына и впадающей в него реки Карасай;
местность эта называется у киргиз Тарагай. Вообще все продоль-
ные долины в Тянь-Шане на нашем пути были, очевидно, значи-
54 тельной высоты, самые углубленные || из них, по нашему мнению,
должны быть никак не ниже 8500 футов, а озеро Чадыркуль, по-
сещенное нами на обратном пути, должно иметь положение 9 ты-
сяч футов; на этом пространстве текут всегда в продольном на-
правлении маленькие речки, впадающие в Нарын и Кокшал. <
Нарын берет начало из вершины Кокчар, откуда берут начало и
реки Сарыяз и Текес под названием Чааташ, и течет по неболь-
шой болотистой долине. Прошедши Тарагай, Нарын начинает
54 об. углубляться ниже и вырывает постепенно глубокое || корыто; бе-
рега его сжимаются скалами, и течение делается быстрее; таким
образом [он] протекает до соединения с рекой Малым Нарыном.
Это течение имеет местное название Капчегай; в Капчегае посте-
пенно появляется растительность, характеризующая понижение

его долины, сначала вереск *[5] Juniperus sabina, Caragana jubatae, потом разные растения субальпийской флоры и, наконец, зона
55 хвойных лесов. После соединения с Нарыном || река освобождается от скал, и береговая его долина имеет от полутора до трех верст ширины; на берегах его являются ива, тополь Populatus pruinosa *[6], облепиха (Hippophae rhamnoides) и шиповник. Земля покрыта полынью и чием. В Нарын впадает множество мелких речек, из которых более замечательны впадающие справа. Малый Нарын берет начало с возвышенности близ истоков реки Зауки и Баскоуль; потом Онарча-Отун, составляющаяся из двух речек,
55 об. слева Карасай, Каракол, Атбаш и Арпа. Последние || две речки берут начало с гор, лежащих на запад от Чадыркуля, и замечательны тем, что в долине их, как в долине Нарына, производят просо и пшеницу. Река Сарыяз, имеющая течение сначала на юго-запад, потом на юг, принимает в себя Уштек и Кучигдан?, Чулак-Капчегай и Куеуртек. Река Кокшал берет начало с гор Куккия, соединяется с рекой Аксаем, которая берет начало с возвышенности озера Чадыркуля, принимает в себя справа неболь-
56 ||шие речки Терекы, Кызылсу, слева — Калмак-Учак. Из окрестностей Чадыркуля вытекает река Юзген-Гульча (более нам известна под именем Кумишкен), составляющая, по соединении с Нарыном, реку Сыр-Дарью, называемую у древних Яксартом, Сейхуном. Из рек, впадающих в Сыр, сколько нам известно, только одна вытекает с гор, лежащих на юг от городов Ош, Маргелан и Кокан, горы эти значительно выше Тянь-Шаня и известны тузем-
56 об. цам || под общим названием Алая.

Из поперечных хребтов, нагроможденных на Тянь-Шане, известны в северном крае Кайчи, Куелы, Джетымасу, Калмактау и, наконец, горы, лежащие на северном берегу Нарына, которые продолжаются под названием Кызылкурт, Кетментепе и Керден-Даван *[7] до поворота реки Сыр на северо-запад; вторая линия проходит по левому берегу Нарына под названием Ишегарт, Чахыр-Хурун *[8], Аламашук *[9], Каратал, Уч-Кошай. Горы Ташрабат
57 отделяются || долиной реки Атбаша от гор Кошай. На запад от озера Чадыркуля под названием Кугарт, Кукурдек, Коктоин и Терек-Даван соединяются с горами Алай; по северному берегу Аксая, на восток от истоков Кубергенты, идет цепь под названием Белерь-Курдек-Гурты [?], горы же Тоин, Терекы, Кокшал составляют основание южной подошвы Тянь-Шаня. На запад от Чадыркуля горы значительно возвышаются, и долина вырывает более глубокое корыто, судя по тому, что берега рек Юзген *[10] и
57 об. Гульча покрыты топольным лесом и потому, что на горах || Ки-

*[5] Вереск — ошибка, следует: *можжевельник* (арча).
*[6] Правильно: *Populus pruinosa.*
*[7] Современное написание: *Кендер (Кендыр) — Даван.*
*[8] Современное написание: *Сакыркорум.*
*[9] Современное написание: *Аламышик.*
*[10] То есть *Узген.*

зылкурт, Кугарт и Терек постоянно лежат снега. На востоке
поперечное течение реки Аксу вырывает в крутых скалах глубо-
кое ложе, по которому растет хвойный лес.

Большая часть дорог лежит на пространстве между двух глав-
ных истоков; на этом пространстве существует множество дорог,
проходимых для караванов, а конные пути перекрещивают весь
Сырт. Из караванных дорог наиболее замечательны [дороги] через
58 Тарагай, в котором долины Иссык-Куля поднимаются || по ниже-
следующим проходам: по реке и проходу Турген-Аксу, по проходу
Зоукчак, Кашкасу, Юнгорама *[11] и Баскаун. Все эти проходы на
последнем подъеме чрезвычайно круты и трудны, но все прохо-
димы и верблюдами. Отсюда открывается несколько дорог: одна
через Тарагай на Чакыркорум и Келинтайгак, где разделяется на
два пути, один через Бедель-Аксу или через проход Кугурты идет
прямо в Турфан, а другой — по долине Аксая и Киректы *[12] в
58 об. Кашгар; с Аксая || можно через проход Коккия спуститься в до-
лину Кокшала. Через Тансыктарский [?] караул выходят на Каш-
гар. Другая дорога из Тарагая идет по долине Нарына на Куртку,
откуда через реку Атбаш в горы Ташрабат, на озеро Чадыркуль
и оттуда по течению Тоина на Кашгар; с Иссык-Куля есть дорога,
также посещаемая караванами; она поднимается по реке Алабаш
на Тянь-Шань и потом через Унарча выходит в долину Нарына;
59 с Баскоунского прохода || есть путь по течению Малого Нарына,
но проходит через перевал Калмак-Ашу, до такой степени крутой,
что сами дикокаменные киргизы употребляют несколько дней для
перехода кочевкой через эту вершину. С реки Нарына можно
выйти на Аксайскую дорогу по проходу Улан-Чаркрама и Атбаш.
Китайцы во время разъездов для обозрения границ в старые вре-
мена из долины Иссык-Куля поднимались на Нарын, следовали
59 об. по его течению || до реки Чакрама, переходили через мост Нарын
и вверх по течению Чалодрама [?] доходили до Атбаша и оттуда
на Аксай, и по Тереку спускались в Кашгар. Кроме того, есть
прямая дорога из Тургень-Аксу или с Текеса на [Уш-]Турфан. Она
переходит горы Куялы, Ишегарт и через Белерь или Кугурты, или
Бекертек [ведет] на [Уш-]Турфан. Из этих дорог исследованы нами
60 две. Главные пути, наиболее посещаемые || караванами: пер-
вый — через Тарагай, Чакыркорум и Теректы на Кашгар и
второй — по течению Нарына на Куртку, через Ташрабат на Ча-
дыркуль, по течению Тоина в Кашгар. Первый имеет три значи-
тельных перевала: первый подъем на Зауку чрезвычайно крутой,
покрытый большими кусками обломков скал, трудный для
верблюдов, которые, оборвавшись, разбиваются до смерти впрочем,
проход Баскаун и Дунграма, говорят, не так труден. Второй
60 об. перевал — || Джетымасу — незначительной высоты и более удоб-
ный; третий — Чакыркорум, [с] чрезвычайно крутым спуском и

---

*[11] Современное написание: *Дунгуроме*.

*[12] Современное написание: *Теректы*.

косогором Келинтайгак, который при снегах бывает опасен. Ос-
тальное протяжение дороги идет по местам ровным и без больших
подъемов. Теректы, как спуск, не представляет больших препят-
ствий, но подъем на него должен быть нелегок; на всем этом пути
61 вода в обилии, и [земля] покрыта густой || и сочной травой. На
всем этом пути, кроме тизеку, другого топлива нет, что при снегах,
которые там выпадают летом, не совсем удобно.

Течение Нарына, по которому идет второй путь до впадения
в него Малого Нарына, одето в скалистые берега; дорога идет по
узкому прибрежью, завалена местами большими глыбами камней;
зато в дальнейшем течении дорога делается совершенно ровной и
гладкой, идет по плодоносной долине до трех верст ширины. Из
Куртки на пути проходит перевал Баипче — невысокий, но каме-
61 об. нистый || и узкий, потом Ташрабат, которого северный склон сжат
отвесными скалами, который, как нам казалось, хотя на незна-
чительном расстоянии, но труден. Далее дорога удобна и не пред-
ставляет никаких препятствий. Долина Тоина открыта, ровна до
самого выхода реки из гор; на этом пути только между Баипче и
урочищем Балгин на пространстве пяти переходов нет топлива, но
62 в других местах в обилии растет || пихта *[13], тополь, а на Тоине —
облепиха и гребенщик (Tamarix gallica). На первом пути счита-
ется... переходов и по маршруту... верст. Этот самый кратчайший
путь; второй имеет... переходов и... верст. Из других дорог более
удобны, [по] свидетельству караванов, по реке Алабаш через Онар-
ча и Нарын, [где] имеется четыре перехода, и потом от Китайской
переправы до Аксая; дорога гладкая, но без топлива, переходят
в два дня; прямой путь в [Уш-]Турфан имеет четыре перевала, о
62 об. которых || мы говорили, которые чрезвычайно трудны и высоки;
на этом пути есть топливо и корма хорошие.

В окрестностях самого [Уш-]Турфана есть ядовитая трава, от
которой много умирает вьючного скота. По этому пути до Турфана
караванного ходу 8 дней, что составляет расстояние приблизи-
тельно около 150 верст. На запад от Чадыркуля, как мы уже ска-
зали, горы значительно возвышаются, и долины делаются значи-
тельно глубже; на этом пространстве есть только одна караванная
63 дорога || через горы Теректы, которые на географических картах
[названы] Кашгар-Даван, вероятно, потому, [что] через него про-
ходят кашгарские караваны. Путь из Анджанской долины подни-
мается на горы Теректы; по течению реки Гульчи, потом впа-
дающей в нее Теректы; по течению последней поднимается на
вершину перевала. Налево есть другой проход Блай. Вершины
Теректы покрыты снегом, и зимой часто бывают снежные обвалы.
63 об. Потом дорога пересекает реку Оксалур, на которой построено ||
маленькое укрепление. Река эта вытекает из гор Алай и течет
на север, вероятно, впадает в Гульчу, берега покрыты лесом из
иргаевых (Cotoneaster multiflora) и других деревьев; потом [доро-

*[13] Вернее: *ель*.

га] переваливает через горы по проходу Ниль-Даван, который
имеет крутой спуск и выходит на речку с иргаевым лесом, которая
течет на север и имеет довольно широкую долину; по переходе
64 этой долины дорога начинает спускаться и, перешедши || по чрез-
вычайно узкому проходу, выходит на речку Тюмень, на коканд-
ский караул, близ которого находится и китайский пикет, потом
на кашгарское селение Муши и оттуда в Кашгар. Эта дорога имеет
[протяженность] от 10 до 18 дней караванного ходу. Из Коканд-
ского города Ош в Кашгар конные приезжают в 6 и 8 дней.

Теректинский путь есть единственный, по которому средне-
азиатские караваны посещают Кашгар. Через него проходили
64 об. войска Тамерлана и в наше время || кокандский хан Мадали. Путь
этот совершенно безопасен от нападения дикокаменных киргиз.
Имеет в обилии топливо и хороший корм. Кроме этого, в этой
части Тянь-Шаня есть конные дороги из Анджана по течению рек
Узген через Кугарт, потом по речке Суттыбулак на Тоин, или же
с Узгена на долину Арпы и Атбаш и потом на Чадыркуль; потом
через Джумгар *[14] через горы Кызыл-курт на Куртку.

Пути, проходящие через Болор

Под именем Болора у нас разумеют меридиональный хребет,
65 || разделяющий средиземную впадину Западного Турана от Вос-
точного Туркестана. На севере горы эти перекрещаются близ
параллели Кашгара с Тянь-Шанем, на юге с Гиндукушем и Куэн-
лунем. Горы эти носят название Билуртаг, или Билуртар, т. е.
Хрустальных гор. Марко Поло называет его Belero; Клапрот по
уйгурскому наречию называет его Булит, или Булуттак, что зна-
чит Облачные горы. По свидетельству отца Иакинфа, вся цепь у
65 об. китайцев известна под названием || Цинь-Линь — Луковые горы,
потому что на них много растет каменного лука. Гумбольд
распространяет это название только на части его, примыкающие к
Куэньлуню. Туземцы не знают ни одного из этих названий и се-
верное его протяжение, которое Гумбольдт принимает за продол-
жение Тянь-Шаня, называют Алай. Горы эти начинаются от
перекрещения с Терек-Даваном, который имеет, по свидетельству
66 азиатцев, направление || от Чадыркуля на юго-запад. Алай гораз-
до выше Терек-Давана и других гор Тянь-Шаня; часть его, ле-
жащая в параллели Ярkенда, называется Сарколтаг [3] по озеру
Сарколу [4], лежащему на высокой нагорной площади Памир.

<Вуд [5] озеро это называет Сарыкуль; мы имени Памир не
слышали от туземцев и думаем, что оно принадлежит к числу тех
географических номенклатур, как Мустаг, Белуртаг, Болор, не
имеющих никакого значения, которые заимствованы из разных
66 об. восточных || средневековых путешествий.>Памирская площадь
по гипсометрическому измерению лейтенантом Вудом имеет 15 600

---

*[14] Описка, следует: *Джумгал.*

футов и по солнечной [?] меридиональной высоте в 34°27′ северной широты.

<Страна эта, по свидетельству азиатцев, бывает до такой степени холодна, что даже летом кочующие там киргизы не только тело, но и лицо, и руки окутывают в овчину; снег в рытвинах лежит все лето. В числе животных, свойственных этой стране,
67 азиатцы говорят о каком-то *рассу,* или кушгаре, который || больше
несколько коровы и имеет такие большие рога, что лисицы внутри выводят детей. По всем нашим расспросам от киргиз, бывших на Сарколе, имеем повод думать, что величина этого животного преувеличена и что это есть не что иное, как горный баран Ovis argali, свойственный и Тяншанским горам. Вуд не видел сам *рассу,* но познакомился с кушгаром, которого рост нашел с двухлет-
67 об. него жеребенка. Киргизы || кочуют в этой долине все лето и нахо-
дят там прохлады [более, чем] на других горных пастбищах. Борнс (Burnes), по собранным от туземцев сведениям, говорит, что она простирается от Саркола во все стороны на 6 дней пути, что составляет радиус 150 верст. На ней лежат несколько озер: Сарыкуль, Рьянкуль и Каракуль, а по китайским сведениям, Каракуль, Тускуль и Иссыккуль. Мы знаем достоверно, что река Яманьяр-
68 Устен берет начало из озера Каракуль, которое || лежит на запад
от Кашгара в четырех днях пути; мы думаем, что озеро это должно быть на северной оконечности Памира. Лейтенант Вуд предполагает вследствие сведений, полученных от туземцев, [что] вытекает Сыр-Дарья из истока рек Сыр-Дарьи, Кашгар-Дарьи и Инда. Нам достоверно известно, что истоки Сыр-Дарьи большей частью выходят из Тянь-Шаня, только один из них Майкавак [?] из гор Алай,
68 об. ограждающих Памир на севере. Из Саркола || выходит один из
притоков Ярkенд-Дарьи под названием Саркола; на ней лежит селение Саркол; в окрестностях озера Каракуль есть кокандский пикет Бустантерек, а около Саркола — Ташкурган, в которых живут чиновники для сбора зекета с кочующих там киргиз из рода каратеит>.

Через Болор есть только один проход в долину Аксу [6]; дорога эта идет из Янысара или из Яркенда на Памир, потом спускается
69 в долину Аксу и продолжает свой путь в Бадахшан, || оттуда в
Балх и Бухару. От Янысара считают около 850 верст; дорога эта представляет большие трудности и проходит во многих местах через висящие скалы; путь совершенно безопасен от нападения киргиз, которые, боясь кокандского правителя, не тревожат караванов. В Болорских горах много конных дорог и дорог, по которым кочуют киргизы из Коканда. Есть дорога через Асфару в Карате-
69 об. гин и Дарваз; по ней ходят небольшие караваны из Коканда в Ка-
ратегин с бумажным хлопком и тому подобными грубыми товарами, а оттуда привозят овчины и козий пух; другая [дорога] из Маргелана поднимается на Алай через проход Шаймардан, при доме *[15]

*[15] То есть при мазаре. *Шаймардан* (перс. *Шах-и мардан* — «Царь людей» — эпитет Али.

которого есть мечеть, построенная, по мнению здешних мусульман,
на гробе Али. Киргизы Ферганской долины проходят своими ко-
70 чевками || через этот проход, принесши предварительно жертву, и
лето проводят на летних пастбищах в прохладном Памире. Откор-
мив свои табуны, которые не бывают обеспокоеваемы насекомыми,
которые изнуряют лошадей в жарких странах более всего; в ав-
густе, ко времени сбора хлеба, киргизы опять возвращаются в до-
лину Сыра.

Походы кокандцев на Каратегин с большими войсками и, нако-
нец, набег, совершенный кушбеги Ляшкаром в Ахан *[16], доказы-
70 об. вают, что Болор || должен быть проходим в этих местах и карава-
нами, особенно по кочевым дорогам дикокаменных киргиз. Мир
кундузский также проходил в Чатрал и в земли сиахпушев. В го-
рах Болора распространено особое племя горцев, которые известны
у жителей долин под именем галча. Они славятся храбростью и
доставляют в Коканд пехоту, вооруженную на европейский манер
и одетую в русское платье. Их называют по [черному] цвету одеж-
71 ды || сиахпушами. Племя галча образует несколько независимых
владений, которые говорят частью древнеперсидским [языком], как
в Каратегине, Дарвазе и Бадахшане; некоторые же имеют свое
наречие как в Шугнане, в Ахане и Чатрале. Известно, что вла-
дельцы этих народов производят себя от Александра Макендонско-
го и носят титул шахов. Каратегин, Дарваз около 40-х годов
признавали власть кокандского хана, но впоследствии, пользуясь
71 об. смутами в Коканде, || сделались независимыми, но продолжают
вести дружественные отношения с этой страной, ибо находятся в
торговой зависимости от Коканда. В Калай-Хуме, столице этого
владения, которая состоит из землянок, ничего не произрастает,
кроме ржи; жители делают грубое сукно, а все остальное полу-
чают из Коканда. Киргизы часто делают набеги в горы этих
горцев, но и каратегинцы не оставляют их без наказания. При
72 нас || эти горцы, спустившись в Памир, напали на аулы киргиз и
увлекли в плен [их] жен и детей. Бадахшан в 1823 году был поко-
рен кундузским эмиром Мурат-беком и находится до сих пор под
его властью. Окрестные владения Шугнан, Вахан и Чатрал пла-
тят дань невольниками, которые продаются в Бухаре и Яркенде.

[Пути, проходящие через] Куэнлунь

Горная система простирается вдоль 36° северной широты от
меридионального хребта Болора до озера Хохунора (Koucounoor).
72 об. По мнению ученых, оттуда [она] достигает || китайской стены под
названием Нань-Шань и Гемань-Шань; Гумбольдт Куэнлунь счи-
тает за восточное продолжение Гиндукуша. Куэнлунь отделяет
Таримское понижение от Тибетского нагорья, которое, по послед-
ним известиям, представляет не непрерывную возвышенную пло-

*16 То есть *Вахан*.

щадь, а перерезано группами гор и имеет среднюю высоту около 10 800 ф. Куэнлунь в углу пересечения с Болором носит название Цунь-Линь, а бухарцы и другие жители называют Тарташ-Даван, что значит луковица.

73 Пути в Тибет и Кашмир из Яркенда и Хотана || проходят через горы Каракорум, которые надо полагать за местное название Куэнлунской цепи, ибо на пути из Яркенда в Ладак первый горный проход есть Каракорум. Дорогу эту проходят от 30 до 40 дней; в продолжение 10 дней идут по течению реки Тызнап, по селениям туркестанцев, подведомственных Яркенду. На пути есть китайский пост Кукъяр, потом переходят проход Каракорум, который, по измерению доктора Томсона, бывшего там в 1848 году, имеет 18 604 ф. высоты. Здесь дорога разделяется на две линии,
73 об. одна идет по || течению реки Шаюк, потом выходит на деревню Нубра и в 3 дня, [идя по ней], достигают Ладака, а другая проходит по проходу Сеисар. Дорога эта открывается в июне, июле и августе месяцах. Томсон, [идя] из Ладака, в 9 дней достиг высоты Каракорум. Дорога эта сначала идет по бестравной голой степи, лишенной топлива и воды, так что в Яркенде запасают[ся] двойным числом лошадей и провизией. Дорога эта не безопасна от нападений дикокаменных киргиз и горного племени гильгит, кото-
74 рое выходит || в урочище Кулангак и грабит караваны. В горах Каракорум, по свидетельству азиатцев, чувствуется сильное давление груди и стеснительное дыхание, что нужно припимать к недостаточному давлению воздуха *[17].

Из Хотана есть дорога в Большой Тибет в Халассу *[18].

Дороги, как говорят, чрезвычайно гористы, и в дороге проводят по нескольку месяцев. Торговля с Тибетом производится через Средний Тибет, называемый иногда Большим, с городом Лех, или Ладак, и производится бухарцами, кашмирцами, бадахшанцами и
74 об. жителями Балтистана, которые далее || посещают Кашмир, до которого считается ходу 16 дней. Здесь лежат громадные горы, и купечество большей частью идет пешее; пройдя три части пути, встречаются только места населенные, а в Западный Тибет или Верхний сами [купцы] не ездят, а продают [товар] кашмирцам, <которые под именем качи (Katchis) составляют одно из почетных сословий в Хлассе, столице далай-ламы. Между Гималаем и Куэнлунем лежат на восток от Кашмира несколько владений,
75 носящих общее название || Тибета: первое — Малый Тибет, или Тибет (Абрикосов — Sari Batan) иначе называемый Балтистан, с владениями Канжут, Гильгит на южной подошве Куэнлуня. Второе — Ладак (Ladak), или Лех (Leh), по-тибетски Лата-Юл, которое на востоке граничит с Нери, или Нгари — с провинцией Хлассинской. Хласса (H'lassa по Гобе, Lhassa), управляется далай-

*[17] В 1813 г. кабульский житель Рафаилов совершил путешествие в Тибет, из Яркенда в 24 дня приехал в Большой Тибет. *(Примечание Ч. Валиханова.)*

*[18] То есть *в Лхассу.*

ламой и светским правителем и признает власть богдыхана, комиссары которого постоянно находятся при дворе Цзянь-Вана. На юг от него лежит Чжисулюмба, где имеет пребывание Бань-Чань
75 об. Ерден, религиозный глава Нижнего Тибета. Эта страна также || признает власть богдыхана. Из Хлассинских провинций есть путь, по которому качи ездят в Калькутту для покупки лент, позумента, ножниц и английских сукон. Ладак граничит на юге с владениями сейского магараджи и управляется своими правителями. Ладак имеет [высоту] 11 600 ф., температура в ноябре месяце ниже точки замерзания, а в половине зимы бывает около 30 градусов Фарангейта *[19]>.

<В 1813 г. страна эта вместе с Кашмиром принадлежала дому Дураниев[7] и управлялась губернатором афганским Ахбат-Махмут-ханом. В письме этого владельца от 25 сентября 1815 года
76 || он назван тибетским раджой, и [оно] писано из города Лей; в наше время Ладак составляет часть владений сейского магараджи. В Ладаке проживают свободно все иностранцы, и в последнее время он был часто посещаем англичанами. Китайцы имеют сношения с этим Тибетом даже после [господства] гильгитского владетеля, которого дворец высечен в скале и украшен местами золотом; [тибетцы] приходят ежегодно в Яркенд, представляются
76 об. хебе-амбаню [и] на своих спинах уносят подарки своему || владетелю. В Хласскую область ведут три дороги из губерний Шанси (Shan-si), Сычуань (Sitchuan) и Юньнань. Сычуаньская дорога выходит из Да-Цзянь-Лу; по ней проходят китайские комиссары, посылаемые в Тибет, и тибетские посланцы и купцы. Все эти дороги чрезвычайно трудны, идут через большие перевалы, по местам безводным, без всякого топлива, которое заменяют аргалом, за-
77 сохшим калом яков. Наиболее удобной считается Шансийская, || по которой проходили Гук и Габбе[8]. Впрочем, предприимчивые китайские купцы, несмотря на все трудности, устроенные природой, которая так живописно описана Гуком, и на грабежи, производимые племенем коло, привозят в Тибет чай и русские и английские сукна>.

Все эти пути, которые мы назвали внешними, проходят через высочайшие в мире цепи гор, представляют много естественной
77 об. трудности. || Из них, по нашему мнению, наиболее замечательны и удобны тяньшанские, потом проход через Терек-Даван, потом через Бадахшанский, через Ладак в Кашмир и Индию. Для перевозки товаров употребляют лошадей, только через Тянь-Шань проезжают верблюды; в некоторых местах в Тибете употребляются яки, ослы, даже козы.

[Внутренние дороги]

78 Внутренними дорогами называем те, || которые сообщают эту провинцию [Западный край] с Китаем; она называется у китайцев

*[19] 30°F составляет — 34,4°C.

Южной линией; она [дорога] из Китая идет в город Сучжоу, в ко-
тором устроены запасные магазины на случай войны в Западном
крае. Он отстоит в 940 верстах от Гуньчанфу, в котором сосредо-
точиваются все дороги, идущие из Китая на Запад. В 34 верстах
[от Сучжоу] находится застава Цзя Юй-Гуань. Отсюда до Хами,
или Комула, на протяжении 750 верст, простирается степь, пре-
кращающаяся только за 15 верст [до] этого города. В Хами устрое-
78 об. ны казенные || хлебные магазины. Далее идут две дороги: одна в
Джунгарию, а другая в Туркестан. Джунгарская дорога идет через
отроги Небесных гор на Баркуль (165 верст от Хами). От Бар-
куля на запад, до Урумчи, 604 версты; далее до Хур-Хара-Усу
282 версты и отсюда до Или, или Хуй-Юань-Чен, известного у нас
под названием Кульджи, в Тарбагатай, известный под названием
Чугучак, можно ехать из Кульджи (400 верст) или, не доезжая
79 до Хур-Хара-Усу (25 верст), уклониться к северу || (340 верст).
От Тарбагатая считается 406 верст до Бухтармы и 350 до Хобда.
Дорога в Туркестан идет от Хами на Пичан (455 верст), оттуда
на Турфан (Koune Tourpan) (120 верст), по свидетельству архи-
мандрита Паладия[9] (600 верст); от Турфана через Богдо-Оло в
Урумчи (245 верст) и на юго-восток к озеру Лобнору; а другой
тракт через Лобнор в Тибет, кажется, никем не посещаемый. От
Турфана до Харашара 450 верст. На юго-восток от этого города
простираются топи и степи, а на северо-запад [идет дорога] через
79 об. реку Джундус *[20] на Нарат-||Даване в Илю; от Харашара 320
верст до города Бугур, в котором устроена земляная насыпь через
непроходимую топь; далее (150 верст) Куча, оттуда 335 верст в
Аксу. Здесь расходятся четыре дороги: в Илю, Ош и Кашгар,
Яркенд и Хотан; до Или и через Музарт-Даван 615 верст, по
Иакинфу, 940 ли — 485 верст, а по расспросному маршруту Гум-
больдта, 400 верст — 15 дней караванного ходу (Asie Centrale,
т. III, 409 и 410), в Ош-Турфан 120 верст; от Оша через степь в
80 Кашгар || 350 верст. Прямая дорога из Аксу в Хотан проходит по
пескам, но, по свидетельству очевидца, везде есть вода. Средняя
дорога идет на юго-запад в Барчук; в 290 верстах дорога эта раз-
деляется: одна идет в Кашгар, а другая в Яркенд. До Кашгара
15 дней пути, около 400 верст, а до Яркенда 670 верст, а по
Иакинфу, 1305 ли. От Кашгара до Янысара 85 верст, от Янысара
до Яркенда 140 верст, а от Яркенда до Хотана 405 верст. Дорога
80 об. от Аньси до Хами идет хотя по местам песчаным и степным, || но
везде устроены частые станции, в которых живут китайцы, и к
каждой станции приписано несколько семейств туркестанцев. Вез-
де можно достать разного рода жизненные припасы; места ровные,
по большей части обильные водой и топливом. На пути из Кашга-
ра в Аксу и из последнего в Яркенд дорога идет по местности с
лугами китайцев [?], а между Яркендом и Кашгаром, хотя природ-
ных пастбищ и нет, но [она] пролегает по местностям, хорошо

*[20] То есть *Джулдуз*.

81 населенным, и везде можно найти || мусуй и кунак; первый представляет прекраснейший корм для скота вместо сена, а второй совершенно заменяет овес.

Китайцы употребляют для перевозки товаров верблюдов, но в Кашгаре этого животного очень мало, а потому даже и в ровных степных местах употребляют лошадей. Водных сообщений здесь нет, хотя река Тарим ниже Файзбата судоходна, река Хайду тоже. Пространство между Тянь-Шанем и Куэнлунем обусловливается речною областью Тарима и образует сравнительное понижение.

Тянь-Шань по своему возвышению представляет нагорье (Hochland) и хотя в нем встречаются значительные контрасты высот относительно углубления, но все-таки [он] не представляет сплошную высокую равнину, т. е. в тесном смысле плоскогорье (Tafelland, plateau), поэтому мы применяем для него название горной страны (Gebirgsland).

81 об. || **[Растительность]**

82 Речная область || Эргола и Тарима, окруженная с трех сторон: с севера, запада и востока *[21] высочайшими горами, представляет равнину, открытую на востоке и, судя по течению реки Эргола, несколько наклонную к озеру Лобнор, в которое впадает эта река.

Окрестности Кашгара вообще представляют ровную степь с
твердой глинистой почвой, которая местами покрыта гужи-
ром *[22] — горькою солью или же мелким щебнем. Бедная расти-
тельность, состоящая из колючих кустов янтака, или верблюжьего
терновника, который здесь не дает сахарного соку, как в окрест-
ностях Бухары, несколько видов Artemisia и изредка кусты гре-
бенщика (Tamarix gallica) оживляют эту пустыню. Береговые
долины Тарима, ниже Кучи, до самого Лобнора образуют болотис-
82 об. тые луга, || богатые травой и покрытые густыми лесами тростни-
ков и камыша, и представляют непроходимые болота и топи. На
восток от Янысара и на север от Хотана лежит обширная песчаная
степь Гоби, лишенная всякой растительности с резервуарами
горько-соленой воды.<На этих степных местах, даже в окрест-
ностях городов: Кашгара, Янысара и Яркенда, земли производят
колючий кустарник — янтак, юсан и другие, свойственные песча-
83 ным местам || растения, зато берега рек представляют более раз-
нообразия кустарниковых и древесных растений.>

Там, где только проходит вода, почва эта делается чрезвычайно производительной и плодородной, а потому около берегов рек флора делается более разнообразной.

---

*[21] Описка, следует: *юга.*

*[22] Гужир есть не глауб[ерова] соль, как думает Иакинф /?/, а состоит из смеси разных солей, но горькая соль *Sulfur magnesia* принадлежит к главнейшим составным ее частям. *(Примечание Ч. Валиханова).*

Густые дженгели *[23] окаймляют берега рек. Ирригационные каналы образуют в местах населенных плодородные оазисы, покрытые густою зеленью и прекрасными рядами разных деревьев.

Дженгели состоят из следующих растений: тополей (Populatus
pruinosa), ив (Salix), барбариса — розовый и горный (Berberis
heteropoda), шиповника разных пород, гребенщика, жимолости
(Lonicera), джигды (Eleagnus angustifolia), облепихи (Hippophae
rhamnoides) и акации; в горах на западе Яркенда растет иргай
(Cotoneaster multiflora), употребляемый здешними жителями на
33 об. разные поделки, а в горах, || около Хотана — дикая шелковица, в
песках, как говорят, много саксаула. Вообще растения дикорастущие в этой стране принадлежат к тем же породам, какие господствуют в Заилийской долине, которой предгорья гораздо богаче растительностью, чем южный склон Тянь-Шаня, состоящий из слоистой глины или голых скал конгломерата, или сланца; со стороны Болора, как говорят, растительность разнообразнее. Зато селения и окрестности городов купаются в роскошной зелени садов.

84 || Несмотря на видимую неблагоприятность почвы к растительному произрастанию, но тем не менее при помощи системы ирригационного орошения полей и при содействии человеческих рук в
Кашгаре разводятся с большим успехом разные хлебные, фабричные, садовые и огородные растения. Из хлебных растений — пшеница, сорочинское пшено, которое требует много воды и снимается
позже других, ячмень, просо, джугара двух сортов, [последняя]
употребляется в пищу, а более для корма скота вместо овса; куку-
34 об. рузу сеют в небольшом || количестве; растет хлопчатая бумага;
особенно много занимаются разведением этого растения. Оно равно произрастает во всех пунктах на юг от Тянь-Шаня, между тем как на северной стороне этих гор культура его прекращается. Конопля разводится особенно в городе Янысаре; из нее приготовляют бянь — хашиш, который считается лучшим и составляет
предмет большой торговли, и бьют масло; табак в большом разме-
35 ре производит город Уч-Турфан. Кунчурт *[24], из него || выделы-
вают масло, а выжимки *[25] из семян идут под названием кунчжара на корм верблюдов и коров. Мусуй — этим растением засевают огромные поля по неимению природных лугов и косят до шести раз в год, и употребляют вместо сена на корм лошадям. Из красильных растений сеют марену и снимают на второй год. Огородные растения суть: репа, морковь, лук, чеснок, редька, свекла,
35 об. картофель в весьма незначительном количестве, || огурцы, тоже
очень мало, арбузы, тыквы и дыни; из огородных овощей особенно

*[23] У англичан береговые леса называются персидским словом джунгли (Jungle); у нас в Оренбургском крае и в Сибири подобные рощи называются уремой. Мы называем дженгель потому, что это название употребляется туземцами. *(Примечание Ч. Валиханова).*

*[24] То есть *кунжут*.

*[25] То есть *жмых*.

замечательны тыквы, которые употребляются как посуда, и дыни.
Последние известны своим вкусом и [бывают] двух пород, одни из
них имеют мясо зеленого цвета и сладки до самой кожи. Дыни
составляют любимое лакомство жителей и сохраняются всю зиму.
В садах растут абрикосы, персики, яблоки, виноград разных сор-
86 тов, лучшим считается гусейни, белый и продолговатый, || грана-
ты, груши двух пород, ноошибад, алмурт и нак, квитовое яблоко *[26]
и фиги. Гранаты, сладкие и кислые, джигда дает также и клей,
чилян. В Кашгаре разводят также яблоки, сливы, а вишни краснее
того [?]; в садах растут тополь, тут двух пород, один из них дает
ягоды, приятные на вкус; виноград зарывают на зиму в землю.
Все эти плоды сохраняются свежими до следующего сбора, по
крайней мере, до марта месяца.
86 об. || Мы постоянно покупали сохранившиеся в свежести гранаты,
яблоки, груши. Абрикосы, персики и смоква не выдерживают
зиму. Кашгарцы, подобно бухарцам и кокандцам, не умеют высу-
шивать эти плоды и ограничиваются внутренней распродажей.
В деревне Каргалы, принадлежащей Яркендскому округу, растет
грецкий орех, отпускаемый в другие города. Тополи идут на по-
87 стройки, а джигдовым, || иве и тутовым деревьям ежегодно обру-
бают ветви, которые употребляются на постилку потолков и на
дрова, и в окрестностях Кашгара менее трех дней пути нет диких
дженгелей; что касается сахарного тростника, упоминаемого Рит-
тером, здесь нет. Дети любят лакомиться соком из свежих стволов
джугары, [что] дало повод этому предположению; апельсинных
87 об. деревьев на территории Шести городов совершенно нет || и по
расспросам. Думаю, что и в Комуле едва ли есть этот плод, тем
более, что город этот лежит почти на 5° севернее Кашгара. Расти-
тельность Ферганской долины, лежащей на целый градус севернее
Кашгара, гораздо разнообразнее и богаче, горы покрыты еловым
лесом, можжевельником; в окрестностях Ташкента растут в горах
дико и в горах Намангана и Андижана фисташки. Огородничество
и хлебопашество в Кашгаре доведено до большой степени разме-
88 ров, но зато || садоводство здесь находится в гораздо низшей сте-
пени развития. Города Наманган, Канбада *[27] по приемуществу
занимаются садовоством, и сушеные плоды составляют предмет
значительной торговли.

Царство животных

В окрестностях городов, в местах населенных трудно видеть
каких-либо животных. В горах, окружающих эту страну, говорят,
много диких коз, баранов (аркар), оленей, волков, лисиц, шакалов,
рыси и медведей. Стада куланов, тарпанов, буйволов с длинною
88 об. черною шерстью || и джейранов бродят в песчаных степях. Хотя

---

*[26] То есть *айва*.

*[27] Описка, следует: *Канибадам*.

в Малой Бухарии верблюд домашний встречается редко, но тем не
менее свидетельство китайцев о диких верблюдах подтверждается
свидетельством имеющейся у нас истории кашгарских ходжей.
Дженгели Тамира населены стадами кабанов, тигров и зайцев.

Из птиц здесь встречаются утки, гуси, беркуты; последние
животные особенно водятся в горах Хотана и Яркенда, а ястреба
89 вывозятся из Аксу. Много в горах серых рябчиков || (кикликов), и
в дженгелях водятся фазаны и куропатки; скворцы, грачи и вороны встречаются и в городах. Замечательно, что этот край редко посещается аистами, которые в Западном Туркестане покрывают своими гнездами все мечети и гуляют на улицах вместе с домашними животными.

Из домашних животных в Кашгаре встречаются лошади киргизской породы, верблюды, коровы, яки, бараны, тоже киргизской
породы, и ослы. Из домашних птиц встречаются более курицы и
89 об. голуби. Замечательно, здесь || нет собак, зато кошки разводятся
с особенною любовью.

В Восточном Туркестане скотоводство как промысел почти не
существует. Более других животных жители предпочтительно разводят ослов. Здешняя порода этого животного гораздо меньше, чем
в Бухаре и Коканде, имеет серый цвет шерсти с черным хребтом
и поперечной чертой на плечах. Недостаток луговых и пастбищ-
90 ных || мест препятствует развитию скотоводства. Только богатые
люди и извозчики содержат лошадей, а верблюды употребляются
только китайцами и принадлежат к породе, разводимой в Монголии. Только ослы, содержание которых гораздо дешевле и проще
уход, предпочитаются туземцами. Лошади принадлежат киргиз-
ской породе и пригоняются из Коканда и Дикокаменной орды. По
90 об. особенному || предубеждению туземное дворянство не ездит на
кокандских аргамаках, а потому эта порода здесь редка и содержится кокандцами; они принадлежат или к чистой крови — топчак или к смешанной — карабаир. Беки, следуя китайской моде, содержат мулов, которые в других мусульманских странах считаются животными нечистыми, и разведение их считается большим грехом.

91 || Долоны — особенное племя, населяющее берега Тарима, жи-
тели селения Бай и Сайрам и вообще в Аксуйском и Кучаском
округах вследствие [наличия] пастбищ, которыми обильны болотистые берега Тарима, разводят в значительном количестве баранов, которые принадлежат калмыцкой породе. В Хотане также разводят этого рода скот, и белые мягкие мерлушки [их] употреб-
91 об. ляются на шубы. || В селениях Яркендского округа, лежащих на
западе и юге, в горах разводят монгольских коров (як). Особенно
в этом отношении известны селения Сарыкуль, Санчжу и Кильян.

Из насекомых в Кашгаре есть скорпионы, фаланги; [есть] ящерицы и змеи. В Хотане есть в диком виде шелковичная бабочка (Bombyx moril). Считаем нужным сказать, что в горах, по расска-

зу киргиз, есть черви, которые живут в снегах. Это, должно быть, вероятно, ибо Борнс упоминает о подобном черве и в Гималаях.

Рассказы китайцев о птичке кара-кускач, которая будто бы в самые величайшие морозы кладет свои яйца на лед, наконец, о черной птице бюргут, имеющей величину с верблюда, и, наконец,
92 с сальной || птичке, из которой выжимают сало и опять выпускают — все эти рассказы мы считаем за басни, тем более, что ничего подобного от туземцев не слышали. Со своей стороны, мы можем сообщить басню, что нам случалось слышать очень часто, что в Лобноре есть дикие люди, которые питаются рыбой, покупают полотно и другие статьи одежды за золото и драгоценные камни, которые они добывают из воды. Одни говорят, что они живут под водой, а другие — на островах.

94 || Народная промышленность

В статье о естественных произведениях края мы упомянули о земледелии как о главной статье сельского хозяйства. Из хлебных зерен главнейшие виды: пшеница, сорочинске пшено и джугара. При отсутствии других видов сельского хозяйства, все
94 об. внимание жителей обращено || на земледелие. Способ возделывания хлеба, система [орошения], время посева совершенно одинаковы, как в других государствах Средней Азии. Пшеницу сеют ранней осенью, а убирают в июне. Посредством ирригации поля наводняют осенью после посева и около шести раз весной. Сорочинское пшено сеют в начале апреля, а снимают в конце сентября; этого рода хлеб требует беспрестанной поливки. Джугара сеется в одно время, а снимается несколько позже.

Хлопчатая бумага принадлежит к сорту однолетнему, известна под названием травянистого. Кашгарцы лучше обращаются [с этой культурой] при посеве и сборе семян, чем кокандцы, но все-таки не могут избежать общего недостатка — неумения отделять семена, которые выделяют масло и портят хло-
95 пок. Сеют в начале апреля, наводняют около двух || раз водой. Шелк разводится в Хотане. Уход за ним и вынашивание червей совершенно одинаковы, которые употребляются везде. Конопля про[из]растает во всех городах В[осточного] Т[уркестана], составляет один из главнейших сырых продуктов местной торговли. Масло (зегр) и экстракт сока из листьев (бян) входят в предмет вывозной торговли и славятся на всем Востоке. Янысарский бян есть лучший.

Хлеб, хлопчатая бумага составляют главный предмет народного богатства; они доставляют безбедное существование жителям и ими оплачивают свои подати, и [они] составляют продукт для мануфактуры и торговой деятельности. В Малой Бухарии культура хлеба и хлопка была развита в древнейшие времена и
95 об. доставляла и тогда всем жителям || возможность оплачивать дань

монгольским ханам.<Пуд>пшеницы (2 кашгарских четверти) стоит 30 к[опеек] сер[ебром] (по 25 пулов кашгарская четверть).

Пуд сорочинского пшена стоит от 45,5 до 48 к[опеек] сер[ебром]. (Кашгарская четверть стоит 65 пулов). Кашгарская четверть хлопчатой бумаги стоит от 4-х до 5-ти кашгарских тянга, а следовательно, на наши деньги пуд стоит [от] 2 рублей 40 к[опеек] до 3 р[ублей] 20 к[опеек] серебром. Пуд шелку в Хотане стоит от 4 до 9 кокандских золотых, а в Кашгаре — от 8 до 10.

Пуд конопляного экстракта (бян) в Кашгаре стоит 20 тянга, а янысарский в Коканде стоит от 30 до 50 тянга.

[Топография городов и селений]

45 || Главное распространение народонаселения составляет подно-
жие гор, ограничивающее долину Эргола. Середина этой равнины
представляет бесплодные степи, покрытые песками и солонцами;
вообще вся плоскость Малой Бухарии, имея песчано-глинистую
почву при сухости воздуха и по недостатку дождей представляет
обнаженный грунт, покрытый изредка полынью и колючим || кус-
45 об. том — янтаком, который здесь не производит той сахаристой
смолы таранжебин, как в окрестностях Бухары. Зато там, где есть
вода, почва эта делается в высшей степени плодородною, по бере-
гам рек растут ива, тополь, барбарис, жимолость, роза, джигда,
тамариск и ченгель, потому поселения занимают течения рек и по
преимуществу при выходе из гор. Предел распространения каш-
гарского племени, не говоря о речной области Эргола, переходит
на северную сторону Тянь-Шаня в Илю, где есть города Кульджа,
Урумчи и Баркуль. На этом пространстве лежит множество горо-
46 дов, селений||, деревень и станиц, населенных восточно-туркестан-
ским племенем, но мы ограничимся территорией Шести городов
в тесном смысле, ибо о восточных округах Малой Бухарии не
могли получить никаких новых сведений, кроме тех, которые из-
вестны из перевода отца Иакинфа «Описание Джунгарии и Вос-
точного Туркестана». < Нужно сказать, что>китайцы некоторые
подобные селения, подведомственные городу, называют городами,
46 об. но мы в этом отношении будем держаться понятия || простых
туземцев, которые называют их язы, т. е. село. Разница между го-
родом и селениями Восточного Туркестана, по нашему мнению,
может быть одна: города окружены стеною, имеют густое населе-
ние, каждый дом стоит отдельно, окруженный садами, хлебными
полями, огородами, плантациями хлопчатой бумаги и другими
произведениями деревенского быта.

|| Каждый город Восточного Туркестана с окрестными селениями и деревнями образует округ. Таким образом, западная часть Малой Бухарии — Шесть городов <Алты-шаар>— разделяется на шесть округов: Кашгарский, Янысарский, Яркендский, Хотан-

ский, Ошский *[28] и Аксуйский. В городе сосредоточено высшее управление. Хакимбек — <правитель> города, вместе с тем и всего округа правитель, имеет прав[о] содержать музыкантов, которые во время обеда бьют в бубен и играют на трубах. Некоторые большие селения имеют своих правителей, только без музыки, своего алимахуна, но подчиняются хакимбеку управляющему городом.

47 Общий характер туркестанских городов || чрезвычайно однообразен. Высоких минаретов, как в других городах Востока, здесь нет. Дома строятся, не исключая хакимбековского дворца (орда), из землебитного камня, обнесены кругом стеной, имеют плоскую крышу и внутри у людей богатых выштукатурены известью и разными украшениями на китайский манер и с большими резными окнами, оклеенными бумагой, а у бедных свет проходит через отверстие, сделанное в потолке.

Путешественник, [подъезжая к городу], видит высокие стены с несколькими башнями по углам, которые своей архитектурой напоминают наши беседки. Улицы узки и неправильны; только по главным улицам, ведущим на базарную площадь, едва проходят телеги. Чистые дома с улицы огорожены стеной, только мечети и медресе обращены фасадом на улицу. Центр города обыкновенно занимает соборная мечеть, называемая «аит-ка» или «регистан», а перед ней везде *[29] базарная площадь. Перед домом правителя, перед большими мечетями, около прудов и в других местах при входе в ворота оставляются открытые площади. По обеим сторонам главных улиц расположены мясные ряды, рестораны, в которых продают готовые пирожки, мастерские и около базарной площади гостиная... и проч. В городе бывает несколько прудов, один или два канала, обсаженные тутовыми аллеями и тополем.

47 об. || Зданий, сложенных из кирпича и замечательных по архитектуре, здесь нет, кроме нескольких мечетей и гробниц, украшенных с наружной стороны глазированными кирпичами. Самое замечательное архитектурное произведение — это гробница Аппакходжи и мечеть при ней; в Яркенде есть единственная в Шести городах высокая старинная башня, а потому вошедшая в народный язык как высшее мерило высоты.

Мы уже говорили, что Восточный Туркестан относительно разделен на два княжества и пять военных округов в описываемой нами части (территории Шести городов). Аксуйский, прежде Ошский, Кашгарский и Яркендский; деление это принято только в официальных бумагах и потому, что главный надзор за ними принадлежит трем генералам, живущим в этих трех городах: но, в самом деле, относительно туземного правителя эти Шесть горо-
48 дов совершенно независимы один от другого и управляются || правителями, имеющими китайские чины.

---

*[28] То есть *Уш-Турфанский.*

*[29] Имеется в виду, во всех городах.

[ДОПОЛНЕНИЕ К ЗАПИСКЕ О СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ]

...всякого, совершившего путешествие в Мекку. На сей конец большая часть [султанов], несмотря на любовь к месту рождения, чтобы только не унизиться до равенства с черною костью, оставила степь и отправилась в Туркестан. Оставшиеся записались в разных округах в разные волости, и значение их благодаря успешному распространению влияния новых порядков слабее, но все еще, когда нет заседателя, толмача, строгих блюстителей порядка, в случаях неофициальных, в память прошлых дней чествуемы бывают таксыр и аллаяр привет в ...*[1] аулах.

*[1] Одно слово не разобрано.

[ЗАМЕТКИ ОБ «АЗИАТСКОМ ВЕСТНИКЕ» И ВЫДЕРЖКИ ИЗ НЕГО]

31 || «Азиатский вестник» начал издаваться Григорием Спасским в 1825 году вместо издаваемого им прежде «Сибирского вестника»[1]. («Азиатский вестник», содержащий в себе избранные сочинения и переводы по части наук, искусств и словесности стран восточных, равно путешествия по сим странам и разные новейшие сведения, издаваемый Григорием Спасским). Ежемесячно выходил он маленькой книжечкой.

В этом журнале были напечатаны следующие любопытные статьи: 1) «Новейшее описание Великой Бухарии»*[1]. Статья эта была составлена по сведениям, собранным на месте.

№ 1, январь месяц. Географическое и историческое введение.

№ 2, февраль. Естественное состояние Бухарии: горы, озера и реки. Озеро Кара-Куль[2], по этой статье, в древности сообщалось с Сыром (Аму) и в полноводье потопляло определенные места, но впоследствии эта связь отвращена и проведена была река Зеравшан.

Река Аму берет начало в урочище Сергей-Сугнан *[2] в расстоянии на один день пути от горы Киани-лал *[3] и по протечении некоторого пространства принимает к себе шесть рек (дарай): Бадахшан, Дарваз, Гингеаб, Вавия, Каратегин и Гиссар[3]. Река Зеравшан (Politianus) по протечении Султани-Абад разделяется на два рукава и называется Ду-аб, или Шаруд, или Руди-истем-Бухара *[4].

При впадении ее устроена плотина для предотвращения больших приливов воды.

Река Аксу отделяет Джезак от владений Кокана.

31 об. || № 4, апрель. Города, крепости и селения в Бухарии. Разделение земель. Произведения, доходы. Бухара стоит при канале Зехкан, который соединяется с рукавом реки Зеравшан, называемым Шаруд *[5]. Мечетей, построенных из кирпича, 360, 75 медресе. Мулл в медресе и мечетях до 2000, а учащихся 4550. Город

---

*[1] Против этого абзаца на полях рукой Ч. Валиханова написано: Transoxiana. Sogdiana, Bactriana; ниже: Oxus или Gigon, Jaxartes или Sigon.

*[2] То есть Шугнан, один из районов Бадахшана.

*[3] То есть «Рудник рубинов».

*[4] В журнале *Буди-Истем Бокара.*

*[5] То есть *Шахруд.*

разделяется на 400 джусеров [*6], или частей, в каждой части по 50 домов. Всех жителей 249—250 т.; в том числе 1200 евреев; 1500 — живущих в караван-сараях, [а также] мулл и учеников. По преданию, дворец хана, медресе-калян и башня Менар, или Миргараб, построены Кизил-Арсланом [4]. На север от Бухары есть место, называемое Гурбуна, которое считается рассадником плодовых деревьев, разводимых по всей Бухарии. Гурбуна славится гранатами, смоквами, абрикосами, яблоками, сливами, вишнями и тутовыми деревьями.

Земли в Бухаре трех родов: емлак [5] и харадж [6], принадлежащие казне, мильк [7]— частным лицам.

№ 5, май. Жители Бухары. Их промышленность и торговля. Вес, мера, монеты.

Жители Бухарии разделяются на оседлых [*7] и кочевых (илятти). Первые большей частью таджики; они считают себя старожилами страны и водворение свое приписывают Джемшиду [8]. Кочующие суть узбеки, туркмены и арабы. Кроме того, до 1000 афганов на ханской службе, 40 тысяч персидских невольников, много жидов, 1000 человек беглых русских татар (до манифеста 1815 [г.] их было около 2 тысяч человек), и один сарай всегда занят индусами
32 из Сакарпура [9] || и Синда или сейками [10] из Мультана [11] и Пенджаба. Узбеки производят себя от какого-то Хосрев-хана [12], который с сыном своим Узбек-ханом кочевал в степях киргизских между Сибирью и Китаем. Но в царствование Баян-Кули-хана [13], которого они считали отцом Тамерлана и потомком Чингиса, узбеки частью добровольно, частью шахрисебзским правителем Турке Багатыром были переселены в Бухару, где и приняли ислам. Узбеки живут на восток от Бухары. Лето кочуют, а на зиму собираются в города и селения. Главные их поколения называются каманд-бавурдас, кара-мангыт (ханы происходят из этого рода), ток-мангыт и ак-мангыт.

Торговля главнейшая с Россией и Кашгарией. В последнюю возят мерлушки. Вся привозимая в Россию хлопчатая бумага родится в Шахрисебзе, продается в Бухаре 14 [руб.], а с доставкой в Россию — 40 рублей [за] пуд. Меанкальская и самаркандская бумага хуже шахрисебзской, и бухарцы вывозят худший сорт, а лучшие оставляют для своих тканей. Бумажная прядь лучшая самаркандская. Шелк, добываемый в Бухарии, простирается до 470 пудов, или 1870 батманов. Батман содержит 8 пудов, но батман шелку — 10 фунтов. Цена суровому шелку за 20 фунтов 15 рублей ассигнациями, самая лучшая — 16 рублей за батман. Очищенный шелк стоит 12—13 бухарских червонцев. Шелк весь потребляется на месте. Туркмены и узбеки содержат баранов, цепа им 8 рублей, а откормленные стоят 16 и 24 [руб.]. Жира баран дает $2\frac{1}{2}$ пуда, 2 пуда мяса, коего 5 фунтов продается по 60 копеек, за фунт жира 1 руб 20 [коп.].

[*6] То есть *гузеров (таджик.),* от гузер (гузар) — квартал.

[*7] То есть *горожан.*

32 об. || Бухарский аршин — газы — равен полусажени (теперь употребляют русский «арчин»). Тилля — 15 рублей ассигнациями, тянга — 40 коп., пул — 2 коп. Золотую монету перечеканивают из золотых червонцев или из вымытого золота из Бадахшана, Зеравшана и Аксу, а серебряную — из китайских ямб.

№ 6, июнь. Чины и должности в Бухарии.

Гражданские. 1. Аталык. 2. Кусбеги, или визирь, первый министр хана; управляет всеми делами государства. Диванбеги и мирзы.

Придворные 1. Дастурханчи *[8] (оберцеремониймейстер), есаулбаши (начальник гвардии).

Военные. Перваначи (главный начальник войска), датха, токсаба, мингбаши, курганбеги (комендант большой крепости), караулбеги м. к.*[9], пансад, мирахур, юзбаши, дегбаши (он управляет 10 пажами, а пажей 200 и дегбашей 20), мирзабаши и цезибаши *[10]. Райс, мираб и миргазаб — начальник над тюрьмами и преступниками.

Аталыком (в то время) был Магомед-Сеид — правитель Гиссара. Дастурханчой Мукимджан — любимец хана, а остальные чиновники были узбеки и только несколько персиян.

Братья хана называются бек, сыновья — тюря.

[В журнале помещены сведения о] странствовании Габайдуллы Амирова по Азии. Амиров был взят в плен и привезен в Бухару, а через два года после того отправился в Мерв, Герат, Кандагар, Шикарпур, Хайдарабад, Джейнагар, Дели, Бенарес, Калькутту. Обратно поехал в Мультан и проч. (См. № 1, 2, 3, 4).

---

*[8] В журнале неточно: *дастар хасджи.*

*[9] То есть [*начальник*] *малой крепости.*

*[10] По журналу цезибаши — *сержант.*

ЗИМНИЕ КОЧЕВКИ ВОЛОСТЕЙ КАРКАРАЛИНСКОГО ВНЕШНЕГО ОКРУГА

1 об. || Книга на записку летних стоянок-кочевок, принадлежащих
2 волостям Каркаралинского округа.

1. *Надан-Тобуктинская* [1].

Зимние кочевки при урочищах речки Карабулак, в заливе озера Балхаш, именуемом Дересин. Места эти находятся от места расположения приказа примерно за триста верст, а летние начинаются к северу через урочища Джельтау, Кошкар, Казангап, Карачоку, Керегетас, Бесчоку до урочища Каракуль гор Кент, отстоящего от Каркаралов на сорок верст. Оттоль обращаются на запад через урочища Корпетай, Нуртай, проходят речку Токраун, урочища Кызыларай, Бектау-Ата, Конратчоку, Мандай-торгун, Кенелы, Уранхай, Басджамчи, Кзылтас и другие места.

2. *Тюленгутовская* [2].

Зимние места в урочищах: Чубарайгыр, Джаур, Тюндюк, Таскюнгей, Кызыл-Саяк, Тобесу, Карабужур, Котан-Эмиль, Кайракты, Аркарлы, Толебике, Кусак, Тесиктас, Джарык, Матагызыл, Саяк, Тюлькули — от Каркаралов за 180 верст на юго-восток.

Отсюда имеют летние кочевки на северо-запад в урочищах: Джаманкузеу, Кокубай, Борктас, Кызыларай, Токраун и оттоль обратно через урочище Кошкар. Места эти от Каркаралов отстоят примерно от 70 до 200 верст.

3. *Киреевская* [3].

Кочевые места всей волости, а именно: Арчалы с предместьями Топар, Кокчетау, кроме стороны, лежащей к Абралы, Кайракузен, Куучокы, Татан, Толебике, Кызыладыр, Учкаин, Ем-Джантын, Карагай, Джабытас, Караузен, Аркарлы, Бесбакан, Музбель,
2 об. Акджаик, || Кумджаик, Бесоба, Караджал, Борюлы, Куйкентай,
3 Даганды, Ортакараул, Баскараул, Баканас, Койтас, Кунгей, Каратау с предместьями, Каракойтас, Саранайтау с речками Чакпактас, Учбачай, Акчагыр, Коксенгыр со степью, Карчигалы с речкой Кусмурун, Джагалы, Акбастау, Биркулак, Учкара, Мейзек со степью, Даганделы, кроме вершины оной, Джиланды, Алабекты, Корык с источником, Майкапчагай, Сандыктас, Чакпактас, Бесбакан, Чульадыр, Токтабулат. По означенным урочищам кайсаки Киреевской волости раскочевываются на пространстве трехсот

верст, от места расположения приказа примерно на четыреста верст.

4. *842 Тарактинская*[4].

Зимовые места состоят в урочищах: Матайадыр, Джалаулы, Майкенды, Колпеке, Токту, Ойшанадыр, Джотан, Текебай, Наурузбай, Мендыбай, Каратас, Конуспай, Караадыр, Мурзагельды, Сарыадыр, Камабанын-Каратасы, Чокы-Керегетас, Каранайдын-Кызылы, вершины Сарыбулака, Карачокы, Берккара, Акчокы, Бетьсу, Чатсу, Чонкара, Байджанбулак, Толеке-Мынчункур, Байпак, Сартау, Тесиктас, Уч-Майузек, Куудын-Кызылагачы, Сарыджал, Байгаска, Есенгул, Кызылкудук, Карасор, Карачокы, Кос-Иргыз, Тентеккара, Сарыоба, Койчокы, Куюкадыр, Кичи-Берккара, Тюлку-Улыды, Коян-сойган, Нуранын-Карачаты, Джумабайнын-Каратасы, Джалаудын-Босогасы, Коин, Чинсай, Сарычокы, Джертомар, Ащису, Караток, Тайуткен, Альдек, Бесикджал, Учкудук, Матайдын-Акузеги, Арчалы, Матай, Алтай-Кумген, Чагырлы, Кчибай, Айгырджал и Чаграй, а летние — Даганды, Конуспай, по урочищам Коксенгир, Учкара, Акбесты, Кокчетау, Джарадыр и Меизек.

5. *Кучум-Байбуринская*[5].

Зимние кочевки в урочищах: Мансар, Мормын, Бегалы, Булакты, Токенсу, Булансай, Тогузторау, Сарыбуйрат, Койтас, Дегелене, Узунбулак, Карабайтал, Кызыладыр, Джелькесу, Кункей,
3 об. || Котанбулак, Тлес, Кызылчокы, Уйтас, Джаман-Карабужур,
4 Ащиузек, Карачоку, Сарытас, Чульадыр, Тайлак, Карагандытал, Конекджалкуль, Кынтыкты, Джангызтау, Джаныбек, Атабекчий, Керегетас, Боручокы, Чуюнбулак, Сарыоба, Ердескуус, Карача-Джарык, Джаман-Абралы, Райчокы, Уакчокы, Буйра-Марешик, Иткара-конус, Айдаркуус, Джантей-Марешик, Чурук, Аджик-Марешик, Сарыайгыр, Садыр-Кондыр, Сарыайгырбас, Бердыбай, Аркалык, Косчокы, Джартас, Мурзачокы, Тамгалытас, Айбас, Джырыккудук, Ескене, Чатсу, Есполконган, Кукылбас, Борак, Чувак, Кайрактас, Азатбидаик, Косой, Есенсай, Кызылкудук, Дастар, Мурзакатын, речке Тюндюк, Муздысай, Джиланды, Тыгыршык, Каратумсук, Каракузеу, Сарыкузеу, Алмасай, Керегетас, Киикпай, Такайтау, Карагандыузек, Джувантюбе, Кишкене-Койтас, Джантайдын, Уакадыр, Аиртау, Усенты, Кызылкудук, Кызтаутас, Чомкалы, Джамытты, Былкылдак, Чарыкты, Курузен и Катынадыр. Места эти находятся от Каркаралов от 140 до 280 верст; а летние кочевки по урочищам: Аркалык, Джуманчий, речке Тюндюк, Талды, Корук, Джосалы, Ащису, Алтын-Карасу до Джурты по речке Нуре, Косагач, Актас, речке Кульдже, по озеру Ботагара, оттоль обратно по степным местам до зимовок.

6. *Джагалбайлы-Байбуринская*[6].

Зимовые места на урочищах: Буйрекчий, Космула, Булатсор, Андас, Сарыбужур, Аккудук, Серектас, Уйтас, Рыспай-Карачокысы, Каскабулак, Кенейочак, Тас-Шайтанджал, Тобуктыбужур, Шорабай, Джангызтау, Косконган, Джангызкудук, Мурзачокы,

Кособа, Джарыккудук, Джартас, Кельдыбай, Джарык, Сарыкаска, Толе, Карачокы, Кабанбайадыр, Карабулак, Бабаджан, Сеит, Куттубай, Караджал, Таскотан, Сорели, Тюлькубас, Карабике, Сары-
4 об. чокы, Джаман-Абралы, Егызкара, || Абралы, Сарыапан, Отенатан,
5 Кечубай, Караджар, Байбол, Танаш, Улькен-Чумек, Айнабулак, Аркалык, Каратас, Карачокы, Ангара, Кызылчокы, Кобек, Есет-

Портрет ага-султана. *Карандаш.*
Рис. Ч. Валиханова.

куус, Мийузекчат, Егизкара, Сарыозек, Джарадыр, Койтас, Джыpыккудук, Баубектас, Джаманты, Учтюбе, Кыркабас, Чульадыр, Шайтанарык, Кара-Киндыкты, Чаган, Атымтайчат, Шоксары, Обалы-Когалы, Даганды, Берды-Калпе, Тулпар, Адилькудук, Ногайконган, Алтынтай, Алтынкудук, Дуван, Урузчий, Уйтас, Керегеджал, Токтау, Шоке, Бойтасбулак, Садыбекджурты, Терсбулак, Каракуус, Копекей-Кистауы, Аулиеасу, Бота-кыстау, Калпеджурты, Тогузторау, Кызыладыр, Ащиузек, Марешан, Бошан, Акбота, Джолан, Шонг, Кемпиркия, Тасбакан, Кенчокы, Турткуль, Бакбабан, Арчалы, Самайнын-Карачокысы, Нурбике-Конкайкара, Контитас, Нурбике, Кызылчокы, Сункаркия, Балапанкия, Киндыкты-

тюбе. Места эти находятся от Каркаралов от 180 до 350 верст. Летние места на урочищах: Куу, Бокты, речке Талды, Коянды, Карасор, Ушкатын, Сайтанды, Уткель-сыз, Джаур до Кучокы, Джыланды, Чеченькара, Ботаккара и оттоль обратно до зимовок.

7. *Ялыкпасовская*[7].

Зимние кочевки в урочищах: Мыржык, Босага, Чакпак, Каракай, Колчокы, Сарычунак, Алимбай, Ащикудук, Узунбулак, Аркалык, Едильбайбулак, Таскора, Джылыбулак, Кииkпайбулак, Кабармак, Козубак, Карасенгир, Бугубайбулак, Кызылбуйрат, Коянды, Бескиик-Кайракты, Джосалы-Джалпакчий, Акчабуйрат, Джалаулы, Бурлы, Сарычокы, Кожек-Обалы, Кызыладыр, Уйтас, Укнорой, Маяджон, Каба-Джанабай, Сулдур, Кулдар, Сарыайгыр, Болек-Койтас, Улькен-Койтас, Шурыккудук, Еркебай-Кызыладыр, Куреспе, Былкылдак, Джаманкудук, Карабужур, Конурадыр, Аксан, Мынкудук, Катынадыр, Копа, Кызыл-Чубар, Ырай, Акбиик, Карагандыузек, Джартас, Актал, Сарытурсун, Дюйсек, Матай, Тлеули, Сарычокы, Андас, Карачокы, Сарыджал, Тагилычокы, Кабырчокы, Колькайнар, Косчатау, а летние по урочищам: Куу, Джельдытау, Ушкатын, Семизбугу, Джосалы, Чеченькара, Ботагара до сопки Джаура и обратно до зимовок.

5 об. || 8. *Нурбике-Чанчаровская*[8].

6 Зимние места находятся в урочищах: Мыржык, Коянды, Маяжон, Майлыкара, Торбике, Кулмурза, Кожабек, Катпар, Акджал, Сарыоба, Актайлак, Узунбулак, Чакпак, Дегелен, Аркалык, Двин-Куу, Ауз-Майлаган, Кушук, Шеней, Мурзачокы, Койтас, Керегетас, Ырай, Карачокы, Чат, Байназар, Тшан, Майгара, Сарыулен, Карамола, Чагыр, Серектас, Атабай, Таванчат, Куйгенсарычокы, Асанчокы, Кызылчар, Бестерек, Бугулы, Урпек, Ащиузек, Карагайлы, Сарытамак, Учбулак, Чочара, Доголан, Теректы, Богонбай, Мульдуры, Караулчокы, Чолак, Акбанкантар, Сулучокы. Расстоянием означенные места от расположения приказа от 100 до 300 верст.

Летние кочевки по урочищам: Кунчокы, Ешки-Ольмес, речке Нуре, расстоянием от 180 до 250 верст.

9. *Айбике-Чанчаровская*[9].

Зимние места находятся в урочищах: Карой, Атымтай, Джосалы, Кызылкайнар, Учкара, Бюротас, Карачокы, Карагайлы, Алчин, Кызылчилик, Жан-Конур, Кудук, Дастар, Айгыр-Комген, Аккыстау, Костобе, Акыбай, Карабай, Буйрекчий, Ащикудук, Коржунтюбек, Коктас, Атаннын-Сарычокысы, Акчокы, Алтыкудук, Чибынтай, Бийкаранынадыры, Джыланды, Еркенын-Каратасы, Кызылагаш, Байгула, Карагандык, Терсаккан, Ойнакжер, Караколь, Кызылкудук, Карасор, Шенеу, Акчокы, Аккуль, Шынгтас, Асырджак, Колкакут, Букарбай, Шабанкыр, Аксары, Кыльдыкуль, Ащикудук, Аркалык, Бекпау и Балак. Места эти от Каркаралов — от 120 до 230 верст, а летние кочевки по урочищам: Бабак-Джангызтау, Сарычокы, Джаур, Баймурзанын-Карасу, Нияз,

Джуткырган, Кандыадыр, Акирек, Талпан, Урынын-Шаты, Айгырджал и по речкам Уленты, Шидерты и Нура.

10. *Кара-Айтимбетевская* [10].

Зимние места находятся в урочищах: Бокты, Карамула с окрестностями, Большие Коянды, Кокпекты, Ералы, Тюндюк, Джувантюбе, Жыланды, Джуманчий, Аркарлы с окрестностями, западная сторона Бай-Шолака, || Серектас, Джарбастау, Акджигит, Сенкебай, Джабык, Карашатау, Избасар, Байдал, Джанкисинын-Джурты, Акчокы, Тасчокы, Ормантас, Кадыр-Олькесы, Коин, Карaагаш, Байталшокы, Кызылтас, Байгантас, Куттукадамджурты, Боген-Мамбетсаз Сарыбулак, Итболдытау, Керегетас, Уразумбекты, Актас, Караоба, Тайлаксу, Уйтас, Тузащи, Караузек, Кулболды, Кызылтау, Кайрактас, Мамандык, Ортасык, Токрау, Тоганбай, Керей-Куджал, Егинбулак, Керегетас, Каракемер, Карачокы, Сарытерек, Кызыладыр, Айнабулак, Каракуль, Актогай, Джетымчокы, Конуртюбе, Караджал, Сарыджал, Тумантай, Ортенджал, Наршоккен, Джартас, Кунанбай, Койтас, Конур-Кызылтау, Байгельды, Акджал, Бадраксу, Коктас, Берктас, Джон, Кызылтас, Бозтанды, Джангызтау, Тай-Тлеу, Буркутты, Сарыадыр, Сайман, Джосалы, Кеншокы, Айтуган, Таскора, Котраштау, Узунджал, Кулбике, Айдарлы, Балагыз, Сарыкулболды, Таттыбайтау, Кокчетау, Токантас, Мурат-джигит, Джангызкарагай, Абысадыр, Итбайлаган, Карадын, Кошен-Актайлак, Кечубай, Учтюбе, Каракойтас, Кызылсай, Кунаккия, Джаман-Берктас, Конуспай, Карагай, Симбеттечокпай, Аккыстау, Киндыкты, Арзы-Кулкузек. Тлеумбет-Игыз, Койтас, Карабийке, Сенкебай, Джувантау, Берктас, Кыргызбай, Караошак, Акбастау с узеками, Конакас, Джарымкузек, Куттубай, Токтыадыр, Токтыозек, Аркалык Суулытюндюк, Косчокы, Матакпай, Карашатау, Ормантас, Кенчилик, Бала-Буркутты, Акшатау, Конеккара, Кайдаул, Толубайадыр, Кобетей с окрестностями, Моджиктамак, Ботакара, Кызылкуль, Джилантюбе, Куркудук, Кызылащи, Уйнынсор, Карасор, Джувантюбе, Ащису до речки Нуры.

6 об.

7

11. *Альтеке-Сарымовская* [11].

Зимние места находятся в урочищах: Аулие, Тоганбай-Сарша, Нуртай, Кенелы, Елек, Серкебас, Майтас, Бектау, Орункай, Тузбасы, Сымбык, Джанет, Куус, Бас-Карабулак, Бесапан, Аккум, Сарыкуль, Конратшат, Агадыр, Ауэзбакы, Каракозы, Байкозы, Сарытерек, Дувана, Керегетас, Джелтау, Бегазы, Кольденен, Шомбай, Джиничкеузек, Айдай, Кустас, || Джиланды, Шимтау, Тиекташ, Токраун, Беркkара, Кызылрай, Чан, Конуспай, Карамeнды, Кызыладыр, Уштаган, Бесчокы, Уйку-Кормике, Аюлы, Маутан, Аккоян, Караганды, Казыбек, Кайракты, Катпаре-Маутан, Сарыджал, Байпак, Баспалдак, Кызылкурт, Каратюлки, Джаман-Караджал, Сарша, Сарыоба, Сарт-Тоюнбай, Терек, Нура, Алмалык, Шерще, Каратоганбай, Шимдысай, Аркарлы, Куянкуз, Джаманеспе, Кучокы, Соран, Джосалы, Каргалы, Джаналы, Магач, Чамак, Кумемчек с узенем, Айтуган, Когалы, Соналы, Тасан,

7 об.

8

Джельдытау, Керегетас с окрестностями, Сарытерек с окрестностями. А летние по речкам: Нура, Сарысу, Талды; по урочищам: Куянды, Учтаган, Джаур, Ереймень, Кучокы, оз. Байгара, Семизбугу, Алтынды, Таганак, Кокпек, Сарысу, Уртенгджал, по речке Топар.

12. *Карсен-Кернеевская*[12].

Зимние места находятся в урочищах: Пирназар, Сапы, Караеспе, Канджигалы, Бидаик, Сыргаадыр, Ортачий, Джанаркус, Уйтас, Караоба, Джилгельды-бойы, Акшатау, Акирек, Кыземчек, Бесчий, Алтынсандык, Карабие, Карачокы, Аиртау, Бала-Аксары, Косе, Бесапаннынджалы, Найзакескен, Кумола, Кызылтас, Аксоран, Кииктай, Джаманчокы, Беkеннын-Акчий, Толагай, Аиртау, Джосалы, Каргалы, Актас, Керегетас, Кызылагач, Караоба, Аксары, Ешкиульмес, Улькенбулак, Джиланды, Кос-Келинчек, Караша-Джалпаксары, Тлеули, Кииктай, Улджабай, Сасыкбулак, Кененбайдын-Кызылчилик, Джалпак, Джекетас, Бала-Джундыджал, Акчагыл, Чульадыр, Найзакескен, Косдонгал, Каратас, Бидаик, Сырлытам, Кайракты, Чубарайгыр, Чонтас, Косе, Буркутты, Чумек, Карач, Кебенек, Казанчулак, Караагач, Сарыоба, Битукур, Джантасдынкумы, Бокенын, Кунганчилик, Ойран, Акмай и Кызылджал; а летние: по речкам Большой и Малой Нуре, Сарысу, Айса, Кокбекты, Сокур, Байгара, Топар; по урочищам: Соран, Каратюлки, Шолак-Толагай, Тектурмас и доходят до Актауского укрепления и до сопки Джара.

13. *Куянчтагаевская*[13].

Зимние места находятся в урочищах: Кызылтау, Бугулы, Монатай, Улкен-Кайракты, Шолак-Сенгыр, Борлы, Байбиче-Соранг,
8 об. Конуркулжа, Сары||кулжа, Уч-Алаказ, Моинты, Тайаткан-Чунак,
9 Соребай, Нильды, Тасык, Ечкиульмес, Джамантоган, Чонак с окрестностями, Буралы и Биикчокы с предместьями, Аиртау, Аккума, Тагылы; а летние по речкам: Нуре, Сарысу, Байгара, Ушчокы, отколь обратно до зимовок.

14. *Дюсенбай-Чекчековская*[14].

Зимовые места находятся в урочищах: Бокты, Чингынкан, Кыстаукент, Караагач, Сарыкулджа, Каракуус, Тунгатар, Конуспай, Конургулджа, Кулболды, Кайракты, Джосалы, Актас, Аюлы, Бельагач, Джаур, Косагач, Наршоккен, Кушак, Кызылтас, Караджал, Сарыджал, Акбастау, Керегетас, Токпан, Босага, Карамурза, Биймурза, Буркутты, Беркkара, Атабай, Адиль, Сенгыртас, Темирчокы, Джалпак, Бесчокы, Кенгир, Таттыбай, Каратас, Бояктау, Бестамак, Кумадыр, Карачилик, Кызылчокы, Мурзатай, Актайлак, Карчигалы, Беркkара, Бесбойдак, Толебике, Торткуль, Карасенгир, Ащиузек, Сарыбулак, Карачокы, Кошкар, Акчий, Актюлки, Джилантау, Уйтан-Койтас, Шабак, Бестерек, Бесбатыр, Кызылджал, Керегетас, Босага, Чульадыр, Бесчокы, Акджал, Аирлы, Джангызтюбе, Ескене, Койлубай, Акчий, а летние кочевки по сим же урочищам.

15. *Караул-Камбаровская* [15].

Зимовые места на урочищах: Сарыкаска, Майкан, Арчалы,
Ор-Шуркан, Койтас, Аккозылы, Усман, Карачилик, Сарчакы,
Ушкаин, Кошкар, Коктас, Тюйемойнак, Кызыладыр, Бесчокы,
Чимдыкара, Карагай, Джаба, Буркенды, Бердыхожа, Сарыбуюн,
Айгырджал, Кумадыр, Куттубай, Кокчетау, Бестомар, Учкара, Со-
релы, Тюлькули, Чульадыр, Коянды, Куусак, Кумадыр, Толеби-
ке, Торткуль, Одобан, Карачокы, Болекадыр, Джаланаш, Кара-
агач, Аюлы, Борылы, Акмола, Джантай, Шуркащи, Каражал,
Угузбасы, Тонг, Окрче, Кадыр, Ушкора, Есенбулак, Коке, Отеп,
Джуртчокы, Калмактас, Аюлы, Абралы, Коянадыр, Ушкара, Атан,
Шокубай, Топаш, Олькесу, Сарымбет, Турчокы, Кошек, Мурза-
9 об. бай, Кельдаман, Сарыадыр, || Тюндюк, Бердыбай, Аркалык, Нын-
10 ныс, Карашатау, Майадыр, Кызылащи, Чокпартас, Котуртас, То-
маращи, Аркалык-Шиян, Арисаз, Учькызылсай, Караша, Актюбе,
Торткулан, Мула, Байконур, Джангызкаин, Байхожа, Токхожа,
Аиртас, Алчинбай, Булегенадыр, Джомарт, Майкы, Аккоян, Са-
рыкулькия, Тогай, Аксыир, Джаманбай, Аристанбай, Хатынадыр,
Майкаин и Караагач; места сии примерно находятся от Каркара-
лов от 45 до 150 верст, а летние по урочищам: Корпетай, Нуртай
и Кызылтау и речке Токраун, а оттоль обратно.

16. *Мамбетей-Тобуктинская* [16].

Зимовые места находятся в урочищах: Самай, Кончак, Сункар,
Нурбике, Кульадыр, Кызыладыр, Токмак, Атымтай, Карасенгир,
Шуректынбеиты, Кентарау, Чагыр, по Чагану, Капак, Сарыузен,
Тулкычиккан, Саргалдак, Макымола, Майкудук, Корак, Алтыапан,
Кызылчокы, Адыр-Чинграу, Чаты, Каумен, Коксерек, Кунгей, Ка-
раулие, Карачокы, около Матака, вершины Сарыбулак, Чокубал-
га, Балвантас, Атанчокы, Учтаган, Байтемирдынчаты, Тнейакку-
дук, Кедейдын-джаны, Сырыккудук, Койтас, Матекчий, Тогалак,
Карабатыр, Сарыадыр, Сарыбулак, Ащису, Керегетас, Джанадыр,
Сарыджал, Машан, Каракойтас, Найзаказан, Узек, Утептас, Чин-
гиль, Джарылгамыс, Тасбаскан, Джосалы, Карамула, Джанак,
Обалы, Когалы, Кучуктынсоры, Учтаган, Кошкарбайдын-Караага-
шы, Карабастын-Сарыдаласы, Буйрат, Коянчий, Байзак, Анчагы,
Саржал, Ерменсай, Джатык, Тентексай, Мынбенын-бийгы, Бас-
Кызылджар, Джарыкчий, Кунтабар *[1], Култай-мечеть, речке Най-
закара с окрестностями, Сюттыкудук, Кучуксай, Матакнын-Анга-
лы, Куттумбетаягы, Атайдынузек, Бергызсу, Берсугурдын-Акчо-
кысы, Тлеубердынын-Карасу, Моуке *[2], Елаганды, Буйраткыстау
с площадями, Коскую, Крыккудук, Сеиткул, Баймауктын-Джал-
пакасуы, Тастабак, Джанбике, Мынкатынын-кули, Шунгылесие,
Сактынкудук, Джанкойтас, Боткокенадыр, Шетки-Учтаган, Ка-
ракатсу (около речки Чаганки), Токабай, Ылдый-буйрат, Токабай-
10 об. дын-Ушсуы, || Бакалы, Адильше, Кунан-Коктау, Джапар, Сын-
11 тас, Карчигалы, Бельгибайдын-кыстауы, Карабужур, Тюмень-Ак-

*[1] Возможно, *Конгтабар*.
*[2] Возможно, *Мауке*.

биик, Джанбасбулак, Бургулкыстау, Мурзачокы, Суукджал, Баимбет-Караагашы, речке Чаганке, Ушбасши, Майкапчагай, Крыкочак, Шорчокчан, Бестамак, вершинах речки Чаганки, Каракуус, Кебектын-бийгы, Есхожанын-буйраты, Бугулы, Караунгур, Чакпактас, Тойузен и Конурузен; а летние: от гор Чингиса назад, Бестасу, Учбаксу, Чакпактас, Таскызыл до Кокастау, Кумадыра, Джелтаса, Темирчи, Майкатпана, Сорелы, Чубарайгыр, Джаур и Кокчетау.

17. *Джузбенбет-Тобуктинская* [17].

Зимовые места на урочищах: Кенгырбайдын-талсуы, Уйген, Майчокы, Кенгасу, Алмабет, Беккарасу, Арчалы, Кызылкудук, Акчокы, Чакпактас, Бетадыр, Кадырдын-джалы, Атайдын-кызылкиясы, Кучугенынг-карагы, Карамурзанын-Карабужуры, Тулек, Тлеубердынын-Тулек, Коскудук, Карабас, Пушукеспе, Тобеагаш, Шандаккуль, Мамытсай, Джаулубайсай, Умурзак, Лепес, Бестамак, Барлыбай, Машат, Суукджал, по речке Чаганке, Джаланаш, Бассай, Сарыадыр, Ураздын-Карашы, Бекбулатсай, Ащикудук, Карачокы, Джувантюбе, Ащису, Чолакузен, Карааулие, Баурадыр, Джаманасу, Машанасу, Кутасу, Актастыузен, Карачокы, Байжол, Еспе, Тюбеккия, Карабужур-Канксе, Сор, Улькенкия, Кадырдынг-Кызылчокысы, Джастайсай, Крыккудук, Кунтабар, Чинграу, Ортакчий, Кызылкия, Джактын-Койтасы, Кыдыр, Могаласу, Кандыузек, Садыркудук, Буйрекчий, Каракудук, Тобеагаш, Коргантас, Кунан-Джартас, Карнак, Уленсай, Нан, Шийлыеспе, Белсу, Алтыапан, Дюсеке, Канай, Туребай с окрестностями, Акузен, Шыбынтайузек, Джанбота, Сарынынбасы, Бутасатканадыр, Кокдубайбик, Кешубай, Сагындык, Айтейузек с предместьями, Аккыс, Батпаннын-Торасуы, Джамасынын-Куньгейчар, Нурбайасу, Барак-кыстау, Коксерке, Каратас, Сынтас, Джанкутты, Дуинкара и Котантас. Места эти от места расположения приказа
11 об. на||ходятся от 350 до 450 верст; а летние — от гор Чингис на за-
12 пад через Акбастау, Ушбас, Чакпактас, Таскызыл до Кокчетау и по урочищам: Кумадыр, Джылтык, Темирчи, Мапкапчагай, Сорелы, Чубарайгыр, Джаур и Кокчетау.

10 ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЗАПИСКИ МЕГДИ РАФАИЛОВА *[1]

В 1813 г. Мегди Рафаилов [1] выступил из Семипалатинска при большом караване с товарами на 160 т. рублей. Караван находился под прикрытием казачьего отряда из 70 человек под командой сотника Старкова [2]. Караван следовал через Семиреченский край и озеро Иссык-Куль на Турфан и прибыл на место обыкновенным [путем] с нужными остановками благополучно через 54 дня. От Или до Турфана караван шел 21 день.

Город Турфан не велик, жители его мусульмане, китайский гарнизон состоит из 700 человек. В Турфане берут пошлину с 30 штук — одну. Г. Рафаилов настойчивостью убедил мандаринов, что он едет в Кашгар и там заплатит пошлину за свой товар.

Пробыв 11 дней, караван отправился на Аксу и, пройдя по р о в н о й и лесистой местности, изобильной водой и кормами, через 13 дней прибыл в Аксу. Рафаилов примерно полагает расстояние между Турфаном и Аксу — 120 верст. Между этими городами лежат три медных завода, которые, по уверению аксуйского пристава, приносят каждый годового дохода на 500 ямб серебра (56 пуд. и 10 ф.).

В Аксу Рафаилов пробыл 27 дней и, продавши на серебро с большими выгодами часть своих товаров, выехал с шестью работниками в Кашгар и достигнул его в 11 дней. Путь его на этот раз лежал по т р а к т о в о й китайской дороге. Рафаилов замечает, что по этой дороге нет никаких жителей, кроме долонов — ямщиков на станциях, и, только не доезжая 3 дней до Кашгара, начинаются деревни; вообще окрестности города кажутся очень населенными. В Кашгаре по встретившимся обстоятельствам Рафаилов не мог распродать свой товар на серебро и нашелся вынужденным сделать промен на товар же. Чтобы вымененный товар отправить на Нижегородскую ярмарку, он прожил в Кашгаре 13 месяцев, ожидая своего приказчика с линии, который должен был с товарами также прибыть в этот город.

---

*[1] Заголовок дан в сокращенном виде, полностью такой: Извлечение из записки кабульского жителя Мегди Рафаилова, отправленного по поручению корпусного командира генерал-лейтенанта Григория Ивановича Глазенапа в Тибет.

Товары, привезенные приказчиком, были столь выгодны, что Рафаилов имел большую коммерческую выгоду и очень скоро раз-
10 об. менял их на серебро. Таким образом, устроив свои дела, он || отправился в Яркенд через город Янгигисар (в 90 верстах от Кашгара) по ровной лесистой местности и через 5 дней прибыл в Яркенд. Длительность расстояния между Яркендом и Кашгаром не более 250 верст. В Яркенде они прожили два месяца, и, запасшись двойным числом лошадей и провизией, направились прямо на Большой Тибет. Дорога следовала по необитаемой, безлесной и бестравной пустыне, перерезанной горами, и до деревни Нубра он не встретил ни одного жилья.

Нубра стоит на реке Шайок, и до Тибета от нее 3 дня езды. Весь путь Рафаилов совершил [в] 24 дня.

По прибытии в Тибет он на другой день явился к визирю, который в тот же день представил его владельцу своему Агбар-Махмуд-хану [3] и [Рафаилов] представил ему письмо Глазенапа. Хан очень милостиво принял его, дозволил беспошлинно торговать, обещал покровительство русской торговле. После ухода от имени хана ему принесли разные кушанья и столовые припасы.

В Тибете случаем Рафаилов купил кашмирские шали, предназначенные к вывозу в Россию. [Ему пришлось] заменить хозяина, долженствовавшего остаться, и через это поездка в Кашмир сделалась ему ненужной.

В Тибете он прожил 34 [дня]. При обратном направлении его хан дал ему аудиенцию, вручил ему письмо на имя корпусного командира и в чрезвычайно милостивых словах объснил, что намерен послать своего посланца и выразил большое желание вступить в сношения с Россией, и обещал уменьшить пошлину.

Из Тибета Рафаилов вернулся через Кульджу и через 8 месяцев приехал в Семипалатинск. Г. Рафаилов предлагает для усиления и утверждения торговли с Индией и Тибетом открыть новый путь через Аксу или [Уш—] Турфан, чтобы избегнуть Кульджи, где представлено право торговли одним киргизским султанам, и подчинить непосредственному влиянию дикокаменных киргиз, которые могут быть опасны своими грабежами.

Вследствие ходатайства Глазенапа Рафаилов был пожалован в [звание] коммерции советника (см. письмо графа Нессельроде [4] от 28 февраля 1817 года).

МОГИЛА ДЖУБАН-АНА [1]

[Могила], почитаемая кайсаками за гробницу святого (аулие), находится на правом берегу речки Сары-Су, в 57 верстах от известного в этой части степи урочища Караагач [2] и в 100 верстах от укрепления Актавского [3], на довольно значительной возвышенности каменисто-глинистого грунта, упирающейся мысом в реку Сары-Су.

Она имеет вид четырехугольника с десятисторонним пирамидальным верхом и сложена из жженого кирпича. Высота ее десять с половиной аршин, длина стен одинакова — восемь с половиной аршин во внутренности.

На ней много «джалау»*[1], что доказательством святости ее служит. Всякий проезжающий из кайсаков через это место в богобоязненном страхе и религиозных чувствах совершает обряд, который сопровождается чтением молитв; разумеется, этим [хотят] угодить праведнику и получить через то милость Магомета.

Могила Айбулат *[2] находится в юго-восточной части песков Дабысун-Кум, на реке Сары-Су, при впадении Кара-Кемера, в 100 верстах от Караджара. Высота ее девять с половиной, длина (ширина) стенки восемь аршин.

---

*[1] *Джалау (каз.)*— флаг, флажок.
*[2] Точнее: *Айтбулат* [4].

План и рисунок мавзолея Жубана-ана и Айтбулата. *Перо. 1862 г.*
Рис. Ч. Валиханова.

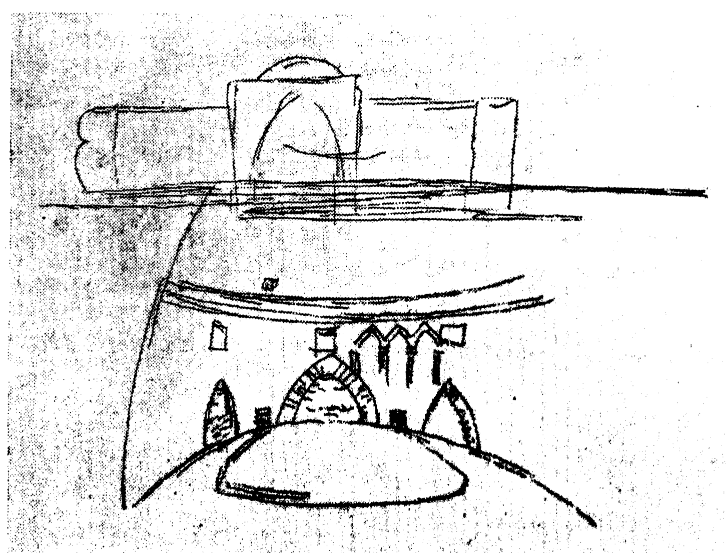
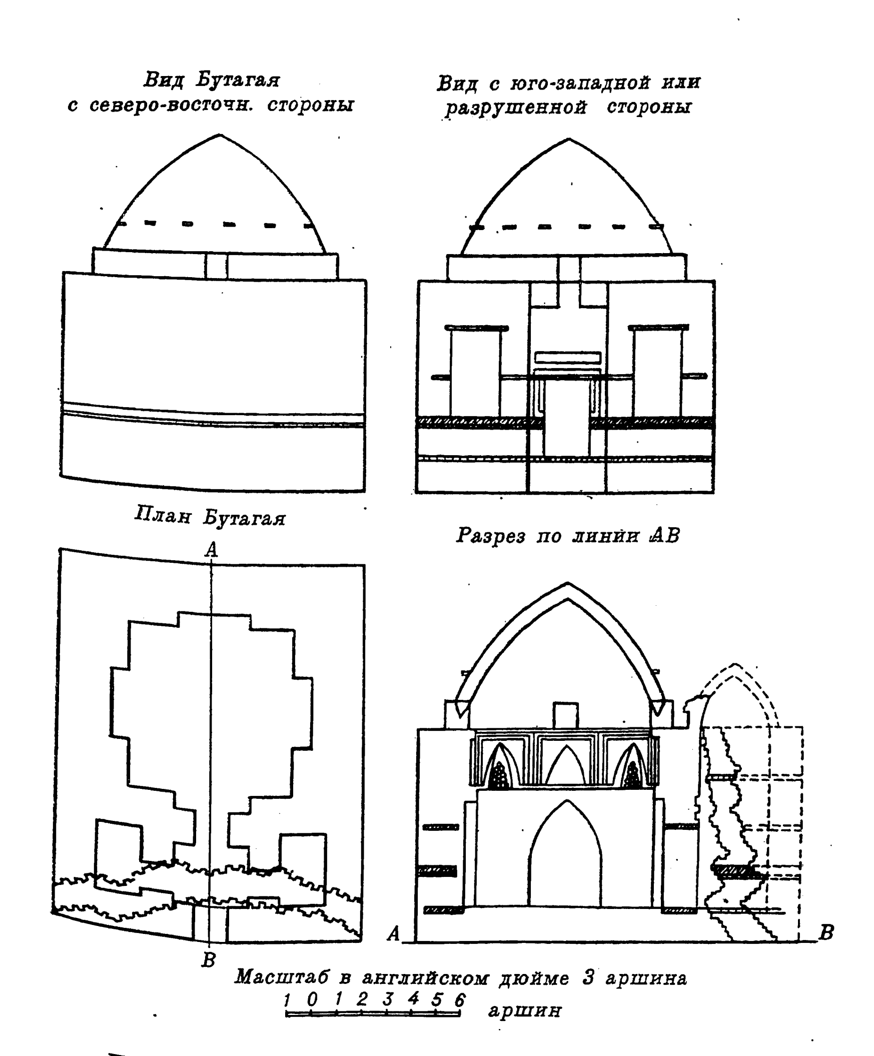


Рисунок и часть интерьера мавзолея Айтбулата на реке Сарысу (XIII в.). *Карандаш и тушь. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова.*



План и виды мавзолея Бутагай на реке Нура (XII—XIV вв).
Тушь. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова.

6—2125

НИЗАМ-УТ-ТАВАРИХ — СОЧИНЕНИЕ КАЗИ БЕЙЗАВИ

9 ‖ *1 نظام التواريخ از تصنفات قاضی بیضاوی.

От Адама до 694 г. геджры, до царствования Аргун-хана, внука Чингис-хана, который первый принял ислам.

Автор [этой книги] (مؤلف این کتاب) مولانا سعید قاضی القضات العلوم ناصر الملة و الدین ابو الحسن علی بیضاوی *2.

Книга разделена на 4 главы (قسم) Первая глава о пророках до Магомета и о мудрецах *3 از احوال حکماء عظام; вторая — о персидских династиях *4 طبقه пешдадов, каянов, асканов и сасанидов; третья — о Магомете и о халифах омейядах خلفاء بنی امیه, аббасидах, بنی عباس; глава четвертая قسم چهارم در اخبار سلاطین وملوك کرام که در عهد آل عباس *5, 1) о сафаридах, 2) о саманидах, 3) о газневидах, 4) о дилемидах (буиды), 5) о сельджукидах, 6) о сункаридах سنقریان, 7) о ассасинах (Assasine) *6 ملوك قهستانی, 8) о хорезмшахах خوارزمیان и 9) о монголах مغول.

---

*1 «Низам-ут-таварих»—«История в последовательном изложении» из сочинений кази Бейзави.

*2 Маулана Са'ид, верховный судья знаний, защитник народа и веры Абуль-хасан Али аль-Бейзави.

*3 Из бытия великих мудрецов.

*4 Сословие.

*5 Известия о достойных султанах и царях эпохи династии аббасидов.

*6 О царях кухистанских.

НУЖНО ОСМОТРЕТЬ

31 || 1. От Аксу к Карасуйскому пикету (могилу *Урдабай*), на дороге [встречается] древняя могила с истуканом.

2. Около Илийского пикета, вниз верст с 30 — *Тамгалы-Яр*. (Надпись снята) *[1]. Видел *[2].

3. Водопровод на Ченгельдинском пикете *[3].

4. От Копала на Старо-Каратальском пикете в горах пещеру (в ней вырыли два медальона с изображением ламаистских богов).

5. В верховьях Талгара развалины кургана (городка) *[3].

В долине Чилика (горная долина, откуда течет Чилик, есть *развалина крепости* — говорят, что тут были китайские калмыки, разграбленные Аблаем) *[3].

7. Снять и осмотреть могилу *Козу-Корпечь*.

---

*[1] Фраза зачеркнута другими чернилами.
*[2] Слово написано другими чернилами.
*[3] Фраза зачеркнута другими чернилами.

[О ТУРКМЕНАХ]

12 ||Между туркоманами (туркменами)[1] есть целое поколение ходжей, которые кочуют от Тюп-Карагана[2] до Александрбая[3]; русские рыбопромышленники называют их «поповичами». Это отд[еление] уважается киргизами. Впрочем в царс[твование] Алек[сандра] Павл[овича] т[уркмены] просили русское прав[ительство] о торговых сношениях и получили грамоту 1813 года. Часть из поколения абдал, бурунчук переселилась в Астрах[анскую] губ[ернию]. Управляются шестью старш[инами] и счит[аются] гостями.

На Мангышлаке много могильных памятников с надпися[ми] и изображен[иями]: сабли, ружья, пики, пистолеты. На одном [изображении — всадник], преследующий юлбарса, и две собаки. Изголовьями [они] обращены на северо-запад (SO на NW). Есть развалины крепостей, принадлежавших туркменам. (Разв[алины] на урочище Ханга-Баба взяты киргизами *1. Около Алек[сандр]бая недалеко от колодцев Кумчинрау есть два подземелья, высеченные в скале.

Туркменские кибитки отличаются опрятностью в высшей степени, внутренность обвешана коврами; мясо, которое вешают в юрте, обвернуто в чистое полотно.

12 об. || От горы Пушти-Кемера (4 фарсана *2 ниже истоков Гургана) вплоть до Каспийского моря идет параллельно реке (на правом берегу) стена Кизил-Алан. Построение ее предание относит Александру Зюлькарнайну *3, а поправку — Нушервану *4. Она имеет вид ряда холмов неравной величины — от 8 до 10 футов, иногда почти сглаживается. Основание [ее] из обожженных кирпичей, оно обросло травой и покрылось дерном. Эрбело[4] думал, что она со[е]д[инена] с Китайской стеной, но это вздор.

Гокланы[5] и ямуды[6] аул называют «оба» и состоят под управлением اق سقال *5 из местных тюре; отдел[ения] составляют род.

---

*1 То есть *казахами.*

*2 *Фарсанг, фарсах* — мера длины около 6 км.

*3 То есть *Александру Македонскому.*

*4 Персидский шах (VII в.).

*5 *Аксакал* — старшина.

Туркмены, кроме скотоводства, занимаются земледелием. Гокланы, хотя и живут в юртах, исключительно хлебопашцы. Некоторые поколения кой и боиндеры (из гокланов) разводят шелкового червя. Все туркменские жены делают довольно искусно ковры, войлоки, попоны и тонкую армячину. Гокланы делают грубые шелковые и бумажные материи.

Склонны к торговле, особ[енно] ямуды. [Род] джафарбай производит широкую торговлю нефтью и солью.

Гокланы и ямуды подчиняются персидскому шаху, и первые служат защитой пределов от теке [7] и ямудов. Гокланы вооружены
13 лучше других и считаются храбрыми воинами. || Ямуды не были обложены постоянной данью, но дают шаху в новый год известное число лошадей. Астр[абадские] пр[а]в[ители], когда чуствуют себя в силе дают персидскому правительству до 6 тысяч томанов [*6], берут с каждого шатра по 2 и 3 сахабкирана (2 и 3 руб.)

Ямуды по роду жизни и кочевкам разделяются на *чамуров* [*7] (занимающихся земледелием, ведущих более оседлую жизнь и имеющих более постоянные сношения с Персией) и на *чорвов* [*8] — преимущественно кочевников. Первые кочуют по обоим берег[ам] Гургана до Карасу, вторые — по Атреку и менее под[чинены] влиянию астрабадских властей. Обедневший чорв делается чамуром, а сколотив деньжонку, делается опять чорвом.

Туркмены жадны к деньгам и мстительны. Оружие привилегированное — копье и сабля. Ружей не любят. На зиму хлеб свой сохраняют, зарывая в землю.

Туркмены, подобно раджпутам, очень гордятся чистотой крови. Гокланы, ямуды и теке не вступают во взаимные браки и паче [не выдают дочерей] за иноплеменных. Б. Боде передает трагический пример этого point d'honneur [*9]. Один правитель астраб[адский] влюбился в ямудку и, несмотря на неуд[овольствие] т[уркмен], женился. Начались неприязни. Через год, когда молодая решилась посетить род[ительский] кров, т[уркмены], схватив ее, изрубили в куски, вытащив на холм, и откочевали в Хиву.

Туркмены чистой крови называются почетным им[енем] ик [8] (а metis'ы же), происшедшие от пленных киргизок, персиянок и узбечек, пользуются издревле именем рабов — гул [*10] گول.

13 об. || Ходжи у них пользуются больш[им] уважением (ата, шейх, махтум). Вся внутренняя торговля в их руках, и [они] тоже служат посредниками враждующих поколений. Они лучшие проводники, потому что неприкосновенны. Один из них, пользуясь ув[а]ж[ением] народа, выдал себя за боговдохновенного и водил своих прив[е]рж[енцев] на Астр[а]б[ад].

[*6] Точнее: *туман* — персидская золотая монета.
[*7] То есть *чомур (турк.)* — земледелец.
[*8] То есть *чарва (турк.)* — скотовод.
[*9] Вопрос чести *(фр.)*.
[*10] Вернее: قل, قول. *(араб.)*.

Турк[мены] женят детей очень рано: мальчиков 14 и 15, девочек 10 и 12 [лет]. После брачного обряда три дня ж[еных] и не в[еста] бывают вместе, потом невеста на три года возвращается к родит[елям] и готовит приданое: украшение юрты и одежду. После этого срока год живут в юрте отца, а потом уже могут отделиться, и при этом еще шесть месяцев отец печется о продов[ольствии] их.

ПОКАЗАНИЯ МУХАММЕД-ЯКУБА ДЖАНКУЛОВА

10 || В 1847 г. Мухаммед-Якуб ездил в Кульджу по поручению князя Горчакова, вследствие слухов о приходе в Кашгар каравана с в о л о с а м и для собрания сведений о бывшем в 1846 году голоде в Кашгаре. За исполнение этого поручения он, Джанкулов, получил серебряную медаль и почетный халат. В 1855 году ездил Джанкулов в города Восточного Туркестана: Кашгар, Аксу, Уш и вернулся обратно из Аксу в Кашгар, и [затем пришел] в Кокан. В Кокане был ханом в это время Худояр, минбашей — Касим, михтаром — Каримкул.

В Кашгаре был в это время правителем Махмет-Таджи تاجی بك, сын Исак-Вана, поймавшего Джангир-ходжу. Фамилия эта происходит из Кона-Турпана [1], жил 3 месяца в сарае зекетхана *[1]; квартиру имел на Анджанской улице. Аксакалом был Намат-хан.

Якуб был хорошо принят амбанем, которого знали в Или [как] уважаемого туземными властями. Кроме того, [он] имел рекомендательные письма от кокандского хазрета *[2] и от михтара Каримкула. Из Кашгара в Аксу Мухаммед-Якуб летел 11 дней верхом без каравана. На пути [было] 18 станций (уртян), дорога ровная при мягком глее, покрытая глауберовой солью, и [идет] по левому берегу реки Эргол [2]. Налево вдали видны горы (80—90 верст полагают).

10 об. || На дороге по обеим сторонам Эргола растет ива, Tamarix, Acacia, дженгель, актыкян, боярка, джигда. В лесах много тигров. Из Кашгара по реке Файзабад, до впадения его в Эргол, на третьей станции переходят на правый берег, и [надо ехать еще] пять до Маралбаши, т. е. до девятой станции.

Маралбаши — местное урочное название, болотистое место, покрытое камышом; летом много мошек. Здесь живет особое уйгурское поколение долан. С седьмой станции, Чадыркуля, тянутся [селения] доланов до самого Аксу. Главный город доланов Байчук [3], [рядом расположена] китайская крепость с гарнизоном в 3 человека. С Байчука дорога оставляет течение Эргола и, поворачивая исподволь, идет налево.

Аксу [стоит] на реке Аксу, впадающей в Эргол.

---

*[1] *Зекетхана* — место приема пошлин.

*[2] Глава духовенства в Кокандском ханстве.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ, БЫВШИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА, И ИХ РЕЛЯЦИИ

26 || Плано Карпини (Jean du Plan Carpin, Cordelier) был послан папой Иннокентием IV [1] к монгольским ханам для обращения их в христианство в 1246 г. Путешествие его продолжалось 16 месяцев: с 16 февраля 1246 г. до дня святого Иоанна [2]. Он ехал через Силезию, Польшу на Киев. Первая татарская деревня была Canue [3]. Перешел Днепр, Дон, Волгу, где были стойбища Bathy и Jaek. Страна между этих рек называется Команскою [4]. Море, в которое впадают эти реки «cette mer est la grande, d'où sort le bras de saint George, qu'est vers Constantinople *[1]».

В день Пасхи выехал Карпини от Батыя к Куюку [5] (Cuynè), ехал через Команскую, потом Кангитскую [6] степи (Comanie et pays de Cangites). Жители последней похожи на команов и живут в палатках. Tous les habitants étaient paysans et eux non plus que les Comans, ne s'addonnent aux labourages des terres, mais vivent des leurs bestiaux seulemenet. Ils n'ont point des maisons bâsties, mais ils n'habitent que sous des tentes *[2].

Из Кангита он пришел в землю Bisermins [7], в которой говорят по-комански, но исповедуют веру сарацинскую. Здесь он нашел много городов и замков, разрушенных татарами. Карпини говорит, что владетель этой страны называется Altisoldan [8] (т. е. великий султан) и что он избит со всей своей фамилией монголами.

26 об. || В этой стране чрезвычайно высокие горы. На юг от нее лежат Иерусалим и Багдад (Baldach) и вся Сарацина. Недалеко от них на границах живут два принца Buri et Cadan, дети Thiaday'a [9]. На севере есть страна Carakattay и океан и орда Siban'a [10] брата Батыева. В этой стране ехали с Вознесения до Иванова дня [11] (l'Octave de St. Jean), потом вступили в Nigra Cathaya [12], где император построил дворец. Выехав оттуда, он увидел ма-

---

*[1] Это большое море, откуда выходит пролив святого Георгия, который вблизи Константинополя. *(Перевод В. Н. Настича)*.

*[2] Все жители были крестьянами, и они так же, как и команы, не увлекаются обработкой земли, а живут единственно за счет своего скота. У них совсем нет построенных домов, живут же они только в шатрах. *(Перевод В. Н. Настича)*.

ленькое море, или большое озеро [13], покрытое немалым числом островов с маленькой горой на берегу, в которой, говорят, есть некоторое отверстие, из которого зимой выходят такие бури и ветры, что бывает опасно там ездить, и даже летом слышен ужасный шум, но, он, к счастью, не внемен [*3]. Далее шли много дней по длине этого моря, и наконец, оставили его на правой руке. В этой стране жил Орду [14], один старый турецкий полководец и князь, который имел свой дворец (Court ou horde). В день Петра и Павла [15] они достигли страны Naymans, [жители] которой суть язычники payens. Страна эта гористая и холодная. 29 июня, когда Карпини проходил по ней, пал большой снег. Проехав еще три недели по стране Mongoles, 22 августа в день святой Магдалины путешественник достиг орды Великого хана [*4].

Портрет неизвестного.
Перо. 1860 г.
Рис. Ч. Валиханова.

Доминиканец Асцелин (Ascelin) был послан Иннокентием IV к татарскому князю Baiothnoy [*5] в Персию в 1251 г. и возвратился в 1257 г. Он доехал до Хорезма. Его со-
27 провождали || монахи Симон, Александр и Альберт. Реляция путешествия Плано Карпини, писанная им самим, и сведения, сообщенные устно братом Симоном, напечатаны Vincent'ом de Beauvais [16] [в] 1494 [году] в Венеции под названием «Speculum historialen» и англичанином Ричардом Hakluyt в его «Navigation» и потом в 1734 г. Питером Bergeron'ом в Париже. Кроме того, смотри: Fragmentum de rebus orientalibus Helmst. 1585 года — замечательное издание Карпини с любопытными примечаниями d'Avezac'a в Recueil de voyages [et de Mémoires...], изданное Географическим обществом. На русском языке: «Собрание путешествий к татарам в XIII—XIV веках» Языкова [17].

[В] 1248 [году] вслед за Карпини был послан Иннокентием [IV] последний посол к татарам — якобинский монах француз André de Lonciumel или Luncimel. О нем упоминает часто Рубруквис. Известие о его посылке находим у Vincent'a de Beauvais и у Nangis, но реляций они не оставили. Возвратились они в 1249 или 50 [году].

Rubruquis, или Ruisbrock, или Rubruk, француз, был послан Людовиком IX к Сартаку [18]. Рубрук [выехал] 7 мая 1253 [года] из Константинополя в сопровождении Barthоlomée de Cré тоже через Крым на Волгу, где нашел Сартака <и говорит, что Волга Etilia — река самая большая из виденных им, течет с севера из Великой

---

*3 Bergeron, p. 408. *(Примечание Ч. Валиханова)*. Здесь *не внемен* в смысле: *не опасен*.

*4 То есть города Каракорум, резиденции монгольских ханов в долине р. Орхон.

*5 То есть *Байджу*.

Булгарии на юг и впадает в одно большое озеро или море, которое имеет окружность более трех месяцев пути, и что Tane (Дон) впадает в Pontus Meotides [Азовское море]>. Р. замечает, что Каспий, Mer Caspie, или Gircan, со всех сторон окружен землей и совсем не залив (стр. 76, Chap. 20).

27 об. || Через 12 дней с реки Волги он пришел к Яику Jagag (а от Сартака они выехали 14 августа) и шли на восток по открытой

Рисунки членов неизвестной семьи. *Перо. 1860 г. Рис. Ч. Валиханова.*

безлесной степи; 31 октября повернули на юг и видели много куланов (Colan), далее на юге показались большие горы и жилища, орошенные водою, как сад, и земли, хорошо обработанные.

2 ноября пришел к Kenkat[19], населенный сарацинами.

28 || Реляции этого путешествия изданы: половина англичанином Hakluyt, потом полный перевод на английском языке и целый латинский текст с манускрипта, хранящегося в библиотеке Кембриджского университета,— Purchas в «Navigations».

Бержерон издал французский перевод с латинского текста королевской библиотеки в своем «Voyages etc». Кроме того, в

Recueil de voyages, т. IV есть латинский текст d'Avezac'a Itinerar. Willelmin de Rubruk *[6].

Гетум, или Hayton, армянский царь, был в одно время с Рубруквисом у Менгу. Путешествие это описано в 1307 году потомком его Гайтоном, который жил долго на острове Кипре, на французском языке, которое [т. е. описание] в 1316 г. по приказанию папы Клеменца было переведено на латынь под названием Historia orientalis, а после этого сделан был [в] 1351 г. опять французский перевод монахом Frére Jean le Long d'Ipre, напечатанный в 1528 г. Это сочинение содержит еще путешествие венецианца Одерика ди Порденон (1317) Bouldeselle'a. История Гайтона: Historia orientalis ed. Helmst. 1585. Ramusius, Navigation, II. volume. У Ранкуза в сборник, кроме Гайтона, вошел и Oderic.

29 || Источники для истории Мавераннагра под владычеством монголов, кроме известных:

Тарих-и Рашиди. Об этом сочинении, об авторе его смотри: Notices des manuscrits, t. XIV, p. 488, 489 et aussi p. 486 et 512; M. Elliot, op. sup. laudat., p. 7.

Тарих-и Арбаат-улус — сочинение Улугбека, открыто в Константинополе Шефером (Schefer). Об этом см. Journal asiatique, janvier, 1851, p. 104; ibidem, numeros de novembre — décembre.

Тарих-и Ташкенди [о нем] в Journal asiatique, janvier, 1852 p. 59; ibidem, février — mars, 1852, p. 216 et numéros octobre — novembre, p. 317.

[Здесь] помещен текст о монгольских ханах Мавераннагра из хондемировой «Хабиб-ессиер» в переводе Defrémery.

---

*[6] *D'Avezac.* Relation des Mongols ou Tartares par le frére Lean du Plan de Carpin, de l'ordre des Fréres Mineurs. Legat du Saint-Siége Apostolique, Nonce en Tartarie, pendant les années 1245, 1246 et 1247. Paris, 1839 (Recueil de voyages et de Mémoires publié par la société de Cèographie, v. IV, p. 2).

47 || ПУТИ СООБЩЕНИЯ

От [Семипалатинска] через Верное [до центров Средней Азии] 80—85 дней, можно иметь проводников по 3 и $3^{1}/_{2}$ золотых за верблюда, а русские подводы на телегах — по 30 коп. за пуд. Через Иткечу. и Авлие-Ата. Кратчайший [путь] через Голодную степь и через Чулак-Курган 35—40 дней.

Из Ташкента до Коканда 24 таша *[1], от Коканда до Маргелана — 9 пар[сахов], от Маргелана до Оша — 14, всего от Коканда до Оша 24 таша. Из Ташкента в Коканд — две дороги. Одна через Уч (Уг?), 12 и 15 дней. Дорога гладкая, один только небольшой перевал на верблюдах и телегах по населенной местности, второй — через горы Кендер, больше на лошадях, проходят и верблюды, но тяжело. Один перевал, но чрезвычайно трудный, 10—15 дней, верблюды [проходят] в 6 и 7 дней. Цена за подводу на лошадь 12—14 тенга — 2 р. 40 к. — 2 р. 80 коп. Верблюды дороже — 3 р. — 3 р. 40 коп. Телеги не проходят. Через Сыр переправа на плоскодонных судах вплавь. За вьюк лошади и верблюда [берут] 1 т[енга] — 20 коп. серебром. Из Ташкента в Наманган на верблюдах и лошадях — 14 и 15 дней. Дорога эта отделяется от второй, Кокандской, после перехода через Кендыр-Даван. Из Коканда на Ош цена вьюка лошади 2 т[енга]. В прошлом году по суровости зимы — 5 т. На телегах и лошадях между Ошем и Маргеланом есть мелкие перевалы. Из Коканда до Оша — 3 дня. Из Оша в Кашгар [брали] за лошадь 2 и $2^{1}/_{2}$ золотых, переход через Терек-Даван — путь в 14—18 дней. Из Кашгара в Аксу — за верблюда 1 золотой.

Из Яркенда до Тибета: 3 дня до границ Яркенда, месяц до Тибета (Лех, или Ладак) и 12 дней до Индии.

Из Наманагана в Авлие-Ата [путь] открыт только три месяца — в конце июня, июль, август на лошадях и верблюдах; горы и переходы трудны — Карабура, Чаткал и Касиды. На своих лошадях.

---

*[1] *Таш* — среднеазиатская мера длины, равная 7—8 км.

[РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО КАЗАХСКИХ ХАНОВ И СУЛТАНОВ]

3 || Так, одна линия кайсацких султанов известна под именем султанов красного знамени и происходит, по преданию народа, от одного среднеазиатского выходца, искателя приключений. Родоначальник этой отрасли султанов Ондан *[1], по прозванию Длиннострелый, был из Курамы, что при Ангрене. Однажды на пирушке он, выпивши через меру, [сказал], будто убил одного знатного курамца, Натянув лук стрелой в 12 обхватов, он сел на черного аргамака и ушел от мести и пришел к другу отца своего Алибеку *[2] Агевскому за советом.

— Хороший ты малый,— сказал ему бек,— и жаль мне тебя. Здесь оставаться тебе нельзя. В степях зачуйских есть кочующие племена, которые уважают султанов и ходжей. Ходжой ты не можешь быть, но султаном можешь быть. Ты храбр и стрелок первой руки. Поезжай туда и выдай себя за султана.

Он вышел в Малые ногаи, а оттуда к кайсакам и по храбрости был признан за султана, и был хан предводителем войск. Знаменитый хан Ураз-Мухамед был сыном этого Озсана *[3]. Впрочем, автор [сочинения «Сборник летописей» Жалаири] называет Озсана братом [Тевекель-хана и Ишим-хана].

---

*[1] Полное имя: Узын окты Ондан اوزون اوقتی اوندان (*казах.*)— *Длиннострелый Ондан.*

*[2] *Алибек* — отец известного Толебия.

*[3] *Озсан,* то есть *Ондан.*

Таблица I

[ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ КАЗАХСКИХ ХАНОВ И СУЛТАНОВ]

[Родословное древо казахских ханов и султанов]

شجره. قزاق نینك خانلری وسلطانلری نینك دور

براق خان [БАРАК-ХАН]

جانبیك [ДЖАНЫБЕК]

سوك [СЮК]
بولاكی قویان [БУЛЕКЕЙ-КОЯН]
بطر خان [БАТЫР-ХАН]
آیچواق سلطان [АЙЧУАК-СУЛТАН]
ایرس [ИРЫС]
حاجی سلطان [ХАДЖИ-СУЛТАН]
1730 نچی سنه ده اول روسیه غه تابع بولغان. 1748 نچی سنه ده اولگان.
[illegible]
ابوالخیر خان [АБУЛХАИР-ХАН]

قسم [КАСЫМ]
قامبار [КАМБАР]
بطر [БАТЫР]
طوقتا كوچك [ТОКТА-КУЧУК]
جبای [ДЖАБАЙ]
طورسون [ТУРСУН]

جادك [ДЖАДИК]
شغای خان [ШИГАЙ-ХАН]
اونان سلطان [ОННАН-СУЛТАН]
ایر ایشم خان [ЕР ИШИМ-ХАН]
دایر سلطان [ДАИР-СУЛТАН]

جهانكر [ДЖАНГИР]
خدای منده سلطان [ХУДАЙМЕНДЕ-СУЛТАН] (у Левшина Сырдак)
قاپ خان [КАИП-ХАН]
(لفشن ده سرداق) (у Левшина Сырдак)
جهانكر خان [ДЖАНГИР]
قسراو سلطان [КСРАУ-СУЛТАН]
قایپ خان 1718 یلده بطرغه یازغان [КАИП-ХАН] (в 1718 г. писал Петру)
اورغنج قایپ خان [УРГАНЧ КАИП-ХАН]
بطر خان [БАТЫР-ХАН]
خدای منده سلطان [ХУДАЙМЕНДЕ-СУЛТАН]
جومه جان [ДЖУМАДЖАН]
دین تور سلطان [ДИНТУР-СУЛТАН]
جان توره سلطان [ДЖАНТЮРЕ-СУЛТАН]
احمد سلطان [АХМЕД-СУЛТАН]

طاوكه [ТАУКЕ]
والی سلطان [ВАЛИ-СУЛТАН]
باقی سلطان [БАКИ-СУЛТАН]
ابلای سلطان [АБЛАЙ-СУЛТАН]
ایباق [ИБАК]
والی سلطان [ВАЛИ-СУЛТАН]
سلطان [СУЛТАН]
خان ابلای بطر [ХАН АБЛАЙ-БАТЫР]
اورس سلطان [УРУС-СУЛТАН]
خان خوجه سلطان [ХАНХОДЖА-СУЛТАН]
ایسم [ЕСИМ]
ادل [АДИЛЬ]
چنگکس [ЧИНГИС]
والی خان [ВАЛИ-ХАН]

بولاط سلطان [БОЛАТ-СУЛТАН]
قسم سلطان [КАСЫМ-СУЛТАН]
مراد سلطان [МУРАД-СУЛТАН]
ابوالمحمد خان [АБУЛМАМБЕТ-ХАН]
سمكه سلطان [СЕМЕКЕ-СУЛТАН]
ابوالفیض [АБУЛЬФЕИЗ]
بولاط [БОЛАТ]
طورسون سلطان [ТУРСУН-СУЛТАН]
ایسم خان [ЕСИМ-ХАН]
بوفی [БОПЫ]
خان خوجه سلطان [ХАНХОДЖА-СУЛТАН]
بولان سلطان [БУЛАН-СУЛТАН]
سلطان خدای منده [СУЛТАН-ХУДАЙМЕНДЕ]
سلطان توتكر قولجه [СУЛТАН-КОНУРКУЛДЖА]
بك علی سلطان [БЕГАЛЫ-СУЛТАН]
ایشم خان [ИШИМ-ХАН]

خوجه احمد [ХОДЖА-АХМЕД]
چنگکس
قو[illegible]
ایچواق خان [АЙЧУАК-ХАН]
شیرغازی خان [ШИРГАЗЫ-ХАН]
جهانكر [ДЖАНГИР] 1805-1808
ادیل [АДИЛЬ]
ایرعلی خان [ЕРАЛЫ-ХАН]
نورعلی خان [НУРАЛЫ-ХАН]
بوكه خان [БУКЕ[Й]-ХАН] 1812-1815
جهانكیر [ДЖАНГИР] 1824-1845
پیرعلی خان تورکمن [ПИРАЛЫ-ХАН ТУРКМЕН]

АБЛАЙ-ХАН

Таблица 2

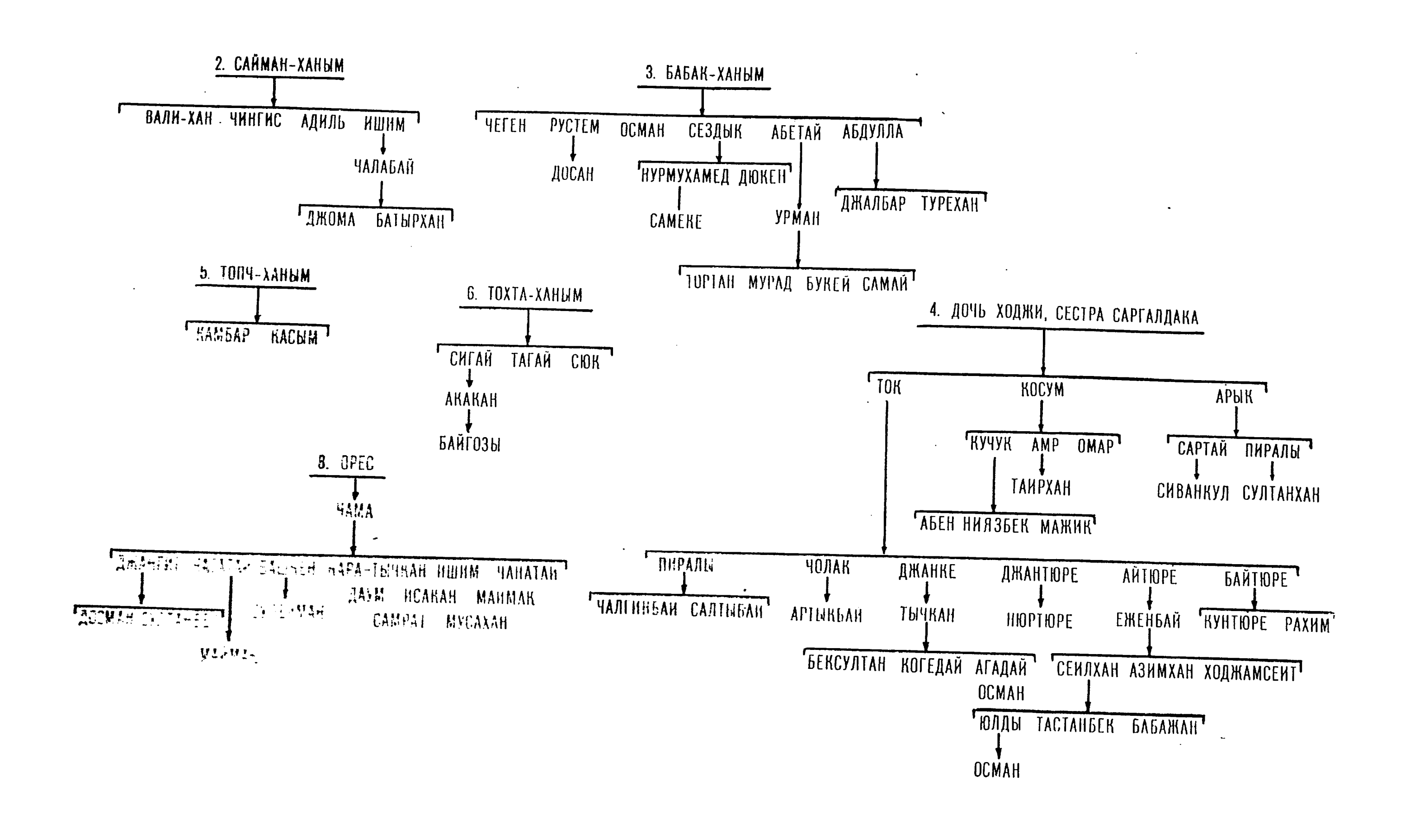
Хан этот имел 12 жен, от которых имел 40 дочерей и 30 сыновей. [*1.*] От первой жены Карачач-ханым, дочери Абулхаира, или Каипа хив[инского], Аблай не имел сыновей, кроме двух дочерей, из которых одна была замужем за Даир-ханом, сыном Бараковым, а другая — за султаном Худаймендой. *2.* — Сайман-ханым — дочь каракалпакского бека Сагендек-Чувакбая, мать хана Валия. *3* — Бабак-ханым — дочь кашгарского бека Кендже-Сарта, выехавшего в Китай. *4* — ... из ходжей, сестра знаменитого святого киргизского Саргалдака. *5* — Топчай, или Тубч *1, — дочь калмыцкого князя Хочу-мергена, родственника Галдан-Черена, который был некоторое время у Аблая в Орде. *6* — Тохта-ханым — дочь тоже калмыцкого нойона. *7* — Татч-ханым *2 — добыча от дикокаменных киргизов; от нее Аблай имел 2 дочерей; одна из них была выдана за сына хана Тауке — Турсуна (см. табл. 1 о Самеке-хане). *8* — Орес-ханым, прозвана Слу *3 (красавица) — добыча от калмыков. *9* — Тулак-ханым. *10* — Саин-Кобен. *11* — Чаган-ханым и *12* — Мунтум. Четыре последние жены Аблая были все калмычки и не имели детей. Девятая находилась в качестве помощницы при Сайман-ханым, десятая — при Карачач-ханым.

---

*1 В казахском оригинале: توپچ — Топыч.

*2 В казахском оригинале: تاپچ خانم — Тапыч-ханым.

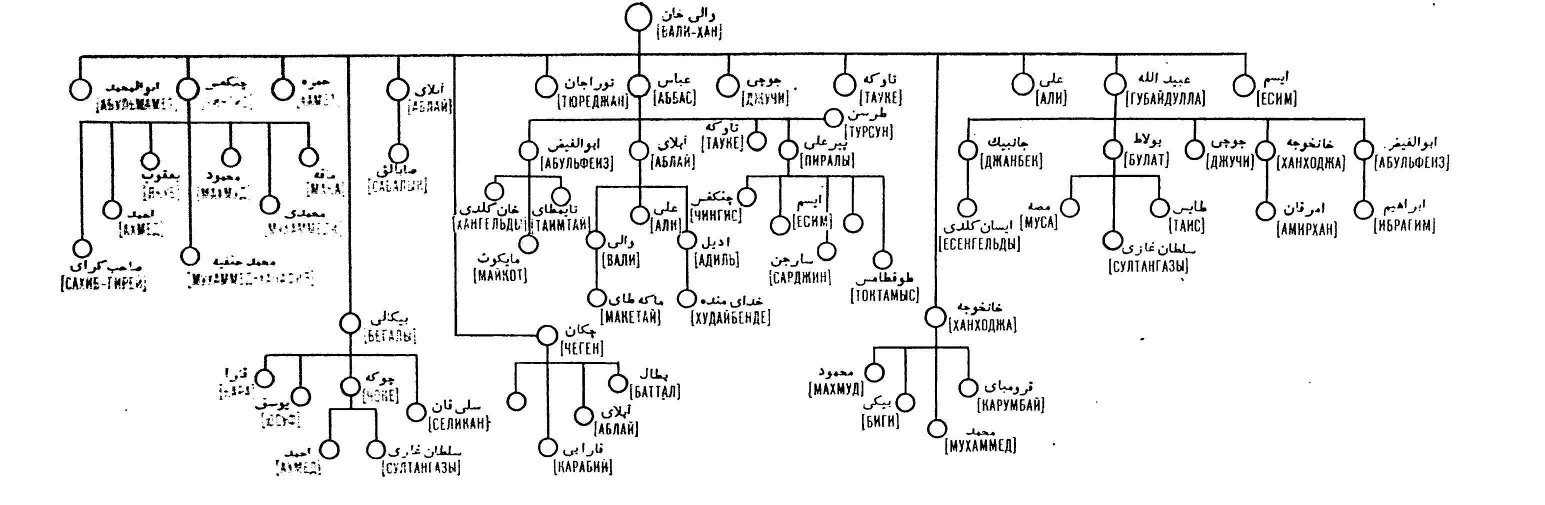
*3 В казахском оригинале: ترغاوت اوروس سولو — Орес-слу из торгоутов.



2. САЙМАН-ХАНЫМ
ВАЛИ-ХАН ЧИНГИС АДИЛЬ ИШИМ
ЧАЛАБАЙ
ДЖОМА БАТЫРХАН
3. БАБАК-ХАНЫМ
ЧЕГЕН РУСТЕМ ОСМАН СЕЗДЫК АБЕТАЙ АБДУЛЛА
ДОСАН
НУРМУХАМЕД ДЮКЕН
САМЕКЕ
УРМАН
ДЖАЛБАР ТУРЕХАН
ТОРТАН МУРАД БУКЕЙ САМАЙ
5. ТОПЧ-ХАНЫМ
КАМБАР КАСЫМ
6. ТОХТА-ХАНЫМ
СИГАЙ ТАГАЙ СЮК
АКАКАН
БАЙГОЗЫ
4. ДОЧЬ ХОДЖИ, СЕСТРА САРГАЛДАКА
ТОК
КОСУМ
АРЫК
КУЧУК АМР ОМАР
ТАИРХАН
АБЕН НИЯЗБЕК МАЖИК
САРТАЙ ПИРАЛЫ
СИВАНКУЛ СУЛТАНХАН
8. ОРЕС
ЧАМА
КАРА-ТЫЧКАН ИШИМ ЧАНАТАН
ДАУИ ИСАКАН МАИМАК
САМРАТ МУСАХАН
ПИРАЛЫ
ЧАЛГИНБАИ САЛТЫБАН
ЧОЛАК
АРТЫКБАН
ДЖАНКЕ
ТЫЧКАН
БЕКСУЛТАН КОГЕДАЙ АГАДАЙ
ОСМАН
ДЖАНТЮРЕ
НЮРТЮРЕ
АЙТЮРЕ
ЕЖЕНБАЙ
СЕИЛХАН АЗИМХАН ХОДЖАМСЕИТ
ЮЛДЫ ТАСТАНБЕК БАБАЖАН
ОСМАН
БАЙТЮРЕ
КУНТЮРЕ РАХИМ

Таблица 3

[РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ВАЛИ-ХАНА]



[ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫПИСКИ]

|| В 21 году стал чеканить Омар [1] первую монету بنام حضرت خداوند سکه زدند*1.

Покорение Ирака.

22 — покорение Ирака, Шираза, Хорасана и бегство Яздижерда [2] из Хорасана в Туркестан. В других историях сказано 36 п[ерсидских] городов и قصبه*2 взял и 4 т[ысячи] кентов کنت3* взял и построил в них мечети и медресе. Основано 1900 соборных мечетей. [В] 23 году в день چهارشنبه *4 27 зу-л-хидджи [3] умер Омар.

25 — Африка, Тебриз и Андалуз *5 покорены.

26 — покорен Рум *6.

27 — Магриб *7 покорен.

28 — собрание Корана в настоящем виде. [На] 29—30 частей разделили Коран.

30 — покорен Балх Асафом ибн Кияс [4] آصف ابن قیس.

37 — смерть Абумуслима Марвази [5].

185 — смерть Имама Ханафи ал-Куфи [6].

Саманиды — 9 человек [царствовали] 102 [года] шесть месяцев 20 дней.

Газневиды — 14 человек — 165 лет.

Буиды, называемые себуктегин [7] — 14 человек.

Начало зу-л-ка'да سنة احدى وعشرين وثلثمائة*8.

Потомки Бахрам-Гура [8].

Сельджуки — 36 человек — 130 лет.

Хорезмшахи — 9 человек — 177 лет.

---

*1 'От имени его величества владыки чеканили монету'.

*2 'Селение, крепость' *(араб.)*.

*3 Селение (из согд. kanδ).

*4 Среда *(перс.)*.

*5 Арабское название омейядских владений в Испании.

*6 Арабское название Византии.

*7 Собирательное арабское название стран Северо-Западной Африки (совр. Марокко, Алжир и Мавритания).

*8 'Года триста двадцать первого' *(араб.)*.

Государи بلغاريان[*9] — 11 человек — 120 лет.

Исмаилиты египетские [9] — 14 человек — 260 лет.

Государи исмаилиты Ирана [10] — 8 человек — 171 год.

Государи каракитайские. В Кермане كرمان — 9 человек — 86 лет.

Чингис-хан 20 зу-л-ка'да 549 года хиджры, царствовал 25 лет, умер 14 числа месяца рамазана в 574 [году] [11].

Хулагу умер ночью раби авваля 19 в день якшанба [*10] 624 году [12].

В 512 г.— избиение [жителей] Хорезма и смерть شيخ نجم الدين كبرى [13].

Рождение Тимурленга в ночь سه شنبه [*11] 5 шабана 736 года, [на] 45 лет ранее смерти Бахаад-Дина [14]. Умер в 808 году, царствовал 30 [лет].

В 771 г.— в день چهارشنبه [*12] осада Балха и сделался [*13] на престол. В начале рамазана убил Хусейна Куркана. Гробница его [в] ногах ходжи Акаша — عكاش (сахаба) [*14]. Завоевание Герата в мухарраме 773 года. 793 год — поход на Тохтамыша в Дешти-Кипчак. Завоевание Индии в 800 г., Шама [*15] — в 804 в день سه شنبه[*16] 23 джумада авваля. 802 г., зу-л-хиджжа — смерть قيصر روم[*17] (Баязида).

В 523 [году] в день پنج شنبه[*18] месяца шабана — смерть Хаким-Ата и смерть ميرزا احمد جامى[15], в 550 г.— Имама Мухаммеда Газали [16], 618 — Имама Фахр ад-Дина[17], в 618 г.— смерть نجم الدين كبرى [*19] и избиение [жителей] Хорезма.

В 573 г.— смерть Мухаммед Салиха Загрияд-Яба [18], в 804 г.— حكم خاقانى[*20]. Из книги فهرست الصحايف كتاب مجمع الغرايب[*21], [составленной] в царствование Мухаммеда, хана балхского, автор Мухаммед ибн Дервиш-Мухаммед ал-Мифтах ал-Балхи [19].

[*9] 'Булгарские' *(перс.)*.

[*10] 'Воскресенье' *(перс.)*.

[*11] 'Вторник' *(перс.)*.

[*12] 'Среда' *(перс.)*.

[*13] Так в оригинале, нужно читать «сел».

[*14] Точнее, عكاشة *'Уккаша*. Сахаба (араб. صحبة или اصحاب асхаб) — сподвижники Мухаммада.

[*15] Сирия *(араб.)*.

[*16] 'Вторник' *(перс.)*.

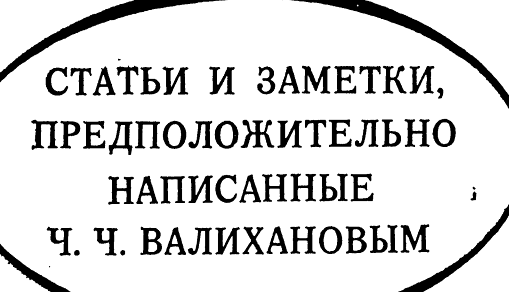
[*17] 'Румский (византийский) цезарь' *(араб.-перс.)*, здесь — османский султан Баязет I Йылдырым (разбит Тимуром в 805/1402 г.).

[*18] 'Четверг' *(перс.)*.

[*19] Наджм ад-дин Кубра; см. комментарий 13.

[*20] *Хукм-и хакани* ханское повеление *(араб.-перс.)*.

[*21] «Оглавление страниц книги «Собрание диковинок».


СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ,
ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО
НАПИСАННЫЕ
Ч. Ч. ВАЛИХАНОВЫМ

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ХАНСТВА: ХИВА, БУХАРА И КОКАНД И ОТНОШЕНИЕ ИХ К РОССИИ

С. Петербург, 18-го июля 1861 г.

Три независимые среднеазиатские владения Хива, Бухара и Коканд, к которым Россия прикасается со стороны Оренбургского края и Западной Сибири на протяжении 6000 верст, издавна имеют весьма важное для нас значение как в политическом, так и в торговом отношениях. От приязненных отношений России к туркестанским государствам зависит отчасти спокойствие в наших владениях на Сыр-Дарье и за Балхашом, и отчасти развитие коммерческой деятельности империи на сибирской и оренбургской границах.

Обширные равнины Средней Азии [1], некогда театра войны Александра Македонского и Тамерлана и колыбель племен, обуревавших в свое время Европу своими вторжениями, разделяют ныне владения России и Англии, двух стран, народам которых суждено восстановить просвещение в древнейшей части света. Непосредственного столкновения этих двух народов на этой территории ожидать нельзя, но нет сомнения, что и та и другая нация должна и непременно будет стремиться к утверждению своего влияния в Туране, единственно путем коммерческим. Города и селения Средней Азии представляют обширный и почти бессовместный [2] рынок для развития коммерческой деятельности России; рынки, лежащие за Оксусом, наполнены товарами английской промышленности; эти товары с трудом проникают в города северной части Турана, потому, что здешние азиатские власти и жители этих стран не доверяют англичанам и их агентам, опасаясь, по примеру Индии, рано или поздно подпасть под их зависимость и сделаться вассалами Великобритании. Преувеличенные рассказы мусульманских фанатиков о действиях англичан в Индии немало содействовали усилению ненависти, питаемой среднеазиатскими народами к ференгам-европейцам. Из этого явствует, что России, которой суждено снабжать Туркестан нужнейшими сырыми товарами, гораздо легче водворить там свое влияние; все будет зависеть от мер и средств, которые она изберет для сего и от того, будут ли эти меры согласоваться с общим характером страны и жителей. Разумеется, что о завоевании не может и не должно быть речи. Походы в эти края, по причине отдаленности стран и окружающих их безводных пес-

чаных пустынь Кызыл-Кума и Кара-Кума, потребовали только значительных с нашей стороны расходов и не принесли бы соответствующей издержкам пользы.

Для водворения и упрочения нашего влияния в Средней Азии нужно принять меры другие, могущие нам со временем принести великую пользу, т. е. развить нашу торговлю в этих краях. Для этого важно, чтобы хивинцы не препятствовали плаванию наших судов по Аму-Дарье; развитие судоходства зависит от усиления военного флота и от заведения купеческого флота на Аральском море. Правда, что вопрос: может ли Аму-Дарья со временем заменить обыкновенную караванную дорогу в Бухару и далее? до сих пор еще не решен. Устья и самое русло реки от огромного количества песку и от северных ветров изменяются ежегодно, поэтому плавание, без предварительных искусственных работ, всегда будет крайне затруднительно. Но должно надеяться, что с развитием судоходства эти препятствия будут устранены.

Дозволение торговым судам нашим свободного плавания по Аму-Дарье на всем протяжении, охранение имущества и личной безопасности русских подданных от грабежей и разбоев суть главные условия, при которых могут быть заведены и упрочены купечеством нашим торговые связи с отдаленными странами. В настоящее время, кроме маленькой флотилии, состоящей из двух пароходов и стольких же барж, у нас, к сожалению, пет и в зародыше купеческого флота для плавания по Аму-Дарье и Аральскому морю, но нет сомнения, что с получением на то права он будет заведен.

Для усиления торговых оборотов наших с помянутыми владениями Средней Азии или отрытия транзитной торговли через ханства со странами, лежащими от него к югу и юго-востоку, необходимо России иметь во всех трех ханствах постоянных или, по крайней мере, временных агентов, которые умели бы вкоренять в тамошних владельцах и почетнейших людях доверие к Российской державе и которые могли бы доставлять нам положительные сведения, необходимые для дальнейшей системы наших действий, а вместе с тем и защищать интересы нашего купечества.

Правда, что положение торговли нашей не совсем выгодное для нас, при настоящих формах, без настоятельного изменения, не обещает большого развития в будущем. Об этом предмете было писано много за и против, поэтому считаю излишним распространяться вновь о том же: скажу кратко, что в настоящее время главные купеческие барыши от этой торговли достаются преимущественно одним среднеазиатским купцам: русские товары обходятся среднеазиатским потребителям по самым дешевым ценам, а среднеазиатские русским — относительно дорого. Бухарские, хивинские и хокандские торговцы закупают наши товары на месте производства их, тогда как наши торговцы весьма редко стали ездить в Бухару, Хиву и Хоканд; причиною тому отчасти то обстоятельство, что с торговцев-христиан взимают за провоз-

ные и отпускные товары бо́льшую пошлину против торговцев — магометан, почему первым невозможно соперничать с последними, отчасти и потому, что русские торговцы подвергаются там поборам и притеснениям, на которые не находят никакой управы. Вот почему желательно бы там иметь аккредитованных агентов или консулов со стороны России. Сначала, в виде опыта, было бы полезнее и менее опасно иметь временных консулов, подобно караванбашам, которые приезжали бы с караванами и с ними возвращались бы в отечество.

С развитием земледелия в киргизских степях прекратится зависимость киргизов и каракалпаков по продовольствию от соседних ханств. В настоящее время они вынуждены закупать муку и зерно в Бухаре и Хиве. С устранением по возможности этого неудобства, неминуемо ослабеют сношения и зависимость купцов от соседних владений. Это обстоятельство будет благодетельно для укрепления нашей власти и усиления влияния не только на киргизов, но и на других азиатцев.

Итак, Россия должна постоянно иметь в виду изыскание средств к вящему развитию торговых оборотов, производимых со странами Средней Азии и, следовательно, обезопасение караванных путей и обеспечение личности и собственности русских торговцев.

Чтобы яснее понять настоящее положение трех ханств: Хивинского, Бухарского и Хокандского и отношения их к России, необходимо обратить внимание на историческое развитие всех наших с помянутыми государствами сношений, которые будут изложены в следующей статье.

СНОШЕНИЯ РОССИИ С ХИВОЮ

С. Петербург, 29-го июля 1861 г.

Сношения России с Хивинским ханством начались собственно при Иоанне Васильевиче Грозном; после покорения Казани в 1557 г. прибыли посланцы хивинские ко двору русского царя для исходатайствования права свободной торговли с Россиею. Приезды таких посланников с тех пор возобновлялись. Есть сведения, что они приезжали в Москву в годах 1563, 1566 и 1583. В начале XVII столетия хивинцы жаловались на набеги яицких (уральских) казаков, между которыми до сих пор сохраняется молва о походах на Хиву. В 1602 г. казаки даже взяли город Хиву, столицу хана, но были разбиты на возвратном пути. В 1622 хивинский хан Авган, изгнанный своими родственниками [1], искал покровительства царя Михаила Феодоровича и предлагал покориться России, если она поможет ему возвратить прежнее его достоинство.

Прибывший в 1700 г. хивинский посланец вручил императору Петру Великому грамоту своего хана Шанияза [2], в которой сей последний просил принять его со всем подвластным ему народом в подданство России. Грамотою от 30-го июля Петр Великий изъявил на это свое соизволение и подтвердил его впоследствии в 1703 году новому хану хивинскому, *Арак-Ахмету* [3]. По поводу этого обстоятельства в Московских Ведомостях за апрель того года [*1] было помещено следующее объявление: «Хивинский хан прислал к Великому Государю посла своего, чтобы Великий Государь позволил его, хана, со всеми сущими под его владением, принять под свою Царскую Высокодержавную руку в вечное подданство, о чем Державнейший наш Государь милостиво соизволил, и посылает к нему, хивинскому хану, посла своего».

В это же время ходили слухи о золотом песке по Аму-Дарье и о том, что хивинцы с умыслом засыпали устье, которым река эта впадала в Каспийское море и отвели ее в Аральское море, и что без больших усилий можно перекопать плотину и возвратить Аму-Дарье прежнее течение. С этим известием прибыл в Астрахань туркмен *Ходжа Нефес*. Он подружился в этом городе с князем Самоновым, уроженцем гилянским, принявшим христианскую

[*1] См.: Вед. Моск. 1703 г., новое тиснение...

веру, и вместе с ним отправился в 1713 году в Москву, чтобы императору Петру Великому, со своей стороны, сделать предложение, которое состояло в том, чтобы государь с помощью туркмен завладел страною при реке Аму-Дарье, принадлежащей узбекам. В этом же году прибыл в Москву сибирский губернатор, князь Гагарин, с представлениями о песочном золоте Малой Бухарии. Познакомившись с князем Бековичем-Черкасским[4], лейб-гвардии капитан-поручиком, пользовавшимся особенною милостию Петра Великого, Ходжа-Нефес и князь Самонов были представлены чрез него государю. Бывший тогда при дворе российском хивинский посланец Ашур-Бек прибыл в С. Петербург в 1713 г. и пробыл здесь с 1713—1714; он пользовался расположением Петра Великого и имел близкие отношения с упомянутым сибирским воеводою князем Гагариным. При образовавшемся в то время предположении относительно старого потока Аму-Дарьи и золотоносного песку реки этой, Ашур-Бек предлагал Петру Великому построить на устье старого потока Аму-Дарьи, вероятно на Красноводской косе, укрепление на 1000 человек гарнизона, и объявил, что хивинский хан не будет препятствовать работам для прорытия предполагавшейся плотины и отвода Аму-Дарьи в старое русло. Ашур-Бек отпущен был из С. Петербурга в 1715 г., и император одарил его между прочим шестью пушками со всем снарядом и несколькими пудами пороху для хана, но вследствие переворота, происшедшего в Хиве, Петр I велел отобрать их в Астрахани, а самого посланца временно задержать. В это время в Хиве произошла перемена правления. *Ядигер* умер (1714 г.), а место его занял хан *Аранг* из каракалпаков, которого в свое время заменил хан *Ширгази* из Бухары[5].

В письме посланца Ашур-Бека от 5-го марта 1715 г. к астраханскому обер-коменданту Чирикову он пишет, что государь Петр I сделал ему поручение ехать в Индию для покупки попугаев и барсов.

Петр, имея в виду разведывание ближайшего пути в Индию и заведение торговых сношений с этою богатою страною, как это видно из назначения впоследствии для достижения этой цели лейтенанта Кожина и потом Тевкелева, вероятно, делал подобные же поручения Ашур-Беку, который, закупив порученные ему товары в Индии, должен был возвратиться в С. Петербург.

В 1716 году вышеупомянутый князь Бекович-Черкасский был отправлен в Хиву и Бухарию полномочным посланником для разведывания о золоте восточной Индии, о тамошней торговле и разных местных обстоятельствах. Для описания Каспийского и Аральского морей и для дальнейших предприятий с ним посланы многие офицеры; при нем находились также князь Самонов и Ходжа-Нефес; остальная свита его состояла из купцов астраханских и разночинцев росских, татар, бухарцев, числом до 200 человек. На пути за рекою Эмбою получил он от государя собственноручное повеление отправить чрез Персию в Индию надежно-

го и знающего языки тамошних народов человека, которой собрал бы сведения о том крае и особенно о реках, изобилующих золотом и возвратился бы оттуда чрез Китай и Бухарию, для чего и отправлен мурза Тевкелев. Бесчеловечное убиение князя Бековича в Хиве, в коем впрочем не участвовал хан бухарский, расстроило все эти предприятия. Князь Бекович был умерщвлен в 1717 году в городе Порсу [6], в 100 верстах на северо-запад от г. Хивы.

Во время царствования Анны Иоанновны, в 1731 году в Хиву был отправлен посланец наш полковник *Эрдберг* [7], но, ограбленный дорогой, он принужден был вернуться без успеха. Девять лет спустя, в 1740 году, хивинцы призвали к себе и провозгласили ханом начальника в то время подвластной уже России Малой Орды — *Абул-Хаира*. Принимая ханство в Хиве, он объявил ее подданною России, думая этим остановить шаха персидского Надира, шедшего войною на Хиву. В это время при хане находились два русских офицера: поручик *Гладышев* и геодезист *Муравин* [8], вследствие просьбы Абул-Хаир хана о постройке ему близ устья Сыр-Дарьи города; оба офицера были посланы нашим правительством к хану для предварительного осмотра местности. Не застав его в орде, они отправились вслед за ним в Хиву. Муравин был послан ханом навстречу шаху Надиру для ходатайства о пощаде, однако ж это ходатайство не повело ни к чему. Шах взял Хиву приступом *[2].

Во время царствования императрицы Елисаветы Петровны, хивинцы в 1750 году чрез посланца своего Ирбека предлагали России теснейший союз, что впрочем не мешало разграбить на следующий год русский караван.

В 1792 г., по просьбе хивинского хана, отправлен был императрицею Екатериною медик Бланкенагель [9], который впоследствии едва спас жизнь свою бегством. Здесь кстати заметить, что после Абул-Хаира в Хиве опять избран в ханы подданный России сын Абул-Хаира, *Нурали*, а в 1750 г. там властвовал подданный нам султан киргизский *Каип* и наконец до 1800 г. избирались постоянно в инахи (наследники) султаны киргизские или каракалпакские [10], подвластные России, которые и доселе имеют исключительное право на престол хивинский, будучи белой кости, как потомки Мохаммеда и Чингисхана. Когда узбек *Илтезер* [11] в начале нынешнего столетия подчинил себе всех мелких князей, женился на дочери какого-то ходжи и присвоил себе титул хана Ховарезма, покорность этой страны России исчезает и переходит даже в политику наступательную. Это еще более заметно при брате его Мохаммед-Рахиме, который царствовал с 1801—1824. Он начал с подчинения себе несуществующего ныне владения Аральско-

*[2] См.: Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740 и 1741 годах г. Гладышевым и Муравиным, изд. Я. Ханыковым 1851 г.

го *3, стал позволять себе различные притеснения в отношении к подвластным нам киргизам; притеснения эти выражались набегами, отбитием скота, разорением и привлечением в свои земли целых аулов киргизских и проч.; так что вся Малая Орда наконец нашлась вынужденною платить хивинскому владельцу подать. В эпоху смерти Мохаммед-Рахима [12], в 1824 г., Хивинское ханство — говорит г. Ханыков в своей пояснительной записке к карте Аральского моря [13] — представляло уже одно политическое целое, действительно подчиненное хивинскому владельцу, и получило, таким образом, в начале нынешнего столетия некоторую политическую значительность. Но это преобразование, составляя успех сравнительно с предшествовавшим положением ханства, еще не могло сделать его важным ни в виде врага, ни как союзника России.

Однако ж дерзость ханов хивинских простиралась так далеко, что, несмотря на долготерпение России, она несколько раз решалась наказать их.

Два раза в 1801 и 1804 гг. завладение Хивою было высочайше повелено императорами Павлом и Александром I, но экспедиция была отложена за смутами в Оренбургском крае.

Путешествие капитана *Муравьева* от Мангышлакского залива в г. Хиву относится к 1819—1820 годам [14]. Муравьев был послан от кавказского и оренбургского начальства вместе с одним башкирским чиновником для переговора, но оба не имели успеха и сверх того Муравьев содержан был в заточении *4.

Чтобы положить предел дерзостям Хивы и избавить значительное число русских пленных, захваченных по наущению хивинцев на Каспийском море и с оренбургской линии, в 1836 г. последовало высочайшее повеление: задержать всех, находящихся в России хивинских купцов с товарами их. Мера эта приведена была в исполнение на следующих главных основаниях. Положено было задержать хивинцев с товарами по всей оренбургской и сибирской линиям и в Астрахани, где только появятся. Взамен их требовать от Хивы возврата русских пленных и прекращения всяких против России враждебных действий хивинцев, без чего не выдавать им ни людей их, ни товаров, а также не иметь никаких торговых с ними сношений, пока не удовлетворят наших требований. Задержание хивинцев последовало с августа того же 1836 года, когда возвращались они с Нижегородской ярмарки. Как скоро мера сия была приведена в исполнение, генерал-губернатор Оренбургского края уведомил о том хивинского хана *Аллах-Кули* *5 (сына Мохаммед-Рахима) [15], потребовал возврата наших пленных и пре-

*3 Аральское владение, на юге Аральского моря, было долгое время независимым и подпало окончательно под власть Хивы при Мохаммед-Рахим хане, в числе жителей его, кроме большинства, состоящего из узбеков, находилось и значительное число каракалпаков и киргизов.

*4 См.: Путешествие Муравьева в Хиву [14].

*5 Аллах-Кул царствовал от 1824—1840 г.

кращения со стороны хивинцев всяких в отношении к нам злонамеренных действий с объявлением при этом, что только по удовлетворении таковых требований задержанные хивинцы со всем товаром их будут возвращены на родину и торговые связи восстановятся. Первоначальным следствием этих действий была присылка в январе 1837 г. гонца из Хивы с письмами. Присланный хивинец объявил, что хан готов выдать всех русских пленных, если только мы освободим его купцов и уничтожим Ново-Александровское укрепление[16] на Каспийском море. Хивинцам отвечали, что задержанных нами отпустим тогда, когда наши пленные будут нам выданы; дерзкое же требование об уничтожении Ново-Александровского укрепления положено оставить без внимания. Осенью того же года, в ноябре месяце, прислан из Хивы в Оренбург посланец Кабул-Бай, коего родной сын находился в числе задержанных в Оренбурге хивинцев; с ним были возвращены 25 человек русских пленных. Хивинский хан, узнав, что его подданных держат хорошо, думал отделаться хитростью и уверял, что пленные собраны по мере возможности, что и прочие, если какие остались, будут освобождены. От возвратившихся русских узнали, что хан боялся, что немедленное исполнение первых требований повлечет за собою новые, русские могут потребовать куна, или цену крови, за убиение князя Бековича, вознаграждение за разграбленные караваны и наконец даже кун за всех умерших в плену невольников, и потому назначил на этот раз только 25 человек. Посланец был отправлен обратно в том же месяце с ответом, что требования наши остаются неизменными — требуем выдачи всех пленных, и до тех пор не будем принимать никаких посланцев и что всякий хивинский подданный, зашедший к нам прежде выдачи русских, будет задержан до общего размена. После двухлетнего ожидания едва 100 человек возвращены в Россию, между тем в 1839 весною захвачено вновь на одном Каспийском море до 200 рыбопромышленников.

Охранение выгод России, безопасность ее торговли, спокойствие ее верноподданных — все потребовало наконец мер более решительных, более надежных. 14-го ноября 1839 года в г. Оренбурге была объявлена декларация о причинах и цели военных против Хивы действий; в ней между прочим сказано, что «справедливые и основательные уважения побудили Государя Императора повелеть отправить военный отряд противу Хивы, дабы силою оружия обеспечить на будущие времена права и пользы российских подданных, положить конец грабежам и насилиям, избавить томящихся в Хиве невольников, внушить должное уважение к имени русскому и упрочить то влияние, которое неоспоримо принадлежит России и которое одно может служить залогом сохранения мира в сей части Азии.

Такова цель предполагаемой противу Хивы военной экспедиции». Результаты этой экспедиции всем известны. Избрав для следования своего зимний путь, экспедиционный отряд генерал-

адъютанта Перовского [17] вследствие сильных холодов и глубокого снега должен был возвратиться, не достигши Хивы. Не менее того экспедиция эта послужила к разумлению, хотя и временному, хана Аллах-Кула. Летом 1840 он отпустил в Россию всех находившихся в Хиве русских пленных. Английский офицер Шекспир (Shakespeare), прибывший в 1839 г. в Хиву из Кабула, взялся сопровождать пленных в Россию и иметь о них попечение. Их было около 400 человек, которые взяты были в разные времена, начиная с 1780 по 1839 г. Некоторые из них занимали в Хиве почетные места, так один из них, Василий Лаврентьев, был начальником артиллерии, а солдатка Анна Костина занимала должность ключницы у хана Аллах-Кула.

Еще до прибытия пленных в Оренбург (18-го октября 1840) возвратился туда задержанный хивинцами поручик *Аитов;* он первый привез известие о восстановлении мирных отношений между Россиею и Хивою. Он же в качестве пристава сопровождал в С. Петербург хивинского посланца Атанияз-Ходжа-Рейс-Муфтия, который привез грамоту на высочайшее имя и возвратился весною 1841 года. После него приезжали еще три посланца, которые не ездили впрочем в С. Петербург.

С одним из них, Ишнияз-Мамет-Ниязом, был отправлен в Хиву наш агент капитан Никифоров [18]. Эта поездка относится к 1841 г. Целью ее было восстановление прежнего порядка и заключения, и если можно, какого-нибудь трактата; но Никифоров возвратился без успеха.

В следующем году отправился в Хиву другой дипломатический агент, полковник *Данилевский* *6. Ему удалось заключить первый трактат между Россиею и Хивою. Во время пребывания его в Хиве скончался хан Аллах-Кул, и место его занял сын его *Рагим-Кул*. Но ни трактаты, ни условия ни к чему не повели: Хива по-прежнему продолжала вредить нам в Киргизской степи сколько могла, стараясь укрепиться преимущественно на Сыр-Дарье, где в последние осемнадцать лет мы устроили крепости на принадлежащих нам берегах р. Сыра. Постройка крепостей в Сыр-Дарье навела страх на хивинцев; они вполне постигают важность этого занятия, говоря, что если русские с ними вместе будут пить воду из Сыр-Дарьи, то хивинцам нельзя жить. В последнее время, с занятия русскими Акмечети (ныне форта Перовского) [21], Хива, видимо, стала опасаться открытой вражды. Так на все приглашения Хоканда действовать заодно против нас, отвечала она уклончиво. Не обнаруживая резко неприязненного к нам расположения, Хива не менее прежнего старалась вредить нам тайным образом; продолжая посылать в нашу степь лазутчиков и сборщиков зякета, возбуждала чрез них легкомысленных киргизов к фанатической вражде против русских, поддерживала мятежные

---

*6 При Данилевском [19] находился кандидат Дерптского университета Базинер [20], который подробно описал это путешествие.

замыслы Кенесары, Исета Кутибарова, Асавова и других киргизских бунтовщиков обещанием помощи в случае открытого их восстания. К этому, сверх собственного расположения, побуждалась она, по всей вероятности, внушениями Турции, куда в 1853 и 1854 гг. два раза ездили посланцы ее.

С 1856 года в Хиве царствует Сеид-Мохаммед хан [22], сын бывшего хана Мохаммед-Рахима и брат известного Аллах-Кула. Он избран на ханство в апреле 1856 г. и имел тогда 30 лет от роду. Смута и междоусобия предшествовали его избранию, но Сеид-Мохаммед успел наконец утвердить свою власть настолько, что беспорядки на время умолкли. Считая себя, таким образом, достаточно утвердившимся на престоле, он отправил летом 1857 г. посольство в Россию с известием о вступлении своем на ханство, а также для изъявления горести о кончине Государя Императора Николая Павловича и для принесения поздравления с восшествием на прародительский престол Его Императорского Величества. Во главе посольства был Фазиль-Ходжа шейх-уль-ислам (главное духовное лицо) ханства.

В начале 1858 года была отправлена в Хиву наша дипломатическая миссия под начальством флигель-адъютанта, полковника *Игнатьева* [23] (ныне генерал-адъютант). Пробыв около 1½ месяца в Хиве (с 18-го июля до 31-го августа), миссия эта направила свой путь далее за Бухару вдоль правого берега реки Аму-Дарьи.

Результаты этого посольства еще не обнародованы; некоторые отрывки помещены в Военном Сборнике за 1859 год, а более подробное описание путешествия находится в Записках географического общества за 1861 год в статье Килевейна [24]. В следующей главе будет изложен краткий обзор царствования настоящего хана и новейшие известия из Хивы.

ПРАВЛЕНИЕ НЫНЕШНЕГО ВЛАДЕТЕЛЯ ХИВИНСКОГО СЕИД-МУХАММЕДА И НОВЕЙШИЕ ИЗВЕСТИЯ ИЗ ХИВЫ

Междоусобия и смуты в Хиве, возникшие в 1855 году, по смерти *Мухаммеда-Эмина* *[1], погибшего в схватке с туркменами и персиянами близ крепости Серахс *[2], продолжались до вступления на ханство настоящего владетеля *Сеида-Мухаммеда.* Место Мухаммеда-Эмина занял *Абдулла-хан* (сын Кутлу-Мурада-Инака из рода Мухаммеда-Рахима), но и он, после шестимесячного царствования, был убит туркменами из рода Теке при крепости Кызыл-Текир, а по другим — при Ташхаусе *[3], в 1855 г. Туркмены, движимые страстью к грабежу и ненавистью к хивинцам, вторглись в пределы ханства. Смерть хана повлекла за собою тяжкие беды. Туркмены продолжали свои грабежи с большим успехом. Почти все города ханства, исключая самой Хивы и Питняка [3], находились в их руках. В Хиве, после Абдуллы-хана [4], был избран 18-летний хан *Кутлу-Мурад* [4], племянник покойного Мухаммеда-Эмина *[4]. Но власть его признавалась только жителями столицы. В других городах, как-то в Кунграде, Ходжейли, Ургендже, начали распоряжаться произвольно особые правители, объявившие себя самостоятельными владельцами. Междоусобия и неурядица господствовали в полном смысле слова. Каракалпаки, по примеру туркмен, восстали и избрали своим ханом Джарлыка-Тюрю. Туркмены, в свою очередь, провозгласили ханом Ата-Мурада, из племени яумудов [5], отделения Ашрефи. Испуганный Кутлу-Мурад послал воззвания к киргизам [казахам] адаевского рода, приглашая их вооружиться против туркмен. Туркмены-яумуды, видя бедственное положение хана, решились воспользоваться этим и двинулись в числе 5 000 человек к Хиве под предводительством бия Мухаммеда-Нияза. Бий со 100 человеками конвоя, под предлогом поклониться хану, прошел во дворец. Во время приема туркмены вдруг бросились на хана и умертвили его с семью сановниками, находившимися при нем. В это время во дворце был по-

*[1] Мухаммед-Эммин [1] был внук Аллаха-Кулы.

*[2] Серахс лежит близ Мерва, под 37° шир. и 79° долготы Ферро.

*[3] Ташхаус [2], хивинский городок, под 42° шир. и 79° долг. Ферро.

*[4] По другим — внук Эльтезера-хана.

койный Мехтер *[5], казненный нынешним ханом. Услышав суматоху, он тотчас приказал запереть ворота дворца, а сам бросился на стену оного и закричал: «Насер! Насер! (измена! измена!)»[6]. Жители города, услышав этот крик, тотчас поняли в чем дело и бросились на туркмен, находившихся в городе и во дворце. Произошло страшное кровопролитие. Только весьма малое число туркмен спаслось. Хивинцы говорили, что их святые Палван-Ата и другие помогли им в этом деле, связывая туркменам руки. Сам Мухаммед-Нияз, провозгласивший себя ханом, был схвачен людьми Кутлу-Мурада и казнен на месте.

После краткого междуцарствия избран был на ханство ныне властвующий хан *Сеид-Мухаммед,* сын бывшего хивинского владетеля Мухаммеда-Рахима. Сеиду-Мухаммеду, родившемуся в 1824 г., в это время было 32 года. Вступив в управление, он, в апреле 1856 г., выслал из Хивы отряд против туркмен и каракалпаков, выступивших из Куня-Ургенджа. Хивинский отряд разбил эту шайку, причем был убит Джарлык, каракалпакский хан, провозглашенный в 1855 г., а часть каракалпаков перешла в Бухарское владение. В июне месяце того же 1856 года Сеид-Мухаммед старался склонить на свою сторону киргизов адаевского рода, обещая им свое покровительство и требуя за то зякет (подать); но киргизы не поддались такому приглашению, зная, что хан пока еще довольно бессилен, и продолжали свои схватки с туркменами при Кунграде и на Мангышлакском полуострове. В декабре 1856 г. они сильно разграбили туркмен, но зато в январе 1857 года в одной стычке потеряли более 100 человек.

Междоусобия и беспрестанные войны породили повсюду страшную дороговизну и голод. Поля остались незасеянными и необработанными. Это обстоятельство вынудило почти всех киргизов, откочевавших некогда от нас, возвратиться снова в наши пределы. Цены на все жизненные припасы возвысились неимоверно. Пуд хлеба, стоящий обыкновенно 4 теньги *[6] (80 коп. сер.), по словам очевидца, продавался в это время по 20 тенег (4 руб. сер.). Наконец, по совершенному недостатку хлеба, Сеид-Мухаммед отправил в Бухару к эмиру Наср-Улле-Бехадуру-хану[7] нарочное посольство с просьбою дозволить закупить для Хивы хлеба, на бухарских рынках, что и было разрешено. За недостатком товаров хивинские торговцы привезли сюда на продажу множество поношенных халатов, без сомнения, с убитых и умерших. Летом 1857 свирепствовала в Хиве сильная эпидемия, бывшая вероятно последствием голода и сопряженного с ним истощения сил. Особенно велика была смертность между детьми. Болезнь эта, по всем признакам, была холера.

*[5] Мехтер — одно из высших должностных лиц в Хиве; он собирает подушную подать в южной половине ханства и вместе с тем есть главный казначей; иногда он начальствует войсками, а иногда даже управляет государством, во время отсутствия хана.

*[6] Теньга равняется нашему двугривенному.

С Бухарою с 1856 г. Хива не имела никаких неприязненных столкновений, несмотря на то, что коканский хан неоднократно просил у Сеида-Мухаммеда помощи против бухарцев. Хивинский хан отказал, вероятно потому, что чувствовал себя еще не слишком твердым на престоле. Летом 1857 г. отправлено было в Россию посольство с известием о вступлении на ханство Сеида-Мухаммеда, а также для изъявления горести о кончине Государя Императора Николая Павловича и принесения поздравления с благополучным восшествием на прародительский престол Его Императорского Величества Александра Николаевича. Посольство это, во главе которого стоял шейх-уль-ислам, Фазыл-Ходжа, состояло из шестнадцати человек; почетный хивинец, Ишнияз-Бай-Бабаев исправлял должность советника посольства. Оно прибыло в Оренбург 19-го июля, а потом, с высочайшего соизволения, посланец со свитою из пяти человек допущен был в С. Петербург, где удостоился представления Его Величеству Государю Императору. В январе 1858 г. Фазыл-ходжа возвратился в Оренбург, а оттуда 28-го февраля отправился обратно в Хиву.

С открытием весны 1858 года выступило русское посольство, назначенное в Хиву и Бухару, под начальством флигель-адъютанта полковника Игнатьева (ныне генерал-адъютанта). Оно проследовало степью Оренбургского ведомства и западным берегом Аральского моря до хивинских пределов, переправилось на туземных лодках через Айбугирский залив при мысе Урге, прошло сухим путем до г. Кунграда, а из Кунграда, на хивинских же судах, поплыло по Аму-Дарье далее вверх и прибыло 18-го июля в г. Хиву. Пароходы русские, пройдя через Аральское море в устья Аму-Дарьи *[7], остановились у Кунграда, потом спустились вниз по Аму и стояли против его устьев, у острова Токмак-ата, впредь до выхода из Хивы миссии, после чего они возвратились через Аральское море в форт № 1 на Сыр-Дарье [8].

В бытность русской миссии в Хиве, там было довольно спокойно, ибо враждебные ей туркменские племена яумудов, игдырцев и др. не решались на хищничество; но как скоро миссия выступила (31-го августа), кунградские узбеки и каракалпаки соединились с туркменским ханом Ата-Мурадом, убили своего правителя Кутлу-Мурада со многими его приверженцами, и на его место сел Мухаммед-Фанаа, внук Тюря-Суфи, который во время хивинского хана Мухаммеда-Рахима (1801—1825) был в Кунграде независимым беком, в продолжение 18-ти лет счастливо отбивался от Мухаммеда-Рахима, покушавшегося покорить этот город, но потом был убит своим же мехтером (министром) Мендыгаскою (отцом вышеупомянутого Кутлу-Мурада), выдавшим голову Тюря-Суфи его противнику; после этого Кунгард подпал под власть

*[7] Аму-Дарья изливается в Аральское море тремя рукавами: Талдык, Улкум-Дарья и Кичкине-Дарья.

Хивы в 1814 г.*[8] Он сначала управлялся Мендыгаскою, а потом сыном его Кутлу-Мурадом. Уцелевшие родственники Тюря-Суфи, и между ними внук его по дочери Мухаммед-Фанаа, жили в ханстве в совершенной бедности. Кутлу-Мурад управлял под некоторым надзором Ессаула-Баши-Мамета. Обе они были ненавидимы кунградскими узбеками, киргизами и каракалпаками за свою жестокость, жадность к богатству и за неумолимость при собирании подати. Осенью 1858 года в Кунграде составился заговор, во главе которого был Мухаммед-Фанаа, движимый кровной местью. К нему присоединились кочующие около Кунграда киргизы, в том числе и Бий-Азбюрген, родственник известного мятежника Исета Кутебарова. Не надеясь устоять против хивинцев, Мухаммед-Фанаа намерен был призвать на помощь туркмен. Тщетно Азбюрген противился этому всеми силами, утверждая, что им после не развязаться с буйными и вероломными разбойниками, Мухаммед-Фанаа, по-видимому, согласился с ним, но тайно заключил с туркменским ханом Ата-Мурадом клятвенный союз. Заговор вспыхнул в исходе сентября. Кутлу-Мурад, как сказано выше, был убит, а Мухаммед-Фанаа провозглашен ханом кунградским. Он немедленно пошел известить об этом Ата-Мурада. К этому времени относится и поездка капитана 1-го ранга Бутакова [10] в Кунград, подробности которой описаны в Морском Сборнике за 1860 год. В августе 1859 года пришло известие, что Мухаммед-Фанаа зарезан, и Кунград снова подпал под власть хивинского хана *[9]. По окончании всех междоусобных распрей, вследствие упомянутого отложения города Кунграда от Хивинского ханства и восстания туркмен, хан Сеид-Мухаммед решился, для укрощения сих последних, прибегнуть к прежней системе запруживания реки Лаудана (рукав Аму-Дарьи), чтобы отнять у туркмен возможность орошать поля. Но туркмены успели предупредить его, взяли г. Куня-Ургендж и до того усилились, что хивинский хан не был в состоянии выполнить своих намерений и заперся с войском в Хиве. Носились даже слухи, что он признал своим покровителем бухарского эмира, который обещал ему усмирить его владение и запретить туркменам грабить хивинские земли и будто вследствие этого Сеид-Мухаммед начал чеканить монету с именем бухарского эмира. Говорят, что народ, устрашенный набегами туркмен, даже хотел просить эмира о назначении в Хиву хана по его выбору. Необходимость заняться земледелием для собственного пропитания прекратила на время вражду между партиями. Осенью на Оренбургской линии от караванов получили известие, что хивинский хан Сеид-Мухаммед убит предательски своим рабом, персиянином, и что будто ханом объявлен какой-то Абдул-Джан, 17-лет-

*[8] См. статью В. В. Григорьева в Известиях Археологического Общества за 1860 г.[9]

*[9] Мухаммед-Фанаа называл себя ханом Ховаремза (древнее название всего нынешнего хивинского ханства) и чеканил монету со своим именем. См. Известия Археологического Общества 1860 г., статью В. В. Григорьева.

ний сын одного из прежних владетелей. Это известие однако ж оказалось ложным: караваны, прибывшие из Бухары, доставили сведения, что Сеид-Мухаммед по-прежнему властвует и зорким глазом следит за всеми действиями своих соседей. В дела наши с коканцами, во время взятия русскими крепостей Токмака и Пишпека, он не вмешивался несмотря на неприязненные против нас внушения со стороны коканцев. Успех нашего оружия, по-видимому, еще более убедил хивинцев в существенной пользе не нарушать мирных связей с Россиею. Правительство хивинское уже не отваживается ни на какие открытые действия не только против наших караулов в степи, но и против киргизов, российских подданных. Не было никаких нападений на аулы ни по Сыр-Дарье, ни в других местах сопредельной с Хивою киргизской степи нашей. В каких отношениях Сеид-Мухаммед с нынешним бухарским эмиром Музаффером-ханом [11] еще неизвестно; знаю только, что первый в начале сего года отправлял в Бухару посольство с поздравлением по случаю восшествия эмира на престол.

У Сеид-Мухаммеда пять законных сыновей; старшему, Бабаджану, около 16-ти лет. Кроме того, он усыновил сына предместника [12] своего, Кутлу-Мурада, убитого во дворце туркменами. Говорят, что покойный эмир Бухарский Наср-Улла-Бехадур-хан предлагал выдать свою дочь за этого сына, имея в виду вероятно впоследствии воспользоваться этой связью для непосредственного вмешательства в дела хивинского правления. Большое влияние на хана имеет старший брат его Сеид-Махмуд, человек умный и весьма богатый. Хан спрашивает во всем его советов; к несчастью он от сильного употребления опиума по временам совершенно теряет свой рассудок. Высшие должностные лица в Хиве: *мехтер*, *куш-беги* (собирает подушную подать в северной части ханства), *диван-беги* (начальник монетного двора и сборщик таможенных податей и акцизов), *казы* (верховный судья), *дарга* (министр двора), *есаул-баши* (начальник войск) и *мехремы* (придворные).

По последним известиям, туркмены племени чаудур [13] разграбили хивинских данников-киргизов, кочующих около озера Даукара. Говорят, что Сеид-Мухаммед, помирившись с туркменами племени яумуд и женившись на дочери начальника их, вышеупомянутого Ата-Мурада, готовится с яумудами к походу против чаудуров.

ВОЛОСТИ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ АЯГУЗСКИЙ, КОКБЕКТИНСКИЙ И ВНУТРЕННИЙ ОКРУГА СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

15 об. || *Аягузского:* 1) Чого-Уваковская, 2) Сарман-Уваковская, 3) Туминская, 4) Есенгуль-Садыровская, 5) Байгубек-Сивановская, 6) Джангубек-Сивановская, 7) Джангулы Семиз-Наймановская, 8) Каракирей Семиз-Наймановская, 9) Булатчинская, 10) Тогульбай-Садыровская, 11) Аталык-Матаевская, 12) Кендже Капчагай-Матаевская.

Кокбектинского: 1) Назар-Муруновская, 2) Кондыбай Бура-Наймановская, 3) Конек-Терстамгалинская, 4) Акимбет Сиван-Киреевская, 5) Сартджумарт-Наймановская, 6) Бактлес-Матаевская, 7) Джуватай Бура-Наймановская, 8) Караул-Ясыкская, 9) Кайчи-Муруновская, 10) Кыржи-Муруновская, 11) Кадыр-Муруновская, 12) Куттумбет-Муруновская, 13) Терстамгалы-Наймановская, 14) Бура-Наймановская, 15) Куттукадам-Муруновская.

Внутреннего: 1) Эргенекты Джангырско-Уваковская, 2) Самек-Басентийновская, 3) Эргенекты Увакмуратовская, 4) Байувак, 5) Кокайдар-Кипчаковская, 6) Буйдалы Эргенекты-Уваковская.

[СТАТЬИ ИЗ «ГЕОГРАФИЧЕСКОГО-СТАТИСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»]

Киргиз-кайсаки, *Кайсаки* или *Киргиз-казаки,* народ занимающий обширное пространство между ю.-в. частью евр. России, южной Сибирью, китайскою Джунгариею и Коканским ханством. Пространство это превосходит 40 000 квад. геог. м, т. е. вчетверо более площади Франции, и известно под именем Киргизской степи, хотя восточная часть его, а именно хребты Тарбагатайский и оба Алатау, представляют страну не только гористую, но даже имеющую вполне альпийский характер. В горах средней величины и в невысоких, но весьма скалистых холмах нет недостатка и в остальной части так называемой Киргизской степи, и только редкость, а большею частью и совершенное отсутствие лесной растительности, а также бедность страны текучими водами дают ей право на название степи, конечно, отнюдь не подходящее к восточной альпийской ее окраине. На всем обширном этом пространстве разбросаны кочевья Кайсаков, и только на немногих особенно удобных для оседлости пунктах расположены русские поселения. Четыре области входят в состав Киргизской степи: обл. Оренбургских Киргизов, обл. Сибирских Киргизов, Семипалатинская и Туркистанская; только южные части двух последних заняты не Кайсацким народом, а Кара-киргизами. Вне пределов этих областей Кайсаки (так называемой Внутренней или Букеевской орды) занимают только заволжские степи в пограничных между собою частях губерний Астраханской и Самарской и Земли Войска Уральского. *Киргиз-кайсаки* или правильнее *Казаки* являются в истории весьма поздно, а именно у некоторых восточных историков со второй половины XV в., а в русских летописях и у некоторых западных писателей, как напр. у Герберштейна и Дженкинсона, в XVI в. Вопрос о происхождении и первоначальной участи Кайсацкого народа разъяснен только в недавнее время превосходными исследованиями г-на Вельяминова-Зернова, основанными на сличении сведений, сообщаемых Мухаммед-хайдером, родственником знаменитого Бабера, писавшим в начале XVI в. (книга его называется Тарихи-Рашиди), с показаниями многих других восточных историков и русских летописей. Под *Казаками* издавна разумелись у среднеазиатских народов бесприютные беглецы, которые по самому свойству кочевого быта, при слиянии своем в по-

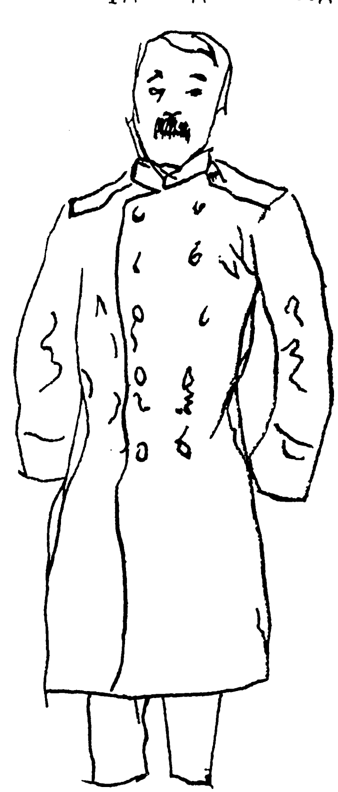
литический союз или народность, могли войти в такой союз не отдельными личностями, а целыми родами, подродами или, по крайней мере, аулами, со стадами, юртами и табунами. В этом и состояло существенное различие среднеазиатского казачества от русского, образовавшегося из отдельных личностей. Исследования г-на Вельяминова-Зернова определяют в точности время происхождения *Казацкого* (или как мы назвали впоследствии *Киргиз-кайсацкого)* народа. Это было во второй половине XV в., а именно около 1465 г. Тогда над Узбеками, занимавшими весь Дешти-Кипчак (т. е. страну, соответствующую нынешней обл. Сибирских киргизов, с вос. частью обл. Оренбургских Киргизов, и северною частью области Семипалатинской), властвовал хан Абульхаир. От его-то притеснений бежали два Джучидских султана братья Гирей и Джанибек (сыновья Барак-хана и правнуки Урус-хана) в западный Моголистан (Моголистан отделялся от Дешти-Кипчака оз. Балхаш и р. Каратал). Владетель Моголистана Иса-буга-хан (потомок известного Тоглук-тимур-хана) принял беглецов ласково и отвел им край Моголистана (нет сомнения, что Гирей и Джанибек бежали не одни, а со своими аулами), т. е., вероятно, значительную часть земель нынешней Большой орды. Так как по смерти Абульхаира Узбекский улус пришел в расстройство, то множество народа откочевало к Гирею и Джанибеку, а около 1465 под их владычеством собралось до 200 000 народа, который соседи и начали звать Казаками. Отсюда ясно, что ядро Казацкого или Кайсацкого народа состояло из целых родов, подродов и аулов Узбекских, но, по самому свойству этого добровольного и свободного союза, особливо, если принять в соображение быстрое его увеличение до I млн. народа в течение полувека, нет сомнения, что в состав его вошло еще немало чуждых Узбекам разноплеменных и разноименных родов, откочевавших по каким-нибудь неудовольствиям от своих соплеменников. Так, Казацкий или Кайсацкий союз поглотил племена или, по крайней мере, остатки племен Найманов, Усуней, Юэ-чжи, Джалаиров, Дулатов и других народов, о чем можно судить не только по сохранившимся в Кайсацком союзе именам этих племен, но и по географическому положению их кочевок, почти не изменившемуся с тех пор, как китайские летописи оставляют эти племена, а также и по типу их, в котором несмотря на влияние брачных союзов с соседями, удержались еще черты, совершенно чуждые восточно-туркскому типу. Усилившийся Казацкий союз захватил скоро весь Дешти-Кипчак. По смерти Гирея и Джанибека сын первого Бурундук с титулом хана кочевал в Дешти-Кипчаке, в нынешней обл. Оренбургских Киргизов, а сын второго Касим в зап. Моголистане, преимущественно на р. Каратале. Бурундук был ханом, впрочем, только по имени; сила и влияние принадлежали Касиму, который по изгнании Бурундука, умершего в Самарканде, не только сделался полным властителем Дешти-Кипчака (для этой цели он перенес свои кочевья на Улутау), но к

концу своей жизни (он умер около 1520) собрал в Казацкий народный союз более 1 млн. людей; утверждают даже, что Касим мог выставить в поле до 300 000 всадников и был страшен для таких могущественных среднеазийских властителей, каким был Шейбани-хан, которого неудачный поход на Казаков в Улутау ослабил до такой степени, что Шейбани вскоре после того погиб в войне с Шах-Измаилом. Но не долго Кайсацкий народ остался в апогее своего могущества. Наследники власти Касима, дети его брата Ядика (Джадика) Тагир и Буйдаш не сумели поддержать согласия между племенами и родами, вошедшими в состав Казацкого народа, который около 1537 г. разложился на свои составные элементы, что и принудило многих казацких султанов Джанибекова и Гиреева рода искать убежище даже у враждебных им соседей, как напр. у Ногаев. Русские летописи упоминают о Кайсаках (Казаках) в 1535 г., т. е. в то время, когда Казацкий народ был еще в силе. Во второй половине XVI в. началось возрождение и усиление Казацкого народного союза. Это видно из того, что, с одной строны, в 1557 г. Ногайский князь Исмаил жаловался Иоанну Грозному на усиление (Киргиз) — Казаков, а с другой, в 1558 г., по свидетельству Дженкинсона, Кайсаки теснили Ташкент и своими грабежами препятствовали свободному движению торговых караванов. Восстановителем могущества Казаков был, как кажется, Хакк-назар (Ак-назар) — хан, сын Касима; этого Ак-назара Сем. Мальцов, посланный в 1569 г. к Ногайцам, называет Казацким царем. Хакк-назар получил большое значение и в отношениях своих с среднеазийскими владетелями: в битве с ним погиб Абдуллатиф, владетель Аксу и Могулистана и внук Кашгарского и Яркенского властителя Султан-саид-хана. Еще более важную роль в истории Средней Азии играл родственник Хакк-назара, один из младших сыновей Ядика (Джадика) Шигай, о котором упоминает Сем. Мальцов в 1569 г., называя его ца-

Портрет неизвестного. *Перо. 1860 г. Рис. Ч. Валиханова.*

ревичем Шигаем. Шигай был верным союзником бухарского хана Абдуллы в борьбе его (1579—82) с Баба-султаном, кончившейся гибелью сего последнего; Кайсацкий хан кочевал в это время в Улутау, но умер в Бухаре. Сын Шигая — Теввекель вернулся оттуда в Дешти-Кипчак, в 1583 г. и, вмешавшись в распри Туранских государей, овладел в 1598 г. Ташкентом, Туркистаном и всею окрестною страною и разбил на голову войска бухарского хана между Ташкентом и Самаркандом. С тех пор (Киргиз)-Казаки удержали Ташкент и Туркистан в течение всего XVII в. до 1723 г., а ханы их пребывали в Ташкенте, и период этот есть второй период могущества Кайсацкого народа. Разделение Кайсаков на три орды произошло, по всем вероятиям, в этом периоде и вероятно было обусловлено владычеством над Ташкентом, так как *Средняя* орда образовалась из областей Ташкента и Туркистана, к с.-зап. от нее в Дешти-Кипчаке образовалась *Малая,* а к с.-в. в зап. Могулистане — *Большая.* Теввекель в русской истории известен своими сношениями с русскими государями по тому поводу, что племянник его Ураз-Мухамед, бывший, вероятно, в плену у Сибирских властителей (сначала у Кучума, а потом у Сейдяка) был препровожден в Россию воеводою Чулковым вскоре после основания Тобольска. Впрочем желание Теввекеля о возвращении племянника не исполнилось; Ураз-Мухамед получил во владение г-д Касимов и остался в России до своей смерти. Брат и наследник Тевеккеля хан Ишим был тот самый Казацкий властитель, к которому бежал от притеснений своего брата хана Хивинского знаменитый восточный историк Абульгазы в 1625 г. Во второй четверти XVI в., при том же хане Ишиме, загорелась борьба Киргиз-Казаков с усилившимися калмыцкими (джунгарскими) властителями; о войне сына Ишимова Джегангира с Батор-хон-тайцзием в 1643 повествует Фишер. Сын Джегангира Тявка, славный в преданиях нынешних Киргиз-Казаков как герой и законодатель всю жизнь свою провел в борьбе с Джунгарами, а именно с Галданом и Цеван Рабтаном. К началу XVIII в. борьба эта чрезвычайно ослабила Киргиз-Кайсацкие орды. Между тем, присутствие диких кочевников на границе слабых еще русских оседлых владений и невозможность миновать Кайс. степи при торговых сношениях с оседлыми государствами внутренней Азии вынуждали исторически русских к обузданию своих кочевых соседей, грабивших сначала безнаказанно наши сибирские поселения. Последствием такого порядка вещей было неминуемое вмешательство русского правительства в дела Кайсацких орд. Особенно серьезное внимание на дела Киргизской степи обратил Петр Великий, не без основания смотревший на Кайсацкую орду как на ворота к азиатским странам. Впрочем, при Петре Великом сношения с ханом Тявка, перед самою смертью своею в 1718 г. искавшим точки опоры в покровительстве России и заявившим Петру I о желании своем повиноваться Русскому государству, остались без результатов, по причине смерти Тявки. С 1723 г.

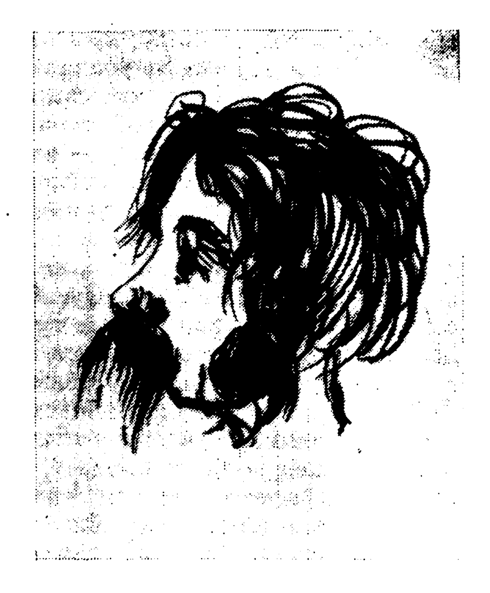
произошел крутой перелом в истории Кайсаков: ослабленные долговременною борьбою с соседями они принуждены были отказаться от обладания Ташкентом и Туркистаном и отодвинулись к северу. Сблизившись таким образом с русскими владениями, страдая от междоусобий и внутренних неурядиц, они должны были искать сильных покровителей. Большая орда подпала под власть Джунгарии, а хан Малой — Абульхаир (потомок Усяка, сына Джанибекова) в 1731 г. принял подданство России. Положение Кайсаков того времени характеризуется замечательными словами старшины Букенбая генералу Тевкелеву: «Мы бегаем, — говорил Букенбай, — от Калмыков, Башкирцев, казаков Сибирских и Яицких, как зайцы от борзых собак». Со времени принятия в подданство Малой орды, русские необходимостью защиты собственных границ от киргизских набегов, а также покровительства и обеспечения постепенно вступавших в их подданство Кайсацких орд и племен, вынуждены были подвигаться шаг за шагом в обладании, так называемыми, Киргизскими степями. За Малою Кайсацкою ордою искала помощи и покровительства русских Средняя орда, а с 1769 г. окончательное падение могущественного Джунгарского царства на восточных пределах Кайсацких орд уничтожило последнюю точку опоры кайсаков и заставило их еще более тяготеть к России. Однако же, смелый и умный султан Средней орды Аблай, принявший впоследствии титул хана, вступая, смотря по обстоятельствам, то в подданство России, то Китая, сумел сохранить фактическую независимость Средней орды до самой своей смерти, т. е. до 1781 г. Слабый преемник Аблая сын его Валихан беспрекословно подчинился России, но до начала XIX в. русское владычество и влияние в Киргизской степи не могло быть, так как русские не заводили в степи ни поселений, ни пикетов, а содержали только обширную пограничную линию со стороны европ. России по рр. Уралу, Ую и Тоболу, а со стороны Сибири — по Ишиму и по Иртышу. Другой характер приняли действия русских в нынешнем веке: в 1810 отрезано от степи при-



Портрет Е. П. Ковалевского.
Перо. 1860 г.
Рис. Ч. Валиханова.

лежащее к р. Уралу пространство, известное под именем Илецкого района, в 1882 г. открыта Омская обл., с 1824 по 1834 основаны первые русские поселения в степи Киргизов Сибирского ведомства, как напр., Кокчетав, Каркаралы (1824), Аягуз (1831), Баян-Аул и Акмолы (1832). В 1835 г. отрезано от степи между рр. Уралом и Уем пространство, которое теперь зовется районом Новой линии, и проведена эта линия с четырьмя укреплениями (Императорским, Наследника, Константиновским и Михайловским). В 1838 г. окончательно открыты и 7 внешних округов в Сибирской степи, последствием учреждения коих была последняя борьба против русских той партии Кайсацкого народа, которая, во чтобы то ни стало желала удержать свою независимость. Олицетворением этой партии была замечательная (заметная.— Прим. ред.), энергическая личность султана Кенисары, который в течение 6 лет (с 1838 до 1844 г.) умел держаться против русских отрядов, нападая то на эти отряды, то на русские укрепления, и вовремя уклоняясь из Запад. Сибири в Оренбургское генерал-губернаторство, а оттуда в Коканское ханство и наоборот. Только в 1844 г. преследуемый русскими отрядами Кенисара бросился в горные долины Кара-киргизов и, окруженный ими, погиб со своими приверженцами. Волнения, произведенные Кенисарою, имели последствием основание в степи Оренбургского ведомства в 1845 г. укрепления Оренбургского (на Тургае) и Уральского (на Иргизе), а года через три и к учреждению форта Карабутакского на вершине Иргиза. С 1845 по 1847 Больш. орда пошла в подданство России и для обеспечения ее у подошвы Семиреченского Алатау построен г-д Копал; в то же самое время с другой стороны при устье Сыр-Дарьи основано Раимское укрепление (бывшее Аральское, ныне упраздненное). В 1854 для обеспечения Кайсаков Большой орды от набегов Кара-киргизов основано укрепление Верное, у подножия Заилийского Алатау. В то же время на Сыр-Дарье на месте бывшего коканского укр. Ак-мечети основан форт Перовский, а также форт № I (Казалинский) и № 2 (Кармакчинский), через что и положено начало Сыр-Дарьинской линии. В том же году учреждены из киргизских земель Сибирского ведомства две области Семипалатинская и Сибирских киргизов. Наконец, в 1864 г. занятие подгорной полосы Туркистанской между укр. Верным и фортом Перовским окончательно замкнуло все Кайсацкие земли постоянною границею, проходящею вдоль предела оседлого средне-азийского государства — Коканского ханства. Кайсаки разделяются на три главные орды: Большую, Малую и Среднюю, к которым примыкает отделившаяся от Малой орды, четвертая — Внутренняя или Букевская. *Большая орда* занимает в Семипалатинской обл. большую часть Алатавского окр., за исключением южной его части, занятой Кара-киргизскими племенами и разделяется на три главных племени: Джалаир, Дулат и Адбан или Албан, известные также под собирательным именем

Усунь. *Средняя орда* занимает все остальные округа Семипалатинской обл. (Семипалатинский, Сергиопольский, Кокбектинский и Копальский), всю область Сибирских киргизов и отчасти переходит даже в область Оренбургских киргизов; она состоит из 4 главных племен: Аргын, Найман, Кыпчак и Увак-Гирей. *Малая орда* занимает большую часть области Оренбургских киргизов и состоит из трех главных племен: Алимулы, Байулы и Джиты-уруг (Семиродное). Наконец *Букеевская* или *Внутренняя орда* занимает довольно обширные земли на границах г-ий: Астраханской, Самарской и Земли войска Уральского и состоит из тех же племен, как и Малая. Племена разделяются на роды, роды на подроды и отделения. Численность Кайсаков определить трудно. Левшин полагал численность всех Кайсаков в $2^1/_2$ до 3 млн. д. об. п. При разработке данных 9 ревизий Кеппен исчислял количество Кайсаков в 1 201 000 д. об. п., а именно в Большой орде 100 т., Средней 350 т., Малой 650 т., Букеевской 82 т. и станичных киргизов внутреннего округа Семипалатинской обл. 18 т. д. Соединяя все новейшие сведения (1861—1863 г.), мы полагаем на Большую орду, в пределах Алатавского окр., 100 т. д. об. п., на Среднюю, в пределах Семипалатинской обл., до 146 000 д. об. п., в обл. Сибирских киргизов более 260 000 д., всего на Среднюю орду 406 т. д. об. п., на Малую, в обл. Оренбургских киргизов, до 800 т. д. об. п., на Внутреннюю или Букеевскую 150 000 д. об. п. (30 000 кибиток), а на весь Кайсацкий народ от 1 450 000 до $1^1/_2$ мил. д. об. п. Наружные черты Кайсаков, впрочем весьма различные у разных родов, носят на себе восточно-туркский тип с монгольским оттенком в аристократическом классе (у людей белой кости). Религия магометанская, но впрочем мусульманство весьма слабо в Большой орде и состоит только в исполнении, и то не весьма строгом, некоторых внешних обрядов, перемешанных с остатками шаманских верований. В Средней и Малой орде мусульманство сделалось несравненно сильнее, но и то только в период русского владычества под влиянием татарских мулл и устройства мечетей. Главное занятие Кайс.— скотоводство, составляющее всю основу



Набросок портрета Г. Н. Потанина.
Перо. 1864 г. Рис. Ч. Валиханова.

их богатства и чрезвычайно усилившееся с того времени, как русское владычество оградило значительнейшую часть Кайсацкой степи от внешних нападений, внутренних усобиц и баранты. На первом плане стоит разведение лошадей и овец степной породы; верблюдов, столь необходимых для перекочевок, Кайсаки также разводят весьма много, но рогатого скота относительно мало. На втором плане стоит земледелие, служащее только подспорьем скотоводству; сеют пшеницу, просо и ячмень. Промыслы у Кайсаков мало развиты, однако же усиливаются с приближением к русским границам и состоят в ломке самосадочной соли, найме верблюдов для перевозки товаров, найме на рыбные ловли, а в Каркаралинском и Кокбектинском окр.— на свинцовые рудники и золотые промыслы, в изготовлении войлоков и т. д. Кайсаки, ближайшие к пограничным русским г-иям, ведут с ними дов. значительную торговлю скотом и произведениями скотоводства. Кайсаки управляются собственными султанами. Малая орда и часть Средней, входящая в состав области Оренбургских киргизов, делятся в административном отношении на три части: Восточную, Среднюю и Западную, из которых каждая подчинена особому султану-правителю, подведомственному областному правлению в Оренбурге. Средняя орда в областях Сибирских киргизов и Семипалатинской делится в административном отношении на округа, из коих каждый подчинен особому приказу, состоящему из волостных старшин, под председательством старшего султана; округа, в свою очередь, подведомственны областному правлению. Большая орда в административном отношении разделяется на три племени (Атбан, Джалаир, Дулат), из коих каждое подчинено старшему султану; все три султана находятся в заведывании начальника Алатавского округа. Внутренняя орда управляется временным советом из русских чиновников с заседателями от Киргизов. Кайсаки Оренбургского ведомства платят подать с числа кибиток, Сибирского ведомства — с количества скота; Большая орда свободна от всякой подати.

Киргизы у Кайсаков, в отличие от них самих — *Кара-киргизы* (т. е. черные Киргизы), у русских — *Черные* или *Дикокаменные Киргизы,* у китайцев — *Буруты,* народ, обитающий в русских пределах в Алатавском окр. в бассейне оз. Иссык-Куля и на верховьях р. Текеса, и во вновь учрежденной Туркистанской области, в речных областях рр. Чу и Таласа, в китайских пределах — на южном склоне Тянь-Шаня в самых гористых верховьях речной системы Тарим-гола, и наконец в Коканском ханстве в горных местностях верховьев речных систем Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи до Памирского плоскогория и озера Сары-кол. Кирг. известны в китайских летописях с V в., сначала под именем *Гян-гунь* (Kian-kuen), потом под именем *Хагас* (Hakas), наконец, под именем *Киргиз,* по китайской транскрипции *Ки-ли-ки-цзы.* Страна, в которой обитали Хагасы или древние Киргизы, была далека от нынешней их области распространения, а именно находилась в юж-

ных частях нынешней Енисейской и Томской г-ий, а в китайских пределах — в долине верхнего Енисея до гор Тан-ну на юге. В этой стране застали Киргизов еще русские в XVII в. В течение XVII века енисейские Киргизы вели против русских завоевателей Сибири отчаянную борьбу, которая кончилась совершенным уничтожением енисейских Киргизов: большая часть их погибла в битвах, часть бежала на юго-зап. в киргиз-кайсацкие степи, часть смешалась с другими племенами Енисейской г-ии, утратив навсегда свою самостоятельность и даже свое имя. Древние Киргизы (Хагасы), которых китайские летописцы описывают как рыжеволосое, румяноликое и светлоокое племя, стояли на относительно довольно высокой степени развития между кочевниками Средней Азии, умели добывать золото, медь, железо, из которых даже ковали оружие, занимались, кроме скотоводства, отчасти и земледелием и состояли в торговых связях не только с Малой Бухарией, но даже с Китайцами и Аравитянами. В IX в. Хагасы распространили свое владычество так далеко к ю., что, по свидетельству летописца Т'анской династии, владения Хагасов простирались на ю. до Тибета, т. е. вероятно до нынешнего их южного предела — Памирского плоскогория. Имя *Киргиз* в первый раз встречается в описании посольства Земарха, восточного римского префекта, посланного Импер. Юстинианом II в 569 г. к туркскому хану (Тугю или Дулга) Дитубулу *[1], который уступил Земарху свою пленницу из племени Киргиз. Подчиненные в IX в. Хагасами Уйгуры уже свергнули с себя их иго в X в., так что утратившие свое могущество Хагасы исчезли на время из истории, но появились в ней снова во второй половине XIII в. под именем *Киргиз* (у Китайцев — Киликицзы) в двух отдаленных одна от другой областях, а именно с одной стороны на Да-кеме или верхнем Енисее, в своей первобытной родине, а с другой — в горных долинах и ущельях Т'янь-шаня, близ Муссартского горного прохода, где летописцы династии Юань говорят о них, как о весьма хороших переносчиках тяжестей на Муссартском ледяном проходе, а в конце XV и в XVI в. Кирг. играют некоторую роль в истории соседних с ними владетелей Яркенда и Кашгара и Казацких или

*[1] Дату-Були-хан был, как кажется, младший сын Кигиня или Муюй-хана, основателя могущества турков (Ту-гю), раздвинувшего их пределы до Корейского зал. на в., Си-хая или западного моря (вероятно, Аральского м.) на з., степи Шамо на ю. и Северного моря на с. Кигинь властвовал с 553 по 569 г. Були-хан, по свидетельству китайского летописца Т'анской династии, жил в Западном крае, т. е. у северной подошвы Небесного хр., который китайцы и турки называли в то время Белыми горами (китайцев Бо-шань, а у турков Ак-таг). Следовательно, Эктаг Земарха есть не Алтай, как то предполагал Гумбольдт, а Ак-таг или Бо-шань, т. е. нынешний Небесный хр. (Т'янь-шань). Шестьдесят один год спустя после посольства Земарха, т. е. в то время, когда Туркское государство окончательно разделилось на восточное и западное, буддийский миссионер Хюан-цзан нашёл западного туркского хана Шеху на сев. склоне Т'янь-шаня, близ оз. Иссык-куля, куда хан этот пришёл из своей резиденции на Мин-булаке или Тысячи источниках (в предгорьях зап. оконечности Т'янь-шаня).

Кайсацких ханов. Таким образом, очевидно, что народные движения с X до XIII в., совершившиеся как и все народные переселения из внутренней Азии, в промежутке между Алтаем и Т'янь-шанем раздвинули народную массу киргизов на две отдельные группы — Енисейскую и Т'янь-Шаньскую или Андиджанскую. Отдаленность этой эпохи достаточно объясняет, почему у дикокаменных Киргизов не сохранилось никаких преданий о переселении их с Енисея. Енисейские Киргизы исчезли, как мы уже сказали, в начале XVIII в., и только слабые их остатки едва могли добраться через киргизские степи до соплеменных Т'янь-шаньских киргизов, так что обстоятельство это не могло оставить никаких следов в киргизских преданиях. Дикокаменные киргизы, со всех сторон окруженные народами туркского, а отчасти монгольского типа, почти утратили тип своих рыжеволосых, краснолицых и светлоглазых предков Хагасов, но мы положительно встречали многих рыжеволосых и светлоглазых киргизов между племенем Сарабагиш, а отчасти и племенем Богу, а красноватый цвет кожи, соединенный с несколько финским типом лица, поражает при первой встрече с Кара-киргизами. Язык Кара-кирг. чисто туркский и теснее подходит к языку алтайских туркских племен, чем даже к Кайсацкому. Впрочем, едва ли и древние Хагасы говорили другим языком, так как китайский летописец династии Т'ан положительно утверждает, что язык Хагасов был совершенно сходен с уйгурским, да и слова, приводимые китайскими писателями из языка Хагасов и енисейских киргизов XIII в. (как напр. Илан — змея), подтверждают это свидетельство. Нынешние дикокаменные киргизы разделяются на два главных отдела: *Он* (правый) и *Сол* (левый). К первому принадлежат племена *Богу, Сарыбагиш, Солты, Саяк, Чон-багиш, Черик и Бассыз,* ко второму:*Сару, Мундуз, Конче* (у Радлофа Кучу) и *Кытай.* Отдел *Сол* весь обитает между Таласом и верховьями Аму-Дарьи в коканских и бухарских пределах. Отдел *Он* распространен на обоих склонах Т'янь-шаня, на речных системах верхнего Текеса, Иссык-куля, Нарына (Сыр-Дарьи) и р. Чу. Только два племени Богу и Сарыбагиш находились до 1864 в русском подданстве, но ныне племена Саяк и Солты пошли, по примеру своих соплеменников, в русское подданство. Вследствие сего только о племенах Богу и Сарыбагиш имеются более подробные сведения. Племя Богу подразделяется на роды и подроды следующим образом: 1) род *Билек* состоит из 3 000 юрт и следующих подродов: а) *Алдияр,* б) *Алдаш,* в) *Токай,* г) *Токачь,* д) *Саты,* е) *Такабай;* 2) род *Баур* состоит из 400 юрт и двух подродов: а) *Сары-баур* и *Кара-баур;* 3) род Арык из 2 500 юрт и 4 подродов: а) *Кучук,* б) *Ундан,* в) *Сарыке,* г) *Сары-калпак*; 4) род *Бапа* состоит из 300 юрт и двух подродов; а) *Джолчора* и б) *Чилпак'* 5) род *Кыдык* состоит из 1 750 юрт и 4 подродов; а) *Аудай-бакты;* б) *Даксы-ык,* в) *Торгай,* г) *Джаманбай;* 6) род *Джильдек из* 1 050 юрт и 3 подродов; а) *Куручбек*; б) *Сарыкатык* и в) *Balике.* Таким образом, численность всех Богу прости-

рается до 11 000 юрт или от 55 000 до 60 000 д. об. п. Племя Сарыбагыш подразделяется следующим образом: 1) род *Исенгул* (прежде *Булат)* состоит из 10 000 кибиток и подродов: а) *Асык,* б) *Усюк,* в) *Чертыки,* г) *Чагалдак,* д) *Абла,* е) *Сабур,* ж) *Чичей,* з) *Таздар,* и) *Камлакы,* к) *Джантай,* л) *Аюке,* м) *Мунгулдур,* н) *Джарбак,* о) *Ишым,* п) *Джитыген, р) Бишкурэн;* 2) род *Тынай* состоит из 4 000 юрт; 3) род *Чирикчи* (прежде Темир) из 2 000 юрт и 4) род *Надырбек* из 500 юрт *[2]. Таким образом, общая численность Сарабагишей определяется в 16 500 юрт или от 80 до 90 000 д. об. п. Племя Саяк, вошедшее в недавнее время в русское подданство, состоит не менее как из 10 000 юрт или 50 000 д. об. п., а таким образом все количество Кара-киргизов в русских пределах превышает 200 т. д. об. п. Если предположить еще до 150 т. Каракиргизов в Коканском ханстве (Вуд полагал там до 100 т. д. об. п.) и Малой Бухарии, то численность всего народа не превзойдет 350 т. Главное занятие и источники благосостояния Кара-киргиз есть скотоводство. Лошади их малорослы, но красивее кайсацких и необыкновенно способны к горной езде. Овцы всегда с курдюками, отличаются от кайсацких более тонкою шерстью. Верблюды двугорбые и одногорбые, но Киргизы, занимая чрезвычайно гористые страны, разводят верблюдов в несравненно меньшем количестве, чем Кайсаки. Зато рогатый скот разводится в несравненно большем количестве, чем в Кайсацких ордах, и даже волы служат у Киргизов отд. Сол для верховой езды и перевозки вьюков. Тибетские длинношерстые быки (яки) разводятся в немалом количестве у киргизов отд. Сол, встречаются иногда и у племени Богу. Но вообще у черных киргизов, вследствие их частых усобиц и притеснительных поборов их прежних властителей Коканцев, несравненно менее скота, чем у Кайсаков, и самые богатые люди имеют не более 3 000 лошадей, между тем у богатых Кайсаков Средней орды число лошадей доходит иногда до 25 т. голов. Земледелие составляет только подспорье для Кара-киргизов. На плодородных и весьма удобных для искусственного орошения полей прибрежьях Иссык-куля (преимущественно на Терскее, т. е. юж. прибрежье озера) племя Богу высевает ежегодно до 15 т. кабов (мешков) хлеба, исключительно пшеницы, проса и ячменя. Один каб посева почти всегда дает 10 кабов сбора. Хлеб перемалывается на собственных ручных мельницах; из проса К. гоняют бузу (брагу), а из бузы водку, которую пьют в большом количестве. Звероловство у Киргизов не имеет значение промысла; на охоту они ездят только для забавы. Рыболовством, не смотря на обилие рыбы в Иссык-куле, Киргизы совсем не занимаются. Других промыслов у киргизов нет; единственные их изделия: войлоки, грубые шерстяные ткани из верблюжьей шерсти, шерстяные тесьмы и

*[2] Данные о названиях Киргизских родов и подродов и их численности обязательно (любезно.— Примечание ред.) сообщены г-м переводчиком Бардашевым.

веревки, шерстяные колпаки и бурки из козьей шерсти. Все остальные предметы своей одежды и домашней утвари Кирг. выменивают на скот у торговцов, приезжающих к ним из Кашгара, Ташкента, Кульджи и России. К таким предметам относятся шелковые и бумажные ткани (даба), металлические изделия, выделанные кожи, русские сукна, бумажный бархат, ситец и проч. Кирг. управляются патриархальными родовыми правителями, известными под именем *манапов*. Манапы эти не считаются принадлежащими к «белой кости», т. е. аристократами, как султаны Кайсаков, но зато пользуются более неограниченною властью и даже могут продавать и убивать своих подданных. Впрочем у Богу власть манапов несравненно слабее, чем у Сарыбагишей. Кочевья Киргизов гораздо более скучены чем у Кайсаков, так что подроды их находятся большею частью вместе, а не разбиваются на мелкие аулы. Кирг. считают себя мусульманами, но редкие из них знают о существовании пророка и не имеют не только понятия о догматах религии и содержании корана, но даже весьма мало придерживаются наружным правилам мусульманства. Зато следы старого шаманства и даже поклонение огню, сопровождаемое шаманскими плясками и заклинаниями, удержалось между Кара-киргизами. Шаманы их носят длинные волосы, колпаки и накидки из лебяжьего пуха и пр. Племя Богу вступило в русское подданство в 1855 г., Сарыбагыш в 1860 г. Черные Кирг. не платят никаких податей и отправляют только некоторые повинности натурою при переходах русских отрядов. Они состоят в ведении начальника Алатавского округа, утверждающего манапов в их должностях. Кирг. большие охотники до музыки и импровизации. У них есть своя народная эпическая поэма Манас и несколько других поэм.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ НАСЛЕДИЯ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

[АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РУССКО-ДЖУНГАРСКИХ И КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ. (РУКОПИСНЫЕ ДОКУМЕНТЫ)]

Указ из Сибирской губернской канцелярии в Ямышевскую крепость подполковнику Зорину сего [1]741 года генваря 13 дня

8 || В письме Вашем с сообщением известия бригадиру и Сибирской губернии губернатору Бутурлину объявлено, что в тех сторонах все за помощью божию тихо и благополучно, кроме что войска немало кругом стен обстоит Галдан-Чиринского, и калмыки-де, приезжая, требуют себе [для] починок якобы керок и лопат кузнецов. На что им отказано, будто у нас кузнец один и тот болен. Да спрашивают, все ли-де у вас здорово. На что объявлено: все благополучно.

Да некоторые-де калмыки, или бухарцы, неведомо, ночным временем, встали-де воем *[1] близ крепости, в полуверсте, где бикет *[2] стоит, ломали изгороди обывательские и дрова брали солдацкие на варево. И когда-де им караульными стали воспрещать *[3], то-де поленьем двоих прибили. А наши не смеют боронятца, о чем хотя башлыку их бухаретину говорено, на что сказал, чтоб узнать их, опознать-де нельзя было ночью, темно-де. В то время были у них розговенья, и были они пьяны. И при том бое нашим говорили: вы-де живете на нашей земле и едите, и пьете, и носите наше, и соль-де нашу берете, и чтем-де мы вас хуже собак.

Да декабря 15 дня от Септеня бывшие люди объявили, что-де их калмыки юрт с четыреста Казачьей орды разбили и много их в полон взяли. А по справке в Сибирской губернской канцелярии, что в вышеписанном письме и в известии Вы, господин полковник, объявляете, о том от Вас доношения в Сибирскую губернскую канцелярию не переслано. И сего генваря 14 дня по указу и по определению Сибирской губернской канцелярии велено в Ямышевскую крепость к Вам, господину подполковнику Зорину, послать сей указ и велеть Вам, господину подполковнику, ежели от них, зюнгорских калмыков, такие непорядочные поступки, как в письме и в известии Вашем объявлено, подлинно были, то Вам,
8 об. господину подполковнику, в Сибирскую || губернскую канцелярию прислать обстоятельное известие в самой скорости, понеже над-

*[1] То есть *войском*.
*[2] То есть *пикет*.
*[3] То есть *стращать*.

лежит о том по указам рапортовать, и подполковнику господину Зорину учинить о том по сему указу.

Генваря 15 дня 1741 года.

На подлинном пишет тако: *Петр Бутурлин.*

В Сибирскую губернскую канцелярию из Ямышевской канцелярии рапорт

|| О действительном исполнении по присланному указу из помянутой губернской канцелярии от 15 генваря под № 0 591-м, а здесь, в Ямышевской канцелярии, полученному сего февраля 18 числа настоящего 1741 года.

Велено, ежели от зюнгорских калмыков непорядочные поступки, как в письме и известии к господину бригадиру и сибирскому губернатору Бутурлину отсель объявлено, подлинно были, то в оную губернскую канцелярию прислать обстоятельное известие для рапортования, куда по указам надлежит.

И после оного указа сим благополучно во известие объявляется: в прошлом 1740 году в декабре месяце пришшие из стоящего по здешней Ямышевской стороне Иртыша-реки зюнгорского калмыцкого многолюдственного войска Уралчурал-кашки с протчими от лица главного их башлыка, Галдан-Чиринского брата, Септеня-
9 ноена просили, якобы || для починок керок и лопат кузнецов. На что объявлено, что при здешней крепости — один кузнец и тот весьма болен (хотя оный и здрав был). Тако ж спрашивали, все-де у вас здорово. И сказано им, что все благополучно.

Да того декабря 12 дня в Ямышевскую канцелярию стоящий на карауле в караване у прибывших из землицы зюнгорского владельца Галдан-Чирина бухарцев за капрала Тобольского полка солдат Федор Буранов рапортом объявил: того-де декабря против 11 числа в ночи, в шестом часу, увидели бухарца одного, а как его зовут — не знаю, стоящие на часах Тобольского полка солдат Яков Резин, служилый Василий Пушкарев, с дровами здешних обывателей. И стали ему, бухарцу, они, часовые, говорить, зачем-де ты наши русские дрова крадешь. И он, бухаретин, стал с ними, часовыми, дратца и бранитца. И бил их, солдата и служивого, поленом и говорил им, вы-де живете на нашей земле и едите, и пьете, и носите все-де наше, и соль берете нашу ж-де, и чтем-де мы вас хуже собак. А часовые его, бухарца, по указам ничем бить и бранить не смели.

А в то время у них, калмыков, были розговенья и праздник, и были они, калмыки, пьяны. Да и наперед того они, иноземцы, изгороди на дрова ломали. И для того послано было к имеющемуся в том караване башлыку-бухаретину Назрукбаю объявить: для чего такие обиды чинят; да и чтоб о том запретить и виновных штрафовать. На что оной бухаретин-башлык сказал, дабы оным людям, которые были, опознать. Токмо опознать было неможно, ибо били ночью и кто в лице не видно.

Да того ж декабря 15 дня бывшие здесь от упоминаемого Септена калмыки обер *[1] с протчими объявили при разговоре, что-де их калмыцкое войско юрт с четыреста Казачьей орды разбили и много-де их казаков в полон взяли.

Да по ведомостям о трате в здешней крепости оные калмыки от берега Ямышева озера приготовленную к поставке в крепость по силе указов соль увезли себе у солдат и казаков 317 кадей весом 3328 пудов 20 фунтов. Да и завсегда из озера соляного сколько им надобно соли берут, и запретить им в том опасно без указа. Да когда вышеявленный Септен с войском от Заречной стороны переехал на Яблышевскую *[2] сторону, тогда по кормовищам до Семипалатинской крепости, а после их же войска, переезжающие для караулов вниз по дороге к Железинской крепости и идущие к Тобольску послы [со] свитой, от Железинской до Омской крепости все сено казенное потравили. И переезжающим партиям с указами и протчим лошадей кормить всю зиму было нечем, токмо возить из крепости в крепость с собою было с превеликою трудностью. О чем когда посланный обер-офицер упоминаемому
9 об. Септеню объявил и просил, чтоб от таковых обид || своих людей унять, на то оный Септен объявил, что-де когда через реку перешли ночью и, не знаючи себе, пустили зверей и лошадей, и скот. Тогда-де не токмо чтоб сено поели, но и многое разнесли, а когда б-де знали, что есть сено, то-де скот не пустили.

По вышеписанном в Сибирскую губернскую канцелярию сим благополучно рапортуется.

Февраля 20 дня 1741 года.

При подлинном подписано: подполковник *Тимофей Зорин.*

[Указ Екатерины II генерал-поручику Шпрингеру] *[3]

15 || Как по получении в нашем сенате и в коллегиях иностранных дел и военной рапортов ваших из Усть-Каменогорской крепости от 12 июля сего года, с приложенною притом журнальною запискою с полученными вами известиями о заграничных в китайской стороне обращениях, уведомлено здесь между прочим, что застроенные в прошлом 1761 году инженер-майором Петрулиным при устье реки Бухтармы и вверх по оной реке для складки провианта и тягостей на тогдашнее время земляные защиты, обнесенные рогатками, по найденным признакам сожжены китайцами и что в некоторых местах многим числом китайские войска собираются и настоит от них для здешней стороны опасность. А между тем также в получении уже были здесь известия от генерал-майора и селенгинского коменданта Якобии об остановлении китай-

*[1] То есть *обер-офицеру.*
*[2] Описка, следует: *Ямышевскую.*
*[3] Получен генваря 3 числа 1765 года.

цами на Кяхте торга и о введении в китайские наймачины мунгалов под видом караула.

То мы, соображая все сии известия с оказуемыми с некоторого уже времени китайского двора холодным поведением и в переписках с нашим сенатом неумеренными изражениями [*2] и досадительными укоризнами и находя потому необходимую нужду сибирские границы, поелику возможно, усилить и в лучшую перед нынешним безопасность привести, повелели нашим действительному тайному советнику Неплюеву, генерал-фельдцейхмейстеру Вилбоа, действительному тайному советнику Панину, генералу графу Чернышеву, действительным тайным советникам графу Миниху и вице-канцлеру князю Голицину, генерал-поручику Веймарну и тайно-
15 об. му советнику || Олсуфьеву иметь по вышеозначенному обстоятельству конференции и, сообразя все до того дела, касающиеся части государственного и нашего интереса, сделать с безопасностью и пользою границ наших сходное положение и оное немедленно нам представить.

И во исполнение того высочайшего нашего повеления означенные персоны, имев между собою конференции о следующем, а именно: 1-е, какие предписать виды и к исполнению оных общие меры сибирским губернаторам и другим управителям для приведения в лучшее состояние той отдаленной области; 2-е, какие вновь учинить учреждения касательно тамошнего с китайцами торга и таможенных дел; 3-е, какие сделать вновь распоряжения об обороне границ, дабы не были оные подвергаемы внезанным нападениям, и, наконец, 4-е, какими ближайшими и пристойнейшими средствами начать с китайцами негоциацию для приведения настоящих с ними в делах замешательств в сносное состояние, по последней мере хотя до того времени, пока здешние границы с их обороной так учредятся, чтоб можно было претензии, с здешней стороны чинимые, подкреплять в то же время военными оказательствами. Постановили тому план и оный поднесли нам на высочайшую апробацию.

Мы по рассмотрении сего плана, нашед оный на первый случай во всем достаточным, сего октября 19-го дня всемилостивейше конфирмовали [*3]. А какое в том плане положение сделано, то для обстоятельного вашего сведения посылается к вам при сем точная копия. И что касается до первых трех пунктов, выше сего изображенных, то надлежащее по оным распоряжение и учреждение сделать поручено тем департаментам, до которого что следует и от которых ожидать вам принадлежащие до вас повеления.

Касательно же до четвертого пункта, чрез сие вам повелеваем,
16 а именно: понеже напеpед сего || китайцы по известному их чрезмерно величавому поведению и при всяких случаях упрямству, злобясь на нашего генерал-майора и селенгинского коменданта Якобия за то, что он при бывших на границе с мунгальскими

---

*2 То есть *выражениями*.

*3 То есть *подписали*.

пограничными управителями съездах в решении обоюдных пограничных споров не последовал их прихотям, но по должности своей всегда наблюдал и предостерегал честь и достоинство, также интересы нашей империи, неоднократно отзывались сюда, якобы он, Якобий, в произведении пограничных дел несправедливо поступает (о чем и в недавно полученном здесь из китайского трибунала листе упоминается), и требовали, чтоб на место того Якобия с здешней стороны другая персона знатного чина определена была. То хотя мы по нынешнему китайского двора поведению и оказуемым грубостям, а паче по надменной величавости справедливую причину имели б ни в какое дело с оным более не вступать и всякую корреспонденцию пресечь, но как лучше хотим мы полюбовными средствами привести дела с китайцами в добрый порядок и, не испытав оных, не поступать на крайность, тем паче, что и границы наши не находятся еще в безопасном состоянии, то в таком рассуждении и дабы китайцы рановременно не приняли на здешнюю сторону подозрения, по случаю будущих к обороне границ при уготовлении, признали мы за потребно при настоящем случае сделать еще покушение обойтиться с ними ласкою.

И потому повелеваем вам о своем к пограничной команде определении и о прочем через генерал-майора и селенгинского коменданта Якобию отправить к мунгальским пограничным управителям приложенное при сем, нарочно для того здесь заготовленное на российском языке с маньчжурским переводом, письмо, подписав оное вашею рукою и приложа к оному по их обыкновению печать. Такое ваше уведомление, как уповается здесь, китайцы может
16 об. быть примут || с удовольствием по причине определенного в персоне вашей нового командира. И, без сумнения, не оставят со своей стороны к вам на то ответствовать и о чем-либо до пограничных дел касающемся отозваться. А притом, может быть, и торг по-прежнему на Кяхте восстановят, да и спокойными на некоторое время останутся. А тогда, по усмотрению обстоятельств, можно будет здесь и согласную резолюцию предпринять.

Впрочем же мы, рекомендуя вам со своей стороны наблюдать пограничное спокойствие и до усмотрения впредь не подавать случая к раздражению китайцев, ожидать будем почасту обо всем обстоятельных ваших доношений. А между тем за нужное находим приметить вам, чтоб присылаемые от вас сюда о заграничных обращениях известия всегда были основательны, ибо вам поблизости лучше можно достоверность оных судить, нежели здесь по великому отдалению, в чем и полагается надежда на вашу к службе нашей верность и радение. С сего нашего указа сообщена точная копия в Селенгинск к генерал-майору Якобию, дабы, он, ведая об учиненном новом распоряжении, сходственно тому и поступки свои учреждал по пограничным с китайцами делам.

Дан в Санкт-Петербурге октября 29 дня 1764 года.

По именному ее императорского величества указу:

А. Панин, К. А. Голицын.

Ее императорскому величеству всеподданнейший доклад

17 || Ваше императорское величество по докладу сената и по полученным из разных мест известиям о беспокойных на сибирских границах обстоятельствах нижеподписавшимся всевысочайше повелеть изволили, собрав все потребные к тому сведения, иметь конференции и, сообразя все до сего дела касающиеся части государственного и вашего интереса, сделать с безопасностию и пользою границ ваших сходное положение и оное представить вашему императорскому величеству.

А как такому высочайшему повелению подало главнейшую причину присланное от генерал-поручика Шпрингера доношение из Усть-Каменогорской крепости от 10 числа июля сего года, в котором доносит он, что застроенные еще в 1761 году от бывшего для осмотра и описания тамошних мест инженер-майора Петрулина по реке Бухтарме на тогдашнее время земляные защиты, кои после так и оставлены, сожжены и что по найденным признакам примечается, что то сделано китайцами, и что впрочем по разведыванию оказывается, якобы в некоторых местах находится множество в собрании китайского войска, то нижеподписавшиеся, должнейше исполняя высочайшее данное им повеление, рассматривали подробно означенное генерал-поручика Шпрингера доношение и, соображая упоминаемые в оном обстоятельства с положением тамошних мест и с весьма трудными и неспособными для многолюдства с китайской стороны проходами, признали согласно, что из того как по собственному от генерала Шпрингера рапорту,
17 об. основанному по большой части на разных слухах и весьма || недостаточных примечаниях, так и по полученным потом из других тамошних же мест известиям ничего такого рассудительно определить невозможно, чтоб могло представить настоящую важную опасность.

При всем том нижеподписавшиеся, не упуская из вида высочайшее данное им повеление, слушали касающиеся до здешних с китайцами границ дела, рассматривали разные ландкарты, особливо же слушали данную генерал-поручику Шпрингеру за высочайшим вашего императорского величества подписанием инструкцию о заведении крепости при устье реки Бухтармы, впадающей в реку Иртыш. И нашед оную инструкцию весьма достаточною и уважая все главные части, составляющие сибирское учреждение и великое оной пространство, большей частью необитаемое, положили главные и с нынешними обстоятельствами сходственные правила, о достижении которых стараться надлежит.

Первое, чтоб предписать виды и к исполнению оных общие меры сибирским губернаторам и другим управителям для приведения в лучшее состояние той отдаленной области.

Второе, чтоб вновь учинить учреждения касательно тамошнего с китайцами торга и таможенных дел.

Третье, чтоб сделать вновь распоряжение об обороне границ,

дабы не были оные подвергаемы внезапным нападениям; и, наконец, четвертое, чтоб ближайшими и пристойнейшими средствами начать с китайцами негоциацию для приведения настоящих с ними в делах замешательств в сносное состояние; по последней мере
18 хотя до того времени, пока здешние границы с их || обороною так учредятся, чтоб можно было претензии, с здешней стороны чинимые, подкреплять, в то же время военными оказательствами.

Нижеподписавшиеся, имея довольное рассуждение для поспешествования и достижения означенных правил, следующее всеподданнейше представляют на высочайшее вашего императорского величества благоизобретение.

1. Как Сибирская губерния весьма пространна и потому производимая с сибирским губернатором, находящимся всегда в Тобольске, из отдаленных тамошних городов переписка подвергается великим неудобствам, ибо присылаемые к нему рапорты, будучи поздно получаемы, не могут и потребные на то резолюции в свое время отправляемы быть, итак, за дальностью весьма много времени проходит в ожидании резолюций, то для отвращения того неудобства необходимо нужно разделить Сибирь на две губернии и учредить губернаторов в двух местах, а именно: в Тобольске и Иркутске. А притом переменить принятые по сие время статские правила о распространении звериной там ловли, отчего в сем обширном и весьма малолюдном царстве знатная часть народа без всякого попечения остается рассыпанною в отдаленных северных
18 об. пределах, провождая || жизнь почти скотскую и, наконец, погибая совсем. А напротив того, предписать тамошним губернаторам и другим градоначальникам, чтоб они за главнейший предмет себе поставляли стараться всякими выгодными и ласковыми способами выводить людей из тех холодных пределов и, сводя их ближе между собою, сделать селения к полуденной стороне на землях, для поселенского житья удобнейших. Каковым поселением как границы со временем приведены будут в лучшее состояние, так и истинная той земли польза от земледелия и прямых поселянских промыслов несравненно возрастет пред тою, которая ныне приобретается от одной только звериной ловли в бесплодных к северу лежащих сибирских землях.

2. Что касается до производимого с китайцами на Кяхте торга, который они, поставляя для России будто более надобным, а для себя не столь нужным, остановили и перевели в Ургу, китайский город, до трехсот верст от Кяхты лежащий, дабы тем, с одной стороны, взятие здесь с российских купцов пошлин (как видно по собственным сих купцов проискам) перервать, а с другой — увеличить свою высокомерность и принудить здешних купцов ездить в оную Ургу. То хотя китайцы, по полученным вновь от генерал-майора Якобия доношениям, уже сбавили свою спесь и начинают на Кяхту паки с товарами приезжать, и уповательно теперь торг
19 по-прежнему производиться стал, однако || собрание рассуждало, не можно ли для производения той торговли учредить в пользу

российских купцов особую вольную компанию для всякого желавшего в оную вступить. Для того, что ежели та торговля в руках одной компании будет, то никакой в ценах перебивки быть не может, а от сего и собственная купеческая их польза зависеть будет. И что ежели та компания учредится, то она сама для себя уже стараться будет к потаенной продаже пресечь все пути и способы. А от того последует, что в сборе пошлин казне вашего императорского величества никакого ущерба не будет. Но понеже учреждение такой особливой вольной компании зависит от соглашения многих купцов, которых соединить весьма трудно и много времени потребно, то рассуждаемо было и паки, какие бы изыскать средства к приведению здешнего торга с китайцами в лучшее для российских подданных состояние и учредить оный таким образом.

Первое, чтобы российские купцы впредь меньше зависели от китайцев.

Второе, чтоб оные ж купцы перестали друг другу чинить подрыв, как по сию пору было генеральным почти к одному торгу устремлением и междоусобным несогласием.

Третье, чтобы китайцы не имели больше причины жаловаться на отягощение, причиненное их торгу тарифом, сделанным тому несколько лет назад.

Почему и признаны за полезные и способные к тому следующие положения:

1. Позволить по-прежнему всякому российскому купцу в сем торге иметь участие.

19 об. || 2. Но вместо того, чтоб приезжать прямо на Кяхту, останавливаться им в городе Селенгинске, куда с сих пор съезжаться всем тем, кои захотят торговать с китайцами.

3. Как скоро соберется в Селенгинске купцов довольное число, то выбрать им между собою трех или четырех директоров, или, лучше сказать, маклеров, которых должность имеет состоять в том, чтоб от всякого интересанта *[1] взять точное объявление привезенных туда товаров и цены, по которой они могут их продать. При учреждении же того оных директоров обязывать присягами о верном отправлении поручаемого им общего интереса в продаже, покупке и мене товаров с китайцами, так и о неутайке пошлин за отвозные и привозные товары.

4. Хотя каждому дозволяется ехать самому с товарами своими на Кяхту, однако ж запрещается ему вступать за себя особливо в какой-либо договор с китайцами, а мешаться в сие дело единственно выбранным маклерам, как выше сказано, кои бы разменивали товар по учрежденной цене. А ежели кто из купцов, мимо маклера, осмелится вступить сам в торговлю, тот имеет штрафован быть пятьюдесятью процентами в пользу прочих интересантов и исключен быть за то навсегда из сего торга.

---

*[1] То есть *человека, преследующего свои выгоды;* в данном случае — *купца.*

5. Для предупреждения, чтоб богатые купцы не препятствовали множеством привезенных туда товаров бедным сбывать свой
20 с рук, || учреждается, чтоб ни тем, ни другим не возить на Кяхту всех своих товаров, а только часть, например, половину, оставя прочие в Селенгинске, пока первые продадутся или пока китайцы потребуют оных больше.

Что же принадлежит до жалоб китайцев на последний тариф 1761 года, якобы к предосуждению их торга сим тарифом товары как российские, так и китайские отягощены чрезвычайными пошлинами, то сие передается на рассуждение комиссии о коммерции. Не лучше ли б было для пользы оной жертвовать на несколько времени часть доходов, дабы чрез то вернее получать остальные, то есть уменьшить тариф сибирский и освободить, ежели не вовсе, то по малой мере некоторою часть от налога тринадцати процентов, называемого внутреннею пошлиною, всякое российское продаваемое китайцам произращение, тем наипаче, что для разных сортов мягкой рухляди нет лучше вывоза, как с той стороны.

Сверх же того, для успокоения китайцев послужит еще переведение из глаз их в иное место таможни, бывшей поныне на Кяхте. Ближайшее же и способнейшее для оной место полагается город Селенгинск, где, как выше упомянуто, быть генеральному всех съезду. А положение Селенгинска есть таково, что нетрудно будет препятствовать купцам провозить товары беспошлинно окружными дорогами, вследствие чего и надлежит ныне же пе-
20 об. ревести || таможню и сбирать пошлины в оном городе.

Не меньше ж весьма нужно как для поспешествования коммерции, так особливо для скорейшего отправления дел сделать достаточное учреждение почт, тако ж заводить такие суда кои бы по Байкалу озеру безопасно и надежно употребляемы быть могли для перевоза товаров и людей.

3. Для приведения же Сибирского края в безопасное и оборонительное состояние собрание рассудило на первый случай следующие военные распоряжения учинить, а именно:

Первое. Драгунским двум полкам, назначенным быть в Казани, вступить в Сибирь и взять непременные квартиры: Азовскому — в крепости Святого Петра и Павла; Ревельскому — в Омске; там же уже находящимся драгунскому Троицкому — в Ямышевской крепости; Вологодскому — в Усть-Каменогорской; Сибирскому — в Железинской; Луцкому — в Биаше; Олонецкому — в Кузнецке; Колыванскому — в Иркутске; Якуцкому карабинерному — в Селенгинске; пехотному Селегинскому — в Селенгинске ж, пехотному Томскому — в Усть-Каменогорской.

А как из сих двух пехотных Селенгинский выведенными из Польши беглецами формируется, а Томский еще формироваться имеет, то Коллегия иностранных дел, снесясь с военною, в скорейшем того наполнении людей старание приложить имеет. И Военная коллегия по получении их может распоряжение учинить со всеми на основании конфирмованного доклада о форми-

21 ровании || полков в Иркутске и Селенгинске. Касательно же до прочих четырех полков, в том докладе упомянутых, то формирование их до времени оставить.

Второе. По крайнему в Сибири недостатку в полевой артиллерии определяется по приложенной здесь ведомости под литером «А» отправление [двум частям] учинить, из которых одной части с ее лошадьми, припасами и служителями полагается непременные квартиры иметь в Омске, а другой — в Селенгинске. На отправление же обеих частей потребно чрезвычайной суммы десять тысяч рублей, из которой, что в остатке будет, для содержания их под прикрытием в обоих назначенных к стоянке им местах сделать сараи и обнести рвом.

21 об. || Третье. Прикомандировать к находящемуся в Сибири генералитету еще одного генерал-майора, и представляется к тому, яко весьма в тех сторонах сведущий, генерал-майор Якобий к причислению в военный армейский штат. Квартиры всему назначенному в Сибири генералитету назначаются: генерал-поручику — в Омске или где обстоятельства потребуют; одному генерал-майору — в Петропавловской; другому — в Усть-Каменогорской; третьему — в Омской крепости; четвертому — в Селенгинске.

22 || Четвертое. А чтоб полки больше в совокуплении держаны и всегда готовыми к учинению надлежащего отпора и предприятия находились, а не в разволочке по форпостам таким образом, что ни к обороне, ни к защищению неспособными, Военной коллегии там командующему генералитету от себя подтверждение и наставление дать. Не меньше же и о том, чтоб отправляемая полевая артиллерия с ее служителями без крайней нужды не по клочкам, но каждая часть вместе для нужного случая находилась.

Пятое. Селенгинск обнести земляным рвом и, где полевая артиллерия постановлена будет, сделать небольшое особливое земляное укрепление. А гарнизону определить два батальона на основании прочих гарнизонных пограничных батальонов, в числе которых один формировать вновь, а другой перевести из назначенных двух батальонов гарнизонных в Иркутске и определить туда из штаб-офицеров комендантом с определенным жалованьем майорским по штату из воинской суммы. Из сего же селенгинского гарнизона для содержания караулов посылать на Кяхту, или Кударинскую слободу, в Канский и Удинский остроги по одной роте. И в сих трех местах назначенному коменданту быть у селенгинского в команде, а сему — у иркутского, которому и всех прочих, назначенных в Иркутской губернии, в своем департаменте иметь, и [им] уже не быть в команде у тобольского, и иркутскому коменданту быть обер-комендантом полковничьего содержания из воинской суммы и в штате.

22 об. Шестое. А как по полученному описанию майора || Тевешова и по мнению господина сенатора Соймонова, близ Кяхтинского форпоста на реке Чикое при Кударинской слободе (которое место по положению и по водяной коммуникации за способнейшее и от

неприятелей к защищению за безопасное полагается, где уже и немалое заведенное селение, и которое против прочих на тех дистанциях гористых мест к проходу способнее и за пас *[2] почтено быть может) следует быть укреплению. То полагается ту слободу до времени обнести рвом и полисадами, а по углам сделать редуты земляные же со рвом и поставить на них пушки, что тамошними жителями и солдатами сделано быть может в одно лето. На строение ж комендантского дома, будок, гауптвахты, рогаток и прочих караулен определить три тысячи рублей. Назначенному ж на Кяхте коменданту переехать в оную вновь учреждаемую крепость. А чтоб в случае нападения и жители защищаться могли, то, сочиня им всем, в том месте могущим употребленными быть под ружьем, список, командирам в случае такого обстоятельства назначить каждому место, которое каждый из них защищать должен, и для того до тысячи ружей переслать из арсеналов здешних туда и жителям повестить, чтоб каждый имел к таковому случаю собственное ружье и лядунку *[3]. А дабы они к сему приучены были, поежегодно по одному сводить их на те места, где кому назначено, и, чтоб каждый стрелять умел, приучать.

23 Седьмое. По мнению ж оного сенатора и инженер-|| офицеров близ Онана реки и деревни Акшинской укреплению быть следует потому, что около тех мест в обе стороны к проходу внутрь границы способные места, через которые соседние неприятельские партии по большей части и прежде нередко проходили, а особливо в 1756 году воровская партия, въехав внутрь границы, немалое разорение причинила. По сим обстоятельствам признается в оном месте, которое расстояние от Кяхты шестьсот двадцать семь верст, вместо им назначенной крепости, жилище также обнести рвом и полисадником и сделать земляные редуты, на которых поставить пушки, определить и щислять там коменданта майорского оклада, так как и прочим, из воинской суммы. А гарнизон в две роты определить из селенгинского гарнизона. На построение ж там рогаток, будок, гауптвахты, караулен, палисада и комендатского дома определить следует три тысячи рублей.

Восьмое. Нерчинск, по мнению реченного ж сенатора и по свидетельству майора Тевешова, за положением места, что оный завод окружен весь горами, укреплять не следует. Итак, для случая неприятельского нападения на лежащих вокруг горах, которые его защищать могут, сделать редуты и в них поставить по две пушки, что всегда к непропущению неприятеля между гор довольно обороною быть может.

Девятое. А как по представленным пограничным картам и имеющимся известиям, от Аргуны до Кяхты все границы по большей части окружены горами, в которых уже такие укрепления делают, что большим числом войск с тягостью никакой способ-

---

*[2] То есть *паз* — узкий, длинный проход.

*[3] То есть *патронницу, патронташ.*

ности войти нет, то следует только командирам военным укрепить проходы форпостами, для безопасности которых и сделать неболь-
23 об. шие острожки, каковые уже в Сибири во многих местах есть || по Иртышской и Сибирской линиям. А иметь в резерве, как выше объявлено, полки совокупные, которые, будучи регулярные, всегда то число, какое бы и пройти сквозь пасы могло, выгнать в состоянии. А для разъездов и лучшей от воровских набегов безопасности определить пристойные от легких войск партии, которые как в тех острогах защищаться, так и в случае прохода неприятеля известия без потери времени подавать могут.

Десятое. А как на содержание жалованьем, провиантом и прочим учреждающих вышереченных одного карабинерного, двух пехотных полков, одного обер-коменданта, двух комендантов и одного пограничного батальона ежегодной суммы потребно сто шестьдесят семь тысяч девятьсот девять рублей пятьдесят одна копейка, то не повелено ли будет с будущего года из прибылей в подушный оклад ассигновать оную в главный комиссариат и причислить к военной сумме, на которой сии, как и прочие войска, содержаны будут.

На учреждение тех трех полков, хотя по именному указу и определено на первый случай отпустить из Колывано-Воскресенских заводов двести пятьдесят тысяч рублей, но как отпускается ныне из наличных только восемьдесят тысяч рублей, а остальные оный завод за оказавшимися в переделе тамошней меди в повеленную новую сибирскую монету затруднениями и остановками отпустить не может. Необходимость же в них настоит такая, что без получения остановка в учреждении последует, то не повелено ли будет из каких других мест еще на настоящий случай к тем отпущенным восьмидесяти тысячам хотя сто тысяч рублей в то положе-
24 ние отпустить, из которых || потребное число на отправление артиллерии — десять тысяч рублей, да на построение вышеобъявленных комендантских домов и прочего — шесть тысяч рублей, а остальные для учреждения того батальона и полков и для их отправления употребляются; эту сумму в сто тысяч рублей отдать в диспозицию Военной коллегии.

Для изыскания сей необходимо нужной суммы (ста тысяч рублей) собрание рассудило пригласить генерал-квартирмейстера князя Вяземского как исправляющего должность генерал-прокурора и с ним пересоветоваться, из каких бы государственных доходов оная сумма могла отпущена быть на вышепоказанную надобность. Вследствие чего упомянутый генерал-квартирмейстер князь Вяземской в бывшее 2 числа сего октября собрание действительно приглашен был и объявил, что вышеозначенная сумма — сто тысяч рублей — по случаю настоящей нужды отпущена быть может, а именно: в Москве — пятьдесят пять тысяч, да в Екатеринбурге — сорок пять тысяч рублей, ежели только высочайшее вашего императорского величества соизволение на то воспоследует.

4. Напоследок собрание имело рассуждение, что хотя по про-

исшедшему с некоторого времени с китайцами несогласию и ока-
зываемой ими доныне грубости и чрезмерной гордости и были де-
ланы от них некоторые покушения, клонящиеся к огорчению
здешней стороны, в той иногда надежде, что сибирские границы
обнажены и без всякой почти защиты находятся, но чтоб они дей-
ствительно отважились с Россией войну начать, того по многим
для них неудобностям нечаятельно. Однако для переда и нечаян-
ных случаев в здешнюю предосторожность потребные меры при-
24 об. нять || не безнужно. Но между тем, пока Сибирский край в над-
лежащее оборонительное состояние приведен будет, стараться
надобно, чтоб чинимые в ту предосторожность распоряжения,
сколько возможно, деланы были без огласки, дабы теми приготов-
лениями китайцев рановременно не раздражить, а поелику воз-
можно меры употребить к приласканию их до времени.

А понеже наперед сего с китайской стороны неоднократно
отзывы были, чтоб на место генерал-майора и селенгинского ко-
менданта Якобии с здешней стороны другая персона знатного чи-
на определена была. А ныне находится в тамошнем крае генерал-
поручик Шпрингер, то собрание за нужное признает отправить
ныне к оному генерал-поручику ваш императорского величества
указ, предписав ему, чтоб он письменно отозвался к китайским
пограничным управителям о своем к пограничной команде опре-
делении и что ему от вашего императорского величества именно
поручено имеющийся между Российской империей и Китайским
государством вечного мира трактат и пограничное спокойствие
наблюдать, к чему он со своей стороны и старания прилагать не
оставит, а того же равномерно и с их стороны требует. Представ-
25 ляя им впрочем, || что как прежде не было тут без посредственных
между обеими империями границ, по разделению их Зенгорским
в средине владением, с коим однако Россия не имела никаких
споров, то ныне дабы равномерно и между самими империями из-
бежать всяких хлопот и споров, кои бы доброму соседству и согла-
сию их опорствовать могли, получил он от двора вашего импера-
торского величества при отправлении своем к команде точное и
именное повеление уведомить китайскую сторону о склонности
оного к полюбовному вновь разделению границ. И есть ли на то
взаимность их оказана и с их стороны комиссары к тому делу
действительно назначены будут, то равномерно и с российской
таковые же тотчас по получении от него известия определены
быть имеют. При сем же случае может он в пристойных терминах
упомянуть и о произвождении по-прежнему на Кяхте торга.

Такой указ к генерал-поручику Шпрингеру ныне отправить собрание признает для того нужным, что китайцы, без сомнения, почтут себе за удовольствие определение командиром на границе упомянутого Шпрингера и не оставят со своей стороны к нему на то ответствовать и о чем-либо до пограничных дел касающемся отозваться. А притом, может быть, и торг по-прежнему на Кяхте восстановят, да и спокойными на некоторое время останутся, и

тогда, по усмотрению обстоятельств, можно будет здесь и согласную резолюцию предпринять. || И если сии всеподданейшие представления удостоятся высочайшей вашего императорского величества апробации, то согласно с оными, как здесь в надлежащих местах, сообщено, так и указы, куда потребно, отправлены будут *4.
25 об.

В Санкт-Петербурге, октября 4 дня 1764 г.

Оригинальный подписан по сему: *А. Вилбоа, Н. Панин, граф Захар Чернышев, граф Эрнст Миних, князь Александр Голицын, Ганс Веймарн, Адам Олсуфьев.*

[Отношение] главного пограничного командира Шпрингера

Его богдыханова величества китайского по указу определенным мунгальским пограничным управителям письмо.

27 || Ее императорское величество самодержица всероссийская, моя всемилостивейшая государыня, высочайше соизволя меня определить здесь главным пограничным комендантом, при сем определении именно мне от ее императорского величества поручено имеющийся между Российской империей и Китайским государством вечного мира трактат, соседственную дружбу и пограничное спокойствие наблюдать. Итак, я, сим письмом дружески уведомляя вас о вышеозначенном ее императорского величества соизволении, уверяю, что я в силе того данного мне высочайшего повеления не премину с моей стороны всевозможное прилагать старание ко всему тому, что к пользе и тишине обоих высоких государств и к благополучию их подданных касаться может. Уповаю же напротив того, что и с вашей стороны, равно как и от всех от его богдыханова величества определенных пограничных управителей, тому соответствовано будет.

При сем же случае еще дружески уведомляю вас, что понеже
27 об. до сего времени не было || еще точного установления между Российской империей и Китайским государством границ, по разделению оных Зенгорским в средине владением, с коим однако Россия не имела никаких споров, то ныне, дабы равномерно и между самими империями избежать всяких хлопот и споров, кои бы доброму соседству и согласию их опорствовать могли, получил я от двора ее императорского величества при отправлении своем сюда точное и именное повеление уведомить через вас богдыханово величество о склонности высочайшего моего двора к полюбовному в тех местах разделению границ. И если на то взаимная склонность и со стороны богдыханова величества оказана и комиссары к тому делу действительно назначены будут, то равномерно и с

---

*4 *На полях:* Оригинальный подписан собственною ее императорского величества рукою тако: «Быть по сему». Октября 19 дня 1764 г.

российской стороны таковые же комиссары тотчас по получении о том от меня известия определены быть имеют.

Впрочем небезызвестно мне, что при границе на Кяхте, через несколько лет в силе трактата вечного мира, производим был между подданными обоих высоких дворов к общей их пользе торг. А незадолго до прибытия моего сюда тот торг на Кяхте с вашей стороны пресечен, и через то доныне обеих сторон подданные без-
32 винно лишаются бывшей || до того времени выгодной для них торговли. А как я с моей стороны при наблюдении соседственной дружбы и пограничного спокойствия желаю, дабы между тем, пока пограничные дела через полюбовное соглашение в надлежащий порядок приведены будут, подданные обеих сторон, наслаждаясь покоем, могли пользоваться и дозволенными свято постановленным трактатом выгодностями по-прежнему, то уповаю, что и с вашей стороны равномерное о том употреблено будет старание.

И на все вышеписанное ожидаю от вас, моих приятелей, дружеского уведомления для донесения высочайшему моему двору.

Для того сие письмо послано. Во уверение же рукою моею подписываю и печатью утверждаю:

Генваря 8 дня 1765 года. Иртышской линии крепость Омская.

Иван Шпрингер.

Указ Екатерины II генерал-поручику Шпрингеру *[1]

35 || Рапорт ваш от 21 минувшего июля здесь, в коллегии, на сих только днях исправно получен, на который, касательно до полученного вами через посланного из Оренбурга переводчика Арапова известия о намерении Аблай-султана к учинению на наши границы набегов, следующее вам в ответ объявляется.

Как сии народы, против регулярных войск которых вы теперь к защищению и закрытию границ весьма довольно имеете, не только отнюдь не страшны, но при порядочном распоряжении, какое Военная коллегия, несомненно, надеется, что вы, господин генерал-поручик и кавалер, конечно, на все подобные случаи приняли, от одного регулярного эскадрона с пушкой дрогнут и оному противостоять не могут, то и зависит только от того, чтоб все вам вверенное войско, сколько возможно, в совокупности и в таком исправном состоянии находилось, чтобы по начатии от киргизцев наималейшего неприятельского действия тотчас командировать некоторое число по рассмотрению вашему регулярного войска с
35 об. пушками и велеть такое их сборище тотчас разогнать || и разбить. И таким образом их за дерзость достойно наказать так, чтоб впредь они вас беспокоить отнюдь и не отваживались.

Впрочем коллегия апробует то, что вы следующую из Исецкой провинции на смену прежним, на линии находящимся, башкир-

---

*[1] Получен октября 24 числа 1769 года в Омске, № 1023.

цам башкирскую в сто двадцать человек новую команду до времени оставили в Пресногорьковской крепости. Равномерно и то, что вы по прибытии из Уфимской провинции башкирской команды на смену прежним башкирцам, из пятисот человек состоящей, оную вообще с прежнею командою в толиком же числе на линии оставить и по тем местам, где опасность есть, расположить намерены. Когда ж сия опасность минует и по усмотрению вашему в таком великом числе вам более нужды не будет, то имеющие обе сии команды, оставя пришедших им на смену, отпустить в их жилища и в коллегию рапортовать.

В Санкт-Петербурге, сентября 8 дня 1769 года.

Граф *Захар Чернышев.*
Секретарь *Иван Петухов.*

Указ Екатерины II генерал-поручику де'Колонгу *[1]

36 || Прилагаются при сем копии с перевода, учиненного здесь с листа из китайского трибунала о калмыках в ответ на здешней от 9 марта минувшего 1772 года и с отправленного ныне в их трибунал нового, как для вашего сведения, так и соображения ваших разведаний в находящейся в соседстве с препорученною страже вашей стороною киргиз-кайсацкой Средней орде, которая в рассуждении настоящего пребывания мест изменивших калмыков равным образом непосредственное с ними сообщение иметь может. А на рапорты ваши от 10 июля и 30 ноября того ж 1772 года о выбежавших в Усть-Каменогорскую крепость десяти человеках из оных калмыков следующее вам в резолюции объявляется.

Содержание сих выходцев в Сибири, а особливо при умножающемся, может быть, впредь числе, будучи совсем неудобно, некоторым образом нужным делает отправление их на Волгу к оставшимся там их однородцам. Но притом встречается и основательное сомнение, чтоб они не причинили в них разврата и не возбудили и последних калмыков, в здешнем подданстве находящихся,
36 об. на измену и на побег, равно как и первым || сии мысли внушены от бывших между ними зенгорцев.

Таким образом, чтоб не были оные вышедшие калмыки, да и впредь выходящие при оставлении их в Сибири в тягость вам и прочим тамошним начальникам, требуют они по состоянию своему и обстоятельствам самого ближайшего присмотра. Но чтоб однако же, где бы ни находились, не были же и в состоянии производить вреда. Имеете вы как сих отправить, так и впредь будущих отсылать за препровождением по линиям в Оренбург к тамошнему губернатору генерал-поручику Рейнсдорпу, снабжая их нужным в дорогу пропитанием и сказывая им, что они возвращены будут на прежние их места, а губернатору в то же время сообщать копии

*[1] Получен августа 11 дня 1773 года, № 18.

и с допросов их, каковые вам всегда и сюда присылать надлежит. По доставлении же их в Оренбург имеет с ними губернатор поступать по данным ему особливым наставлениям. И о чем о всем вы единственно для того уведомляетесь, чтоб при случае каждого нового из калмыков выхода и как они не всегда тотчас далее отправлены быть могут обратили между тем вы примечания ваши на различение из них надежных от безнадежных и не сыщутся ли в числе их иногда и нарочно подосланные. И о том також-де гу-
37 бернатору сообщали для его употребления. Впрочем такие вам ||
предписания требуют крайнего секрета, чтоб калмыков не отстрастить в здешнее подданство возвращаться.

И как усматривается здесь между другими из полученного при рапорте вашем от 30 ноября допроса, учиненного одному из вышеозначенных десяти человек калмыков, будто захваченный изменниками капитан Дудин находится ныне у киргизов в неволе, а сей офицер, которого столь злополучная участь постигла, для службы ее императорского величества и по человечеству и по справедливости заслуживает, дабы удобовозможное о выручении его старание употреблено было. Потому наиточнейше и препоручается вам способом доброжелательных киргиз-кайсацских старшин и обещанием им достаточного награждения искать достовернейшие о нем, Дудине, известия получить, а когда уведомитесь, где и в чьих руках он находится, действительно [надо] его выкупить.

Дан в Санкт-Петербурге, 1 июля 1773 года.
По именному ее императорского величества указу.

Граф *Н. Панин.*
Князь *А. Голицын.*

Перевод с листа китайского трибунала

Лист великого Тайцинского государства[*1] *из Трибунала внешние провинции управляющего, посланный в Российский сенат.*

38 || На посланный к вам в прошлом году отсюда лист о тургутах Убашие с товарищами, в котором от нас писано было к вам для ведома, что они с кочевьями своими по воле своей пришли в здешнее подданство, отвечаете вы листом своим, что нашему великому государству людей сих принимать не надлежит и прочее.

Мы по оному вашему листу докладывали высочайшему, великому, святейшему государю, и его величество изволил повелеть следующее:

«В сем присланном из России листе вижу я одну несправедливость. Говорят они, российские, нимало неосновательно от того,
38 об. что || доказательных слов лишились. Вы о деле оном отпишите к ним по порядку с изъяснением вразумительным».

---

*1 То есть *Тайшинское,* точнее: *Тайдзинское.* Одно из официальных названий феодального Китая.

Мы, усердно сему повелению последуя, присланной лист ваш рассматривали. Пишите вы, что Тайшинскому государству принимать калмыков не надлежит, что калмыцкий хан-тайдзи в верности у вас присягал, что о бытии калмыцкого хан-тайдзи со всеми его людьми под правлением Российского государства известно быть может и что во всех проницающих истину и справедливость государствах и княжествах принимать во владение себе чужих подданных людей обычая нет, все следуют справедливости, сохраняют мирное согласие, ведая, что без всего сего происходят в Поднебесной войны и брани неукротимые, не поживут люди в покое во всем веке.

39 || Вот сии ваши слова совсем некстати. Например, ваше Российское государство ныне с Конкорским государством каждый год войну имеет, так думать и надобно, что вы справедливость нарушили, мир не соблюли. Тургутской хан Убаши с прочими от век составляют из себя особое княжество, содержат закон суаянской *[2], обычая с вашими русскими разного, были совсем не ваши подданные. Но потом, как пришли к вам в Россию из Зенгории, то у вас во времена прежние видно, что содержали их хорошо, а после государство ваше, не имея достатка к содержанию их, привело их в крайнее изнеможение и бедность, да притом еще с них же брали пошлины, посылали их на войны и службы. Несносно им стало очень, принуждены уже искать избавления своей жиз-
39 об. ни, взяли с собою народа || столь много тысяч, шли в трудах и изнурениях далеко, стремились к Или и, дошедши, вызвались, что желают быть у нашего высочайшего, великого, святейшего государя рабами. Таким образом, в подданство здешнее вошли они по своей воле.

Наш высочайший, великий, святейший государь есть всея Поднебесные государь главный, милосердием только всех одушевленных милует и исправляет, не берет к себе людей владений сторонних силою никогда, нет совсем у его величества определения отвергать прочь и лишать свободного жития людей таких, кои, будучи в изнеможении, просят избавления, желают быть рабами и приходят в подданство по своей воле. Почему и Убаше с прочими, когда пришли они с прошением, оказал его величество, высо-
40 чайший и святейший государь наш, милосердие. || Посылал тогда к илийскому дзянгюню *[3] указ, повелел их принять и привезти главных тайдзиев в летний свой дворец, допустил оных воззреть на небесную свою светлость, оказал милости оным разные, еще пожаловал всем им множество серебра и множество скота, восстановил их жить достаточно навеки, поселил с семьями на кочевьях хороших.

Смотрите вы с рассуждением, когда бы сии люди, с таким прошением пришедшие, не были приняты, пришлось бы им от го-

---

*[2] *Суаян* значит *желтой,* так называют закон далай-ламинской. *(Примечание на полях рукописи).*

*[3] К генералу. *(Примечание на полях рукописи).* Точнее: *цзян-цзюню.*

лода умирать только. Как возможно отвергнуть их, не сжалясь?
Вы, буде бы, подлинно могли содержать их на пропитании, не
чинить им поборов, налогов и прочего напрасного разорения, че-
го бы не жить им в покое и прохладе? Чем бы принуждены бы-
40 об. ли, взявши жен || и детей, вдаваться трудам мучительным, идти
далеко, стремиться дойти до Или? Говорите вы теперь, будто под-
говорили их лукавые пронырщики, кои между ними были. Поду-
майте, подговорить можно только число людей самое малое, а их
многие тысячи, да и с семействами. Как можно словами одного-
двух лукавых поднятыми быть в слепое движение на побег и уда-
ление?

Сверх сего, можно бы еще вам говорить, [что] в скорости до-
гнать было невозможно, если бы побежало их от вас из России
число малое, но многие тысячи с семьями, отчего же догнать не-
возможно и упустить вовсе? Вот как явно, что всегда вы были
содержать их на пропитании не в состоянии, а притом, когда они
побежали, не было у вас силы управиться с ними за случившеюся
41 с другим владением войною, выпустили, || смотря глазами. Гово-
рите вы еще, когда-нибудь назад они будут. Наш великий, свя-
тейшей государь оказал им милости неисчетные. На проходе они
от хазаков *[4] хотя ограблены, но ныне по милости его величества
живут все во всяком изобилии. Отчего же им идти опять к вам,
искать у вас себе казни? Пусть человека два к вам отскочат, но
мы, их не допустя до вашего государства, схватим. А когда в ва-
ши границы и войдут, мы однако ж требовать не станем: что в
них нужды?

Вы же еще сказали теперь, будто наше великое государство
не следует справедливости, не хранит мирного согласия. Подлин-
но стыда вы не разумеете, сказали, не закрасневшись. Не смех ли
воистину? Написали вы, когда справедливость, всеобщее право,
41 об. мир не будут соблюдаемы, война от сего, || брань последует не-
престанная и люди не поживут в покое. Речь сия паче ни к чему
непотребная, вот от вас же портиться мир хочет, но мы посмот-
рим, как вы обращаться будете — войною ли, миром ли.

Что касается до Шерена и Лоуджанджапа, то ушли они к вам
во время нашего завоевания Зенгории. Правда, люди они винные
и, если бы тогда попались нашим войскам в руки, давно бы нака-
заны были жестоко. А как ныне сами они, в вине своей признав-
шись, пришли сюда с покорностью собою, то если таких особых
людей предать на смерть, сие не токмо милосердному его вели-
чества святейшего государя истинному намерению, кое состоит в
миловании всякого животного, противно, но впредь и никто из
42 иностранных в подданство сюда || не придет, когда пришедших в
подданство за дела прежние осуждать будем. Столь несправедливо
разве ваши российские поступать могут, а наше великое государ-
ство не поступает так никогда. Больше можно знать, как всегда у
вас дела исправляют, когда так вы сказали.

*[4] То есть *казахов*.

Говорите вы еще, что ни одного нашего мунгала принято у вас не было. Речь сия и паче запаха в себе не имеет. Наши в четырех княжествах состоящие калки, в сорока девяти джасаках *5 состоящие мунгалы, все снабжаемы от святейших всех государей великими милостями, возвождаемы на ханские и ванские достоинства. Каждый из ханов и ванов имеет под собою подданных, живет в довольствии, в изобилии, с радостью, с весельем. Отчего ж им, как
42 об. вашим || тургутам, статься в принуждении идти в вашу сторону? Не тверды ль, скажите, лица, когда с сим вы вызываетесь. Видно цепляетесь словами своими за пустое оттого, что говорить нечего стало. Паче чаяния, если по прошествии ста тысяч лет мунгал и два в вашу границу войдут, скажите подлинно ль вы не примете? Теперь без ничего вы с такими пустыми словами вызываясь, оказываете свою твердость, но мы не токмо не оправдываем оную, а еще осуждаем вас *6.

Говорите вы, что тургуты во время выхода своего взяли с собою ваших русских, мало почесть, как будет близко полтораста человек, просите, чтоб возвратить к вам оных. Понятны нам ваши
43 хитрые мысли. Вы, узнавши, что тургутов || к вам уже не выдадим, а как выдадим сих стольких людей, думаете, что из того получше будет для лиц ваших *7. Тургуты, пришед к нам, о взятых с собою во время выхода из вашей России русских людях ваших ничего (что имеют у себя оных или нет) в трибунале нашем не объявили. Почему знать нам о сем и неможно. Пусть пришли они сюда и с вашими людьми, но дорогою иные хазаками, бурутами от них отбиты, иные в болезнях померли. Хотя несколько у них и осталось, но нет здесь закона вновь такое дело исследовать.

Мы в прошлом году о тургутском Убаши с товарищами, как пришли они к нашему великому государству в подданство, лист
43 об. к вам || для ведома послали, приняв в уважение, что вы от времени того года, который был желтой мыши *8, против прежнего стали быть весьма почтительны к нам и благосклонны. Уведомили мы вас о сем по наблюдению мирного согласия. И вам из сената напротив надлежало писать сюда ответ, основанный на почтении и благосклонности, держась истины и справедливости, но вы теперь, не возмогши стыда своего преодолеть, ни о какой справедливости не говорите, да еще цепляетесь словами своими за пустое. Сколь бесстыдно. Мы вместо вас стыдимся. До сего времени по причине, что вы в противность трактата искали одной всегда корысти, остановляли мы производимый торг. А как в году желтой
44 мыши || произошла от вашего места к нам неоднократная с почтением и благосклонностью просьба, в то время по докладу нашему великий, святейший государь из милости своей торгу быть дозво-

*5 В полках. *(Примечание на полях рукописи)*.

*6 Смеемся над вами *(Примечание на полях рукописи)*.

*7 Не столь стыдно будет. *(Примечание на полях рукописи)*.

*8 Мышь желтая — значит их зодию, думаю, что 1768 год. *(Примечание на полях рукописи)*.

лил. Немного прошло сему времени, а вы опять торопко вид такой в листе своем оказали, на коем значится не одно хотение ваше к разрушению мира, но еще прямо ищете остановить торг и купечество. Какая ж выйдет из того польза?

Мы вместо вас думаем.

Первое. Гладите вы так словами на закрытие лиц ваших по необходимости, что и подлинно говорить вам нечего.

Второе. Думаете, что тургуты знают совершенно места ваши,
44 об. || что имеете на северном краю войну, и чтобы мы, употребляя их, не взглянули на вас искоса.

Но не думайте вы так, когда два государства столь много лет в мирном согласии, нет здесь обычая по приходу нескольких перебежчиков портить мирное согласие. Великий, святейший государь наш того только и желает, как бы всякому животному доставить жизнь спокойную, а не изнуренную. Почто вы рано так мыслями своими мечетесь и еще, оказывая обращение смелое, говорите бесстыдно? Как бы то ни было, а мирное согласие весьма нужно, надлежит соблюдать оное вечно, буде хотите вы испортить,
45 ваша || воля, мы отнюдь предварять вас не будем.

Из трибунала мы о тургутском Убаши с прочими, что вошли сюда в подданство, послали к вам в сенат для ведома лист в седьмой луне прошлого года. А сенат ваш, не зная что делать, помышлял и так и сяк до сего времени, да хотя и прислал в ответ лист свой, однако в оном не находится справедливости нималой, говорено все непристойное. Так ли, скажите, дела исправлять должно? Наш трибунал не подобен сим вашему сенату: как скоро ныне лист ваш получил, тотчас и ответ послал. И для того, полу-
45 об. ча вы || в сенате сей лист наш, подумайте про пользу или вред прилежно и, надумавши, присылайте ответ к нам вскоре, хотим мы посмотреть, как обращаться будете.

Ради сего послана небом возведенного *[9]— 37-го года, 8-й луны, 1-го числа.

С подлинным переводом читал актуариус

Антон Иванов.

Копия с ответного в китайский трибунал листа

46 || Его величества великих Азиатских стран императора, монарха самовластнейшего, богдойского и китайского хана верховным министрам и государственных дел управителям, в трибунале иностранного департамента управляющим.

Получа мы лист ваш, писанный по исчислению вашему 37-го года, 8-й луны, 1-го числа, в деле о калмыках, из державы ее императорского величества, самодержицы всероссийской, нашей все-

---

*[9] Хана, небом на престол возведенного. *(Примечание на полях рукописи).*

милостивейшей государыни побег учинивших, с сожалением из оного усмотрели, что вы, приняв наши мысли и рассуждения, по случаю сего происшествия вам предъявленные, по большей части, вопреки здешнему намерению, в другом разуме употребили, и выражения, [употребленные] в ответе вашем, не могущие и не долженствующие иметь места в переписке между двумя дружественными державами.

Но честь наша и справедливость требуют совокупно, чтобы вы лучшего о нас были мнения. Итак, в сем столь нужном намерении учиним мы наши примечания на содержащиеся в листе вашем укоризны.

Сказали вы, что между всеми просвещенными государствами,
46 об. областями и народами не только || в обыкновении есть, но и в твердом хранении чужих подданных не принимать и не присваивать. Инако настояла б в свете война повсеместная и род человеческий бедствовал бы и был в неустройстве бесконечном.

Сие и подлинно одно из главнейших начал и положений всенародных прав. Но вы, приличая оное за войну настоящую, которую производит империя наша, обвиняете уже нас несправедливостию.

Война есть зло иногда неизбежное. Да и правило вышеозначенное имеет свои изъятия в рассуждении справедливой стороны, ибо необходимым образом оной всегда такою быть должно.

Если и подчиненные люди не осуждаются, не выслушав их оправдания, тем паче себе равные, великим расстоянием разделенные, и в деле, к целой империи отношение имеющем, по одним гаданиям порицаемы быть не могут.

После сего, упоминая, что калмыки были пришельцы в Россию, вы присовокупляете к тому прежние заключения, вами учиненные, что они, конечно, навсегда у нас остались бы, если бы не принуждены были отлучиться по самой крайней необходимости, ибо недостатком в содержании, поборами с них пошлин и употреблением в походы и на службы были изнуряемы. А чтоб их подго-
47 ворили некоторые из них же развратники, тому || веры не подаете, представляя себе, что небольшое число склонить было бы можно на какие-либо особенные виды, а не многие тысячи на согласный побег и удаление и которых мы, по вашему мнению, за продолжающеюся войною и удержать не в состоянии нашлись. А между тем предъявляете со стороны вашей надежу, что они, калмыки, имея теперь во всем довольство, никогда к нам возвратиться не захотят, ответствуя сим будто на наше такого случая ожидание.

Правда, что калмыки были в России пришельцы, но назад тому с полтораста лет. Следовательно, все те, кои ныне побег и измену учинили, были здешние уроженцы и, беспрекословно, здешние подданные. Жили же они в державе Российской империи в довольствии и без всякого изнурения и никаких поборов не платили, а только что иногда на службу наряжались. Но и ваши под-

данные, конечно, в том же употребляются, да и везде такое обыкновение. Мы и еще повторяем, что, конечно, по одним ковам *[1] и ухищрениям некоторых из своих начальников они возмутились. Сколько сие обстоятельство ни кажется вам невероятным, но оное однако ж подлинно. И чем наилучшим образом и доказывается, сколь велика власть оставляема была собственному калмыцкого
47 об. народа правительству, || поступившему на такое в самом деле отважное предприятие единственно по неограниченному честолюбию, возмечтали те, кои оное составляли, по побеге учиниться важнейшими.

Прилично здесь же приметить, что мы никогда к вам не писали, будто назад калмык ожидаем всех вообще. Конечно, воображается недостойным их начальникам во всем существе сделанное преступление, а сказали только, что калмыки сожалеть могут об отлучении своем из здешней империи. И сие рассуждение тем сходственнее с истиною, что в заговоре, как и выше сказано, было число малое, а прочие поневоле долженствовали повиноваться и оставить природные свои места, а многие и родственников.

Признаемся мы, что не могли удержать калмыков от измены и побега действительно за небытностью в их краю войск, но не по причине производимой нами войны, а для того, что, где калмыки жили, они ж сами составляли защищение и войско. Почему и нужды не было содержать там другие силы по надеянию на их верность, основанную на тех пользах и выгодностях, кои они при столь свободной жизни непременным образом иметь могли и действительно имели.

Пускай, мы соглашаемся, не могло стерпеть человеколюбие ваше видеть их погибающих после долгого и томительного стран-
48 ствования и что на сем основании || дали вы сим отчаянным беглецам и убежище в ваших пределах, но не довольствоваться простым сего убеждения повествованием, когда вы почтить нас не хотели непосредственным истребованием, чтоб мы их вам формально уступили. А прибавлять к тому рассуждения, оправдывающие изменников, и казаться подавать им совершенную веру есть чувствительно трогать почтительную державу, которая со своей стороны всякое к вашему государству хранит уважение. Предъявлять же еще притом и право иметь предпринимать все, что ни рассудится за благо, следовательно, и людей всякого звания, породы и земель себе присваивать одною собственною властию есть всю вселенную мнить иметь в своем повиновении.

Сам вопрос, сделанный со стороны вашей, не будем ли мы обращаться войною и с обвинением притом, будто мы уже мир портить хотим, собственное ваше признание содержит, что для Российской империи ваши определения непреложным правилом и уставом служить не могут. Но мы, напротив того, отнюдь не нарушили и не нарушаем мира и доброго согласия, сказав вам, что по

*[1] То есть *козням*.

соседственной между обеими империями дружбе имели основательную причину ожидать совсем другого от вас поведения в рассуждении наших изменников калмыков, нежели каким вы хвали-
48 об. тесь, или, по крайней мере, умереннейших || отзывов, нежели каким дано нам знать о принятии их в ваше подданство.

Противно вам также-де было и учиненное нами уподобление мунгал калмыкам. Для чего, не ответствуя прямо, чтоб вы в таком случае делать стали и каких бы от нас снисхождений пожелали, если бы не калмыки к вам перебежали, а мунгалы, ваши подданные, к нам, говорите только, что сего никогда статься не может. Но недовольно сего, присовокупляете к тому еще и насмешливый вопрос, требуя, чтоб мы вам сказали, если по прошествии ста тысяч лет один или два мунгала в наши границы войдут, подлинно ль их не примем. Мы не знаем о времени, толико от нашего века отдаленном, а о настоящем со всею достоверностью вам сказываем, что весьма часто подданные ваши, в нашу сторону перебегающие, по силе настоящего трактата назад возвращаются и о чем, буде не притворяетесь не ведать, спросите ваших пограничных начальников.

Как бы то ни было, мы однако ж никогда не ожидали, чтоб нам отказали в возвращении захваченных калмыками изменниками россиян. Восприимите с дружеским вниманием повторяемое через сие о том наше требование. Весьма ошибаетесь, мня, будто мы домогаемся их выдачи из честолюбия, совсем нет. И можно ли
49 почитать воздаянием получение нескольких || десятков за потерю многих тысяч народа? Единственно жалость и человечность нас к тому убеждают, ибо воображение настоящего их состояния, как отлученных от отечества, отчаявшихся видеть своих родственников и терпящих тяжкую неволю, долженствует и претвердое сердце тронуть. Ежели во время шествия калмыков к вашим границам многие из них погибли и живота лишились, могли однако же и поныне некоторые в их руках остаться. Ежели калмыки, пришед к вам, не сказали о них, но ныне находитесь в состоянии спросить и исторгнуть из зверских их челюстей столь несправедливую добычу.

Говорите вы, наконец, что у вас нет закона вновь в сем деле вступать в исследование. Но закон естественный, основанный на внутренних чувствованиях, источник всех гражданских законов, да послужит вам первым к тому утверждением. А во-вторых, когда теперь калмыки в вашей зависимости, то и самый между обоими государствами продолжающийся трактат выручение и возвращение сих несчастных людей предписывает и определяет.

О взаимной коммерции вы также-де не обошлись без примечания, изъясняя с подробностью, будто оная остановлена была [из]-за искания нами в противность трактата одной корысти и
49 об. паки разрешена по нашему || прошению. А из последнего нашего листа видно, аки бы мы не только мир разрушить хотим, но и прямо ищем остановить торг и купечество, будучи вам угодно при-

знавать сей лист не содержащим в себе никакой справедливости и без всякой дельности, а по вашему мнению, долженствовали мы однако же с почтением и благосклонностью ответствовать на ваш, коим подано уведомление о вступлении калмыков в ваше подданство.

Взаимная торговля подлинно остановлена была вами в отмщение за дозволение со стороны нашей убежища некоторому небольшому числу из зенгорцов, прежде нежели оные вами покорены были. А теперь вы сами между другим отзываетесь, что дружба важнее и полезнее, нежели чтоб оная для перебежчиков нарушаема быть могла. Поведение наше в сем случае отнюдь и не значило искания корысти. Вы не хотели ныне отвергнуть прямых наших изменников, для чего ж тогда мы не могли принять свободных и в вашей зависимости еще не бывших людей и в числе несравненно меньшем, спасавшихся от крайней своей погибели? Мы не имеем затруднения согласиться с вами и подтвердить ваше предъявление, что и остановленная вами торговля прежнее течение и производство восприняла по нашему искательству и прошению. Конечно, обращается в том польза здешних подданных, но равным *2...

---

*2 Конец рукописи отсутствует.

УКАЗЫ СИБИРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

3 || № 3. Указ Сибирской губернской канцелярии от 10 декабря 1739 г. (за № 10659) в Верхне-Иртышскую крепость командующему, господину секунд-майору Нелюбову, дабы иметь предосторожность от киргиз-кайсаков, потому что оренбургской казак Измаил Обрязаков, бывший в Орде у Абульхаир-хана, сообщал, что Джанибек-батыр собирает войско, но куда хочет идти, того не узнал он, Обрязаков. Это сообщено в Сибирскую губернскую канцелярию полковником и воеводой Татищевым из Исецкой провинциальной канцелярии с произведением копии с указа канцелярии Оренбургской комиссии, порученной господину генерал-лейтенанту князю Урусову.

* * *

№ 4. Указ Сибирской губернской канцелярии от 11 декабря 1739 г. (за № 10646) в Верхне-Иртышскую крепость секунд-майору Нелюбову. Известно Сибирской губернской канцелярии из рапорта от главной команды Сибирской стороны от полковника Арсеньева от 19 ноября сего года, что из Уфимской провинциальной комиссии 6 ноября объявлено, что капитан Кубицкий рапортом от 12 ноября доносит, что октября 11 числа явились к нему в Таинск два башкирца Уфимского уезда Ногайской дороги Телецкой волости и показали, что назад тому недели три [было] «великое собрание», калмыки разорили имущество киргиз-кирейцев, ушров, и киргизы бегут к башкирской границе и что уже многие прибежали к озеру Ебеней. «И притом-де, говорят, напрасно-де они, киргиз-казаки, с башкирцами не помирились». Затем во все команды, сибирские и оренбургские полки и на заводскую границу строгий наказ, дабы быть готовым в крепостях и не отпускать крестьян ни на какие промыслы и запрещать впускать инородцев [в] жилища, «и над ворами чинить поиск по силе военных регулов», а также предостеречь мещеряков и ясачных татар Сибирской и Ногайской дороги и сообщить в пограничные города Тобольской провинции: в Тару, в Томск, в Кузнецк и воеводам Красноярскому и Енисейскому.

* * *

№ 8. Указ Сибирской губернской канцелярии от 15 декабря 1739 г. (за № 1089) в Верхне-Иртышскую крепость секунд-майору Нелюбову, что на основании именного ея императорского величества указа от 26 августа купцам, торгующим в Оренбурге, для приохочивания дозволяется торговать на десять лет с уступкой по три копейки с рубля против торгующих в Астрахани.

* * *

№ 9. Указ из Сибирской губернской канцелярии от 12 генваря 1740 г. (№ 302) в Ямышевскую крепость секунд-майору Нелюбову. В промемории генерал-лейтенанта князя Урусова от 22 декабря прошлого года написано, что полковник Татищев доносит, что ему донес башкирец Казанбай, что все волости Сибирской дороги собираются идти на Киргиз-казачью орду; а волости уже ушли, велеть ему [соблюдать] предосторожность по силе бывших уже многократно о сем указов.

* * *

№ 12. Указ из Сибирской губернской канцелярии генваря 25 дня 1740 г. (за № 743) по силе указа ея императорского величества и правительствующего Сената от 22 декабря 1739 г.— не быть впредь китайскому каравану казенному торгу, а собрать китайских знатных купцов и других персон.

* * *

3 об. || № 13. Указ из Сибирской губернской канцелярии от 24 генваря 1740 г. Нелюбову в Ямышевскую канцелярию. По силе указа ея императорского величества и правительствующего Сената от 22 декбаря 1739 г.— впредь на сибирской границе и в Сибири не торговать запрещенными товарами, именно: мягкою рухлядью. При сем приложен указ ее императорского величества, где сказано: «А ныне нам известно учинилось, что в Пекине против казенного каравана китайские купцы раза в трое такие же товары от российских границ туда же привозят, отчего в казенном нашем торге великое чинится помешательство и убыток».

* * *

№ 15. Указ. Сибирской губернской канцелярии генваря 23 [числа] 1740 г. (№ 671) Нелюбову. По доношению, его, Нелюбова, пять кибиток, где больших и малых двадцать шесть человек, выходцев торгоутских земель секретно взять и отвезти в Усть-Каменогорскую крепость под строгим караулом при офицере, и,

привезши, держать крепко и секретно, дабы никто из русских и иноземцев, особенно зюнгар, не знали, допросить, а ответы прислать с нарочным.

* * *

№ 16. Указ Сибирской губернской канцелярии 17 дня генваря 1740 г. (№ 510) Нелюбову: иметь крепкое смотрение, секретное, дабы зюнгарский посланец Аванбай и находящиеся при нем люди и бухарцы ни ружей, ни пороха, ни свинца и других «заповедных» товаров не привозили бы и чтоб никто не продавал им вышесказанного и никто из мастеровых никакого мастерства им не объявлял и не учил.

* * *

№ 30. Указ ея императорского величества с собственноручным подписанием от 19 сентября 1739 г., отпечатанный в Сенате 23 октября, обнародованный в Сибири указом от Сибирской губернской канцелярии 29 генваря 1740 г., что беглые драгуны, солдаты, матросы и рекрутные шли явиться в продолжение пяти суток, то тем вины их будут отпущены и по-прежнему в службу определены без всякого наказания, а которые до того срока не явятся и в том сроке и после оного пойманы будут, и кто впредь из полка и при нынешнем наборе по взятии в рекруты побежит, то с теми будет поступлено без пощады. Наказ: никому из помещиков, ни из крестьян, и попомня, не держать и не укрывать, ибо «от оных беглых чинятся великие разбои, воровства и убийства и церковные тяжбы и, таким образом, не одни те беглые, но больше оных укрыватели, яко их помощники и сущие злодеи, наших верных подданных в разорение приводят, а сами себя такому же притязанию, как и беглые, подвергают».

* * *

№ 33. Указ от Сибирской губернской канцелярии от 25 февраля 1740 г. (№ 1713) Нелюбову в Ямышевскую крепость. По силе указа от кабинета ее императорского величества за подписанием кабинета министра от 29 декабря 1739 г., где сказано: известно-де, что в Сибири около Тобольска и ближе сюда около Верхней Туры многое число лосей бывает, а около Семипалатин-
4 ской крепости находятся || большие дикие бараны, у которых витые рога, и в других тамошних ближних от владения контайшенского местах [встречаются] дикие лошади, а также были и коровы с лошадиными хвостами, каковых наперед сего из Сибири уже прислано было один бык и одна корова; того ради по получении сего приказать посту надлежит, чтоб ловили живых лосей, баранов и прочих и платили хотя втрое больше; кожу убитых лосей

покупать и за все платить от казны. Пойманных приучать к хлебному корму, при покупке за барана платить десять рублей, за лошадей и коров — по двадцать рублей и посылать в зверинец ее императорского величества по шести скотин в год и посылать самцов и самок, дабы могли плодиться все оные в зверинце государыни. А потому в указе ее императорского величества от Сибирской губернской канцелярии велено: в Тобольскую и Енисейской провинции в города и дострикты в Самарской и Демьянова яма воеводам, командующим и обер-офицерам наказ.

ПИСЬМО ПОЛКОВНИКА ПАВЛУЦКОГО АБЛАЮ

5 || Ее императорского величества всемилостивейшей государыни верноподданному, киргиз-кайсацкой Средней орды владельцу, высокопочтенному Аблай-султану от полковника Павлуцкого.

Приятные Ваши, высокопочтенный Аблай-султан, письма я через наших российских посланных казаков Василия Сальникова с товарищами, а другие через присланного от вас кайсака Бекберды получил.

Второе письмо Ваше к его превосходительству господину генерал-майору Киндерману, оное я тогда ж отослал, и о всех ваших нуждах, о чем вы изволили ко мне писать и просить, представил я его превосходительству аккуратно и на оное уповаю, и Вам, высокопочтенному, от его превосходительства ответствовано: пленные ж Ваши люди, как были в здешних по Иртышу крепостях и в городе Таре и далее, те собраны и к вам наперед сего отосланы; прочие же пленные, в том числе и Алембет-батыра родственники, развезены в дальние города и о сборе тех остальных людей и лошадей, верблюдов и пожитков соизволит его превосходительство [сведения] иметь, и что впредь отыщется, то к Вам, надеюсь, от его превосходительства отослано будет. Что ж Вы, высокопочтенный
5 об. Аблай-султан, изволили писать о торге и покупке || кайсаками в здешних крепостях хлеба, на то Вам объявляю, в состоящих по Иртышу жилых местах, даже до Тары, находятся селением служащие люди и довольствуются они казенным привозным хлебом, а на продажу и между собой малое число у них имеется; что же особливо до Вашей, высокопочтенного султана, особы касается, о чем изволите его превосходительство уведомлять, то уповаю, что изволит с готовностью услужить.

И желаю Вам, высокопочтенному, пребывать всегда у ее императорского величества в непременном подданстве и верности со всеми Вашего владения кайсаками, за что и пребуду к вам своим всегда доброжеланием. Сентября 29 дня 1745 года.

У подлинного подписал полковник *Яков Павлуцкий.*
Подлинное письмо послано с татарским переводом.

Прапорщик *Григорий Шишкин.*

ЖУРНАЛ ПОХОДА ПОДПОРУЧИКА И АТАМАНА ТЕЛЯТНИКОВА В ТАШКЕНИЮ С ОПИСАНИЕМ ПУТИ, МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ И ПРОЧЕГО, ОПИСАННОГО СЕРЖАНТОМ БЕЗНОСИКОВЫМ

Месяц май 1796 года

66 || 30 числа. Переправясь через реку Иртыш из форпоста Семиярского, румб ZW *[1], проходя плоскую степь до первых мелкосопочников, [встретили] пустой камень горы Штеин; между сопками земля солонцеватая, безводная, в некоторых местах колодцы есть, лесов нет. Ночлег имели на колодцах расстоянием от Иртыша 15 в.

31-го. С ночлега румб ZW теми ж мелкосопочниками, камень в оных породы той же, земля солонцеватая, пустая и безводная, лесов между сопками нет и ночевали в степи (20 в.).

Месяц июнь

1-го. Отсель следовали ZW, местоположение земли солонцеватое, марш был через мелкие горки (40 в.).

2-го. Румб ZW, марш был через небольшие горки, в левой же руке видны большие возвышенные каменные горы, грунт земли солонцеватый. Ночевали на колодцах (45 в.).

3-го. Румб W к:37°, через такие ж небольшие каменные горки до речки Тюндук именуемой, земля одинакова — положение *[2], лесов нет, где имели ночлег (20 в.).

Речка сия течение свое имеет от Z к NO и впадает в солонец, Бийкаш именуемый. По обоим берегам оной места солонцеватые,
66 об. || лесов никаких нет, вершины ж сей речки у горы Кокчетау, речка сия потока своего имеет до 200 верст.

В сем месте кочует в летнее время Тобуклинская волость под владением Ток-султана, Аблай-султанова сына. Волости сей киргизцы, собравшись толпою, намерены были нам учинить грабеж, но, не смев оного сделать, причинили остановку, так что припужденными нашлись с объявлением послать к Ток-султану в аулы и с испрошением по верноподданнической к России должности о безопасном препровождении до аулов Чингис-султана. Посланный наш помянутого султана в аулах не нашел, а явясь, у младшего его брата Самы-султана просил безопасного препровождения. На что тот султан в ответ объявил, что он того без воли своего брата

*[1] В рукописи W написано в виде γγ.
*[2] Имеется в виду пологость.

учинить не может, но, чтоб никакого нам в его аулах не причинено озлобления, о том учинил подтверждение, почему, сохраняя жизнь и вольность, принуждены были нанять проводника, дав ему достойную плату. О случившейся с нами в сей волости остановке через обучающегося в оной из крепости Семипалатной киргизскому разговору казака Бедрина сделано от нас донесение его высокопревосходительству генерал-поручику и кавалеру Штрандману, и на другой день с нанятым проводником [мы] отправились в путь.

4-го. Марш был WO [Здесь и далее соответствует направлению с W на O] через горы к речке, впадающей в Тюндук. В долах земля солонцеватая, лесов нет. Близ сей речки ночевали.

67 5-го. || Марш имели WO через горы и текущие из них ключи, при которых, равно и в ущелинах гор, изредка имеется березовый лес, по долам и уклонам — травы к сенокосу способные, имеется земля черная и к производству хлебопашества способная (20 в.).

6-го. Марш имели WO через ключи, местоположение между гор, по ключам также травы к сенокосу [способные] имеются, частию в ущелинах, а [также] березовый лес имеется, земля к производству хлебопашества способная. В сем месте при горе Каркаралы имеется богатый медный рудник. В сем месте кочует часть Тобуклинской волости. Ночлег имели при озере (40 в.).

Здесь имели мы случай видеть киргиз-кайсацкого обряда праздник, курманом именуемый. Оный отправляется следующим образом: старшина во всем ауле дает знак, потом колят скот, [мясо] коего сварив, дает всем собравшимся обеды. Во время обеда и после пьют квашенное скотское молоко с коего бывают пьяны. Потом как мужчины, так и женщины, молодые, одетые в хорошее платье, садятся на резвых лошадей, отъезжают в долину и становятся в толпу, и всякий мужчина с женщиной пускается в бег. Мужчина должен женщину догнать и, догнав, коснуться одною рукою ее корпуса. В случае, же когда женщина ускачет, тогда мужчина подвергается посмеянию.

7-го. Марш имели к WO через мелкие горы, вершины коих около тридцати верст, до ключа, который течет от Z к N, впадает оный в солонцы при горе, именуемой Семизбугу. Земля солонцеватая, между гор к ZN [направление с Z на N] в ущельях имеются
67 об. березняки. Ночлег имели || на ключе (35 в.).

8-го. Марш имели к WO через небольшие горы, до горы Семизбугу именуемой, места гористые и между горами к хлебопашеству способные, в некоторых местах и березняки имеются. Близ сей горы нарочитой обширности пресные озера, по берегам оных трав довольно, способных к сенокосу, в сторонах после гор довольно имеется березняка. Ночлег имели близ озера. В сей день похода было 47 в.

9-го. Марш имели к WO через горы, по дороге березняков и осинников довольно, земля к хлебопашеству способная до речки Карасу, которая впадает в Нуру; по обеим сторонам сей речки

солонцов довольно и земля качества солонцеватого, в сем месте весьма много водится диких коз. На сей речке имели ночлег. Сей день похода было 40 в.

10-го. Марш имели к NW 70° через небольшие горы до горы, называемой Ботагара, при коей немалое озеро, в коем довольно рыб: щук и карасей, по тракту лесов нет, земля песчаная и к хлебопашеству неспособная. От озера в двух верстах к NO при небольшом бугорке — медный рудник, где и разработка чудская видна. С правой стороны означенной горы протекает речка Малая Нура, впадающая в Большую Нуру, а сия впадает в озеро. Грунт речки каменистый, по обеим сторонам оной сенокосных мест обильно. Ночлег имели при речке близ аулов Чингис-султана, где и Букей
68 находился. Остановясь, возвестили помянутого || султана о нашем прибытии. В сей день похода было 35 в.

11-го. Прибыли в аулы Букей-султанские — 10 в.

12-го. Вообще кочевали к ZW 25 в.

Поход продолжали по течению речки Нуры, местоположение плоское, земля песчаная, к хлебопашеству неспособная, лесов нет, в речке рыба: щука, язи и караси имеются.

В сей день имели мы с Букей-султаном свидание в поставленной кошемной кибитке, которого нашли окруженным детьми.

По учинении первых учтивостей вручили ему депешу, по прочтении коей просили исполнения по оной. На что получили ответ, что отправлением до назначенного нам места по верноподданнической к России должности он находит себя обязанным [нам] споспешествовать. Но поелику расстояние от аулов его до Ташкента немалое ж, по дороге, ведущей туда, много разбойничьих шаек, во избежание предлежащей опасности назначает он к препровождению конвой до десяти человек с таким при том условием, [что] всем тем людям [будет] произведена плата сия: знающему место и путь яко проводнику — 150, а прочим — по 100 [руб.], ибо люди сии, почитая в Ташкению путь опасным и отдаленным, если б случилась оным и смерть или другое какое несчастие, то пожертвуют-де они за одну вышеписанную плату. Каковое объявление смутило нас, не имев же на сей случай от начальства повеления, не осмелились об оном трактовать, а пожелав ему спокойной ночи, отправились в свой лагерь.

13, 14, 15, 16-го. Сего числа и нижеписанных чисел с помяну-
68 об. тым || султаном имели свидание, просили последнего его решения, но от оного то ж, что и в прошедшие дни объявлено, в ответ получили. Потеряв же время, возвратясь в лагерь, за нужное почли об оном его высокопревосходительству Штрандману сделать донесение и спросить у Букей-султана. И получили за плату [проводника], отрядив с оным трех человек из находящегося при нас конвоя казаков, отправили в Россию, сами ж в ожидании решительного определения остались в аулах помянутого султана.

С 16 июня по 13 июля, быв в аулах означенного султана, переходили с одного места на другое подле вышеписанной речки

Нуры. Положение места плоское, земля песчаная, лесов, кроме небольшого тальника, по помянутой речке нет напоследок.

Месяц июль

11-го. Поход был NO 30° через небольшие горки, в долах по тракту земля солонцеватая, лесов нет, кроме мелкого таволожника и терновника. Остановились близ озера, Карасу именуемого (20 в.).

13-го. Получили от его высокопревосходительства Штрандмана резолюцию и письмо к Букей-султану, которое того ж числа вручено и требовано по оному исполнения. Причем требовали к препровождению одного из его сыновей, что и обещано.

14, 15, 16, 17, 18-го. В означенные дни происходили наши настояния об отправлении, а султанские под разными видами отзывы и промедления по 17 число. Султан не хотел дать своего сына, напротив того, мы без оного похода не предпринимали, представляя
69 || оному, что если в теперешнем случае отречется сделать полезное к нашей стороне исполнение, то и от нас не может он ожидать на пользу свою и своих детей ничего.

Представления сии имели желаемый успех. 17-го получили во всем требуемом удовольствие, между тем запаслись на дорожный путь провиантом, переменив неспособных [идти] в путь трех лошадей, к 19 числу состояли готовыми.

19-го. Сделав обстоятельное его высокопревосходительству донесение, избрав из конвоя, сопровождающего нас, трех человек казаков, получив от Букей-султана из [его] сыновей Ишим-султана и одного проводника и двух из киргизцев в работники — всего [отряд теперь состоял из] девяти человек, приказав конвою возвратиться обратно, отправились в путь; и первый почлег имели на речке Нуре при горе Жаур (20 в.).

20-го. Поход был ZW, по левому берегу речки Нуры через малые горки, местоположение по тракту плоское, земля песчаная, лесов нет, кроме кустарников. Помянутая речка впадает в Большую Нуру, а сия в озеро Исень. По Большой же Нуре також лесов нет, кроме мелких кустарников, трава к покосу имеется. Ночлег имели на правом берегу Нуры, подле озера. Похода было в сей день 35 в.

21-го. Поход ZW по течению той же Нуры, на тракте местоположение плоское, на половине [пути] в левой стороне — горы Куянды, на 37 версте речка Нура взяла течение к NW, на 45 версте — [урочище], Коржун именуемое. Близ сего урочища имеется
69 об. агатовая порода, весьма мелкая, || ни к какому употреблению не способная. В сей день похода было 60 в.

22-го. Поход ZW до урочищ Карасерке, Карaагач, по тракту положение земли солонцеватое, в правой стороне нарочито *3

*3 То есть *много*.

имеется леса осинового, березового и талового. Причем к покосу и травы имеются, ключей пресных довольно. Близ сего места ночлег имели. Похода было 55 в.

23-го. Поход ZW через выписанный лес, который к строению способным быть может; положение одинаково, имеется песок, поход был до ключа, впадающего в Сарысу — речку против горы, Якшитолагай именуемой. На тракте имеется солонцов довольно. Здесь кочует Таминская волость владения Магал-султана, Валиханского брата. В сей день похода было 35 в.

24-го. Была дневка и весь день непрестанно лил дождь.

25-го. Поход ZW до речки Сарысу, положение места плоское, по дороге солонцов множество и земной грунт весь солонцеватый по обеим сторонам нашего пути ZW$^1/_2$ W, и впадает [Сарысу] обще с Чуем в озеро при Сыр-Дарье. По течению сей речки лесов никаких нет, травы к сенокосу имеются, вода в ней горькая и к пище с нуждою способная. Ночлег имели на оной речке. Всего похода было 40 в.

26-го. Поход W, до половины дня 30 верст, а с половины — подле горьких озер на ZW — WO, положение плоское, земля качества с выписанными одинакового и лесов нет, кроме небольших терновников. Ночлег имели близ той же речки, всего похода было 55 в.

70 27-го. Поход был во весь день ZW, подле той же речки, || местоположение и качество земли выписанные. Ночлег был на той же речке (55 в.).

28-го. Поход был до половины дня ZW 30°, а с оного ZW 70°, в левой руке увал охренный, содержащий железную руду, впрочем положение места одинаково. Ночлег имели близ той же речки (55 в.).

29-го. Поход до половины дня W до урочища Аулие-Мула [с могилой], стоящей на правом берегу выписанной речки. В сем месте оставили помянутую речку и поворотили на ZO 20°. Поход продолжался по высокой степи, грунт земной, солонцеватый, кормов никаких, кроме малых кустиков полыни и баялыша, нет. Здесь встретились два человека киргизцев Конратской волости, которые уговорили нашего проводника, чтобы путь подле речки Сарысу оставить по причине состоявшего в кочующих тут волостях несогласия, следовать на урочище, Коуром именуемое, куда нас и препроводить взялись, что приняв и следуя, ночлег имели в степи (55 в.).

30-го. Поход был на ZO 20°. Поход был до половины дня высокою степью некоторым указком *4, причем солонцов довольно, а в степи небольшое число леса — саксаулом именуемого — имеется, с половины дня выступили в пески, Коур именуемые. Ночлег имели у колодцев. В сей день похода было 40 в.

---

*4 Так в тексте.

Помянутый лес саксаул вышиною в 6 и 7 футов, ветви имеет зеленые, с иголочками, наподобие сосновых, толщина сего дерева
70 об. от 2 || до 3 дюймов, собою слоеватый, кора на оном, подобно молодому сосняку, в огне горит постоянно и весьма жарко, ни [на] какие поделки не способно, уголь с огнем три дня лежит. В сих местах пребывание имеет череноложное животное, именуемое черепахой, которое продолжается *5 до самого Ташкента и далее.

31-го. Поход ZO 25° до половины дня, а с половины — на Z. Положение места: мелкие горки, песчаные с долинками, грунт земной, песок, лесов нет. В сем месте в весенние, а иногда и в зимние времена кочует часть Сосуньской волости. В сих песках [ни] текущих вод, ни озер нет. В некоторых местах имеются колодцы, близ сих колодцев имеется небольшое число камышей, которыми проходящие волости и торгующие караваны довольствуют своих верблюдов и лошадей. Похода было сей день 35 в.

Песками сими проходящие в Ташкению по малоимению кормов и вод претерпевают в лошадях и в прочем упадок, водою запасаются из колодцев и возят на лошадях и верблюдах.

Месяц август

1-го. Поход ZW 15° такими ж песчаными местами до колодца, где и ночлег имели (20 в.).

2-го. Поход ZW 15° теми ж песками. Ночлег имели на колодцах (25 в.).

3-го. В сей день окончились пески. Поход был ZW 25° до половины дня, а с половины — ZW 75° до урочища Тамгалы, из коего истекает ключ пресной воды. По тракту местоположение песча-
71 ное, солонцов || весьма много, также во многих местах мелких горок, охренное железо содержащих, довольно, лесов нет. Близ сего ключа имели ночлег (55 в.). Близ сего места у казака пала лошадь.

4-го. Поход до полудня ZW 10°, а с полудня — ZO через степь. Положение места и грунт земной одинаковы. Ночлег имели в степи без воды (50 в.).

5-го. Поход ZO до речки Чу, местоположение плоское, земной грунт солонцеватый, близ речки — лес саксаул и чингиль — род терновника. Речка сия у устья своего имеет множество озер, берега оной песчаные, солонечных мест много, вода в оной горькая, течение свое а паче имеет от ZO к NW через солонцы. Лесов нет, камышей довольно, в камышах кабанов множество, в речке рыбы, кроме мелкой, нет. Ночлег имели по переправе близ оной (35 в.).

6-го. В сей день переправились через помянутую речку в разных местах, прямой же румб ZW, ибо разлив оной множество сделал озер, через кои вброд, а инде и пешие переносили экипаж. Грунт же речки песчаный. Ночлег имели по переправе в степи.

---

*5 Точнее: *встречается.*

По берегу сей речки во многих местах — камыши и верст на шесть — пески (15 в.).

7-го. Поход имели до половины дня до колодца, Катынкудук именуемого, 15 верст, а с полудня до горьких колодцев такое ж расстояние на ZO. Положение места плоское и песчаное с мелким галечником, лесов нет, в правой стороне видны горы. При сих колодцах за усталью лошадей имели ночлег. В сей день похода было 30 в.

71 об. 8-го. || Поход имели до полудня 30 верст до гор, Каратау именуемых, хребет сей [тянется] от N к ZW. Из гор вытекает речка, по течению коей имеются леса: тальник, джигдовник и терновник. Горы состоят из черноватого гранита. Во время похода к сим горам пало казенных две лошади. С полудня поход был в горы на ZO — 5 верст, ZOO — 10 верст. Ночлег имели при ключе. В сей день похода было 45 в.

9-го. Поход имели до полудня на ZOO до 15 верст, [затем] на ZO 15 верст по горам, при спуске с коих на поверхности одной найден ♀, спо̆-инен *[6] [потом шли на] ZOO 10 и 15 верст по горам, между расщелинами оных имеются пашни киргиз-кайсацкие, на коих посеяна пшеница, ячмень, а из плодов — дыни и арбузы. Положение места гористое, каменное и камень — раздробленный гранит. Ночлег имели при речке. В сей день похода было 55 в.

10-го. Поход имели на ZO —5 верст, ZOO —10 верст до урочища Аулиеагаш, по горам и ущельям перешли горы. Ночлег имели при ключе. Хребет сей [растянут] поперек, в прямую линию, не более 30 верст. В горах и ущельях имеются леса: березняк, сосняк, осинник; а из плодовых: яблони, грушевые, джигдовник. В горах водятся звери: барсы, медведи, лисицы, волки. Принадлежательность до природы каменной, то в оной по большей части гранит, имеются ж порфир и серпентин, мрамор; рудных же признаков, поелику следование наше было между великих гор, не примечено. В сей день похода было 25 в.

72 11-го. || Поход имели подле вышеписанных гор до полудня на ZOO —35 верст, а с полудня на ZW —20 верст до города Туркестана, а по-кайсацки Азрета. Ночлег имели при канале.

12-го. Следующего дня дневали и приняты были Тугум-султаном, Булат-хана сыном. Сей султан кочевье свое имеет в горах, близ реки Иртыш, [со] своею волостью подвластен России и всегда пользуется благосклонностью нашей стороны. Лишь оный от проводника нашего Ишим-султана уведомился о нашем приезде, тотчас, прибыв в наш стан, по первым учтивостям просил нас к себе на ужин, что мы и обещали, куда в [со]провождении роговой музыки, по их карнеем называемой, и прибыли в предместье города, в сад, в поставленную кошемную палатку, куда [были] введены и посажены на ковры. Трактованы *[7] были всем тем, что помянутый

---

*[6] Очевидно, здесь зашифровано название «сурьма» (лат. stibium, ♀).
*[7] То есть *угощены.*

султан сыскать мог. После чего, отблагодарив хозяина, возвратились в свой стан, а по утру встав, отправились в путь.

13-го. Поход имели на ZOO до полудня до местечка, Иканем именуемого. Местоположение ровное, к горам Каратавским в левую сторону виден городок, Карнаком именуемый. На тракте в 10 верстах от Туркестана — пустая маленькая крепостца. Прибыв в Икан, за совершенною худобою и присталью лошадей пробыли с 13 до 22 числа августа.

Надлежит сделать описание о помянутых городе Туркестане и местечке Икан. Город Туркестан и местечко стоят в долине над
72 об. кана||лами, около оных пашни на 5 верст и более, сады, в коих разводятся плодовые деревья: яблоневые, грушевые, урюковые. В Туркестане и Икане родятся обильно пшеница, ячмень, просо, а из плодов — дыни и арбузы.

Туркестан в древнее время был пространнейшею столицею Золотой орды князей. В разные времена много претерпел бедствий, доныне весьма в тесных обстоятельствах. Пред сим Ташкении владельцы имели право на сей город и почитали за принадлежащий оной области, да и нынешний владелец оной почитает своим. Однако ж со времени киргиз-кайсацких ханов Барака, Самеке состоит под владением потомков помянутых ханов, владеющие ныне Туркестаном — Ишим- и Булат-ханы. Жестокость помянутых владельцев к бедным туркестанцам весьма велика... Ханы, ревнуя один к другому, ввели между собою несогласие, а потому один из них Ишим-хан просил бухарского владельца Шасират-бека *[8] о принятии города в покровительство свое, который, охотно приняв предложение сие, прислал с 20 человеками воинских людей чиновника, коий, прибыв, город без сопротивления, да и окрестные местечки
73 взяв в подданство, управляет оными. И Ишим же хан, узнав || свою ошибку, остался в опасных обстоятельствах.

Принадлежательность до местечка Икана, то оное построено Средней киргиз-кайсацкой орды Букей-султаном, Барак-хана сыном. Помянутый Букей, собрав завоеванных отцом его ташкентского поколения до 200 семей, которые без призрения по разным городам и местечкам жили, поселил их до сотни в помянутом Икане, а прочих в Туркестане. Сам же он всегдашнее свое пребывание имеет в Икане. Жители питаются *[9] пахотою, скотоводства у них нет, довольно обильно родится у них хлопчатая бумага, из которой сотканными вещами одеваются, а излишнее продают.

Пробыв в Икане восемь дней, отправились в путь.

22-го. Поход имели ZO. В правой руке — пресное озеро, Капакуль именуемое. Положение места плоское, лесов и трав нет, грунт земной, песчаный. Ночлег имели в степи. В сей день похода было 25 в.

23-го. Поход имели до полудня с ZO — 25 верст на Z — 10

---

*[8] Точнее: *Шахмурад-бека.*

*[9] Так в тексте.

верст до колодца. Положение места плоское. С полудня NO 20 в. до речки Арысь, где ночлег имели. В сей день похода было 53 в.

Положение места с некоторыми уклонами, речка Арысь истекает из хребта Алатау, с нею соединяется другая, и слившись, [они] впадают в Сыр-Дарью. По берегам [встречаются] тал и джигдовник, местами камыши, а в камышах имеется кабанов и барсов довольно.

73 об. 24-го. || Переправясь через помянутую речку вброд поход имели до полудня 25 верст на ZO до речки, а оттоль по тому ж направлению 15 верст, где и ночлег имели. В сей день похода было 40 в.

Здесь и по речке Арысь — кочевка Большой орды Усюнской волости. Положение мест ровное с небольшими уклонами, во многих местах построены глиняные маленькие крепостцы, из коих, в случае нападения [ка]кого-либо неприятеля той волости, кайсаки, с женами и детьми запершись, чинят отпор.

25-го. Поход имели на ZO до полудня 40 верст через ключи между мелкими горами, а с полудня — на ZOO 20 верст до речки, Санташ называемой. Ночлег имели на ключе. В сей день похода было 60 в.

Положение мест неровное, горы, составленные из гранита (в долах довольно нашел), лесов никаких нет.

26-го. Поход имели ZO по течению помянутой речки, пройдя 25 верст, остановились и послали возвестить в Ташкент тамошнего владельца Юнус-хана (25 в.).

27-го. Поход имели на ZW до полудня 20 верст, а с полудня на ZW —20 верст до города Ташкента. Положение мест плоское, с небольшими пригорками. Во многих местах по течению речки — киргиз-кайсацкие и ташкентские пашни, от Ташкента на 10 версте та речка оборот имеет к W и впадает в Сыр-Дарью. Похода было 40 в.

28-го. Дневали под городом.

29-го. Приняты в город и представлены были к помянутому владельцу Юнус-хану.

74 || По представлении к коему при учинении первых поздравительных речей и при вручении депеш, по прочтении коих прошено как о скорейшем исполнении по оным, так и по случаю пребывания нашего в Ташкенте со всеми при мне находящимися людьми необходимо нужного вспомоществования, что от него, хана, и обещано, и приказано было одному чиновнику проводить до квартиры, назначенной к нашему пребыванию, куда мы и препровождены. Расположась в квартире и отдав под соблюдение лошадей под заведывание помянутого хана, ожидали решительно означенного дня. Напоследок оный наступил. Не преминули, явясь к хану, напомнить о данном его обещании, коий в ответ объявил, что через неделю нас отправить имеет. Однако ж сие обнадеживание исчезло так скоро, как оно и дано, и хотя убедительнейше настояли об отправлении, на что решительно помянутый хан нам объявил, что как он твердое намерение положил от себя отправить ко двору

Великороссийскому депутатов с испрошением всеподданнейшей высочайшей императорской милости, то и отправление сие до будущей весны отлагает. На что от нас ответствовано было, что такой термин *[10] весьма продолжителен, хотя старались всячески преклонить оного хана, но ничто воздействовать не могло. Напоследок принуждены были на положение его согласиться с таким притом условием, чтоб в течение сего времени содержаны мы были на ханском иждивении, что и воспоследовало.

74 об. Находясь в Ташкенте, имели мы время сделать || о состоянии оного города, о владетелях оного, о народе и вообще об образе их жизни, о качестве земли и производимых из недр оной плодах, а равно и о крепостях оного города сколько возможно обстоятельное примечание, [которое] состоит в следующем.

Город Ташкент прежде именовался Жинадих, был весьма пространнейший, имел одного владетеля до нашествия узбекского Бухар-хана, по завоевании коим, от поставленного им наместника притесняемы будучи, жители принужденными были оставить свое отечество, удалиться в окрестности, кто в Бухарию, кто в Коканд-ское и Ходжанское владения.

Завоевателя Ташкента Бухар-хана и его наместника постигла смерть. Преемники ж того хана от несогласия оставили право владения на Ташкению. Между тем старшины градские ввели несогласия, и четыре из них, завладев городом, разделили [его] на равные части. Сие разделение причинило жителям города много жестокостей, через что мало-помалу жители разбегались в окрестности.

Разновластие сие побудило киргиз-кайсацкой орды ханов Барака, Аймамбета *[11] и Самеке покуситься сделать на Ташкению нападение, что и [было] учинено, тем паче, что и без того сие владение от внутреннего несогласия обессилено было, а потому и не в силах было противиться своим неприятелям. Предприятие помянутых ханов успешно совершилось. Из них Барак завладел Ташкентом и другими местечками, а последние два — Туркестаном с четырьмя малыми городками, которые и разделили по себе,
75 утвердив притом всегдашнее в || оных местах свое пребывание, где и померли.

После смерти завоевателя Ташкента Бухар-хана, пока первоначальные граждане четверо разделили город на части, и каждый владетель, сопровождаем будучи славолюбием, старался свергнуть своих совместников *[12], и от чего паки внутреняя война началась и более десяти лет продолжалась. Такое междоусобие побудило Юсунскую волость напасть на Ташкент и другие городки, притесняя граждан и не давая отправлять полевые работы. Весьма в предприятии своем успев, отторгнули города Чимкент, Сайрам и еще несколько небольших местечек.

---

*[10] То есть *срок*.
*[11] Точнее: *Абулмамбет*.
*[12] То есть *соперников*.

С другой стороны, кокандский владетель, яко сосед, пользуясь сим случаем, во многих битвах отторгнул до семи городков и положил речку Чилик границею.

Ташкения, будучи в таких обстоятельствах, а оттого и в нача... *[13] городе со дня на день число граждан умалялось.

Все сие происходило до времен нынешнего владельца Юнус-хана. Отец сего хана, именуемый Улу-ходжа, был из числа ташкентских владетелей. Четвертого сына своего он, в рассуждении несогласий еще в отроческих летах отдалив от себя, вручил одному преданному и верному человеку, который и воспитал [его] в отдалении по смерть отцовскую, по кончине коего, быв в летах, [Юнус] принял намерение принадлежащую отцу его часть получить. Прибрав, он, сколько возможно было, искренних ташкентцев и кочующих кайсаков до 40 человек, под неприметным *[14] видом о состоянии города и притом имея в оном преданных себе, показав-
75 об. шись притом щедрым, а притом и || весьма набожным, потом потребовал часть города, принадлежащую его отцу, которую и получил. Вступив в город, увидя несогласие и слабость помянутых владельцев, вознамерился оных извергнуть, в чем и успел, и хотя помянутые владельцы Батсамабень *[15] и Туран-ходжи увидели намерение оного Юнуса, но по превосходству силы принуждены были искать спасения, и один из них спасся бегством, а прочие задавлены тайным образом.

Таким образом, хан сей, получив власть над всем городом, избрав себе четырех человек из первейших граждан, утвердя оных родством, вручил им по части города, предоставив [себе] самовластное право владения над всем городом и окрестностями оного. Навсегда себе с того времени Ташкент внутреннее спокойствие получил.

Утвердив спокойствие внутри города, [он] принял оружие против кайсакских волостей; на Чанчкылинскую, которую с помощью соседнего ходжинского владетеля Худояр-бека покорив, наложил дань, а Юсунскую ж по многим битвам, из коих на одной и хан их [был] убит, однако ж не мог покорить своему оружию. Города Чимкент и Сайрам оставались во владении оной. В нынешнее ж наше бытие посредством набегов обессилил оную и принудил покориться своему оружию с платежом податей по одному барану с юрты, приобретя притом всегдашнее право владения на города Чимкент и Сайрам, но долго ль будет продолжаться сей мир, неизвестно.

Город Туркестан, местечки Карнак, Суран, Сипак хотя Ташкении и принадлежали, но, отторгнутые в нашествие Бараково Аймамбетом и Самеке-ханами, остались по сие время за преемника-
76 ми сих ханов, коих || потомки пребывание в тех [местах] свое имеют. В Туркестане владеющие оным ныне Ишим- и Булат-ханы.

---

*[13] Пропуск в рукописи.
*[14] То есть *прикинулся несведущим.*
*[15] Искаженное имя.

Надлежит упомянуть о жестокости сих ханов, с какою они в сем городе владействуют, ибо беспримерно наложенная дань, а сверх того и непрестанная жителей работа, довели их до совершенного изнурения. Таковое бремя, носимое гражданами, принудило одного восстать против помянутых ханов, однако ж ничто успеть [сделать] не смог, кроме что, навлекши на себя негодование, принужден был удалиться. Из сих владетелей Ишим-хан имел равно тайную ненависть к совместнику своему Булат-хану, но не нашел способа лишить части принадлежащей, вознамерился нынешней зимой через посланных своих просить бухарского владельца Самратбека о принятии города в полную волю. Бек, охотно приняв сие предложение, немедленно отправил от себя чиновника с тридцатью человеками, кои, прибыв в город, принуждали Булат-хана оставить оный, однако ж не могли успеть, ибо помянутый хан, дав знать кочующей тут Конратской волости, остановил насилие бухарцев. Чиновник же требовал присылки войска, коему и [было] прислано до 300 человек, кои как город, [так] и ближние местечки заняли [и стали] управлять непосредственно городом и местечками.

Ишим же хан, увидев свою ошибку, хотел поправить оную, через посланного просил Юнус-хана об освобождении города от бухарцев и от насилия Конратской волости, которая, осадив город, лишила граждан нынешнего лета пахоты. Но Юнус-хан едва ль вступится за изгнание бухарцев, не будучи в силах сопротивляться оружию Талугатбека.

От Туркестана к Ташкенту в 20 верстах местечко, именуемое Икан, принадлежит Букей-султану — Баракову сыну, из которого помянутый Букей после смерти своего отца через просьбу от
76 об. Юнус-хана до 200 или более семей со||брав, поселил их на новом месте до 100, а прочих по желанию отпустил в Туркестан, сам же пребывание всегдашнее в Икане имеет, но долго ль оным будет владеть по причине вступившего бухарского войска, неизвестно.

Принадлежательно ж до подвластных Ташкенту мест, то составляют оные Чимкент, Сайрам, местечко Алтынтюбе, Карабулак, Сараван *[16], Темир-курган, Яна-курган, Ниязбек и еще небольшое число малых деревень. Обитатели городов Чимкента, Сайрама и первых четырех местечек всегодную хану платят дань, в прочих ж последних, яко-то: Яна-и Ниязбек-курганах стоят воинские люди и содержат стражу.

Домов в Ташкенте до восьми тысяч. В жительских Ташкента местах считается мужского пола, кроме кайсакских волостей, до 15 тысяч. Народ ташкентский постепенного *[17] разделения не имеет, у них ходжи в одинаковой степени. Внутреннее правление города Ташкента производится словесно, письмоводство им неизвестно и все важные [дела] яко-то: смертоубийственные, воровство и между подвластными ссоры судит и решает хан сам. Смер-

*[16] То есть *Сауран.*
*[17] То есть *по степеням.*

тоубийство ж, воровство смертью наказываются, прочие же — телесно и денежным штрафом, который получает хан. За торгами смотрит дуанбек, сей и мелкие дела судит. Брачные дела зависят от казны духовного чиновника каберака. Смотрит также рам *[18] (род полицейского). С окрестными владениями переписки нет, а сносятся словесно.

Ежегодно доходы ханские состоят: сбор с подвластных ему городков бязями и халатами, с кайсакских волостей: Юсунской и Чанчкылинской — скотом, с пригородных ташкентцев: с каждого — денежный, не единообразный: с киргизов — с каждой юрты по одному барану в год, [сумма] которого простирается от 30 до
77 40 тысяч рублей, но вся та сумма выходит на содержание || войска, на принятие проезжающих из окрестных владений посланцев, на подарки соседним владельцам.

Хотя хан сей имеет денежный двор, в котором небольшое количество печатается на имя его медных денег, которые выпускаются в торговое обращение, сии деньги существуют в стенах Ташкента, а не далее. В Ташкенте имеется также пороховой завод, собственно хану принадлежащий, и выходящий порох хранится на воинский случай, за границу ж оного, так как и свинца, под смертною казнею выпускать запрещено. Принадлежательно ж до свинца, то оного малая часть достается из гор, тут лежащих, небольшая часть получается всегодно из Туркестана, который *[19] хранится на случай воинский. Имеет мастеров, которые ружья и маленькие древнего манера пушечки делают, коими первых вооружают своих воинов и наследника, во время военное [они] действуют против неприятеля с верблюдов.

Вообще народ сей упражняется в земледелии, торговле и ремеслах. В Ташкенте ткутся шелковые парчицы, кутняма называемые, кушаки, бумажные бязи, дабы, делаются халаты и прочее.

Что надлежит до растений, то пшеница, ячмень, просо, греча, пшено сорочинское и полба в великом урожае, и каждая восьмипудовая наша четверть и 40 четвертей по жатве приносят возделателям плоды. Проса ж два раза в год получается, и [оно] весьма избыточную жатву приносит.

В Ташкении родятся из фруктов: изюм, крупный и мелкий урюк, яблоки, груши и сливы, яблоки гранатовые, анарами именуемые, грецкие орехи. Из плодов — дыни, арбузы в великом множестве.

Нравы их. Вообще народ сей серебролюбивый, легковерный, к обману склонный и ко всему превратный. Жены их и дети женско-
77 об. го пола у знатных ведут || жизнь серальскую, прочие ж бедного состояния вольны выходить на торги и в другие места, но весьма с закрытым лицом. Во время праздничное на публичных местах

---

*[18] *Рам* — искаженное слово, по всей вероятности, надо читать *райс* — начальник (полиции).

*[19] То есть *свинец*.

гуляют, но всегда с закрытыми лицами. Мужья ж их и отцы до крайности ревнивы.

Принадлежательно ж до окрестностей ташкентских: с полудня граничат оные с Кокандом, с запада — с Ходжантом; в коих особые владетели: в Коканде — Нурбота, в Ходжанте — Худояр-бек поколения узбекского; Коканду принадлежат Маргелан, Наманган — немалые города и другие небольшие местечки; Ходжанту — Уратюпя и несколько небольших местечек.

Помянутые ж города пространные, торговые и тоже промысел отправляющие. Вообще край сей: Бухария, Ходжант, Коканд, Ташкент и Кашгария взаимно имеют торг, и как из Бухарии, так из прочих, яко ж из Ташкента, торговля отправляется в Индию.

Скотоводства народ сей не имеет, а упражняется в обрабатывании земли, в посеве хлопчатой бумаги, в возделывании шелка и в тканье бумажных и шелковых вещей.

Климат в Ташкенте теплый, зима начинается с января и бывает по февраль, при нас самая продолжительная от обитателей названа и была по 16 число февраля, но весьма теплая, так что граждане на босую ногу в туфлях ходили и в одних халатах. С 16 февраля начинается весна. Во время зимы, весны и осени погода бывает мрачная, с туманом и перепадают дожди, а иногда и великие, так что строению обывательскому бывает повреждение.

Грунт земной весьма крепкий, и земля песчановидный цвет имеет, дожди выпадаемые по упругости оной не могут в недра ее далеко проникать, а потому хлебопашцы почитают оные не полез-
78 ными. Летом же || оных и совсем не бывает, и для того обитатели все свои пахоты питают посредством канала пущенною водою, упоение коей происходит следующим порядком: хлебопашцы всегдашнюю очередность между собою имеют в поении нив своих и для того во все то время находятся на пашне, воду пускают из главного канала по пашням. А на всякой пахоте вода стоит 26 часов, по миновании времени на другие нивы отводится и так далее. И во все лето трижды оное бывает. А упоив, ожидают жатвы, которая вознаграждает делателей труды.

Пшено ж сорочинское, так как и хлопчатая бумага, обильно родится. Просо ж сжинают дважды в лето, что приносит жителям несравненную прибыль. Равно и шелковичные черви в свое время награждают труды жителей.

Около Ташкента великое множество кабанов, так что, целыми стадами бегая, нападают на пашни, а особливо на те, где просо родится, кое они жадно едят. Водятся также барсы, волки, лисицы и дикие козы. Из птиц тоже гуси, утки, лебеди ж очень редки, и стрепеты, а по их — каргаулы, сия птица во многом числе и в уважении у обитателей, вкус у ней тетеревов.

Владетель Ташкента страстный охотник до птичей и псовой охоты и для того с сентября по январь месяц вседневно охотится. В одно время имели мы случай приглашены быть к оной, охотников собирается до 200 человек и более, тут-то всякий старается

показать свое проворство, и за всякого убитого зверя хан отличившего дарит, то есть надевает новое платье.

Внутреннее состояние города Ташкента подвержено всегдашнему мятежу, ибо народ сей, привыкший к вольности, непокорлив будучи до крайности. Владеющий же хан все беспорядки старается истребить, и самомалейшие преступления наказываются не-
78 об. померным || денежным штрафом; тягчайшие ж, яко-то: воровство, убийство и тому подобное, как то вышеописано, наказываются смертью, отчего многие семейства удаляются в другие места и принуждены искать покровительства у соседних владений, и потому владение сие со дня на день в людях умаляется, отчего и народные силы ослабевают. Соседние ж владения умножаются.

В окрестностях Ташкента имеются металлические, также и черные каменные порфировые, брекчиевые и прочие породы, но сколь первые богаты своим содержанием, по случаю стесненного нашего в Ташкенте пребывания, дальнейшего разведывания предпринять было неможно.

Пребывая в Ташкенте у жителей в презрении, не имея вольности выезжать далее стен ташкентских, очень хотя неоднократно прошено было, но нам в том отказано было.

79 || Открылась уже весна, о чем не переставали мы почти всегдашно настоять об отправлении нашем, но оное отлагалось со дня на день. И напоследок узнали, что Большой орды Юсунская сильнейшая волость отказалась ташкентскому хану платить дань, заняв все пути к проезду караванов и проезжающих, из коих некоторые захвачены и разграблены были. Такие обстоятельства остановили наше отправление по июнь месяц, пока наконец с той волостью заключен мир и в залог оставлены аттестаты.

ОБРАТНЫЙ ПОХОД 1797 ГОДА

Месяц июнь

1-го. Простясь с владельцем Ташкента, вообще *[20] с вышеписанными депутатами и с тем же проводником, Букей-султана сыном Ишимом, [мы] отправились из города. Поход имели на N — O — W. Ночлег (6 в.).

2 и 3-го. Путь имели на N—O—W, шли степью от Ташкента до речки Келес (10 в.), где остановились в ожидании следующих [за нами] торговых людей, кои собрались, и ввечеру выступали в поход на NW 15 в. до Карабулака, ночлег имели в степи близ колодцев (40 в.).

4-го. Поход был до полудня на NW до ключей. Положение места: мелкие горки, в коих гранитовая порода, с полудня [шли] ровною степью. Ночлег имели в степи (35 в.).

*[20] То есть *вместе*.

79 об. 5-го. Поход был на NO до речки Бадам, [затем] по тому ж || направлению, где и ночлег имели. Положение места ровное, грунт земной, песчаный. Похода было 30 в.

6-го. Поход имели на NO 20 верст до речки Арысь и потом на N 10 верст, на сем расстоянии впадает речка Будар, где остановившись до полудня, [потом] тем же направлением [шли к] переправе при Кургане. Поход имели на WNW при колодце Бончун и остановились на речке Бугунчаян. Похода было 15 в.

7-го. Тем же направлением [шли] подле речки 10 верст, где оная впадает в озеро, и проходили по левому берегу озера, где переправясь, ночлег имели на берегу оных (30 в.).

8-го. Подле того ж озера [шли] тем же направлением. Похода было 5 в.

9-го. [Шли] подле озера и тем же направлением (10 в.).

10-го. Поход был на N до местечка Икан. Здесь прибыл Авасар — бий Конратской волости, взялся провести [в] кочевье той Конратской волости. Ночлег имели на ключе Иканском (27 в.).

11-го. Вступили в горы Каратау. Поход имели на N 10 верст [шли] подле ключа и в горах 10 верст; [ключ] протекает из тех же гор. Горы сего хребта гранитовой породы, в некоторых местах имеется порфир, брекчии разновидные. Похода было 10 в.

12-го. Продолжали путь на ... верст теми ж горами, к вечеру на O—5 в. до окончания гор. Окончив оные, ночлег имели подле оных на ключе, где помянутый выше сего киргизский бий Авасар пред-
80 лагал нам свой аул. Однако ж мы от услуг || его отказались.

Сей кайсак по случаю захвата в Троицкой крепости его родного брата за разграбление наших торговых людей, который в оной и помер, имел намерение нас, захватя, предать смерти. Однако ж предприятие его не удалось, и хотя, спустя день, прибыл он к нам в стан с отборными людьми, под разными видами оказывал в захвате нас свою злость, но успеть не мог.

13-го. Имели путь на NW 5 верст подле гор Манжан *[21], подле того хребта песчаного, степью 10 в.

14-го. До местечка Сузак на NNW 20 в.

15-го. [Мы] остановились близ оного; Конратской волости султан Карабаш с 30 человеками вооруженных киргизцев, прибыв в стан наш, повелительно требовал от всего каравана подарков, грозя, если оных не получит, разграблением. Ташкентцы, от природы робкие, принуждены были дать ему малое число табака и прочих вещей, что сначала принять не хотел, но когда ему сказано было, что он и того не получит, тогда охотно принял, а мы между тем вступили в путь. Продолжая оный, остановились в пустой степи. Здесь ночью киргизцы угнали у ташкентцев лошадей, однако ж [им это] не удалось, [они] нагнаны и лошади отобраны. А похода было 15 в.

---

*[21] *Манжан* — искажение, судя по всему, Мынжылкы — одна из вершин Каратауского хребта.

16-го. Продолжали путь степью на NNW, имея в виду горы Каратау. Ночлег имели в безводной и песчаной степи (25 в.).

17-го. Поход был на N и прибыли к речке Чу, а через оную
80 об. как мы, так и весь караван на || приготовленных из камыша волож переправились и на берегу оной ночлег имели (25 в.).

18-го. Продолжали путь к N 12 верст до колодца.

19-го. Из Казан *[22] в первый день оттоль на NNWN. Роздых был в степи (25 в.).

Поход был до полудня на N до ключей Ченгельдов (35 в.).

20-го. После полудня [шли] на N, безводною степью до колодца Саванга *[23], где в прошлом году были. Ночлег имели у колодца горной воды (20 в.).

21-го. [Шли] безводною степью, ночлег имели у солончака. Похода было 30 в.

22-го. Поход имели на NNO и [шли] песками. Ночлег имели близ колодца Кызкудук. Похода было в сей день 45 в.

23-го. Шли на NO, где султан Худайменде, выслав тюленгута, требовал от каравана подарков (20 в.).

Потом [шли] на NNO 15 верст через солонцы. Ночлег имели в степи (35 в.).

24-го. Шли NNO до окончания, Коуртобулы именуемого (45 в.).

25-го. Шли на NNO до озера Бозгак, в коем немочьные *[24] горы, вода бывает (30 в.).

26-го. По тому ж направлению против сего места в левой руке — озеро Каракуль, с полудня на NNO 15 верст, где влево — озеро Боскуль (30 в.).

27—28-го. По тому ж направлению до Буталыадыра — 20 верст на O, до Ргуат-Сарысу на NO — 20 в., всего 40 в.

29-го. Шли на N 25 верст до озера, при коем из гор [течет] ключ, оттуда на NO — до колодца (25 в.).

30-го. Шли на NO на колодцы Керданли — Кулан-Утемес и в левой руке на NNO— озеро, всего 40 в.

81 || **Месяц июль**

1-го. Шли на NO 25 верст к урочищу Корпетау, до половины прошли речку Нуру до Бала-Кундузды. Похода было 40 в.

2-го. Шли на NO 4 в., на N 15 верст до речки Бекагач-Кундузды, коя впадает в Нуру (30 в.).

3-го. Шли на N 15 верст до речки того же имени Кундузды, потом на N 13 верст до озера Балыктыкуль, на коем и аулы Букей-султана нашли.

4, 5, 6, 7-го. Кочевали с Букейскими аулами.

---

*[22] *Казан* — вероятно, имеется в виду урочище Казанчай, расположенное к северу от р. Чу.

*[23] *Саванга* — искаженное слово, видимо, Табан-Кудук, недалеко от Кендерлыка.

*[24] То есть *слабые, выветренные.*

8, 9, 10-го. Дневали.

11-го. Шли на ZO 4 в. до речки Каражал-Карасу. Похода было 20 в.

12, 13-го. Дневали, прибыл из Ташкента караван и отправился в Петропавловскую крепость.

14-го. Шли на NNO через горы Ямакульмияс (15 в.).

15-го. Шли тем же направлением до урочища Якшинияс, коий остался левее. Положение места плоское, причем лес березовый, а потом NNO до урочища Кызылагач при горе Черментау. Похода было 20 в.

16-го. Шли на NNO 15 верст до речки Улендук, коя начало свое приносит из горы Сеимен. На сем месте находилась кайсакская волость Байбуры-каракисек (20 в.).

81 об. 17-го. Здесь при начале той волости обед. После обеда || шли на О 4 в. Похода было 10 в. Здесь оставили горы.

18-го. Шли плотною степью, румб был на NO 20 верст до речки Чадырлы, коя вершину имеет в том же месте, с коего отправились в прошлом году в Ташкент, [шли] на NO подле речки 20 верст, всего 40 в.

19-го. Шли на NNO 20 верст, подле речки на NNO 20 верст, всего 40 в.

20-го. Шли на О 20 верст до колодца, на NO до солонцова озера, [всего] 20 в.

21-го. Шли на NNO 15 верст до солонца, коий остался левее, потом на N 20 верст, всего 40 в.

22-го. Шли до колодцев на ONO 8 верст, а потом ONO 7 в. до колодцев. Всего похода было 15 в.

23-го. Шли на NNO 10 верст, потом Z 10 верст до форпоста Коряковского. Прибыв к оному, переправились через Иртыш, сделав донесение его превосходительству Штрандману, отдав путевые вещи и лошадей, отправились в Омскую.

РАПОРТ БУХТАРМИНСКОГО КОМЕНДАНТА О СОСТОЯНИИ МЕСТНОЙ ТОРГОВЛИ *[1]

55 || При основании [в] 1803 году бухтарминской таможни имелось в виду, что место это по удобству водяной коммуникации может сделаться видным местом для китайской торговли, но при всем том результаты были неудовлетворительны, пока в 1808 году коммерции советник Нерпин, вызванный главным начальником Западной Сибири, [не] снарядил каравана в Китай *[2] с приказчиком Бурханэтдином Раимбакы Ремелым. По донесению коменданта, торговля эта производилась инкогнито, и наши купцы проникали в Китай под видом приказчиков киргизских султанов. Хотя с 1815 года и стало известно, что торговцы эти — русские верноподанные, но китайцы смотрят на это снисходительно и желали бы иметь даже непосредственную торговлю при взаимном согласии двух правительств.

О караванном ходе

Из Бухтарминской крепости в город Чугучак — два пути: один — водою по Иртышу и Нор-Зайсану, потом через Тарбагатайский хребет в Чугучак. Проход через Тарбагатай удобен для вьючных верблюдов и лошадей. Расстояние примерно (от озера до города) 200 верст. На пути лежат китайские караулы по урочищам: на реках Чурге, Кызылэспе *[3] (قزل ايسبه) Котаначи (на самом Тарбагатае) при речке Караунгур.

Водяной путь представляет некоторое неудобство, [проходя] по камышам, растущим при устье Иртыша от р. Краснояр, [а также] по мелям. Другой [путь], по которому ходят все караваны, идет из [Бухтарминской] крепости прямо в степь, на караул Баты. Расстояние считается до Чугу 420 верст. Китайские пикеты, лежащие

---

*[1] *Полное название документа следующее:* Рапорт бухтарминского коменданта подполковника Шевина от 15 сентября 1825 г. № 561 на запрос Омского областного начальника Бривого о состоянии местной торговли и о путях в Китай.

*[2] *Против этого на полях помета:* С самого начала производства здесь торговли, т. е. с 1808 года.

*[3] Географические названия искажены, но исправлены рукой Ч. Валиханова. Он же привел арабское начертание Кызылэспе.

на пути, суть Баты, на озере Балыкуле, на речке Буркан, Юзагач, Базар, Тарбагатай, на речке Улалы (впадает в речку Имиль) и Чугучак.

55 об. || От Чугучака до Кульджи — 90 (?). Караулы, лежащие на пути: Маяты, Чаган-тогай, озеро Алакуль, речка Чулак-Карагай, Боротала, Канжигалыбулак, Талки, Сарыбулак и Кызылкаин.

Торговлю в Чугучаке и Кульдже производят ташкентцы, татары и заграничные киргизы. Первые [торгуют] разными российскими произведениями, последние — лошадьми, рогатым скотом и баранами. Променивают в Чугучаке с торгующими китайцами просто, без всякого надзора их чиновников; в Кульдже все российские товары по приходе каравана тотчас отбираются в казну, [в обмен] на канфы, фанзы, дабы лучших сортов, эластичную бумагу и байховый и кирпичный чай.

* * *

Министерство финансов от 15 сентября 1824 года писало генерал-губернатору Западной Сибири, что Сибирский край давно уже обращал особенное внимание к учреждению в нем торговых связей с разными народами Азии и распространению меновой китайской торговли, существовавшей тогда только на Кяхте, и к открытию пути в Тибет и Индию, которая во всех веках считалась главным местом торговли, и сближению с разными азиатскими государствами, где европейские народы по недостатку средств ни в коем случае с нами соперничать не могут. Все сии виды требуют точнейшего рассмотрения, но как правительство не имеет положительных сведений о тех отдаленных странах, кои были представлены в разные времена, [и так как сведения] недостаточны к основанию какой-либо прочной системы, то и просит генерал-губернатора Западной Сибири войти во все местные соображения и принять средства к постановлению азиатской торговли в такое положение, которое бы не только временно исправило бы все ныне существующие недостатки, но привело бы оную в прочное, цветущее и выгоднейшее состояние.

При учреждении Бухтарминской таможни в 1803 году имелось в виду, что место сие может сделаться со временем знатным для китайской и индийской торговли. Основываясь на сведениях: первое, о торге ташкентцев в Западном крае Китайской империи российскими произведениями и об отправлении ими караванов из Се-
56 мипалатинска и Усть-Каменогорской || крепости; второе, что китайцы производят в Бухтарме и на границе миролюбное с нами обращение и, вероятно, чувствуют выгоды непосредственного торга, в котором доселе хозяйствовали ташкентцы, и, третье, наконец, соображение, что мена на Кяхте затрудняется песчаной степью Гоби, простирающейся на тысячу верст, а торг Западной провинции вовсе до Кяхты не достигает — заставляли думать об открытии нового пункта для меновой китайской торговли, а именно: в

Бухтарме, представляющей особенное удобство водяной коммуникации рекою Иртышом. Донесения начальствующего в то время на Сибирской линии генерал-майора Лаврова, хотя и подтвердили, что наше купечество может открыть новую торговлю с Китаем в Чугучаке, вместе с тем выяснилось, что сие не иначе может производиться как при посредничестве киргизских султанов, которые, приняв под свое охранение наши караваны, объявляют купеческих приказчиков собственными людьми и через то только дают им средство производить мену с безопасностью. Бухтарма же не во всем признана удобным для торговли местом, а напротив того замечено, что ташкентцы, избегая гористых дорог, предпочитают Семипалатинск и даже Петропавловскую крепость. На основании сих донесений в половине 1804 года для опыта был отправлен при переводчике Безносикове караван в Западную провинцию Китая, названный принадлежащим одному из киргизских султанов. Каравану велено было идти на Чугучак, Кульджу до Аксу, но он, миновав Ч[угучак], достиг прямой дорогой Кульджи. С 1804 г. [по] 1810 г. не было предпринимаемо новых опытов к распространению торговли; вероятно, причиною того было безуспешное посольство наше в Китай. Генерал-лейтенант Глазенап с вступлением в начальство на Сибирской линии оказал особенное усердие к возобновлению азиатской торговли. Два раза он склонял тарского первой гильдии купца Нерпина послать приказчика с товарами в Чугучак и Кульджу. [В] 1810 [году] караван вышел из Бухтармы под именем киргизского султана. Результатом этого было известие, что китайцы, хотя знают о принадлежности каравана русским, но смотрят снисходительно и даже желают непосредственных сно-
56 об. шений. || Вследствие этого предположено было при новом посольстве в Китай иметь в виду разрешение [торга] нашему купечеству в надежде, что оный без посредничества киргизских султанов может ежели не превзойти, то поравняться с кяхтинским.

В том же году послан был к кокандскому владетелю сын одного из киргизских султанов Средней орды, дабы уговорить его войти в торговые сношения с Россией. Хан принял предложение. Генерал-лейтенант Глазенап отправил с высочайшего соизволения посланцев ко двору. Пользуясь этим обстоятельством, купец Свешнев снарядил первый караван в Коканд на довольно значительную сумму. По прибытии в Санкт-Петербург кокандских посланцев последовало высочайшее повеление об открытии торговли в Коканде. Пунктом для принятия и отпуска караванов назначены крепость Петропавловская и форпост Коряковский *[4]. При отправлении посланцев восвояси последовал с ними другой караван из Петропавловской крепости. Не останавливаясь на этих успехах, генерал-лейтенант Глазенап собрал ближайшие сведения о возможности учредить выгодный для России торг через центральный город Аксу с Чугучаком и Кульджой, с одной стороны, и Кашгаром,

*[4] Теперешний Павлодар.

Тибетом и Кокандом, Бухарой и Кашмиром, с другой. В 1811 году с этой целью предположил отправить из Семипалатинска в Аксу караван, к чему склонил знатнейших торговцев: ташкентского старшину Миркурбана Ниязова и казанского татарина Абдулгази Омарова (Гумарова), с суммою на 110 тысяч рублей. Между тем бухтарминская мена тоже усилилась, и китайцы сами стали посещать это место. В 1811 [году] разменяно на Бухтарме товара на 160 тысяч рублей. В августе 1813 г. попеч[ением] г. Глазенапа [был] отправлен из Семипалатинска караван с товаром на 321 тысячу [рублей] в город Аксу и Кашгар по новому тракту при переводчике Бубеннове, через земли дикокаменных киргизов. Старейшины этой орды, быв склонены в пользу России, обязались проводить караван и не брать пошлины; для большего удостоверения в дружбе прислали к начальнику Сибирской линии своих сыновей, кои объявили изустно желание иметь торговлю и препровождать караваны до самого Кашгара и просили допустить их к высочайшему двору. Последнее желание было отклонено, и посланцы получили капитанские чины и сабли. Караван из Кашгара возвратился в апреле 1814 года и привез на миллион [рублей] товаров, состоящих из ревеня, чая, даб, петель, шелков, парчи, из многих редких азиатских произведений.

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ МАМЕДИЯРОВА *[1]

4	Маршруты пройденного пути.	Замечания о местностях, где были ночлеги и остановки
1, 2 марта	Из редута Кривого степью	Ровная степь
3 »	Урочище Арчалы	
4 »	Дастарбасы	
5 »	Солонешко (солончак) Сары-Каска	
6 »	Урочище Учкара	
7 »	Между урочищами Едрей и Кызыл-Тав	По этим урочищам воды, подножного корма и леса достаточно
8 »	Урочище Чжамагул-Чокы *[2]	
9 »	Караганны-Чокы *[3]	
10 »	Урочище Атабай	
11 »	Аул султана Букея, около Сары-Кульджи	
	С 12 по 24 [марта] пробыли у Букея в ауле	
25 »	Урочище Кент-Казылык	Есть сосновый лес, годный к строению; вода хорошая
26 »	Конур-Кульджа (урочище?) *[4]	Много ключей; речка Нура бежит из гор, вода в ней чистая; леса, кроме низкой ивы (тала), нет
27 »	Урочище Кара-Кувус	
28 »	Тогонбай	
29 »	Вершина речки Нуры	
30 »	Урочище Чет-Чокы	
31 »	Дневка	
1 апреля	Р. Сары-Су	Вода хорошая, лесов нет
2 »	Урочище Анрыт [Ангырт]	
3 »	Учки—Ульмес (Ички-Ульмэс) *[5]	

*[1] *Полное название записок следующее:* Путевые записки с замечаниями мест, ведущих от Сибирской линии в город Коканд и обратно, по коим следовала казачья команда Сибирского линейного войска в управлении переводчика коллежского регистратора Мамодиярова [в] 1811 году.

*[2] Точнее: *Джумагул-Чокы.*

*[3] Точнее: *Караганды-Чокы.*

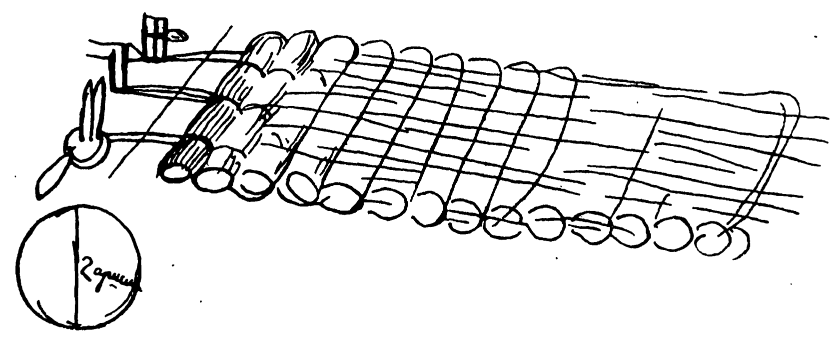
*[4] Вопрос здесь и ниже Ч. Валиханова.

*[5] Исправлено Ч. Валихановым.

4 »	Моелты *[6], Чумекты	
5 »	Чунак	

На этом урочище вечером кайсаки Тараклинской волости сделали на команду нападение и отбили [у] Солтан-Гази семь лошадей, перестрелка продолжалась и ночью. Кончилось тем, что кайсаки отдали назад отбитых лошадей.

6, 7 и 8 [апреля]	Стояли на месте для минования в ходе опасности	
9 »	Урочище Болат	Каменистая гора
10 »	Солонец Ачлузек (Ащили-Узек)*[7], или Кыз-Качты *[8]	Колодцы с горькой водой, леса нет
11 »	Солонец Кок-Ирим [Уйрым]	Колодцы с горькой водой
12 »	Караул-Чокы	Гора каменистая
13, 14, 15 »	Вниз по течению реки Чу	Камыш, вода горьковата и нездорова



Камышовый плот на реке Чу.

16 »	Перелаз [переправа] Кок-Мурун. Переправлялись на камышовых плотах, сделанных казаками	
4 об. ‖ 17 »	Дикая степь на 20 верст	Песок всхолмленный, ход затруднителен на телегах
18 »	Местечко Сузак	Небольшая деревня, до сего места можно иметь тележный ход
19 »	Урочище Каратон	Перелаз, называемый Суундук, ключ, лес карагач (илем) и яблоня
20 »	—	—

*[6] Теперь: *Моинты.*
*[7] Исправлено Ч. Валихановым.
*[8] Теперь: *Кикым-Кыз.*

21 »	Местечко Карнак	Небольшая деревня
22 »	—	—
23 »	—	—
24 »	В городеТуркестане	Лесов нет, кроме рощ подле города
25 »	Там же	
26 »	Степь	Лесов нет
27 »	Река Арысь	Ход был вверх по течению оной, лес состоит из мелкой ивы
28 »	По той же реке (переправа на плотах из ив)	
29 »	Колодцы Кырккутук	Вода горькая, лесов нет
30 »	Колодец Ащикудук	
1 мая	Река Келес	Вода хорошая, леса нет
2—11 »	В городе Ташкенте	Город на каналах, взятых из реки Чирчик
12 »	Река Чирчик	Чрезвычайно быстрая, переправа трудная вброд. На обратном пути один из свиты кокандских депутатов утонул в реке: у него сшибло с ног лошадь
13 »	Река Кара-Су	Места луговые, травы хорошие
14 »	Речка Ангроен (Апгран)*[9]	Быстрая, переправляются вброд
15 »	Через гору Кендыр-[таг]	Крут, на телегах нельзя
16 »	Местечко Кара-Чан (на севере)	Переправа на пароме, степь начинается
17 »	Коканд, [с] 18 мая по 7 июня пребывали в этом городе	
8 июня	Обратный выезд	
9 »	Местечко Динин-Тура*[10]	Небольшие деревни на каналах
10 »	Шайдалы*[11]	
11 »	Перевал (перелаз) через Кендыр-[даван]	
12 »	По оной же [горе]	
13 »	Место Телек	
14 »	Возле Ташкента река Кара-Су, [с] 15 июня до 9 июля в Ташкенте	
10 [июля]	Выехали	
11 и 12 »	Проживали под городом	
13 [июля]	Речка Келес	
14, 15 »	Степью	
16, 17 »	По реке Арысь	
18 »	Полем без воды	
19, 20, 21 »	В Туркестане	
22 »	Выехали	
23 »	Река Карни *[12]	
24, 25 »	В Каратаве	
26, 27 »	В Сузаке	

*[9] Исправлено Ч. Валихановым.
*[10] Вероятно, *Дин-Курган.*
*[11] Точнее: *Шайдам.*
*[12] Очевидно, *р. Карнак.*

28	»	Выехали	
29	»	Р. Чу	
30	»	Урочище Кара-Кия	
31	»	Тошбулак *13	
1	августа	Дневка в Тосбулаке	
2	»	Колодец Буритишкен *14	Места гористые из сопок
3	»	Урочище Эргенекты [-Пыстан]	
4	»	Степь	
5	»	Урочище Болат [-тау]	
6	»	Выехали из Болата	
7	»	Река Чажагай	
8	»	Колодец Алакунан	
9	»	Ключ подле урочища Артав *15	
10, 11	»	Река Сары-Су	
12	»	Речка Ачалынын Кара-Су	
13	»	Речка Байгулынын	
14	»	Река	
15, 16, 17, 18	»	У султана Букея	
19, 20, 21	»	Там же	
22	»	Урочище Кулбулды	
23	»	Речка Ярлы *16	
24	»	Озеро Тогерек	
25, 26	»	Терек на реке Тундук (?)	
27	»	Степь	
28	»	Урочище Арчалы	
29	»	Редут Кривой [на Иртыше]	

*13 То есть *Тосбулак.*

*14 Точнее: *Бори-Тескен.*

*15 Точнее: *Ортау;* под ключом, вероятно, имеется в виду речка Манака, протекающая у западного подножия горы Ортау.

*16 Точнее: *Жарлы.*

[ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ И ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ХАНСТВАМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.]

[О прибытии в Каркаралинский округ двух послов кокандского хана Сеид Мухаммед-Али с письмом к генерал-губернатору Западной Сибири от 1 сентября 1828 г.] *[1]

1 || Пребывающему в Омске превосходительному генералу!

Довольно времени протекло тому, как с помощью господа бога между нами открыто дружество и приязненные сношения, ибо [на-ш]их сторон народы начали иметь сообщение, государства сии пребывают спокойнее прежнего, подданные, от всяких грабежей и обид будучи безопасны, возымели через сообщение некоторую промышленность. Каковое обоюдное дружество ежели бы еще вновь подтвердилось, тогда подданные от всяких худых последствий паче были бы безопаснее; ныне же через приезжающих сюда наших торговцев слухи до нас доходят, что некоторые наши под-
1 об. данные, зашедшие || в тамошние места, имеющие скот, имущество, отданное в долг, через невозвращение оного похитителями разоряются до основания, между тем, по случаю время от времени умножения таковых наглостей и хищничества киргиз, даже желающих возвратиться в наше владение наших подданных, тамошние киргизы якобы не отпущают. По нашему размышлению, за удобное показалось положить, чтобы имение российского государства купцов, впадшее подобными случаями в руки нам подданных киргизов, управляющий Ташкентскою областью полномочный градоначальник, разыскав, [возв]ращал им, насупротив чего и наших подданных купцов в подобных случаях впадшее имение управляющий Омскою областью генерал тоже возв[ращал] бы; и ежели таковое устройство и порядок между нами возобновятся, тогда очень хорошо было бы; справедливость утвердилась бы и обеих сторон народы пребывали бы в тишине и спокойствии.

2 || Еще таковые слухи до нас дошли, что на принадлежащих ташкентскому владению местах Биш-Казлык *[2] заложена крепость, а на Каратале нарублен лес, каковые дела, ежели бы не открывались, лучше бы было, то о подобных обстоятельствах, равно для личного узнания всеавгустейшего великого государя здравия посылаю при сем свиты своей чиновника судур *[3] Турсун-ходжу и Хаджи-Курбана.

С переводом верно: начальник отделения *П. Сумин.*

---

*[1] Заголовок дан в сокращенном виде.

*[2] *Биш-Казлык* означает горы Каркаралы, Кент, Ку, Идрей и Кизылрай, находящиеся в Каркаралинском округе. *(Примечание переводчика).*

*[3] *Судур* — духовное лицо, религиозный глава общины.

[Письмо генерал-губернатору Западной Сибири от министра иностранных дел от 28 февраля 1829 г.]

2 об. || *Милостивый государь Иван Александрович!*

Кокандские посланники Турсун-ходжа и Хаджи-Мир-курбан с находящеюся при них свитою из восьми человек, в сопровождении сотника Чирикова, прибыли в столицу 10 января сего года, через два дня по получении мною отношения вашего высокопревосходительства от 10 минувшего декабря № 866.

Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел поручено было первее всего войти в ближайшее рассмотрение личных качеств сих посланников, а равно оснований и цели их приезда сюда. Смысл грамоты на высочайшее имя от кокандского хана, ими привезенной, изъяснения их о внутреннем положении и нынешних отношениях Коканда, наконец, самый образ их мыслей при обыкновенной простоте обитателей Средней Азии показали, что прибытие их в Россию есть следствие дружелюбных к нам расположений тамошнего правительства и что приехавшие сюда кокандцы суть действительные исполнители воли их владетеля, пользующиеся его доверием.

3 || В сем уважении они представлены были его императорскому величеству и удостоились особенного монаршего благоволения как истолкователи желаний их нового хана и подтверждений взаимных приязненных и торговых сношений. По высочайшему повелению производимо было здесь хорошее содержание как им, так и состоящим при них чиновникам, открыты им были случаи в достопримечательнейшие заведения, сверх того, сын старшего посланника токсаба Ишан-ходжа, страдавший долго в отечестве глазною болезнью, вверен был лечению одного из лучших здешних врачей. Вообще, сообразуясь с монаршею волею, министерство старалось доставить упоминаемым кокандцам самое приятное пребывание в столице, для сугубого их убеждения, сколь внимательна Россия даже к слабым иноземцам, ищущим ея благорасположения.

По исполнении обязанностей своего посланничества Турсун-ходжа и Хаджи-Миркурбан со свитою их отправятся 3 числа сего марта из Санкт-Петербурга обратно в Коканд, сопутствуемые до
3 об. линии тем же казачьим сотником || Чириковым и тремя урядниками. Всем им всемилостивейше пожалованы подарки, показанные прилагаемой записке, и при том отданы для доставления вещи от высочайшего имени, назначенные в дар их владетелю. Равным образом вручена посланникам высочайшая грамота к их хану и особая нота им с моей стороны. Содержание сих бумаг, ваше высокопревосходительство, усмотреть изволите из списков, к сему включаемых.

По всемилостивейшему вниманию к настоящему посольству государю императору благоугодно было повелеть мне просить вас, милостивый государь, о предписании кому следует, чтобы коканд-

ским подданным, приезжающим в Западную Сибирь, вашему управлению вверенной, оказываема была повсеместно приязнь и защита, а также справедливое и скорое решение по их делам. Купно с тем его величество высочайше соизволяет подтвердить постановление, сделанное в 1812 году, дабы в дома кокандцев, по-
4 селившихся на Сибирской линии, || ставить постой тогда, когда уже все другие обывательские дома оными будут заняты.

Касательно аргамаков, приведенных в Омск от имени кокандского хана, на доклад мой о сем последовала высочайшая воля в таковой силе, чтобы их отдать в распоряжение начальства пограничных в том краю казачьих полков для употребления при их табунах.

На обратный путь свой Турсун-ходжа, Хаджи-Мир-курбан, свита их и казачьи чины, их сопровождающие, снабжены кормовыми, прогонными деньгами до Семиярского форпоста на случай, если бы они не нашли возможности отправиться в свое отечество из Омска. Сотнику Чирикову предписано по прибытии на место представить своему начальству отчет в суммах, отпущенных ему из Азиатского департамента на переезд их до помянутого форпоста вместе с инструкцией, ему данной. Затем его императорское высочество высочайше указать соизволил, чтобы сказанные посланники с их свитою по прежнему примеру препровождены были под прикрытием казачьего отряда до пределов ханства Коканд-
4 об. ского. А как они при отъезде отсюда выразились || о полученном известии, что верблюды их, оставленные в Каркаралинском округе, пали от стужи, а потому и затрудняются относительно обратного пути, то государь император представляет вашему высочеству сделать распоряжение, дабы на место павших верблюдов купить других, годных, которые им подарить, употребив для сего деньги нужные, из состоящих в вашем ведении сумм, кои, согласно вашему о том ко мне ответу, в свое время будут возвращены из Азиатского департамента.

Сообщая все вышеизложенное вам, милостивый государь, по высочайшему повелению пребываю с совершенным почтением и преданностью вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

граф *Нессельроде*.
Верно: столоначальник *У. Лиханский*.

С.-Петербург, 28 февраля 1829 г.

Записка о подарках, высочайше назначенных хану кокандскому и посланникам его со свитою 1829 г.

5 || 1. Кокандскому хану Сеиду Мухаммед-Гали: парчи разноцветной, лучшей, три куска в 12 ар. каждый; сукна самого тонкого, три куска разных цветов, по 12 ар. каждый; атласа лучшего 36 ар.;

кинжал в золотой оправе, осыпанный драгоценными камнями; ружье; стеклянной и фарфоровой посуды на 2000 руб.

2. Двум его посланникам. Садр гамалдару Турсун-ходже и дугагую *[1] Хадже-Миркурбану, каждому: парчи два куска, в 12 ар. каждый, низшей доброты против ханской; сукна два куска, в 10 ар. каждый; атласа два куска, в 10 ар. каждый; самой лучшей кисеи, по 50 ар.; деньгами 300 рублей серебром.

3. Брату первого посланника Урак-Шарыпу-ходже Найзахожину и сыну того же посланника токсабе Ишан-ходже Турсун-
5 об. хожину, каждому: || парчи 12 ар., сукна 10 ар., атласа 10 ар., деньгами 150 рублей серебром.

4. Другим четырем чиновникам при посланниках, каждому: парчи 12 ар., сукна 10 ар., атласа 10 ар. (достоинством [эти ткани] несколько ниже против [тканей] вышесказанных чиновников); деньгами 125 рублей серебром.

5. Ханским служителям, прибывшим в Россию с посланниками: двум, сюда приехавшим, и четырем, оставшимся в Омске, каждому: сукна 6 ар., ситца 20 ар., деньгами первым двум — по 100 рублей серебром, а последним четырем — по 50 рублей серебром.

6. Приставу С[ибирского] л[инейного] к[азачьего] в[ойска] сотнику Чирикову — 150 рублей серебром.

7. Трем урядникам того же войска: Данилову, Набокову и Грибановскому — по 75 рублей серебром каждому.

Верно: столоначальник *У. Лиханский.*

Список с ноты г. вице-канцлера посланникам кокандского хана Сеид Мухаммед-Али Садр гамалдару Турсун-ходже и дугагую Хадже-Миркурбану

6 || Лист на высочайшее имя его в[еличества] государя императора от высокостепенного кокандские земли владетеля Сеид Мухаммед-Али-хана, поднесенный Вами, г. г. посланниками, принят с особенным благоволительным вниманием. Его императорскому величеству приятно было видеть выражение усердия высокостепенного владетеля Вашего, а равно его предложения об упрочении дружбы между империею Всероссийскою и Кокандским владением и о продолжении взаимных приязненных и торговых сношений, таковые желания в полной мере согласуются с собственными его величества чувствованиями. В ознаменование оных великий наш государь император повелел вручить Вам, г. г. посланники, высочайшую его на имя высокостепенного владетеля Вашего грамоту,
6 об. прилагаемую у сего для доставления. || Содержание сей грамоты ясно покажет владетелю Вашему истинные его императорского величества расположения ко благу всех его соседей и готовность к сохранению совершенной приязни между Россией и Кокандом на вечные времена.

*[1] То есть *ду'агуй* — «молельщик».

Ваши личные опыты послужат самым убедительным подтверждением, что кокандские подданные во Всероссийской империи всегда находят справедливое покровительство и помощь.

Таким образом, наше правительство неусыпно заботится об ограждении кокандцев от обид и в степях киргизов, с давних времен России подвластных, кои кочуют на пространстве между Каспийским морем и каспийскими *[1] владениями. Для лучшего обуздания сих наших киргизов, при диком образе жизни довольно своевольных, принимаются по высочайшему повелению как в Средней, так и Малой орде самые строгие меры, имеющие главною целью водворение там порядка и спокойствия.

7 || Надеяться должно, что в соответствие тому и в областях высокостепенного владетеля Вашего приезжающим российским подданным будет оказываем благосклонный прием и защита и что купечество наше будет и с Вашей стороны охраняемо от хищников и разных неуместных поборов. Тогда взаимная торговля между россиянами и кокандцами и другими азиатскими народами расширит круг свой, процветет и доставит всем равную значительную пользу.

Во внимание же к просьбе Вашей ныне подтверждено пограничному начальству нашему, чтобы в дома, принадлежащие кокандским подданным, поселившимся у нас на Сибирской линии, ставить постой тогда только, когда уже все другие обывательские дома будут оными заняты.

Наконец, его императорское величество соизволяет послать к
7 об. высокостепенному владетелю Вашему в подарок некоторые || от высокой особы своей вещи, Вам уже врученные и означенные в приобщенном у сего списке.

Подлинную подписал вице-канцлер
граф *Нессельроде.*

Верно: столоначальник *У. Лиханский.*

Список с высочайшей грамоты к хану кокандскому Сеид Мухаммед-Али

Кокандские земли владетелю Сеид Мухаммед-Али багадур-хану нашего императорского величества благоприязнь и поздравление. С удовольствием мы получили лист Ваш, изъявляющий желание об утверждении дружбы между империею Всероссийскою и Кокандским владением, отправленный к нам, великому государю, с посланниками Вашими Турсун-ходжою и Хаджой Миркурбаном, которые оба, согласно учрежденному обряду, были перед
8 нас представлены. Мы, приняв в особенное || уважение намерения Ваши к пользе обоюдных подданных в пределах нашей империи, по-прежнему оказываем кокандцам приязнь, защиту и справед-

---

*[1] Описка, следует читать: *китайскими*

ливость по их делам. Мы сохраняем надежду, что наши подданные, посещающие Кокандское владение, будут там находить благосклонный прием и покровительство, что Вы, удаляя всякий случай, стесняющий взаимную торговлю между россиянами и кокандцами, и убеждая к таковому доброходству Ваших соседей, тем самым разделите наши попечения о счастии как народов, от бога нам вверенных, так и наших союзников.

В заключение, моля всевышнего бога, да ниспошлет на Вас все земные блага и да утвердит навсегда силу и могущество дома Вашего, препоручаем Вас святому его провидению.

Дана в С.-Петербурге, февраля 27 дня 1829 года. Царствования же нашего в четвертое лето.

Скрепил: столоначальник *У. Лиханский.*

[Письмо ташкентского кушбека генерал-губернатору Западной Сибири]

9 || *(Перевод с письма ташкентского кушбека генерал-губернатору)*

В древние времена через переговоры с белым ханом *[1] положена была граница мусульманам Средней орды; они имели свободные переходы через реку Иртыш как к нашим, так и к Вашим пределам, затем положено было условие, чтоб вечно не воевать. Ныне вы, присвоив к своей власти народ сей орды, учредили в нескольких местах диваны *[2], лишили спокойствия мусульман и не оставляете их по-прежнему в свободе, к чему именно относится таковое ваше распоряжение?

Высокостепенный же хан наш, предоставив в мое владение шесть сан *[3] кара-калпаков, сорок сан прочих народов, обитающих по здешней стороне кокандского дивана, и дикокаменных киргизов по р. Или, дали мне власть решать все дела, относящиеся до сих народов, а между тем, взяв города: Уратюпе, Каратегин, Куляб и Дарваз и покорив себе народ, в оных находящийся, определил от себя в каждый из них особого начальника и, сверх того, завладев многими другими городами и народами, почитал, что все мусульмане принадлежат уже хану, но впоследствии усмотрев, что подать, ему платимая, стала уменьшаться, почему он с согла-
9 об. сия вельмож кокандского владения повелел || мне отправиться в Кашгарию. Я проехал шесть городов, изрубил десять сан китайцев, которые, сдав всех мусульман, заключили со мною мир, затем еще принято в наше подданство несколько волостей киргизов Большой орды.

Вслед за сим несколько человек из родоначальников Средней кайсацкой орды, явясь к высокостепенному хану, принесли жало-

---

*[1] Азиатцы белым ханом называют государыню императрицу. *(Примечание переводчика).*

*[2] *Диваны* — приказы, укрепления.

*[3] *Сан* — то же, что *тюмен* в древности, то есть *десять тысяч человек.*

бу, что русские начали брать с их скота подать: со ста штук баранов — по одному; с остальных же — лошадей по одной штуке, а самих их — в солдаты и что некоторые из хищных киргизских султанов, обратясь к русским, учинили рукоприкладство на вступление в подданство России и лишили тем их спокойствия; однако ж о сем обстоятельстве не было известно прочим народам; но каковой жалобе высокостепенный хан изволил приказать мне отправиться на место и удостовериться лично в истине. Посему я, разъезжая по разным волостям сего края и даже проехав по р. Ишиму, отправил от себя еще сто человек, снабдив каждого двумя лошадьми, которые по возвращении донесли мне о действительном учреждении Вами диванов и об отрядах, Вами командируемых.

Все таковые распоряжения делаются с воли ли Вашего государя или Вами собственно?

Прикажите снять диваны и возвратиться русским из среды мусульман и оставить их по-прежнему, ибо во время разбития ханом Аблаем китайского отряда прибывший в то время другой такой же вооруженный отряд переговорами с мусульманами Средней кайсакской орды поставил свой знак на Кара-Агаче *[4], следовательно, китайцы, имея влияние на киргизов сей орды, должны были также изъявлять согласие на учреждение диванов; однако ж они, опасаясь, мусульманам сего не сделали.

Желая знать, по каким именно причинам, Вы, выходя из среды своих владений, делаете такое распоряжение, я посылаю сие
10 письмо, дабы впоследствии мог и со || своей стороны учинить зависящее распоряжение; буде же Вы скажете, что султаны учинили рукоприкладство на вступление в подданство России, то сих подписавшихся султанов должны будете перевести к себе, не касаясь до прочих, ибо вера и согласие их зависят ни от кого другого, как от мусульман (хокандцев), и пользоваться от них зекетом (пошлиною) предоставлено богом и его Расулем (Магометом) нам.

Вы взимаете со скота мусульман подать: со ста штук по одной! Разве Российское государство истощилось в деньгах и скоте? Также мусульман берете в солдаты! Разве весь русский народ изрублен в сражении? Если мусульман (киргизов) оставите по-прежнему, то будем иметь пребывание в прежней дружбе, так как оная продолжалась между обоими государями (всероссийским императором и кокандским ханом), в противном случае с прекращением сего дружества может возникнуть неудовольствие, тем более, что прибывший от Вас отряд разбил два кургана наши, убил бия Чапрачлинской *[5] волости Буланбая, ограбил бия Газыбая, Кучукмурзу и Серкалинской *[6] волости бия Даутбая, разорил несколько волостей, нам принадлежащих, но за всем тем три года имел я

*[4] Кара-агач находится к северу от станции Жана-Арка (Атасу).

*[5] Точнее: *Чапраштинский*, от имени казахского племени чапрашты.

*[6] Точнее: *Сиргелинской*, от названия племени сиргелы (поколение Большого жуза казахов).

терпение, сохраняя означенное дружество наше, и Вы, не зная его, решились слишком много поднять рук на мусульман, даже самое посольство наше возвратилось от Вас постыженным, через что уже нельзя отправлять подобного на будущее время.

На письмо сие пришлите дружественный или недружественный ответ, ибо я по оному буду делать свое распоряжение. 1250 года *7.

Письмо Николая I кокандскому Мадали-хану

79 || Божьей милостью Мы, Николай Первый, император и самодержец всероссийский...

Кокандские земли владетелю Сеид Мухаммед-Али-багадур-ха-
79 об. ну нашего императорского величества благоприязнь || и доброе приветствие.

Посланник Ваш Ишан Мухаммед-Халиль сагибзаде по прибытии в столицу нашей империи был Нам, великому государю, представлен и вручил грамоту Вашего высокостепенства. Нам весьма приятно было усмотреть из оной желание Ваше постоянно пребывать в дружественных сношениях с могущественною державою Российскою, и Мы со своей стороны изъявляем совершенную готовность соответствовать благим Вашим намерениям. Вполне оценивая заботливость Вашу о сохранении и утверждении взаимных соседственных связей, мы уверены, что таковые попечения Ваши, показывающие ясное убеждение в истинных Ваших пользах, принесут успешные последствия. Приезжающие в Россию Ваши подданные получают здесь защиту и покровительство; Мы желаем, чтоб и российские подданные находили в Ваших вла-
80 дениях равную безопасность и справедливость. Тогда только || основания сношений между обоюдными нашими владениями могут приобресть ненарушимую прочность, и Мы надеемся, что Вы не оставите прилагать Ваши о том старания. За сим желаем Вам всех благ.

Дана в С.-Петербурге, февраля 17 дня 1842 г., царствования же нашего в семнадцатое лето.

Скрепил директор департамента *Сенявин.*

Копия с обязательного акта, данного хивинским владельцем

81 || Получив для доставления его императорскому величеству великому императору и самодержцу всероссийскому вышезначащийся акт от высокостепенного владетеля хивинского Рахим-Кули-хана, я, на основании данного мне уполномочия, удостоверяю сим, что во взаимство поставленных в том акте условий могущественная Российская держава:

---

*7 1250 год хиджры — 1835 г. нашего летосчисления.

1. Предает совершенному забвению прежние неприязненные против нее действия хивинских владетелей.

2. Отказывается от требования уплаты за разграбленные до сего времени караваны.

3. Обещает совершенную безопасность и законное покровительство приезжающим в Россию хивинским подданным.

4. Представляет в своих владениях хивинским торговцам все
31 об. преимущества, коими пользуются и купцы других азиатских || владений.

Таковое, делаемое мною, удостоверение подтверждено будет письменно доблестным и высокомощным российским государственным вице-канцлером от высочайшего имени его императорского величества государя императора и самодержца всероссийского. Точное же соблюдение со стороны высокопочтенных хивинских владетелей постановленных в вышеписанном акте условий будет обеспечено личностью и собственностью хивинских подданных, могущих находиться в Российской империи.

Дан в г. Хиве. Декабря 27 дня 1842 года.

На подлинном написано: российский императорский агент полковник *Данилевский*

Скрепил коллежский асессор *Ханыков.*

Копия с грамоты от высочайшего имени к хану кокандскому

32 || Кокандской земли владетелю высокостепенному Ширали-Багадур-хану нашего императорского величества благоприязнь и доброе приветствие.

Доблестный наш генерал-губернатор князь Горчаков, согласно желанию Вашего высокостепенства, доставил нам Вашу грамоту, врученную ему облеченным Вашею доверенностью Ишаном Магомет-Халилем.

С особенным участием известились мы из оной, что смуты, поколебавшие благоденствие Вашей отчизны, миновали и что законная власть в лице Вашем восстановлена, согласно справедливым желаниям жителей Коканда.

Изъявляемое Вами благое намерение поддерживать и укреплять узы соседственных дружелюбных сношений, издавна сущест-
32 об. вующих между могущественною Российскою || империею и ханством Кокандским, вполне соответствует миролюбивым нашим видам.

Принимая с удовольствием таковые Ваши удостоверения, мы надеемся, что во взаимство защиты и внимания, оказываемых кокандцам в России, Вы не замедлите справедливым покровительством российских подданных во владениях Ваших доказать на деле Вашу готовность к увеличению бывших доселе сношений между нашею империею и подвластным Вам ханством, что дружба и мир

между обоюдными нашими владениями получат желаемую прочность и непоколебимость. Повелев отпустить оставшегося по собственной воле в России посланца Ишана Магомет-Халиля, мы указали отправить с ним к Вашему высокостепенству некоторые вещи в ознаменование нашего к Вам благорасположения, за сим желаем Вам всех благ.

83 Дана в Петербурге июня 30 дня 1843 года, царствования || же нашего в восемнадцатое лето.

Скрепил коллежский асессор *Ханыков*.

Копия с обязательного акта, данного хивинским владельцем

84 || Во имя всемогущего и милосердного бога.

От владетельного хорезмского шаха высокостепенного Рахим-Кули-хана дан настоящий акт в том, что, имея искреннее желание пребывать в постоянном мире и тесной дружбе с пресветлою и могущественною Российскою империею, упрочивать приязненные с нею связи и соблюдать во всей строгости правила миролюбивых и добрых соседей, мы обязуемся за себя самих, за наших преемников и потомков и за все подвластные нам племена:

1. Отныне впредь не принимать никаких ни явных, ни тайных враждебных действий против России.

2. Не производить и не потворствовать грабежам, разбоям и захватам ни в степи, ни на Каспийском море, а в случае, если бы таковые грабежи произведены были подвластными Хиве племена-
84 об. ми, || то предавать виновных немедленному наказанию, а ограбленное имущество возвращать по принадлежности.

3. Не держать в неволе русских пленных и ответствовать за личную безопасность и за сохранность имущества всякого русского подданного, могущего быть в Хивинском владении.

4. В случае смерти в хивинских владениях российского подданного отпускать в целости оставшееся после него имущество российскому пограничному начальнику для передачи его наследникам.

5. Не допускать беглецам и мятежникам из российских подданных укрываться в хивинских владениях, но выдавать их российскому пограничному начальству.

6. С товаров, привозимых российскими купцами в хивинские владения, взимать пошлину единожды в год и не свыше пяти процентов с действительной цены оных.

7. С товаров, принадлежащих российским купцам и отправляе-
85 мых в Бухару или в другие || азиатские владения через реку Сыр или с привозимых сим путем обратно, никаких пошлин не брать.

8. Не делать никаких препятствий караванной торговле азиатских владений с Российскою империею, взимая однако с них по закону зякет.

9. Поступать вообще во всех случаях, как подобает добрым со-

седям и искренним приятелям, дабы более и более упрочить дружественные связи с могущественною империею Российскою.

В удостоверение мы утверждали сей акт нашею золотою печатью и вручили оный уполномоченному со стороны могущественной Российской империи высокородному подполковнику Данилевскому.

Дан в 1258 год хиджры в месяце мухарраме *[1].

На обороте подлинного акта приложена печать владельца хивинского *Рахим-Кули-хана.*
Скрепил коллежский асессор *Ханыков.*

Перевод с персидского письма за печатью владетеля Кокандии Ширали-хана

86 || Повелением высочайшего бога порядок мира существует непоколебимо!

Благородного происхождения, почтеннейший, важнейший из вельмож, представитель знатных, достойнейший правительственной власти, краса чести и благородства, господин великий визирь, облеченный властью князь, да пребывает на седалище почестей и уважения, счастья и могущества, да наслаждается вечно душевным удовольствием и радостью, затем объясняется нижеследующее:

Покойный мученик, прощенный в грехах, меньшой брат наш Мухаммед-Али-хан, переселившийся уже в обители рая, упоенный счастием и царственною властию, преданный разного рода удовольствиям и забавам, сделался нерачительным и беспечным. Он преступил правила закона и правосудия, не заботясь о благосостоянии своих подданных, поступал против заповедей и правил
86 об. нравственности, от||вергал путь, по которому следовали его великие предки, и тем довел владение свое до разорения, ибо не внимал советам и увещаниям своих вельмож и сановников. По этим причинам знатные люди и простые подданные, подавив в себе всякое чувство искренности и любви к своему владетелю, обратили свое расположение ума и сердца в противную сторону. Убедившись в правосудии и милосердии бухарского хана, они с чистым усердием предались ему и тайно изменнически послали к нему письменное приглашение, по которому бухарский хан без замедления прибыл с многочисленным войском и, силою оружия овладев наследственным нашим государством, брата нашего с детьми, с матерью и всею фамилиею предал страдальческой смерти и, производя в государстве неимоверные злодеяния, насилия и тиранства, ограбил и разорил его совершенно, а, наконец, вверив правление завоеванною страною злейшим хакимам (правителям), сам возвратился в Бухарию.

87 Особа наша с давних уже времен и с давних лет лишилась ||

---

*[1] Мухаррам 1258 г. х. соответствует 12.2—11.3. 1842 г.

своего владения, своей династии, народа и городов и основала жилище свое на месте, Талас называемом, где мы жизнь свою посвящали служению и поклонению господу богу, и в это время получили мы сведение о вышепрописанных происшествиях. С нетерпением сели мы на коня геройства, и, возложив упование свое на бога, с победоносным войском, с храбрыми и преданными удальцами в короткое время исторгнули мы владение наших предков из рук врагов, предав строптивых и злодеев заслуженной казни, а других заключив в оковы и темницы, потом, по согласию и желанию знатнейших и вельмож в государстве, сели мы на престол предков и обратили свое внимание на восстановление благосостояния разоренного нашего владения, на распространение и охранение силы законов. Между тем он, нечестивый (бухарский хан), заблудший, шествующий по пути злодеяний и разврата, увлекаясь завистью и желанием освободить содержащихся у нас пленников,
87 об. собрав многочисленное войско, || артиллерийские орудия и снаряды и другие разного рода принадлежности, с гордостью и тщеславием прибыл к нам. Однако ж от выступивших навстречу с нашей стороны богом вспомоществуемых войск противник потерпел сильное поражение и большой урон: множество палаток, артиллерийских орудий и снарядов, сокровищ и прочего имущества приобретено в добычу нашими войсками, и таким образом, слава господу, мы отомстили вполне.

В заключении рассказа о происшествиях предлагаем просьбу и желание, чтобы друзья и приятели наши исполнены были радостью, и подтверждаем, что дружество наше и доброжелательство Вашему великому государству, так как это было от самой древности до этих времен, постоянны и не подвержены никакому сомнению. Блаженной памяти страдальцем, братом нашим, Мухаммед Али-ханом, отправлен был посланник, благочестивый муж, древний богомолец наш, получивший прощение в грехах, набожный блюститель религии, превосходительный, благороднейший потомок сеидов, дважды совершивший путешествие к святым местам, неизменный сахибзаде Ишан Мухаммед-Халиль накиб *[2], почему, желая возобновить клятву в прежней любви нашей, послали благонадежного Кубан *[3]-ходжу, состоящего у нас в службе, с тем, чтобы Ишан-накиб при свидании с Вами, любезным нашим братом, великим визирем, украсил бы (подтвердил бы) правила дружбы и приязни нашей и с согласия Вашего, любезный брат и великий визирь, испросил о состоянии здоровья священной особы великого государя императора, изъявил любовь нашу, и потом просим с приличными сану его почестями и уважением отправить обратно.

Итак, желаем Вам навсегда пребывать в счастии и непоколебимости своего правления.

Перевел титулярный советник *Габбасов.*

---

*[2] *Накиб* — один из высших военных чинов в среднеазиатских ханствах.
*[3] Точнее: *Курбан.*

[ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛ ПОЕЗДКИ НА ВОСТОК Н. И. ЛЮБИМОВА. 1845 ГОДА]

I || В двух шагах с правой стороны, Аягуз тоже из этих мест берет свое начало. Мы в этот же переезд (несколько попрежде) его переехали. После дождя, который нас несколько помочил дорогою, сделалось ясно. Вид при солнечном свете на Тарбагатай и на Уй-Кэтче удивительный. Первый — весь землянистый и покрытый зеленою травою (с буграми и увалами); а последняя (вдали налево) — представляет, большею частью, голые обнаженные скаты, инде гребнем тянущиеся. Отражение на них лучей солнца — необыкновенное.

В привалах мы юрты не разбивали, а ставили палатку и род шалаша из кошем (войлоков). Поднялись с привала в $^1/_2$ 5-го. Перед нами тотчас впереди показалась гора Тазтау, одна из возвышенностей Тарбагатая. А горы, что слева (Уй-Кэтче), вдали стали представлять широкое гористое пространство,— род моря в бурю, которого волны, как бы вдруг, окаменели. Вечером, при солнечном освещении картина была удивительная. На Тазтау еще более увидели снега (в разных местах, по впадинам). В нынешний день сделали верст 50. Утомились.

Приехали к аулам таминцев (т а м а — другой уже род киргизов, тоже нам подвластный). Их юрты у подножий Тарбагатая, но между горными долинами (которые тоже суть в о з в ы ш е н н о с т и). Множество скота (особенно баранов), принадлежащего купцам (ташкентцам и татарам), которые держат здесь этот скот поблизости от Чугучака, чтобы продать при удобном случае.
I об. В этом они имеют || большое преимущество пред купцами, которые пригоняют скот издали; и, следовательно, должны продать по существующим ценам. Цена обыкновенно на барана — две и $2^1/_2$ дабы.

Иногда скот гоняют они в Ташкению, где еще выгоднее его сбывают. Нам сказали, что посланные казаки (человек 20, посланные по случаю жалобы на байжигитцев и ограбления ими толмача) находятся в здешних аулах несколько подалее в ожидании ответа от байжигитцев. Думали еще вчера, подъезжая к Тарбагатаю, что сейчас чрез него и перевалимся; между тем, вот и другой день все идем по его отрогам и увалам, возле самого хребта, а

хребта ее не можем переехать. Говорят, что и завтра еще едва ли переедем.

NB. Переездов чрез Тарбагатай (возможных для следования с
вьючными верблюдами) весьма немного: самые известные и по
которым обыкновенно направляется купечество — два: К у т е л ь
(Кутель-асу) [асу на киргизск[ом] языке значит переезд через го-
ры, подъем] и С а й-а с у. Первый по тракту чрез Аягуз, т. е. если
из Семипал[атинс]ка ехать на Аягуз, а другой по Кокбектинскому
тракту (если ехать на Кокбекты). По нем можно и в повозках
проехать, особенно чрез Кутель *[1]. А затем еще и другие подъемы,
из разных степных мест, но неудобные и потому избегаемые куп-
цами (разве, когда они должны ехать из степи, около тех мест с
2 куп||ленным от киргизов скотом, как наш татарин-спутник Аб-
драимов); но и в таких случаях купцы предпочитают один из
выше описанных переездов. Мы, напр[имер], направились бы на
Кутель, если бы нас не остановили шалости байжигитцев (ша-
лости, впрочем, кажется, преувеличенные нашими киргизами и на-
чальством), и слух, что при Кутеле стоит партия хищных кызай-
цев, которые действительно порядочные разбойники, по словам
всех киргизов и купечества. А что касается до байжигитцев, то
купцы на них не жалуются, с тех пор как поймали Сыванкула.
Они, по рассказам мне некоторых людей, домогались быть при-
нятыми в рус[ское] подданство, но якобы им в этом отказано (это,
впрочем, говорил только Мих[аил] Ив[анови]ч), а вернее: кажется,
как мне тоже говорили и Захаров и Маджира, что некоторые из
байжигитцев желают сделаться рус[ским]и подданными, особенно
некоторые султаны, а другие (народ) боится и не хочет. Между
султанами их главные Сабек и брат его Дуламбай. Сабек — нам
довольно предан. Еще есть между ними весьма влиятельный
старейшина Сысанов, о котором мне говорил Захаров. Сабек (а
другие и еще более) при слухе, что идут казаки, откочевали далее,
2 об. чтобы избегнуть всяких с ними дел, в которых и без вины вино||-
ваты бывают. Маджира мне говорил, что из байжигитцев, будто бы
4 отделения признают наше владычество, а 12-ть еще не признали
себя рус[скими] под[данны]ми, не знаю, правда ли.

Нет сомнения, что все они тоже скоро будут нашими, ибо китайцы их не защищают, а наши киргизы их теснят, и при всяких столкновениях они рискуют видеть у себя род экзекуций, т. е. партию казаков, посылаемых под видом суда и расправы между ними и нашими киргизами, а в сущности, чтобы грабить их, если только представляется возможность.

NB. Байжигитцев (которые, впрочем, довольно смирны) и к ы з а й ц е в можно бы только держать в повиновении и тем совершенно обезопасить торговые пути, если бы привести в исполнение мысль (которую записал) аягузского отрядного начальника и Мих[аила] Ив[ановича] Нагибина — т. е., если бы иметь постоянный наблюдательный пикет на Алакуле.

*[1] О сих и прочих подъемах см. далее.

29-го июня (Петров день). Утром у Захарова торг с киргизами: продал юфтевую кожу стоящую в С[емипалатинс]ке 12 руб. ас[сигнациями] за 4 барана и две мерлушки. Четыре барана в Чугучаке стоят (считая по малой мере 2 дабы за барана) 8 даб, да
3 4 мер||лушки 1 баран (1 р. 60 к. асс.), итого 9 или, вернее, 10 даб (даже более), стоящих на наши деньги 20 руб. асс. Следственно, 8 руб. получил прибыли на кожу (даже более). Вот что платят купцам киргизы, даже под боком у Чугучака!!!

Купцы всегда с киргизов берут вдвое против настоящей ценности товара, под условием только со стороны киргизов, чтобы отдать скот за товар в будущем году. Таким образом, баран стоит 2 дабы (обыкновенная цена) и даже $2^1/_2$ дабы, а купец за 2 дабы берет с киргиза в следующем году два барана.

Киргизец, покупая товар, еще большею частью не имеет всех баранов в наличности; он дает кроме тех, кот[оры]е есть и тех, которые будут (народятся), или в надежде, что с кого-нибудь к тому времени получит старый должок и т. п. Наступает лето и купцы отпр[авляют]ся по аулам собирать долги эти (баранов за проданные в предшеств[ующее] лето товары), и киргизы беспрекословно выплачивают, а если у кого нет, то записывают долг на будущий год.

Во всем этом удивительная простота и невежество этого народа: им кажется, что они платят настоящую цену, ибо дают за 2
3 об. дабы барана (как и следует), а другой баран, кото||рый тоже идет в этот счет, еще не родился, след[ователь]но, для них он в это время счета не составляет, и при том они его продают за то, что берут в долг. Не надобно иметь большой дальновидности, чтобы понять, что их (или сами они себя) надувают и что в сущности они платят вдвое. Положим, что берут товар в долг, но платить чрез год сто на сто -- процент слишком безбожный.

Юрты по зеленым скатам Тарбагатая (в места, где ночевали)!!!

Тарбагатай можно назвать изобильный источниками. Везде множество ключей, родников, потоков (почти на всяком шагу).

Отправились с места ночлега почти в 4 часа по полудни. Увалы или горные гряды (отроги) от хребта еще сделались чаще; весь нынешний переезд состоял в подъемах и спусках, и также ключи и родники на каждом шагу. Проехали верст 18 и остановились у аулов тех же таминцев. И на дороге везде встречали их аулы. В этих местах обыкновенно кочуют мурунцы. Не доезжая места ночлега, верстах в 4-х, встретили наших казаков (всего 20 человек) с ограбленным байжигитцами толмачем, посланных для
4 разделки с байжигит[ца]ми. Ответ послед[них] был, что они ни || в чем не виноваты, но что, если нашему пр[авительст]ву угодно с них что взыскать, то они не укрываются.

О переездах чрез Тарбагатай. Известнейшие (что, на обыкн[овенны]х торгов[ы]х трактах) — Кутель и Сай-асу. Первый — на Аягуз[ском], второй — на Кокбектинском. Кутель всех удобнее и легче: нет крутого подъема и спуска, а Сай-асу довольно труден

(подъем велик), но, впрочем, проезжают даже с нагруженными телегами (с небольшими возами). Кутель, конечно, самый удобный, но за то, по словам купцов, дорога, там чрез Сай-асу, до оного и после глаже и лучше; один только подъем этот, и дело кончено. Затем, есть еще Чангарак-асу, Су-асу и Кыз-асу и другие.

Так как мы были от Кутеля и Сай-асу довольно далеко, то нам советовали ехать чрез Су-асу, как удобнейший переезд из трех последних; между тем, крутизна ужасная и спуск тоже весьма трудный. С вьючными верблюдами, впрочем, хотя с трудом, но можно пройти (и ходят), а в телегах невозможно. Если считать все эти перевалы (асу) по порядку с запада на восток, то 1-й Кутель, 2-й Чангарак-асу, 3-й Су-асу, 4-й Кыз-асу и 5-й Сай-асу*[2].

30 июня. Подъем на Су-асу. Часа три подымались. Тягость для верблюдов была немалая. Кое-как поднялись. На высотах — юрты киргизов-туминцев же. Снег во многих местах (так и не тает).
4 об. Вид с высоты удивительный || и, потом, когда дойдешь до самой высоты, то еще красивее вид на долину к Чугучаку (на китайскую сторону) чрез ущелье. Ужасные трудности были с телегою Захарова. При спуске перевернулась, и, чуть было, не улетела книзу. На себе потом тащили несколько сажень, и хорошо, что тут же, спустившись немного, остановились, (для ночлега), а то далее, при спуске по ущелью, которое тянется на несколько верст, не было бы возможности ехать с телегою. Переход этот (подъем и спуск) чрез Тарбагатай,— почти прямо на полдень, т. е. к югу (и прочие, кажется, также, разве один Кутель несколько к востоку).

Таким образом, идя все вдоль Тарбагатая, по северной его покатости,— идя все в направлении к востоку, с тех пор, как подошли к нему,— мы, для перехода чрез этот хребет, сделали поворот к югу, прямо на вышину хребта — в нескольких саженьях от места, где ночевали, лежала глыба снега, которая, вероятно, не растает в течение всего лета и дождется зимы. Ночью картина нашего этапа была чудесная: луна (в первой своей четверти) разливала на все какой-то полусвет, а кругом нас скалы, сопки, разные горы, на верху юрты киргизов, возле — шум ручья или, лучше сказать, поток (при котором были наши юрты), впереди — книзу ущелье, в которое мы должны все более и более вдаваться,— вообще, дикость удивительная. Место было травное, как и вообще по Тарбагатаю, (обнаженных гор мало, и все покрыто зеленью).

5 **1-го июля.** Труднейший переход. Все || по ущелью, верст 10 или более. Ручей сначала небольшой, далее (от присоед[инени]я

---

*[2] От Кутеля до Чугучака, может быть, 150 верст или около того, а от Сай-асу, как перевалимся через него,— всего верст 60. По Кокбектинскому тракту можно еще сократить путь, если ехать не на Сай-асу, а на *Хабар*. Тут выпадается верст 50. Но купцы на него не ездят, ибо подъем крут (круче Сай-асу); спуск же не по ущелью, а по косогорам. Верхом ехать хорошо. От Хабара до Чугучака верст 25.

других), изливающихся в него с разных стремнин, уже делается потоком. Так как он тянется по всему ущелью, то мы его переезжали раз со ста. Телегу разобрали и навьючили на верблюда. Везти ее не было бы никакой возможности: инде и на лошади с трудом проедешь, а для верблюдов, это было истинное мученье: везде почти каменья (лошади избили себе все копыта), в потоке же их такая бездна, что лошадь с трудом переступает с ноги на ногу; при быстроте потока, того и гляди, что упадет, и свалимся прямо в воду на камень; а затем каменистые же спуски и подъемы (ибо мы, хотя постоянно в течение нескольких часов как шли по этому ущелью,— все спускались, но инде,— приходилось идти по небольшому наклонению, а инде вдруг надобно было спускаться книзу, и потом несколько подумать бы; спуски эти по ужасным каменьям, инде загромождавшим и узкую тропку, по которой ехали и самый поток,— всего более причиняли трудности для скота, и особенно для вьючных верблюдов; несчастных понукали всякими средствами, и криком, и уканьем, и плетьми, которые на них сыпались. В ином месте всякого верблюда надобно было спускать или переводить чрез поток — порознь. К довершению трудностей сделалась гроза и проливной дождь; дорога смокла, под ногами скользило, а для верблюдов это хуже всего. Счастье еще наше, что дождь нас застал версты за две до выхода из ущелья. Нас всех промочило порядком. (Меня защитил мой ергак). Посреди этого дикого ущелья мы встретили в двух местах юрты киргизов (туминцев же); стада их бродили по крутым скатам гор, а их юрты в самом низу, у шумящего потока. Трав всяких тут гибель.
5 об. Растительность || от вечной влаги самая богатая. Воздух напитан был какой-то благоухающею прохладою; к концу ущелья (версты за три) показались уже деревья, которые более и более умножались по мере того как мы приближались к выходу. Не видел уже столько времени (со времени выезда из Семипал[атинс]ка, ибо в Аягузе больших дерев нет) ни одного дерева, мы им обрадовались как чему-то родному. Большая часть из них была простой тополь, похожий на осину, но деревья иные весьма высокие и ветвистые. Есть также местами черемуха.

Когда вышли на равнину, радость была неописанная. Скот, я думаю, еще был довольней. Пред нами открылась опять степь, но уже более южная, более веселая и улыбающаяся. Пред входом в ущелье особенно места красивые, поток к выходу уже образует маленькую речку; по ней местами рассыпаны группами деревья, по отлогим скатам пред горой тоже местами лесочек. Растительность тоже богатейшая. Пропасть всяких трав и цветов; особенно рожь (mauves); белые из них необыкновенно роскошны.

NB. Вообще, можно сказать, что южная покатость Тарбагатая (та, что на так называемой, китайской стороне) — богатейшая, как по почве, травности, так и по изобилию воды, ибо выходящая здесь из разных ущелий Тарбагатая вода — уже не ручьи, как на

север[ной] покатости, а в виде небольших речек (которые при дожде в горах) сильно вдруг возрастают.

6 ‖ Луга удивительные, сенокосы везде могли бы быть чудные; вообще все удобства для поселений и, доказательство тому, что на этой стороне в разных местах есть у киргизов пашни (при всей их леності); места, вообще, повсюду могли бы быть хлебопашные, и еще важнейшее обстоятельство, что в ущельях с этой южной стороны везде почти лес (и при входе в ущелье, как в Су-асу); особенно лесу довольно на Урджаре: это — яр, который находится на пути к Чугучаку, если идти от Аягуза чрез Кутель (уже пройдя Кутель, следств[ен]но на южной же стороне). Китайцы прежде тут в некоторых местах рубили (в ущелье Су-асу и в прочих пригорных местах) [на речке Боктирской, далее, где мы после ночевали, мы видели даже остатки их землянок; они приезжали сюда добывать уголь (с дерева), остатки коего мы тоже еще нашли].

В ущелье, где мы шли, говорят, более было юрт киргизов, но они по ложному слуху, между ними распущенному, что идет отряд русских в 2 т. человек, поспешили откочевать в другие места. От этого и при выходе на равнину мы нигде не встретили киргизских подвижных жилищ. Кажется, что они берегут эти травные пригорные места для зимних кочевок; тут кочуют зимою наши туминцы. По выходе уже из ущелья нас еще помочил сильный дождь. Мы тут своротили (выйдя из ущелья) влево, т. е. опять к востоку и пошли по тому же направлению, как шли прежде на северной стороне Тарбагатая, т. е. вдоль оного, имея хребет уже с левой стороны.

Шли по увалам, но не крутым. Гибель местами было клубники,
6 об. совершенно уже ‖ спелой (а на северной стороне еще только в цвете, или зеленая) (по речкам также много есть ежевики). Прошли еще небольшую речку, вытекающую из ущелья же (как и речка Су-асу) [именующаяся от ущелья, по которому мы шли].

Наконец, остановились на речке Джидабай (вытекающей из ущелья Кыз-асу) [или, кажется, та речка, что прошли, выходит от этого ущелья]. От ущелья Су-асу мы шли с час; а всего от места ночлега 6 часов, из чего заключаю, что при всем том, что мы по ущелью шли чрезвычайно медленно и поминутно останавливались,— сделали верст 15 и, что самое ущелье имеет верст 10 или 12 протяжения.

Джидабай, на которой мы остановились, чрезвычайно быстра. Мы тут были свидетелями явления, которое в этих местах весьма обыкновенно; едва переехали речку (уже после дождя), как вдруг она начала прибывать от дождей, бывших в горах, и в несколько минут из ручья сделалась такою речкою, что инде хоть вплавь переправляйся. Некоторые запоздалые наши верблюды едва могли перейти, а баранов до вечера не переправляли (пока вода опять не схлынула). Место нашего ночлега было превеселое: возле нашей юрты — шумящая речка, по ней там и сям — тенистые де-

ревья, по скатам увалов тоже местами молодой лесочек. Когда мы
7 пришли — было еще 2 часа по || полудни. Погода вскоре разгулялась. Тучи совершенно разошлись, и солнце снова воссияло; вечер был бесподобный. Как приехали, тотчас разбили юрты (кроме нашей еще была одна у татарина Абдрашида) и палатку (у Овечкина). Сейчас чай, у людей началась стряпня. Закололи барана; стали жарить баурсаки. Иные обсушивались.

Я пред чаем выкупался, вода прехолодная, и быстрота речки такова, что надобно крепко держаться о камни, чтобы не снесло. Потом стали все мы пить чай; все труды забыты; радость и веселье. Подобные минуты в путешествии неоценимы и вознаграждают за все трудности. Да, без трудностей и лишений нет жизни, нет и степных наслаждений. Люди мне нашли кучу клубники.

2-го июля. Опять по степи, по небольшим увалам, вдоль Тарбагатая к востоку чрез разные речки. Природа столь же богатая, травы удивительные, места все уже открытые и с увалами,— настоящая степь. Пропасть земляники, черемухи. Травля за киргизами. Вдали показалось 4 человека, мы приняли их за воров, ибо шли не прямо к каравану, а показывались стороною по сопкам. Мы пустились за ними, весь караван пришел в волнение; думали, что за сопками их скрывается много и что это только лазутчики, к тому же у двух наших работников (Абдрашида) пропали две лошади, в то время, как они в одном месте с баранами остановились, чтобы дать им вздохнуть, а сами заснули; (после, однако,
7 об. оказалось, что лошади сами бежали и их чрез не||сколько часов поймали). Между тем, 4 человека, за которыми мы гнались, были настигнуты; когда они увидели наших, 3 человека вооруженных и в близком уже от них расстоянии, то сами подъехали к нам. Сказали, что ездят по степи там и сям от того, что потеряли тюк с товаром (или пожитками) и ищут его. Один из них оказался татарин, проживающий в наших округах (приписавшийся там из беглых, что прежде да и теперь, кажется, там весьма легко сделать). Разумеется, что мы должны были обойтись с ними как с мирными людьми.

Кстати, здесь сказать, что подобные тревоги и погони или травли с нашей стороны за подозрительными людьми, которые местами показывались в большем или меньшем количестве (обыкновенно человека три-четыре, а инде и по десятку) — бывали не редко, и всегда оканчивались большей частью тем, что они, видя такую с нашей стороны решительность, удалялись и скрывались, а иногда, как тут, мирно подъезжали. В нашем же караване смелость и бодрость главнейше происходили от того, что в числе человек 15-ти было четыре русских, а где хоть один русский,— киргизец чувствует себя вдвое смелее; при том же большая часть из нас была вооружена.— Николай и Иван Овечкины — чудные наездники.

8 || Утром проехали $3^{1}/_{2}$ часа и сделали привал на речке Хатын-Су (это не та Хатын-Су, что находится на Китайской же стороне, близ подъема Сай-асу). Речка эта также чрезвычайно быстрая и вода холодная. Я в ней два раза купался.— Теперь по степи; Захаров опять уже едет в телеге (которая чрез Сай-асу шла разложенная на верблюде). Больной (Иван Овечкин) тоже поправился. Удивительная натура у этих людей: была сильная горячка, которую насилу прервали (частым слабительным и кровопусканием из головы, что сделал один киргизец),— и только что стало несколько полегче, наелся баурсаков (приготовленных на бараньем сале); от болезни ноги почти отнялись (как бывает после горячек),— едва двигался,— а между тем, при переезде чрез Сай-асу (на гору и по всему ущелью) — посадили молодца на лошадь, и он всю эту ужасную дорогу сделал верхом,— и теперь продолжает верхом же ехать и почти выздоровел совсем (а не более как 5 дней назад был почти при смерти).

Простояли на Хатын-Су часа три или четыре, пустились опять часов в 5-ть по полудни, а часов в 8-мь остановились при речке К о к т и р е к на ночлег, проезжая в этот день верст 30 или 35. В Коктиреке вечером купанье. Вода довольно теплая и чистая. День был весьма жаркий, и купанье в это время составляло истинное наслаждение.

3-го июля. Отправились часу в 9-м утра. День еще жарче. Места уже стали походить на наши открытые степи. Богатые пажити уже кончились; травы везде, и голых степей нет, но уже не столь изобильные и не столь зеленые.

Мы сначала ехали довольно долго по течению Коктирека. Местами есть пашни киргизов, а в других — следы оставленных пашен, что видно по проведенным канавкам из речки для поливки полей. Пашни их всегда при речках или ручьях. Иначе в здешних местах и невозможно. Обработка стоит немалого труда, т. е. ухаживание (надобно провести воду, орошать пашни и проч.). Сеют больше просо и пшеницу; кочевьев, однако, киргизских мы не видели. Кажется, что, убоясь прихода русских казаков, большая часть их убралась далее. Здесь уже кочевки байжигитцев (нам и никому не подвластных). Прошлую ночь, впрочем, приходило к нам две собаки, из чего можно заключить, что не в дальнем расстоянии где-нибудь были юрты.

Находили дорогою много дикой конопли. Говорят, есть и рожь дикая. Мы в одном месте нашли род дикого овса.

Путь наш опять по степи без дорог; идем, как птицы летают. Жара смертельная. На дороге в одной речке искупались. Видели опять партию киргизов (человек 10 издали), которые подойти к
9 нам не посмели и вскоре скры||лись. Может быть, однако, это киргизцы, приехавшие из кочевьев на свои пашни, которые были тут на нашем пути.

Мы идем теперь по направлению на гору Б а к т ы, у которой находится кит[айский] пикет и за которою верстах в 30 — Чугу-

чак. Гора эта от нас на юго-восток, а Тарбагатай все у нас на левой рука, в прямом направлении к востоку. Вершины его и с здешней полуденной стороны местами (во впадинах) покрыты снегом. Из этого можно заключить, как он высок.

Утром проехали верст 20. Полудневали при канаве, проведенной для орошения полей (а может быть это просто ров). По оной — пашни с просом. В канавке один верблюд чуть было не утонул у нас; лежал возле канавки и захотел перевернуться,— ввалился и не мог вылезти; уже вытащили.

После обеда еще сделали верст 15 и остановились при канавке же; верстах в 30 от кит[айского] пикета. Там нашли караванец, возвращавшийся из Чугучака в степь. В нем были сыновья Сарыходжи и Тюряходжи. Места уже пошли с плохой травою.

4-го июля. Отправились в 8 часов утра. Места скудны травою. Встретили (на речке) перекочевывающих киргизов (байжигит-
9 об. цев). || Проехали $3^1/_2$ часа (следст[венно], сделали верст 20) и полудневали, при ручье (в роде канавы) или канаве и аулах байжигитцев — во впадине и ложбинах. Отправились оттуда на Кит[айский] пикет уже часу в 4-м.

Во время привала пропасть наехало киргизов; хотя аулы их в нескольких от нас саженях, но никто не приходил пешком, хоть на теленке, а *приедут*. Иные были на вербл[юда]х, другие на лошад[я]х, а большая часть на быках, коровах и телятах. Одни женщины пешком приходили с айраном своим.

Отсюда уже мы отправились на китайский караул *Джигирмэ* (отстоящий от места, где мы полудневали верстах в 15 или 20). Можно бы было нам утром с места ночлега ехать не на этот, а на другой караул или пикет Бахтинский,— (называемый от горы сего имени), который был несколько поближе; но мы направились
10 на Джигирму, потому, || что туда более пристают караваны.

Татарин Абдрашид, который с нами ехал, остался в ауле (возле коего полудневали) вместе с частью своих лошадей. Он отправил из них в Чугучак только частицу (лошадей с десяток) по той причине, что если отправить вдруг весь табун, то в таком случае отбирают лучших для казны и дают цену за них ниже той, по которой можно продать частным покупщикам. А если пригонять по малым частицам, то в казну ничего не берется. А с баранов взимается род пошлины по 1-му барану со ста.

На караул прибыли. В карауле спросили кто *ахалакчи* (старшина или представитель, выборный от всех, вроде караванбаши). Ахалакчием назвался Григорий Никитич Захаров, известный у китайцев под названием Гургур.

|| **18-го июля.** Выезд из Чугучака. Ехали верст 15-ть; остановились в аулах султана Дуломбая на *Коктуме*. От султанши — кумыс и кобылье мясо. Купец — татарин Шарафи. Татарин, проживающий у Дуломбая (Пулат), знающий по-русски (вероятно, из беглых). Живет в качестве муллы и главного советника. Пробыли трое суток.

21-го июля. Из аулов султана отправились сего 21-го июля, после обеда. Проехали верст 12-ть, остановились возле аулов же. Вода из выкопан[ны]х колодцев (плоховата).

22-го июля. Выехали в 7-м часу утра. Ехали $5^1/_2$ часов (огромные камыши, густая трава); полудневали на реке Эмиль, Эмель (Эмыль); отправились в 4-м часу по полудни; ехали еще $6^1/_2$ часов (шайка киргизов-воров в стороне; напасть не посмели) — прибыли уже в 10-ть часов или позднее к аулам, где пашни киргизов. Переезд в этот день был наидлиннейшим (всего будет верст 60 или 70). Устали до нельзя.

23-го июля. Утром роздых. Смотрели пашни. Охотился с Файзуллою, убили 3-х куропаток.

18 || **Сведения**

(записаны в Чугучаке)

Механизм торговли в Чугучаке. Товары русские сбываются вообще легко (на них большое требование) и расцениваются китайцами хорошо; но выгодно ли сбываются — другой вопрос. Дело в том, что, оценив все дабами и довольно выгодно (иные предметы даже очень выгодно), дают потом в обмен свой товар уже не дабами (их стараются дать сколь возможно менее и из-за этого главный спор прежде, нежели сойдутся в ценах, ибо даба тоже в этом крае что ходячая монета), а дают другим товаром и преимущест[вен]но чаем байховым, т. е. стараются дать. Купцы русские и прочие не берут его или стараются брать сколь возможно менее, по той причине, что этот чай дорого им достается, дорого расценивается китайцами (сказать цены, и что обойдется с пошлиною и провозом и по чем в Ирбите).

Таким образом, отдав свой товар, по-видимому, очень выгодно (с большим барышом); если принять только в уважение оценку
18 об. его дабами, в действительности выхо||дит часто противное, если в числе взятого в обмен китайского товара много чая (а без чая, без того, чтобы не дать чая, китайцы не возьмут русского товара).

Странная вещь, по-видимому (для всякого, кто не знает этой торговли), всякий старается взять от китайцев такой товар, который решительно не имеет у нас (внутри России) сбыта или имеет малый (дабы, кирпичный чай), а единст[венны]й товар, который повсюду у нас идет (чай байховый) не берут или берут поневоле.

Причины препятствующие. Вся вообще штука (дабы сделать эту торговлю выгодною) состоит в том, чтобы чай получить дешевле, что не легко. Но разумеется, что не в этом только единственная дурная сторона чугучакской торговли; есть еще куча других обстоятельств, которые делают то, что порядочный купец ни за что не поедет в Чугучак (и даже порядочный приказщик).

Описание торга в Чугучаке (притеснение и проч.). 1. Пошлины берут, хотя небольшие: 1 с 10 штук, и то не даром, а дается

19 половина цены *[1], но зато во всем соверш||енный произвол: берут, что хотят; если что нравится, почти все разберут.

2. В Майтазе — сущий содом и гоморр; набьется в пакгауз гибель людей (и таможенных служителей, и купцов, и праздношатающихся; всякий берет, смотрит, роется; прогнать и думать невозможно, особенно таможенную челядь. Иное, таким образом, и пропадет. Таможенные просят и просят и просят.

3. Самые складочные места в Майтазе таковы, что нельзя повернуться, и их всего мест 6—7 (из этого видно, между прочим, сколь привозы бывают ничтожны).

4. Всех торговцев запирают в так называемый курган (вроде караван-сарая); это небольшое место с 2 десятины, обнесенное глин[яной] стеной, где останавливаются все торгующие, но товару тут иметь не должны. В этом небольш[ом] простр[анст]ве кошей с 200 (а иногда 300) (при нас со 100 было). Тут и люди и весь скот с ними прибывший (не продажный) — верблюды, бараны, лошади, ослы. Духота, вонь, жара; а вечером, как подымается стряпня,— такая делается копоть и дым, что просто глаза ест и дохнуть нельзя. При нас одних верблюдов было с 500. Днем их выгоняют пасти, а вечером пригоняют назад. Люди также днем выходят, но к ночи всех запирают вместе. Да и днем — единственный выход к степям необитаемым, где речка — единственная отрада; но в китайский город иначе нельзя как по делу, и не спросив предварительно позволение. Помещение, разумеется — юрта, ибо другого и иметь тут невозможно. Спрашивается, какой же порядочный и
19 об. капитальный || человек решается на подобное заключение и лишение себя всяких удобств.

5. Но главное — это то, что совершенно зависишь не только от китайских чиновников, но даже от всякой челяди: всякий может наговорить, всякий может почти прибить (и всякая дрянь лезет, не спросясь, в юрту, все трогает, на все смотрит завид[ными] глазами). Можно бы насчитать пропасть случаев невежливого обращения китайских властей с торгующими; примеры: весною нынешнего года одного весьма богатого ташкентца — Балтабая — били палками и надели доску за то, что не открыл сундука, от которого,— сказал, что ключ остался у его приказщика в Семипал[атинске].

В прошлом же году приказщика Еслима Усть-Каменогор[ско]го купца Жигалова чуть было не отдули за то, что сказал, что ему из таможни мало выдали за его товар. Управ[ляющий] тамож[н]ею велел его посадить на колени, и подле положили плоть; тот стал плакать и этим уже умилостивил голдая.

Даже при мне был подобный же случай; за то, что мы зашли посмотреть мельницу, находящуюся даже не в городе, а в той же стороне, где все ходят, призвали моего приказщика и сказали ему, что будут его сечь; положили даже плеть. Тот, зная

*[1] К тому же смотрят на все сквозь пальцы.

китайцев, не струсил, принял все в шутку, но, тем не менее, должен был раза три становиться на колени пред голдаем, и тот,
20 уезжая, сказал, что он записал || на память, чтобы на утро ему дать 50 плетей. Много, конечно, с их стороны говорится более для страха, а на деле не делается, но говорится пред всем торгов[ым] общест[вом], след[ствен]но, страшит при всех (и этак еще с россиянами, которых пред прочими гораздо лучше трактуют, а других просто без дальнейших околичностей дуют как и чем попало).

Прием у амбаня. 13-го июля были у амбаня. Заставили ждать с час. Приняли весьма благосклонно. Посадили, угощение и проч. Первые слова были: «Ведь русским здесь торговать не позволено, а вы приехали». Впрочем, это сказано было более в шутку, мягким тоном. Захаров отвечал как следует, т. е. что он и другие давно торгуют и позволяют им, поэтому и я осмелился приехать, и т. п. Амбань прослушал это очень милостиво и пригласил сесть за приготовл[енны]й на полу столик, на котором были сухие плоды, бисквиты, сдобные кит[айски]е хлебцы и т. п. Потом подали чая (джинак чая со сливками); видно вообще, что для нас был приготовл[енны]й; сам амбань сидел в макуадзе и в шапке (с красным шариком). Стал рассматривать подарки (2 бумажника и 2 кошелька, вышитые бисером, кусок тонкого коленкора, кусок холста, 2 бут[ылки] вина (мадера и портвейн) и полголовы сахару и еще
20 об. || несколько позолоченных чашек и чайников от Захарова (Гургур). Хвалил подарки. Сказали ему, что еду в Кульджу. Спрашивал на кого везу товар, и когда Захаров стал объяснять; сверх того, что я теперь привез немного, в виде опыта, что живу в Петерб[урге] и произвожу торг в Кяхте, амбань сказал, что все это он знает и обо всем уже слышал. Потчевал бисквитами. Я сделал через Захарова вопрос: могут ли впредь русские торговцы приезжать в Чугучак в своем национальном платье? Амбань на это отвечал — что «нельзя, потому что в Чугучаке торг дозволен аньджанам (ташкентцам или кокандцам), а не русским и пусть приезжают в азиатском платье». Вообще, ответ можно принять за отрицательный насчет платья, но за положительный — насчет торговли. Перед прощанием велел принести подарки для нас приготовленные: мне подали красную шелковую материю вроде крепа, еще одну лянзу красную же и 2 ящика чая; причем амбань сказал, что хотя его подарки не соответствуют нашим, но просит принять как знак его расположения. Захарову дали одну шелковую материю и 2 ящика чая. Потом спросил о Файзулле: кто он,— сказали, что
21 татарин, мой приказщик, прибывший со мною. Ам||бань велел и ему вынести одну лянзу и прибавил, что дает для того, чтобы более приохотить к торговле. При прощании велел все, что было на столе, нам отпустить; вследствие чего тут же при нем насыпали нам в платок. Выходя, мы отвесили несколько поклонов, приседая на одно колено (как и при входе). Все представление продолжалось с полчаса. По-китайскому все, вообще, было благосклонно и

внимательно, особенно, если принять в соображение, что он принимал купцов.

Прежде, нежели идти к амбаню, мы заходили к голдаю, заведыв[авше]му таможней, (которому визит был сделан накануне); он рассматривал все подарки, и потом, идя от амбаня, опять должны были зайти к нему, но не застали и должны были идти в таможню и там сказать ему все, что подарено нам было от амбаня.

Замечательно еще, что чрез полчаса по возвращении от амбаня пришел к нам чиновник (манджурец), нас сопровождавший и сказал, что, хотя амбань и сказал, что нельзя ездить в русском платье; но, что можно и в платье русском и с волосами на голове. Он говорил это положительно и таким тоном, что сам амбань дозволяет. Со стороны амбаня (сказавшего, что нельзя) другого от-
21 об. вета и ожидать было не||возможно, ибо прием был в присутствии многих (стоявших) чиновников и челядинцев; но сказавши, что надо приезжать в азиатском платье, он, другими словами, выразился: что де п р и е з ж а й т е, только в аз[иатском]. А это главное (иметь из собст[венны]х уст его подобное дозволение).

Он прошлого года Захарову даже сказал, что всем нельзя, и что если два-три челов. буд[ут] и в рус[ском платье], то беда не велика (два-три человека уже извест[ных]).

Кит[айская] пошлина (к механизму) Пошлина, сбираемая с приезжих купцов (по 1 шт. с 10-ти за полцены) есть произвольная, т. е. установленная корыстолюбием кит[айски]х властей, а не законная. Это нам сказал сам кит[айский] чиновник, водивший нас к амбаню. По его же словам, все собираемые таким образом в Майтазе товары с приез[жи]х купцов в виде пошлины идут амбаню (и часть голдаю). Он их после посылает в Кульджу и там обращает в деньги [сам он родом из Кульджи, где у него есть дом
22 || и взрослый сын; другой сын, уже имеющий не малый чин (синий шарик), недавно к нему приезжал в Чугучак].

Пошл[ина] с кит[айских] купцов. Собственно же законная пошлина есть та, которая взимается с китайских купцов, т. е. с вымененного ими товара от приезжих иностр[анны]х купцов. И эта пошлина составляет 4 фына с дабы, которая, для взимания пошлины, оценена в 5 китайских мыскалов, т. е. в 2 рус[ских] рубля асс., 4 фына равняются 30-ти ермакам *[2] (чохам). Следственно, берется 30 чоха, или 16 коп. асс. с 2 руб., 8 коп. асс. с рубля асс.

Джан Джангуйда, выменявший у меня товару русского на 6102 дабы, заплатил всей пошлины, по его уверению, будто бы 160 сарей или 4 ямбы.

NB. Вероятно, это преувеличено (тем более, что они при предъявлении рус[ского] товара для очистки пошлины иное вовсе не

*[2] Следственно, фына равняется 4-м коп. асс. Смотри об этом далее.

показывают)*[3]. Так что, вероятно, у кит[айско]го купца оного означено в объявлении не на 6102 дабы, а менее.

NB. Этой пошлины (в получении) ее дается кит[айскому] купцу пообменный документ, вроде квитанции,— и вся эта пошлина записывается и пересылается в Пекин (поступает в казну); взимают же ее всю серебром. (Для отсылки в Пекин будто бы ста-
22 об. раются променять || на золото. По словам того же Джангуйды, с него сходит в год пошлина до 3 т. сарей или 60 ямб (в каждой ямбе считается 40 сарей).

Откуда кит[айские] торговцы. Почти все главные торговцы в Чугуч[аке] из Шаньси (и не главные тоже). Выменивающих товары всего три (два позначительнее), прочие — мелочь. Они тоже, как в Кяхте,— торгуют от торговых домов (компаниями).

Где складочные места. У них конторы: в Урумчжи, Кашгаре, Яркенте, Аксу, Турфане и в Шаньси. Главное место в Урумчжи. Туда съезжаются отовсюду кит[айско]е купечество для продажи, закупа товаров. Джан Джангуйда сравнивал Урумчжи с Чугучаком, говорил, что в Чугучаке 2 купца, а в Урумчжи — 1000 больших купцов.

О привоз[ных] рус[ских] товарах и где расходятся. То, что привоз[ит]ся недостаточно. Замечательно, что туда привозится и кяхт[инско]е сукно. Это, кажется, единст[венны]й товар, который туда доходит из Кяхты и не в большом количестве; (еще часть камлота, по слов[ам] Джангуйды, то же, якобы, кяхт[инско]го). Тем не менее, это доказыв[ает], что Чуг[учак] и Кульджа далеко не удовлетворяют потребности в рус[ских] товарах Западного Китая. (Разумеется, что в Урумчжи сукно привозят по недостатку его,
23 чем || и для сбыта в Кашгарию и в под[об]ные места).

Коленкор наш из Чугучака идет в Кашгар (в Кашкарию), и его туда требуется гибель, так что мы и десятой доли не доставляем того, что могли бы: китайский купец (купивший у меня рус[ские] товары) говорил, что в Урумчжи один купец привез из Китая английского коленкора 4 т. тюков (в каждом тюке по 15 штук),— и все это для Кашкарии.

Нанка (которой также требуется множество) — в Урумчи, Турфань и Кашкарию.

Сукно — в Урумчжи (оттуда идет и в Китай), Турфань, а дурное — в Кашкарию.

Кожи — в Харашар (на сапоги); плис в Урумчжи и Китай.

Я спрашивал: хотя большая часть наших товаров расход[итс]я, как видно, в Запад[ном] Китае (в Урумчжи — главный их закуп и, как видно, более для Кашкарии), но так как часть их чрез Урумчжи (и самими чугучакскими торговцами?) везется и в собственный Китай, то где именно там расходится, напр., сукно, плис и проч.,— ответ был: что везде, там в главных местах находится

*[3] А что и показывают, стараются расценить подешевле; так, наприм.: сукно куплено было за 140 дабы кусок, а показано в 120 даб; за нанку заплачено нам по 11 даб, а она оценена в 8 даб и т. д.

кяхтинское сукно и прочий товар, а что чугучакское, если и везется, то уже в маленькие разные города.

Вообще китаец говорил, что там в Китае везде рус[ско]е кяхт[инское] сукно, а английского мало, а что коленкор (под именем коленкора разумеет, вероятно, и миткаль и вообще все бумаж[ные] и подобные товары, некрашеные) весь почти английский, причем выхвалял ширину его и доброту.

Вообще наши товары, чрез Чугучак и Кульджу идущие,— как видно из всех отзывов, расходятся главнейше в Западном (внешнем) Китае, и что их слишком мало в сравнении с требованиями (далеко не удолетворяют всех надобностей в них китайцев). Не удовлетворяют, а между тем как большею частью достаются ки-
23 об. [тайцам] дешево (если принять особенно в соображение || как не дешево достается здесь чай нашим купцам). Конечно, если сравнивать чугучакские цены на рус[ские] товары с ценами кяхтинскими, то, по многим статьями, они для наших купцов выгодны. Но, судя по требованию в Запад[ном] Китае на наши товары, они могли бы идти гораздо выгоднее, и чай мог бы доставаться гораздо дешевле.

Все это от того, что нет настоящих купцов, и нет их по многим причинам (и не будет, если все оставить на нынешнем положении).

Английские товары. Я спросил его: много ли в Урумчжи привоз[ятс]я английских товаров?— много бумажных; главнейшее: коленкора (и миткаля), также бумажных платков, часть ситца и т. п. (и, кажется, еще говорил о камлоте).

Видно, что камлота туда мало доств[ляет]ся, а что его требуют, ибо настаивал на привозе его.

Чай. Я допытывался: имеет ли торговый дом (от которого торгует в Чугучаке Джан Джангуйда) свою контору или комиссионеров в Фуцзяне для закупа чая (ибо весь чай черный, байховый,
24 доставляемый в Чугучак, идет из Фуцзяна). Джан||гуйда отвечал, что постоянных комиссионеров там не имеют, а что ездят туда для покупки чая (но, вероятно, что главную пропорцию везут из Шаньси от тамошних купцов, имеющих дела в Фуцзяне) и, может быть, покупают от приезжих из Китая купцов в Урумчжи. Но Джан Джангуйда уверял, что их дом и в Фуцзяне имеет своих людей.

Замечательно, что все почти и в Урумчжи купцы (которых там до тысячи) — из Шаньси.

Кашкарцев нет. Я спрашивал нет ли там кашкарцев (так как для Кашкарии много закупается товара).— Нет,— кашкарцам ездить туда не позволяется,— и все в Кашкарию доставляют кит[айски]е купцы, которых по всем кашкарским городам пропасть.

Опиум. Опиум семипалатинские купцы (ташкентцы и русские) называют афим. Он покупался в прошл[ый] раз в Ирбите (по словам татарина Марзыма) по 650 и 700 руб. асс. за пуд. А в Чугу-

чаке его теперь, по его же словам, (и другие подтвердили) берут за 4 ямбы пуд (в каждой ямбе 400 руб. асс. или около того) 380—
24 об. 390 руб. асс. отдавал частью товаром же, т. е. || чаем и канфами, а частью наличным серебром. Вообще, его ужасно как раскупают, хотя и с опасностью.

Привозят его, держат в степи (в киргизских аулах, куда приезжают покупщики из Чугучака), а в Чугучак привозят только тайком образцы. Все делается, кажется, чрез посредство ташкентцев и всякого сброда, который проживает в Чугучаке.

Провозные цены. (Сведения от того же татарина Марзыма, промышляющего извозом).

От Семипалатинска до Чугучака, если *взад и вперед* на неопределенное время (разумеется, не на все лето) — 4 руб. асс. с пуда; а если на срок, т. е. чтобы пробыть, напр., две недели — 3½ руб. асс. Пища извозчиков — на их счет и купец ничего этого не знает.

В один же конец от Семипалатинска до Чугучака 1½ руб. асс. с пуда. А из Чугучака в Семипалатинск — 1 даба с пуда (и дешевле).

25 Доходят чрез Кокбекты в || 12 дней (делал 2 переезда в день, т. е. верст по 40 или около того). Это слова самого извощика. Он говорит: придем в 12 дней, там пробудем 5 дней и потом в 12 дней назад в Чугуч[ак] с новым товаром (в 14 же и 15 дней пути доходят).

Чрез Аягуз 3-мя (или 2-мя) днями дольше и поэтому, а также потому, что тот путь не безопасен (от Чугуч[ака] до Кутеля) — чрез Аягуз не ездят.

Стоит прочистить Сай-асу (спуск) версты 2—3,— и будет славный вообще путь.

* * *

Цена ямбы. В китайской ямбе можно кругом полагать 4½ фунта (432 золотника). В настоящей ямбе, т. е. в ямбе узаконенного веса 440 золотников (441 зол.) — на русские деньги ее можно считать около 400 руб. асс. В Ирбите обыкновенно покупают за 380 и 390 руб. асс. А золотник полагается в 85 к. асс.

* * *

Цены на чай. Если покупать чай на ямбы, то можно взять *лучшего* черного (за который я платил 165 даб) два ящика
25 об. за ямбу. Это вы||ходит по 190 или по 200 руб. асс. за ящик.

* * *

Много ли больших купцов в Чугучаке. Имя купца, который купил у меня товар: *Джан* (Джан-Джангуйда. Слово Джан-

гуйда — хозяин). Но торговый дом, от которого он торгует или коего он компаньон, называется Ван-Син-юань.

* * *

Другой значительный же купец прозывается Ван (Ван-Джангуйда), имя же компании Ти-Си ин-си-ти — это два главных купца, закупающие наши мануфактурные товары на чай и проч. Затем есть еще третий, уже не столь значительный (Ли-Джангуйда). Вот и все главные, а затем все мелочники.

Потом есть еще несколько купцов, выменивающих скот от киргизов и татар. (Для вымена скота наблюд[ает]ся очередь между купцами).

Все эти купцы большею частью из Шаньси. Может быть, даже все оттуда, ибо кого я ни спрашивал (а спрашивал многих и важных и мелких), все говорили, что из Шаньси. NB. Многие из города Син-джу (Син-джоу) в Шаньси же.

26 || **Количество вымененного чая. Постепенное увеличение** (к истории). По словам Джан-Джангуйды, теперь в Чугучаке раскупается чая байхового всего тысячи четыре ящиков в лето (во время торговли). Года с два-три назад (или с 5) не более 2 т. ящиков. Стал вообще идти не более как лет с 8-мь. В 1838 году Захаров купил ящиков 50-т, а в 1839 году ящиков 200 (и продал в Казани). Это был, кажется, первый пример по-здешнему значительного вывоза чая одним торговцем.— Китайские купцы, говорят, вообще, что начали идти года с 4. Начало больших привозов можно отнести к 1840-му и 1841 году. Прежде шел один сабет-чай (для Ташкента) и кирпичный. Сабет и теперь вывозят пропасть, но для России не берут ни фунта.

Откуда чай. По словам и Джан-Джангуйды и Ван-Джангуйды,— весь байховый чай идет из Фудзяни *[4]. Они говорят, что сами, т. е. люди их торгового дома ездят туда за покупкою чая (у торговой компании, к которой принадлежит Ван-Джангуйда, будто бы в Фудзяне есть постоянный комиссионер или контора). Из их же слов можно с достоверностью заключить, что значительная часть чая покупается ими в Шаньси от тамошних купцов, торгую-
26 об. щих чаем || на большую руку, (делающих огромные закупы в Фудзяни для Кяхты *[5], может быть даже и в Урумчжи покупают от купцов, туда приезжающих из внутри Китая (большею частью из Шаньси же) для торга.

Путь из Чугучака и Кульджи в Китай. Издержки по провозу чая в Чугучак и пошлинные, по словам китайских купцов, огромные: чай, по словам Джан-Джангуйды, идет из Фудзяни 3 месяца

*[4] Все китайцы единогласно говорят, что чая в Запад[ных] пров[инция]х собст[венно]го Китая не родится, и что весь он из Фудзяни, а зеленый или (фу-пай) из Ху-нани (Хэ-нани).

*[5] Об одном из взятых мною байх[овом] чае Джан-Джангуйда сказал, что купил в Шаньси.

водою (по рекам), два месяца на верблюдах (вероятно, из Ганьсу до Урумчжи) и месяц на телегах. Тележная езда — собственно из Урумчжи до Чугучака. Впрочем, по его же отзыву, и от Хами до великой стены (где пески) можно проехать на телегах, облегчив только телеги. Видно, вообще, что и этот переход, который обыкновенно совершается на верблюдах, не слишком затруднителен для тележного хода [NB. Одни китайцы на телегах уже перевозят собст[вен]но до Урумчи (от Чугучака)].

27 || **Нор-Зайсан. О Нор-Зайсане** (сведения от казака (отставного), приезжавшего в Чугучак из Кокбекты). NB. [Казак этот почти ежегодно отправляется вместе с другими на рыболовство на это озеро, ездил по нем во все стороны и знает его как свои пальцы].

Озеро, по его словам, имеет верст 80 длины и верст 60 ширины (почти круглое). Берега мелкие с восточной стороны от наносных песков (ибо ветер более дует с Тарбагатая, следственно, с Запада к Востоку и наносит к восточной стороне пески). С западной же стороны берега довольно глубоки.

Суда по нем могли бы плавать, но оно неудобно в том отношении, что бурно, и поэтому на глубине плавать опасно *[6]. [Это он, вероятно, основывает на том, что казаки обыкновенно на рыболовство ездят на лодках (впрочем, подымающих пудов 200 и 300) и на них пускаться в открытое море далеко от берегов опасно: вдруг подымается ветер и озеро приходит в сильное волнение].

Нор-Зайсан, по словам того же казака, отстоит от Чугучака верстах в 80 или во 100, а по мнению Захарова, верстах — в 200-х. Они при мне об этом спорили, и, кажется, можно полагать расстояние верст сто с небольшим, а много 150 верст. Это, впрочем, если ехать от Чугучака через Тарбагатай по направлению к Кок-
27 об. бекты до известного пункта; || где кочует ташкенецАуча (Авча). Этот пункт отстоит от Чугучака верстах 100, откуда уже надобно своротить, и до озера менее 50 верст (а всего, таким образом, верст около 150). Но если ехать от Чугучака прямо к верхнему, или Черному Иртышу, то будет более 150 верст: до одной этой реки от Чугучака будет верст 150, да еще там до озера понаберется. Но этот путь (от Чугучака к Черному Иртышу) удобнее: тут вовсе не встречается никаких высоких подъемов и спусков, хотя же Тарбагатай нужно будет так же переехать, но он к Востоку склоняется, так что подалее уже не составляет никакого трудного переезда: проезжаем его не чувствительно.

По ту сторону Нор-Зайсана кочуют киргизы; по сю сторону тоже кригизцы, но близь самого озера по этой западной стороне их нет (т. е. нет вблизи, а с восточной есть вблизи).

Калмыки же, или лучше сказать, собственно урянхайцы кочуют по Черному Иртышу уже гораздо выше, а к устью их нет.

28 || Верхний (Черный) Иртыш, как выразился помянутый казак,

---

*[6] Казак говорил: как завидишь мурун в какой стороне (тучки и заволок), то и беги скорее к берегам; валы подымаются ужасные.

имеет перемежки, т. е. броды, и вообще местами мелок, а потому для судоходства не способен.

По Нижнему же, или собственно по Иртышу (нашему) небольшие суда могут ходить (даже и порядочные). Теперь по нему к самому устью (и оттоль в озеро) ходят только рыбачьи лодки (лодки казачьего войска, пользующегося рыболовством по Нор-Зайсану, и отправляющиеся из Усть-Каменогорска — Бухтармы и разных пунктов, где расположены их станции); лодки эти подымают пудов 300 (прежде были не более как в 200 пудов, а теперь начали употреблять поболее). Раз как-то было нагружено рыбою судно поболее этого размера, и хлопот с ним, по словам казака, было немало (NВ. Впрочем, см. еще о Нор-Зайсане далее).

Иртыш. Что же касается до пространства от Бухтармы к Усть-Каменогорску, то тут могут ходить суда гораздо большого разме-
28 об. ра *[7]: по этому пространству теперь обыкновенно перевозят руду из Зырянска в Усть-Каменогорск, и суда эти подымают пудов до 8 т. Зырянск на Бухтарме, но по оной плыть неудобно, и потому до самого Иртыша руду везут сухим путем, а близь устья Бухтармы (на самом Иртыше) нагружают на суда и, таким образом, сплавляют до Усть-Каменогорска.

Лодки рыбачьи от устья Иртыша, т. е. от озера до Бухтармы (не до Каменогорска ли) плывут 8 дней, а туда (вверх) до устья 20 дней.

По мнению казака, перевозить от Чугучака в Семипалатинск товары водяным путем не будет никакого расчета (никакой выгоды) и вообще неудобно; и главное неудобство (не говоря уже
29 о другом) состоит в расстоянии: от Усть-Ка || меногорска до озера по Иртышу будет, по его словам, до тысячи верст (а горами, т. е. сухим путем, 450 верст). Только до озера, и то от Усть-Каменогорска — какое расстояние!!! — Между тем, как от Усть-Каменогорска по Кокбектинскому пути до самого Чугучака верст менее 400 (от Усть-Каменогорска до Кокбекты 170 верст, да от Кокбекты до Чугучака не более 200 верст.)

Притом же, самое главное, по Нор-Зайсану небезопасно. Да и плавание по Иртышу от устья его до Бухтармы на больших судах крайне затруднительно (возможно, NВ. См. далее). Мы видим, что даже от Усть-К[аменогорс]ка до Семипалатной нелегкий путь, а уже выше, и особенно от Бухтармы до устья, и еще во сто крат более затруднительно. Труднее от Бухтармы до Усть-Каменогорска по ужасной быстроте, а от Нор-Зайсана до Бухтармы гораздо менее быстро, и дно менее каменисто (менее галек) — землянистое.

29 об. || И все это говорит о плавании по течению, а вверх, кажется, и думать нечего. (Конечно, труднее, но возможно, по верхнему же Иртышу даже невозможно).

---

*[7] И от Бухтармы к Нор-Зайсану могут.

Это главное. А если при всем этом принять в соображение удобство сухого пути, краткость его, малость издержки и проч.— то и рассудить об этом вопросе (о плав[ании] по Нор-Зайсану с товарами) — кажется нечего.

* * *

Новый батыр-амбань чугучакский при осмотре в начале нынешнего лета (или весною, около троицына дня) китайских пикетов, встретил нескольких казаков наших (кокбектинских), которые ловили рыбу. Он спросил их *виды*, — сказал,— почему печать не приложена, и чтобы впредь с такими билетами от рус[ско]го начальства не ездили. А смотрителю с нашей стороны над этим рыболовством — рыбалочному приставу — батырь-амбань дал
30 заметить, что в их владения ездить безвозбранно нельзя || (т. е. к Нор-Зайсану), и что казаки туда (на рыболовство) ездят с телегами. Смотритель сказал, что и прежде так было и спросил: можно ли на лошадях (верхом) ездить за этим промыслом. Ответ не был отрицательный.

Прежний батыр-амбань, говорят, был в этих случаях (во время осмотра) *гораздо* обходительнее (когда приезжал он на ближайший пикет от Кокбекты, то давал знать отрядному нашему в Кокбекте начальнику,— тот к нему из учтивости и как к важному кит[айско]му сановнику ездил, принимаем был ласково. Батырь-амбань при всяких подоб[ных] случаях говорил, что их государи живут дружно, что поэтому и им не следует ссориться; что от рус[ски]х он ничего дурного не видит и что поэтому им и рыболовство позволяется в их китайских владениях.

Право рыболовства этого в Нор-Зайсане с нашей стороны представлено казачьему войску (а прежде и крестьяне ездили). Казаки отправл[яют]ся по Иртышу и главные их промыслы, кажется, на восточной стороне (NB. Впрочем, ловят по всему озеру) [на западной, близь устья Букону, ловят также еще особо кокбектинские казаки]. За право рыболовства казаки дают китайцам (в виде презента) несколько рыбы (сушеных стерлядей), также клею и вязиги (которые им паче всего). Все это дается китайскому начальству на одном из пикетов. Китайцы, вероятно, считают это данью.

30 об. || **Курс кит[айско]го серебра и денег.** Захаров мне объяснял о *китайском серебре*: что фыня равняется 8-ми ермакам (чохам), но что в китайском рубле (или мыскале), который содержит 10 фын,— не 80 ермаков, а 77 ермаков. 10 мыскалей составляют одну сари, а 40 сари — *ямбу*. *В сари наших 5 руб. ассигн.*

NB. Китайцы (купцы) в Чугучаке (шаньсийцы) говорят о Кяхте, как о месте весьма близком от Шаньси (по их словам, разумеется, преувеличенным,— в 10 дней можно легко поспеть из Шаньси в Кяхту), о Чугучаке же говорят, как о месте гораздо

дальнейшем от их родины (Шаньси). Конечно, все эти отзывы о расстоянии к Чугучаку с намерением преувеличиваются; но, кажется, однако, что действительно Чугучак очень не близок от собст[венно]го Китая.

NB. **Привозные статьи из Китая.** Китайские купцы в Чугучаке, конечно, и кроме тех предметов, которые теперь идут в нашу торговлю, могли бы многое привозить, если бы от них стали требовать. Доказательством служит самый ч а й, который привозится не потому, что он был близок, ибо это тот же фудзянский байховый чай (но низших сортов, а низший потому, что лучший трудно им
31 сбыть нашим || мелочным купчишкам) — и привозят именно потому, что на него стало возрастать требование. Разные ш е л к о в ы е м а т е р и и (канфы, канча и т. п.) также привозятся ими из Дзяннани и сопредельных с оною провинций (как мне говорили сами продавцы). Следственно, они так же легко могут привозить иное, что от них потребуют (шелк ли сырец, индиго ли и т. д.).

Могли бы что угодно привозить. Я спрашивал Джан-Джангуйду о некоторых из таких новых предметах и о ценах их. Отзыв был, что м о ж е т п р и в е з т и, а что цен (и во что обойдется) н е з н а е т. Если бы я и на буд[ущий] год приехал, то, конечно бы, мог заказать привезти на первый раз хоть в м а л о с т и для образца (риску поэтому не было бы никакого). Вопрос мой был об индиго, и получил этот ответ.

Впрочем, и теперь могли бы кое-что вывозить, напр. р е в е н ь (если бы его разрешили).

Китайские товары. Теперь вся торговля состоит с кит[айской] стороны: в дабах (котор[ые] то же, что ходячая монета в здешнем крае, и которые идут единственно для киргизов и азиатцев, в с а б е т - ч а е, который идет в Ташк[ению], Кокан и Бухарию, в кирпич[ном] чае, который идет для киргизов и частью в Россию, в байховом чае, которого привоз в Россию начинает увеличиваться (хоть медленно, по известным причинам) и затем в малом количе-
31 об. стве разного ш е л к о в о г о, идущего для || азиатцев и киргизов, и которого тоже наши купцы почти вовсе не берут.

Чай взял верх над прочим. Следств[ен]но, собственно в Россию идет часть кирпич[но]го чая и байховый чай *[8]. На первый — требование у нас в этих местах не велико, а второй — достается слишком дорого и его стараются при торге избегать [т. е. брать сколь возможно менее, но китайцы довели уж до того, что трудно с ними сделать какую-либо сделку без того, чтобы не взять байх[ового] чая *[9]].

---

*[8] Это самое доказыв[ает], что он им, несмотря на все отзывы о привозе и пошл[ина]х, издержках, достается дешево и легко и в каком угодно количестве.

*[9] Из байх[овых] чаев — все черные (есть хорошие), а цветочного был один ящик у Ван-Джангуйды (о цене смотри особо). Впрочем, нет сомнения, что и цветочного китайцы могут привозить сколько угодно, если только будут его сильно тробовать.

Выгоден ли теперь Чугучакский рынок. Из этого одного видно, что рынок чугучакский в теперешнем его положении для значительных купцов не представл[яет] никаких особенных выгод.— Но если положение дел переменить, то может быть иначе.

К описанию торга. В муйтазе или китайской таможне всего 5 лавчонок для складки привозного товара (всякая в роде нужника), и те большей частью пустые. Берут рус[ские] товары нарасхват. Это от того, что товару привозят мало и что берут его нарасхват: едва сложат в майтазу,— смотришь через
32 день или два все берут. Мой|| товар лежал один день. За всяким вновь прибывшим купцом с товаром китайские купцы ухаживают как за богатою невестою.

NB. От чего цены на кит[айские] товары (чай) высоки. Опиум все портит. Что цены на чай так высоки происходит главнейше от продажи опиума. Купец, его привезший, горел взять чай по какой угодно цене, ибо опиум так дорого ценится, что все ему выгодно, а потому уже он не смотрит в цены чая. (Покупает опиум в Ирбите за 650 руб. пуд, а продает в Чугучаке за 4 ямбы (почти за 1600 руб. асс.). Рядятся обыкновенно (когда продается опиум китайскому купцу) на ямбы, т. е. на китайское серебро, и затем уже уговариваются какой товар китайский принять на причитающееся за опиум число ямб, или на часть ямбы (а чтобы такое число их получить серебром, т. е. ямбами); но ямбами обыкновенно берется гораздо менее половины, а все товаром,— и товаром преимущественно чаем, ибо китайский купец всячески старается сбыть его. Продавец же опиума, разумеется, не настаивает так на уменьшении цены на чай (цене, по какой кит[айский] купец рас-
32 об. ценивает свой чай, поступающий за ус||ловленное число ямбы за опиум), ибо рассчитывая, что за опиум берет более, нежели вдвое,— он знает, что чай ему достается вовсе не по той цене, по которой он приходит на другой товар, а вдвое дешевле, и таким-то образом устанавливается высокая цена на чай; ибо китайский купец, продав тому, другому из купцов (за опиум ли, или за что другое) свой чай,— уже после им на копейку не уступает и говорит, что эта цена — известная, что и тому и тому продано по этой же цене.

NB. Сбавить цены на чай (установить выгоднейшие для нас цены на них) — нашим купцам вообще трудно (и от вышеписанной и от других причин); но они одно могут сделать (и довольно легко) — еще более возвышать цены на свои товары. Тогда и чай приходиться будет им гораздо дешевле.

NB. От этого еще он идет в Россию, а то бы было гораздо менее в привозе.

Теперь, по нынешнее 14-е число июля, без сомнения уже более 1000 ящиков китайцами променено на опиум, а на здешний товар может быть и 500 ящиков не променено.

На наличные ямбы, так дешево доставшиеся, тот же опиумный купец берет иногда чай и гораздо дешевле, нежели на товар, ибо в серебре теперь китайцы нуждаются. Таким образом, за ямбу

он получает два ящика лучшего чая; это выходит (если считать ямбу в 400 руб.) — по 200 руб. за ящик, а считая ямбу в 380 руб. асс.— 190 руб. асс. за ящик. А на дабы, полагая 160 дабы за хо-
33 роший черный чай,— он обходится в 320 руб. асс. (считая || 2 руб. асс. за дабу).

NB. Впрочем, это на товар (расценивая его на дабы), а если покупать чай так же на наличные дабы (как на наличное серебро), то тоже будет дешевле. Но все-таки не так дешево как на серебро.

NB. От этого некоторые наши купцы делают зак[лючение], что покупают в Ирбите ямбы и везут их опять в Китай, чтобы что-нибудь на них купить (чай ли или что другое), ибо придется гораздо выгоднее. Они же у нас, т. е. ямбы, довольно дешевы: иногда можно купить ямбу за 375 р. асс.

Чай все дороже. Чай вообще год от году дорожает: в прошлом году лучший расценивался на товар в 340 дабы, а теперь — 340 самый посредственный, а хороший — 460 дабы (и подороже).

Нор-Зайсан (Иртыш). *Еще о Нор-Зайсане.* От Бухтармы до Усть-Каменогорска *по горе* (сухим путем) верст 80, а по Иртышу — верст со ста, или более. Течение ужасно быстрое: если ехать рано утром из Бухтармы, то к обеду можно быть в Усть-Каменогорске; а от Усть-Каменогорска до Бухтармы (против течения) выплывают в 3 дня, и это самое скорое плавание, а обыкновенно дольше. От Нор-Зайсана до Бухтармы течение не
33 об. так быстро, и русло не имеет || галек, а землянистое. От Бухтармы до Усть-Каменогорска, как выше замечено было, ходят суда с рудою (медною), подымающие тысячи до восьми пудов. Я по этому случаю спросил казака: могут ли такие же суда ходить и от Бухтармы к Нор-Зайсану. Казак отвечал: как не могут; там течение гораздо менее быстро, и дно ровное. (NB. Вообще, нет нигде и выше и ниже порогов). Но расстояние *по воде* (от Бухтармы до Нор-Зайсана) большое, как выше замечено.

Нор-Зайсан все там называют морем (и то же говорят о сем как о Байкале, т. е. что Нор-Зайсан не любит, если его называют озером).

NB. Казаки ловят рыбу и в Верхнем Иртыше (в *Черном*), как его называют. Там даже единственный лов нельмы (у устья Черного Иртыша и повыше). Казаки говорили, что прежде до полутороста неводов выезжали туда к декабрю месяцу, т. е. до полутороста лодок [в декабре обыкновенно производится там лов этой рыбы, и озеро еще в это время не замерзает, а зимою позднее замерзает, так что можно по нем ездить].

Это было в то время, когда ловля была свободная, т. е. когда
34 кроме казаков всякий (и крестьяне и || всякий люд) могли неводить из половины, т. е. отдавая половину казакам.

Воспрещение ловить рыбу крестьянам и прочим и предоставление этого права одному казачьему войску последовало тому лет 12 или 10 (т. е. еще до Управления князя Горчакова); а из полови-

ны — было тому за 40 лет; прежде же того рыболовство по Нор-Зайсану было совершенно свободное. Оно началось тому лет с 50.

Теперь к Черному Иртышу за ловлею нельмы выезжает лодка или две.

С тех пор, как от крестьян отнято право ловить в Нор-Зайсане, рыба продается гораздо дороже (по 12 руб. пуд рыбы; а прежде 50 рыб (стерлядей) за 10 руб., в 50 рыб весу несколько пудов). При так называемой р ы б а л к е есть пристав.

* * *

Ташкентец Ауча, живущий в кочевьях наших киргизов (мурунцев), т. е. по северную сторону Тарбагатая (вообще на стороне, которую вполне можно считать нашею), [во 100 версте от Чугучака], построил там на одной речке несколько мельниц. Чугучакский батырь-амбань при осмотре нынешнею весною (около троицына дня) китайских пикетов велел сломать эти мельницы,
34 об. яко построенные на китайской || земле; NB. Их при нем же и сломали. Подобные самовольные распоряжения кит[айско]го начальства не надобно бы спускать даром. Также сломал несколько мельниц в тех же местах у волостного правителя (из киргизов). Тому несколько лет, так же были сломаны мельницы у Аучи; но тогда кит[айско]е начальство ему заплатило за причиненный ему убыток.

Байжигиты готовы вступить в рус[ское] под[данство]. Казак, (о котором речь выше, сообщивший свед[ени]я о Нор-Зайсане), ездил к султану байжигитскому Сабеку. По возвращении сказывал, что он заметил в сем султане склонность вступить в русское подданство со своею волостию. Он изъявлял претензию, почему не его выбрали (года с полтора тому назад) в султаны — правители Кокбектинского округа; говорил, что ему обидно, что выбрали Кисека, что Кисек простой киргизец, а он султан и султанской крови. Казак сказал на это, что начальство наше тут не виновато, что выбор
35 делали сами киргизы. [Я заметил казаку, что || можно было бы сказать также, что он, Сабек не подданный русский, и что поэтому киргизы не могли его выбрать. Но, как заметил старик-казак, они все однородцы, и у них это не составляет никакого препятствия (что они подданные, а Сабек еще не присягнул на подданство; когда выбрали — тогда бы и присягнул)]. На возражение казака, что выбор делали сами киргизы, султан Сабек сказал, что он, конечно, был бы для рус[ско]го пр[авительст]ва полезнее и более мог бы привлечь к оному киргизов, нежели какой-нибудь Кисек. Спрашивал также, будет ли казачий отряд в их местах.

Места для занятия. По замечаниям казаков, знающих довольно здешнюю местность, весьма бы хорошо иметь пикет на Д ж а й т ю б е. Это отдельная гора, или сопка в степи по сей (чугучакской) стороне Тарбагатая: близь нее идут караваны кульджинские, возле же самой ее надобно проходить едучи из Аягуза в Чу-

гучак (она не в дальнем расстоянии от Кутеля). У горы этой течет речка Катын-су, которая тут разделяется. Вообще все удобства для учреждения пикета. Тогда бы на всех киргизов, близь
35 об. Чугучака || кочующих, можно бы иметь влияние, и пути караванные были бы обезопашены (хоть на Аягуз ступай, хоть на Кокбекты — всюду было бы безопасно, ибо из этого отряда легко бы всюду действовать по надобности (да и действовать, не приходилось бы, ибо одно то, что рус[ский] отряд недалеко — было бы достаточно для удержания всех в порядке) — и китайское начальство менее бы тогда нос подымало и лучше бы обходилось с рус[ски]м купчеством.

Это требует подтверждения. Главные воры здесь киреевцы (киргизы, пришедшие с Черного Иртыша и кочующие около горы Бахты, близь Чугучака); они все бедные, и от них главные шалости. Если бы был рус[ский] отряд на Джайтюбе, и они были совершенно смирны.

Опиум какими путями провозят. Опиум покупается в Ирбите почти явно: приходят в лавку, спрашивают черного товара. Хозяин ведет в особую комнату, и тут все смотри как угодно. Жандармы, хотя присматривают, но, видно, мало. Везут же его из Ирбита на Томск, там на Канск и Барнаул; из Барнаула в Локоть (Локотинский сереброплавильный завод, который, кажется, в 200 верстах или ближе от Семипалатной), прежде еще — в
36 де||ревню Алей (Алею), где из кошней (розвальней) перекладывают на своих лошадей, которых тут покупают или подготавливают, или же в санях и, таким образом, везут в Локоть, а оттуда в Семипалатинск, т. е. в бор близь С[емипалатинс]ка; тут дается знать кому следует в С[емипалатинс]ке, и ночью перевозят или в дом в самом С[емипалатинс]ке, или прямо на Заречную сторону, где складывают в какой-нибудь юрте (или в лавке).

Чай безпошлинный почти таким же образом провозится из С[емипалатинс]ка, т. е. из Заречной стороны: его везут из Заречной стороны (на хорошей тройке, или паре) вверх или вниз, по той стороне Иртыша, там переезжают (по льду) через реку и прямо в бор; а оттуда в Локоть, Алею и, минуя Барнаул, на Канск, а оттуда, минуя Томск, в Ирбит. По линии не везут ни в С[емипалатинс]к (опиум), ни из С[емипалатинск]а (чай), ибо в разных местах заставы, где осматривают (в Омске, Коряковой, Семиярской).

К истории! В 1838 году Андрей Ив[анови]ч Кожевников начал торговать в Чугучаке. Тогда мало еще было чая, но с этого года началось привозиться все больше и больше.

Опиум, с котор[о]го времени стал увеличиваться. Опиума тогда тоже еще мало было. Он с тех же пор начал увеличиваться, а лет с 5-ть особенно много его идет.

NВ. **Кто с нашей стороны торгует.** Больших торговцев решительно нет в здешней торговле: во всем караване в Кульджу только самсоновский товар несколько ценен, а то кто на 5, кто на

10 тысяч везет, а на 20 тыс. считается уже довольно значительным купцом. В Чугучаке тоже: самый Ибрагим-ходжа, по словам Шарафи, не возит более, как на 50 или 40 тысяч, ибо вывозит не более 80 или 100 ящиков чая (200 не вывозит).

NB. **Нужда в капиталистах, тогда можно и положение делать и цены на наши товары поднять, а на кит[айские] понизить.** По мнению Шарафи, надобно бы непременно, чтобы между купцами был совет, по чем что продавать и чай выменивать по чем, и чтобы никто от этого не отступал (и Захаров тоже говорил). А то теперь какой-нибудь ташкенец говорит: славно торговал. Спрашивают: как же?— Отв[ет]: китайцы так все и разбирают.— А в это он и не вникает, что им все достается дешево, а они за свой чай с нас лупят порядком. Вообще (слова того же Шарафия) между китайцами в сто крат более уменья торговать и единодушия. Шарафи вполне соглашается, что теперь невозможно учредить подобные совещательные собрания между купцами, ибо тысячи всяких купчишек из разных стран. Но если бы было несколько капитальных, у которых был бы главный товар, то легко бы все это устроить: мелкие также были бы всегда у них в задолжении, и поэтому их бы слушались, а если бы и не слушались, то все равно: мелюзга не могла бы очень дело испортить.

37 об. **К истории.** Он говорит, что торговля в Чугучаке || и Кульдже дозволена т о л ь к о к и р г и з а м, и что мы тоже китайским начальством выдаемся пред высшим их правит[ельство]м за киргизов.

Торговля киргизов в Чугучаке и Кульдже. С киргизов пошлины с товаров и с к о т а не положено. Прежде и не брали ее ни с них, ни, следственно, и с нас. (Ибо мы как бы киргизы торгуем). Пошлина по 1 штуке с 10 и взимание со скота (с 100—5 или 10 шт.— см.: Что о сем записано) — ввелось недавно, года с три. По словам Шарафи, это все выдумал Мамиджан (и со скота и с товаров).— И так как этот сбор не законный, то, разумеется, что он весь идет в карман амбаня и чиновников китайских. Законная у них пошлина только с китайских купцов, и та идет в казну.

NB. В Чугуч[аке] торгуют купцы (с кит[айской] стор[оны], а не правит[ельст]во).

(Примеч[ание]: лучшее доказательство, что торговля в Чугучаке не в руках прав[ительст]ва, а предоставлена купцам — это то, что с них пошлина положена).

Провозные цены по России. Провозные цены от Семипалатинска в Россию (сведения от того же Шарафи): от С[емипалатинс]ка до Казани летом рублей 8 с пуда, а зимою 5 руб. асс. (следственно, зимою — рублей 15 с ящика чая). А до Ирбита берут 3 руб.— туда, и 2 или $1^1/_2$— назад.

38 **О количестве чая.** || Шарафи не верит, чтобы теперь раскупали в Чугучаке тысячи четыре ящиков байх[ово]го чая. Может бытьде в нынешнем году вы[й]дет около этого. (И то, что-то много).

А в прошлом году, по его мнению, не более тысячи ящиков вышло (это уже слишком мало).

О расположен[ия]х байжигитцев вступить в рус[ское] подданство (сведения от татарина Пулата, проживающего в аулах султана Доломбая).

Доломбай и старший его брат Сабек происходят по прямой линии от хана Аблая. Вот родословная их:

У Аблай-хана был сын Абулфайз,
У Абулфайза — Шаньяз,
У Шаньяза — два сына: Камбар *[10] и Сук,
а от Сука — Сабек и Доломбай.

Сабек и Доломбай весьма недовольны китайским правительством, что оно их не поддерживает и не защищает при всяких возникающих делах с русскими. Пулат говорил мне, что амбань чугучакский в подобных случаях, когда Доломбай просит его о сем и тому подобном, (о лучших кочевках и тогда, вероятно, угрожает тем, что в случае отказа, обращается к русским) — и отвечает ему, что если им угодно, то могут перейти в русское подданство, но что в таком случае, должны перекочевать в наши пределы, ибо земли, на которых теперь находятся, принадлежат Китаю. Пулат насчет этого замечает (разумеется, со слов Доломбая),— что подобные речи амбаня — сущий вздор, что вся земля, на которой
38 об. || находятся не только их (киргизов) кочевки, но даже на которой стоит Чугучак и за Чугучаком, исстари принадлежала им (хану Аблаю); это неотъемлемое достояние киргизов. (Хан Аблай, кажется, добровольно покорился китайцам и никогда не уступал им этих мест) — и что поэтому не китайцы их, а они китайцев могут выгнать. При этом Пулат дал еще заметить, что Доломбай, имеющий намерение ехать в Петербург, хочет просить как о принятии его (вероятно, и брат его тоже имеет намерение) в подданство, так и об уступке русскому царю всей земли их с Чугучаком и окрестностями.

Но Доломбаю хочется вступить в подданство не иначе, как представившись лично государю, следственно, чтобы пустили его в С. Петербург (хоть бы на собственные деньги) и при этом выговорить себе разные права.

Об этом намерении его, однако же, можно сказать, что ему и хочется и колется и бабушка не велит.

Если бы в наших округах начальство было лучше и если бы казаки, там находящиеся, не были такие разбойники, то без сомнения, что и байжигитцы, и другие еще не покорившиеся киргизы (китайские или не китайские) — давно бы к нам прильнули, видя у нас более силы, защиты и т. п.; но, к несчастью, они видят также и более всяких притеснений со стороны начальства.

39 || Байжигитцы (т. е. султаны их), если помышляют не на шутку о вступлении в русское подданство, то потому что им плохо при-

---

*[10] Потомки Камбара кочуют за Чугучаком, близь кочевья калмыков.

ходится: наши киргизы их теснят в их кочевках; наше начальство при малейшем возникающем между ними и нашими киргизами спорном деле радо этому случаю, чтобы их пощипать и пограбить.

По делу об ограбленном толмаче (неведомо еще кем) с них требовали 11 лошадей (которые, якобы, были у наших киргизов, сопровождавших толмача), одного верблюда и 1600 руб. асс., которые будто бы были у толмача и которых он тоже лишился. Толмач сам по этому случаю был у них и хотел было помириться на 200 баранах. Султан Доломбай сделал отзыв: что так как у толмача нет никакого письменного документа, то по одному голословному его требованию он удовлетворения сделать не может, не признавая при всем этом, чтобы грабительство учинили байжигитцы.

Число байжигитцев. Байжигитцев всего три отделения, но довольно многочисленных. Я спрашивал, сколько их кибиток. Мне отвечали, что неизвестно, ибо никто никогда не считал, но что надобно ехать 4 дня или более, чтобы проехать их кочевья *(Записано в ауле Адильбека).*

Три главных отделения (на которые делятся все байжигитцы) суть: *Мамбет, Джумук и Тугас.*

Мамбетовым отделением заведуют султаны *Сабек и Доломбай.* Джумуковым — султан Камбар (брат родной Сука, отца Сабека и Доломбая — уже умершего, следственно, дядя Сабеку и
39 об. Доломбаю). Тугасовым же отделением заведует бий *Сасан.* || Джумуково отделение, по словам ходжи, (живущего в аулах Адильбека) — есть самое многочисленное. Оно кочует по верхнему Иртышу и в горах.

Торговля в Орде. Приказщик — ташкенец Абдулфаттах, (что послан был от кульджинского каравана вперед к кызаевцам), бывал, между прочим, в *Большой орде.* Он тоже говорит, что там очень выгодно можно торговать. Требований (со стороны киргизов) на товары много, а купцов приезжают к ним мало. Там, кроме баранов, овчин и проч. можно получить много лисиц (будто бы очень хороших), корсаков и проч. Киргизы же требуют (как обыкновенно) нанку, ситец, юфтев[ые] кожи, плис, сукно, коленкор и проч.

Опасности особенной быть не может, особенно, раз с ними ознакомившись (тогда даже можно торговать чрез приказщиков).

Султан *Рустем* действительно тот из султанов Большой орды, который опаснее других. Он прежде кочевал у пределов коканских, но потом поссорился и откочевал далее в Большую орду. Зимою он прикочевывает к Кульдже (т. е. ближе к Кульдже).

Киргизы Большой орды не зависят ни от кого, по словам ташкенца (кроме тех, что на Лепсе и Баскане,— ближайших к нам и которые зависят от России); но когда их кто теснит, (русские ли, коканцы ли, китайцы ли) — то они называют себя, смотря по

обстоятельствам,— находящимися в подданстве или у китайцев, или у русских, или у коканцев.

Для торговли всего лучше к ним ездить весною,— выменять что надо и ко времени прихода в Кульджу обычного каравана,— ехать уже в Кульджу.

Ташкентцы. Торговля (с Кульджою), которую ведут наши семипалатинские купцы (ташкентцы, татары и частица рус[ски]х,— по словам приказщика-татарина,— не есть торговля,— они торгуют только, чтобы сказать, что торгуют, (только одно слово, что торгуют);— едут, не едут, прохлаждаются, везде пируют. Легко ли! Выехали от Семипалатинска 5-го июля,— и теперь еще 12 августа,— только что на Урджаре!!!

Если ехать в Чугучак (из Семипалат[инска] на Аягуз), то надобно чрез Урджар, или же можно вдоль Тарбагатая: разницы в расс[тоянии] не будет. От Урджара до Чугуч[ака] еще 3 дня караван[ного] хода, а от Урджара до Тарбагатая, где теперь аул Адильбека,— 3 ночи расстояния (3-е суток с половиною). Если от Урджара до Кара-Агача, как говорит Абдулфаттах,— 70 верст, то от Урджара до Чугуч[ака] будет 60. Но я думаю, что до Кара-Агача верст 100 непременно, а до Чугучака верст 80.

14 **||Сведения по выезде из Чугучака**

Сведения от Пулата (проживающего в аулах султана Доломбая; он должен быть из беглых татар, но теперь сделался чела-казаком (полукиргизом), женился на киргизке, воспитывавшейся у Доломбая и проч.).

Путь в Китай (расстояние). От Чугучака до Урумчжи то же, по его словам, расстояние, что от Семипалатинска до Чугучака: на верблюдах с товарами в 18 и 20 дней едут, на быках — месяц. На телегах и, по его словам, можно также и далее, т. е. до Урумчжи ехать.

Опиум. Купец Валибаев (хозяин Файзуллы, приказщика из татар, которого я встретил в Чугучаке), по словам того же Пулата, купил в Москве пудов 200 или 100 опиума по 500 рус. асс. за пуд, а продал его (чрез посредство своего приказщика, сам же живет в Москве и Казани) — в Чугучаке в прошлом году в декабре по $5^1/_2$ ямб за пуд (за 2100 руб. слишком).

Абдрахман (плут), которому я об этом стал говорить, сказал, что такая высокая цена на опиум уже сделалась в декабре, а что пред этим до октября, давали в Чугучаке же будто бы только 2 ямбы без $^1/_4$ за пуд опиума (он, без сомнения, врет).

Теперь, т. е. нынешним летом, по отзывам всех, цена опиуму в Чугучаке $4^1/_2$ *ямбы за пуд.*

В Кульдже продается еще выгоднее: по словам татарина-купца, (приходившего в нашу юрту во время нахождения в ауле Адильбека) опиум теперь в Кульдже по ямбе за 6 ф., за $1^1/_2$ пуда дают 10 ямб.

Он спросил у меня, имею ли опиум, и когда я ему сказал, что не имею, то засмеялся с видом недоверчивости и прибавил, что в Кульджу ни один купец без опиума не ездит.

Цены на скот в Чугучаке. Татарин этот торгует скотом, я спра-
14 об. шивал его о ценах: в Чугучаке в ны||нешнем году за *больших* баранов взял 380 даб за 100 баранов (по $3^{1}/_{2}$ дабы слишком за барана); а за годовалых (тоже уже взрослых) брал по 230 даб за сотню. (Обыкновенная, курсовая цена барану при мне была $2^{1}/_{2}$ дабы за барана, разумеется, не отличного).

За быков же брали по 25 даб за каждого (это цена — невысокая).

Пошлина с баранов. Пошлины с него взяли (собственно не пошлины, а произвольного сбора) по 1 барану с 20 штук. Это все в Чугучаке.

По словам того же татарина, *в Кульдже* теперь особенно дешевы верблюды; продают по 25 даб за верблюда. А цена там баранов: за 60 секов (кажется, годовалых баранов) за ямбу.

* * *

Еще сведения от Пулата. Цена сукну. NB. Купец Валибаев (о котором выше было сказано) купил в Москве, кажется, в прошлом году, сукно по 5 руб. асс. за аршин, а продал его (чрез своего приказщика Файзуллу) в Чугучаке по $5^{1}/_{2}$ дабы за аршин (по той же цене, по которой я продал Мазиритское Рыбинкова сукно, стоившее в Москве 6 руб. 40 коп. аршин).

К истории и механизму. Торг в Чугучаке дозволен от кит[айско]го пр[авительст]ва, собственно, одним киргизам (а русским и татарам не позволен); даже, по словам Пулата, и ташкентцам не дозволен (последнее — должно быть вздор, ибо сам амбань мне говорил, что в Чугучаке торг с их стороны позволен законно аньджанам).

NB. Замечательно, что амбань употребил слово аньджан, а не сарт (коим обыкновенно называют всех ташкентцев, коканцев и бухарцев; это именно для того, чтобы указать на одних ташкент-
15 цев и коканцев. || Пошлины с них, киргизов, по словам Пулата, никакой не положено (это должно быть верно), а все что взимают в таможне с товара и скота — незаконно.

С киргизов, впрочем, и теперь не берут. Так, напр[имер]: с киргизов, подведомственных султану Доломбаю (где живет Пулат) ничего не берут. Его именем (султана) пользуются иногда купцы, проживающие, или останавливающиеся в его аулах, т. е. выдают свой скот за его (с его согласия и, вероятно, не даром) и посылают с киргизами или сами пригоняют в Чугучак.

Пулат рассказывал один замечательный случай: лет с 10-ть тому назад отобрали у одного бухарца в Чугучаке всю привезенную им туда для промена мерлушку (отняли в казну, как незаконную, ибо привезена была бухарцем), а ее было на 140 т. руб.

Султан Доломбай, по просьбе купца, вступился в это дело и подал в Кульдже джанжуну жалобу, объявив, что мерлушка эта была его. Дело пошло в Пекин, и по повелению самого богдо-хана велено было отдать ему серебром вдвое против того, что стоила мерлушка. Таким образом, Доломбай получил 280 т., из коих половину отдал купцу, а другую, с его согласия, взял себе.

По словам Пулата, с баранов в Чугучаке берется (если пригоняют посторонние купцы) с 10 штук одного (берется незаконно), т. е. 10 со 100. Это противоречит, однако тому, что говорил в Чугучаке мулла-таранчи. По его словам, взяли с него в прошлом году, кажется, 5 баранов со 100, а требовали 10. А с татарина (что выше записано) взяли по 1 барану с 20. Это тоже выходит 5 баранов со 100. Этот побор, как говорят, введен по внушению Мамиджана, и, разумеется, он есть самопроизвольный (без всякого разрешения от высшего кит[айско]го пр[авительст]ва). Прежде ничего почти не брали со скота или сущую безделицу. P. S. Киргизец (мурза и купец), что был с султаном Усманом, говорил однако же, что и прежде также брали с татар и проч., может быть только поменьше. А с киргизов, по его словам, ничего не положено брать, но тем не менее, на дунчи (таможенных служителей) и проч. с них тоже сходит по 5 баранов со 100 (это немного).

15 об. || **К истории и механизму.** Весь сбор с приезжих иностранных купцов в Чугучаке (с товаров их) идет, по словам Пулата, в карманы амбаня.

Законная же пошлина — собственно с китайских купцов — с товаров и со скота ими вымениваемого. Эта пошлина со скота, по словам Пулата,— $1^1/_2$ мыскала с барана (с китайских купцов), [а в мыскале 74 и 75 ермаков].

Баран теперь стоит в Чугучаке $2^1/_2$ дабы, осенью бывает дороже.

* * *

Шарафи (Шарафетдин) — один из купцов наших казанских татар, проживающий в Семипалатинске и теперь едущий тоже в Кульджу, говорил и рассчитывал, что порядочную нанку (один из главных товаров, идущих здесь в китайскую торговлю) не выгодно отдавать на чай по цене теперь на нее существующей в Чугучаке., т. е. по 11 даб *[1] за штуку (за 40 аршин), что составит 14 штук за ящик чая.

Расчет его следующий:

NB. Надобно подобный же расчет сделать и на сукно (и на плис и вообще на главные товары).

16 || **NB. Расчет, дешево ли обходятся нам кит[айские] товары (выводы о выгодности мены).** Расчет по промену нанки на чай в Чугучаке. Расценивая нанку в 11 даб, на нее можно получить за 14

*[1] За хорошую нанку в Чугучаке дают $11^1/_2$ даб. За урусовскую можно даже, я думаю, и 12 даб получить чаем.

штук 1 ящик чая в 80 ф. ценою на товар — в 154 дабы (это байховый, черный, несомненно, высокой доброты; лучший черный продавался при мне 160 и 165 даб на товар). А 14 штук нанки стоят с провозом и прочими издержками:

Самая нанка — 35 коп. асс. за аршин *[2] (по этой цене была куплена Шарафием в Нижнем; нанка эта фабрики, кажется, Крестовникова). В куске было 43 аршина, следст[вен]но, кусок обошелся в 14 руб. 25 коп., а за 14 кусков — 199 руб. 50 коп. асс.

Провоз от Нижнего до Семипалатинска: в 14 кусках весу 2 пуда *[3]. Цена же за провоз от Нижнего до Семипалатинска 8 руб. 30 коп. асс. с пуда. За 2 же пуда — 16 руб. 60 коп.

NB. Можно от Нижнего класть 8 руб. с пуда, а от Ирбита — 3 руб.

Провоз от Семипалатинска до Чугучака по $1^1/_2$ с пуда — 3 руб. Итого — 219 руб. 10 коп. асс.

Да проценты на эту сумму за два года по 12% [ибо подобным торговцам дешевле не дают, и по малости собственных капиталов они все торгуют в долг; на два же года тут рассчитывается потому, что оборот по торговле с Кульджою при нынешнем ее положении иначе не может совершиться как в два года, т. е. выручка (на купленный, например, в Нижнем рус[ский] товар) китайского товара и продажа последнего в Нижнем же или в Ирбите]; проценты на два года составляют слишком 48 руб. асс. Даже полагая за один год по 6% и тут выйдет слишком 24 руб.

Наконец, надобно еще принять в расчет расходы другие: корм работников, свой, переезды и еда и проч. На это полагается 10 коп. на рубль — 25 руб. Всего — 268 руб.

16 об. || Таким образом, 14 кусков нанки, требуемых китайским купцам за ящик чая, обходятся русскому купцу с доставкою и некоторыми другими расходами в 268 руб. асс. (Шарафи признался, что тут кое-что преувеличено, но что в сущности можно положить 240 р. асс.).

Теперь, чтобы вывести окончательное заключение, надобно расчесть во что, таким образом, чай придется с доставкою его до Нижнего или хоть до Казани *[4] с пошлиною и прочими расходами и почем можно продать его: ящик черного чая в 80 ф. (оцененный на товар в 154 дабы) стоит при самой вымене его на 14 кусков нанки уже 268 руб. асс.

На защитку его одна кожа, стоящая в Чугучаке 2 дабы, или 4 р. За доставку до Семипалатинска, считая в ящике 80 ф., с ящиком и защиткою 3 пуда, а за пуд по $1^1/_4$ дабы, следственно, $3^3/_4$ дабы — 7 руб. 50 коп.

---

*[2] Моя заплачена была в Москве 39 коп. асс. за аршин (нанка фабр[ики] Урусова). У Шарафи есть и в 29 коп. (И не совсем дурная).

*[3] В 40 кусках всегда бывает — 5 пуд. 35 ф.

*[4] С доставкой до Казани, а не до Ирбита, потому что о продаже в Ирбите и думать нечего: там чугучакский чай по 300 и по 325 руб. асс. ящик.

Пошлина за 80 ф. по 60 коп. сер.; 48 руб. сер. или 168 руб. асс. Еще какие-то карантинные (?) с руб. 1 коп., да за бумагу 2 руб. Доставка до Казани (за 3 пуда) и то, считая зимою (а летом 8 руб. с пуда) — по 5 руб. асс. с пуда — 15 руб. Итого — 464 руб. 50 коп.

Да еще свой провоз. Так что, меньше нельзя продавать этот чай (чтобы продавать без убытка) как за 500 руб. асс. А в Ирбите он стоит 325 руб. асс.

Даже, если полагать, что ящик чая обошелся в Чугучаке не в 268 (что несколько преувеличено), а в 240 руб. (чего стоит по малой мере 14 кусков нанки с доставкою),— то и тут выйдет, что чай этот стоит 436 руб. асс.*[5]

В Ирбите его, следственно, продавать невозможно. Да и в Казани 500 руб. цена просимая.

Шарафи в прошлом году купил в Ирбите несколько ящиков чая по 300 руб. асс. за ящик, в 90 ф. и продал потом в Казани по 400 руб. асс. (и у Самсонова в Ирбите купил по 300 же руб.). Чай этот был не очень добротный, но зато в 90 ф. ящик. Чтобы было сколько-нибудь выгодно, надобно бы, как говорил Шарафи,— брать ящик чая не за 14 куск[ов], а за 10-ть кусков нанки. (Прежде он брал за 16 куск[ов] нанки ямбу, а на ямбу 2 ящ[ика] чая).

Для расчета подобного же на сукно надобно заметить, что в 9-ти половинках сукна, не кяхтинского, т. е. не широкого (и мерою в 21 арш[ин] в половинке),— полагается $5^1/_2$ пуда. А в широком выйдет в 2-х половинках $1^1/_2$ пуда.

Шарафию раз удалось продать (кажется, в прошлом году) 15 арш[ин] кяхтинского широкого сукна (купленного за 150 руб. асс. половинка) за ящик чая. Чай этот ценою был в 110 даб.

17 об. || **Торг в степи.** Шарафи теперь у кызаевцев. Теперь выменивает баранов: за 2 арш[ина] дрян[ного] верверета (который стоит 70 коп. асс. аршин) берет 1-го барана.

Таким образом, баран ему обходится в 1 руб. 40 коп. асс.

P. S. Впрочем, это известие было преувеличено: татарин-приказщик, что у меня гостил, сказывал, что Шарафи за $4^1/_2$ ар. плиса берет 1 барана *[6].

Сведения от татарина (уроженца Касимовского, Тухвейтуллы, живущего уже 15 лет у кызаевцев и производящего в степи торговлю):

Пикет наш не на Лепсе, а еще далее, и именно: на Баскане у Садырмытаевцев. Это значит, на Семи-роках. Тата-

---

*[5] И нанку надо не в ... дабы класть кусок, а в $11^1/_2$ дабы; след[ственн]о, можно за 15 кус[ков] получ[ить] чай не в 154 р. а в 160 дабы.

*[6] Говорили, однако, что (по известию это теперь опровергается, Шарафи за полосатый верверет в 70 коп. асс. берет барана). Татарин же приказщик сказывал, что нанку он, Шарафи отдает 10 арш. за барана, ситца — 11 арш., юфтовую кожу — за 4 бар[ана], красное сукно 1 арш. за 2 барана, обыкновенного сукна 1 арш. за 1 барана и серкеша. Серкеш — второго года козленок.

рин этот недавно, как он говорит,— с С е м и - р е к, и именно с этих мест. Даже Лепса — уже в Семи-реках. Эти места на Семи-реках считаются в наших владениях: «Садырмытаевцы, как выразился татарин,— русские подданные».— Там совершенно безопасно, и небезопасно у юсунцев (исинцы), которые гораздо далее (по Иле) и которые, как говорит татарин, не наши подданные.

Отряд на Баскане стоит только летом; теперь, кажется, собирается назад. Посылаются же из Аягуза. Садырмытаевцы — в ведении Аягузского приказа.

Опиум. По словам того же татарина Тухвейтуллы (весьма верным), о п и у м теперь (г о в н о, как он выразился,— и это выражение общепринятое) — стоит в Кульдже: 1 пуд 6½ ямб. Недавно, как он сказывал, один казанский купец, по имени Рахметулла, которого он встретил на Семи-реках, продал именно по этой цене пудов с 6-ть опиума и продал на чистые деньги, т. е. на серебро.

Цена на скот. На Семи-реках покупают теперь баранов: 6 секов (молодых) за ямбу; а больших баранов — 40 на ямбу.

40 || **30 июня.** В аулах таминцев променено:

1) Жене Турсунбая 10 арш. ситца за одну синюю дабу и 2 кирпича чая.

Если дабу оценить в 2 руб. 50 коп., а кирпич здесь в степи в 1 руб. 25 коп. (в С[емипалатинс]ке он продается по 1 руб. 50 коп.), то выручено за 10 арш. ситцу 5 руб. асс. (по 50 коп. асс. за аршин)[*7].

2) Купцу-татарину там же променено 12 арш. ситцу за 2 куска ташкентской выбойки (в каждом по 18 арш.).

В Семипал[атинске] кусок выбойки этой стоит 3 руб. 50 коп. асс., а в Чугучаке — 1½ дабы. (Следст[вен]но, 3 руб. асс.). По этому расчету 12 арш. ситцу продано за 6 руб. асс. по чугучакской цене, т. е. по 50-ти же коп. асс. за аршин.

Говорят, что нанка в Чугучаке теперь меняется по 11½ дабы за кусок.

42 **Сказать в О[мске] и в Москве.**

1. О пользе постоян[но]го наблюд[ательно]го пикета на Алакуле, на Каратале и у дикокаменных киргизов; в двух по 50 человек, а у дикокаменных киргизов — 100 человек. Тогда торговые пути совершенно обезопасились бы, и можно бы в Кашкарию идти.

На Каратале 50 человек держали бы в повиновении и Рустема и прочих и положили бы конец теперешним беспорядкам, которые таковы, что купцы в Больш[ую] орду и не ходят (караваны).

Отряд на Алакуле был отлично полезен против кызайцев и байжигитцев. А у дикокам[енны]х содержание отряда — в видах обезопасен[и]я пути в Кашкарию.

Китайцы, по словам купцов и Нюхалова, еще рады будут и

[*7] За 110 кирпичей (за ящик) чая дается в Чугучаке 65 даб. С кирпича пошлины 30 коп. асс.

ничего не посмеют сказать. И каратальская прежняя история не удалась по глупости толмача Лобанова (пьяница), который перепугал кит[айско]го амбаня.

NB. Если у дико[каменны]х учредить еще не время, то хоть бы на Каратале и Алакуле. Купеч[ест]во будет прославлять его (князя), как теперь прославляет Сиванкула.

2. **О Барак-султане** (сделать бы его старшим в Аягуз[ском] округе), он хоть молод, но толков; начальство, впроч[ем], его не жалует по сперешении баранты с байжигит[цам]и и проч. суть, вероятно, плоды неуменья и глупости и а л ч н о с т и теперешнего старш[е]го султана.

42 об. Казаки в экспе||дицию идут как на ловлю, общая у всех радость. Я сам был свид[етеле]м в Аягузе.— Слова Нюхал[о]ва (содрать по шкурке).

3. **Нюхалов слаб.** Казаки распущены, озорничают. Сам он им говорит: воруй, да не попадайся.

Близь пикетов по тракту — даже нигде ни юрты (по всей дороге). Примеры их алчности у меня записанные. Надобно бы начальников над казак[а]ми в округах иметь линейных офицеров (кавалеристов).

4. Оградить киргизов от произвольного взятия от них подвод. Давать едущим действительно по казен[ной] надобности от приказов род ярлыка или билетов, в котором бы выставлять число лошадей (нужных для переезда) по-русски и татарски.

5. Нужно бы киргизов успокаивать. А то паче всего боятся п о с л е д с т в и й, т. е. что с ними будет впереди. Теперешнее положение их, хотя незавидное, но оно еще ничего, и они бы легко ему покорились, если бы не боялись будущности. Эта мысль, (поддерживаемая нелепыми слухами между ними, распускаемыми всякою дрянью), постоянно их занимает и тревожит. Думают, что и солдатчина у них будет, и бог знает что.

6. Напрасно мы как бы признаем Тарбагатай границею между Рос[сией] и Кит[ае]м, боясь всяких действий на той стороне и даже всяких туда посылок. Там кочуют наши киргизы (особенно зимою). Таминцы и даже часть мурунцев и еще другие, и неоднократно бывали там наши казаки. А в 1840 году целый отряд в 20-ти верст[а]х от Чугучака и в 2-х — от кит[айски]х пикетов.

Пикеты китайские — вот настоящая для нас граница. А мы боялись даже послать в 1838 году горную экспедицию в Тарбагатай (по донес[ения]м Карелина).

Из видов приобретения лишних земель и лишних подданных
43 (и получений лишнего ясака), конечно, не следует || простирать далее нашу границу, но н у ж н о это из видов торговли, особенно, если в Чугучаке усилится торговля (как по всему этого должно ожидать), и особенно, если он будет разменным пунктом. Тогда Чугучак будет в роде Маймочина, а подле может быть новая Кяхта.

NB. Надобно, непременно, и байжигитцев, и дортоульцев (что почти одно же) признать своими, употребив для этого ласки и проч. Кажется, они сами уже домогались. К тому же их теснят наши отовсюду. Если им обещать спокойствие, защиту, хорошие зимовки, и приласкать султанов, то сейчас все объявят себя рус[ски]ми подд[анны]ми.

7. Надобно отдать честь в этом отношении сибирскому начальству, что владычество наше в Средней Орде удивительно как прочно (даже в местах отдаленных). Посылают каких-нибудь 20 казаков к отдаленным родам с разными требованиями, и все им повинуются и делают всякого рода удовлетвор[ени]я, когда даже и не следует. (Рассказать историю байжигитцев, и что готовы сделать всякое удовлетвор[ени]е, не чувствуя себя ни в чем виноватыми).

8. Строже смотреть бы за опиумом, это было бы выгодно для самой торговли, т. е. для уменьшения цен на чай при вымене их от кит[айце]в. (Рассказать, что записано).

9. О Сабеке и неудовольствии его, что не его выбрали в султ[аны]-прав[ители] в Кокбектинский округ, а Кисека, и о готовности его вступить в рус[ское] под[данст]во (о пользе сего). См.: о Сабеке сведения, получ[енны]е от казака в Чугучаке.

10. О Джайтюбе и пользе иметь тут пикет.

11. Мамиджана удалить бы из Чугучака; вредит торговле (все поборы со стороны китайцев — от него). Он много дарит в Аягузе и погранич[но]му начальству.

12. О дурном впечатлении, производ[имо]м поступками казаков на соседних к нам киргизов (даже на байгах вольничают; все это пересказывается чуж[и]м киргизам).

13. О намерении Доломбая ехать в СП[б] (не останавливать
43 об. бы) || Дуртоульцы (туртоульцы), кочующие с байжигитцами, прежде были большие воры (при Сиванкуле); теперь смирные.

Сасан-бий одного из отделений байжигитцев, и человек между ними влиятельный.

NB. В Москве познакомиться с Усачевым и показать ему образцы байх[овы]х чаев и фу-чая *[8] и спросить, не хочет ли купить, и о цене их.

NB. Показать мускус и ревень аптекарям.

В Москве же. О цене ревеня спросить (и справиться у себя почем казне обходится) и о цене мускуса.

То же о цене шелка-сырца и индиго.

NB. О мускусе у аптекарей спросить о цене (вообще и о цене моего мускуса, показав образцы). И для аптеки ли только идет или еще для чего? и в большом ли колич[ест]ве требуется и откуда получается?

Тоже ревень показать аптекарю, а о цене спросить купца.

---

*[8] О фу-чае и джейняке попросить его пособия распростр[анения] в народе, пур-чай показать и джейняка. (Фу-чай — смешанный чай).

Путевой журнал. Тетрадь 6-я с 10-го сентября по 17-ое сентября

Продолжение (странички три)— в предыдущей 5-й тетради, а затем дальнейшее продолжение в тетради 2-й.

Тут же сведения о дорогах и проч., отобранные от толстого дзангина Западных сунитов.

Тут же (в конце): о том что нужно сообщить в Питер.

1 || **О дорогах.** Миссия от Урги сначала обыкновенно идет по
Дарканской дороге (Даркан-дзам), или большой торговой; она
торная и битая; по ней идут все товары от Урги в Калган. Берет
свое название от горы Даркана. За сею горою чрез несколько стан-
ций (или на другой же?) нас заставляют сворачивать с большой
дороги и ведут по каким-то проселочным дорогам, по которым езда
большей частью на одних верблюдах, так что и дороги не видно.
Первая из этих дорог, на которую сворачивают от торговой или
Дарканской, называется Аргальскою, от горы или хребта Аргали,
который отделяет кочевья Халхасов от Сунитов и который нахо-
дится уже почти в конце этого тракта. За сим хребтом чрез стан-
ции три (а может быть, начиная от оного) дорога эта получает
название Баткайской (или Батмайской).

Баткай-дзам, от станции сего имени, находящейся на весьма
1 об. выгодном месте, || горы [с] несколькими озерами. Баткай-дзам
идет до станции Олон-кудук, даже подалее; за сею станцией мы
сворачиваем уже на другую дорогу, называемую Ганчай-дзам: а
Баткайская пойдет уже на юго-восток на Долоннору. С Ганчай-
ской дороги потом съезжаем на Нарим-дзам или проселочную.
(Нарим значит проселок) [где съезжаем?], по которой, проехав
немного,— уже выезжаем опять на торговый большой тракт (тот
же, что Дарканский), который тут называется Гунчудзам и по
которому доезжаем до Калгана. Вот пути следования миссий в пе-
редний конец. Назад же идет сначала по Гунчудзаму, а потом по
тракту, который западнее, и все означенные дороги, а также и
Дарханская остаются на востоке. Миссия выезжает на прежний
тракт уже под самою Ургою, подъезжая к горе Хан-Уле, которая
2 у самой Урги. || Этот путь (обратный) удобнее, нежели передний;
нет таких песков и воды достаточно. Но самый удобный путь, по
рассказам всех монголов,— есть путь, по которому идут их товары,
следующие на телегах, а именно: Даркан-дзам, с которого
послы выезжают на Гунчудзам, Дзангин, провожавший нас по ве-
домству Западных сунитов и который езжал по всем этим доро-
гам, говорит, что по этому пути, как торговому — дорога везде
уезженная и укатанная; воды также везде достаточно, и сверх то-
го по ней 2-мя днями можно скорее приехать, нежели по той до-
роге, по которой миссия обыкновенно возвращается (от Гунчудза-
ма, если ехать в Ургу, ведут три дороги: одна Дарканская и две
другие западнее (миссия идет по одной из последних); все эти три
дороги потом сходятся у горы Хан-Улы, под Ургою).

2 об. || По этой же дороге (Дарканской и Гунчудзамской), как удобнейшей, возвращался ургинский хутухта, бывший прошлого года в Пекине. В передний путь (не в задний ли?) он ехал па Долоннор, и потому должны были взять восточнее. Тогда для него исправили все колодцы, и теперь они, по словам Дзангина, по всему торговому тракту с хорошей водой.

Выходит, по словам Дзангина, что торговый тракт во всех отношениях есть самый удобнейший для следования миссий.

* * *

Товары китайские, т. е. чай байховый и кирпичный, перевозятся в Ургу и на Кяхту двумя способами — на двухколесных телегах или одноколках, везомые быками и на верблюдах. Первым способом везут летом, начиная с июля (и ранее) и до глубокой осени; а вторым — начиная с конца октября и до февраля и апреля. На телегах быками везут всегда по торгов[ому] тракту, как
3 || удобнейшему, и который однако же можно, по справедл[ивости] назвать большою дорогою; а на верблюдах — где попало и по торговому и восточнее, где проезжает миссия в передний путь, и по другим еще дорогам. Эти последние пути известны только по урочищам и горам, и кочевьям, а собст[венно] дороги почти нигде не видны. На верблюдах возят глуб[окой] осенью и зимою, потому что это время для них удобнейшее. Летом они скоро босеют (как выраж[аются] наши сибиряки), т. е. натирают свои ноги по песку и дресве, а зимою им идти легче, зато тогда на быках в телегах труднее. Перевозкою на верблюдах занимаются монголы, а быками на телегах — китайцы.

Монголы берут с верблюда, на которого обыкнов[енно] навьючивают по 300 гинов (на наш вес 10 пудов) чая, от Калгана до Урги в нынешнее время ланы $4^1/_2$ и 5-ть, 6-ть, а до Кяхты от 7 до
3 об. 8 лан. || Вообще, теперь цена за перевозку упала. Прежде же брали от 16 до 18 лан до Кяхты.

Я спросил, от чего так понизилась цена?— От большого соперничества: прежде многие из монголов занимались также перевозкой из здешних мест соли в Калган, Хукунор, Долоннор (и еще какой-то город), что доставляло им значит[ельную] прибыль; соль они с выгодою променивали на хлеб или продавали на деньги. Но теперь, в послед[ние] годы, в этих местах все как-то бывают неурожаи, хлеба в сравнении с прежними годами меньше; хлеба дороже, и от этого монголы уже не находят столь выгодным заниматься соляным промыслом, а все почти кинулись в перевозку товаров, находя это более выгодным. Цена на последнюю операцию от этого также понизилась.

На быках в телегах подряжаются обыкновенно китайцы, жи-
4 вущие в Калгане и окрест[ных] местах и за||нимающиеся сим извозом. Они покупают быков большею частью у халхасов, а пасут их у цахаров. Берут же за перевозку с каждой одноколки, на которую

кладут не более 360 гинов, ... мест ланы до Урги и ... до Кяхты.

От Калгана до Пек[ина] обыкновенно возят или на верблюдах же, тем ... также заним[аются] монгольцы, или на мулах и берут по краткости пути с верблюда или 300 гинов 3 лана и менее, а с мула... по одной ланы и менее.

Цена на серебро с некот[орого] времени значит[ельно] повысилась. Прежде на лану давали 1600 чохов, а ныне всего 1100 чохов. (Причиною будто-бы также неурожаи). Стало так возвышаться с 1836 года.

Место кирпичного чая стоит в Калгане $4^1/_2$ лана; в Урге — 5 и 6 лан, а в Кяхте — 8.

4 об. || В ведомстве давана или в кочевьях монголов, что между цахарами и халхасами, всего 10 кошунов, из них 2 Сунитов (1 Восточ[ны]х, другой Запад[ны]х, 4 Абагаев, 2 ... и 2 ...

В хошуне Восточ[ных] сунитск[их племен] 20 рот, в хошуне Западных — 18 рот; у абагаев в одном 13 рот, в другом 7; а в двух по 5; в хошунах прочих сунитов не помнит сколько.

NB — Но всех вообще рот в 10 хошунах считается 108. Некоторые роты в 150 челов., другие из 100 и даже менее. Вообще же всего хошунского войска (людей в ротах) до 20 т. человек. А сколько народонаселения — неизвестно: в иной роте по семьям можно сказать 800 человек, в другой гораздо более. У Западных сунитов, где 13 рот, по мнению Дзангина, будет душ до 10 т., а у Восточных — более.

5 || Хошунское войско или ротное,— относит службу по кордонам, также по почтам между Кобдо, Ургою и Улясутаем. Это главная их повинность, затем много бывает поборов на содержание кумирень в Пекине; с человека, у которого до 1000 штук скота какого бы ни было, берут до 20 лан в год. Это ужасно их отягощает. Вероятно, тут и злоупотреблений гибель. Кроме того посылают лошадей в дар богдыхану.

Затем еще у монголов сих кроме рот есть особое войско, более уже на военный манер образованное (то в роде земского войска, а это уже как бы линейное); его всего навсего 2 т. во всем ведомстве 10 хошунов; корпус этот двухтысячный, набран из всех хошунов по 18 человек молод[ых] и дюжих из каждой большой роты (где 150 человек), а из малых (где 100 и менее) по 9 человек. Это
5 об. войско устроено на случай каких-либо воен||ных действий. Оно также употребляется в кордонную службу, так как другой не имеет. Это войско имеет свое особое управление. Начальник его джанджунь, под ним дзахорокчий, а там дзангины. Джанджунь назнач[ает]ся из монголов же, обыкнов[енно] из дзасаков, по повел[ению] богдыхана; и он по званию дзасак подчинен джулган дарга, а по званию джанджуня нисколько и прямо спосится с трибуналом.

Все же роты и хошуны под ведением двух джулгидаргов, из коих один старший, имеющий титул дахана и кочующий в хош[унах] Восточ[ны]х сунитов, другой младший, так же имеет титул дахана и кочует в Абагаяне.

6 || В делах поважнее они сносятся и совету[ют]ся друг с другом, но с Триб[уналом] сносится старший даван. В канцелярии его до 10 человек. Управляет ею попеременно один из хошунских тусулакчиев (или дзахорокчиев). В хош[унах] обыкновенно (в больших) два дзахор[окчиев], два тус[улакчиев], 2 мейрни, 2 дзалан и несколько дзангинов. У дзахор[окчиев] у каждого в вед[ении] несколько рот. Майрны его помощники. Тусул[акчи] заним[ает]ся по хошуну разбором всяких дел и следствий, дзалан его помощник.

7 об. || 10-го сентября переезд со станции Шарабудургана на Дурну. Самый труднейший из всех, и действительно, превзошел даже все наши ожидания. Такие пески, что ни в сказках сказать, ни пером описать. Целые горы песчаные, бугры, через которые следовало переезжать. Вообще эта станция еще сделалась вреднее, нежели когда-нибудь: в последние несколько лет по песчаным буграм чрезвыч[айно] мало родились травы, (которые в этих местах родятся). От этого при ветрах легче песку подыматься и наноситься глыбами. Перед нашими глазами почти на всяком шагу были глыбы свежего песку наносного, на котором ни былинки травы не было.

Для переезда приняты были следующие меры: многие возы (почти все) были по возможности облегчены; все, что снято, навьючено на верблюдах. Всего пошло 46 верблюдов, из них 6 монгольских вместо обыкновенного числа. В повозки было запряжено в большую часть по 4 лошади (кажется, в одни тарантасы), в коляску — 6 мешков. Все члены, даже о. архимандрит — верхами. Но эти меры оказались недостаточными, ибо пески просто поразили всех и каждого. На нашу беду обозы повели сначала по кратчайшему *[1] и труднейшему пути; потом, по || невозможности
8 следовать по оному, надобно было свернуть и идти по другому — дальнейшему, и который был более проходим. Сделано верст пять крюку. Но и по этому, хотя не было таких крутых песчаных увалов, но все по глубокому песку, часто в гору, часто увалы. Обоз вышел в 5 часов, и хотя станция 25 верст, но ночь застигла еще на половине пути. Одни верблюды спокойно достигли станцию, хотя также выбились из сил. Я, как разбитой армии, принужден был, прибывши впереди на станцию, посылать Секурского. Вопервых, их ланео был в вербл[юдах], каж[ется], выпросил у станц[ионных] монгол[ов]. (Позвал старшину, сказал, что на осно-в[ании] друж[ественных] сношений они должны нам помогать, дать верблюдов. Оказалось только 6, которых и отправили. Потом из прибывших наших послано 12 (18). Затем вечером я сам отправился после этих распоряжений и нашел обозы разбившиеся на клочки, как рассеянная армия. Остановил, велел отдохнуть. По счастью, кое-где нашли воду и озерко для скота. Народ выбился
8 об. из силы, лошади тоже, хотя в иных возах несколько || раз переменяли. Ночь подкрепила силы всех и каждого. Особенно верблю-

*[1] *На полях:* Табуны гнали с обозом для перемены усталых лошадей.

ды выслужили службу. С вечера было отправлено от обоза из прибывших на помощь 14, (котор[ые] значит[ельно] облегчали тяжести) (и еще прежние 6?); затем, по моему же распоряжению, еще было послано 8 верблюдов наших с монгольскими кошами.

Монгольцы вообще помогали. Отряжено с их стороны 10 человек, кроме бывших при обозе 18-ти. Вечером сам ездил, ночевка с казаками, кирпичный чай, сухари, монгольцы, забежавшие и, как собаки, сидящие вокруг огня и ожидающие подачки. Другие ночевали в разных местах, где застигла ночь. К утру все отдохнули и отправились и двинулись с новою бодростью. По счастью, была вода. (В этих песчаных местах весьма легко также добывать воду. Копнем, сделаем небольшую яму и сейчас наполняется водою. Некоторые пробавлялись подобною).

11-го утром осмотр всего обоза, по повозкам разорванного. От повозок до самой задней части обоза было верст 6-ть. В промежутках также в двух местах были воза. Верблюды еще облегчали. Встреча с дзангином и тайдзием. Уехал, успокоенный.

Повозки дошли благополучно довольно рано. Но одноколки с
тяжестями довольно боролись еще с песками и песчан[ыми] ува-
лами, которые были впереди и, особенно, подъезжая уже к стан-
ции. Передовая часть их пришла среди дня, а остальная уже под
вечер, когда стало смеркаться. Все обрадовались. Радостные во-
9 склицания, как будто после избавления от бед и напастей. || (Иван
Аким[ович] Менду!..). Один из монгольских верблюдов пал. Платы
за него, однако, не потребовали.

Все утомились, по чарке вина выпили. На другой день предложена дневка. Объявлено биткенши.

12 сентября. Дневка. На станции Дурма есть озеро в версте или двух расстояния с хорошею для скота водою. Так же несколько колодцев с пресною водою. Вид, однако, пустынный. Впереди песчаные горы, наши юрты также на песку.

NB. На пространстве от Шарабудургана до Дурмы, по всем
этим пескам мы встречали там и сям юрты. Бог знает, чем пита-
ются. Между горами и песчаными увалами и холмами есть кое-
где небольшие прогалинки, с травкою и небольшею зеленью. Тут
иногда встречали какую-нибудь бедную юрту. Инде и на самых
песках по высотам. На песках также есть особого рода трава,
кустиками кое-где и так называемая суло, которою и пробав-
лялся весь наш скот во все время переезда через сию песча-
ную пустыню. Вообще жизнь самая бедная. Вот бы позвать
Жан-Жака Руссо. Юртышки, большая часть в роде шалашей.
Из скота более верблюды, хотя есть кое-где и рогатый скот,
но чрезвыч[айно] мало. (Хотя во всех сунитах мало). Ночью
(когда ночевали на дороге, в песках слышны были там и сям
9 об. лай собаки) кое-где светились в юртах огоньки (в виде маяка,
на песчаных буграх). В одном месте, как ехал еще в первый
раз, утром по дороге на склоне песчаных высоких бугров видел
два одинокие деревца (должно быть тальники); неподалеку юрты.

В одну заехали наши члены, попросить кирпич[ного] чая, который во всякой юрте. Им дали нечто вроде помой. NB. На этих песках растет еще особого рода трава, которую называют... Она колючая в виде... и кустообразна; на верхушке, когда созревает (именно в это время как мы проезжали) есть семечки наподобие конопли, а семечки в виде проса. Эту траву жители собирают и употребляют в пищу, перекладывая к чаю (и уваривая с бараниной), и просто в воде вареною. Трава эта иначе не растет, как на больших песках. Прежде ее не встречали (хотя и попадались инде пески) и после только на следующей станции в малом количестве, так как эта станция еще песчаная. Мы видели в переезде чрез песчаное пространство в разных местах кучи собранной травы этой; накладываются небольшими связками в виде снопов. В это время она совсем поспела (пожелтела и побелела и стала сохнуть) и жители запасались ею на зиму. Мы взяли и растение и даже семечек. Вещь весьма невкусная, и только от нужды можно употреблять такую дрянь в пищу.

Мы спрашивали монголов, нас сопровождающих, и которые из других мест, как можно жить в этом песчаном царстве и как скот может существовать тут. Они сказали, что и люди и скот так к оным привыкли, родившись и выросши на оных, что первым на других [местах] скучно, второй начинает худеть от другой, лучшей даже травы. Говорили также, что между обитателями сих страшных мест есть даже зажиточные люди, у которых довольно много скота (именно такого, которого можно содержать тут). Зимою
10 они терпят большие холода от этих же самых песков, ко||торые, летом, раскаляясь, их жарят, а зимою холодно именно от этой же причины, т. е. пески, промерзая, охлаждают температуру еще более. В юртах холодно и проч.

Вообще удивительно и непостижимо, как можно жить тут. Это лучше доказательство, что человек везде может ужиться. Об сую, которой здесь также довольно, стоит также сказать два слова: она имеет подобие нашей осоки, только острее. «Мнение об ней такое, что она чрезвычайно вредна для скота и в особенности для лошадей»,— так пишет Тимк[овский] в своем путешествии. Но, кажется, что этот вред преувеличен. По крайней мере летом и в начале осени она не столь гибельна. Наш скот несколько станций почти ею одной питался и никаких особенно вредных последствий не было; только лошадей 5 из всего табуна немного ослабли (понос); но вообще она не питательна. Все лошади наши при переезде через Западных сунитов, где наиболее этой травы и наименее прочей — весьма похудели; что касается до монгольского скота, то на него она нисколько вредно не действует, и он от нее не худеет. Монгольцы вообще не находят ее вредною и говорят, что только весною она иногда производит дурные последствия и то не сама по себе, а оттого, что, имея в это время года слабый еще корень, выдергивается лошадьми и прочим скотом вместе с корнем и, следственно, с песком, отчего желудок засаривается, и лошади иногда стра-

дают; во всякое же другое время — нисколько. Известно, что на скот предшествовавших миссий она вреднее действовала, нежели нынешний; вероятно, что потому, что прежние миссии переезжали эти места гораздо позднее (уже в конце октября или в ноябре);
10 об. трава в это || время может быть грубее, а скот был, вероятно, слабее, идучи в самое неблагоприятное для него время.

Станция Дурма стоит в песках и в дарасу, т. е. кругом с разных сторон пески инде горами, как оскалив зубы; а подле на ложбине дарасу весьма высокая.

13-е сентября. Хотели было рано выехать, но еще раньше пошел снег. Утром, как проснулись, все было покрыто снегом, который не переставал идти. Погода вообще сквернейшая. Мы решились еще продневать. Биткенши не сделал ни малейшего затруднения. Впрочем, мы в подоб[ных] случаях о наших намерениях — ехать или не ехать — только сообщали ему к сведению, действуя совершенно по собственному усмотрению, а с их стороны никогда [не было] ни малейш[их] в чем возражений. Эти господа с самого начала поставлены были на должную степень обращения. (К тому же и времена уже переменились). Еще в Урге я чрез других им объявил, что мы очень хорошо знаем, что такое биткенши и что такое бошко, и чтобы они не умничали и не зазнавались, что этим ничего не возьмут с нас и только навлекут [на] себя неудовольствие. Затем на желание их, при самом нашем приезде, изъявленное, чтобы майор к ним пожаловал для нужных переговоров о пути (иначе сказать, чтобы первый сделал им визит), я просто засмеялся и сказал, что не дождутся до света представления; следствием чего было представление их самих на другой же день ко мне. Дорогою они также дожидались по прежним примерам от меня визита, но, наконец, забыв китайскую спесь, смиренно явились в мою юрту на станции... В этих случаях я с своей стороны платил им только учтивостию и отплачивал им визит.

Нынче первый день, что снег и этакая дурная погода. А то все
11 стояли от||менные дни, хотя довольно уже прохладные. День переезда на Дурму (первый) был, впрочем, очень жаркий, что увеличивало трудности. Теперь через день после того холод и снега. И здешние места, как видно, подвержены бывают быстрым переменам, хотя, впрочем, погода вообще постоянная. Снег шел часов до 10-ти утра; потом перестал и вскоре весь растаял, а к полудню даже разгулялось. Для нашего скота, утомленного труднейшими переходами 10-го и 11-го числа, эта лишняя дневка была вовсе не лишнею, дав время нам более отдохнуть.

Наш художник воспользовался нынешним днем и нарисовал вид станции с окрестными песками.

14-го сентября. От станции Дурмы подъем довольно крутой на возвышенность, по которой далее лежит дорога, и подъем — по песку. Обозный офицер наш нашел, однако, возможность обойти его, взявши вправо. Переезд нынешний, хотя никак не может сравниться с прошедшим, но также не безтрудный: при начале пески:

дорогою также кое-где пески, и большие увалы; наш обоз все шел
стороною по полю, лавируя так, чтобы избегать больших подъемов
и песчаных мест. При конце станции версты на 3 опять песок и до-
вольно глубокий, которого миновать уже было невозможно. Впро-
чем, обоз наш дошел благополучно. У некоторых возов были за-
водные лошади, т. е. пристегнутые про запас, (пуганая ворона
куста боится); этому научили их прошедшие станции, когда они
11 об. по не||скольку раз должны были переменить лошадей, посылая
в табун, излавливая коней и мучаясь за всеми этими. Переезд ны-
нешний — добрых 20 верст.

Станция Цаколдак. После ужаснейших песков перед Дурмою
путь этот уже показался нам довольно живым. На станции есть
колодец; также для скота озеро (?) (не помню, не [из] колодца ли
поили?).

15-го сентября. Мы думали, что совсем простились с песками,
между тем, от станции при самом почти начале — песчаный и до-
вольно трудный подъем и глубокий песок; зато после уже дорога
хорошая и без песков, из которых, слава богу, выехали наконец.
Неподалеку от прежней станции, вправо от дороги (только что ми-
новав песок) есть кумирня, которую мы посетили. Весьма обшир-
ная. Два внутрен[них] двора. В ней есть и кубилган, которого в
это время не бывает. В задней части кумирни (в дальнейшем отде-
лении) происходило молебствие; мы туда — и увидели удивитель-
ную сцену. Ламы по обыкн[овению] ревели и хлопали в бубны и
дули в рога (но все это еще ничего не значит); в стороне в боку
был один из них, одет каким-то арлекином или Дон Кихотом; на
голове — старый железный шишак, в одной руке нечто вроде
копья, в другой — старая сабля; он делал необыкнов[енные] дви-
жения, махал саблею и копьем и все в одно направление — в
углубление, бывшее подле него в стене и задернутое занавескою.
12 Наконец, как бы усталый, упал в || кресло, и все ламы стали под-
падать и что-то спрашивать его тихими голосами. Мы, в свою оче-
редь, спросили, о чем они вопрошают его, и что все это значит и
все беснование.— Спрашивают его всякий о своем деле, о судь-
бе, о будущем и прочее; а лама, который в это время обуян
духом пророчества, все им предсказывает. Видно было по всему,
что это было самое грубое надуванье. Стоило только посмотреть
на рожи всех этих лам, чтобы видеть обман. Пророк также встал
и потом к нам подошел смеючись. Мы заглянули за занавеску и
увидели там черную ужасную харю, едущую на коне (конную не-
большую статую). Это злой дух, по учению буддистов... (имя).
В кумирне было накурено тибетскими свечками и еще чем-то, но
такой тяжелый запах, что едва можно было стоять. Расставлены
были всюду кумирни в виде довольно больших статуй впереди,
особенно сз[ади], (одно слово не разобрано), а по сторонам учени-
ки его; одежда в виде индийской.— Еще в шкапах, на полках ле-
жали тысячи маленьких бурханчиков все одинак[ового] вида и

формы гунсавы (того, из которого переродился ургинский кутухта, в коем витает дух его).

Устройство кумирень описать. Разделы (3). В первом (род паперти), 4 — земляных духа или хранители: ужаснейшие статуи и с ужасными рожами; один держит балалайку в руке (однострунную), другие — змею, крысу и проч., упираясь одною ногою на обезьяну. В боковых храминках по обыкновению хранятся их священ[ные] книги.

12 об. На переезде этом уже трава || изрядная; особенно после прошлых показалась даже хорошею. Доехали без особого труда, хотя был на дороге и песок (кажется, это уже последний). Следующая станция, куда прибыли, назыв[аетс]я Элесуту. Она уже в землях цахаров; граница между цахар[ами] и сунитами близь станции не доезжая.— Здесь мы расстались с сунитскими чиновниками: с тайцзием 3-ей степени, который провожал по вед[омствам] всех сунитов (обоих консулов) и с толстейшим дзангином, который сопровождал по Запад[ным] только сунитам. Они прибыли по обыкнов[ению] проститься с огромною свитою: всякими тайцзиями, кя и прочими чинами, которые нас провожали. Все они уселись кругом юрты внутри; любовались рюмками, пили с восхищением наливку и проч. Все были наделены подарками и торжество вышло с глубоч[айшим] благогов[ением]. Тайдзию и дзангину, как главным, досталось по 2 лисицы и еще сукна и стаканчик. Затем был нарисован портрет дзангина за бутылку наливки; расстались друзьями.

NB. Вообще суниты распоряжались в отношении к миссии молодецки и было за что и их отдарить и послать подарки давану: всегда было прописать людей не только при табуне, тяжестях и проч. и даже для всяких послуг (снять юрты, расставить, навьючить и проч.).

13 || Даже давали своих верблюдов; всем помогали.

NB. В Цахарах совсем не то. Во все путешествие нигде не встретили более оплошности, упущений и нерадения как с их стороны. Во-первых, в самой первой их станции (Элесуту) мы вместо 3-х юрт обыкнов[енно] расставл[яемых], нашли только две и то дряннейшие. По треб[ованию] моему явились новые чиновни[ки] (цахары): один дзангин (с синим шариком) и один кундуй — с белым; юрту, впрочем, тотчас поставили, извиняясь, что имели только предписание о двух юртах. Эта юрта также была дырявая. Мы удивит[ельно] как благодарны были за всю дорогу правит[ельст]ву нашему, снабжавшему миссию собст[венны]ми юртами. В монголь[ски]х только помещались до прибытия наших (так как все члены в повозках обык[новенно] приезжали иногда часами двумя и тремя ранее обоза и вьючных верблюдов); а потом они отдавались под кухню и казакам, а мы размещались в своих просторных и чистых.

Тимковский назыв[ает] цахаров воинственными. В них не заметно ни малейшего воинст[венного] духа. В этом отнош[ении] они точь в точь, как и прочие монголы, хотя и составл[яют] часть

войск богдыхановых, в лицах их есть сходство с китайцами. Видно, что кровь перемешана. Многие говорят по-кит[айски]; иные, особенно из чиновников, даже по-маньчжурски.

Чиновники чрезвыч[айно] подлы; дзангин и кундуй — только что вошли, сейчас на колени (чего прочие монголы не делали),
13 об. || видать, при мне не смели. Вот еще черты, общие между воинст[венными] цахарами; большая часть их вообще плуты и воры. Воровство у них на большую руку и почти общее. Пред въездом еще в их земли нас предуведомил Голда, чтобы приняли нужные меры предосторожности; вследствие чего днем разгоняли любопытных, а ночью ставили у обоза часовых. При всем этом на другой день пропала узда; еще ковшик (который отыскали у одного монгольца). Сами они говорят, что между ними из 100 человек — 50 воры, и богатейшие суть первые; у бедных похищают баранов, рогатый скот, и те для защиты себя стараются кочевать группами по нескольку юрт вместе; а жаловаться — значит дать содрать с себя послед[нюю] шкуру. Справедл[ивости] не ищи ни в ком. В них уже чувст[вует]ся вполне близость к Китаю. На одном из проездов мы вошли в юрту одного цахара, и первый вопрос его был: есть ли у нас воры? Вот именно, что у кого болит, тот о том и говорит.

Разделение их на знамена (хошуны) всего 8; в кажд[ом] по 2 т. чел. Вооружение — копье, лук и стрелы. Начальник — гучай амбань; затем — майрны, дзангины и кундуй. (Вместо джасаков...). [Два слова не разобраны] — признательная, что они помогли ей
14 завоевать Китай, причислила их к своим маньчжурским || войскам, предоставив те же права. Начальство и все простые, числящиеся в войске, получ[ают] большое содерж[ание] (сколько?). Даже простой рядовой — 12 лан в год.

Земли у них отличные (много стад богдыхановых). С первой же станции пошла славная трава и чем дальше, тем лучше.

16-го сентября. Утром новая неисправность со стороны новых цахар[ских] чиновников-господ дзангина и кундуя; вместо 20 человек всего 15 назначено, и тех не было; некоторых повезли Голду, другие разбрелись и всего оказалось человека 4, так что с верблю[юдами] уже отправили своих людей и с юртами — тоже. Им сделан выговор. Хотели [они] на след[ующей] станции все поправить и самих людей представить.

Переезд довольно большой — 30 верст. Есть довольно крупные увалы, но дорога гладкая, без песку, так что проехали без особой тягости — до следующей станции Харатологай. По дороге в разных местах паслись стада баранов самого богдыхана. В его х[озяйст]ве множество стад в разных местах цахар[ских] земель. В иных — овцы, в других — лошади, в третьих — рогат[ый] скот. Что кас[аетс]я до верблюдов богдых[ана], то они жительствуют в землях халкасов (почти на границе сунитов). В этих же местах, чрез которые лежит нынешний путь наш,— паслись стада тучных овец, и по сторонам там и сям виднелись юрты приставл[енных] к
14 об. оным пастухов||, которые все получ[ают] поряд[очное] жалов[ание]

(лан 12 в год? Впроч[ем], каж[етс]я, одни чиновники) и живут кучками по нескольку юрт вместе. Вообще места эти гораздо оживленнее, люднее, скотнее и веселее, и трава отличная — одним словом, привольные. Над пастухами есть обер пастухи и свое начальство, которое имеет в Калгане особую канцелярию или отделение в канцел[ярии] гусай амб[аня], которая подведомствен[на] как корпусу цахаров, так и всем корпус[ам] богдых[анских] разных скотин. Главные их начальники после гусай амбаня суть укариды или укарды, а под ними...

На переезде нынешнем в одном околотке 40 стад баранов и в каждом стаде 1100 овец, что составляет 44000 штук овец. Из них, по сказ[ам] пастухов, посылается ежегодно в Пек[ин] к высочайшему двору до 10 т. шт. баранов. Я спросил, для кого же это? Ужели все для кухни богдыхана. Оказалось, что для разных кухонь: во-первых, для богдыхановской, а во-вторых, что Е[го] в[еличество] изволит баранами этими иногда давать подарки своим мандаринам.

Как же посылаются эти бараны в презент от богдыхана, когда он заблагорассуд[ит] кого осчастливить ими?— Иногда живые, иногда жареные — было ответом на сей вопрос мой. От овец этих, кото-
15 рые состоят || в госуд[арственных] списках и проверяются чиновниками и ревизорами, должно быть всякий год извест[ное] число приплоду; если больше — счастье чиновников, меньше — они должны приплачивать. Еще одна отличит[ельная] черта этого овечьего, а также конного управления (насчет рогатого скота то же), что богдыхан не знает и знать не хочет никаких скотских падежей и болезней. Скот Е. в. вечен и умирать не должен. Умершие замещаются прибылями и число должно быть то же с известным приращением; а если падежи или что подобное — тогда вина чиновников приставленных, с которых все и взыскив[аетс]я и пополняется; так что богдых[ан] и с этой стор[оны] обеспечен. Лошадей иногда употреб[ляют] для войска.

Не доезжая до станции Харатологай, заметили мы следы земляного вала, едва, впрочем, заметные. У Тимковского, что он идет до Орхона, тоже подтвердил наш обоз[ный] офицер, утверждая, что там есть вал, который доходит до нашей границы. Оным, вер[оятно], некогда отдел[яло]сь влад[ение] Китая от монгольских.

17-го сентября. Дзангин и кундуй с нами сыграли удивительную и самую неистовую шутку. След[ующа]я станция — 35 верст. Наз[ывает]ся Куйтун. Кажется порядочно 35 верст. После ужасных переходов по пескам и увалам с присталым скотом. Нет они изволили из двух...

18 об. || О ценах на наши все товары в Калгане в прежнее время, чтобы сравнить с нынешними их ценами. Особенно о пушных: как цена их теперь и как прежде.

* * *

16 об. || Написать в Питер, успокоить насчет чаев, что пришли в Калган, что ожидаются: опас[ность] насчет буд[ущего] года (и насчет будущих). Написать в этом отношении все, что разведано о сухом пути (разведать и написать), т. е. что отнюдь так не опасен, если бы даже и по нем привелось везти чай в Калган, и что вообще все опасности нарочно были преувеличены нашими купцами, и дураки этому верили.

Наши купцы вместо того, чтобы получить выгоды от чайной операции, хотели на этом выехать, на распространенном страхе и из сего барыши свои получать.

NB. Вообще, в будущем донесении непременно написать о сухом пути и есть ли вероятность, что по нему придется возить чай, и если по нему, то до какой степени удобен. Прибавить, что если и не совсем удобен, то во всяком случае это временное неудобство, а потом с прекращ[ением] войны опять по морскому.

Кяхт[инское] купечество нарочно хотело рассеять более подоб[ных] опасений, чтобы испугать Россию и, пользуясь этим, (т. е. что чаям угрожает впереди неминуемая беда), содрать огромную цену.

О видах англичан Гисозиолан? менять на Фудзян. При этом объясняют, что чаи к нам идущие, хотя к англичанам пойдут, не выдерживая якобы морского пути (хотя идут же по оному до Джилийск[ого] залива), но что это возражение не может иметь места по таким-то причинам.

17 || Добавить о будущих опасностях, что если бы даже при достиж[ении] англич[ана]ми видов своих, чайная торговля перешла бы в их руки (т. е. что чаи, к нам идущие, к нам бы пошли, несмотря на то, что англ[ичане] были бы у Фудзяна именно потому, что к ним эти чаи идти не могут) — что вот кажется несомненна опасность, что они завалят весь Китай сукнами и шерст[яны]ми издел[ия]ми и решительно подорвут наши. Купцы наши думают, что англич[ане] никогда так дешево продавать не могут, как мы. Но это, кажется, вздор (?). Впрочем, отчего же до сих пор не подорвали. Подумать об этом.

15 об. || Написать еще: какое влияние произвел разрыв с Англ[ие]ю на цену сукон и всяких мануфакт[урных] изделий? Не возвысилась ли цена на них, не увеличилась ли потребность и не можем ли мы этим воспользоваться. Есть вероятность, что китайские купцы по этой причине в будущем году потребуют от нас фабричных всяких изделий в большом количестве, и что их надежда на хороший сбыт их, и что не мешало бы сообщить об этом нашим купцам к сведению, чтобы не отпускали товаров по низкой цене, а крепились бы и устаивали.

NB. Справиться в Калгане и написать в будущ[ем] донесении в Петер[бур]г: не отправлено ли сколько-нибудь чаев в Кяхту из

прежних остатков, как велики были эти остатки, сколько вообще отправлено?

NB. Не было ли новых подвозов в Калган, хотя тех чаев, что замешкали сухим путем от прошлого года, и как велики эти подвозы. (Если были подвозы, то, вероятно, от этого и вышло фальшивое сведение, сообщенное мне в Урге).

NB. Мы встречали (особенно по Даркандзаму) множество обозов, с байхов[ыми] чаями: какие это? Выходит, что отправлено же их хоть сколько-нибудь. Сколько же?

NB. Особенно узнать, есть ли надежда на получение чаев и к какому времени?

NB. А главное успокоить насчет чаев. Я уверен, что слухи об опасностях для чайн[ой] торг[овли] проникли во все слои общества, и что все боятся остаться без чая;— показать, что эта опасность теперь минимальная, и что бояться нечего, все будут с чаем.

18 || От Калг[ана] до Кяхты берут с верб[люда] от 7 до 10 лан и навьюч[ивают] на верб[люд]а до 300 гинов, что составляет полуторного чая или фамильного (цветочного), в котор[ом] 82 фунта — 4 места, а шаньсинского, в котором 55 фунт — 4 места.

Лучшая белка нерчинская (аргуньская) ныне стоит руб. 150 лучшая (их меха выдел[анные]).

Полик заплатил за свой 90 руб. (дорогой). Он же чреватистой и лапчатой, но ему же отдавали по 75 руб. хребтовый. По его словам на... [два слова не разобраны] полвоза меха или меха с... [одно слово не разобрано].

Буряты наши и русские от китайцев получают всякой материи, дабы и проч., а нашу нанку не берут, не прочна. Дабу такую мы делали, но не прочна. Нанка, однако, идет в больш[ем] колич[естве] китайцам, для монголов, так как нанка дешевле.

NB. Вывезти также всяких этих материй (даб, ланений, [?], китайки и проч.), купив в Кяхте.

Еще и бур[яты] и русские покупают от кит[айцев] дерев[янные] чашки (для бурят[ов] привозят обык[новенные], которые употребляют и монголы (для кирпич[ного] чая), а для рус[ских] особо изготовляемые (высшие).

Нанки наши же не покупают, не прочна и не выдерживают горяч[его] возд[уха], лопаются.

NB. Также вывезти всяких форм и из различ[ного] дерева.

Еще получаем мы от кит[айцев] чугун[ные] разные изделия. Тоже для образца вывезти.

Удивительно, что мы получ[аем] от них всякие предметы, кот[оры]ми могли бы завалить их, если бы только получше выделывали, но хлопочут ли наши об этом.

ДНЕВНОЙ ЖУРНАЛ 1855 г.

Февраля 9. Шарафий говорил, что хуарданцы — купцы получили письма, что маньчжуры внутри Китая возвратили все области, коими овладели инсургенты, и теперь приходят дела в порядок и спокойствие.

Февраля 11/7-е кит. Рассказ Абдраима. Чанпаны все-таки не умолкают, они снова сбираются сделать бунт и полагают начать это 15 числа (19 февраля). В городе содержат караул по-прежнему.

До открытия заговора у всех чиновников находилось в прислугах из чанпанов по два и по шесть человек, но после того их всех повыгнали.

Внутри Китая (говорил ему чинычи) — яман *[1]. Осталось вот только (показывая на ладонь своей руки, очертил кружок «О») — 500 ли *[2] до Бечжина, а прочее все взяли карахытаи. Взяты Чжаннан, Хунян, Гандун и много других — коб-коб *[3], более двадцати. А что недавно рассказывали, будто маньчжуры возвратили многие города, кроме Нанкина, то это — бейкар *[4], это говорили из ханских бумаг, то последнее нам известно от недавно приехавших из тех мест людей. Абдулла-ахун промолвился ему также, что внутри плохо. И здесь, если не придет серебра, надо ожидать худых последствий от ханбинов.

При допросах, после открытия первого заговора, спрашивали ссыльных:

— Кого рубить и колоть сделали вы эти копья и ножи?

— Хой-хоев.

— Врете. (После пыток они сознались, что приготовили для маньчжур).

Здешнее начальство подозревает и дунган, что и с их стороны принимается участие в замысле ссыльных.

В Кашгаре спокойно.

Чантуданы *[5] говорили: Цзян-цзюню пришло донесение из

---

*[1] *Яман (тюрк.)* — плохо, скверно.

*[2] *Ли* — китайская мера длины, соответствующая приблизительно 0,5 км.

*[3] *Коб-коб (тюрк.)* — много-много.

*[4] Точнее: *бекар* — неправда, ложь, выдумка.

*[5] *Чантудан* — прозвище уйгуров, данное им китайскими сановниками.

Кашгара, что коканцы взяли Акмечеть обратно, но взяли не силою оружия. Из Стамбула был посланник в Бухаре, который от имени султана предложил ханам бухарскому и кокандскому соединиться и содействовать освобождению Акмечети от русских:
1 об. сначала переговорами предложить || русскому начальнику добром выйти оттуда и уже в случае упорства употребить военные силы. Тому месяца два назад из Бухары двинут был отряд в числе двух тысяч человек и столько же из Кокана. По прибытии к Акмечети, коль скоро начальник сих войск Шадбек предложил русскому начальнику выйти из Акмечети, то он и вышел, и мусульмане вступили туда и владеют по-прежнему. Недавно приехавший из Копала сарт рассказывал в кургане *[6]. Акмечеть взята обратно от русских; в Копале об этом колотили в барабаны!

В Урумчи серебро упало в цене до 25 т. ярмаков на ямбу, до сего [времени] серебро там было по 3800 на лян, а теперь 3300. Это потому, что много скопилось серебра, а отправлять его внутрь опасно. В Кашгаре [оно] тоже подешевело: прежде за ямбу давали 1000 и 1100 тенга, а теперь 800 и не более 900 тенг. Поэтому там купцы извещают не привозить отсюда серебра. Здесь ямба, как и прежде, 154 и 155 т[енга].

Февраля 12. Рассказ Шарафия. В городе тихо. Внутри Китая (ему говорил Мафар) восстанавливается прежний порядок. Ханские дела поправляются. Кантонские купцы сделали большие пожертвования маньчжурскому правительству. Один банкир пожертвовал четыреста туманов *[7] серебром и еще сто кораблей, другой пожертвовал двести туманов (от этого будто и упало серебро в Урумчи), но о присылке сюда серебра не слышно. Только с купцов требуют прежний долг; они отозвались: нет серебра и просили, чтоб уплачивать по временам в каждый бячу. Начальство не согласно и изъявляет согласие принять ярмаками по сто пятьдесят тенга за ямбу. Неизвестно, чем [это] кончится.

2 || Наша торговля по-прежнему есть, по крайней мере, так сказать, на хлеб насущный, каждый продает в день от 2-х до 10 и от 10 до 15 сäр *[8]. Покупают китайцы и маньчжуры зерновые и нанку.

В 12 часов дулин *[9] у меня в гостях. Он спрашивал: «Получил ли я письмо от консула, посланное с ним из Хоргоса?»

— Получил.

— Что пишет?

— Пишет, что приехал хорошо и рано.

— Консул нима иш бар китеди, т. е. его желание было спро-

---

*[6] В данном случае *таможня и караван-сарай* в Кульдже, по-китайски *майтунцза*.

*[7] *Туман* — десять тысяч единиц.

*[8] Сäр — связка монет в 50 шт.; равен 36 граммам золота.

*[9] *Дулин* — таможенный чиновник, комендант таможенной крепости в Кульдже.

сить: «Зачем и по какому делу консул поехал?». А так как дулин по-татарски говорит так же, как я по-китайски, то я будто не понял его слов и поспешил ответить ему.

— Да, я ездил провожать за купур *[10]. Там пили чай и ели мясо, а тебя не догнали.

— Скоро же ездишь!

После приема рюмки рому он сказал:

— Да, как же ваш маленький караван, только шесть верблюдов (это караван Абдраима) отправилось. Ведь в пайцзе (разумея трактат) написано двадцать?

— В пайцзе сказано, что ваши пашилганы не едут провожать караван, если нет двадцати верблюдов!

Он более ничего не начинал. (Караван же отправился в 9 часов и был провожатый).

После закуски мы прогулялись с ним к колодезю и в баню. Здесь я предложил ему: не хочет ли он попариться? Я распоряжусь (баня была уже готова), но он отказался, сказав, что нужно скорее воротиться — есть казенное дело. После сей прогулки при прощании он опять с вопросом:

— Сыбырден хат кельдимо, консул кетди?*[11] Ответ:

— Хат кельди, консул барды. Хош, аман-бул *[12] (и так раскланялись).

2 об. || **13/9.** Китайские купцы сами сказывали нашим, что перед чаганом *[13] пришло из Гуйхуачэна в Урумчи пять тысяч ящиков чая, но никуда [он] еще не двинут и в Чугучак не отправляют, потому что и там остановилась закупка. Вань Фань-сын говорит:

— Дней через 12 придет ему 110 ящиков.

Пути, через которые идут чаи в Западный край Китая, безопасны (или возможны к проезду, потому что инсургенты не трогают купцов).

С сегодняшнего дня что-то особенное с маньчжурами. После открытия заговора их почти не видно было в предместьях, но сегодня они везде — в харчевнях и кумирнях, едят и веселятся. Абдраим говорил: маньчжуры решили о себе так: «Нам есть смерть и от нее нигде не спрячемся, а потому жить как бы ничего не бывало» и ничего не ожидают, показывая прежний дух гордости и превосходства.

Ожидают присылки десяти туманов серебра, но, вероятно, не вполне надеются, и потому цзян-цзюнь недавно предписал туркестанским амбаням немедленно доставить сюда десять тысяч туманов маты для выдачи в жалованье.

14/10. Шэбо-зенги приехал сюда нарочито, чтоб донести цзян-цзюню, что на р. Или и в горах за Хоргосом замечены им скопища чанпанов тысяч до двух, которые имеют оружие — ножи и ко-

*[10] Точнее: *көпір* — мост.
*[11] Пришло ли письмо из Сибири? Доехал ли консул?
*[12] Письмо пришло, консул доехал. До свидания, будь здоров.
*[13] *Чаган (монг.)* — китайский национальный праздник весны.

пья. Ту-колдай не допустил его, говоря, что пустое. Зенги доложил своему амбаню, а тот — цзян-цзюню и просит отряд послать и истребить их. Ту-колдай уверяет и цзян-цзюня, что все это пустое.

Чабак, приятель Абдраима, рассуждал: одни чанпаны без участия китайцев и хамбинов ничего не сделают, у них нет сильного оружия, но в здешнем народе надо ожидать худого.

3 || Исаев. У него был приятель Ху-янгуда, домогался выручить на условии, предлагал сорок ящиков чая по двадцать три ляна. Предлагал купить у него на серебро золото — наши полуимпериалы *[14], давал триддать на ямбу, а Исаев будто просил сорок. А на сколько ямб у него есть? На одну!

Шарафий променял золотую мишуру на мату кашгарцу Булатпаю по двадцать даб за штуку, всего на две тысячи даб.

Курс на ямбу 154 тенга.

15/11. В 11 часов явился Сюков сын Ибрагим. Представил билет на пропуск в китайские пределы и отношение г. Абакумова (незапечатанное), он объяснил, что борохуджирский офицер не пропускал его и с билетом, говоря: есть предписание не пускать вас с русскими билетами, а с данью. Прожив у пикета пять дней, он решился объявить, что представит цзян-цзюню в дань двух лошадей, тогда его пропустили. Явясь ко мне, он спрашивал, где ему остановиться? (караван его на 5 верблюдах с мешками и арканами остался позади).

— Где же бумага к цзян-цзюню о представлении лошадей?

— Отдана колдаю.

— А от кого она?

— Когда меня не пускали, то мы на пикете сами составили бумагу и печать приложили, сделав оную из курта — сухого творога.

— Ты как русский подданный приехал с билетом, остановись в нашей фактории, а лошадей представлять не должен, не делай этого. Вскоре пришли верблюды, и караван сей помещен в указанное место.

Насчет того, почему раскрыто отношение и кто это сделал, он объяснил, что в Копал ездил брат его Мухаметша, а оно там дано ему незапечатанное.

Маньчжуры всесильны по-прежнему везде и повсюду. Они ездят по предместьям, совершают и дневной разъезд, ездят и по таким местам, где никто не ходит. Имеют высланных шпионов, которые разыгрывают роль фокусников и других шутов (такие люди присланы будто правительством из Китая).

Ожидают, что 20 (24 февр.) должны получить здесь решение от богдыхана по делу открытого заговора ссыльных. О чем цзянцзюнь доносил в подробности.

3 об. || **16/12.** Полицейские ездили вниз по Или для разузнания, что

---

*[14] *Полуимпериал* — золотая монета в пять рублей.

делают там чанпаны. Те отвечали: «Мы живем здесь издавна, работаем и промышляем для собственного существования».

Хуарданцы смеются, что маньчжуры приняли также отважный характер и свободные разгулки.

Недавно около гор за Суйдином ссыльные в числе до ста человек ночью пришли к селению Лусагун *[15] для разграбления. Шебо— жители оного, имея караул, не допустив грабителей, переловили из них несколько человек и порядочно поколотили.

Абдраим Беденев явился с жалобою на Галия — портного: Галий хвастает, что полюбился жене его, Беденева, и однажды поцеловал ее, когда она проходила в загородку, что он сблизился с нею через работника Беденева, подкупив его ярмаками. Жена, узнав это, теперь плачет.

— Да ты веришь что ли хвастовству?

— Нет, не верю, но все-таки больно обидно.

— Правда, что это обида. Поэтому я полагаю, здесь есть старшие и другие почетные люди, и, если хочешь, я скажу Шарафию, чтобы он пригласил общество и дело это разобрать, и если Галий за это присужден будет к наказанию, а вы сами не решитесь наказать его, тогда я сердечно исполню ваше желание. Да, Шарафий уже призывал Галия и допрашивал, но он клялся, что никогда не говаривал ничего и что все это напрасно. Но хвастовство его давно уже слышали Хасан и другие кошчи *[16]. Шарафий и другие старшие признают, что по шариату должно строго наказать Галия, но Абдраим и они, сознавая, что наказанием Галия распространится повсюду молва, что за Абдраимову бабу драли Галия, а через это в кургане и в городе будут толки и слова в поношение женщины, притом и Галий в отмщение решится сделать им какое-нибудь зло, они дали делу вид: мало ли собак! рот не закроешь ей, когда она на небо лает, и потому Шарафий и Абдраим просили меня не входить в это дело, будто я ничего не знаю, но при случае удалить Галия из фактории, как человека опасного для всех.

4 || **Февраля 17.** Два тунши *[17] из торгового двора явились в нашу факторию, разыскивая султана Сюкова. Отыскав его в коше, они требовали, чтобы он ехал с ними в майтунцзу. Султан ко мне и они за ним. Я спросил туншу (у проезда южной казармы):

— Что тебе нужно?

— Да вот этот казак на карауле сказался сартом и объявил, что ведет цзян-цзюню двух лошадей, но к нам не приехал, а теперь говорит, что лошади пропали, поэтому его нужно туда.

— Кто вас послал?

— Наш чон в майтунцзе — большой человек послал.

— Это не сарт, но один русский подданный. На карауле он

---

*[15] Точнее: *Луцаогоу*.

*[16] *Кошчи* (косшы) — прислуга каравана.

*[17] *Тунши* (тунчи) — переводчик.

предъявил колдаю билет, но тот не принял, и он как наш подданный проехал сюда с билетом нашего правительства, поэтому и остановился в нашем дворе и к вам ехать ему незачем.

— Ну мы так и скажем нашему чону.

— Так и скажите (с тем они и воротились).

В восточном предместье города ночью на сие число происходило: близ въезда в город находятся харчевни и постоялый двор. В эту ночь набралось в тот двор более ста пятидесяти человек ссыльных (они и прежде собирались туда, но в меньшем числе). Хозяин того дома, китаец, подслушал тайный разговор их, потом донес полиции, а оттуда команда поспешила к дому. Поймано сорок два человека, прочие бежали. Здесь открыты письма и записки, приготовленные к рассылке в окрестные места Кульджи, к ссыльным же, когда и как начать бунт. По запискам открыто приготовленное оружие — копья, ножи и другое холодное оружие.

Из пойманных и изобличенных в делании фальшивой монеты забили до смерти до двадцати человек.

4 об. || **Февраля 18.** В 4 часа пополудни казнены публично пять человек из числа пойманных прежде возмутителей. Тысячи народу стекались на это кровавое зрелище. Из преступников были двое чанпаны, один торговец из китайцев (имел здесь мелочную лавку и капитала до десяти тысяч лян ярмаков, [четвертый] хамбин, служащий, пятый же китаец, он был сторожем в казначействе. В числе означенных трех ссыльных один тот самый, которого жена открыла первый заговор. Говорят, это был один из злейших, но и на месте казни он не робел. Ему говорят:

— Зачем ты тут сел?

— Где велите, там и сяду. Посмотрев на палача, он сказал:

— Ты не способен отправлять свою должность, видишь у тебя и руки трясутся и сабля тупа!

Очевидцы говорят, что замечание этого преступника справедливо, потому что палач в три удара едва отсек ему голову, тогда как другой палач отсекал прочим одним ударом. Жена сего преступника после казни совершала обряд над ним: жгла бумагу и свечи. Говорят и остальных преступников скоро будут казнить, в том числе и чиновника из маньчжуров (значит получено решение от богдыхана). Конвой до двухсот человек при казни, как говорят, разъезжал и распоряжался, как лев.

Происшествие 17 числа, по рассказам маньчжуров, не заключало злого умысла ссыльных против туземцев, но что ссыльные только поссорились между собою и за то взято из них под арест шесть человек. Китайцы же подтверждают первое, т. е. советы восстания и проч.

Подтверждается, что два кантонские купца пожертвовали маньчжурскому правительству четыреста туманов серебра.

Китайцы не сожалеют о казненных, говоря: худым людям туда и дорога.

5 || Дунганы говорят: чанпанов надо по тысяче в день резать.

Слышно было, что в городе не будет сегодня тех увеселений и освещения, как бывало прежде в этот день, не будет и маскарада коо-тай, но по закате солнца и во весь вечер там производились обыкновенные потехи — жжение пороха, треск и шум.

Шарафий получит шестнадцать ямб за сданный в казну товар.

19/15. Купец, товарищ Ху-янгуды, беседуя у Исаева, когда они рассуждали о вчерашней казни, порицал чанпанов: «Яман киши»*[18],— и, указывая на восток, говорил: «Вот недавно чанпаны там сделали ссору и из них взято немного человек. Хан яхши киши, маньчжуде лоя киши, яман кюмуш. Канту, хан де кюмуш бульди, ишь халас»*[19]. Последние слова его: кюмуш бульди, ишь халас — надо понимать более к настоящему времени, т. е. у хана теперь [есть] серебро и дела поправились.

Китайцы и маньчжуры веселятся, публика снарядила процессию коо-тай, но цзян-цзюнь отказался пустить ее в город.

Исаев, наконец, сошелся с Ху-янгудой, отдал ему условие и принял у него чая сорок семь ящиков по двадцать два ляна семь м[ыскал] и пять фына за ящик, более будто чая нет. Против условия прибавил один лян и семь с половиной мыскала. Зато Ху-янгуда поступил честно: выдал хороший вес — круглым счетом по восемьдесят чжин ящик. Исаев проверил и выходит, [что] в каждом ящике по восемьдесят два и восемьдесят четыре фунта чистого чая. При всем отсутствии вкуса чай и мне кажется хороший, лучше, чем он прислал пробу. При том утешается, что в этой партии, к его счастью, оказалось три ящика высокого сорта чая под фирмою кяхтинского купца Тун-Хумоцзи и еще четыре ящика Хулючий Лян-сина. Купцам он про это не сказывает. Я пробовал чай. Си Син-куй крепится со своим чаем, говорит: «Возьму или по тридцать или уже по двадцать лян. Мое счастье, курс на ямбу 159 т[енга]». Китайца понудило отдать чай по этой цене будто то, что очень нужно серебро к отправке, иначе он должен был бы заложить чай. И еще просит у Исаева десять ямб взаймы или под чай, которого привоз не замедлится, и с тем, что он сдаст ему этот чай двумя лянами дешевле против цен на чай, который будут продавать другие купцы.

5 об. || До сего многие китайские купцы говорили: будет, будет чай, но сегодня Фу Тэн-лун и Ван Фань-юн отзывались, что чаев не будет.

20/16. Кантонские купцы сделали пожертвования не маньчжурскому правительству, а противной стороне, т. е. кар[а-китаям]. Абдраим рассказывал: «А в та [день, в] которой резан чанпан, тот день от хана гумак *[20] приехал, ну как приехал гумак, цзянцзюнь не только конверт сверху смотрел, тотчас приказал резать.

---

*[18] *Яман киши* — негодные люди.

*[19] Хан — хороший человек, маньчжуры — люди также хорошие; серебро — худое (дело), у хана серебро есть, поэтому дела его поправились.

*[20] *Гумак* — бумага.

Хан шипко сердит [на] цзян-цзюня: «Как ты смел писать мне такое дело, а я здесь живу, а ты там живешь, а не знаешь, какое дело есть»,— шипко ругал его (это он слышал от маньчжурского чиновника).

Происшествие 17 числа в восточном предместье подтверждается так: ссыльные поссорились между собою и из этой ссоры произошло то, что одни явились доказателями на других в составлении заговора.

Здесь между высшими маньчжурскими чиновниками происходят из-за чего-то раздоры и несогласия. Многие ругают Ту-колдая. Его отец — сильный старик, на днях, поймав [его] за горло, говорил: «Задушу тебя и сам умру». Недавно, возвратившись из Кашгара или Аксу, А-колдай особенно за что-то ссорился с Ту Минь-таем. Солдаты тоже ругают его за то, что по его милости дают им вместо серебра мату и нанку. Они вопиют: «У нас есть жены и дети, надо сначала накормить их, а потом позаботиться насчет платья, но когда они голодны, то нам не до платья. Ну, [если] нет возможности выдать серебром сполна, то дай хотя третью часть или хотя два и даже один мыскал и тогда все-таки можно купить пищи!»

[Курс] ямбы 159 и 160 [тенга].

Приходил хой-хой справляться, какие нужно деревья. Я ему объяснил. Он разгуливал по саду. Щупал березу и говорит, что теперь еще рано. Привезу деревья, тогда и цену выдашь. Пожалуй, и денег не возьму до приезда да-лоя *[21].

6 || **21/17.** Жители говорят: прежде в эти дни множество бывало чанпанов, но ныне их не видно здесь.

Купцов каждый день собирают в полицию насчет уплаты серебра. Они хотят выдать ярмаками, а начальство требует серебро. Цзян-[цзюнь] сказал им:

— Вот восемь колдаев что решат, то и должны вы исполнять. Ту-колдай держит сторону купцов: принять от них половину ярмаками, а другую — серебром, прочие также, но А-колдай против сего и притом укоряет Ту Минь-тая за то, что принят в казну товар от наших купцов —[из-] за все[го] это[го] они жестоко ссорились и ругались.

Был послан чиновник вниз по Или и видел место, где жили чанпаны. Судя по становищу, заключает, что их жило там до десяти тысяч человек, а куда они ушли, неизвестно, и следов не открыто (верно, и не искали).

Февраля 22. Купцы сегодня очень веселы и радуются, что дело их об уплате долга решено с великою для них пользою. Решено так: принимать от них девять десятых ярмаками и одну десятую серебром и принимать ярмаки, считая полных две тысячи за один лян серебра. Всего они должны казне семь с половиной ту-

---

*[21] *Да-лоя (кит.)* — его высокоблагородие, т. е. российский консул в Кульдже.

манов, обязаны выплатить в течение нынешнего года по срокам: в III-й, VI, IX и XII-й луне. Все говорят: этим решением цзян-цзюнь оказал великую пользу и для купцов, и для жителей, а иначе последовало бы и разорение, и худо, и теперь, говорят они, здесь серебро будет дешево, потому что менялы, рассчитывая на казенный долг с купцов, берегли серебро и держали высокий курс. И это, должно быть, правда. Старик меняла давно не показывался, но сегодня, несмотря на буран, приезжал к Шарафию и говорил:

— Не хочешь ли купить серебра?

— А почем?

— 58!

— Нет, теперь ярмака у меня нет.

6 об. || Шарафий и Нияз говорили: маньчжуры действительно выгнали кара-китаев из Нанкина. Это слышали они от более благонамеренных китайских купцов, которые недавно получили об этом письма. Словам же чиныхи не совсем надо верить, он кантонский и у него сердце нечисто в отношении к маньчжурам.

23/19. Приезжавший из Копала Алимходжа рассказывал в кургане: в Копале все говорят, что русские торговцы в Кульдже все убиты и где была фактория, то и место все срыто. Консул бежал. Г. Абакумов очень заботится, как бы спасти его, и распорядился выслать подводы навстречу. Из Чугучака ехал в Кульджу наш торговец, но услышав это, остановился в Копале.

Шарафий выменял около пяти тысяч лисиц, привезенных из Кашгара, выменял на товары: ситец, мебельную материю, тарьяк; лисиц принял по четыреста, а товар сдал, неизвестно, и говорит: «Ладно, убытка немного».

24/20. Абдраим: хуарданцы хотят в одиннадцатой луне уплатить весь свой долг; отсрочка же на год для фузульцев.

Хуарданцы сказывали нашим, что внутри восстанавливается спокойствие, маньчжуры одолели кара-китаев, выгнали их из Нанкина и других взятых ими городов, кара-китаи обессилели. Об этом недавно один хуарданец получил письмо, и это известие верно.

25/21. Сегодня и в нашей фактории появилось много маньчжуров, были и чиновники с ребятишками. Хотя больше сдавали, но и покупали товары — мелочь, брали и нанку.

Нияз слышал в кургане, что из Урумчи идет большой караван на шестистах верблюдах с чаем. Слышал, что начальство ожидает скоро привоза пятидесяти туманов серебра.

Стихло и в городе, о чанпанах ни слова.

7 || **26/22.** Вечером был у меня Шарафий. К нему приезжал дулин и пригласил его приехать завтра в дом к цзян-цзюню уложить в ящик машину. Шарафий сказал ему: хорошо. Впрочем, я должен спроситься, у нас есть здесь лоя.

27/23. В 7 часов утра у меня был дулин и говорил:

— Цзян-цзюню нужно уложить в сундук одну вот такую вещь

(показывал руками и ногами разные знаки), и как ваш Шарафий мастер для такого дела, то цзян-цзюнь зовет его к себе. Я сказал:

— Очень хорошо и с удовольствием скажу Шарафию, чтобы он потрудился съездить. При сем на вопрос:

— Разве цзян-цзюнь скоро едет? Он ответил:

— В четвертой луне, когда приедет его преемник.

После этого дулин начал говорить о султане Сюкове.

— Касак, всего их шесть человек на карауле сказались, что едут к нам, но не приехали, а остановились и живут у вас. Как же это?

— Касак этот наш подданный, поэтому и приехал к нам.

— Да у него пайцзы нет.

— Пайцза-тяо у него была, и он с ней явился ко мне, и, если хочешь, я покажу ее тебе. Без билета и без письменных видов людям я и сам не позволил бы остановиться в нашем дворе, ты такой пропуск и сам видел в прошлом году.

— Но у него только пять верблюдов, а ведь в трактате сказано двадцать! В этот раз он что-то был очень в веселом и дружеском настроении, и я ласково и дружески сказал:

— Да что же двадцать, а когда у него нет столько?

— Но ведь,— говорит он,— колдай и консул решили, чтоб пропускать только двадцать верблюдов.

— Консул и колдай, быть может, рассуждали, но я не думаю, чтоб так решено было ими, и знаю только то, что и консул говорил мне, что ваши пашилганы могут и не провожать караван, если менее двадцати верблюдов. Впрочем,— сказал я,— мы с тобою люди маленькие для того, чтоб решать большие дела, а вот станем-ка лучше пить чай! Он засмеялся и разговор наш обратился в частную беседу: сколько от роду лет, есть ли хотунза, баланза *[22] и тому подобное.

При прощании я сказал ему, что завтра караван отправляется.

— Кто едет?

— Наши торговцы Нияз и другие и тот касак *[23].

— Сколько верблюдов?

— Двадцать шесть,— сказал я.

— А! бу яхши *[24].

Шарафий получил от цзян-цзюня в награду за услугу 6 сяр ярмаков. Говорит, что цзян-цзюнь весел, угощал его чаем, который так был крепок, что он чуть не подавился. Цзянь-цзюнь спросил:

— Отчего ты, Шарафий, похудел?

— Торговля худой,— ответил он. Я сказал Шарафию:

— Ты бы поблагодарил цзян-цзюня и поступил так, как делают наши российские купцы.

---

*[22] *Хотунза, баланза* — китайское произношение тюркских слов — *хатун* (жена), *бала* (дети).

*[23] То есть *сын Сюка.*

*[24] Это хорошо *(тюрк.).*

— Нет, этого нельзя, по их хотя один сяр даст, так надо взять, а тем более, что мой ящик поступил под укладку машины, который стоит четыре сяра.

7 об. || К китайским купцам пришел караван до двухсот верблюдов, привезены товары: бумага, фу-чай, кирпичный, сабет-чай и байхового пятьдесят семь ящиков к Ху-янгуде.

Вечером беседовали у меня Шарафий, Абдраим, Нияз и Исаев, рассуждали: теперь что-то большая перемена в городе — ни слова о чанпанах и маньчжуры стали храбрее.

28/24. Исаев купил у Ху-янгуды тридцать семь ящиков чая по той же цене, как принял и первый. Остальные двадцать ящиков высшего сорта, и просит [он] дорого — двадцать семь лян. Из тридцати семи ящиков по недостатку денег Исаев отдал приказчику Васильева шестнадцать ящиков в уплату, сдавали и ярмаками по сто пятьдесят шесть тенга за ямбу.

Марта 2/26. Михайло Исаев слышал от Ху-янгуды, что чанпаны сегодня ночью опять затеяли худое дело. Наши торговцы обеспокоились и поспешили разведать. Оказалось: ночью приходили к нему воры, но украсть ничего не успели, а только нанесли караульному рану ножом в ногу. В эту же ночь воры забрались в лавку Кан Фан-куя и выкрали до ста сяр ярмаков и две штуки сукна. Цзян-цзюнь приказал немедленно отыскать.

4/28. Исаев подружился с Калашниковым, ездит вместе к Ху-янгуде покупать чай. Калашников хочет взять десять ящиков, они оба находят, что чай этот стоит двадцать шесть лян, и согласны выдать эту цену. Другие говорили им:

— Дорого, можно и подождать, но если не хотите, то с богом. После слышу, некоторые говорят:

— К чему наш совет и условие! Я сказал им:

— От общего всех вас совета и согласия зависит дело. В двенадцать часов пришли ко мне Исаев и Калашников.

— Вот,— говорили они,— А. М. покупает десять ящиков чаю.

— Желаю, чтоб купили вы и тысячу, почем же?

— По 26!

— О! да такой цены еще здесь и не было!

— Чай хорош, очень хорош.

— Ну, а общество знает?

— Как же, мы сказывали, и все благословили.

— А я слышал, что не совсем благословило общество.

— Нет, мы сейчас говорили и с Шарафием и с прочими, и они согласны.

— Если так, то с моей стороны желаю вам успеха. Впрочем,—
8 говорю я,— не сделаете ли || хуже для себя, выдав такую цену, надо подумать о будущем, к чему торопиться: Ирбить прошла, до Макарьи далеко, отправки тебе, старик, не предстоит, следовательно, к чему торопиться, тем более слышно, что чай сюда будет. Ведь дав теперь двадцать шесть лян за десять ящиков, после китаец будет дотягивать до двадцати семи на десять ящиков, и так

мало-помалу вы собьетесь и дойдете до того же, что и в Чугучаке, по крайней мере, здесь до сих пор вы удерживали цены на чай, и никто еще по этой цене не покупал.

— Точно [как будто] мало; но чай этот стоит этих денег; мусульмане толкуют о цене как бы подешевле, но достоинств чая не разбирают.

Исаев утвердительно сказал:

— Чая не будет.

— Да почему вы знаете?

— Я слышал не [от] своего приятеля, но от других, и Фу Шенлун говорит, что и ихнего не будет, потому что чай его продан в Урумчи по двадцать пять лян.

— Да вы и верите китайцам, разве они скажут вам правду, и неужели вы не присмотрелись, что они и тогда говорят — нет чая, когда чай лежит уже в амбарах. Впрочем, как хотите, ваши деньги, ваши выгоды и невыгоды, а я вас не останавливаю. Когда общество согласно, все-таки не мешало бы вам подумать о будущем. По возвращении от меня они одумались и остановились от покупки.

Вечером я зашел к Шарафию, где был и Исаев, толковали опять о том же. Исаев утверждал, что этот чай лучше Си Синкуева и того, который купил Мухамеджан, но Шарафий, напротив, говорил, что далеко хуже, и сказал:

— Пусть Калашников дает мне теперь деньги на десять ящиков этого сорта, я согласен взять по двадцать пять лян, а сам после куплю ли такой чай по двадцать шесть или по двадцать два — это мое счастье.

Шарафий чувствует что-то, и недаром ему сказывал старик Хайсянь, что дней через восемь будет караван на 200 верблюдах с чаем; в Урумчи чаев пришло много и сюда будут подвозить до четвертой луны.

5/29. Возчики, прибывшие 27 февраля с караваном из Урумчи, продали в нашей фактории двадцать чжинов *[25] чая. Они сказывали нашим, что из Урумчи вышел большой караван, много и байхового чая, и что везут четырнадцать туманов казенного серебра, которое они обогнали за пять станций от Урумчи.

Фу Мен-лун говорил Исаеву:

— Развития торговли здесь нельзя ожидать; теперь и спокойно и ничего, но кто знает, какие могут быть последствия, да и вам надо уехать, к чему здесь жить (словам Исаева я не вполне верю).

8 об. || Ху-янгуда сказывал Исаеву, что хуарданцам сделано подтверждение от начальства не иметь [давать] кредита нашим, а кто даст, пусть после не жалуется.

Хромой Турдубек пробовал у Ху-янгуды [вы]торговать чай, который хотел купить Калашников, купец просил двадцать семь лян, а хромой сказал:

---

*[25] *Чжин-чин, цзинь* — китайская мера веса, равная 500 граммам.

— А на двадцать четыре каков?

— Посоветуюсь.

Си Син-куй сказывал Шарафию, что дней через семь придет к нему чай, восемьдесят семь ящиков.

Шарафий получил сведения, что за его товары серебро уже все выдано Са да-лое, но он не кажется; на днях получил он шарик, поздравка и пиры не позволяют.

Из Урумчи отправлено в Чугучак семь тысяч ящиков чая. Это сказывали нашим сами китайские купцы.

С 1 по 8 марта курс на ямбу 155 и 154 тенга.

7/1. Сегодня цзян-цзюнь торжественно въезжал в кумирню и встречал ханский указ.

8/2. Наши купцы слышали, что указ тот об отправленном сюда серебре. Всего отправлено только три тумана, и оно придет сюда в третьей луне.

Поутру был дулин, спрашивал, здоров ли я. Я поблагодарил. Он сел и долго молчал, бросая взгляды на меня, как будто что-то спрашивал, но между тем молчал. После того как мы выпили по стакану чая, он начал:

— Копал близко или далеко? Я сказал:

— Кто скоро ездит, для того недалеко, а караван на верблюдах приходит в одиннадцать и двенадцать дней. После он спрашивал до Семипалатинска и оттуда до Сибири — Омска.

10/4. Абдраим беседовал сегодня с сыном одного маньчжурского чиновника и между прочим спрашивал:

— Хорошо ли, спокойно ли теперь живете?— Теперь спокойно,— отвечал он.

— Ан у вас чанпаны худой народ, что вы их худо бьете?

— Нет, хорошо мы их порезали!

9 || Курс на ямбу между торговцами 154 и 153 тенга, и из казны выдавали в жалованье ярмаками по две тысячи девятьсот за лян, значит по сто сорок пять тенга за ямбу. Выдавали и серебром, но очень незначительную часть — мыскалов по пяти и то, кажется, только низшим чиновникам, а есть еще меньше.

11/5. Абдраим, ехав из города, встретился с Абдулла-ахуном и одним сартом. Последний рассказывал, что он был по какому-то делу у Ту-колдая и что Ту-колдай человек хороший, скромный. Абдулла-ахун говорил:

— Правда, хороший человек, да вот его прошлый раз жестоко обидели Та-дажень и А-колдай, чуть курму на нем не изорвали, упрекая его и Ха-колдая так:

— А! вы чинчи русским.

Абдраим говорит, что чинчи значит сват.

Он слышал, что здешнее начальство строго подтвердило надлежащим властям насчет обезопасивания нашей фактории от воров и что если случится подобное, то ворам наказание вдвое, а властям двойной штраф.

Курс на ямбу 154 и 153 тенга.

13/7. Торговля наша по-прежнему. Подтверждают, что чаи сюда будут — Си Син-куй сказывал Абдраиму.

15/9. Прогуливаясь к мосту, встретился со мною один молодой тунгэнь. Сняв шапку, он подошел и поклонился. После приветствия он объяснил свое знакомство с нашею прислугою, потому что у него покупают молоко.

— Консул уехал? и приедет ли назад?

— Уехал и приедет.

— Да ведь он три года здесь жил?

— У нашего хана не такой закон, чтоб служить только три года, а только у вашего хана такой порядок. Впрочем, и ваш цзян-цзюнь здесь вот уже много лет служит и только нынче уезжает.

— Нет,— говорит тунгэнь,— он не поедет отсюда; хотел ехать, потому что хан вызывал его в Бечжин для дела с кара-китаями, а теперь дело-то с ними прекратилось, то хан и оставил его опять здесь еще на три года, и об этом цзян-цзюнь получил письмо от своего сына, который вот уже шесть лет как уехал и живет в Бечжине.

17/11. Поутру явился ко мне приказчик Кузнецов и объявил, что находящийся у него в услужении семипалатинский ташкентец Таша (маленький, черненький, который жил у Букаша), уехав вчера в город, не возвратился и до сих пор не является. Я предоставил ему поразузнать в городе, не захватили ли его за долги, как бывало с Галием. Днем оказалось, что он скрылся от долгов: Кузнецову [должен] состоит до двадцати пяти тысяч яр[маков], Исха-
9 об. ку — три, Абдрахману — || восемь, и вслед за известием, что Таша неизвестно куда скрылся, явились в факторию до пяти человек кашгарцев и китайцев, разыскивая Ташу как должника. Торговцы наши получили сведение, что поутру некоторые из тунгэнов видели его в городе, потому и полагают, что он скрывается там в доме прибежища холостых людей. Другие говорили, что вечером видели его в кургане, что он перевозил из города к сарту купленный им фу-чай, посему полагают, что он намерен тайно уехать с отправившимся вчера из кургана караваном в Копал или в степь. Поэтому торговцы наши полагали послать завтра до Кокдалы и далее до каравана двух человек, чтоб поймать Ташу. Сообразив, во-первых, если Таша попадется в мошенничестве в городе, то его приведут оттуда к нам как плута, тогда нам будет стыдно; во-вторых, если он скрывается в кургане, то взять его оттуда нужно, наперед предуведомив дулина; в-третьих, если он ночью уедет из кургана на Кокдалу, а наши погонщики, поехав туда, могут попасться на китайский пикет или сарты не выдадут им Ташу, если он у них; по всему этому я счел нужным пригласить к себе дулина, имея в намерении сказать ему, что наш человек вот другой день как уехал в город и не возвратился и что его вечером видели в кургане у сартов; поэтому я намерен послать в курган своих двух человек и чтоб он посодействовал отыскать там Ташу.

18/12. Поутру Таша явился в факторию (он, вероятно, узнал

через своих товарищей, например, Галия, о предпринимаемых мерах к поимке его) и объявил, что он ездил на Кокдалу в погоню за Эмельбаем, который, взяв у него три штуки фу-чая и не заплатив денег, отправился в сувановские аулы. Это не оправдание самовольной отлучки. Вслед за ним явился в факторию китаец Ван Ман-цзи и говорил нашим торговцам, что Таша купил у него вчера пятьдесят штук фу-чая, денег заплатил только за двадцать. Далее оказалось, что Таша, купив тот чай по три тысячи пятьдесят, перепродавал его в кургане сартам по две тысячи восемьсот и осталось незаплаченных денег будто до шестидесяти тысяч ярмаков. Я велел сказать китайцу, что в это не могу вмешиваться и он не прав, что верил такому кошче. Наши узнали, что в кургане сарт Мухамет-Таша имел дело с Ташой и принимал у него чай и что из того числа до двадцати штук принадлежало Таше. Поэтому распорядились послать к сарту Султанбая и взяли чай; десять штук отдали китайцу, и он, по-видимому, удовольствовался, а
10 семь штук привез||ли в факторию, чтобы разделить на уплату долгов между собою.

Я предоставил купечеству, что если они хотят, чтоб он отслужил им остальной долг или пока соберет долги с китайцев, которые накопились за ним по их же милости, потому что он вовлечен в долги и в мошенничество самими же ими дачею ему товаров в мешок для того, чтоб он таскался и продавал в городе, и он исполнял это иногда удачно и неудачно, то взяли бы его на свое поручательство, но они отвечали двояко: если прикажете, то мы возьмем его на поручательство, но по собственному желанию сами не можем за него ручаться и принимать ответственность, если он бежит, сдать Ташу прямо некому, потому что нет настоящего хозяина у коша, с которым он приехал и еще при нем отошел из его коша. Начинать о его мошенничестве формально дела я не пожелал. Сделал только прочное полицейское внушение при виде всех и после стал ждать случая выпроводить его из фактории в Семипалатинск для того, чтоб осталось у нас одним плутом меньше, рассчитывая притом, что если он бежит в дороге, то Семипалатинское, Ташкентское общества нисколько от того не пострадают и мне не столько будет стыдно от этого, сколько от того, что он бежал из фактории.

В четыре часа пополудни приехал ко мне дулин. После приветствия и недолгой беседы я сказал ему: [искали] одного нашего торговца, работник [этот], уехав в город, не являлся два дня, а между тем он скрывался в кургане у одного сарта, что сарт тот принимал от него для сохранения чай; чтоб отыскать и взять оттуда нашего человека, я пригласил тебя, но так как сегодня тот работник явился сам, то теперь дело и кончено. Дулин по выезде от меня, заехав к нашим купцам, спрашивал о сарте и, записав его имя, отправился; думаю, хоть ничего не сделает, но, по крайней мере, сарт тот поплатится дулину, ярмаками и ему они, кстати, на голые зубы.

10 об. || 19/13. Абдраим слышал, что Ту-колдай назначен в командировку в Пекин для представления ко двору лошадей.

Мелочная торговля наша по-прежнему. Чаев в привозе нет, но говорят, что чаи будут.

Курс на ямбу 155 и 156 [тенга].

О чанпанах не слышно ни слова.

21/25. Сегодня отправился караван Шарафия на двадцати двух верблюдах с матой и лисицей. С этим караваном я выпроводил Ташу в Семипалатинск. Призвав его к себе, я сделал ему убеждение в мусульманском вкусе: «Ты, молодой парень, сделал глупость, и за это ты получил наказание, это наказание детское, которое сделал бы тебе и отец твой. Я слышал, что у тебя есть в Самипалатинске мать — добрая старуха, ты поезжай к ней. Но если после этого еще будешь мошенничать, то пропадешь, и если с дороги вздумаешь куда-нибудь бежать, то прежде подумай о своей голове: не попадешься в наши руки, так сам аллах строго накажет тебя, помни, что у тебя есть мать-старуха, которая тебя родила и воспитала, пожалей слез ее и поезжай к ней». У него есть своя лошаденка, а на пропитание в дороге я велел выдать из семи одну штуку фу-чая, да на оказавшийся у него один сяр ярмаков купить хлеба.

Накануне отправки Таши некоторые из торговцев наших говорили мне очень хитрую выдумку, что китайцы, узнав о сделанном взыскании с Таши, остаются очень довольными, что русские чиновники так справедливо действуют, и притом предложили замечательный совет: чтоб подобные меры еще более действовали на китайцев, через что облегчится самое получение долгов с них. Они справились о моем мнении: не пожелаю ли я поступить с Ташою при отправке его так — надеть ему на шею цепь и, водя по двору, бить палками (?). На это я сказал: «Мне нет надобности до того, довольны или нет нашими действиями китайцы, и я не считаю для себя нужным прислуживаться им, тем более решиться на предлагаемую вами меру посмешища — ведь мы не китайцы, я сделал взыскание с Таши такое, какое по нашим правилам требовалось за его проступок, и разве для вас этого мало? Кажется, ведь все вы поснимали шапки и, кланяясь, упрашивали меня перестать бить его? На это даже Шарафий не постыдился сказать: «Да, мы кланялись нарочно!». Вот мусульманские чувства. Где деньги, они готовы сжечь человека даже невинного в их делах и потому пользуются проступком Таши; они хотели подставить шкуру его в подарок китайцам и через такой легкий подарок рассчитывали на быстрое получение своих долгов с них.

11 || 23/17. Сегодня пришел караван китайских купцов до пятидесяти верблюдов, привезено байхового чая Си Син-кую, по его словам, только пятьдесят пять ящиков (а полагают более 100), несколько ящиков кирпичного. Теперь кирпичный чай дешевле, чем был в феврале и в начале марта: тогда сарты покупали по триста сорок пять и триста пятьдесят на ямбу, а теперь дают по

триста пятьдесят пять и соглашаются на триста шестьдесят, но никто еще не покупал.

[Курс на] ямбу 156 тенга.

25/19. Ожидаемое серебро до сих пор не пришло, и едва ли справедливо ожидание это. Китайцы говорили Абдраиму: внутри дела все [еще] худы для маньчжуров, только Кантон отстаивается, а прочее все взято кара-китаями и что нельзя ожидать присылки сюда серебра, и если прошлый раз въезжал цзян-цзюнь в кумирню для приема ханского указа об отправлении серебра, то это выдумка маньчжуров, чтоб поддержать упадок духа здешнего войска, ведь не приди серебро, им здесь и оставаться нельзя будет.

Ямба 156 и 157 тенга.

С Ван-беком опять несчастье: по возвращении отсюда он, чтоб чем-нибудь заслужить милость богдыхана, донес, что в горах около Яркенда открыл богатое местонахождение медной руды, и для разработки высланы были сто пятьдесят человек туркестанцев. Между тем младший брат его в Кашгаре, будучи хакимбеком, наложил на народ свой поборы до трех ямб, чтоб ими [оказать] помощь брату в подарках для китайских начальников, высланных для разработки руды; [но] не видя ни малейших признаков меди, (они) взбунтовались и из числа их до сорока человек при юзбаши бежали с работ, явились в одном из караулов и просили офицера донести своему амбаню, что команда выслана на изнурительную работу, где нет и признаков меди, и что это только обман Ван-бека и его брата, через что они имеют в виду получить себе чины и места, объяснили и о поборах. Сказали офицеру: «Если не донесешь и силою нас [будешь] заставлять, от этого мы бежим в Кокан». Офицер показание их представил амбаню, а тот богдыхану. Теперь идут решения.

Хотя наши сарты не говорят, сделано ли китайским начальством что-нибудь с сартом за дело с Ташою, только хромой Турдубек сказывал, что весь курган напал ругательством на того сарта, выражаясь так:

— С водворением здесь русских, слава богу, и мы возымели облегчение от притеснений китайцев, а ты... *[26] сделал с их работником! Ну, что если русское начальство объявит [претензии] китайскому начальству, тогда нам каково опять будет — мы опять будем подвергаться различным притеснениям!

11 об. || **27/21.** В 11 часов утра пожаловала к нам давно ожидаемая копальская гостюшка — почта. Ну, милости просим, дорогая голубушка, очень кстати: появление твое довершило наше счастье в минуты общей радости. Урядник Серебреников объяснил, что по караулам проехал хорошо. На некоторых караулах офицеры говорили, что к нам убежало чанпанов до пятисот человек. Где они? Урядник отвечал: «У нашего государя таких людей не принимают, и если бы они где-нибудь показались, то их прогнали бы».

---

*[26] Три слова не разобраны.

Абдраим слышал, что в командировку в Пекин вместо Ту-колдая назначен и отправляется Ха-колдай.

Ожидают в скором времени привоза шести туманов серебра.

Курс на ямбу 157 и 158 тенга. В Кашгаре серебро подорожало — по 1100 и по 1200 тенга за ямбу.

28/22. Об отправке цзян-цзюня не слышно, но говорят по-прежнему о приезде нового цзян-цзюня. Назначенный же из Улясутая цзян-цзюнь уже выехал сюда, но, собрав на пути сведения, что в здешнем казначействе пусто, много растраты и много недостатков по всем предметам казенных имуществ, он воротился назад, послав богдыхану денесение, что по болезни не может отправиться в Кульджу.

Вновь утвержденный здесь хакимбек страшно задолжался. Добиваясь этой должности, он задолжал здешним торговцам до двух тысяч ямб и теперь всех своих мусульман и кашгарских торговцев созвал к себе на совет и требует помощи. Сделана раскладка на бедных таранчей, и между ними, говорят, происходит большой ропот и что через подобные действия хакимбека между таранчами надо ожидать возмущения.

31/25. Был у меня дулин. Он от имени двух колдаев спрашивал: получил ли я сведения, где консул и здоров ли он? Я благодарил и отвечал, что получил и что консул здоров и должен быть теперь в Омске. Больше он ни в какие рассуждения не входил, кроме частной беседы. Сегодня пришел китайский караван, привезено байхового чая Фу Жен-луну сорок и Маштеку пятьдесят ящиков.

Ямба 158 и 159 тенга.

12 || Сегодня распространилась молва, что в горах Талкы недавно было землетрясение, продолжавшееся три дня, и за это время один из холмов к востоку с громом сдвинулся с места вперед на 20 верст (?) и занял всю вершину одной из протекающих там речек, оттого речка та теперь не сможет снабжать водою для орошения пашен. Для освидетельствования сего необыкновенного явления отправили Иш-дулая и много других чиновников.

Апреля 2/27. Абдраим сказывал, что, будучи у Чонкуза, слышал разговор между китайцами, что внутри дела плохи и очень и что Чонкуз сказал:

— Нет, я здесь не буду иметь дел и уеду,— и просил,— нельзя сказать дулаю, чтоб отослал Букая назад.

Пшека, будучи в кургане, зашел к Юзсы и в это время ниоткуда взялся известный вор Букай, сев на его лошадь, уехал; погонщики не могли догнать, буран помешал, а когда Пшек объявил мне об этом, я сказал:

— Жаль, что Букай не сел на самого тебя и не уехал, тогда вы перестали бы посещать курган, особенно зачем было ехать в такую бурю, когда света было не видно.

Апреля 3. За делание фальшивой монеты сегодня в крепости казнены повешанием пять человек.

Уже известно, что в число казенного долга в казну от купцов принимали и медною монетой, и они старались сдавать больше новыми ярмаками, выпущенными в Ногати. Говорят, теперь в казне оказалось до семидесяти туманов этой монеты больше, чем было выпущено из казны. Цзян-цзюнь с того времени и весь совет в изумлении насчет этого обстоятельства. Приказано фальшивые ярмарки отделить от настоящих и узнать, от кого они поступили, а потом передать [на] следствие: где они их взяли.

Из Кашгара привезена партия ссыльных мусульман до тридцати человек. Они подверглись этому наказанию по делу бывших там беспорядков в 1852 году.

Кашгарский хакимбек удален от должности и взят там под арест.

Удаленный отсюда хакимбек по прибытии к месту назначенного жительства в Турпан не явился к тамошнему амбаню, а отправился прежде в театр, за это амбань посадил его в тюрьму, освобождение из которой хакимбеку обошлось очень дорого.

4/29. Шарафий сказывал, что сегодня привезено в здешнее казначейство серебра три тумана и что к 15 числу еще ожидают шесть туманов.

Абдрахман сделал мену с кашгарцами: выменял до семи тысяч кусков маты на нанку и сукно; за штуку нанки — одиннадцать даб, а за сукно — сто сорок даб.

12 об. || 5/1. В 12 часов приехал ко мне дулин по важному делу. По приходе тотчас он сказал: меня послал колдай сказать, что на Борохуджир приехали ваши торговцы — ногаи, всего два человека, и у них только два верблюда, а так как в трактате сказано двадцать, то их пропустить нельзя, поэтому колдай говорил, чтоб и ты от себя послал к ним бумагу, чтоб они воротились назад. На это я ответил, что я не имею права посылать таких приказаний.

— Ну так все-таки пропустить их нельзя?

— Колдай — человек большой, и я не могу указывать вам в ваших соображениях, тем более, что консул и он не раз рассуждали насчет двадцати верблюдов, поэтому если тебе поручено спросить меня, то кланяйся Ту-даженю, что это дело зависит от него. После этого он поворотил [разговор] в другую сторону: «Во всяком случае скажи свое мнение: будешь ли ты доволен, если офицеру прикажут не пропускать тех ногаев, или доволен будешь, если их велят пропустить?». На это я опять сказал: «Я не могу изъявлять неудовольствия как на то, так и на другое, мнение же мое таково, что ногаи те, разумеется, едут в Кульджу для торговли, которая открыта здесь по дружественным отношениям наших правительств, и если они приехали издалека, а вы их не пропустите, то для них это будет обидно и они должны понести невозвратные расходы и убытки, поэтому кланяйся Ту-даженю, что в подобном случае я желал бы, чтоб их пропустили». Повторив мои слова, что ногаи будут обижаться и понесут убытки и что это он так и скажет колдаю, дулин от себя ли или по приказанию Ту-колдая про-

сил меня послать, куда следует, бумагу, чтоб караваны наши менее двадцати верблюдов после сего не ездили. На это я ответил, что могу только донести консулу.

К вечеру узнали, что ногаи те служители Хотова, едут сюда из Чугучака. Чихан через сарта получил от них записку, в которой они жалуются, что их не пропускают и что корпусный офицер донес о них в Кульджу.

Ямба 159 и 160 тенга.

8/4. Абдулла-ахун сказывал Абдраиму, что на днях действительно привезено серебра три тумана и шестьдесят лян и еще ожидается десять туманов; бумага о том уже получена.

Он же подтверждает происшедшее в горах Талкы необыкновенное явление, но что полицмейстер не ездил туда для личного удостоверения, потому что это подтвердилось допросными сведениями, и потому цзян-цзюнь не велел ему ехать теперь, отложили до восьмой луны.

13 || 9/5. Торговля наша все помаленьку движется, есть выручка по десять и по двадцать тысяч в день.

Ямба, говорят, 165 тенга.

В 11 часов был дулин с объявлением, что колдаи докладывали цзян-цзюню о кар[аване], прибывшем на Борохуджир на двух верблюдах, что воротить его было бы обидно и убыточно для ногаев, поэтому цзян-цзюнь разрешил пропустить их, и об этом вот уже три дня назад как послано офицеру предписание. Причем дулин опять повторил, чтоб я предупредил торговцев не ездить караванами менее двадцати верблюдов. В этот раз дулин особенно что-то был откровенен и весел, беседовал более часа и говорил, что он ездил бы ко мне каждый день, если бы не было много [казенного] дела.

— Я,— говорил он,— с утра до вечера занят при деле новых ярмаков, да и в майтунцзе также надо быть. Опять спрашивал: далеко ли до Омска, я повторил, что, кто скоро ездит, для того не очень далеко, а как ходят караваны на верблюдах, то такой езды два месяца. Спрашивал: есть ли в Омске крепость и много ли войска. Я отвечал, что есть крепость и войска довольно — пехоты до четырех тысяч да конницы до тысячи человек, впрочем, быть может, и больше, но я как человек невоенный, то об этом положительно не знаю.

— Скоро ли приедет консул?

— Об этом пока еще не имею сведений.

— Он женат или нет?

— Нет.

— А теперь не женится ли?

— Увидим, когда он приедет.

Калашников променял шестьдесят штук нанки на мату по шесть с половиной даб за штуку; мата хороша, стоит по шестьдесят копеек серебром.

Султанбай променял юфть на мату по 82 маты за фунт.

10/6. Пришел караван кит[айских] купцов, привезено довольно кирпичного чая, а о байховом неизвестно. За кирпич просят дорого — по четыреста пятьдесят за штуку, а на ямбу дают только по триста тридцать штук.

11/7. Тунгэне, старик Хайшань, встретясь со мною в лавке у Шарафия, спрашивал, есть ли у меня серебро?

— Есть.

— Будешь менять?

— Пожалуй, по скольку дашь?

— По сто пятьдесят два.

— Нет, по этой цене у нас нет серебра, ведь ямба теперь сто шестьдесят пять.

— Возьми сто пятьдесят три.

— Э, старик, нечего напрасно толковать. При сем, желая выпытать, действительно ли пришло казенное серебро, я сказал:

— Да, ведь у вас теперь серебра много — привезено и ханское серебро?

— Бумага получена,— говорит он,— а серебро еще нет, ожидается в скором времени. Но мне кажется, что это обыкновенное разглагольствование здешнего начальства в утешение маньчжуров.

13 об. || Абдраим слышал от сведущих людей, но которые уклоняются высказывать подробности, что теперь здесь хоть спокойно, но в шестой или седьмой луне что-нибудь опять произойдет, доброго нельзя ожидать.

Отсюда отправился отряд маньчжуров и хамбинов в Урумчи для встречи назначенного сюда цзян-цзюня.

Внутри Китая плохо, кара-китаи подбираются уже к самому Пекину.

Здешнее начальство очень занято разработкою руд серебряной и медной; серебряные разрабатывают в двух местах: за Суйдином и в горах Каш, здесь же [добывают] и медную руду; Са Да-лоя давно уехал на медные рудники, результаты в обеих разработках весьма не успешны и не приносят никакой пользы, расходы же значительны. Шарафий говорил, что на это предприятие они употребили уже шестьдесят ямб. Он что-то хлопочет и привез образцы серебряной руды, уже бывшей в деле плавления, и хочет рискнуть купить для опыта несколько пудов, только еще не говорит, с кем он вступает в такую сделку. Приезжал чиновник осведомляться о меди Исаева, выдавая по четыреста пятьдесят за чжин.

12/8. Мусульманское наше купечество, чувствуя приближение тридцатидневного поста, приступило к постройке мечети, дабы в такие великие дни иметь возможность сходиться на молитву всем в единое место. Для сего они избрали место в загородке, уступаемое Мендыбаем. Воодушевясь ревностным усердием, от старого до малого они с раннего утра принялись за работу, так что к вечеру храм уже поспел. Не должны осуждать за несоблюдение архитектуры, но, напротив, надо отдать им честь за прочную отделку и

щедрые для того пожертвования: врыли они четыре столбика вышиною в два с половиной аршина, положили перекладины, на них несколько жердей, покрыли рогожами и засыпали их землей, а две стороны, не касающиеся капитальных стен загородки, обвешали также рогожами. Все лица, которые участвовали в постройке храма, денег на это не вкладывали, не участвовавшие же вносили деньги на покупку рогож и жердей, например, один усердный муж
14 Абдраим пожертвовал на этот предмет пятьсот, || казанский первой гильдии купец Шарафий — тысячу, семипалатинский ташкентец Султанбай — триста, купеческий сын Абдрахман — двести, Сар *27 — тысячу, всего же пожертвований поступило три тысячи. По математике и расчету на наши рубли эти цифры составляют сумму немаленькую, на которую у нас в России в каком-нибудь селе можно выстроить приличный храм. Но не удивляйтесь, если я скажу, что усердные мусульмане построили на эти три тысячи мечеть не лучше и не хуже такой загородки, какие делают в деревнях мужики для своих овец и телят зимою, чтоб они не мерзли. Вы спросите: да как же так? Ведь не шутка — три тысячи! Да, правда, три тысячи! Но вопрос в том, что такое три тысячи? Ответ: ярмаков, и эти три тысячи менее трех рублей серебром, вот вам и щедрое пожертвование и великолепный храм.

13/9. В 12 часов пришел хотовский караван на двух верблюдах с выдрой и лисьей лапой. Приехавший возчик чалаказак Мухаммед Галий объяснил, что по прибытии на Борохуджир офицер сказал ему: не могу пропустить тебя, потому что есть предписание не пропускать менее двадцати верблюдов. Он предлагал гостинец за пропуск, но и на это офицер не согласился, ответив так:

— По нашему закону запрещается брать подарки, потом сказал:

— Если хочешь, то подожди, а я донесу цзян-цзюню.

В ожидании сего разрешения он жил при пикете двенадцать дней. После пропуска по караулам везде проехал беспрепятственно и не встречал никаких обид.

Дулин и еще другой чиновник приезжали принимать медь от Исаева по пятьсот за чжин; дело разошлось из-за веса: они привезли тяжелый чжин, так что, по расчету Федора, из тридцати шести пудов они могли украсть более двух пудов.

14/10. Абдраим сказывал, что вследствие отзыва улясутайского цзян-цзюня о болезни, по причине которой он не мог отправиться в Кульджу, ему приказано явиться в Пекин, и он давно уже уехал туда.

Ямба 165 и 166 тенга.

14 об. || Вообще жители в Или очень обеспокоены нынешнею засухой, до сих пор не было дождя ни разу, на днях три колдая ездили в Ламасы *28 к ламе просить его молиться о дожде, и он со

*27 *Сар* — сокращенное имя, можно читать Сары, Сарсембай, Сарсек и пр.

*28 *Ламасы* — ламаистский храм.

всем духовенством молился по три дня, а дождя все-таки нет. Впрочем, сегодня к вечеру появились на западе тучи. Работавший у нас в саду таранчи говорит, что их хакимбек заболел от заботы, которая сокрушает его из-за засухи; говорит, что цзян-цзюнь тыкал его пальцем в глаза, упрекал так: «Ты несчастный, от того и дождя нет, а когда был прежний хакимбек, тогда дожди бывали часто».

Дулин принял медь от Федора по верному весу; в уплату привезли ярмаки, но не сполна и не полное число по счету — по шестьдесят девять и по семьдесят в мыскале, Федор не стал принимать, а чиновники не хотели пополнять, отдавали тецзами, но он не принял их из опасения неблагонадежности. Дулин собрался было везти Федора ко мне на разбирательство, но, верно, одумавшись, остановился и поставил посредником Шарафия и передал ему тецзы; тецзы надежны у старика менялы. Они еще приглашают везти меди десять тысяч чжин. Наши просят задаток, а без этого опасаются. Меняла употребил хитрость — выдал Шарафию тецзы почти все на большие новые ярмаки.

16/12. Чиновник из китайцев Дун Фул, будучи у Абдраима, говорил, что в начале четвертой луны будет серебро до восьми туманов, он же высказал, что здесь надо ожидать худых последствий. Чанпаны — это вздор, их хотя бы было и сто тысяч, но они ничего не значат, более надо опасаться китайцев-тунгэней, у них сердце нечистое, и они же, питая зло к маньчжурам, распускают разные толки о чанпанах, от них же произошли и толки, что чанпанов несколько тысяч бежало к русским.

Ямба 166 и 167 тенга.

19/15. Сегодня у Абдраима был один из камердинеров цзянцзюня. Он из китайцев, служит у него уже четырнадцать лет, высказал, что цзян-цзюнь очень обеспокоен здешними обстоятельствами, даже и хлеба нет, серебра нет и не должно ожидать, а если говорит, что серебро везут и будет — это все ложное утверждение для здешнего края, потому, говорил он, что так начальство делает,
15 что русским часто привозят серебро, а нам нет, || то, чтоб не показать явно обеднение своего государства, начальство распускает слухи: вот везут столько-то серебра и вот еще столько-то вслед будет. Цзян-цзюнь собирается к отправке в половине четвертой луны. Теперь он вот уже три дня живет в кумирне со многим высшим духовенством, [они] молятся о дожде. По причине засухи и частых, почти ежедневных, ветров и бурь ожидают совершенного неурожая хлебов.

Сегодня и я должен был поститься: Передков, воротясь с базара, объявил, что там нет ни говядины, ни баранины потому, что все китайцы и вообще народ в Кульдже по приказанию цзянцзюня держат семидневный пост по случаю засухи. Говорят, что если в течение семи дней не будет дождя, то приказано держать тридцатидневный пост.

Впрочем, цены на хлеб обыкновенные: рожь теперь от 1200 до 1300 [яр.] за 100 чжин, мука по 1200 [яр.]

В казне запасного хлеба, говорят, довольно; достаточно на три года.

Между жителями — китайцами наши замечают страшную злобу и ненависть к маньчжурам. При малейшем споре маньчжура с китайцем зрители из китайцев по наружности будто стараются смирить обоих, но когда споривший маньчжур удаляется от них, они вслед ему скрежещат зубами.

20/16. Утром до 8 часов тихо. В 9 часов поднялась сильнейшая буря с востока. В это время за северными воротами нашей фактории в навозе в одной куче распространился огонь. Ехавший с водопоя один рабочий, увидев это, тотчас дал знать купцам; Передков ехал с базара, тоже увидел и поспешил собрать людей; ветер бросал искры по навозу, но общими силами все скоро потушили. Огонь этот, верно, от трубки проходящих китайцев, и прежде несколько раз замечали, что проходящие китайцы соберутся два-три человека, усядутся покурить и оставят огонь. Наши купцы, когда замечали это, всегда прогоняли. Власов тоже раза два прогонял таких собеседников.

По причине значительного появления фальшивой монеты в новых видах начальство обязало торгующий класс принимать от публики ярмаки со строгою разборчивостью. Вследствие этого произошло то, что купцы и вообще торговцы почти вовсе не стали принимать новых ярмаков. Солдаты и жители обратились по сему обстоятельству с просьбою к цзян-цзюню, и теперь вновь сделана публикация принимать монету без разбора, предварив публику, что делание фальшивой монеты будет строго преследуемо и что судьба виновных в случае открытия определяется самим начальством. Говорят, что теперь делание монеты развилось страшно, особенно работают тунгэни, которых начальство боится даже строго преследовать, а потому подозренных не велено вывозить на суд в город, а расправляться с ними на месте, где живут или где пойманы.

15 об. || Калмыки, живущие около северных гор, говорили нашим торговцам, что в горах Талкы вовсе не происходило такого явления, какое рассказывали, но случилось только так: у подошвы одного холма прежде была произведена разработка руд, по временам водою размывало ямы, углубляло их в холме, и, наконец, ныне одна сторона того холма, подмытая водою, обрушилась.

21/17. Услышана общая молитва илийского народа: в девять часов утра появились тучи с запада, с десяти часов до двух прошел мелкий дождь, потом прояснило и снова подул восточный ветер.

Сегодня под вечер и Бауцза разгуливал со мной в саду, указывая на кумирню, объяснял, что цзян-цзюнь живет там и молится небу о ниспослании дождя и что в городе теперь никто не ест никакого мяса. Я спросил:

— А долго ли не будут есть мяса? Он, указывая на небо, говорил:

— Пока не будет дождя.

— Да ведь сегодня был дождь!

— Э! сяо юй шибудале *[29].

Абдраим говорил, что хуарданцы скучны, торговли у них, можно сказать, нет ни на ярмак, некоторые говорили, что года через два здесь никого не будет из хуарданцев.

Купцы, имеющие на руках чай, заметно становятся мягче, потому что начали сами приходить к нашим, показывая вид, будто так без надобности приходили. Си Син-куй присылал к Шарафию, чтоб он приехал к нему завтра повидаться. Всего имеющегося здесь чая насчитываем не более двухсот шестидесяти ящиков, положительно уже известных, но полагаем, что есть больше.

22/18. В три часа пополудни получена почта. Урядник Сальников объяснил, что в степи и по китайским караулам проехал благополучно.

Шарафий ездил к Си Син-кую и повидался. Дело разумеется о чае. Он сказал:

— Ну, теперь поторгуемся?

— Пожалуй,— отвечал Шарафий,— если не будешь много разговаривать. Тот представлял резоны, что чаи в Урумчи дороги, что их больше здесь не будет, и, наконец, выпросил за свой чай 25 лян. Шарафий сказал:

— Нет, по такой цене нам нельзя покупать, а по двадцать лян, пожалуй, да притом возьми половину товарами.

— О! о товаре не говори.

— Но ведь ты прошлый раз давал по двадцать три?

— Да, что ж ты не взял, а теперь я по той цене не могу взять
16 || и знаю, что вы не будете продавать чай до одиннадцатой луны (это озадачило их, и они в изумлении, что наши решились на такую твердость терпения), поэтому мне нечего торопиться и я подожду до осени. Они сами сознаются, что у них составлено общее условие о выдержке цен и теперь за это друг на друга сердятся.

Абдраим слышал, что в командировку в Пекин отправляется не Ха-колдай, а Ту-колдай, и это не Тумантай, а другой.

23/19. Нынче китайское начальство, что сверх обыкновенной вежливости, обязывает нас предупредительностью. Прежде они всегда присылали наведаться о нашем здоровье накануне отхода почты. В этот же раз прислан был дулин накануне прихода оной. Он от имени Ту-даженя и Ха-колдая спрашивал, здоров ли консул, где он и скоро ли приедет, потом спросил, хорошо ли я поживаю? Я поблагодарил и отвечал, что консул здоров, что теперь он в Омске, а когда приедет, об этом сведения не имею, но думаю, что через месяц приедет. После недолгой частной беседы мы раскланялись, причем я заметил ему ласково:

---

*[29] Маленький дождь, а не большой *(кит.)*.

— Да, я забыл сказать: воры опять от моста начали уносить лес, вот уже четыре [доски] утащили. Он ответил:

— Хорошо, я отыщу (так и есть!).

24/20. Абдраим сказывал опять, что в Пекин отправляется Туджень.

Меняла говорит, что скоро будет четыре тумана серебра, и это подтверждают другие.

Курс на ямбу будто не одинаков: 155 и 156 [тенга], на большие новые ярмаки покупают по 165 и по 170 [ярмаков].

25/21. Говорят, с приходом казенного серебра начальство намерено собрать всю монету, выпущенную в новых видах, и переделать ее в виды меньше, т. е. один ярмак в десять и более.

Нового цзян-цзюня ожидают в четвертой луне 18 числа, а теперешний отправится тогда же, 20 числа.

16 об. || 26/22. Хуарданцы жаловались цзян-цзюню, что кашгарские торговцы вывозили отсюда все серебро, что теперь по неимению здесь серебра им невозможно вести торговые дела. На это цзян-цзюнь ответил им: «Что ж вы жалуетесь! Они тоже купцы и, значит, умеют приобретать серебро».

Делание фальшивой монеты все более и более увеличивается. Говорят, сколько ни режут и ни вешают преступников, ими переполнены все тюрьмы.

27/23. Теперь и в нашу факторию большая часть покупателей является с большими ярмаками. Наши хотя уклоняются принимать, особенно если китаец соглашается дать дороже на десять или двадцать ярмаков лишних, но иногда жаль расстаться, отпускают товар и на эту монету, только на немного — рубля на два или на три. Я со своей стороны объявил купцам помнить предварение г. консула на этот счет и что если впоследствии что-нибудь встретится, то чтоб они с жалобами к нам об этом не обращались.

29/25. Абдраим сказывал, что сегодня пойман один китаец с двумя тысячами сяр фальшивых ярмаков, которые он вез из Хоргоса сюда, но только сам он бежал, а взят работник.

Теперь в городе и нашим торговцам на требование должники предлагают большие ярмаки, наши не берут, а те, значит, так и будут отделываться, говоря: ведь эти деньги мы получаем от цзян-цзюня, почему вы не берете? Если не хотите, то ждите, а у нас нет мелких ярмаков. Говорят, что старой монеты становится уже мало в обращении: всю переделали на новые ярмаки.

Ямба 175т[енга]— на половину старых и половину новых больших ярмаков.

17 || 30/26. Абдраим сказывал: теперь сами маньчжуры говорят так: «Кажется, приходит конец нашему существованию, серебра нет, теперь и поесть не на что, прежде хотя и мату давали, но все-таки давали немного и серебра, а теперь не дают нисколько».

Мая 1/27. Китайцы ожидают прихода каравана; Ху-янгуда ожидает байхового чая сорок ящиков. Хуарданцы, вероятно, во избежание хлопот с большими ярмаками не отпускают ничего на

оные покупателям, отзываясь неимением требуемого товара. Говорят, что они даже и лавок не открывают.

Общество купцов до семидесяти человек отправилось к цзян-цзюню по обстоятельству больших ярмаков: что им отпускать на них товар невозможно, потому что им нужно серебро, которое они, выручая, отправляют в уплату, а эту монету отправлять невозможно. Множество жителей бедных предместий бросали к ногам цзян-цзюня эту монету.

3/1. IV луны. К вечеру выяснилось, что большие ярмаки запрещаются к обращению, велено собрать все, у кого сколько есть, и представить в казну, из которой взамен их будут выданы мелкие ярмаки — восемьсот за тысячу. Тем, у кого небольшая сумма, деньги будут выданы тот же час, а у кого больших ярмаков на значительную сумму, тем выданы будут тецзы с отсрочкою на несколько времени — до переливки сих ярмаков в новые виды, новые ярмаки будут в четырех видах: в 10, 20, 30 и 40 ярмаков.

17 об. || Говорят, цзян-цзюнь позаботился о наших торговцах, сказав, что им выдаст взамен больших ярмаков полное количество, т. е. за тысячу тысячу же. Для китайских торговцев только в уважение их просьбы велел выдать по восемьсот за тысячу, а прочим местным жителям ничего взамен больших ярмаков не выдавать, так как от них произошло все зло — делание фальшивых ярмаков.

4/2. Вывешено объявление о том, чтоб представили в казначейство все большие ярмаки только желтой меди, красной же меди монета не запрещается, которая по-прежнему должна быть в обращении, но какое вознаграждение должно быть от казны за означенную желтую монету, ничего не сказано, и на этот счет решение еще неизвестно.

5/3. Абдраим рассказывал: около северных гор, в саду отставного И-колдая, полицейские солдаты на днях открыли делание фальшивой монеты. По доносу их послан был чиновник с сорока человеками. Хозяин сада И-колдай не хотел выдать своих служителей, но они были взяты. За ними вслед он сам явился к цзян-цзюню и на вопрос его:

— Как он дозволил себе решиться на такое преступное дело, И-колдай отвечал:

— Я не отпираюсь, что делаю ярмаки, и не могу считать это преступлением, потому что все делают их. Конечно, вы делаете для казны, но когда чеканится монета для казны, для этого есть монетный двор и при этом деле должны быть доверенные чинов-
18 ники от разных ведомств, но вы || дозволили чеканить монету возле себя, в частном здании, где чеканят ее и для казны и вместе для себя. Смотря на это, занялись тем же делом для себя и все ваши восемь советников, а вслед за ними делание монеты развилось повсюду и между всеми классами людей. Поэтому, видя, что все от старшего до младшего чеканят монету для себя, чтоб иметь возможность пропитаться, я рассудил: почему и мне не заняться

этим же делом для того, чтобы иметь пропитание, и потому начал делать ярмаки.

Говорят, цзян-цзюнь на это объяснение не мог ничего ответить, и И-колдай остался на свободе.

Хотя ярмаки красной меди не запрещаются к обращению, но купцы и вообще торговцы ни от кого их не принимают и покупателей на оные выгоняют из лавок.

По причине настоящего замешательства теперь и цена на серебро неизвестна, и китайские торговцы отзывались, что пока до исхода дела о ярмаках о серебре поминать нечего.

Говорят, приятель наш Ту-дажень ослеп и не бывает в присутствии и что он должен выйти в отставку, место же его займет Ту-колдай.

Заметил, что наши торговцы, будучи предупреждены насчет больших ярмаков, хотя прямо не просят содействия, но нуждаются в оном, говоря:

— Как же теперь мы со своими ярмаками, куда нам их девать, ведь этого нельзя же было знать, что так случится, я собрал справки, у кого сколько имеется больших ярмаков, и таковых оказалось у всех шестьсот восемьдесят восемь т. ярмаков. Понятно, что со стороны китайского начальства нельзя ожидать другого ответа, как только оно сошлется на свое первоначальное предупреждение; руководствуясь некоторыми соображениями насчет наших торговцев, насчет больших ярмаков, я счел необходимым послать в
18 об. майтунцзу пригласить к себе дулина, имея в намерении, || что если он сильно упрется на том, что наши торговцы были предупреждены насчет этого дела, тогда я скажу ему:

— Это делаю я для того, чтоб по приезде консула не последовало от вас отзыва: почему в свое время не было объявлено вам о количестве имевшихся у наших купцов больших ярмаков.

7/5. В 11 часов приехал дулин. После обыкновенных приветствий он спросил:

— Что, какое есть дело? (а сам, без сомнения, уже знал и получил инструкцию).

— А вот какое дело,— отвечал я.

— Правда ли, что большие ярмаки запрещены к обращению?

— Запрещены,— правда, и теперь всем велено свозить в казну, но только свозят желтой меди в сто и пятьдесят ярмаков; красной же меди, ярмаки чугунные и желтой меди в десять ярмаков,— эта монета остается по-прежнему в обращении.

— У наших купцов тоже есть большие ярмаки, вот для этого я и попросил тебя [приехать].

— Да зачем они брали их, ведь колдаи говорили об этом консулу?

— Знаю, что колдаи говорили и наши купцы удерживали, а иначе у них теперь была бы выручена весьма значительная сумма, но при общем обращении этой монеты нельзя же было избавиться, чтоб иногда не взять 1 или 2 ляна от знакомых покупате-

лей, тем более знакомых ваших чиновников. Например, вот и от тебя, как знакомого, Исхак взял даже тецзу в 5 т. больших ярмаков.

— Э! как от меня? Нет, он врет!

— Быть может, Исхак ошибся, по крайней мере, я так слышал от него.

— А много у ваших купцов больших ярмаков?

— Нет, немного, всего только около семисот сяр.

— Хорошо, прикажи им составить счет общего числа ярмаков по сортам.

19 Пока мы беседова||ли, счет был составлен, и он написал в свою ведомость только ярмаки желтой меди в двух видах: в сто и пятьдесят ярмаков, которых оказалось только с небольшим на шестьсот десять сяр, прочие же он не записывал, говоря, что они не запрещаются к обращению.

Во время беседы пришел Шарафий с тецзами на большие ярмаки, которых у него на пятьсот тысяч сяр. Дулин отозвался, что по ним он получит мелкие ярмаки, потому что с запрещением больших лица, выдавшие тецзы, не осмелятся предлагать по оным больших ярмаков. При выходе в конце беседы, как будто назло, встречается Исхак. Дулин что-то спросил у него и сказал:

— Когда я давал тебе тецзу?

— А прошлый раз, помнишь, когда купил люстрин?

— А, ну так я ее возьму. Я и сам,— говорил он,— имею сто сорок больших ярмаков (18 т. сяр) и должен сдать в казначейство, но что за них выдадут 18 т. сяр или 9 — не знаю.

При прощании дулин просил меня объявить нашим торговцам, чтоб они от покупателей не принимали больших ярмаков.

Абдраим был в городе, все новости теперь там происходят по делу больших ярмаков; многие таскаются с огромными ношами и не знают, куда с ними деваться, предлагают купить и отдают сотенный ярмак за шесть фын, но никто не берет. Купцы собирались на сходку и решили требовать, чтоб большие ярмаки, в каких бы то ни было видах, вообще были запрещены в обращении, иначе они закроют лавки и не будут торговать.

8/6. Общество купцов единогласно объявило цзян-цзюню, чтоб ярмаки в больших видах вообще были запрещены в обращении, иначе они прекратят здесь свои торговые дела. Начальство решило, будто по их желанию монета будет выпущена в мелких видах: в восемь и по-прежнему в десять ярмаков.

Теперь в нашей фактории почти нет покупателей, даже кашгарцы не бывают; некоторые китайцы, впрочем, все еще приходят с большими ярмаками, но никто оных не принимает.

19 об. || Сегодня наши заметили, что все хуарданы и фузулы заперты и никто не торгует, народа в городе не видно — все куда-то как-будто попрятались.

Вчерашнего числа скопище китайцев, бедных жителей, в том числе и чанпаны, чуть не разграбили одну из богатых фузул за

то, что там не приняли от них в промен до двух тысяч лян больших ярмаков. За это дело цзян-цзюнь арестовал полицмейстера, отобрав у него шарик, потому что ему заранее приказано было удовлетворить этих людей, но он не распорядился, отзываясь, что был занят другими делами.

Все говорят, что ожидаемый новый цзян-цзюнь очень строгий, что он или устроит здесь порядок или от действий строгости произойдет еще хуже, одно из двух. Говорят, он выслужился до сего звания из нижних чинов (бэнь или бень). Место Ту-даженя займет А-колдай.

9/7. Купцы и вообще народ в Кульдже, хотя обязаны свозить и приносить в казначейство большие ярмаки, но никто не представляет оных, требуя от начальства наперед выдать вознаграждение за эту монету.

Начальство все еще настаивает, чтоб ярмаки чугунные (в десять) и желтой меди (в десять ярмаков) имели по-прежнему силу обращения, но купцы решительно объявили, что они таковых принимать не будут и не будут торговать здесь.

Наши купцы получили сведения, будто китайское начальство рассуждало об их больших ярмаках так: если русское начальство будет настаивать, то удовлетворить их немедленно, но если будет молчать, то отложить это удовлетворение. Поэтому общество наших купцов явилось ко мне и просило, нельзя ли поторопить китайское начальство выдать им вознаграждение за известную сумму больших ярмаков. Сообразив, что это хитрая выдумка кого-нибудь из них, например хромого Турдубека (у которого больше всех этих ярмаков) или Абдраима (у него сто пятьдесят тысяч), я ответил им: «Хорошо, что вы узнали об этой мысли китайского начальства, но нам можно надеяться, что деньги ваши не пропадут, подождите еще несколько суток, видите, теперь у них и без нас хлопот очень много».

20 || 10/8. Ту-дажень по болезни отказался от службы и его место занял А-колдай, которому он передал и печать свою.

Говорят, что купцы и жители не хотят отпустить отсюда цзян-цзюня до тех пор, пока он не удовлетворит всех за большие ярмаки.

12/10. Тунгэнам начальство по согласию их выдало мелкие ярмаки до трех тысяч сяр взамен больших, по четыреста за тысячу. Купцы же и жители из китайцев требуют восемьсот за тысячу, а без этого ни на что не соглашаются.

Говорят, цзян-цзюнь укорял своих советников за то, что они не доложили ему своевременно о распространившемся зле от больших ярмаков, и объявил, что за ту сумму больших ярмаков, которая выпущена из казначейства, он выдаст вознаграждение из собственности, за сумму же, превышающую выпуск оных от казны, выдали бы уплату его советники.

Наши торговцы видели пришедший к китайцам караван до

восьмидесяти верблюдов с кирпичным и фу-чаем; байхового два ящика — Ху-янгуде.

Ямба 165 тенга.

Кашгарским торговцам выдано также по четыреста за тысячу больших ярмаков.

Вывешено новое объявление, а первое уничтожено, что большие ярмаки чугунной и желтой меди в сто и пятьдесят ярмаков запрещаются, остаются в обращении только чугунные и желтой меди в десять ярмаков, назначено вознаграждение по четыреста за тысячу.

20 об. || **14/12.** Получена почта в 5 часов пополудни. Сегодня пришел караван из Ташкента из двадцати верблюдов. Они прошли через Чунцзы-караул. Они вышли в марте. Там спокойно. В Кокане был посол от султана калифов с советом: почему Кокан и Бухара молчат и не тревожат Россию с этой стороны. Какой был ответ хана, неизвестно. Тогда же выслан из Кокана большой отряд до пяти тысяч человек по направлению к Алматам. Выпавший снег в полтора аршина причинил бедствие этой армии, которая после того неизвестно что предприняла.

Из Хивы также был посол [в Кокан] по делу Акмечети. Он говорил хану: «Земли те были наши, после владели вы, а теперь у вас отняли их русские. Сами ли вы намерены отстаивать те земли или согласитесь, чтоб мы вошли с Россией в переговоры об этом деле?». Ответ на это со стороны Кокана неизвестен.

Коканский аксакал в Кашгаре прислал своему правительству акт за подписями кашгарских беков о том, что инсургенты в Китае по наущению англичан придумали средство тайного отравления маньчжуров; так как маньчжуры исключительно употребляют фу-чай, то инсургенты распорядились на плантациях при укупорке фуа-чая мешать в оный неизвестный яд. И так как из Кашгара вывозится в Кокан исключительно чай этого сорта, то беки почли себя обязанными известить о такой опасности эту страну. По получении донесения аксакала в Кокане публиковано, чтоб торговцы в Кашгаре и вообще в Западном Китае не покупали и не привозили туда фу-чая. Теперь и здесь фу-чай гораздо дешевле прежнего: прежде давали по 40—45 и не более 50 шт. на ямбу, а теперь дают по 60 шт.

Глубокий ум угадает, до какой степени это может быть основательно. Я же присовокупляю только свое замечание, что приход каравана из Ташкента, рассказ об отправлении [отряда] к Алматам, публикация в Ташкенте об опасности от употребления фу-чая.

Впрочем, немудрено, что сарты выдумали это для собственных выгод: заставить китайцев продавать этот чай дешевле и самим получать за оный большие барыши.

21 || **16/14.** Наши торговцы замечают в городе постоянно происходящие на улицах драки, шум и проклятия цзян-цзюню за большие ярмаки, которые чернь бросает и топчет.

Вчера один тунгэн отдавал другому десять больших ярмаков, и когда тот не хотел брать, он заколол его ножом и тут же поразил сам себя.

Наши торговцы опасаются, чтоб не произошло здесь дурных событий от ожесточенной черни. Некоторые намереваются выехать. Я хотя стараюсь смягчить их опасения, но, признаться, у самого на сердце другое и уповаю только на одно: покровительство всевышнего!

Упорство купцов в принятии ярмаков по четыреста за тысячу, согласие их на это тогда, когда приедет новый цзян-цзюнь. Цзян-цзюнь на Саньтае.

И после вторичного объявления представлять в казначейство большие ярмаки ни купцы и никто не представляют из опасения, что не получат никакого вознаграждения. Хотя вознаграждение уже официально назначено по четыреста за тысячу, но оно назначено с отсрочкой до седьмой и восьмой луны. Купцы, как некоторые откровенно сознались нашим, решили между собою согласиться получить и по четыреста за тысячу тогда, когда услышат предложение об этом от нового цзян-цзюня, и потому решились объявить такое согласие свое по приезде его, потому что получить согласие теперь на принятие по четыреста за тысячу или в залог тецзы они сомневаются: может быть, не захочет произвести новый цзян-цзюнь уплату по оным за большие ярмаки.

Новый цзян-цзюнь сегодня изволил прибыть на Саньтай, где и будет иметь ночлег.

Сказывал Шарафий: курс на ямбу 157 тенга, солдатам жалованье *[30]... серебра по два.

21 об. || 17/15. В 12 часов (после посылки в майтунцзу известия об отъезде почты) явился дулин. Он что-то в крайней торопливости, не спрашивая о здоровье, сказал:

— Сколько у вас больших ярмаков?

— 4452.

— И верно ли это?

— Так, но это ярмаки только желтой меди, а красные ведь ты тогда не записал.

— Ну, а сколько красных? Я объявил и по его желанию сделал ему записку. После того он спросил:

— Когда приедет консул?

— Ожидаю, что скоро, быть может, через пять или семь дней приедет. В свою очередь я спросил:

— Здоровы ли колдаи?

— Здоровы.

— Скоро ли приедет новый цзян-цзюнь?

— Через четыре дня. При прощании я сказал:

— Надо бы кончить это дело о ярмаках.

— Хорошо, я через два дня к тебе приеду.

---

*[30] После *жалованье* стерто несколько слов.

18/16. Встреча с Хайвазкой около моста. Помаленьку довел разговор до дела о больших ярмаках:

— Ну что! А ты наработал?

— Нет, немного — сяр 30.

— Куда же ты их денешь? В казну?

— Не знаю, из казны выдают только по 40 за 100; всем купцам и всем жителям большой убыток, поэтому в казну не отдают. У цзян-цзюня теперь лицо черное. Он бранит чанпанов, китайцев и маньчжур, а тунгэней хвалит — добрый народ, между тем как тунгэни больше всех наработали этих ярмаков.

Власов заметил, что полицейские солдаты ходят по хуарданам с приказанием представлять в казначейство большие ярмаки.

19/17. Пришел большой караван кашгарцев с матою. Один торговец сказывал Абдраиму, что в Кашгаре недавно жители произвели бунт против хакимбека вследствие сделанного им налога и принуждения разрабатывать медную руду. Бунт произведен открыто нападением на хакимбека, употреблена сила оружия с обеих сторон и убиты притом люди, сам хакимбек бежал в крепость к китайцам; по распоряжению амбаня высланы чиновники и команда, и они останавили бунт. С хакимбека амбань снял шарик.

22 || 21/19. Во втором часу пополудни прибыл новый цзян-цзюнь, он ехал в телеге на качире *[31], конвой был пеший до сорока человек. Сначала он заехал в кумирню, там много было зрителей; купцов спросил насчет торговли:

— Хорошо ли торгуете? Те отвечали:

— Нет, плохая торговля.

Здешнее начальство удовлетворяет за большие ярмаки мелкими по четыреста за тысячу. Оно распределило: сначала удовлетворить бедных, у кого 2 и 3 сяра, а потом тех, у кого до 10, и так будет удовлетворять постепенно имеющих до 50 сяр и до 100 сяр.

22/20. Абдраим слышал, что следующая сумма ярмаков нашим купцам за большие ярмаки по приказанию цзян-цзюня уже отпущена из казначейства в главное управление.

Шарафий получил с Са-далои две ямбы, и еще он предлагал золотой браслет, но он не взял.

Турдубек тоже караулил его, и они с Шарафием столкнулись у Мофара.

Турдубек объявил мне, что Шарафий несправедливо упрекал его в том, что будто он говорил китайским купцам не продавать Шарафию чай дешево, что приедет Букаш, у него много серебра, и он купит, поэтому, говорил ему Шарафий, теперь китайцы и просят за чай уже не 23, а 27 лян.

23/21. В два часа приехал дулин. Я распорядился было самоваром, но он отказался, говоря, что нет времени, и сказал:

— Я приехал по делу ваших ярмаков, у нас назначено за боль-

---

*31 *Качир* — мул.

шие ярмаки по сорок за сто и за ваши то же вы получите. Я сказал:

— Для наших это убыточно и невозможно принять, потому что они, продавая товар, брали тысячу ярмаков за тысячу же.

— Да, зачем они брали их?

— Почему они брали — об этом уже прошлый раз было говорено.

— Да, позови их и спроси, может быть, они согласны?

— Нет, незачем их звать, потому что они прежде сего, когда
22 об. узнали, что вы своим людям выдаете сорок за сто, они || объявили мне, что такое вознаграждение не должно относиться к ним как вашим гостям, а нашим подданным.

— Если ты,— говорил он,— согласен принять по сорок за сто, то я доложу колдаю, и ярмаки немедленно будут привезены.

— Кланяйся Ту-даженю, что с убытком для наших купцов я не могу согласиться, и если вы теперь не удовлетворите, то мне остается терпеть до приезда консула.

— А скоро приедет консул?

— Ожидаю и думаю, что скоро приедет.

После сего он пожелал побывать в доме консула и что-то быстро всматривался. Не знаю, нашел ли он какую перемену, только из этого я заключаю, что ему поручено всмотреться: есть ли следы ожидания, что консул возвращается сюда.

Турдубек получил одну ямбу с Са-далои, еще остается 3.

Вечером я узнал, что он (дулин) выпытывал у наших торговцев: не согласны ли они получить по сорок за сто. Абдраим болтал с ним много, а когда я вечером пригласил его к себе и, доведя речь до больших ярмаков, спросил, был ли у них дулин, он отвечал, что как будто вовсе его не видел, но уже потом сознался, что дулина видел у Федора и что он говорил о ярмаках получить по сорок за сто, и что Абдраим сказал ему: «Нет, это нам большой убыток, и мы не согласны, но если начальство наше прикажет нам согласиться, тогда нечего делать».

Чугунные остаются в обращении, медные новые будут в пять ярмаков.

Со вчерашнего числа стали являться покупатели, и есть выручка по пять и по десять сяр. Сегодня были служащие при новом цзян-цзюне, чиновники купили сяр на триддать подносов и столешниц.

Говорят, новый цзян-цзюнь, следуя сюда, узнал о положении здешних дел, отправил из Баяндара чиновника нарочным в Гуйхуа-чэн за серебром, сам теперь привез немного.

23 || 23/21. Сегодня сарты через Коктам пригнали до шестисот баранов.

Абдраимовы люди приехали с баранами, вымененными на мату, всего до четырехсот. Работники его слышали в аулах, что кокандский отряд до сорока тысяч человек пришел к Алматам и рас-

положился кругом укрепления в десяти верстах. Сарты, приехавшие из аулов, говорили, что кара-киргизовцы разграбили аулы на Гичжге и что в числе сей шайки были и коканцы.

24/22. Говорят, что решено новым цзян-цзюнем и купцы согласились получить вознаграждение за большие ярмаки по пятьсот за тысячу. Чугунные ярмаки остаются в обращении. Будут новые медные в пять ярмаков. При настоящем обращении медной монеты в каждой тысяче будет находиться по два мыскала чугунных.

25/23. В два часа отправился прежний цзян-цзюнь. Он выехал из восточных ворот и, объехав кругом города, подъезжал к западному предместью и отсюда уже отправился в дальнейший путь. Новый цзян-цзюнь провожал его до Суйдина. Говорят, что при проверке новым цзян-цзюнем оказалось, что в здешнем казначействе недостатка суммы до десяти туманов.

Ту-дажень только болен, но должности будто не сдал. Новый цзян-цзюнь сказал ему: «Тебе по летам еще рано страдать глаза-
23 об. ми, но тебя || наказал этим бог за то, что ты читал дела зажмурившими глазами, а не открытыми, как читают обыкновенно».

26/24. Сегодня явился ко мне Маштекова брат с предложением купить у него фанзу, после обратился с просьбой дозволить его знакомым купцам прийти к нам в дом посмотреть. Сначала я отозвался:

— Зачем тебе хлопотать за других, ты как знакомый иди везде и посмотри, даже колодезь, а они ведь незнакомы и неизвестны мне, что они за люди?

— Нет, пожалуйста, они хорошие люди, купцы, двое из них недавно приехали из Урумчи.

— Ну, пожалуй, для тебя позволю — приведи.

Через две минуты он привел четыре рожи, и они зевали над всем, что попадало на глаза. После я узнал от наших купцов, что двое из них точно приезжие из Урумчи и приехали наведаться о здешней торговле и намерены привезти сюда чай.

Ямба 165 тенга, сказывал Маштек.

27/25. Пришел к китайцам караван. К Чиныче привезено до ста ящиков кирпичного чая, к другим тоже привезен кирпичный, байхового не замечено.

Ямба 170 и 172 тенга, сказывал Абдраим.

28/26. Говорят, новый цзян-цзюнь — близкий родственник бывшему цзян-цзюню и потому так скоро и покончены дела между ними.

Под вечер я столкнулся с кашгарцами в лавке Букаша. Они рассуждали насчет больших ярмаков, что начальство намерено не уничтожать большие ярмаки, но оставить по-прежнему в обращении с понижением ценности, т. е. ярмак в сто ярмаков будет иметь ценность только двадцати ярмаков, пятьдесят — десяти ярмаков, но это пока еще не решено, а будет спрошено согласие общества купцов.

24 || Кашгарцы говорили: китайское начальство — пустые правители; посмотрите, никто их не слушает. Сегодня объявят предписание и вывесят оное для всенародного объявления, а завтра принуждены взять свое распоряжение назад и уничтожить.

Они же говорили, что проходящие через Музтаг с караванами их люди часто видят партии чанпанов по двадцать пять — тридцать человек, которых китайское начальство ловит в окрестных местах и отправляет на медные рудники. Теперь, говорили они, здешнее начальство решило не оставлять чанпанов свободными, но употреблять в работы.

Они же сказывали, что ямба теперь покупается ими по 170 тенга. Им не выдано еще вознаграждение за большие ярмаки.

Общество хотело сегодня отправиться к цзян-цзюню, но отложили до завтрашнего дня.

29/27. Абдраим слышал, что теперешний цзян-цзюнь, сознаваясь в критическом состоянии финансов своего государства, объявил всем здешним маньчжурам, что они должны содействовать к поддержанию здешнего края, и потому предлагает, чтоб они сделали пожертвования.

Пользуясь отъездом каравана из нашей фактории, я вздумал еще попытаться настоять на выдаче нашим купцам вознаграждения за большие ярмаки и для сего пригласил дулина. В третьем часу он приехал. После беседы я сказал ему:

— Вот некоторые наши купцы выезжают и еще другие намереваются также отправиться, поэтому надо бы кончить дело о ярмаках.

— Можно кончить,— говорил он,— пусть примут по сорок за сто.

24 об. || Я опять сказал ему, что это убыточно и что они не согласны. Он повторил прежние слова:

— Зачем они брали те ярмаки? А я повторил тоже прежнее и сказал, что теперь дело это остается до прибытия консула. Он спросил:

— Скоро консул приедет?

— Ожидаю, что скоро будет. После сего мы прогуливались по саду и потом распрощались. По глазам вижу, что вы, гг., приготовили нам ярмаки сполна, но не хотите уважить моему маленькому чину как люди великие.

30/28. Караван старика Остякова. Я советовал ему прежде подождать отправлять караван, но он несколько раз приходил и просил. Нанял возчиков, сартов из кургана. Они до одиннадцати часов не приводили верблюдов и, кажется бы, не привели до вечера, если бы я не побил сарта палкой и не постращал строже.

Новый цзян-цзюнь очень расположен к Чи Шань-далое, который прежде был здесь одним из восьми советников и потом уволен. Теперь цзян-цзюнь опять определил его к той же должности. Говорят, что прежде он очень был влиятельным и уважаемым все-

ми, и теперь цзян-цзюнь обо всем советуется с ним. Ту-дажень в немилости; он представлял цзян-цзюню пять лошадей, но тот не принял. От Ба-колдая принял из восьми лошадей двух. Говорят, решено, что ярмаки в больших видах будут иметь ценность: ярмак большой в сто ярмаков будет иметь ценность: пятнадцати ярмаков, а ярмаки в пятьдесят будут иметь ценность восьми ярмаков, чугунные в десять ярмаков будут считаться за четыре ярмака. Переделывать большие ярмаки в меньшие виды начальство не хочет не потому, что что стоит труда, но потому будто, что так как на монете есть имя хана, то будет делом очень неуважительным к священному долгу, если монету обратить в переделку и, следовательно, жечь в огне ханское имя.

25 || Сюда приехали из Урумчи два новых купца, привезли много кирпичного чая, фу-чая и другие мелочи, потребные для жителей. Абдулла-ахун сказывал Абдраиму, что из Урумчи готовился выйти в Кульджу караван на трехстах пятидесяти верблюдах, но когда означенные купцы, приехав сюда, узнали о положении здешних дел, то тотчас же послали нарочного, чтоб караван приостановился.

Ямба 172 и 175 тенга.

31/29. Сегодня через Кокэтам пришло много кошей в курган. Киргизы разных волостей: есть [из] ведения Бексултана и из родов байгана и токпана, кочующих в вершинах Лепсы, есть и сарты; акалакчой приехал сарт Бабаджан, всего пригнано до тысячи пятисот баранов и до ста пятидесяти лошадей.

Киргизы из этого каравана сказывали Абдраиму, что на Аргайту китайцы занимаются золотопромышленностью. Для удаления их приехал русский офицер с отрядом в числе двадцати пяти человек, но китайцы вооружились, и офицер уехал назад, и вслед должен быть большой отряд. По р. Тентеку тоже китайцы ищут золото.

На Ойджайляве открывается поселение русских, к двадцатому числу приказано съехаться туда киргизским султанам Тауке и Букею.

Сарты говорили, что в Чугучаке в кургане все еще продолжают покупать чай на золото. Золото нынче там принимают дороже, т. е. как 1 : 10. Чай дешевле.

25 об. || В Кашгаре серебро очень дорого: от тысячи двухсот до тысячи трехсот тенга за ямбу. А золото дешево: по пятьдесят тилля за ямбу, а русских полуимпериалов дают по сорок шесть. Это сказывали Шарафию кашгарцы, и он сказал им, когда так дешево золото в Кашгаре, то везите сюда, у меня есть ямбы, и я куплю — отдам ямбу за сорок пять полуимпериалов.

Июня 1/30. Абдраим слышал, что сегодня являлись к цзянцзюню старосты чантуданцев и им выдано за большие ярмаки по четыреста за тысячу. Хуарданцам выдают также вознаграждение, но теперь выдают только половину следуемой суммы, а осталь-

ную — в течение пятой и шестой луны по приходе серебра, которое начальство ожидает к этому времени.

2/31 V луны. Старик Химан-тунгэне сказывал Абдраиму, что китайское начальство решило выдать вознаграждение купцам за большие ярмаки полностью — тысячу за тысячу. Это же подтверждали и другие китайцы.

Говорят, что бывший цзян-цзюнь и новый выдали из собственности по четыре тысячи сяр на предмет удовлетворения за большие ярмаки и, кроме того, восемь советников внесли на тот же предмет по четыре тысячи же сяр.

Чантуданцы сказывали нашим, что в Кашгаре происходит какое-то тайное опасение за спокойствие, что купцы выехали из города в окрестные места и многие из них стараются выпроводить свои товары куда-нибудь, оттого и сюда привозится много маты, и что, кроме сего, там ожидают восстания детей Айпак-ходжи.

27 || Бикташ находится у суванов с торгом, покупает баранов и рога.

Мамбет, называемый шурином Фазыла, выехал в волости, а потом переехал в китайский торговый двор, записавшись будто на карауле акалакчой.

Акмеджан, ташкентец, прибыл с русскими товарами; молва, что он очень дешево продает сукно и ситец.

Сабит, назвавшийся каратавским киргизом (по подозрению был татарином), находился у Фазыла долгое время, а потом тайно скрылся неизвестно куда, а Фазыл не объявил об его выезде и отозвался, что не знает, куда он выехал.

Муса Валитов уехал на Каратал, аулы его около Борохуджира. Жена его жаловалась колдаю на несправедливость удаления с Усека аулов их. Колдай велел обождать время. Удаление киргизов за линию китайских пикетов вследствие жалоб со стороны жителей за воровство скота.

Рассказ Фазыла, что из волостей, [расположенных] между Караталом и Коксу, заилийскими барантовщиками угнано до шестисот лошадей и что барантовщиков до тысячи человек остается около Алтын-Эмеля.

Киргизец Асылбек из аула Атий-бия, привезший кумыс Осману, говорил, что киргизов и султана Адамсата китайцы удалили за линию потому, что об этом просил султан Тезек, чтобы присоединить к своей волости. Слухи, что Байсерке укочевал за р. Или и будто коканцами уведен к р. Чу. Слухи о приготовлении отряда за Или, сбор верблюдов с волостей.

Адамсат был в Копале, воротясь в волость, собрал до сорока подвод лошадей и верблюдов и увел на Каратал.

Муса Валитов с прочими укочевал от Борохуджира в горы. Все будто решилось по делу с Байсерке, ему возвращены ограбленные тайтюяки *[32] и положено выдать четыреста баранов.

---

*[32] Точнее: *тайтуяқ* (тайтуйак, *тюрк.*) — слиток серебра в виде коныта жеребенка.

Киргизов, кочующих внутри китайских пикетов, китайцы весною каждый год удаляют за линию пикетов вследствие жалоб наших за воровство, а потом киргизов, сделавших уплату скота [китайцам],— сколько потерялось у них в течение зимы, снова пропускают на те же места. Хлебопашцы около северных гор бросали пашни, когда китайское начальство удалило киргизов, объявив, что через это удаление им угрожает опасность собственного существования, поэтому будто киргизам дозволено опять воротиться на прежние места.

27 об. || Ташкентец Мерабдулла в прошлом году привез из Ташкента восемь пудов опия и продал по три ямбы за пуд.

Работники Бикташа находились в китайском торговом дворе и жили в юрте у Фазыла, друга Тагира, продавали бикташевы товары, неизвестно какие, и рога.

Торговля в Кашгаре большая и оптовая. Аксакал, поставленный там кокандским правительством, собирает пошлину с азиатцев $^{1}/_{40}$ часть в казну, Кокану платит по восемьсот и тысяче ямб в год.

В Яркенде торговля также значительна, немного уступает кашгарской, но большею частью розничная, мена на серебро и золото. Живут там постоянно купцы бадахшанские, кашмирские и из Тибета.

28 || **Июня 22.** Караваны купцов.

Через Коктау пришли киргизы из Аягузского округа до 180 человек Кара-Кирейской, Семиз-Наймановской волостей ведения Бексултана и Букея. Старшины каравана Аманджол-ходжа и киргизец Нысамбай. Они привели в дань четырех лошадей, для продажи пригнано до двух тысяч трехсот баранов и более четырехсот лошадей, мелочные вещи: мешки, арканы, кошмы. По приходе сего каравана Фазыл привел трех чловек, объявив их чалаказаками. Реджаб, Мамбет-Садык просили приказания, где им остановиться.

От киргизов дознано, что на караулах офицеры делали вымогательство баранами за пропуск, они [киргиз-казаки] давали по два и по три барана, на третьем карауле офицер требовал по два барана со ста. Киргизы хотели воротиться назад; чалаказак Галий советовал выдать требуемых баранов, киргизы учинили шум против этого, били Галия плетьми, после сего колдай Мукусин, приняв в подарок барана и козла, предложил киргизам проходить вперед поскорее.

Киргизы слышали от султана, что в Копале выдают билеты на пропуск караванов их в Кульджу, но они почему-то не захотели следовать туда, а пошли прямым путем.

Продажа баранов кашгарцами на дабу, недовольство купцов, что не могут получить монеты на товар свой. Досада их, что китайцы выбирают больших баранов для казны и дают за это плохую дабу.

Июля 1. Караван киргизов Аягузского округа Садыр-Матаев-

ской волости в числе более ста человек, султан Бодорхан Сайбаков, племянник волостного султана Ибака, акалакчи киргизец Анакай в дань [дали] трех лошадей, пригнано баранов триста пятьдесят и сто шестьдесят лошадей.

Июля 2. Работник ташкентца Надира Бельгибай говорил, что киргизы не понимают расчета здешней монеты. Надир купил за полторы ямбы девяносто три барана и, перепродав китайцам, получил барыша пятнадцать сяр.

Друг и компаньон Фазыла ташкентец Тагир ожидает прихода каравана своего из Ташкента.

Акмурза, также один из старшин первого каравана, говорит, что султан не говорил им о билетах на пропуск.

28 об. || Встреча с пьяным Галием, на вопрос он объявил себя вятским татарином и что имеет пашпорт. Заехал в факторию для расчета с Фазылом, которому продал две пары маральих рогов за ямбу.

Июля 3. Молва среди кара-киргизов о пребывании русских в Кульдже, что когда идут караваны, то в ящиках везут не товары, а людей военных!

Орман кочует на Чу; весною коканцы заставили его перейти туда.

Рассуждение старейшин бурутов, что когда русские поселятся в здешней стране, то они воспользуются случаем, поступят под их покровительство и займут места по сю сторону гор.

Самый главный манап Буранбай, кочевки [имеет] на озере Иссык-Куль; манап Токсоба зимою переходит кочевкою на северную сторону гор и располагается вместе с калмыками.

Экспедиция китайцев к бурутам. Манапы выдают им скот не как дань, но собирают с людей дурного поведения и изобличенных в воровстве; смотря по тому, сколько окажется таковых людей, столько собирается и лошадей. Вора, укравшего сто лошадей, манапы выдают китайскому отряду.

Торговые татары, находящиеся в волостях Аягузского округа, имея намерение идти в Кульджу, остановились в нерешительности следовать сюда прямым путем — через Коктау, но хотели ехать через Борохуджир.

Июля 5. Елеусыза у бухарца Майсуфа (сказывал Фазыл) потом не оказалось.

Известие, что через Борохуджир идет русский караван: семь человек русских, пятнадцать ногаев, тридцать два верблюда.

Июля 6. Мерабдулла, ташкентец, торгует ташкентскими товарами, [у него] есть и опий (так рассуждал работник его).

29 || **Июля 12.** Фазыл говорил, что идет караван из Тарбагатая через Капчагай; все сарты и чалаказаки, гонят баранов три тысячи девятьсот.

Июля 13. Явился копальский чалаказак Абубекир; он из каравана кызаевских киргизов, следующих в Кульджу с баранами. Он зимою был в фактории, ушел весною к кызаям; Фазыл снаб-

дил его товаром на две ямбы. У кызаев [про]давал по полторы дабы за барана. Мамет — шурин Фазыла торгует у кызаев. Его отправил туда Фазыл тогда, когда получил сведения от Абубекира, что торговля там хороша, можно иметь товаров на семь-восемь ямб; по указанию Фазыла он должен [распоряжаться] приобретенным в степи товаром.

Караван кызаевских киргизов (а не сарты и чалаказаки, как говорил Фазыл), с ними есть султан Нурмагамбет Туреказин. В дань ведут трех лошадей; баранов гонят три тысячи семьсот сорок. Вышли с кочевок из гор Барлыктау, прошли через караул Чинданы, где заплатили за пропуск семь баранов, а на Капчагае офицер требовал двадцать баранов, на карауле Боротагаре заплатили десять баранов.

Темирбек кочует около караула Чинданы. Зимою он задерживал в своих аулах торговца муллу Паттаха. Рахим писал к нему письмо, чтобы поймать муллу Паттаха за долги китайских купцов. Задержав его, Темирбек требовал три ямбы за свободу, между тем через Рахима уведомил китайских купцов и просил с них за услугу четыре ямбы. Мулла Паттах говорил, что Рахим не есть начальник, и требовал от Темирбека показать ему бумагу русского или китайского начальства. Темирбек отпустил его уже тогда, когда
29 об. из Кульджи будто от китайских купцов получил уведомление, || что не должно стеснять муллу Паттаха как торговца, что он сам расплатится с ними и что таким поступком он, Темирбек, доказывает, что он сам вор. Во время задержки Темирбеком у Паттаха пали семь верблюдов, поэтому как за это, так и за остановку в торговле он намерен жаловаться русскому начальству в Кульдже или в Копале. Паттах имеет в руках до тысячи баранов, да в долги роздал на тысячу же и через месяц хотел приехать в Кульджу.

Июля 15. Кызаевцы вчера сдали в казну баранов, китайцы выбрали лучших секов и кунанов *[33], но мату́ за них не выдали, потому что не сполна представлены бараны. Султан отвечал китайскому начальству, что он представил баранов сполна с того числа, какое пригнано, и как торговцы, пришедшие для сбыта своих товаров, [они] не ожидали себе такой обиды под покровительством хана. Если же выдадите мату́, то и не нужно, пусть бараны останутся за вами, все равно волки едят же их у нас.

В караване только один ногай (это Абубекир). Хороших и больших баранов он оставил вот там (указывая на Кокдалу), где ваши бараны пасутся, а сюда пригнал только следующих к сдаче в китайскую казну. Он теперь не хочет продавать их, а после. Нынче бараны дешевы — самые лучшие по четыре маты, а прочие — по три и по две с половиной. На тайтюяк по четырнадцать и тринадцать и уже мало [дают по] двенадцать баранов, а в про-

*[33] *Сек* — двухлетный кастрированный баран, *кунан* — трехлетний кастрированный баран.

шлом году давали только по восемь и много по девять баранов.
30 Продают каш||гарцам и китайцам на серебро, ярмаки и мату.

— Кому ваша Кызаевская волость поддана, кочующая так свободно?

— Старшие говорят, что наша волость поступила в подданство русским, но этого еще не видно на деле.

Июля 16. Фазыл ездил на Сарыбулак вместе с Абубекиром продавать баранов китайским купцам.

Он же просил позволения поехать за Илю в караван бурутов для покупки привезенных ими товаров и [проверить], нет ли там должников его.

Кызаи получили мату за баранов, сданных в китайскую казну.

Мерабдулла богат, ведет большую торговлю в степи, на всякие товары он делает расценку и как он назначит, так китайцы и принимают и товар, и скот.

Июля 17. Каракиргизы приехали и остановились внизу вместе с ташкентцами. Они привезли товаров: рога, мерлушки.

Июля 18. Один пастух из кызаевского каравана на вопрос, выехали ли пришедшие с ними ногаи, отвечал:

— Нет, все еще лежат.

Июля 23. Русский отряд на Сыр-Дарье близ Акмечети. Коканцы, бывшие по сю сторону Чу, вызваны назад; они в числе шести или семи тысяч человек выступили к отряду, были переговоры; начальник отряда отвечал, что он не имеет никаких неприязненных намерений, но пришел для рыбной ловли и осенью уйдет назад. Коканцы возвратились.

Вражда дулатов с албанами. Тезек неспокойного характера, с ним теперь кочует не более ста аулов, зимою более двухсот аулов ушли за Илю. С месяц назад дулаты собрались разграбить албанов. Чибиш-мулла сказывал это Фазылу и что посторонние султаны и бии отклонили их от такого намерения.

30 об. || **Июля 24.** Садык прислал известие, что его не пропускают через караул, он идет с баранами. Он в ауле Адамсата, письмо послал с ташкентским работником.

Китайский караван в дороге из Урумчи. Кирпичный чай будет через пять-шесть дней, теперь дают на ямбу только триста сорок — сорок пять и триста пятьдесят [тенга].

Фазыл живет здесь безвыездно уже три года, а в России не был лет восемь, вел торговлю в Ташкенте и по волостям и в Кульдже. В последний раз пригнал сюда до двух тысяч пятьсот баранов. Тогда бараны были дороже. Кунанов давали 50 и 47, 48 на ямбу, секов — 75 и 80. Калмыки тогда не имели баранов по причине большого упадка [скота] две зимы сряду, но тогда торговцы пригоняли более сорока тысяч, да от кызаев и байджигитов приходило до тридцати тысяч и все продавалось быстро и на монету.

Июля 28. Известие, что идет караван Тенибая, приказчика Буранбая.

Июля 29. Работник Тагира говорил, что хозяин торгует вместе

с караванбаши Фазылом. Фазыл перестал торговать опием с тех пор, как прибыли сюда мы [русские]. Прежде все торговали опием. Мерабдулла — человек громкий, он и китайцам не дает рта разинуть.

С караваном Буранбая едет из Семипалатинска жена ташкентца Надир-батыра. Надир имел там жительство и дом, который уже сгорел; он живет в Кульдже безвыездно года три. Вместе с ним же [караваном] едет сестра Османа для произношения молитв на могиле мужа ее.

31 || **Июля 30.** Пришли каракиргизовские торговцы, привезли рога. Урман с вершин Чу кочует к озеру Иссык-Куль. Дулатовцы и албановцы враждуют между собою, так что на пути между Алматами и Талгаром опасаются ездить проезжающие.

Вчера возвратился из Чугучака амбань с командою солдат, сменившихся оттуда. На пути между пикетами Чинданы кызаевцы угнали у них шестьдесят лошадей, а одного торговца тунгэне ограбили, [украли] баранов, мату, лошадь и верблюда.

Трое чугучакских купцов продолжают разработку золота на Аргайту, но гораздо менее получают против прежнего.

В Чугучаке нет в пригоне баранов; бараны там по шесть даб.

Июля 31. Сыньфанды явился из аулов Коджагула с р. Кегень. Тлес, бывший в ссылке, возвращен и находится в Семипалатинске. Молва между киргизами, что по его делу русские хотят схватить Мусу Валитова.

Надир отправился навстречу жене, едущей с караваном Буранбая. Он хотел поехать в мазар.

Августа 2. Пришел караван Тенибая. Буранбай, Садык, Исхак, Ибатулла с баранами. С караваном сим приехала жена купца Ибрагима Амирова Тумон с дочерью Кендже-биби. Они уклонялись остановиться в фактории и уже принятыми мерами заставлены к этому. Кендже-биби ночевала у Надира. Она приехала с намерением остаться в Кульдже навсегда потому будто, что муж ее — султан Керим — похоронен в Дальней Кульдже, где прожи-
31 об. вают дети сына его Мербаки. Они говорили, || что из Семипалатинска скоро придут с караваном Осман Юсуфходжин, племянник Тумоны, и два сына султана Керима: Мербака и Мирсака. Первый будет с видом от нашего правительства, а последние — без билетов.

Августа 4. Известие, что Муса Валитов приехал на Каратал и что он хотел ехать в Копал.

Татары Галиакбер и Наджимеддин, бывшие здесь в прошлом году под именем приказчиков купца Апсаляма, но они торгуют на свой капитал. Первый — зять Апсаляма и имеет порядочное состояние.

Августа 7. Сдача в казну баранов; Садык сдал своих скоро, а у Исхака, Ибатуллы и Хамитуллы не приняли кунанов потому будто, что в числе их оказались малые и худые; между тем они говорили, что кунанов их никто не осматривал; мату за баранов

привезли прежде, чем приняли баранов и сдали ее Фазылу.

Августа 8. Означенные татары сдали и кунанов и не было брака.

32 || **Августа 14.** Прибывшие из дулатов торговцы (говорил Фазыл) сказывали, что пристав водворился на Чубарагаче, около того места, где было Тойчубеково укрепление, и возводит укрепление. На р. Или при впадении Талгара сорок человек строят пикет и паром.

В Кокане спокойно, только хан со старшим братом своим, правителем Ташкента, питают друг к другу неудовольствия, и потому будто приостановились ездить даже торговцы из Кокана в Ташкент и обратно.

Весною отряд коканцев до трех тысяч человек выступил к Акмечети и немного подрался с русскими.

Фазыл ездил на Кокдалу показать китайцам баранов. Садык говорил, что билет из таможни он получил на пути в Кульджу при Аяккарауле, в Копале для того оставлен был работник. О высылке билета он писал из Копала 25 или 26 июня к Апсаляму.

Августа 15. Фазыл продал баранов кашгарцу: кунанов пятьдесят семь на ямбу, а секов восемьдесят пять продал на серебро.

Садык говорил, что бараны все принадлежат ему, а апсалямовых нет. Он не писал к Фазылу, что его не пропускают на карауле, а писал только о том, как поступить с баранами, находящимися в сувановских аулах, т. е. гнать ли их в Кульджу. Он прошел через караул вместе с Буранбаем, которого дождался на урочище Саз.

Августа 16. С баранов, продаваемых по мелочи, китайцы берут пошлину. Кашгарец, купивший у Фазыла баранов, говорил, что не даст пошлины, если не прикажет само начальство.

Сегодня отправился китайский обоз и солдаты, следующие в отряд на Борохуджир, а оттуда далее для осмотра границы. Амбань выедет завтра или послезавтра.

32 об. || **Августа 17.** Фазыл говорил, что с кашгарца взяли пошлину с баранов за городом, когда он погнал в Дальнюю Кульджу. И с прочих покупателей также берут пошлину. Покупатели хотя ссылаются на объявление, но таможенное начальство говорит, что вы затеваете? Вы русские что ли? С маньчжуров пошлины не берут.

Явился султан Ахметша Сюков. Он говорил, что по билету не пропустили его на Борохуджире потому, что нет двадцати верблюдов, и потому он объявил, что представит в дань трех лошадей. После он же говорил, что билет показывали только тунше, переводчику.

Августа 18. Объяснение с дулином о Мухамедше. По выходе он зашел в купеческий дом; на вопрос Осману отвечал, что был за делом о киргизах, но они приехали с билетами, которые он видел. Хамитулла объявил, что на Кокдале вчерашней ночью напали во-

ры на табун, поутру не оказалось двух его лошадей. Китайский отряд располагается там, поэтому думают, что лошадей сих украли солдаты из этого отряда. Работники хотели осмотреть их табуны, но их не допустили.

Садык говорил, что в степи покупают баранов на мату: в прошлом году давали за сека по одной мате, за кунана — по полторы, а ныне за сека — полторы, за кунана — по две маты, за лошадей — по двенадцати и пятнадцати мат, за быка — по восьми — десяти баранов [мат].

Августа 19. Работник султана Ахметши рассуждал:

— На караул пришли мы перед вечером; султан с ногаем уехал вперед, приехав с верблюдами, мы поставили шатер. Вскоре пришел тунши с другим калмыком. На вопрос тунши султан говорил:

— Еду в Кульджу с извещением о смерти отца и веду цзянцзюню лошадей в дань. Тунши сказал:

— Ну, завтра можете ехать. О билете с красной печатью ничего не говорили.

Мухамедша поутру ездил вниз и там встретился с туншой и дулином. Они зашли к сарту Калмырзе и там что делали, неизвестно, при встрече же тунши говорил, что мы тебя искали, почему ты не стал в майтунцзе? Султан говорил:

— Я русский подданный, потому и остановился в русской фактории.

33 || Хамитулла, воротившись с Кокдалы, объявил, что следов украденных лошадей не открылось; осматривали окраинные табуны китайского отряда. Когда воры ворвались к лошадям, то работники, заметив это, бросились к ним: один работник неизвестного сарта ухватил как вора, но другой в это время шарахнул его чокмаром *[34] по спине так, что работник свалился с лошади.

Фазыл явился с ходатайством о Кендже-биби и Тумоне; говорил, нельзя ли оказать им милость и проч...

Августа 22. Рассказывал Фазыл: пристав избрал место для водворения на р. Ишиксу, ближе Талгара, где уже построены землянки. Он ездил с двумястами человек к дулатовскому бию Диканбаю, кочующему по сю сторону р. Чу на урочище Мустюбе. Тот дал для подводы верблюдов. К приставу приехал из каракиргизов манап Касыбек с изъявлением желания поступить в подданство к русским. Из албанов один род кызылбурк по вражде с родовичами своими откочевал и остается в волостях сего манапа, поэтому пристав объявил ему, что он распорядился выслать тех киргизов в Албановскую волость, а потом займется делом по его просьбе, для чего и остановил его у себя. Тот послал для сего своих людей.

Августа 26. Пришел караван киргизов из Кызаевской волости. Они пригнали до полуторы тысячи баранов. Султан их Бутеке

*[34] *Чокмар* — дубинка.

прислал письмо, прося защитить от притеснений со стороны китайцев. Сын его Худайменде рассказывал, что Кызаевская волость кочует около Алакуля на урочище Караагач. Намерения старших и народа таковы, что готовы исполнять требования китайского начальства и русского правительства, и потому отец его Бутеке, почитая дружественными обоих государей, послал его в Кульджу с тем, чтобы он явился и к китайскому начальству и к русскому.
33 об. И он, Ху||дайменде, явясь сюда, говорил: «на чьей земле живут, того и воду пьют, и потому извините, что я остановился внизу: я исполняю волю отца, который приказал явиться и к вам и к китайскому начальству».

Из Чугучака каждогодно выезжает китайский отряд для сбора с киргизов дани; нынче еще не бывал, но должен быть в настоящем месяце, потому что всегда выезжает в это время.

Бывший с султаном чалаказак Токмулла говорил, что в прошлом году султан Бутеке был в Аягузе, представлялся генералу, рассуждал с ним более пяти часов, получил приказание, чтоб Бутеке распорядился к удовлетворению претензий наймановских киргизов, а если и кызаи имеют на них претензии, то рассчитаться при общем съезде на Катынсу. Бутеке, воротясь в волость, был на общем съезде, где все дела кызаев с наймановцами были покончены, заключены мирные условия, и теперь народ живет спокойно. Во время представления к генералу Бутеке просил о принятии его в подданство. Генерал сказал, что об этом он донесет князю.

В нынешнем году в мае месяце Бутеке послал в Аягузский приказ бумагу и просил о том же, и он желал бы на урочище Карагаач построить курган. Но ответа еще нет.

Августа 27. Садык говорил, что из Копала отправлен был им приказчик в Кызаевскую волость, который с баранами должен был приехать в Кульджу, но он прошел будто на Джузагач — это очень беспокоит меня. Мулла Паттах из кызаев хотел скоро отправиться в Копал и оттуда в Кульджу.

Жену Фазыла — Зулейху хочу оставить у суванов.

Пшеке говорил, что Кендже-биби за полтора месяца до выезда из Семипалатинска отправила свои вещи на Аркат, должно быть, Ибрагим не согласен был отпустить ее в Кульджу, но потом, верно, мать упросила его и вместе с нею выехала с тем, чтобы при
34 своих глазах выдать ее замуж || за хакимбека, если он ее возьмет, но в противном случае вместе с нею воротиться назад.

Тумон говорила, что на Копале ее должен встретить муж, а если не он, то брат. Муж ее Ибрагим намерен торговать в Копале, и князь позволил ему это и купить дом.

Садык говорил: если не встретится надобности ехать самому в Семипалатинск, то приеду в Кульджу через месяц или полтора. По делам, какие есть с китайцами, как-то: уплата и получение долгов, он отозвался, что это все справит Тагир, которому все это известно.

Августа 28. Искендер объявил, что вчера он купил сорок восемь куниц и сто пять лисиц, лисиц и куниц вместе по семьдесят пять на ямбу.

От пастухов на берегу узнаю, что семипалатинский ташкентец Чжиндынияз пришел вместе с кызаевскими киргизами, он пригнал до ста пятидесяти баранов и остановился вместе с прочими ташкентцами.

Кызаевцы продают баранов на деньги и мату, кунанов — по два с половиной сяра и по пять и по шесть даб; на тайтюяк — по одиннадцать и двенадцать баранов.

Сентября 1. Из Кызаевской волости пришли три коша сартов с баранами, коих пригнано шестьсот. Сарт Джиенбай рассказывал, что он был в Чугучаке — постройки там еще не окончены, производятся все еще деревянные работы. Он выехал оттуда дней двадцать назад. При выезде видел Букаша, который только что приехал. Торговцев там много, встретил идущий караван из Троицка и Петропавловска (около трехсот верблюдов).

Сентября 2. Вчера представлялся цзян-цзюню султан Худайменде Бутеке: он спрашивал его о благополучии народа. Объявил, что он доволен Бутекою за то, что он распорядился отыскать лошадей и верблюдов, которые украдены были киргизами из отряда китайцев, следовавших в Чугучак и обратно.

34 об. || Цзян-цзюнь спросил у султана:

— Отчего ныне так мало пригоняют от вас баранов? Он хотел ответить:

— Потому, что на караулах офицеры притесняют — берут много баранов, а по пригоне сюда берут в казну лучших баранов. Но сообразив, что из этого возникнет дело — потребуют сюда караульных колдаев и через то ему придется проживать здесь долго, он дал ответ:

— Прежде всего уже часть баранов была пригнана, и это киргизы делают кто как желает и имеет нужды, поэтому пригон баранов зависит от воли всякого желающего.

В это же время явился какой-то сарт от Тезека. Цзян-цзюнь сказал ему: «В ту сторону послан для сбора дани наш Ишдарин; скажи Тезеку, чтоб он хорошо встретил и проводил его».

Приехал Адамсат из аулов своих с Чечжен. На пути встретили его два солона близ Чифаньцзы. На вопрос он сказался им проезжающим из аула в другой и что везет кумыс Укурдаю.

Для подвод в отряд за Илю [он] давал около двадцати верблюдов. С аулов Коджагула и Кунчая следовало взять пять верблюдов, но они не дали, следуя внушениям Тезека, который уведомил их, что русское начальство не требует этого, но что Адамсат сам хочет выслужиться такою услугою. Сам Тезек будто не дал ни одной подводы, говоря, что волость его вся за Илей.

Пристав расстрелял пять человек киргизов воров; первый был чапраштинец и когда его расстреливали (это видел подводчик из

аула Адамсата), прочих расстреливали после; они из волостей Албановской и Дулатовской.

35 || Адамсат говорил: весною, когда Буранбай манап кочевал около Алматов, от каракиргизов выезжали барантовщики к нему, но за Илю не переходили, Буранбай кочует по сю сторону Чу; сам, или сын его, были у пристава с объявлением желания поступить в подданство к нам.

Дулатовские значительные бии Диканбай и Субатай признали подданство русским, только Тойчубек с малою частью аулов укочевал вниз по Чу, но и ему некуда деваться.

Адамсат жаловался, что Тезек лишает спокойствия его аулы, производя через тюленгутов своих кражи скота у суванов и не делая за это удовлетворения. В бытность ныне в Копале он объяснял эти обиды приставу, сказав: «Тезек при вас подобен барашку, но в аулах он делается тигром». Тезек после того дружески жал ему руку, говоря: «Ну, полно, рассчитаемся». Но по возвращении не только [не хотел] сделать удовлетворения за прежние кражи, но у посланного отобрал лошадь.

Китайцы каждый год весною делают распоряжение к удалению киргизов за линию караулов; ныне было то же; но еще к этому было причиною и то, что кочующие на Тиеке аулы Мусы Валитова вытоптали китайские пашни; китайцы жаловались об этом колдаю в Борохуджире, а тот писал в Кульджу. Тезек в прежнее еще время хлопотал у китайского начальства, чтоб оно удалило Адамсата для соединения *[35] с ним, но просил ли он ныне —[Адамсат] не знает и соврать этого не может.

35 об. || **Сентября 7.** Был у нас султан Худайменде. Он говорил: «Был у цзян-цзюня, который ничего особенного не разговаривал, а только спросил, благополучен ли народ и где кочуете?». За представленных в дань лошадей получил один манлык, одну штуку материи, четыре шанских дабы, фу-чая две штуки, кувшин водки, мешок риса и меру ячменя.

Баранов продал по пятьдесят восемь на ямбу. В казну сдал секов без выбора, об этом предварительно просил у Ту-колдая, и он сделал ему это уважение.

Кызаевцы зимою кочуют около караула Токты, летом не кочуют там, сберегая корм для зимы.

Баранов выгодно продавать и на месте в волостях, потому что покупают калмыки также и на серебро.

Сентября 11. Буранбай сказывал: «На днях приехал ташкентец Абзан, он говорил, что кокандский хан Худояр ходил с войском к Ташкенту и умертвил тамошнего правителя — старшего своего брата Малибека, причины к этому были те, что Малибек не признавал власти Худояр-хана, отказался выдать ему подать, которая собирается в Ташкении, каковая простирается до двадцати пяти тысяч червонцев, притом Малибек начал производить непри-

*[35] Так в рукописи.

личные дела — удовлетворяя свои прихоти, он даже отбирал из домов девиц, какие ему нравились. Жители были оскорблены такими его поступками, и когда прибыл Худояр-хан, они сами выдали ему Малибека».

Сентября 12. Пришел караван Бабы Аупова. Пристав ожидал китайцев на Коксу. Китайский отряд в числе 50 человек следовал на Коксу. Пристав, узнав об их прибытии, прислал двух казаков с приглашением, чтоб они приехали к нему. Поутру рано китайцы уехали к приставу, он угощал их чаем и бараниной. Когда караван подходил к Уйгенташу, китайцы возвращались с Коксу назад,
36 и встретившиеся из них каравану четыре человека || говорили: «Хотели приехать на Лепсу, но говорят, что туда нам ехать нельзя». Главный штаб китайского отряда находится на Усеке, султан Тезек — у пристава. На Коксу ездил зянги из Аккента. Сибо-зянги живет в Тышкане.

Сентября 14. Сегодня из кургана выехал караван на триддати верблюдах с чаем разного рода; по рассказам, караван этот отправили в Ташкент, вчера также отправлено несколько верблюдов на Кокдалу; Надир-батыр тоже отправил свой чай.

Буранбай отправил работника на четырех верблюдах с товаром на тысячу двести пятьдесят рублей.

Сентября 16. Митан и Баба Аупов продали баранов кашгарцу Худайберде по девяносто на ямбу, половину получат серебром, а другую — матою.

Баба продал кашгарцу кож на полторы ямбы по триддать девять на ямбу.

Сентября 19. Худайберды говорил, что с баранов, купленных у Митана и Бабы, пошлины не взяли и не требовали.

Сентября 20. Баба продал товаров на сто пятьдесят сяр, нанку продавал по три сяра пять мыскал, по три сяра семь мыскал и по четыре сяра, желтую — по пять сяр.

Получено известие от китайского урядника, что идет Абдраим с караваном на ста десяти верблюдах. Усман говорил, что идут киргизы с баранами, коих две тысячи двести.

Сентября 23. Пришел караван Абдраима с прочими, пригнали 1500 баранов. В Чугучаке торговля остановилась с августа, наших товаров почти вовсе не берут.

В Китайский торговый двор пришло сартов три коша, пригнали до тысячи баранов. Мербаны тоже приехал туда.

36 об. || **Сентября 24.** Сегодня возвратился китайский отряд из похода с Борохуджира. Семипалатинский ташкентец Мамун Султанов пришел в Кульджу со своим товаром, но на право торговли взята доверенность от купца Аюпова.

Октября 3. Пришли кызаевские киргизы — брат султана Бутеке Абетай, пригнано баранов семьсот.

Октября 6. Торговцы рассказывали, что сегодня китайским купцам пришло много чая. Абдраим продал полубархат по семнадцать сяр за штуку.

26 об. || Абдуллатиф жаловался, что у него с Кокдалы из табуна украли двух лошадей, следы привели к деревне Тарчжи.

Октября 7. Кызаевский султан Абетай продал баранов на мату, по четыре и три четверти маты за барана.

Октября 10. Абдулла-ахун — служитель в майтунцзы сообщил нашим торговцам, что вчера получено с Борохуджира донесение, что идет Исмаил с караваном, в котором гонят четыре тысячи баранов и пятьсот козлов.

Октября 13. Пришел Исмаил с караваном, пригнал баранов четыре тысячи двести, Исаева товаров — на пяти верблюдах. В Борохуджире Исмаил предлагал колдаю двух баранов, но он не взял, а купил семь баранов и заплатил по две с половиной дабы.

Сегодня китайцам пришло чая на пятидесяти верблюдах.

Грысов рассказывал, что на Борохуджире находится с колдаем чиновник, который объясняется по-русски.

Октября 21. Абдраим рассказывал, что консул в Чугучаке поколотил одного китайского чиновника по делу о сборе китайцами пошлины; об этом получена бумага цзян-цзюнем от тарбагатайского амбаня и что вследствие сего отправляется отсюда туда один колдай.

Октября 23. Он же сообщил, что в Чугучаке возникло дело с китайцами за места с киргизами, на которых китайцы промышляют золото или серебро.

Октября 24. Пришла почта и приехал Исаев, он говорил, что Фазылу в Копал пригнаны от кызаевцев бараны приказчиком его — рыжеватым мужчиной, у которого один глаз с царапиною (это шурин Фазыла Мамет).

Октября 27. На ужине у Нияза беседовал старик Селимджан; он приехал из китайского кургана, но оказалось, что он ташкентец с Арката и прибыл в Кульджу вместе с караваном Абдраима и прочими.

37 || **Октября 29.** У меня был китайский чиновник — известный переводчик русского языка, он объяснил, что у него много дел и оттого не бывал у меня давно. Говорил, что из Чугучака получена здесь бумага, что там началось дело за места Тентексу и поэтому отсюда три дня назад командирован А-колдай с солдатами.

Октября 30. Абдраим рассказывал: «Бывало, когда киргизы разграбят китайский пикет или деревню, здешнее начальство отправляет к ним полковника с отрядом, киргизы и не думают исполнять его требований, и он, наконец, убеждает их ласково. После этого киргизы представляют ему какого-нибудь сумасшедшего, никуда не годного киргиза, яко виновника во всем произведенном грабеже и убийстве. Полковник возвращается в Кульджу, расставляет шатер, одевают в хороший халат калеку и содержат его несколько дней, потом доносят цзян-цзюню, что такой-то колдай захватил и привез воина, главного разбойника. Воина сего требуют к суду и допрашивают в присутствии всего генералитета: «Ты учинил такой-то грабеж?». Тот, не понимая ни слова, ни дела,

отвечает: «Я учинил». Суд решает отсечь ему голову, и приговор исполняется немедленно. Вслед за этим являются и султаны, как, например, Тезек, чтобы воспользоваться подарками от китайцев за содействие в захвате разбойника, и китайское начальство щедро удовлетворяет их желание».

Он же рассказывал: «Семипалатинский ташкентец Алим с женою своей приехал в Копал для сыскания средств к пропитанию, потом отправился в Кульджу, а жену оставил на Каратале. На пути два татарина, с которыми он ехал, ночью начали душить его, но дело обращено в шутку. При встрече с Бикташем это объяснено было ему, и он укорял тех татар, что они нехорошо так шутят. Теперь нет нигде ни Алима, ни татар. Жена Алима приехала вчера с одним сартом в китайский курган и намерена жаловаться об этом г. консулу, что, по предположению каратальских сартов, дело это должно быть известно Тезеку и что один из тех татар уехал в Ташкент, а другой — неизвестно где».

Албановского рода отделения чачжабий Бийбатыр прежде много вредил торговцам и крал у них скот. Он кочует недалеко отсюда по Или. Нынче же советует торговцам приказывать работникам хорошенько караулить скот, иначе, если случится кража, это отнесется к нему и его аулу, но он теперь не намерен и не желает обидеть их.

37 об. || **Октября 30.** Молва в городе, что мятежники овладели городом Саньси! Китайский государь бежал из Пекина по причине угрожающей опасности.

Ноября 1. Говорят, что товарищ цзян-цзюня хэбэ-амбань назначен губернатором в Саньси *[36] и двадцатого числа должен выехать отсюда. По другим известиям от китайских купцов, хэбэ-амбаня вызывают в Пекин; на него поступила жалоба хану по делу Ванбека, что он взял с него двести ямб и золотой таз, что амбаню будет худо, ему назначен срок явиться в сорок дней.

Ноября 12. Выехал хэбэ-амбань; говорят, караван его имущества отправился на пятидесяти возах, а серебра — на двадцати верблюдах.

Ноября 13. Исмаил Манасыпов говорил, что кашгарец Худайберды, купивший у него до девятисот баранов, сказывал о сборе китайской пошлины с баранов: «Знаю, что не должно платить пошлины, но знаешь, что, состоя в зависимости от здешних властей, можешь подвергнуться стеснениям от них, а чтоб избежать этого, добровольно отдал бажчигерам — сборщикам пошлины по пять или по два с половиной фына с барана». Он же, Манасыпов, сказывал, что купивший у него тунгэне баранов, также во избежание угнетения от китайского начальства, заплатил пошлину за шестьсот баранов и просил Манасыпова, если кто спросит из сборщиков, показать это же число, а между тем купил до девятисот баранов.

---

*[36] То есть *Шаньси* — провинция на северо-западе Китая.

Ташкентец Нояб, служитель Букаша, между тем имеет свой капитал в числе Букашева.

Ноября 14.

— Мурат, куда едешь?

— Веники везу в курган, к аркатским ташкентцам; они тоже собираются выезжать с караваном.

Нияз сказывал, что в прошлом году семипалатинская таможня взыскала с него пошлину с чая, вывезенного до записки в Индию, по восемь копеек серебром с фунта лишних, против записанного и имеющего свидетельство от консула.

Ноября 15. Исмаил Манасыпов, семипалатинский купеческий сын, объяснил, что он намерен в будущем году погнать баранов в Кашгар через волости каракиргизов, променяв там баранов на ямбы, приехать в Кульджу. В сентябре выедет от каракиргизов и в ноябре может воротиться в Кульджу. В Кашгаре выгодно прода-
38 вать баранов; когда они в цене, то кунанов да||ют 35 на ямбу, а секов — 45 и 50; когда же бараны дешевы, то дают кунанов по 40 и 45, а секов — 60 и 65 на ямбу. Расчет производится на ямбы, ямбу считают в 500 и 400 тенга кашгарских.

Киргизы в степи не берут у торговцев серебряную и золотую монеты, сомневаясь быть обманутыми, но охотно берут ассигнациями. Бии и прочие, хотя принимают монету, но также с неохотой и берут ее уже в необходимости, предпочитая ассигнации, верные и удобные для хранения при себе.

Исмаил рассказывал: «В прошлом году в Чугучаке у г. консула украдена лошадь, заподозрены киргизы байджигиты, они предлагали уплаты сколько угодно: двадцать лошадей или верблюдов, но когда это было отвергнуто, а требовано найти лошадь, то таковая [была] отыскана. В нынешнем году у одного торговца также украдена лошадь, байджигиты уплатили за нее штрафа десять лошадей.

Кызаевские киргизы, в аулах которых торговал Исмаил, не имеют желания вступить в подданство к нам и говорят: «Разве русские придут к нам и заставят, тогда поступим».

Ноября 17. Абдраим слышал от китайцев: трое чампанов, рассуждая о беспорядках внутри Китая, говорили: «Да и нам нельзя ли начать здесь что-нибудь!».

Ноября 18. Исмаил спрашивал, можно ли вывезти отсюда ревень? Китайский купец сначала давал сто двадцать чжин на ямбу, потом сто сорок и, наконец, согласился дать двести чжин.

Действительно, великая была бы польза для нашей торговли, если бы все наши купцы советовались и поступали единодушно, не врозь, для выдержки цен сдавали и принимали товары и скот между собою, особенно мелочники. Но нет стремления к сему, а всякий, хотя с одной ямбой, спешит взять из рук китайцев, даже дороже; были и такие, которым даже предлагалось взять товар из рук наших, как, например, чалаказак Хайбулла, которому Исмаил
38 об. советовал: || «Тебе нечего торопиться и ездить к китайцам, а

лучше возьми чай или что нужно из моих рук». Но он на это не только не согласился, но еще осердился и сам ездил в город с ямбою за пазухой.

Ноября 19. Исаев сказывал, [что] недавно зашел к нему китайский чиновник и спрашивал: «Нет ли золота»,— показывая один полуимпериал, и говорил, что он купил таких сто триддать штук, объясниться с ним о дальнейшем он не мог.

Ноября 25. Отправился караван наших торговцев; по поданным объявлениям у всех показано сто восемьдесят четыре верблюда, а когда караван выходил и [была] сделана проверка, оказалось двести шесть верблюдов. После требования объяснения от торговцев оказалось: Баба Аупов отозвался, что у него тринадцать верблюдов нанятых и еще два простых, которые не записаны в объявлении, у Момуна — три, у Исмаила-старика — два верблюда, также нанятые и не записанные в объявлении. Рождается подозрение: не приняли ли эти торговцы чужой товар торговцев из кургана, потому что перед сим и оттуда вышли аркатские сарты Саминчжан с прочими, которые и сюда пришли с нашим же караваном.

Ночью на сие число кто-то проехал на верблюде через Чингиль; след нельзя было исследовать [узнать], к чьему кошу подошел. Старик Исмаил вечером просил Новоселова не запирать пока западных ворот, потому [что] он и другие станут вывозить мусор и снег. Сначала, когда спрашивали всех торговцев: «Кто просил урядника не запирать ворота?»— никто не показал этого, а когда урядник лично указал на Исмаила, то он и сознался, что точно просил.

Ноября 28. Ильчибек из Чугучака. Там молва, что будто в Кульдже ссора с китайским начальством, что торговцы наши выгнаны.

39 || **Декабря 2.** Пришел Катышевцев с караваном. С ним пришли и киргизы ведения Али-султана, акалакчи Джаубасар — всего двадцать два человека; они привели в дань цзян-цзюню трех лошадей. На Борохуджире, чтобы избегнуть насильственного выбора у них баранов китайцами, киргизы отделили из двухсот баранов пятьдесят пять лучших и просили Катышевцева объявить сих баранов своими, хозяином их сделали киргиза Манабая, который и приехал в факторию нашу. Сексенбай послан Эралы-султаном будто наведаться о здоровье г. консула, но между тем [он] один из главных путеводителей означенного каравана, вечером уехал вниз и там ночевал. Татарин Лутфулла, возчик Катышевцева, сказывал, что, не доходя Борохуджира, достигли их те киргизы и говорили, что они идут в Кульджу и ведут в дань лошадей цзян-цзюню от Али-султана. Абдраим говорил, что в нынешнем году в китайском торговом дворе было в пригоне всего до четырнадцати — пятнадцати тысяч баранов.

Торгующими в кургане разными сартами вывезено нынче чаю байхового до ста шестидесяти ящиков, кирпичного — до десяти тысяч штук.

Декабря 7. Абдраим говорил, что с некоторого времени в крепости учрежден ночной разъезд; всю ночь ездят до восьмидесяти человек; прежде же ночные караулы находились по угловым башням крепости.

Декабря 10. Приход почты. Приехал Наквасин на киргизских лошадях, из Копала он отправлен на почтовых, но они едва дошли до аулов Джангозы-султана на урочищах Бичже-Коксу и Алтын-Эмель.

39 об. || **Декабря 12.** Нияз объяснил, что Хунхулы — это местность начиная от Кульджи до Или и на север до самых гор.

Декабря 19. Покупка чая Исаевым у Ху-янгуды. Сукно [продают] по 3 куска на ямбу. Баба говорил, что Исаев без совещания сделал это, дав три куска на ямбу, тогда как условлено было, чтоб того сукна давать две с половиной штуки, а сукно Бабы — по три штуки.

Декабря 22. Пришел караван ташкентцев до двадцати двух верблюдов, товар — опий, их вышло до двадцати семи кошей, но многие разошлись по волостям. Есть еще идущие сзади; караван-баши их Бабаджан.

Декабря 23. Рассказ Абдраима; как ташкентцы сражались с русскими при Акмечети, что по взятии русским отрядом укрепления Акмечеть много было убито правоверных мусульман; вскоре коканское правительство выслало войско до восьми тысяч. Шадбанорак спешил застать кафиров в укреплении, они скрыто выжидали на дороге новых гостей; куда половина войска прошла, русские начали стрелять из пушек, много, до трехсот или более человек, было убито, остальные рассеялись и обратились назад. Позади Шадбанорака шел главный предводитель; получив такое донесение, он приказывал Шадбану вновь идти сражаться с русскими, но он отказался, говоря, что ему все равно умереть; когда войско воротилось, Шадбан признан за бабу, потому что от трусости отступил, бежал и за то ему по воле хана обрили бороду, а на голову навязали женский чжавлук — платок.

40 || **Декабря 24.** Исаев, воротясь из города, объяснил, что китайские купцы приостановили торговлю; на товары их наложена пошлина: на ящик чая по два мыскала; купцы находятся в каком-то замешательстве; Ху-янгуда, условившийся сменять чай на плис по семь кусков на ямбу, отказался от размена. Абдраим сказывал, что на сие число ночью привезен указ от хана цзян-цзюню, а ночью собран совет, какое дело — неизвестно. Купцам приказывают взять казенной дабы двадцать тысяч кусков и внести деньги за оную.

Декабря 25. Купцов собирал к себе староста по приказанию цзян-цзюня и предлагал взять казенной маты сорок тысяч кусков по два мыскала серебром, по купцы отказались. Абдраим говорил, что цзян-цзюнь ночью собирал для того, что правительство требует доставить с Илийского края... тюменей серебра.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА К ИЗДАТЕЛЮ

...Теперь хотя [немного] о Киргизской степи. Известно, что киргизы Средней орды платят ясак, т. е. определенную часть своих стад, впрочем натуральная уплата лошадьми, баранами и прочими давно уже заменена денежною. Это, по-видимому, самый рациональный налог, нечто вроде incometax *[1] в Англии, потому что распределяется пропорционально имуществу. Но увы! на деле оказывается совсем не то. Прежде чем собрать этот налог, надобно сосчитать весь скот, а это делается таким образом. Каждые три года члены приказов ездят по аулам со списками, в которых заранее поставлены огромные цифры [количества] скота; кто хочет откупиться от непомерного ясака, должен бывает дать чиновнику, чтоб он уменьшил показанное число голов, которых сосчитать в сущности невозможно. Из этого составляют себе состояние не только члены приказов, но и первоприсутствующие лица областных правлений, особенно омского (про семипалатинского губернатора Панова сказать худого нельзя, он человек вполне честный?). Давно говорилось уже, чтоб заменить ясак кибиточным сбором, т. е. платою с юрты, но омские власти находят это невыгодным, хотя, например, вся Малая орда, т. е. киргизы оренбургские, уплачивают подати по этой системе.

Впрочем и в Малой орде штуки совершаются недурные. В 1858 г., когда собирался в степь Катенин, несмотря на его запрещение делать ему торжественные встречи, более 60 000 рублей серебром было собрано под этим предлогом с одного Западного отделения орды. Деньги эти, как говорят, пошли в оренбургское областное правление, и любопытно было бы получить обстоятельные о том сведения, например, от биографа-ориенталиста, который теперь стоит во главе управления оренбургскими киргизами.

Перешагнув в Оренбург, невольно скажешь о другом полукочевом, полуоседлом бедном народе — башкирах. Известно, что это самые бедные люди из всех в Европейской России, кроме разве витебских и белорусских крестьян. Разорение их приписывают Обручеву, но это неправда. Обручев был честный старик, и если обременял башкир подводами, то лишь дополнил их разорение, а

*[1] То есть *подоходный налог.*

вовсе не начинал его. Разоряют их кантонные начальники да войсковое правление. В тех округах, где, например, жгут поташ, башкир бывает обязан сверх податей заплатить еще по 1 рублю серебром с каждого бочонка этого вещества, а есть кантоны, где выжигают от 15 до 20 000 бочонков.

Но вернемся опять в Киргизскую степь, о которой можно было бы сказать и очень много. Второю причиною ее разорения служат казаки. Это разбойничье население показало себя везде, кроме Кавказа (линейное войско) и Забайкалья, где оно сформировано из крестьян. Знаете ли, как обходятся с киргизом? До крайности просто. Вся его собственность кажется казаку своей собственностью и отнять у киргиза барана, украсть у него быка или лошадь считается молодечеством и ничем больше; так что офицеры даже не делают выговоров за это нижним чинам, а частенько и сами опустошают аулы. Есть даже господа, которые составили этим себе знаменитость, например есаул Бутаков, подполковник Абакумов и проч. и проч. и проч.

Подполковник Абакумов ограбил Копальский округ до того, что почетнейшие старшины в орде ездили лишь на единственных клячонках, имея всего скота 8—10 баранов. Гасфорт, долго ему покровительствовавший за его расторопность в степных походах, наконец столкнул его с места полкового командира и начальника копальских киргизов. Карьеру свою Абакумов начал еще в знаменитые времена Кенесары, когда русские отряды долго преследовали по степи этого агитатора. Они делали это нарочно, ибо начальству было выгодно несколько лет сряду кормить войско дорогим провиантом и фуражом. Неоднократно эти господа давали Кенесары возможность вырываться из самой, по-видимому, тугой западни. Наконец, дикокаменные киргизы, убившие Кенесары, лишили их этого источника доходов. Тогда наиболее нажившиеся, например, Карбышев, Волков и другие, удалились на линию и там занялись устройством разных заводов, торговлей скотом и проч., а Абакумов остался в степи.

Можно было бы сказать, что за счет киргизов живет все сибирское войско.

Большая орда податей не платит, но и она уже начинает поговаривать, чтоб русские ее «научили закону», т. е. пояснили, на каком основании они берут, например, быков и верблюдов для работ и не только не платят за наем, но и даже оставляют этот скот за собою. Г. Валиханов очень комически и совершенно верно изобразил это в статье, помещенной им в Зап. Геогр. общ., где даже упомянуты и некоторые лица, как, например, Тургенев, бывший помощник начальника орды, и переводчик Бардашев, которые отсидели целую зиму на Каратале, где утаили убийство. Впрочем о Большой орде лично нам неизвестно, мы более пока ничего не скажем.

СЛОВЕСНОСТЬ

5 || **Язык.** Так как язык есть главное отличие народов, поэтому кайсака следует отнести к племени тюркскому.

Народы, обитавшие в степи до нашествия монголов, были тюркского происхождения и теперь еще имена: канклы, кибчак и другие — остались в родах кайсацких. Монголы, повелители всех этих стран в XIV столетии, приняли язык этих туземцев. Но тем не менее влияние их в степи было значительное. Некоторые из монгольских племен: кирей, конграт и другие — встречаются и доныне в кайсацких родах. Следовательно, кайсак есть смесь тюрка с монголом: он говорит языком первого и носит облик второго.

Обо всех остатках древности: могилах, брошенных пашнях, жерновых камнях и оставленных рудниках — они говорят как о работах ногайцев, ушедших в Россию. Следовательно, ногаи, или татары, как звались в то время, имели власть над ордынцами,
5 об. и Едигеева могила || в этом отношении достаточный факт, [она] стоит в самой глубине этих степей, на Улутау.

Находясь под таким влиянием монголов, кайсаки не могли не занять от них вместе с обликом и несколько слов монгольских, которые относятся к названию зверей, предметов, а иногда совершенно одинаково звучат и с глаголами, имея свое нормальное окончание *мак* или *мах,* поставленное вместо монгольского *ху* или *кю*.

Кайсаки разных орд не разнятся в языке. Однако ж у кайсаков Большой орды язык имеет небольшие отличия, заимствованные под влиянием языка ташкентского (джагатайского), когда орда эта некоторое время кочевала в ташкентских и кокандских владениях. Это особенно заметно у султанов — потомков Аблай-хана, которые, без сомнения, имели более столкновения с ташкентцами и старались поневоле подражать им. Султан употреблял в разговоре слова джагатайские, не заботился о том, понимает ли его слушатель — простой кайсак, который нередко, прослушав довольно
6 длинный монолог своего родоначальника||, отходил в сторону, глубоко пораженный умом султана, насказавшего ему много-много, чего он не понял.

Вообще все кайсаки говорят языком, сходным с тем, который

употребляется у татар (ногаев), обитающих в Казани, Астрахани, Тобольске и Семипалатинске, потому что коренной язык их общий — древнетюркский. Различие языка кайсацкого от татарского заключается в перемене букв. Так, буква *шин* (ш) всегда заменяет букву *син* (с), например, *байгуш — байгус,* бедный; *фи* (ф) заменяется буквами *би* (б) и *пи* (п), например, *фатыха — батыха* (патиха); гласная буква *яй* (и), имеющая место в начале слова, всегда предваряется буквою *джим,* например, *яйлау — джайляу,* летовка; *ю* заменяется *джу: юрт — джурт,* народ; буква *чим* (ч) — *шим* (ш): *кулач — кулаш,* сажень; *кискач — кыскаш,* щипцы и проч.; два *лам* (лл) не остаются без перемены и последняя переходит в *даль* (д) или *ти* (т), смотря по твердости или мягкости слова, например, *алмалы — алматы,* яблонные; *куреклы — куректы,* а мягкое *кюзли — кюзды* и проч.

6 об. || Есть еще преобразование как буквы *лям,* так и других некоторых, но я нахожу лишним анализировать этот язык в подробности, а замечу вообще, что акцент слов кайсацких чрезвычайно тверд и груб сравнительно с языком татарским.

Кайсаки Большой орды говорят чрезвычайно громко и скоро, иных непривыкшее ухо вовсе не поймет, что и зависит, должно быть, от климатических условий.

Кайсацкий язык, следуя общему направлению восточных языков, вообще не лишен своих красот, срывающихся иногда с языка не только красноречивого и цивилизованного султана, но и обыкновенного кайсака, я сам слышал, как один простой кайсак выразился об одном образумившемся шалуне: «Душа его отыскала светлое окно и смотрит в него [как] на ясный день». Он выразил состоянием картины спокойствие души.

Не смея дать моему очерку о языке кайсаков Большой орды ученого значения, основанного на филологических разысканиях, я заключу его немногими словами.

7 || [...] До распространения в Большой орде русского влияния, сколько можно заметить, знание грамоты своего языка кайсака решительно не занимало и не беспокоило. Великий исправный султан и кайсак имел у себя по найму ташкентца, которому и доверял все. Но благодаря времени и обстоятельствам, по прибытии в орду учрежденного управления, кайсаки начали понимать, что уметь читать и писать им чрезвычайно полезно и полезно с двух сторон: во-первых, кайсак начинает пользоваться особенным уважением полуграмотных, которые подобного человека не иначе называют как муллою, и доверчиво слушают все, что ни скажет
7 об. гра||мотный, предполагая, что все им сказанное основано на законе пророка, чьи истины муллой уже вычитаны и постигнуты; во-вторых, научившись читать и писать, он приобретает и пользу вещественную; выписывая из своих книг молитвы, разные заговоры и талисманы, он сбывает их кайсакам, не оставаясь никогда в накладке.

Так как главными двигателями этого образования следует

признать наших торговых татар, начавших с появления русских более прежнего появляться сюда с торговлею, то кайсаки учатся писать по-татарски. Старшие султаны, поняв пользу знания грамоты, усердно покровительствуют этому просвещению, и нужно отнести к чести их, стараются и доныне заманить к себе в аул грамотного торгаша, которому охотно дают под науку своих детей.

Научившись читать и писать, грамотный кайсак почти всегда
8 вьется со своим аулом около султана и употребляется || в сноше-
ниях его с русским начальством вроде письмоводителя [...]

Кайсак, рожденный в степи под открытым небом, взлелеян самою природой без всяких вспомогательных средств к образованию. Но, несмотря на эти условия, в народе кайсацком есть своя поэзия и литература, не записываемая на бумагу, но передаваемая устно потомству, как единственное достояние языка. Они имеют песни, поэмы, сказки и пр.

Песни у них разделяются на два разряда: обрядные и обыкновенные. Те и другие я прилагаю отдельно в конце этих очерков *[1].

Общий характер песен родился в устах кайсака под влиянием степи, статного коня и красавицы, а потому кайсак постоянно вертится около этих предметов.

8 об. У кайсаков поют песни или одни мужчины, || или одни женщи-
ны и девушки, или молодые джигиты с девушками. На свадьбах
всегда поют девушки с джигитами, восхваляя жениха и невесту,
и всегда получают незначительные подарки, смотря по щедрости
воспеваемых особ, но об этом я буду говорить в своем месте.

Кайсаки любят петь песни в несколько голосов, но мало заботятся о согласии звуков. Им все равно, было бы спето и было бы по окончании произнесено слушателями одобрительное междометие чау, столь сильно поощряющее певцов [....]

Поэмы. У кайсаков Большой орды, как и у [других] кайсаков,
вообще есть целые поэмы, не лишенные интереса по своей зани-
мательности. Они также поются под домбру, балалайку и состав-
9 лены неспроста. Я слышал, || [как Баян-сулу] сама приставляет
кинжал к груди убитого Козы-Корпеча и умирает, падая на него.

[Могильный]*[2] памятник двух любовников этих и доныне находится на правом берегу Аягуза, в 10 верстах от пикета Кызыл-Кия, на юг по тракту из Семипалатинска в Копал, в полутора верстах от дороги, с правой стороны [реки]. Он сложен [пирамидой *[2]] из простого дикого камня, на глине. Высота памятника достигает сажен 7, вид его представляет четвероугольную пирамиду, на таковой же призме; внутри его пустота, [пирамида] закругленная сверху в виде свода; вокруг выложена ступень для сидения; двери обращены на юг, а оконное отверстие — на запад.

У подножия памятника стоят четыре бюста из гранита с

---

*[1] В рукописи, хранящейся в архиве Ч. Валиханова, никаких приложений нет.

*[2] Вставлено рукой Ч. Валиханова.

ожерельями; один из них выше всех, без головы. Какой-то остроумный кайсак замечает, что это бюст Кодара, голову у которого
9 об. откусил шайтан, сидевший в глубине колодца, но || замечание это нелепо: голова отбита каким-то русским невеждою, а Кодар имеет свой бюст, приставленный к его собственному могильному столбу.

Я думаю, эту поэму читатели будут скоро иметь перед собою целиком; один ученый сибиряк-ориенталист давно занимается в числе прочего этим предметом, и вероятно, одарит любителей ориентализма трудом, столь интересным.

Еще мне известна, по рассказам кайсаков, поэма «Ногайлы», живо рассказывающая о кочевании здесь ногайцев, о причинах их переселения во внутренние наши губернии и всех их деяниях. Этою поэмою, когда представится мне более удобный случай, я займусь подробнее.

Обе эти поэмы кайсаки рассказывают и в прозе. Певцы поэм в стихах называются «акынами», а рассказчики в прозе —«иртегичами».

10 Все поэмы передаются изустно потом||ству, и грамотный кайсак, не посвященный в тайны своей поэзии, не обращает внимания, чтобы передать все на бумагу.

Поэмы их так длинны, что на пересказ их нужно иногда дня четыре.

Певцы и рассказчики поэм суть никто иные, как странствующие поэты, шатающиеся из аула в аул со своей домброй и занимающиеся этим делом почти исключительно.

Импровизация и импровизаторы. Кайсаки мастера импровизировать. Импровизация называется просто «улен»— песня, а импровизатор —«уленчи»— песенник или акын, правдивый. Добросовестных импровизаторов по призванию очень мало [....]

Содержание, смысл и характер степной импровизации не отличаются никакою особенностью: всегда хвалится то лицо, которому она поется, и сравнивается чрезвычайно наивно [....] Он богат во-
10 об. ображением, и чтобы восхвалить богача, он сравнивает его || с ветвями развесистого тополя, ели и пр. Чтобы сказать о его красоте, он сравнивает его с обрезком чистого алого сукна; похвалить сердце, душу — он называет слушающего кречетом, батырство — конем-неуком, тигром и пр. Кайсак, так легко сдающийся на всякую похвалу, воспетую при народе, особенно начинает таять при похвале акына, бессмысленно бьющего по струнам своего инструмента домбры и распевающего речитативом свою импровизацию. Акын ни за что не запоет свою импровизацию с глазу на глаз: ему, кроме воспеваемой особы, нужна публика, которая бы имела сочувствие к остроумию, почаще издавала неистовые одобрения, выражающиеся иногда смехом, а иногда [....] криком, а между тем импровизатор чрезвычайно заботится и о славе и, даже воспевая батыра, не забудет намекнуть слушателям, что он во всем кайсацком народе первый акын и что, без сомнения, его имя и его даровитое красноречие возвестят слушатели по всей орде.

Акыны, сколько и мне известно, чрезвычайно плодовиты и не
11 скупы на || похвалы; они готовы петь под балалайку пять-шесть
битых часов сряду для одного человека и за словом в карман не
полезут [....], а простые кайсаки готовы слушать его целые сутки.

Окончив похвалы, акын замолкает и ждет от лица, которому
пел, награды. Получив малоценный подарок (богатые дарят
иногда из тщеславия и для славы своей щедрости и лошадей),
акын, не выразив на лице неудовольствия, как кайсацкий поэт,
снова принимается петь, но петь не о признательности к подарив-
шему, а о своем неудовольствии, намекая саркастическими сравне-
ниями на скупого и возбуждая общий смех у слушателей. Люди
с мягким сердцем не могут выдержать его сравнительных намеков
на скупость и после насмешек поневоле одаривают акына хорошо,
опасаясь, что всеведущий акын выскажет миру все, что знает
о нем.

11 об. || Я знаю в Большой орде двух образцовых акынов, которые
посвятили себя этому по призванию. Они глубоко уважаются в
народе и поют свои импровизации при публичных кайсацких уве-
селениях: на поминках и байге (скачке) и поют по избранию, а
не всякому кайсаку. Оба эти акына не замедлят приехать на об-
щественные увеселения, и цель их поездки сюда не столько кло-
нится к личным карманным интересам, сколько влечет любовь к
своему делу, желание сесть vis-a-vis и состязаться своими остро-
тами, чтобы получить в народе пальму первенства за свой ум и
находчивость. При этих случаях кайсаки делятся на две партии,
принимая представителем в своих родах сладкоречивого акына,
громко воспевающего славу отцов своего рода. Пение сопровож-
дается дуэтами *[3], в которых каждый акын-импровизатор поет,
разумеется, под балалайку [....], задевая щекотливо за живое своего
противника-акына, тоже вооружающегося всею силою своих слов,
12 своего красноречия..., и нет конца || этим дуэтам, столь глубоко
трогающим кайсацкое самолюбие и гордость. Эти акыны по боль-
шей части говорят дельно, и, как я уже сказал, кайсаки с уваже-
нием пользуются их советами.

Дуэт двух акынов и обыкновенную импровизацию я тоже в
числе прочего прилагаю в конце этих очерков *[4].

Сказки. Кайсаки на досуге по вечерам рассказывают сказки, и хотя они ничего особенного не имеют, но в них все-таки есть общая занимательность для кайсака, созданная вымыслом остроумного предка, передавшего потомству какое-нибудь батырство кайсака, а иногда и целого рода. Сказка, как и у нашего народа, имеет своих великанов, богатырей и чудовищ с железными руками и медными пальцами; имеет и шайтанов, подделывающихся под стать человека, и все ужасы, потрясающие слушателя, который верит в их существование, отнюдь не подозревая здесь вы-

---

*[3] *На полях помета Ч. Валиханова:* «Это, любезнейший, совсем не дуэт!»

*[4] В рукописи приложений нет.

думки. Сказка называется «иртеги», а рассказывающий —«иртегчи». Для большего уразумения характера, смысла и духа сказок я прилагаю одну из имеющихся у меня *[5].

Пословицы, поговорки и загадки. В языке кайсацком есть и
12 об. пословицы (макал), так отчетливо дающие понятие об их ха||рактере и народности вообще, конечно, они не так бойко, кратко и метко скажут, как из-под сердца русского человека, но некоторые из них, нужно признаться, очень хороши. При первом взгляде на некоторые из прилагаемых пословиц они, человеку не знакомому с кайсаком, покажутся не совсем понятными, темными и почти без значения, но в языке этого народа они на своем месте и сильны. Может быть, все они стары, но пословица: «У вола шея плоха, а с русским шутка плоха» явно говорит, что она родилась у кайсака, когда мы приобрели влияние в степи [....]

Многие из пословиц, как наши старинные русские песни, начинаются отрицательным сравнением, а некоторые из них по переводе на русский язык теряют смысл и, не поставив такую пословицу в переносном значении, трудно даже понять ее.

Собрав около 300 пословиц, я с удовольствием прилагаю их в конце этой книги *[5].

Всякий порядочный бий и султан помешан на пословицах и в разговоре с кайсаком старается пересыпать ими почти всякую
13 фразу. Это рекомендует у них человека умного, дельного и сов||сем годного быть бием, судьею. Некоторые из поговорок по их языку остры, и кайсак, чрезвычайно расположенный в пользу острот вообще, раскалывается со смеху, когда дельный человек отпустит какую-нибудь остроту, приняв на свою физиономию серьезный вид без малейшей улыбки для придания большего веса остроумию.

Кайсаку обыкновенно нравятся наши русские пословицы, и он с жадностью старается заучить, которая ему особенно придется по сердцу, чтобы высказать ее в виде своей какому-нибудь соаульнику. Нашим загадкам они удивляются, и они решительно недоступны их пониманию и соображению. У них есть и свои загадки (джумбак), но они очень вялы, длинны и слишком явны. Кайсаку кладется в рот значение загадки, но он по своей вялости и неповоротливости в понятиях долго не может сообразить и понять ее, а иногда и вовсе оставляет без исследований. Вот образец загадывания верблюда: имеет голос, как азан (призывание на молитву), имеет живот, как казан (котел), урму, как тамчи (каплю),
13 об. и имеет хвост, как камчи (нагайка). «Два || близнеца ягненка, оба без костей»— грудь женщины.

Кайсак занимается иногда остротами и не из пословиц, а создает свои. У них есть свои анекдоты (кыкаят) и даже скороговорки, от частого повторения которых неопытный часто выскажет нескромную фразу, вызывающую общий смех.

---

*[5] Приложений нет.

* * *

1 || [*Поэзия*]. Поэзия киргиза свежа, не приторна и не стеснена приличием оседлого народа.

Поэзия везде зависит от образа жизни народа, но везде изображает прелесть добродетели и гнусность порока. Поэтому необходимо взглянуть на образ жизни кочевого народа и на нравственность киргизов [....]

1 об. || Если мы познакомимся с кочевым бытом киргиза, нам невольно понравится его привольная жизнь; вам хотелось бы описать этот быт, эту жизнь, описать так, чтобы заманить читателя в степь с целью покочевать сколько-нибудь с ними. Отчего бы не описать увлекательно, следует только описать то, что вы видели на самом деле, простыми словами, со всеми подробностями; через это читатель увидит то же самое, что видел и автор [...]

2 А потому мы || думаем, что песни, сказки и пословицы представят степь читателю гораздо обворожительнее, чем целые книги, которые бы написали с целью опоэтизировать быт киргиза.

В одной сказке орел уносит охотника, который оделся в саёжью шкуру и в таком виде погнался за стадом саёг, и потому был принят орлом за настоящую сайгу. В другой — старуха чинит износившуюся землю. Вы верите в этот оргинальный мир, вам хочется кочевать в этих волшебных степях вместе с их сынами!

2 об. Кайсацкая сказка обыкновенно начи||нается тем, что в степи жил какой-то бай, т. е. богач, потом у него было столько скота, что когда перегоняли скот через равнину, то травы на ней не оставалось ни одного пучка, как от пожара. Далее рассказываются разнообразные приключения с героями сказки. В некоторых встречается такая же уродливая чудовищность, как и в русских сказках: алпы — какие-то столпотворители, построившие в степи огромные валы. Другие сказки, которые русские называют поэмами, полны истинной степной поэзии. Вымысел не злоупотребляет в них вашим доверием и как бы дорожит оригинальностью описаний перед искусством лгать так, что уши вянут у посторонних.

3 || Наконец, еще есть род сказок, которым в русской литературе дали название «сатирических» и в которых изображаются плутовство, обман и вообще те же азиатские пороки. Одну из них «О Джантае и его брате» я прилагаю здесь *[6].

Средний род сказок очень редок, это поэтические предания из древнего мира. Некоторые из них, как Козы-Корпеч и Итыгиль, имеют основанием старинные могилы, первая — на правом берегу Аягуза, на самом повороте караванной дороги из Петропавловска в Кульджу. Вторая — на одной из двух вершин горы Улутау. Кроме того, я слышал сказку в Большой орде «Аджигамиль», есть и еще несколько, известных только по названиям. Сказки эти называются стихами.

*[6] Приложения нет.

3об. || Кайсацкий импровизатор не соединяет в себе наших понятий о поэте. В нем не скрывается под нищенской одеждой гордость и независимость духа, напротив, импровизация его состоит из лести к какому-нибудь богачу, и цель ее клонится к тому, чтобы получить кусок алого сукна и проч. Он, несмотря на свое дарование, [не смотрит на него] как на достоинство, которым возвышается превыше самих султанов, напротив, смотрит как на ремесло, данное ему для добывания подарков.

[Замечания Ч. Ч. Валиханова]

4 || В этих записках есть весьма интересные частности, несколько фактов; зато общий взгляд слишком поверхностный. Критические идеи автора, попытки в исторических исследованиях показывают совершенное незнание истории среднеазиатских государств и преданий киргизов. Склонность автора рукописи к ученым теориям при слабых ученых познаниях, поползновение усвоить себе европейский взгляд и, наконец, юмористический тон в рассказах о грустной темной стороне киргизской жизни — все это производит на нас крайне неприятное чувство. Мы удивляемся, почему автор так радуется в статье «Война *[7]» страху, который производят наши казаки в орде? Судя по особенному жару, с которым автор восхваляет сибирских казаков (и, надо признаться, совершенно несправедливо), можно полагать, что сам он происходит от одного из завоевателей Сибири. Вообще взгляды и понятия его совершенно казацкие.

*[7] Этот раздел, как не имеющий научной ценности, опущен составителями.

КОММЕНТАРИИ

ШУНА-БАТЫР

(Авантюрист XVIII ст.)

Печатается по тексту ССВ, т. 1, 1961, с. 431—436. Впервые опубликовано в Сочинениях Ч. Валиханова, изданных под ред. Н. И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX. СПб., 1904). Ссылка на работу В. И. Вербицкого «Народные легенды кузнецких телеутов» (1858 г.) позволяет датировать работу не ранее 1860 г.

[1] *Дебачи* (Дабачи, Даваци) (XVIII в.) — джунгарский владетельный князь из рода Цэван-Рабдана, один из претендентов на ханский престол в Джунгарии.

[2] *Амурсана* (ум. в сент. 1757 г.) — владетельный феодал Джунгарского ханства, сыгравший важную роль в национально-освободительном движении западных монголов (1755—1758 гг.). После смерти хана Галдан-Цэрэна (1745 г.) Амурсана пытался занять ханский престол. Встретив сопротивление со стороны других претендентов, он призвал на помощь маньчжуро-китайские войска. Но, убедившись, что маньчжуры хотят ликвидировать Джунгарское ханство, Амурсана возглавил народное антиманьчжурское восстание, которое было жестоко подавлено. Амурсана бежал в пределы России, где вскоре умер.

[3] *Карасакал* (Кара-хан) — предводитель башкирского восстания 1740 г., которое носило реакционный характер и было направлено против присоединения Башкирии к России. После подавления восстания Карасакал ушел в пределы Казахстана и нашел убежище у бия Казбека в Каркаралинской степи. Опасаясь заговора враждебных Казбеку казахских феодалов, Карасакал вскоре покинул Каркаралинскую степь, перешел на Черный Иртыш и здесь нашел нового покровителя в лице влиятельного вождя найманов батыра Кабанбая, у которого он оставался до самой смерти. См.: Материалы по истории Башкирской АССР, т. III, М.— Л., 1949, с. 524—539; *Р. Игнатьев.* Карасакал, лже-хан Башкирии. Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАССР, вып. 2. Стерлитамак, 1922, с. 38—66.

[4] *Шуна* (Шоно-Лоузан) — сын ойратского хана Цэван-Рабдана, рожденный от брака с дочерью хана волжских калмыков Аюки-сетерджаб. В середине 20-х годов XVIII в., опасаясь гибели от руки Галдан-Цэрэна, бежал к волжским калмыкам, где умер в 1732 г. См.: *В. А. Моисеев.* Дело Шоно-Лоузана.— Общество и государство в Китае. Тезисы и доклады XIV научной конференции. М., 1982.

[5] *Кабанбай* (XVIII в.) — известный казахский батыр, один из вождей и организаторов борьбы с джунгарами. О нем сохранился богатый героический эпос, имеющий многочисленные варианты. Один из его списков хранится в ЛО ИВ АН СССР (Ленинград), в архиве проф. И. Н. Березина (ф. 5, оп. 1, лл. 174—177). (См.: «Қазақ әдебиетi тарихы». Алма-Ата, т. 1, 1948, с. 308; «Қабанбай батыр жыры». РОБАН КазССР, № 996—999; *С. Аманжолов.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 52).

[6] *Комовщиков* — правильно Котовщиков.

[7] *Барак* (ум. около 1750 г.) — влиятельный султан Среднего жуза. В период 1723—1730 гг. он являлся одним из руководителей казахского на-

родного ополчения в борьбе с джунгарами. См.: Барак-батыр (Народные предания по записи С. Сарыбаева). РОБ АН КазССР, № 1084.

8 *Вербицкий Василий Иванович* (1827—1890) — этнограф, миссионер; окончил нижегородскую семинарию, после чего жил на Алтае среди местных племен, обращая их в христианство. Вербицкий изучил быт и язык алтайского населения, на основе чего опубликовал труды: «Алтайские инородцы», «Краткая грамматика алтайского языка», «Словарь алтайских и аладагских наречий тюркского языка».

9 *Алексей Михайлович* (1629—1676) — второй царь династии Романовых, отец Петра I.

10 *Аюке-хан* — хан (1709—1721 гг.) волжских калмыков-торгоутов.

ИЗ «ТАРИХИ-РАШИДИ»

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 437—450. Краткие извлечения из «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара, сохранившиеся в виде автографа двух отрывков, из которых один называется «Выписка из Т.— Р.», другой — «Тарихи-Рашиди» (Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 11, лл. 1—2 об., 7—7 об.; д. 10, л. 11—11 об.). Имеются также варианты чернового автографа (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 490, лл. 375—376). Отрывки представляют собой вольный перевод и извлечения из персидского и тюркского текстов «Т.— Р.» с комментариями Ч. Валиханова. Работа, вероятно, написана в Петербурге в 1860 г., после возвращения Валиханова из путешествия в Кашгар.

1 *Мухаммед (Мухаммад) Садык Кашгари* — автор известного исторического сочинения «Тазкира-и Ходжаган», являющегося сокращенной редакцией его труда «Тазкира-и ‘Азизан» («Жизнеописание святых»). Обе работы, написанные на уйгурском языке, были завершены в 1768—1769 гг.

По мнению Валиханова, эти работы как бы служат продолжением «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара.

Один из лучших переводов «Тарих-и Рашиди» с персидского оригинала на чагатайский язык также принадлежит перу Мухаммада Садыка Кашгари; список 1855 г. хранится в рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР под шифром 590 d.

2 *«Тарих-Табари»* («Тарих-и Табари» تاريخ طبری «История Табари») — сокращенное изложение известной многотомной всеобщей истории «Тарих ар-русул ва-л-мулук» («История пророков и царей»), составленной по-арабски известным историком Абу Джа‘фаром Мухаммадом ибн Джариром ат-Табари (ум. в 923 г.). Перевод на персидский язык и обработка принадлежат перу Абу ‘Али Мухаммаду ибн Мухаммаду Бал‘ами, вазиру саманидских правителей ‘Абд ал-Малика ибн Нуха (954—961 гг.) и Мансура ибн Нуха (961—976 гг.).

3 *«Тазкиряи-Ходжакан»* (Тазкира-и Ходжаган) — см. выше, комм. 1.

4 *Султан Махмуд, сын Юнус-хана* — см. генеалогическую таблицу Юнус-хана, наст. изд., с. 27.

5 *«Зафар-наме»* — «Книга побед», сочинение Шараф ад-дина ‘Али Йазди (ум. в 1454 г.), историка военных походов Тимура; была составлена на основе официальных донесений, записанных мунши (секретарями), сопровождавшими в походах завоевателя. Это сочинение, написанное на персидском языке, в 1425 г. было поднесено автором преемнику Тимура Шахруху и с тех пор пользуется широкой известностью в исторической науке.

6 *Куча* (иначе Кусан, или Кучар) — город в Восточном Туркестане, на пути из Аксу в Кашгар и Турфан.

7 *Тулек* — дядя деда Мухаммада Хайдара. См.: Генеалогия кушбеги Могул улуса или Чете (ААН. ф. 23, оп. 1, д. 1 об.); наст. изд. с. 15—16.

[ЗАМЕТКИ О КАРТАХ АЗИИ]

Атлас Азии к «Общему землеведению» К. Риттера

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 187—188. Автограф хранится в ААН, ф. 23, оп. 1, д. 11, л. 19.

Карта Внутренней Азии

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 188. Автограф хранится в ААН, ф. 23, оп. 1, д. 11, л. 9. Картографический материал собран Ч. Валихановым в Петербурге, когда он по заданию Главного штаба занимался составлением карт Центральной и Средней Азии.

Заметка [о карте Японии]

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с 188—190, исправленному В. Н. Настичем по факсимиле оригинала (там же, с. 189) и снабженному дополнительным комментарием. Автограф хранится в ААН, ф. 23. оп. 1, д. 11, л. 25; на французском языке, переписан Ч. Валихановым с объяснительного текста к генеральной карте Японии. Источник, из которого взята эта заметка, не указан. Рукопись датируется временем пребывания Ч. Валиханова в Петербурге.

[1] *...из Мито в провинции Фитац[у].*— Город Мито — административный центр префектуры Ибараки (на о. Хонсю); старое название провинции сохранилось в имени города Хитати, расположенного в 30 км севернее Мито.

[2] *Годы Анье* (во франц. оригинале Anyée) — точнее *анъэй;* название эры по принятой в Японии системе «девизов» (февраль 1772— апрель 1781 г.).

[3] *Иедо* (Иеддо, или Эдо) — старое название г. Токио, упраздненное императором Муцухито в 1869 г.

[4] *Сацума (точнее: Сацумо)*— полуостров на о. Кюсю, ныне входит в префектуру Кагосима. Судя по указанным координатам, карта Японии включала только территорию островов Кюсю, Сикоку и Хонсю; о. Хоккайдо и все острова южнее пролива Осуми лежат за пределами отмеченных долгот.

[5] Над словом *Микава* в оригинале поставлена буква k — очевидно, для уточнения чтения этой буквы в слове, написанном неясно.

[6] Приведенный список отражает топонимическую номенклатуру Японии до реформы, проведенной при Муцухито в конце XIX в., когда старые провинции были преобразованы в префектуры, и совершенно не совпадает с современным административным делением страны. Часть названий в списке передана с фонетическими и орфографическими неточностями (напр., *Каваци* вместо Кавати, *Фида* вместо Хида, *Сайниндо* вместо Сайкайдо, *Фарима* вместо Харима и др.); некоторые из них вообще сомнительны, хотя бы потому, что большинство приведенных топонимов полностью или частично совпадают по звучанию с названиями рек, гор, островов, проливов и т. п. и, следовательно, отражают не столько историческую, сколько физико-географическую номенклатуру.

[7] Список провинций «седьмой» крупной области в оригинале отсутствует; он должен был помещаться на следующем листе, не сохранившемся в деле.

[Карта Средней Азии по «Записке» Бабура и «Джахан-нюма» Кятиба Челеби]

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 191. Автограф хранится в ААН, ф. 23, оп. 1, д. 17, л. 49. Написан на двух языках (русском и тюркском) и представляет собой схематическую карту Средней Азии, на которой даны контуры Каспийского и Аральского морей, озер Балхаш и Иссык-Куль, показаны реки Чу, Сырдарья, Амударья, Кабул и города от Ургенча до Кашгара и от

Туркестана до Пянджа. В тексте имеется ссылка на сочинение «Джахан-нума» и «Записку» Бабура и короткая выдержка из них в переводе на русский язык.

Карта Сибири

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 192. Заметка со схематической картой, автограф хранится в ААН, ф. 23, оп. 1, д. 11, л. 18 об.

[Выписка из «Сибирского вестника»]

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 193—194. Автограф хранится в ААН, ф. 23, оп. 1, д. 11, л. 5. Содержит краткие выписки о времени и маршрутах путешествий, предпринятых русскими в Китай, Бухару и Ташкент в XVII—XVIII вв.

Река Кара-Кем

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 195. Автограф хранится в ААН, ф. 23, оп. 1, д. 13, л. 41 об. и представляет собой одну из заметок, подготовленных Ч. Валихановым для составления карт Центральной Азии и Южной Сибири.

ВООРУЖЕНИЕ КИРГИЗ В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА И ИХ ВОЕННЫЕ ДОСПЕХИ

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 463—468. Работа написана не позже 1861 г. Впервые опубликована в ЗРГО ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, под редакцией проф. Н. И. Веселовского; *Ч. Валиханов.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.

[1] *Иргай* (ырғай) — прострел голубой, жимолость.

[2] *Наркескен* (буквально: разрубающий верблюда) — тип изогнутых режущих сабель. Их нередко делали сами казахи.

[3] *Селебе* — тип прямых сабель с чуть изогнутым концом. Острое рубящее оружие длиной до 1 м и шириной лезвия до 5 см.

[4] *Джекеауз* (жекеауыз) — по форме такое же оружие, как селебе, но значительно меньшей длины. Жекеауыз — тип кинжала.

[5] *Найза.* До нас дошли образцы казахского копья XVIII и первой половины XIX в., которые ныне хранятся в Республиканском музее в г. Алма-Ате. Размеры копий: самых коротких (охотничьих) — 150 см, длинных (боевых) — 195 см. Толщина обоих типов — 3,5 см.

[6] *Саут бузар* (сауыт бұзар — пробивающий панцири) — тип наконечников стрел ромбовидной формы, унаследованный от монгольского времени.

[7] *Кузу джаурун* (қозы жауырын — лопатка ягненка) — разновидность ромбовидных наконечников стрел, по форме напоминающих маленькую лопатку. Отличается от *сауыт бұзар* более плоской форой и укороченным, по острым концом.

[8] *Коз-кеч* (көз кеш — пробивающий глаз, т. е. меткое оружие) — один из видов фитильного ружья самодельного образца.

[9] *Кульдур-мамай* (дальнобойное Мамая) — вид фитильного ружья, отличающего от *көз-кеш* большей дальнобойностью.

СВЕДЕНИЯ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СМЕРТИ АДОЛЬФА ШЛАГИНТВЕЙТА

Печатается по тексту ССВ, т. 2, с. 481—485. Впервые опубликовано в «Записках Русского Географического общества», 1861, кн. 1, с. 20—24.

Краткие выдержки из сообщения Ч. Валиханова были помещены в

первом выпуске большого труда братьев А. Шлагинтвейта (Results of Scientific Mission to India and High Asia Leipzig, 1860—1866), где говорилось, что «один русский путешественник, сын киргизского султана, Ваников (Vanikoff)», побывавший в Кашгаре, привез подтверждение о смерти Адольфа Шлагинтвейта. В этой работе искажена фамилия Валиханова, очевидно, потому, что не считая русского окончания, она совпадает с именем Валихана-тюре, казнившего Шлагинтвейта. С другой стороны, авторам указанного труда была, без сомнения, известна фамилия известного русского путешественника М. И. Венюкова (1832—1901) — современника Чокана, часто упоминавшегося рядом с ним в географических изданиях: именно эта фамилия лежит в основе мнимой ошибки, «исправленной» Шлагинтвейтами.

[1] *Шесть городов* (Алтышаар) — так в середине XIX в. называлась область Кашгара с городами Яркенд, Хотан, Уч-Турфан, Аксу и Куча (Кусан); позднее, в 1867—1870 гг. ташкентский военачальник Якуб-бек (1820—1877) основал на этой территории независимое государство, присоединив к нему Урумчи (отсюда другое название — Йеттишаар, т. е. «Семь городов»); перечень городов, давших «в сумме» название области и государству, у разных авторов варьируется. В 1878 г. Йеттишаар пал под ударами цинских карателей, и Восточный Туркестан вновь был включен в состав маньчжуро-китайской империи. Ныне — Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР.

[2] *Месяц рамазан* (рамадан) 1273 года хиджры, о котором идет речь, приходился на 13 апреля — 12 мая 1857 г. по старому стилю.

[3] Маленькая неточность: *«праздник разговения»* (араб. *ид ал-фитр*, перс. *'ид-и шариф)* всегда отмечается по окончании поста *(руза* или *ураза)*, соблюдаемого в месяце рамадан, т. е. в первых числах следующего месяца — шаввала; в данном случае речь идет о 13 мая 1857 г. (25 мая по новому стилю).

[4] *Оксалур* (точнее: Ук-Салар) — поселение в долине Куш-Юки, по дороге из Кашгара на перевал Иркештам и далее в Алайскую долину.

[5] *Чонь-багым* — описка, следует читать *чон-багыш.*

[6] *Джангер* (Джахангир-ходжа) — знатный кашгарский бек, один из руководителей антицинского восстания 1825—1828 гг. *Бузрюк-хан* (Бузург-ходжа) — сын Джахангира и двоюродный брат Валихана-тюре, ставленник Кокандского регента Алим-Кула; в 1865 г. был объявлен ханом Кашгара. Фактически во всех своих делах следовал указаниям Якуб-бека, ставшего впоследствии главой государства Йеттишаар (см. комм. 1).

[7] *Аксакал* — в Коканде и Кашгаре в сер. XIX в. административная должность волостного (городского) управителя.

[8] *Хакимбек* — наместник хана в крупной области (бекстве или вилайете); иногда этот ранг совпадал с должностью аталыка и кушбеги.

[9] *Минбаши* (или мингбаши) — букв. «тысяцкий, начальник тысячи (войска)», высший светский чин, второе лицо после хана; по словам П. П. Иванова — «нечто среднее между министром внутренних дел и государственным канцлером» (См.: *П. П. Иванов.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958, с. 185). Часто исполнял должность главнокомандующего войсками ханства.

[10] *Хашиш* (гашиш) — наркотическое снадобье, получаемое из смолы, выделяемой женскими растениями индийской конопли.

[11] *...«янычарского эмигранта»* — в Кашгаре проживало несколько семей турков — выходцев из Османской империи, в разное время бежавших от репрессий со стороны султанов.

[12] *Ференг* (от араб. فرنجی, перс. فرنگی) — так на мусульманском Востоке называли европейцев. Происходит от древнего этнонима «франки», под которым впервые стали известны завоеватели-крестоносцы — участники крестовых походов на Ближний Восток (1096—1270). Для многих фанатично настроенных мусульман имя «ференги» было синонимом врага, чужеземца, подлежащего немедленному уничтожению.

[13] ...«*кокандскому хану, на имя которого они адресованы*».— В то время в Коканде правил Худояр-хан (1845—1858).

[14] *Пеня* — устаревш. «упрек, порицание».

[СНОШЕНИЯ РОССИИ С КИТАЕМ]

Печатается по тексту ССВ, т. 3. с. 196—199. Черновой набросок в виде отрывка найден в бумагах Чокана. В нем содержатся сведения о первых сношениях России с Китаем в начале XVII в. Он свидетельствует о большом интересе автора к истории взаимоотношений народов. Среди листов этого документа имеется текст на арабском языке, написанный X. Фаизхановым. На полях рукописи помета: «Ученый мулла Хусаин Фаизханов сообщил мне рукопись на татарском языке, найденную им в архиве Министерства иностранных дел в Москве». Хусаин Фаизханов (1826—1866) — ученый-востоковед, просветитель. С 1857 г.— адъюнкт, с 1862 г.— преподаватель Петербургского университета. С августа 1858 г. был допущен к работе в Архиве Министерства иностранных дел, где в течение трех месяцев работы выявил и скопировал более 1000 листов документов на восточных языках. (См.: *М. А. Усманов*. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Казань, 1980).

[1] *Иван Петлин* — томский казак, ездивший первым русским послом в Китай в 1618 году. Вместе со своим спутником Андреем Мундовым он пробыл в Пекине больше месяца и через год вернулся на родину с китайской грамотой, которую тогда никто не мог прочесть. В сентябре 1619 г. Петлин прибыл в Москву, там он представил «Статейный список» своего посольства и записку под названием «Роспись Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам, жилым и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам». В ней впервые подробно описаны жизнь и быт народов Монголии и Китая, их вера и религиозные обряды и т. д. Как первый труд о Китае и Монголии записка Петлина переведена и издана на английском, французском и голландском языках. В России она была опубликована Г. И. Спасским под заглавием «Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1620 г.» («Сибирский вестник», 1818, ч. II.). Записка сохранилась в двух списках: в Черепановской летописи и в собрании А. В. Фролова (теперь в собрании рукописного отдела ГПБ, XVII, д. 15). Подробные данные о поездке Петлина в Китай см.: *Ф. И. Покровский*. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году. ИОРЯС, т. XVIII, кн. 4, СПб., 1914, с. 257—304; *А. Г. Банников*. Первые русские путешествия в Монголию и Китай. М., 1949: *Б. Г. Курц*. Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII вв. Харьков, 1929; *З. С. Мясников*. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.

[2] *Байков Федор Исаакович* — боярский сын, в 1654—1658 гг. возглавил дипломатическую миссию в Китай; он отправился из Тобольска водным путем вверх по Иртышу «Ямышевской дорогой», достиг озера Зайсан, а оттуда по суше проехал Монголию и только в 1656 г. прибыл в Пекин, Однако посольство Байкова не было принято китайским императором, так как послы отказались подчиниться требованиям китайского этикета, оскорбляющим человеческое достоинство. Прожив в Пекине шесть месяцев, они вернулись на родину.

Байков был неграмотен, но по его живому рассказу был составлен «Статейный список», впоследствии ставший одним из источников по истории Сибири, Монголии и Китая. Впервые его опубликовал Н. И. Новиков (ДРВ, изд. 2, ч. IV, с. 120—142), а затем Г. И. Спасский («Сибирский вестник», ч. XI, 1820), С. И. Сахаров (Сказания русского народа, т. II, кн. VIII, СПб,. 1849, с. 125—134).

[3] *...посланниками* [*были*] *избраны трое местных казаков*.— Речь идет о томских казаках во главе с Иваном Белоголовым, отправленных в 1608 г. к монгольскому алтынхану Шолохо Убаши с дипломатической миссией.

О русских посольствах к алтынханам см.: *Н. П. Шастина.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958.

[ОБ ОРОСИТЕЛЬНЫХ КАНАЛАХ В СЕМИРЕЧЕНСКОМ КРАЕ]

Печатается по ССВ, т. 4, 1968, с. 29. Издано впервые в журнале «Записки РГО», кн. I, СПб., 1861, с. 183.

[1] *Коксу* (в нижнем течении — Каратал) — одна из основных рек, давших название области Семиречья; берет начало в ущельях Джунгарского Алатау и впадает в оз. Балхаш.

[2] *Фут* — дометрическая мера длины (от англ. foot, букв.— нога, стопа). Русский фут XIX в. составлял $^1/_7$ сажени и равнялся 30, 48 см.

[3] *Коксуйская станция* — точное местоположение не установлено; находилась в районе современного пос. Кировский близ Талды-Кургана.

СЛЕДЫ ШАМАНСТВА У КИРГИЗОВ

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 469—493. Текст копии написан Н. И. Веселовским в тетради чернилами, карандашом сделаны редакционные поправки. В копии много искажений. Автограф находился в архиве П. П. Семенова-Тян-Шанского, но обнаружить его не удалось. Еще редактор первого издания трудов Валиханова проф. Н. И. Веселовский обращался к ученому секретарю Географического общества А. А. Достоевскому с просьбой помочь ему найти автограф Валиханова. Он писал: «Печатание сочинений Валиханова подходит к концу, набраны две последние статьи, но с ними выходит положительно скандал. Оригиналы их находятся у Петра Петровича Семенова, а я их не видел; а П. П. найти их не мог, когда я к нему обращался... Прошу Вас попытаться добыть две рукописи Валиханова у Петра Петровича. Может быть Вы будете счастливее меня». (Архив АН СССР, ф. 723, оп. I, № 32).

Рукопись даты не имеет. Судя по тетради, она написана в ауле в 1862—1863 гг. В нашем издании сохранены некоторые удачные редакционные исправления Н. И. Веселовского. Впервые опубликована в Сочинениях под ред. Н. И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, с. 8—36); *Ч. Валиханов.* Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947; *Ч. Валиханов.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.

[1] *Шаманство* — обширная система анимистических верований и культов у разных народов, характерная для родового строя. Общими чертами, которые позволяют обозначить разнообразные верования различных народов одним термином, является наличие культа предков, а также отправление ритуала шаманом (каз.— *бақсы),* человеком, способным впадать в особое, экстатическое состояние, и в этом состоянии, по представлениям носителей культа, осуществлять связь с потусторонним миром. Шаманом становился человек, переболевший «шаманской болезнью», связанной с расстройством психики. При этом считалось, что духи «пересотворяют» человека, убив, а затем «воскресив» его. См.: *Л. Я. Штернберг.* Первобытная религия в свете этнографии. Ленинград, 1936; *Дж. Дж. Фрэзер.* Золотая ветвь. М., 1981; *С. А. Токарев.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.

[2] *Обо* (оба) — у монголов и тюрков в древности место поклонения духам —«хозяевам» данной местности. Ныне это каменные или земляные насыпи с воткнутыми в них ветками, на которые обычно навязывались лоскутки материи и пучки конских волос — жертвы горным духам, так как обо в Монголии часто располагались на высоких горных перевалах. (У казахов это делалось на наиболее памятных надгробных сооружениях).

[3] *Ваджрадар Мэрген* (Дияничи) — лама, проповедник буддизма среди монголов. Он составил две книги: «Обряды и молитвы, читаемые при обо»

и «О сооружении обо». В пережиточных формах шаманских обрядов Валиханов находит аналогию с обрядами буддизма.

[4] *Демонология* — учение о злых духах, восходящее к первобытным анимистическим представлениям. Особенное развитие демонология получила в древневавилонской и древнеиранской религиях, откуда позднее проникла в иудаизм, христианство и ислам. На территории Казахстана демонология получила распространение в связи с тем, что ислам здесь первоначально насаждался суфийскими проповедниками, стремившимися приспособить мусульманские догмы к местным верованиям. Поэтому верования казахов сильно отличались от ортодоксального ислама, на что и обращает внимание Ч. Валиханов.

[5] *Онгоны* — по верованиям монголов — души предков. Казахи называют их *аруах*.

[6] *Куктэнгри* (көк тецрі) — буквально: голубое небо, переносно: небесная обитель и само верховное божество тюрков.

[7] *Шайтан, пери, див* (дэв), *джин* (джинн) — по верованиям мусульман— фантастические злые духи.

[8] *Дзаягачи* (Джаягач)—дух-покровитель стад. У казахов — жайчи — искусник, вызывающий гром, дождь и молнию. (См.: *Н. Рычков.* Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкую степь в 1771 г. СПб., 1772, с. 36—37).

[9] *Спиритуализм* (от лат. spiritualis — духовный) — объективно-идеалистическая концепция, по которой дух есть первооснова мира, независимая от материи. Спиритуализм лежит в основе всех без исключения религиозных верований.

[10] *Карлейль Томас* (1795—1881) — английский буржуазный философ, историк, публицист.

[11] *Платон* (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист.

[12] *Фетишизм* — обожествление отдельных вещей и предметов, приписывание им таинственной, сверхъестественной силы, недоступной человеческому пониманию. На низшей ступени развития религии фетиш (идол)— предмет поклонения верующих.

[13] *Зороастризм* — религия древних народов Средней Азии, Азербайджана и Персии. Для нее характерно признание двух начал — добра и зла, почитание огня, запрещение погребения трупов (их отдавали на съедение птицам). Зороастризм признает учение о конце мира, о загробной жизни, о воскрешении мертвых.

[14] *Хормузд* (др.-иран Ahura Mazda 'господь премудрый') — верховное божество зороастризма.

[15] *Маги* — жрецы зороастрийской религии в древнем и раннесредневековом Иране.

[16] *Кеср* (от араб. كسر —'уменьшение, урон') — терминологически — зло, несчастье, приносимое божеством, в противоположность добру (ізгі, игі).

[17] *Рычков Николай* — русский офицер. В 1771 г., преследуя калмыков-торгоутов, ушедших с низовьев Волги, он со своим отрядом дошел до Улутауских гор. Благодаря личным наблюдениям и опросам Н. Рычков собрал интересные историко-этнографические материалы, опубликованные им в книге «Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкую степь в 1771 г.» (СПб., 1772).

[18] *Аларих* — имя королей древнегерманских племен вестготов: Аларих I правил в 395—410 гг., Аларих II — в 484—507 гг.

[19] *Готы* — группа германских племен. В III в. жили в Северном Причерноморье. Делились на вестготов (западные готы) и остготов (восточные готы).

[20] *Скифы* — собирательное имя древних кочевых племен, живших на обширной территории юго-восточной Европы и Азии.

[21] *Дарий I Гистасп* (522—486 гг. до н. э.) — древнеиранский царь из династии Ахеменидов.

[22] *Кидани* — племя, жившее в древности на востоке Монголии. В X в.

образовалось государство киданей под названием Ляо, занимавшее территорию Монголии, Северо-Западного Китая и часть Маньчжурии. В 1125 г. оно было уничтожено чжурчжэнями. Часть киданей осталась в Северо-Западном Китае, а часть ушла в Среднюю Азию (кара-кидани, карахытаи).

[23] *Европейские путешественники, ездившие к монголам* — имеются в виду Плано Карпини, Рубрук и Марко Поло (XIII в.).

[24] *Заимствовано... от персов...* — Говоря о заимствовании культа огня шаманскими народами у персов, Ч. Валиханов ошибочно следует за Банзаровым (см.: *Д. Банзаров.* Сочинения. М., 1955, с. 72). Почитание огня засвидетельствовано на территории Казахстана с глубокой древности, но конкретные черты культа огня у казахов не имеют сходства с культом огня в зороастризме. Следует предполагать параллельное развитие этого культа в зороастризме и у древнего населения Казахстана.

[25] *...огонь...* — *авлие* (т. е. святой, покровитель) — определение не совсем точное. Казахи поклонялись огню, но не называли его «авлие». Например, не говорят *от-авлие* (святой огонь), а говорят *от-ана* (огонь — мать). *Авлие* (араб. *аулийа*, мн. ч. от *вали*) — святой; воспринято из ислама и относится к живым существам, а не к силам природы.

[26] *Аласта* (или *аластама*) — очистить огнем. В древности *алас* (алау) — священный огонь (костер). Раньше казахи при перекочевке проводили караван между кострами, разведенными у большой дороги, и произносили заклинание: *алас, алас, эр пэледен халас* —«огонь, огонь, очисти (нас) от разной мерзости».

[27] *...поклониться огню в большом доме* — посещение невестой дома деда или отца мужа, чтобы ее семья была так же счастлива, как были счастливы предки.

[28] *Иргене-хон* (Ергене-кон) — название легендарной горной долины, окруженной неприступными горами, где жили мирные племена.

[29] *Мазать... слюной* (сілекейін алу — 'взять слюну') — обряд, происходивший также при продаже коня или других животных.

[30] *...которая до сих пор нам известна.* — Среднеазиатский историк Рузбихан утверждает, что казахи поклонялись луне и солнцу.

[31] *...чтобы не было неба...* — Здесь перевод неточен: көк соққыр —'пусть небо покарает, небо проклянет'.

[32] *...сходство с джарлык...* — Валиханов смешивает термины *жарлық* (ярлық) — объявление, указ, грамота и *жарылқамақ* (ярлыгамак) — помиловать, одарить, делать добро.

[33] *...сүт көп, көмір аз* — кабалистическая формула, произносимая в случае, когда жизнь человека находится в опасности; выражение безнадежности.

[34] *Васильев Василий Павлович* (1818—1900) — проф. Казанского, а затем Петербургского университета, академик, выдающийся русский языковед-синолог. Известен исследованиями о буддизме. Во время своего пребывания в Петербурге (1860—1861 гг.) Валиханов поддерживал тесные дружеские связи со многими востоковедами, в том числе и с Васильевым.

[35] *Гомбоев Галсан* (1822—1863) — бурятский востоковед, с 1854 г. работал в Петербургском университете. Его главные труды: «Алтан-Тобчи — монгольская летопись в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста истории Убаши-Хунтайджия и его войны с ойротами» (ТВО РАО, VI, СПб., 1858), «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини» (ТВО РАО, IV, СПб., 1859).

[36] *Кие и кеср* (кесір) — у казахов два противоположных начала: *кие* — добро, *кесір* — зло. См. выше, комм. 16.

О МУСУЛЬМАНСТВЕ В СТЕПИ

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 524—529. Оригинал хранится в ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 479, лл. 1—8 об. Впервые в сокращенном виде опубликовано в Сочинениях Ч. Ч. Валиханова, изданных под ред. Н. И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, 1904, с. 194—201).

Работа написана под диктовку больного Валиханова в конце 1863 или начале 1864 года. Неточности орфографии и пропуски исправлены и восполнены рукой того человека, который писал под диктовку. Некоторые слова исправлены самим Валихановым (цевелизация — цивилизация, на Руси — на Руси, эндосы — эпосы, конпетентных — компетентных и т. д.).

[1] *Войлочная книга* — перевод казахского термина «киіз-кітап». Казахские старики уверены, что раньше существовали старинные тексты, писанные на войлоке. Отсюда название «киіз-кітап».

[2] *Прозелит* — новообращенный в какую-либо веру; в данном случае — горячий приверженец ислама.

[3] *Апокриф* — сочинение, выдаваемое за священное писание, не канонизированное ортодоксальной церковью.

[4] *Шамиль* (1798—1871) — руководитель освободительного движения горцев Дагестана и Чечни против колониальной политики царизма. Движение, возглавляемое Шамилем, проходило под флагом мюридизма. В 1834 г. он был провозглашен третьим по счету имамом Дагестана. К 1840 г. освободительное движение достигло высшего подъема. В дальнейшем стали появляться и обостряться внутренние противоречия в деспотическом военно-теократическом государстве Шамиля, и мощь его стала ослабевать. Под натиском царских войск территория государства Шамиля постепенно сокращалась, и в 1859 г, он был вынужден капитулировать.

[5] *Абделкадер* (Абд ал-Кадир Алжирский, 1808—1883) — арабский эмир, сын Мухйи ад-дина ал-Хасани, в 1832 г. возглавил движение алжирских племен против французов. Созданное им независимое государство просуществовало до 1847 г., пало под ударами французских колониальных войск и марокканских наемников-феодалов. Сам Абд ал-Кадир закончил свои дни в «почетной» ссылке в Дамаске. В наши дни почитается алжирцами как национальный герой. Восстание Абд ал-Кадира происходило под флагом религиозно-политического объединения арабских племен Алжира. (*Н. Г. Хмелева.* Государство Абд аль-Кадира Алжирского. М., 1973).

[6] *...отложение крымских татар во время кампании 1854 г.* — Речь идет о попытке верхушки крымско-татарской знати восстановить Крымское ханство под эгидой Османской империи во время русско-турецкой войны 1853—1856 гг.

[7] *Блистательная Порта* — официальное название двора османских султанов в Константинополе.

[8] *Солейман* (Сулейман I Кануни) — турецкий султан (1520—1566). Его правление характеризовалось жестоким деспотическим режимом в завоеванных странах Ближнего Востока и Северной Африки и широкой османской экспансией в Юго-Восточной Европе. Претендовал на роль духовного лидера (халифа) всех мусульманских суннитов. *Амурат* (Мурад III) — турецкий султан (1574—1595), внук Сулеймана I, также известен своими притязаниями на халифский титул. (*В. В. Бартольд.* Халиф и султан. Соч., т. 6, М., 1968, с. 72—73).

[9] *Григорий VII* (Гильдебранд, 1020—1085) — римский папа, один из церковных реформаторов. *Иннокентий IV* — римский папа, в 1243—1254 гг. имел большое политическое влияние в Европе; поддерживал Тевтонский орден в его захватнической политике в Восточной Европе. В 1246 г. он отправил в Каракорум миссию во главе с Плано Карпини, чтобы склонить монголов на свою сторону.

[10] *Царь Шигалей* (XVI в.) — последний казанский хан.

[11] *Опричнина* — система мер, проведенных Иваном Грозным в 1565—1572 гг., направленных на разгром княжеско-боярской оппозиции и укрепление Русского централизованного государства.

[12] *Чилибуха* — древовидное растение семейства логаниевых, встречается в теплых предгорных зонах Азии и других континентов. Благодаря содержанию ряда алкалоидов (бруцин, стрихнин и др.) с давних времен служит для приготовления сильнодействующих лекарств и ядов.

ЗАПИСКА О СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 494—522. Работа написана в 1864 г; впервые опубликована Н. И. Веселовским (ЗРГО, ОЭ, 1904, т. XXIX, с. 151—178); *Ч. Ч. Валиханов.* Статьи. Переписка. Составление, вступительная статья и примечания Х. Г. Айдаровой. Алма-Ата, 1947, с. 40—65; *Чокан Валиханов.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, с. 196—236.

[1] *Яценко Иван Еремеевич* — чиновник Областного правления сибирских казаков. В 1852 г. Яценко был назначен председателем комитета при пограничном управлении для составления свода казахских законов. Для сбора материалов по казахскому обычному праву он часто организовывал поездки в степь. В одной из них (1862 г.) принимал участие и Ч. Ч. Валиханов, давший в своей записке осуждающую характеристику деятельности Яценко.

[2] *Миль Джон Стюарт* (1806—1873)—английский философ-позитивист и экономист, автор многочисленных научных исследований, в которых единственным источником знания признавал опыт.

[3] *Сперанский Михаил Михайлович* (1772—1839) — русский государственный и политический деятель. Его перу принадлежит проект «Устава о сибирских киргизах», утвержденный в 1822 г,

[4] *«Сибирское уложение»* — в данном случае имеется в виду «Устав о сибирских киргизах» (утвержден в 1822 г., официально вступил в силу в 1824 г.). Введение «Устава» было связано со стремлением царизма окончательно ликвидировать ханскую власть в Среднем жузе и укрепить колониальную систему управления.

[5] *Букеевская орда* — феодальное ханство, возникшее в 1801 г. на основе объединения части казахских племен Младшего жуза на территории, ограниченной на западе степями нижнего Поволжья, на востоке — рекой Урал. Административным центром орды был населенный пункт Урда (ханская ставка). См.: *С. З. Зиманов.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1981).

[6] *Буддизм* — одна из «мировых» (наряду с христианством и исламом) религий. Возникновение буддизма относят к VI в. до н. э. Возникнув первоначально в Индии, впоследствии (V—VI вв. н. э.) буддизм распространился в юго-восточной Азии, Бирме, Китае, Японии, Тибете и Монголии.

[7] *...потомки батыевских татар...* — Речь идет о племенах, входивших в состав Орды (кыпчаки, ногайцы, канглы, найманы, конграты и др.), позднее составивших ядро казахского народа. (См.: *В. В. Бартольд.* История турецко-монгольских народов. Сочинения, т. V, М., 1968).

[8] *«черный киргизский народ»* (перевод казахского термина «қара-қазақ» или «қара-букара» — название трудового казахского населения. Вместо *қара-қазақ* в литературе иногда встречается *қара-суек* (черная кость) — термин, в действительности никогда не употреблявшийся казахами.

[9] *Некоторые султаны и бии, внесенные в список биев 1854 года...* — Речь идет о законе, принятом в 1854 г., по которому упразднялась должность старших султанов (в Среднем жузе) и султанов-правителей (в Западном Казахстане). Законом 1854 г. унифицирована система управления по единому для всей России образцу, включая судебно-следственные органы и прокуратуру. Валиханов выступает против закона, разоблачая его реакционную сущность, направленную на порабощение народных масс и на укрепление привилегии небольшой кучки казахской феодальной знати. (См.: «Особое Учреждение Управлений инородцев, именуемых Сибирскими киргизами». Свод законов. Изд. 1857, т. II, ч. 2).

[10] *Сотников* (ум. в 1845 г.) — чиновник для особых поручений при Пограничном управлении сибирских киргизов; образование получил в Казанском университете на восточном факультете, хорошо знал тюркские языки. В начале 40-х годов XIX в., занимаясь сбором юридических и генеалогических преданий казахского народа, он периодически выезжал в степь, часто посещал аул Валиханова, Впоследствии Сотников был сослан в Восточную Сибирь.

[11] *...показали себя выходцами из Турции и Аравии.*— Версия о происхождении казахов от арабов, в частности от Гаккаша (Уккаши), одного из легендарных сподвижников Мухаммада, была записана еще академиком П. С. Палласом в 70-х годах XVIII в.

[12] *Каракисецкий род* (правильнее: каракесекский) — подразделение племени аргын, состоявшее из отдельных родов, с давних времен живших в Каркаралинской степи, расселялись на востоке до Иртыша, на западе — до водоразделов рек Сарысу и Моинты, на юге — примыкая к оз. Балхаш.

[13] *Карджасский род* (правильнее: каржасский) — казахский род, живший к востоку от Караганды, южнее и юго-западнее Баян-Аульских гор.

[14] *Абулхаир* (ум. в 1748 г.) — казахский хан, стоявший во главе Младшего жуза. В период борьбы с джунгарами он возглавлял общеказахское ополчение. После захвата Южного Казахстана джунгарами (1723—1732 гг.) Абулхаир обратился к русскому правительству, изъявив желание вступить в русское подданство, официально принятое им в 1731 г. Этим актом было положено начало добровольного присоединения Казахстана к России.

[15] *Тулебий* (конец XVII — первая половина XVIII в.) — знаменитый бий из Большого жуза, один из авторитетнейших знатоков свода казахских законов «Жеты-жарғы». В период объединения жузов он занимал должность верховного судьи и считался главным бием (ұлы бий). После распада ханства на отдельные феодальные владения Тулебий управлял только Старшим жузом. (См.: *А. И. Левшин.* Описание... ч. II., с. 63; *Марджани.* Мустафад аз-Ахбар, с. 155; *К. Байболов.* Төлебидің тарихы. РОБ АН КазССР, № 763, лл. 1—122).

[16] *Айтек* (конец XVII — первая половина XVIII в.) — один из главных биев казахского ханства при Тауке. До Абулхаира управлял казахами Младшего жуза.

[17] *Блекстон* (Блэкстон) *Вильям* (1723—1780 гг.) — английский ученый-правовед, профессор Оксфордского университета, автор Commentaries on the Laws of England (Комментарии к английским законам, 1765—1769 гг.)

[18] *Гнейст Генрих Рудольф* (1816—1895 гг.) — немецкий ученый и публицист, с 1844 г.— профессор Берлинского университета. Гнейст приобрел известность после публикации своего исследования «История государственных учреждений Англии» (русский перевод С. А. Венгерова).

[19] *Конт Шарль* (1782—1832) — французский ученый-правовед, публицист, защищал идеи французской революции 1789 г.

[20] *«Русская правда»* — памятник древнерусского права, относящийся к XI—XII вв.

[21] *Баранта* (искаж. от *барымта*) — форма насильственного возмещения убытков, допускаемая казахским обычным правом.

[22] *...законное удовлетворение.*— Против этого сделана пометка, очевидно, автор имел намерение дать подстрочное примечание или дополнить свои высказывания другими данными, однако это не выполнено.

[23] *Суннитский раскол, сунниты* — представители одного из двух основных толков в исламе, распространенного во многих мусульманских странах, включая Среднюю Азию и Казахстан.

[24] *Ишан* — первоначально почтительное обращение к суфийскому наставнику (пир, шейх); позднее это слово вошло в титулатуру авторитетных представителей духовенства.

[25] *Мансуров Мухаммед Шериф* — самозванец, преследуя корыстные цели, выдавал себя за последнего пророка.

[26] *Муфти* — главный судья по шариату, выносящий решение (фетва) по духовным и юридическим вопросам.

[27] *Птоломей* (Птолемей) *Клавдий* (II в.) — древнегреческий ученый, астроном, математик и географ.

[28] *Юркевич Памфил Данилович* (1827—1874) — реакционный философ, идеалист, профессор Киевской духовной академии, выступил в журнале «Русский вестник» со статьей, направленной против философской системы Н. Г. Чернышевского. Валиханов, ссылаясь на Юркевича, в иро-

ническом тоне осмеивает не только мусульманскую схоластику, но и философское мракобесие Юркевича.

[29] *Эпические и беллетристические произведения ...учением Шамиля...* — Речь идет о газавате — священной войне, получившей отражение в некоторых эпических поэмах феодального средневековья.

[30] *Гораций Флакк Квинт* (65—8 гг. до н. э.) — римский поэт.

[31] *Роман о любви Мавлеви Джами к прекрасному мальчику Мирзе-Хамдаму* — Имеется в виду популярный в Средней Азии «Рассказ о Мирзе-Хамдаме». (См. Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. II., 1954, с. 417).

[32] *...о любви соловья к розе, повесть о китайском принце...* — Речь идет о традиционных лирических сюжетах, широко распространенных в восточной литературе.

[33] *Мир-Хайдар* — бухарский эмир из династии Мангытов (1799—1826), сын и преемник эмира Шах-Мурада (1785—1799).

[34] *Абу-Муслим* (Абд ар-Рахман ибн Муслим ал-Марвази; убит в 755 г.) — один из лидеров антиомейядского движения, в результате которого к власти в халифате пришли Аббасиды. При нем было завершено арабское завоевание Мавераннахра. Подвиги Абу Муслима в войне за веру отражены в многочисленных поэмах, легендах, распространенных в позднесредневековой Средней Азии.

[35] *«Тело твое, кости мои»* (по-казахски: ет сенікі, сүйегі менікі) — формула, дающая муллам почти неограниченное право физического наказания учащихся детей. Как правило, жестокость мулл доходила до изуверства, наказание превращалось в истязание.

[36] *Бабаджанов Мухаммед-Салих* (1832—1871) — казахский этнограф, уроженец Букеевской орды. С 1861 г. член-сотрудник Русского географического общества по отделению этнографии. За большие заслуги в этой области в 1862 г. был награжден серебряной медалью. Являлся горячим сторонником русского просвещения и культуры, сближения двух народов. (См. *Н. П. Ивлев, Н. Э. Масанов*. Видный казахский ученый М. С. Бабаджанов.— Вестник АН КазССР, 1982, № 11, с. 06—65).

Ч. Валиханов имеет в виду его статью «Заметки киргиза о житье-бытье и участи его родичей» в газете «Санкт-Петербургские ведомости» № 137 за 1861.

[37] *Ясак* — дань, подать, уплачиваемая натурой.

О КОЧЕВКАХ КИРГИЗ

Работа написана в Омске 26 марта 1864 г. в виде официальной записки на имя генерал-губернатора Западной Сибири; написана она от имени дяди Валиханова М. Чорманова. Сохранилась в трех рукописных копиях, из которых одна под названием «Докладная записка подполковника Чорманова об упразднении Баян-Аульского приказа» хранится в Госархиве Омской области (ф. 3, оп. 5, К-697, лл. 1—31), другая, авторизованная копия,— в НБТГУ (архив Г. Н. Потанина, лл. 1160—1167), третья — в ЦГАЛИ (ф. 159, оп. I, № 179, лл. 163—166 об.) Все эти списки по тексту совершенно идентичны. Только в списке ЦГАЛИ на полях последнего листа рукой Г. Н. Потанина сделана пометка: «Подлинник, написанный писарской рукой, получен мною от Мусы Чорманова, дяди Чокана Валиханова. Хотя он имеет вид официальной записки, поданной Степному начальнику от имени Мусы Чорманова, но я полагаю, что черновик был написан для дяди племянником». О том, что черновик принадлежит Валиханову, свидетельствует заявление в письме к К. К. Гутковскому от 4 марта 1864 г., в котором он пишет: «Теперь мы хлопочем о том, чтобы Баян-Аул перевести в Бель-Агач». Наиболее достоверной следует считать авторизованную копию, сохраняющую многочисленные поправки и добавления, внесенные рукой Валиханова. Она хорошо отредактирована, официальный тон изложения в ней снят и заменен научными объяснениями, и вместо прежнего официального заголовка («Его высокопревосходительству господину генерал-губернатору

Западной Сибири») ей дан новый заголовок (карандашом) «О кочевках киргиз».

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 530—535. Впервые опубликовано М. Чормановым в СОВ, 1871, № 33, затем в Сочинениях, изданных под ред. Н. И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, 1904, с. 321—326).

[1] *Баян-Аульский округ* — один из внешних тогда округов, в административном отношении подчиненный начальнику Пограничного Управления (позднее Областному правлению) сибирских киргизов. Был образован в 1832 г. (См.: *М. Кузьминский.* Краткое статистическое обозрение Западной Сибири. Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839, т. I),

[2] *Сибирские киргизы* — казахи Среднего жуза, населявшие территорию бывшей Акмолинской и Семипалатинской областей и частично Томской губернии.

[3] *Мугоджарские горы* (Мугоджары) — невысокие горы в Актюбинской области, составляющие южные отроги Уральского хребта. Состоят из двух параллельных каменных гряд, тянущихся с севера на юг на 400 км от верховьев р. Иргиза до Устюрта.

[4] *Бурсук* (Борсук) — см. наст. изд., т. 1 с. 390, комм. 8.

[5] *Каракум* — см. наст. изд., т. 1 с. 390, комм. 9.

[6] *Кокчетавский округ* — один из внешних округов Области сибирских киргизов. Образован в 1824 г. после принятия Устава о сибирских киргизах.

[7] *Акмолинский округ* — один из внешних округов и важный административный и торговый район, связывавший Северный Казахстан с южными областями; образован в 1833 г.

[8] *Атбасарский округ* — один из внешних округов, образованный в 1841 г. на границе между Тургайской степью и Областью сибирских киргизов.

[9] *Каркаралинский округ* — один из внешних округов и важный административный и торговый район, расположенный на большом тракте между Центральным Казахстаном и Семиреченским краем; образован в 1824 г.

[10] *Кент и Казулык* (Кент и Қазылық) — горы, входящие в систему Каркаралинских гор. Расположены на востоке и юго-востоке от г. Каркаралинска.

[11] *Баян-Аул* (искаженная форма, исторически правильное название — *Баян-Аула;* от монг. *Баян-Ола)* — гора счастья, благодати. Рядом с Баян-Аулом (в его системе) расположена другая гора — Жаман-Аула — некрасивая (плохая) гора.

[12] *Эреймень* (Ерейментау) — горы в Центральном Казахстане.

[13] *Тортугулевские* (Туртугульские) *волости* — имеются в виду волости Баян-Аульского округа.

[14] *Канджигалинские* (Канжигалинские) киргизы (қанжығалы) — подразделение племени аргын (Средний жуз). В своей основной массе жили в горах Ерейментау, на территории нынешней Акмолинской области, а часть — по левому берегу Иртыша, в районе нынешнего Павлодара.

[15] *Козгановские киргизы* (қозған) — подразделение племена аргын; располагалось по р. Ишиму, в Атбасарской степи, часть рассеяна по другим районам (Акмолинский, Баян-Аульский).

АБЛАЙ

Автограф полностью не сохранился. Печатается по тексту ССВ, т. 1, 1961, с. 426—430.

[1] *Один киргизский родоначальник в Оренбурге сравнивал печальное положение своих земляков...* — Речь идет о знатном батыре Среднего жуза Букенбае, прославившемся в борьбе с джунгарами. В 1731 г. он стал одним из самых активных и последовательных сторонников принятия казахами российского подданства. (См.: сб. Казахско-русские отношения XVI — XVIII вв. Алма-Ата, 1961, док. № 25—74).

[2] *1723 год особенно памятен киргизам своим роковым характером...* —

Имеется в виду «актабан-шубрунды» — великое бедствие, постигшее казахский народ в 1723 г. в связи с джунгарским нашествием. Однако ниже допущена ошибка. Вторжение джунгар в Казахскую степь осуществлялось в 20-е годы под предводительством не Галдан-Цэрэна, а другого военачальника — Шуна-Дабы, племянника джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана.

[3] *Он был два раза в плену...* — Султан Аблай попал в плен к джунгарам в результате второго крупного нашествия в Казахскую степь, осуществленного преемником Цэван-Рабдана джунгарским хунтайджи Галдан-Цэрэном в 1741 г. Своим освобождением из плена он был обязан активным действиям российских послов и Оренбургской пограничной администрации во главе с И. И. Неплюевым. (См. настоящее издание, т. I, комм. 15 к ст. «Исторические предания о батырах XVIII в.»).

[4] *Тевкелев М.* — переводчик коллегии иностранных дел, позднее член Оренбургской экспедиции. В апреле 1731 г. был послан царским правительством в Младший жуз для приведения хана Абулхаира к присяге на верность России.

[5] История вторжений цинских войск в Казахстан в 1756—1760 гг., а также обстоятельства установления связей между цинским двором и рядом казахских феодалов и характер этих связей изучены в советской историографии. (См.: *Б. П. Гуревич.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX вв. М., 1979; *В. С. Кузнецов.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии. (Вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1983.

[6] *Нурали-султан* (ум. в 1790 г.) — сын Абулхаира, хан Младшего жуза (1749—1785 гг.).

[7] *Эрдене-бий* (Ирдана) — кокандский владетель XVIII в.

[8] *Надир-шах* (Тахмасп Кули-хан, 1688—1747) — персидский шах (1736—1747), захватил и на некоторое время подчинил себе южные районы Бухары и Хорезма, но затем потерпел поражение от объединенных сил среднеазиатских ханств и возвратился в Персию.

[9] *Ахмет* — Ахмад-шах Дуррани (1747—1773), основатель династии Дуррани в Афганистане. (См.: *Ю. В. Ганковский.* Империя Дурани. М., 1958).

[10] *Усунские волости* — волости, заселенные казахами Старшего жуза.

[11] *Ходжент* (совр. Ленинабад) — один из древнейших городов в Средней Азии; западные «ворота», через которые проходил путь из Ферганской долины в Самарканд и в другие пункты Средней Азии.

[12] *Джизах* (Джизак) — ныне город областного подчинения и центр Дживакского района Самаркандской области Узбекской ССР. Расположен на р. Санзар.

[13] *Азрет* (искаж. араб.-перс. حضرت 'Хазрат') — ныне г. Туркестан Чимкентской области. Название города происходит от постоянного эпитета похороненного там Ходжи Ахмада Ясави — Хазрат-и Туркестан; Туркестаном в средневековье называлась область между Шашем и Сыгнаком по среднему течению Сырдарьи.

[14] *«Пыльный поход»* (по-казахски «Шаңды жорық») — название казахского кюя.

[15] *«Тряси мешки»* (по-казахски «Қоржын қақпай») — кюй, по преданию, исполнявшийся воинами Аблая в качестве намека на то, что в войске кончились припасы.

АБУ-НАСР САМАНИ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 179—181. Автограф хранится в ААН (ф. 23, оп, I, д. 11, л. 8). Это перевод вводной главы исторического предания о родоначальнике Караханидов Богра-хане تذکرهٔ سلطان ستوق بغرا خان «Жизнеописание султана Сатук Богра-хана», написанное на чагатайском языке. Один из вариантов этого исторического сочинения был при-

везен Ч. Валихановым из Кашгара и передан в Азиатский музей Академии наук (1860 г.). Вероятно, с этого списка и сделан перевод, который показывает, насколько свободно Ч. Валиханов читал восточные рукописи.

[1] *Сутук* (Сатук) *Бугра-хан* (915—955) — родоначальник династии Караханидов. Приняв ислам и пользуясь поддержкой Саманидов, Сатук Бугра-хан подчинил Тараз и Кашгар, а в 942 г. он сверг правителя в Баласагуне и объявил себя верховным каганом.

БУЛГАР НА ВОЛГЕ

(Березин, Казань, 1853 г.)

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 181—185. Представляет собой извлечение из работы И. Н. Березина «Булгар на Волге», опубликованной в 1852 г. в «Ученых записках» Казанского университета, а в 1853 г. вышедшей отдельной книгой. Работа представляет собой комментированный перевод رسالۀ تواريخ بلغاريه وذكر مولانا اقساق تيمور وخراب شهر بلغار Хисам ад-дина б. Шараф ад-дина Булгари, написанной в первой половине XVI века. Ч. Ч. Валиханов, занимаясь изучениен истории ислама, заимствовал из этой книги все, что относилось к этому вопросу, и прежде всего из четвертой главы, посвященной «Истории ислама в Булгаре и соседственных местах».

[1] *Зикр* (*араб.* «поминание [аллаха]») — основная часть суфийских литаний, целью которой является достижение мистического экстаза путем многократных повторений определенных молитвенных формул и телодвижений.

[ДОПОЛНЕНИЕ К ГЕОГРАФИЧЕСКОМУ ОБЗОРУ]

Печатается по тексту ССВ, т. 2, с. 421—442.

[1] *Риттер Карл* — См. наст. издание, т, 2, с. 362, комм. 59.

[2] *Гумбольдт Александр* — См. наст. издание, т. 3, с. 364, комм. 5.

[3] *Саркол-таг* (хребет Сарыкол) — не часть Алайского хребта, а обособленный хребет, имеющий общее направление с северо-запада на юго-восток; начинаясь на севере у восточной оконечности Заалайского хребта, на юге он примыкает к хребтам Гиндукуш и Каракорум. Хребет Сарыкол служит водоразделом между бассейнами Амударьи и Тарима. По гребню проходит пограничная линия между СССР и Китаем. Сарыкол имеет много высоких перевалов, ведущих в китайскую часть Памира. Во времепа Ч. Валиханова и позднее топоним Сарыкол был известен преимущественно как название округа или провинции, расположенной на восточной окраине Памира. Хребет же называли в разных частях по-разному. Название хребта Сарыкол на всем его протяжении закрепилось в русской географической литературе лишь с конца XIX в.

[4] *Саркол* (Сарикуль, Зоркуль, Виктория), название озера не связано с названием хребта или долины Сарыкол ни территориально, ни по смысловому значению и происхождению этих двух названий.

[5] *Вуд* (Wood) Джон — См. наст. изд., т. 2. с. 356, комм. 5.

[6] *Река Аксу* берет начало из озера Чакмактынкуль, расположенного в юго-восточной части Памира, на территории Афганистана. Ниже впадения реки Акбайтал до озера Сарез она называется Мургаб, затем Бартанг и, протекая между хребтами Рушанским и Язгулемским, впадает в Пяндж.

[7] *Дом Дураниев* — См. наст. изд., с. 406, комм. 9.

[8] *Гук и Габбе* (Huc et Gabet) — французские миссионеры ордена лазаристов. С 1839 г. жили в Китае. С 1844 по 1846 г. путешествовали со Мон-

голии, Китаю и Тибету и собрали этнографические сведения о народах этих стран, проповедуя христианство. В 1853 г. Гук издал в Париже книгу «Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine».

[9] *Паладий* (Палладий) — в миру Кафаров Петр Иванович (1817—1878) — русский ученый, китаевед; 30 лет жил в Пекине в составе русской духовной миссии. Автор большого русско-китайского словаря. Труды его, посвященные истории Китая, Монголии, Маньчжурии и др., а также переводные работы печатались в «Трудах» членов Российской духовной миссии в Пекине (1866, т. 4), в «Восточном сборнике» (СПб., 1887), в «Записках Сибирского отд. РГО» (1879, кн. 8) и др.

[ДОПОЛНЕНИЕ К ЗАПИСКЕ О СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ]

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с 234. Отдельный лист из бумаг Ч. Валиханова; представляет собой набросок к записке о судебной реформе.

[ЗАМЕТКИ ОБ «АЗИАТСКОМ ВЕСТНИКЕ» И ВЫДЕРЖКИ ИЗ НЕГО]

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 156—159. Автограф хранится в АВГО (разр. 65, д. 72, лл. 31—32). Представляет собой рецензию на статьи, помещенные в журнале «Азиатский вестник» (1825, № 1—5), в котором публиковались и материалы о Средней Азии.

[1] Журнал *«Сибирский вестник»* издавался в Петербурге с 1818 по 1824 г.

[2] *Озеро Кара-Куль* находится близ древней столицы Пайкенда, недалеко от Бухары.

[3] *Река Аму... принимает к себе шесть рек (дарай): Бадахшан, Дарваз, Гингеаб, Вавия, Каратегин и Гиссар.* — Большинство перечисленных здесь топонимов прежде всего — названия областей или горных хребтов. Под р. Бадахшан, вероятно, имеется в виду р. Пяндж; р. Дарваз — вероятно, Ванч; Каратегин — р. Сурхоб; р. Гингеаб — р. Хингоу; р. Гиссар — р. Сурхандарья. Название Вавия отождествлению не поддается, возможно, описка, вместо Вахш.

[4] *Кизил-Арслан* (Кызыл-Арслан 'Усман) — правитель Азербайджана (1187—1191) из династии атабеков Ильдегизидов.

[5] *Емлак* (амлак) — мн. ч. от *милк* (см. ниже, комм. 7); терминологически могло употребляться для обозначения государственных земель, находившихся в личном распоряжении хана.

[6] *Харадж* (собственно *милк-и харадж)* — частновладельческие земли, с которых взимался поземельный налог — харадж.

[7] *Мильк* (милк) — частновладельческие земли.

[8] *Джемшид* (из др.-иран. Yima xšaeta-) — в иранской мифологии царь «Золотого века».

[9] *Сакарпур* (Шикарпур) — город в провинции Синд в Пакистане.

[10] *Сейки* (сикхи) — последователи сикхизма, одной из индуистских сект, сформировавшейся к XVII в. в самостоятельное религиозное течение.

[11] *Мультан* (Мултан) — город в провинции Пенджаб в Пакистане.

[12] *Хосрев-хан* — здесь — легендарный родоначальник узбеков.

[13] *Баян-Кули-хан* (Буянкули) — правитель Мавераннахра (1348—1359) из династии Чагатаидов.

ЗИМНИЕ КОЧЕВКИ ВОЛОСТЕЙ КАРКАРАЛИНСКОГО ВНЕШНЕГО ОКРУГА

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 340—348. Архивный материал собран Ч. Валихановым, вероятно, для написания работы по истории Казахстана.

Рукопись хранится вместе с записками «О судебной реформе», «Мусульманство в степи» и другими, которые находятся в фонде В. В. Григорьева

ЦГАЛИ ф. 159). Записка представляет собой официальный статистический материал, собранный еще в 30-х гг. XIX в.

[1] *Надан-Тобуктинская* (Дадан-Тобыктинская) волость.— Название от имени казахского племени дадан-тобыкты. Зимовки: на северном берегу Балхаша, в устье р. Токрау до урочища Кандыкты. Летовки: на юге по р. Токрау.

[2] *Тюленгутовская* волость.— Основная группа каркаралинских тюленгутов кочевала в степи севернее низовьев р. Аягуз, в известных урочищах Чубар-Айгыр, Джаур, Саяк и Куусак; они были соседями кереев.

[3] *Киреевская* (Кереевская) волость.— Территория, на которой жило казахское племя керей, Зимовки располагались в горах Чубар-Айгыр, Джаур, Джоргабайтал, Чубартау и в долинах рек Даганды и Баканас. В летнее время часть кереев со своими кочевками доходила до гор Абралы и верховьев р. Куусак.

[4] *Таракtинская* волость.— Названа по имени казахского рода таракты. Основная их масса жила на юге Акмолинского уезда, своими летними кочевками они доходили до низовьев р. Чу.

[5] *Кучум-Байбуринская* волость.— По данным 1841 г. в Каркаралинском округе кочевали отдельно Кучумовская и Байбуринская волости (ЦГА КазССР, ф. 374, д. 911, лл. 36—45; *М. С. Муканов*. Этнический состав и расселение казахов младшего жуза. Алма-Ата, 1974, с. 104).

[6] *Джагалбайлы-Байбуринская* волость.— От названия двух казахских племен; джагалбайлы входили в Младший жуз, байборы — в Средний.

[7] *Ялыкпасовская волость*.— Территория, занятая казахами из рода каракесеков.

[8] *Нурбике-Чанчаровская* волость.— Территория, занятая казахами отделения чанчар из рода каракесеков.

[9] *Айбике-Чанчаровская* волость.— Название дано по роду того же отделения чанчар, но выделенному в особую волость.

[10] *Кара-Айтимбетевская (Айтымбетовская)* волость.— Территория, получившая свое название от имени казахского отделения кара из рода каракесек.

[11] *Альтеке-Сарымовская* волость.— Территория, занятая казахами отделения альтеке-сарым из рода каракесеков.

[12] *Карсен-Кернеевская* волость.— Территория названа по имени отделения карсен-керней из рода каракесеков.

[13] *Куянчтагаевская* (Кояншы-тогаевская) волость.— Территория названа по имени отделения кояншы-тогай из рода каракесеков.

[14] *Дюсенбай-Чекчековская* волость.— Территория названа по имени отделения чекчек из рода каракесеков.

[15] *Караул-Камбаровская волость*.— По имени отделения камбар из рода каракесеков.

[16] *Мамбетей* (Мамбетай)-*Тобуктинская* волость.— Территория, занятая казахами рода тобыкты.

[17] *Джузбенбет-Тобуктинская* (Жуз-Мамбет-Тобыктинская) волость. Выделилась и 1850 г. из Мамбет-Тобыктинской волости.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЗАПИСКИ МЕГДИ РАФАИЛОВА

Печатается по тексту ССВ, т. 2, с. 419—420. Дата написания неизвестна. Записка М. Рафаилова хранится в ГАОО. См.: *Н. Григорьев*. Записка о Тибете. «Омская правда», 1938, 5 августа.

[1] *Рафаилов Мегди* (Махди) — афганский купец, житель Кабула. В 1813 г. по поручению Западно-Сибирского генерал-губернатора Г. И. Глазенапа отправился с небольшим караваном из Семипалатинска в Кашгар для установления торговых связей с Тибетом. Успешно выполнив поручение, Рафаилов возвратился в Омск и составил записку о дороге в Тибет и о своем пребывании там.

[2] *Старков Е. И.* — полковник, офицер Сибирского казачьего войска, преподавал в Омском кадетском корпусе.

[3] *Агбар Махмуд-хан* (Махмуд-хан Акбар) — владетель Тибета.

[4] *Нессельроде Карл Васильевич* (1780—1862) — министр иностранных дел России (1816—1856), член Государственного Совета и государственный канцлер.

МОГИЛА ДЖУБАН-АНА

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 232—234. Автограф хранится в ААН (ф. 23, оп. 1, д. 13. л. 41). В основу заметки положена, видимо, выписка из более раннего рукописного источника. См.: Описание могил Джубан-Аны, Айтбулата (АВГО, разр. 75, оп. 1, д. 10).

[1] *Могила* (мавзолей) *Джубан-Ана* — известная гробница, построенная из жженого кирпича в XI—XII вв. Находится в 109 км южнее ст. Жана-Арка Джезказганской железной дороги. До 1946 г. находилась в хорошем состоянии, позже была разобрана жителями ближайших селений. Ч. Валиханов мог осмотреть и зарисовать ее, а также мавзолей Айтбулат в 1863 г., когда участвовал в экспедиции Яценко.

[2] *Караагач* — урочище в 60 км севернее районного центра Жана-Арка. Известно в науке благодаря найденному здесь в 1911 г. инженером-геологом А. А. Козыревым золотому кладу. В начале 70-х гг. XIX в. Караагач предполагали сделать центром Сары-Суйского уезда, но в связи с ликвидацией самого уезда этот проект не был осуществлен.

[3] *Актавское укрепление* — одно из самых мощных военных сооружений того времени в Акмолинской степи, построенное в связи с восстанием Кенесары Касымова. После подавления мятежа укрепление потеряло свое значение.

[4] *Айтбулат* — мавзолей, построен в XIII—XIV вв.

«НИЗАМ-УТ-ТАВАРИХ» — СОЧИНЕНИЕ КАЗИ БЕЙЗАВИ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 186. Небольшая рецензия, в которой передано содержание сочинения на персидском языке кази Бейзави «Низамат-таварих» (См.: Собрание восточных рукописей, т. 1, Ташкент, 1952, с. 21).

НУЖНО ОСМОТРЕТЬ

Публикуется по тексту ССВ, т. 3, 1964, с. 116. Памятная записка свидетельствует о большом интересе Ч. Валиханова к архитектурным и историко-археологическим памятникам Казахстана. В тексте оригинала некоторые фразы зачеркнуты другими чернилами: очевидно, это сделал сам автор после того, как побывал в описанных местах.

[О ТУРКМЕНАХ]

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 161—163. Автограф находится в ААН (ф. 23, оп. 1, л. 12—13 об). Черновой набросок, в основу которого положены материалы из статей К. Боде «О туркменских поколениях» (ЗРГО, кн. I и II, 1849, с. 267—292) и М. И. Иванина «Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 году» (ЗРГО, кн. II, 1849, с. 332—354). В связи с работами по истории религии («Следы шаманства у киргизов», «О мусульманстве в степи») Ч. Валиханов интересовался общественной и политической ролью ходжей, живших в Средней Азии. Об этом свидетельствует его пометка на полях

настоящей рукописи: «№8. Спросить у Алишера о ходжах в Коканде и о кочевых ходжах туркестанских».

Из отдельных замечаний Ч. Валиханова видно, что им был задуман труд о распространении ислама в Средней Азии (См.: «Биржевые ведомости», 1865, № 243 — «О среднеазиатском духовенстве и просвещении масс»).

[1] *Туркмен.*— Этническое название туркмен впервые появляется в мусульманской литературе во второй половине X в. н. э. Слово «туркмен», возможно, следует читать в одном из согдийских документов с горы Муг, относящихся к первой четверти VIII в. В X—XI вв. к туркменам относились преимущественно огузы, а также карлуки. С XI—XII вв. термин «туркмен» стал названием народности, сложившейся в западной части Средней Азии. (*В. В. Бартольд.* Очерк истории туркменского народа. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963; Народы Средней Азии и Казахстана, т. II, М., 1963).

[2] *Тюп-Караган* — северо-западная оконечность полуострова Мангышлак.

[3] *Александрбай* (англ. Alexanderbay — Бухта Александра) — залив на восточном берегу Каспийского моря. Название дано по имени князя Александра Бековича-Черкасского, первого исследователя восточного берега Каспийского моря.

[4] *Эрбело Бартелеми* (1625—1695) — французский востоковед, автор научного энциклопедического словаря «Восточная библиотека», изданного в Париже в 1697 г.

[5] *Гокланы* (гоклены) — одно из основных туркменских племен, населявших долину р. Атрек, среднее течение рек Сумбара и Чандыра, а также Астрабадскую область в Иране.

[6] *Ямуды* (иомуды) — туркменское племя, жившее на территории Южной Туркмении.

[7] *Теке* — самое большое по численности туркменское племя, населявшее предгорную полосу Копет-Дага и Мургабский оазис.

[8] *...почетным им*[енем] *ик* (иг).— По патриархальному обычаю туркмен ик — это полноправный член родовой общины.

ПОКАЗАНИЯ МУХАММЕД-ЯКУБА ДЖАНКУЛОВА

Печатается по тексту ССВ, т. 2, с. 415—416. Черновой набросок сохранился в виде разрозненных листов, не имеющих последовательной нумерации. Дата неизвестна.

[1] *Кона-Турпан* (Старый Турфан) — город, расположенный в северо-восточной части Синьцзян-Уйгурского автономного района.

[2] *Эргол* — одно из старых названий реки Тарим.

[3] *Маралбаши и Байчук* — уйгурские селения, входящие в Аксуйский округ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ, БЫВШИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА, И ИХ РЕЛЯЦИИ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 153—156. Автограф представляет собой черновой набросок к комментариям о путешествиях Плано Карпини, Асцелина, Рубрука и др. Материалы взяты из литературы, изданной на западно-европейских и восточных языках. Наряду с трудами Рашид ад-дина и Джувейни Ч. Валиханов считал записки европейских путешественников важными источниками для написания истории народов Средней Азии и Казахстана.

Дата написания неизвестна.

[1] *Иннокентий IV* — римский папа (1243—1254). Проводил политику верховенства папства в Европе. Активно поддерживал Тевтонский орден, стремившийся к захвату Восточной Европы. Используя тяжелое положение, сложившееся на Руси в результате татаро-монгольского нашествия. Иннокентий IV стремился подчинить русские княжества римской курии. Он провоцировал Александра Невского (1252 г.) на крестовый поход против татаро-монголов при неблагоприятной для Руси внешней и внутренней обстановке. Вероломная политика Иннокентия IV в отношении русских земель ярко проявлялась в посылке миссии во главе с Плано Карпини с целью добиться сотрудничества с татаро-монголами против Руси.

[2] *...до дня святого Иоанна* — т. е. до 24 июня 1246 г.

[3] *Canue* (Канев) — город на Днепре в 120 км от Киева.

[4] *Команская степь* — Западная кыпчакская степь (Дешт-и Кыпчак), населенная команами (европейские источники), половцами (русские источники), кыпчаками (восточные источники).

[5] *Куюк* (Гуюк, 1204—1248) — монгольский хан, внук Чингисхана, сын Угэдэя.

[6] *Кангитская степь* — земля к северу от Аральского моря.

[7] *Bisermins* — т. е. мусульмане, в данном случае имеются в виду оседлые кыпчаки, населявшие в то время район Каратау и низовья Сырдарьи.

[8] *Altisoldan* — имеется в виду хорезмшах Ала ад-дин Мухаммад (1200—1220), погибший в борьбе с монголами.

[9] *Buri et Cadan, дети Thiaday'a* — Бури и Кадан не дети Чагатая: Бури был внуком Чагатая, Кадан — сыном Угэдэя.

[10] *Siban* (Шейбан) — сын Джучи, получивший в удел Синюю орду (Хорезм, Мангышлак, район Эмбы).

[11] *...с Вознесения до Иванова дня* — т. е. с 17 мая по 24 июня.

[12] *Nigra Cathaya* или *Caracattay* (Карахытай) — страна карахытаев, завоевателей Центральной и Средней Азии, создавших здесь после 1141 г. раннефеодальное государство с центром в Баласагуне, в верховьях р. Чу.

[13] *...увидел маленькое море, или большое озеро.* — Имеется в виду оз. Алакуль с характерными для него ураганными ветрами, дующими обычно осенью, зимой и летом. Они описаны Плано Карпини и Рубруком, а у казахов известны под названием эби (осенние) и сайкан (зимние и летние).

[14] *Орду* (Орда, Орда-Эджен) — старший сын Джучи, основатель Белой орды.

[15] *В день Петра и Павла...* — То есть 29 июня.

[16] *Vincent de Beauvais* (Винцент де Бове) — ученый-монах XIII в., доминиканец. «Speculum historialen» является частью его 80-томной энциклопедии: «Speculum majus», написанной по-латыни. Труд получил большое распространение в переводах на другие языки.

[17] *Языков* Д[митрий Иванович] — см. наст. изд., т. 2. с. 367, комм. 89.

[18] *Сартак* (Сартах) — сын Батыя, владел землями, расположенными в низовьях Дона и Волги. В Европе ходили слухи, что он принял христианство, это побудило Людовика IX направить к нему неофициального посла-миссионера.

[19] *Kenkat* — вероятно, искаженное название города Кумкента, развалины которого находятся в Северном Каратау. (См.: «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», 1958, т. 5, с. 209).

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Публикуется по тексту ССВ, т. 2, с. 453. Черновой набросок сохранился в виде разрозненных листов без начала и конца. Дата написания неизвестна.

[РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО КАЗАХСКИХ ХАНОВ И СУЛТАНОВ]

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 484—488. Автографы хранятся в ЦГАЛИ (ф. 118, оп. 1, д. 339, л. 3) и ААН (ф. 23, оп. 1, д. 7, лл. 1—5). Несколько генеалогических таблиц и краткие пояснения к ним, включающие сведения о родословии казахских ханов и султанов, начиная от Барака, потомки которого были родоначальниками трех казахских жузов; потомков хана Аблая от шести жен и потомков Вали-хана, деда Чокана. Эти таблицы записаны Ч. Ч. Валихановым в разное время и обработаны им на основе устной информации самих султанов, живших в его время, и литературных источников.

[ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫПИСКИ]

Печатается по тексту ССВ, т. 3, 489—491. [Хронологические даты царствования восточных правителей]. Автограф на отдельном листе содержит выписки из сочинения Султан-Мухаммада ал-Балхи «Маджма‘ ал-гараиб» (см. ниже комм. 19) с датами завоевания различных областей, царствования отдельных династий в странах Азии и Северной Африки и некоторыми другими датами. Как видно из текста, источник этих данных изобилует ошибками и неточностями. Даты в выписках даны по хиджре — мусульманскому летосчислению; перевод их на европейский календарь здесь не приводится в виду очевидной научной несостоятельности источника в целом.

[1] *Омар* (‘Умар) ибн ал-Хаттаб — второй из четырех выборных («праведных») халифов (634—644). При нем началась широкая арабо-мусульманская экспансия в Азии и Северной Африке.

[2] *Яздижерд* (Йездигерд III, 632—651) — последний правитель Ирана из династии Сасанидов.

[3] *27 зу-л-хиджжа 23 г. х.* приходится не на среду, а на четверг 4 ноября 644 г.

[4] *Асаф ибн Кияс* (неверное чтение, правильно: ал-Ахнаф ибн Кайс; настоящее имя — Шахр) — арабский полководец, в 651 г. возглавил совместные военные действия арабов и балхских ополченцев против Йездигерда III.

[5] *Абу Муслим ал-Марвази* (ал-Хурасани) — шиитский религиозный деятель, руководитель антиомейядского восстания (747—750), в результате которого к власти в халифате пришли Аббасиды. Дата его смерти указана неверно: он убит в Ираке в 133/750 г.

[6] *Имам Ханафи ал-Куфи* — под этим искаженным именем имеется в виду Абу Ханифа, основатель одного из 4-х основных толков в исламском богословии (ханифитского), живший в Куфе. Дата его смерти также указана неверно: он умер в 150/767 г.

[7] *Буиды, называемые себуктегин* — ошибка: потомками Себуктегина были Газневиды, упомянутые в предыдущей строке. Буиды (иначе Бувейхиды) — династия персидских правителей Ирана и Ирака (932—1055), насчитывающая не 14, а более 20 человек.

[8] *Потомки Бахрам-Гура* — династия Гуридов в Хорасане, Афганистане и Северной Индии (ок. 1000—1215 гг.).

[9] *Исмаилиты египетские* — имеется в виду династия Фатимидов в Египте (позднее и в Сирии), правившая в 909—1711 гг. Легендарная генеалогия Фатимидов, восходящая якобы к седьмому шиитскому имаму Исмаилу, пока достоверно не подтверждается.

[10] *Исмаилиты Ирана* (иначе Ассасины) — шиитские правители Северного Ирана и Сирии (1090—1273).

[11] Ошибка: Чингисхан умер не в 574 г. х., а в 624/1227 г.

[12] *Хулагу-каан* умер в 663/1265 г.

[13] *Шейх Наджм ад-дин Кубра* — известный религиозный деятель из

Ургенча, возглавивший сопротивление хорезмийцев во время монгольского нашествия и погибший при осаде города войсками Чингис-хана в 1221 г.; по другим данным, умер в 1226 г.

[14] *Бахаад-Дин* — имеется в виду ходжа Баха ад-дин Мухаммад ибн Мухаммад Накшбанд ал-Бухари, суфийский деятель, основатель дервишеского ордена накшбандийа; умер в 791/1389 г.

[15] *Мирза Ахмад Джами* (Абд ар-Рахман ибн Ахмад) — известный таджикский ученый и поэт XV в. Дата его смерти указана с ошибкой более чем на три века: он умер в 898/1492 г.

[16] *Ал-Газали Абу Хамид Мухаммад* — философ, правовед и теоретик суфизма, умер в 505/1111 г.

[17] *Фахр-ад-дин ар-Рази* — гератский богослов и полигистор, умер в 606/1209 г.

[18] *Мухаммед Салих Загрияд-Яб*[*а*] — имя явно искажено и не идентифицируется.

[19] Точнее: *Султан-Мухаммад ибн Дарвиш-Мухаммад ал-муфти ал-Балхи*. Упомянутое его сочинение написано в 983/1575 г. (См.: Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. 1. Ташкент, 1952, с. 297.)

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ХАНСТВА: ХИВА, БУХАРА И КОКАНД И ОТНОШЕНИЕ ИХ К РОССИИ

Опубликовано без подписи в газете «Северная пчела» № 160 от 19 июля 1861 г., с. 649. Заглавие указано в «Содержании» в начале первой колонки

[1] В XIX в. термин *Средняя Азия* толковался значительно шире, чем теперь, и включал в себя территорию от Восточного Туркестана до Хорасана и от центрально-казахстанских степей до Гиндукуша.

[2] Т. е. ‘безраздельный’, ‘монопольный’.

СНОШЕНИЯ РОССИИ С ХИВОЮ

Опубликовано без подписи в газете «Северная пчела» № 174 от 7 августа 1861 г., с. 705—706. Заглавие указано в «Содержании» в начале первой колонки. Все подстрочные примечания принадлежат тексту оригинала.

[1] *...хивинский хан Авган, изгнанный своими родственниками...* — В известной нам литературе хан с именем Авган или близким к нему не упоминается. Очевидно, здесь имеется в виду один из «мятежных» сыновей хана Араб-Мухаммада I (1502—1621), претендовавших на хивинский престол,— в частности, это мог быть Исфандийар, одержавший победу над своими братьями после похода на Афганистан в 1622 г.; правил с 1623 по 1942 г. См.: *В. В. Бартольд*. Очерк истории туркменского народа. Сочинения, т. II, ч. I. М., 1963, с. 605—606.

[2] *Шанияз* (Исхак-ага Шах Нийаз) — хивинский хан (1688—1702).

[3] *Арак-Ахмет* — хивинский хан Араб-Мухаммад II (1702— ок. 1714).

[4] *Бекович-Черкасский Александр* (Девлет Кизден-Мурза) — кабардинский князь, приближенный Петра I. Руководил русской экспедицией в Хиву, во время которой был убит в 1717 г.

[5] *Ядигер* (Йадгар, 1714), *Аранг* (Эрэнк, 1714—1715), *Ширгази* (1715—1727) — хивинские ханы.

[6] *Порсу* — ныне поселок городского типа Калинин (между Ташаузом и Ходжейли).

[7] *...полковник Эрдберг* — фамилия искажена; правильно *Гарбер*.

[8] *Гладышев Д. В.* — русский офицер, с 1734 г. служил в Оренбурге, часто выезжал в казахские аулы с дипломатическими поручениями. *Муравин И.* — геодезист, также служил в Оренбурге; в 1742—1743 гг. находился в казахских аулах при хане Абулхаире. Важные историко-этнографические и географические материалы о Хиве и Казахской степи, собранные Глады-

шевым и Муравиным во время экспедиции 1740—1741 гг., сохранились в ряде архивных документов и публикаций. См.: Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. С предисловием Я. В. Ханыкова. Географические известия, 1850, с. 519—599; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1961, док. № 76, 83.

[9] *Бланкеннагель* (инициалы неизвестны; ум. в 1813 г.) — военный врач, в 1793—1794 гг. в сопровождении переводчика Холмогорова совершил путешествие из Оренбурга через Восточное Приаралье в Хиву. См.: Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—94 гг. С примечаниями действительного члена В. В. Григорьева. Вестник РГО, ч. XXII, 1858, с. 87—116.

[10] *Нурали* (Нур-Али, Нуралы) — казахский хан, правил в Хиве около полугода в 1741 г. после изгнания Тахира, наместника Надиршаха. *Каип* (Гаиб-султан) — казах, правитель Хивы (1745— ок. 1770). После него до начала XIX в. на хивинском престоле известен только Абульгази III (ок. 1770—1804).

[11] *Илтезер* (Ильтезер, Ильтузар) — хивинский хан, основатель кунгратской династии (1804—1806).

[12] *Мохаммед-Рахим* (Мухаммад Рахим) — брат Ильтезера, правил в Хиве в 1806—1825 гг.

[13] *Ханыков Яков Владимирович* (1818—1862) — географ и картограф, около 15 лет посвятил изучению географии Казахской степи и отдельных районов Средней Азии. В упомянутой статье Ханыкова дана обстоятельная характеристика научных итогов русских посольств в Казахстан и Среднюю Азию в XVIII — начале XIX в. (См.: Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, с их окрестностями, составленная д. ч. Я. В. Ханыковым. Записки РГО, кн. V, 1851, с. 279—299).

[14] *Муравьев* [-Карский] *Николай Николаевич* — известный государственный и военный деятель, ученый и путешественник. Возглавлял дипломатические миссии в Хиву (1819—1820 и 1821 гг.). Итоги его первой поездки изложены в книге: «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева». М., 1822.

[15] *Аллах-Кул* (Аллах-Кули-хан) — хивинский хан, правил в 1825—1842 гг.

[16] *Ново-Александровское укрепление* (иначе Ново-Петровское, форт Александровск) — ныне г. Форт-Шевченко.

[17] *Перовский Василий Алексеевич* (1795—1857) государственный и военный деятель, военный губернатор Оренбургского края (1833—1842 гг.). После неудачного похода в Хиву в 1839 г. возглавил новую экспедицию в Среднюю Азию и в 1854 г. овладел кокандской крепостью Ак-Мечеть на Сырдарье (ныне г. Кзыл-Орда). Организатор цепи укреплений на хивинских границах и Аральской флотилии, сыгравших важную роль в присоединении Средней Азии к России.

[18] *Никифоров П.* — капитан генерального штаба, в 1841 г. возглавил русскую миссию в Хиву, целью которой было добиться признания хивинским ханом всей территории к северу от Сырдарьи и части побережья Каспийского моря владениями России, а также возвращения всех русских пленных. Однако переговоры Никифорова с Аллах-Кули-ханом закончились безрезультатно.

[19] *Данилевский Г. И.* — подполковник, глава русской миссии в Хиву 1842 г., по свидетельству современников, также не имевшей практических результатов. Автор нескольких трудов по истории Средней Азии, важнейший из которых — «Описание Хивинского ханства» (Записки РГО, кн. V, 1851, с. 62—139).

[20] *Базинер Теодор Фридрих Юлиус* — натуралист, член экспедиции Г. И. Данилевского. Ценные историко-этнографические материалы о казахах, собранные им во время поездки в Хиву, опубликованы в Петербурге на немецком языке: Naturwissenschaftliche Reise durch Kirgisensteppe nach Chiwa, von Theodor Friedrich Jul. Basiner. (Beiträge zur Kenntniss des Rus-

sischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens, hrsg. von K. E. v. Baer und G. v. Helmersen. Folge I, Bändchen XV). St.-Pbg., 1848.

[21] *Акмечеть, форт Перовский* — ныне г. Кзыл-Орда.

[22] *Сеид-Мохаммед хан* (Сейид Мухаммад) — хивинский хан (1856—1865).

[23] *Игнатьев Николай Павлович* (1832—1908) — известный дипломат, официальный военный агент России в Англии, глава русской миссии в Хиву и Бухару 1858 г. Авторские мемуары об этой поездке см.: Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб., 1897.

[24] *Килевейн Е. Я.* — секретарь посольства Н. П. Игнатьева. Кроме указанного в тексте издания, заметки об этой поездке опубликованы им в 1862 г. (См.: *Е. Килевейн.* Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мухаммед хана. 1856—1860. Этнографический сборник, вып. V. СПб. (1862).

ПРАВЛЕНИЕ НЫНЕШНЕГО ВЛАДЕТЕЛЯ ХИВИНСКОГО СЕИД-МУХАММЕДА И НОВЕЙШИЕ ИЗВЕСТИЯ ИЗ ХИВЫ

Опубликовано без подписи в газете «Северная пчела» № 211 от 25 сентября 1861 г., с. 865. Заглавие указано в «Содержании» в начале первой колонки. Все подстрочные примечания принадлежат тексту оригинала.

[1] *Мухаммед-Эмин* (Мухаммад Амин) — хивинский хан (1845—1855).

[2] *Ташхаус* — в современном чтении *Ташауз.*

[3] *Питняк* — соответствует нынешнему пос. Кичиканглы на левом берегу Амударьи, в 23 км юго-восточнее г. Хазараспа.

[4] *Абдулла-хан (Абдаллах)* — хивинский хан (1855). *Кутлу-Мурад* — преемник Абдаллаха (1855—1856), убит в 1858 г.

[5] *Яумуды* (иомуды) — см. наст. изд. с. 411, комм. 6.

[6] *«Насер! Насер! (измена! измена!)»* — Перевод неверен: этот возглас (от араб. *наср* 'помощь') соответствует русскому «На помощь!».

[7] *Наср-Улла-Бегадур-хан* (Насруллах, Насраллах) — бухарский эмир из династии Мангытов (1827—1860).

[8] *Форт № 1 на Сыр-Дарье* — ныне г. Казалинск.

[9] *Григорьев В. В.* Неизданные бухарские и хивинские монеты. Известия РАО, т. II, 1860, с. 160—164.

[10] *Бутаков Алексей Иванович* (1812—1869) — русский морской офицер, руководитель научной экспедиции 1848—1849 гг. по изучению Аральского моря и его берегов, начальник Аральской (Амударьинской) флотилии. Летом 1859 г. предпринял военный рейд от Казалинска до Кунграда с заданием «исследовать Аму и определить пункт, удобный для будущих наших торговых сношений в пределах Бухарии» (цит. по: *Н. А. Халфин.* Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960, с. 126).

[11] *Музаффер-хан* (Музаффар ад-дин) — бухарский эмир (1860—1885), с 1868 г. — вассал России.

[12] То есть 'предшественника'.

[13] *Чаудуры* (чавулдур, чаудор; другое название — эссен-эли) — туркменское племя, жившее на территории Хорезмского оазиса.

ВОЛОСТИ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ АЯГУЗСКИЙ, КОКБЕКТИНСКИЙ И ВНУТРЕННИЙ ОКРУГА СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ВОЛОСТИ.

Печатается по тексту ССВ т. 3, с. 349. Записка хранится в фонде Н. И. Веселовского и представляет собой статистический материал.

[СТАТЬИ ИЗ «ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ»]

Публикуются по изданию: Географическо-статистический словарь Российской империи. Составил... П. Семенов. Том II, СПб, 1865, с. 589—596.

[АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РУССКО-ДЖУНГАРСКИХ И КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ]

(Рукописные документы)

Печатается по тексту ССВ, т. 3, 1964, с. 237—266. Рукописные документы XVIII века, собранные Ч. Валихановым, вероятно, для создания работ по истории Сибири, Казахстана и Средней Азии. Материалы хранятся в архиве Ч. Валиханова (ААН, ф. 23, оп. I, д. 15 а, лл. 8—49 об.), содержат интересные сведения о взаимоотношениях России с джунгарскими калмыками, о торговых сношениях России с Китаем, о торгоутском хане Убаши, принявшем китайское подданство. В основном это копии, переписанные с оригинала писарями.

Возможно, эти документы были извлечены из Омского областного архива, в котором хранятся акты, начиная с середины XVII века, и содержат интересные факты о сношениях России с владетелями казахских жузов и князьями соседнего Джунгарского ханства. Из Омского архива Г. Н. Потанин делал выписки по просьбе Ч. Валиханова (См.: *В. А. Обручев.* Григорий Николаевич Потанин. М.— Л., 1947, с. 37).

УКАЗЫ СИБИРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 267—270. Архивные документы XVIII в., собранные Ч. Валихановым, содержат сведения по истории народов Сибири, Казахстана и Средней Азии.

ПИСЬМО ПОЛКОВНИКА ПАВЛУЦКОГО АБЛАЮ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 271—272. Относится к редким архивным документам, помогающим выяснить вопросы культурной связи России с Казахстаном в середине XVIII века.

ЖУРНАЛ ПОХОДА ПОДПОРУЧИКА И АТАМАНА ТЕЛЯТНИКОВА В ТАШКЕНИЮ С ОПИСАНИЕМ ПУТИ, МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ И ПРОЧЕГО, ОПИСАННОГО СЕРЖАНТОМ БЕЗНОСИКОВЫМ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 273—293. Рукопись представляет собой маршрутные записи (дневник) Телятникова, посланного с Иртышской линии в Ташкению в 1796 году. Его путь лежал от Семиярска к низовьям р. Чу через каркаралинские и акмолинские степи, пустыню Бетпак-Далу и пески Джеты-Конур. После путешествия в Среднюю Азию поручика и геодезиста Миллера в 1738 г., записи которого не сохранились, поездка Телятникова в Ташкению была одной из первых, поэтому «Журнал», составленный во время этой поездки, представляет известный научный интерес. Публикуется с точным воспроизведением условных обозначений направления движения посольства Телятникова, которые были приняты в XVIII в.

РАПОРТ БУХТАРМИНСКОГО КОМЕНДАНТА О СОСТОЯНИИ МЕСТНОЙ ТОРГОВЛИ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 294—298. Архивный материал, который собрал Ч. Валиханов, вероятно, для написания работы о торговой связи России с Китаем. На полях и в тексте автографа имеется ряд помет и исправлений, внесенных рукой Ч. Валиханова. Некоторые данные этих документов Ч. Валиханов использовал в работе «О торговле в Кульдже и Чугучаке». (См. наст. изд. т. 2, с. 256—271).

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ МАМЕДИЯРОВА

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 299—302. Архивные материалы, собранные Ч. Валихановым для изучения истории торговых и дипломатических связей России со среднеазиатскими ханствами.

По всей вероятности, «Записки» взяты Ч. Валихановым до поездки его в Кашгар, когда он, готовясь к экспедиции, с большим вниманием изучал записки и маршруты всех путешественников, побывавших в Кашгаре и среднеазиатских ханствах.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ И ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ХАНСТВАМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 319—332. Архивный материал, собранный Ч. Валихановым, вероятно, для написания работы по истории Казахстана и среднеазиатских ханств, хранится в ААН (ф. 23, оп. 1, д. 15, лл. 1—10 и д. 17, лл. 79—87).

[ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛ ПОЕЗДКИ НА ВОСТОК Н. И. ЛЮБИМОВА. 1845 ГОДА]

Публикуется по автографу, хранящемуся в рукописном архиве ЛО ИА АН СССР, ф. 18, оп. 1, д. 501 и 502 под названием «Путевой журнал поездки на Восток неизвестного лица. 1845 года». Рукопись представляет собой две тетради карманного формата, помеченные как 2-я и 6-я части дневника, принадлежавшего вице-директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел, бывшему приставу Российской духовной миссии в Пекине Н. И. Любимову, который под именем купца Хорошева с торговым караваном летом 1845 г. побывал в Чугучаке и Кульдже и оставил подробные отчеты о характере и структуре торговли в этих городах. Часть отчетов Н. И. Любимова опубликована академиком Н. И. Веселовским во 2—4 выпусках журнала «Живая старина» за 1908 г. (отдельное издание: *Н. Веселовский.* Поездка Н. И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 году под видом купца Хорошева. СПб., 1909). Сведения и факты, собранные Н. И. Любимовым, широко использовались советскими исследователями истории русско-китайских отношений в Центральной Азии; см., например: *М. И. Сладковский.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1975; *Б. П. Гуревич.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX вв. М., 1979; 2-е изд., М., 1983.

Настоящий текст, оригинал которого выявлен среди бумаг и документов из наследия Ч. Ч. Валиханова, публикуется впервые. Текстологическая обработка оригинала осуществлена М. С. Турсуновой. Все сноски в тексте — авторские. Раскрытые сокращения отдельных слов (в квадратных скобках) принадлежат редакции.

ДНЕВНОЙ ЖУРНАЛ 1855 ГОДА

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 350—413. Авторство Ч. Валиханова не установлено. Научные работники архива Академии наук СССР высказали ошибочное мнение, что «Дневной журнал» Ч. Валиханов вел во время путешествия в Кашгар в 1855 г. («Труды архива АН СССР», 1933, вып. 1, с. 157). По всей вероятности, дневник принадлежит секретарю или драгоману русского консула в Кульдже, который записывал все, что видел и слышал во время отсутствия консула, т. е. с февраля по декабрь 1855 г.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА К ИЗДАТЕЛЮ

Печатается по тексту ССВ, т. 4, с. 30—32. О связях демократической интеллигенции России с «Колоколом» А. И. Герцена см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1303, л. 500.

Несмотря на запрет и жестокое преследование со стороны царского правительства, революционные демократы и прогрессивные деятели России того времени тайком посылали в редакцию «Колокола» политические статьи, разоблачающие жестокость и произвол чиновников и всю эксплуататорскую сущность царизма. «Отрывки из писем к издателю» написаны, очевидно, по материалам Чокана. Об этом можно найти указание в поздних воспоминаниях Г. Н. Потанина, в которых ясно прослеживается связь Чокана и Потанина с «Колоколом» А. И. Герцена (*Г. Н. Потанин.* Воспоминания. Сибирский кружок в Петербурге. «Сибирская жизнь», 1913, № 93).

СЛОВЕСНОСТЬ

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 414—423. Рукопись, видимо, принадлежала Е. И. Шебалину, офицеру Сибирского линейного казачьего войска, долго жившему среди казахов Большого жуза.

Раздел «Поэзия» является копией, переписанной рукой Г. Н. Потанина, сохранившейся в виде отдельной тетрадки школьного формата и не имеющей внешнего сходства с очерком «Словесность». Между тем, судя по стилю заметки и по замечаниям Ч. Валиханова, обе написаны одним и тем же лицом — Е. И. Шебалиным, но, возможно, в разное время, хотя попали к Ч. Валиханову одновременно. В конце тетрадки (л. 4 об.) имеется его замечание о достоинствах и недостатках этих очерков.

УКАЗАТЕЛИ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЭТНИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив Академии наук СССР
АВГО	— Архив Всесоюзного географического общества
ГАОО	— Государственный архив Омской области
ГПБ	— Государственная публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ЗРГО	— Записки Русского географического общества
ЗРГООЭ	— Записки Русского географического общества по отделению этнографии
ИОРЯС	— Известия общества русского языка и словесности
ЛОИВ АН СССР	— Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
НБТГУ	— Научная библиотека Томского государственного университета
РОБАН КазССР	— Рукописный отдел библиотеки Академии наук Казахской ССР
ССВ	— Собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова в пяти томах. Алма-Ата, 1961—1978.
ТВОРАО	— Труды Восточного отделения Русского археологического общества
ЦГА КазССР	— Центральный Государственный архив Казахской ССР
ЦГАЛИ	— Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и заметки, предположительно написанные Ч. Ч. Валихановым

Архивные материалы из наследия Ч. Ч. Валиханова

Комментарии

Указатели

Ответственный за выпуск *Е. И. Токайская*
Редактор *С. У. Лилизо*
Художественный редактор *М. М. Кисамединов*
Художественное оформление *Л. И. Тетенко*
Технический редактор *Г. Ж. Жаманбаева*
Корректор *А. Х. Есенжанов*

ИБ 16

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА В ПЯТИ ТОМАХ, ТОМ 4.
(На русском языке)

Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985.
480009, г. Алма-Ата, ул. Советская, 50.

Сдано в набор 22.02.85. Подписано к печати 17.06.85. Высокая печать. Гарнитура обыкновенная новая. Формат 60×90$^1/_{16}$. Усл. печ. л. 29+1 вклейка. Уч.-изд. л. 31,535. Тираж 15 000 экз. Цена 1 р. 80 к. (в суперобложке). Заказ 2125.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.